Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2019 – № 3 (18)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2019

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. – № 3 (18) – 267 с. – ISSN 2499-9679.
2019, № 3 (18). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. Й. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.
Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019
© Авторы статей, 2019

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2019. – № 3 (18). – 267 pages. – ISSN 2499-9679.

2019, № 3 (18). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU (Deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. I. Boichuk**, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, YSPU; **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chóngqìng, PRC; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **E. V. Bykova**, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations in Business of the St. Petersburg State University; **Jef Verschueren**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU: **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the General and Russian Linguistics Department of the State University of the Russian Language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee**; G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivonosov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **A. V. Ledenev**, Doctor of Philology, Professor of Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; **Li Xiaotao**, Doctor of Russian Language and Russian Literature, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chóngqìng, PRC; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **A. D. Petrenko**, Doctor of Philology, Professor, Director of Institute of Foreign Philology, Head of Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **Ivo Pospishyl**, Doctor of Philology, Professor, Head of Institute of Slavic Philology of Philosophy Faculty of Masayk University, Brno (the Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **I. B. Rubert**, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and Theory of Translation of Humanitarian Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance; **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of Center of Communicative Researches, Professor of Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University; **L. A. Trubina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Vice-Rector for Education of Moscow Pedagogical State University; **N. A. Fateeva**, Doctor of Philology, Professor, a chief research worker, Head of Scientific Center of Interdisciplinary Researches of Literary Text of Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences; **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **G. T. Khukhuni**, Doctor of Philology Professor, Head of Department of Language Theory and Anglistics of Moscow State Regional University; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of Doctor and Candidate of Sciences on the following scientific specialities: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Certificate of mass media registration:

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the Publishing Article in the Scientific Journal «Verhnevolzhski Philological Bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© FSBEE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky», 2019

© Authors of the articles, 2019

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 3 (18) – 2019

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Богданова О. В. *Смыслоформирующая роль детали в повести Н. В. Гоголя «Нос»* ____ **8**

Ильинская Т. Б. *Ирония как вид комментария у Н. С. Лескова* ____ **16**

Федотова А. А. *Между пародией и проповедью: Н. С. Лесков и Л. Стерн* ____ **22**

Андреева В. Г. *«Азбука» и «Новая азбука» Л. Н. Толстого* ____ **28**

Акимова А. С. *«Созерцательно-мечтательная жизнь»: усадьбы самарской губернии в раннем творчестве А. Н. Толстого* ____ **37**

Дмитриенко О. А. *«Письма к Вере» 1920-х гг. В. Набокова как лирический дневник и источник к роману «Дар» (1937)* ____ **42**

Егоров М. Ю. *Тюремная лирика А. И. Солженицына: стихотворение «Воспоминания о Бутырской тюрьме»* ____ **48**

Журналистика

Николаева А. В. *Языковые особенности фейковых публикаций* ____ **55**

Куранова Т. П. *Фразеология спортивных репортажей: семантические и прагматические особенности* ____ **60**

Карпий С. В. *Отождествление и противопоставление понятий «трансляция» и «репортаж» в тележурналистике* ____ **69**

Баташева А. А. *Роль цитации в интерпретации медиасобытий в медиадискурсе России и Германии* ____ **75**

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

Белов В. А. *Семантический и прагматический факторы лексической изменчивости* ____ **83**

Герасименко Н. А., Степанчиков М. А. *Оценка в газетном тексте: об одной форме выражения оценочных значений* ____ **91**

Костючук Л. Я. *Значимость традиций и достижений региональной лексикографии для современной лингвогеографии* ____ **96**

Романские языки

Бурак М. С. *Аналитические конструкции с глаголом dar ‘давать‘ в современном испанском языке* ____ **102**

Бутько Ю. В. *Трансформированные исторические аллюзии во французском языке как отражение демократизации языковых процессов* **109**

Васильева Н. М. *Способы выражения пассивного значения в научном стиле речи (соотношение местоименной формы глагола и конструкции être+причастие)* **120**

Соловьева С. И. *Разговорная сниженная лексика и ее функции во французском языке (на материале произведений Д. Пеннака)* **125**

Германские языки

Петрова Е. И. *Тенденции феминизации современного немецкого языка* **134**

Григорьева Е. М. *Особенности топонимической системы новозеландского варианта английского языка (на материале словарей различных типов)* **140**

Цепкова А. В. *Особенности ономастикона художественного текста в цикле романов С. Таунсенд об Адриане Моуле* **147**

Теория языка

Лоза А. В. *Истоки формирования аналитической философии языка в Германии XIX века: О. Группе, К. Германн и М. Мюллер* **157**

Сумарокова П. А. *Значение лингвистической концепции происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара в романской филологии* **165**

Реброва Н. Е., Бабаян В. Н. *Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков)* **171**

Зурабова Л. Р. *Проявление социального и индивидуального двуязычия в речевых практиках* **178**

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. *Первоначальная форма духовной культуры человечества: точка зрения Ф. И. Буслаева* **187**

Розина О. В. *Ордена и обители суфиев в Турции: историко-культурологическое исследование* **196**

Трофимова В. С. *Образы выдающихся женщин XVII века в современной английской драматургии* **207**

Хренов Н. А. *Вторая мировая война в контексте отечественной ментальности* **217**

Осьмачко С. Г. *Советский коллаборационизм (1941-1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс* **230**

Баранова Е. Г. *Рецепция романа М. М. де Лафайет «Принцесса Клевская» во французской культуре XXI века* **242**

Ерохина Т. И., Семенова М. А. *Трансформация образа странника в отечественном кинематографе рубежа XX–XXI вв.* **251**

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Хроника международного научного симпозиума «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи» (Ярославль, 17-19 мая 2019 года) **260**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ **264**

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 3 (18) – 2019

"The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…"

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Bogdanova O. V. *A sense-making role of a detail in N. V. Gogol's story «The Nose»* ____ ***8***

Iliinskaya T. B. *Irony as a comment in N. S. Leskov's works* ____ ***16***

Fedotova A. A. *Between parody and sermon: N. S. Leskov and L. Stern* ____ ***22***

Andreeva V. G. *«Alphabet» and «New alphabet» of L. N. Tolstoy* ____ ***28***

Akimova A. S. *«Contemplative-dream life»: estates of the Samara province in A. N. Tolstoy's early works* ____ ***37***

Dmitrienko O. A. *«Letters to Vera» in 1920-s by V. Nabokov as a lyric diary and material source of the novel «The Gift» (1937)* ____ ***42***

Egorov M. Yu. *A. I. Solzhenitsyn's prison lyrics: Poem «Memories of Butyrskaya Prison»* ____ ***48***

Journalism

Nikolaeva A. V. *Language features of fake publications* ____ ***55***

Kuranova T. P. *Phraseology of sports reports: semantic and pragmatic features* ____ ***60***

Karpiy S. V. *Identification and consolidation of the concepts «broadcasting» and «reporting» in TV journalism* ____ ***69***

Batasheva A. A. *The role of citation in the interpretation of media events in the media discourse of Russia and Germany* ____ ***75***

LINGUISTICS

Russian language

Belov V. A. *Semantic and pragmatic factors of lexical variability* ____ ***83***

Gerasimenko N. A., Stepanchikov M. A. *Assessment in a newspaper text: on one form of expressing evaluation meanings* ____ ***91***

Kostyuchuk L. Y. *Significance of traditions and achievements of regional lexicography for modern linguogeography* ____ ***96***

Romance languages

Burak M. S. *Analytical constructions with the verb dar «give» in modern Spanish* ____ ***102***

Butko Yu. V. *Transformed historical allusions in French as reflection in democratization of linguistic processes* ____ ***109***

Vasilieva N. M. *Means to express the passive in the scientific language (correlation of the pronominal verbal form and the construction être+participle)* ____ ***120***

Solovieva S. I. *Spoken reduced vocabulary and its functions in French (on the material of D. Pennac's works)* **125**

Germanic languages

Petrova E. I. *Trends of feminization in modern German* **134**

Grigorieva E. M. *Features of the toponymic system of the New Zealand version of the English language (on the material of dictionaries of various types)* **140**

Tsepkova A. V. *Peculiarities of artistic text onomasticon in the cycle of novels by S. Townsend about Adrian Mole* **147**

Language theory

Loza A. V. *Origins in formation of analytical philosophy of language in XIX century Germany: O. Gruppe, C. Hermann and M. Müller* **157**

Sumarokova P. A. *The significance of the linguistic conception of the origin of the Romance languages of F. J. M. Raynouard in the Romance studies* **165**

Rebrova N. E., Babayan V. N. *Euphemisms as a means of representation of linguoculturological information (based on English and German languages)* **171**

Zurabova L. R. *The effects of societal and individual bilingualism in speech* **178**

CULTURAL SCIENCE

Novikov M. V., Perfilova T. B. *Original form of mankind's spiritual culture: F. I. Buslaev's point of view* **187**

Rozina O. V. *The Sufi orders and monasteries in Turkey: the historical and cultural study* **196**

Trofimova V. S. *Images of outstanding women of the seventeenth century in modern English drama* **207**

Khrenov N. A. *World War II in the context of domestic mentality* **217**

Osmachko S. G. *Soviet collaboration (1941-1945): urgency of the definition and sociocultural discourse* **230**

Baranova E. G. *The reception of the novel «The Princess of Clèves» by M. M. de La Fayette in the French culture of the XXI century* **242**

Erokhina T. I., Semenova M. A. *Transformation of the wanderer's image in the domestic cinema of the XX-XXI century* **251**

REVIEWS, REPORTS

Review of the International scientific symposium «Russian grammar: active processes in language and speech» (Yaroslav, May 17-19, 2019) **260**

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS **266**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10475
УДК 82-32

О. В. Богданова https://orcid.org/0000-0001-6007-7657

Смыслоформирующая роль детали в повести Н. В. Гоголя «Нос»

В статье анализируется повесть Н. В. Гоголя «Нос» и формируется новый взгляд на ее идейные составляющие. Если традиция советского литературоведения предлагала (вслед за В. Г. Белинским) в повести Гоголя акцентировать ее обличительно-сатирический аспект, то в данной работе на первый план выдвигается пушкинское определение «Носа» как «веселой шутки», игры, за которой встает образ фантастического мира, во многом непонятного и по-своему иррационального. В работе показано, что в повести «Нос» Гоголь воссоздал образ неразгаданного в своей сложности реального мира и сумел отразить удивительную особенность человеческого сознания (психологии), когда не только на уровне литературы, но и в реальном мире часть воспринимается равной (и правоправной) целому. Причем, как показано в работе, этой «частью» у Гоголя далеко не всегда оказывается (или должно быть) «электричество чина» (утверждение О. Г. Дилакторской), то есть социальная (социологизированная) составляющая характера и образа. В отличие от Б. М. Эйхенбаума, который полагал, что композиция «Носа» не определяется сюжетом («сюжет <…> бедный», «нет никакого сюжета»), в данной работе прочерчивается и прослеживается четкий сюжетный каркас, опосредованный газетной «носологией» (носологической сюжетикой), характерной для времени написания повести, то есть для начала XIX в. «Комбинированный» тип наррации, эксплицировавший себя в ролевой функции *я*-рассказчика (*я*-газетчика), удерживает повествование в рамках привычной для пушкинско-гоголевской поры стилистики истории-анекдота, многочисленные образцы которого печатались в петербургской столичной прессе того времени. В работе показано, что маска газетного репортера дает возможность Гоголю чередовать и совмещать стратегии *объективного* хроникального изложения и *субъективного* аксиологичного обобщения, приближая художественное повествование *к форме* оживленного и заинтересованного публицистического репортажа, допускающего смешение факта и вымысла. В статье делается вывод, что Гоголь, создавая фантасмагорию «Нос», писал не социально-ориентированное и тенденциозно-обличительное произведение (традиционный ракурс), а веселую «шутку», как точно определил ее издатель Пушкин, ибо творчество для обоих – и для Пушкина, и для Гоголя – было не столько обличением и разоблачением, сколько наслаждением и удовольствием.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н. В. Гоголь, повесть «Нос», метонимия и синекдоха, философия части от целого.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

O. V. Bogdanova

A sense-making role of a detail in N. V. Gogol’s story «The Nose»

The article analyzes N. Gogol’s story «The Nose» and formed a new look at its ideological components. If the tradition of Soviet studies offered (after V. Belinsky) in Gogol’s novel to accentuate its satirical aspect, then in this work

© Богданова О. В., 2019

Pushkin's judgment of «the Nose» as a «funny joke» is actualized. A literary game, behind which the image of a fantastic world stands, largely incomprehensible and has its own irrational. The work shows that in the novel «The Nose» Gogol recreated the image of the unsolved world and was able to reflect the amazing feature of human consciousness (psychology), when not only at the level of literature, but also in the real world *the part* is perceived equal *the whole*. Moreover, as shown in the work, this «part» of Gogol should not always be «electricity rank» (This statement belongs to the O. Dilaktorskaya), i.e. social (sociologized) component of the character and image. Unlike B. Eichenbaum, who believed that the composition of «The Nose» is not determined by the plot («the plot <...> poor», «there is no plot»), in this work is drawn and traced a clear story frame, mediated by newspaper «nosology» (nosological plot), characteristic of the time of writing the story, i.e. for the beginning of the XIX century. The «combined» type of narration, which explicated itself in the role function of the *I*-narrator (*I*-newspaper man), keeps the narrative within the usual style of history anecdote, numerous samples of which were published in the St. Petersburg capital press. The paper shows that the mask of a newspaper reporter allows Gogol to alternate and combine the strategies of *objective* chronicle presentation and s*ubjective* axiological generalization, bringing the artistic narrative to the form of a lively and interested journalistic reportage, allowing the mixing of fact and fiction. The article concludes that Gogol, creating a phantasmagoria «The Nose», did not write a socially-oriented and tendentious-accusatory work (traditional perspective), but a cheerful «joke», as precisely defined by its publisher Pushkin. It's clear for both – for Pushkin and for Gogol – that creativity was not accusation and exposure, but pleasure and delight.

Keywords: Russian literature of the XIX century, N. Gogol, story «The Nose», metonymy and synecdoche, philosophy of the part from the whole.

Как известно, повесть Н. В. Гоголя «Нос» была опубликована А. С. Пушкиным в третьем номере его «Современника» за 1836 г. В примечании от издателя Пушкин писал: «Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки, но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись. *Изд*.» [15, с. 54].

«Неистовый» В. Г. Белинский одним из первых отозвался на появление гоголевской повести и сразу же обозначил ее социальный ракурс. В рецензии на «Современник» за 1838 г. критик писал: «Вы знакомы с майором Ковалевым? Отчего он так заинтересовал вас, отчего так смешит он вас несбыточным происшествием со своим злополучным носом? – Оттого, что он есть не майор Ковалев, а *майоры Ковалевы*, так что после знакомства с ним, хотя бы вы зараз встретили целую сотню Ковалевых, – тотчас узнаете их, отличите среди тысячей» [2, с. 52]. Белинский подчеркивал как обличительно сатирическую направленность гоголевской повести, так и социальную типичность образа ее главного героя: «Типизм есть один из основных законов творчества, и без него нет творчества» [2, с. 52-53]. Иными словами, традиция интерпретации «Носа» как социального гротеска и абсурдированной типизации была заложена еще во времена Гоголя.

В современном литературоведении такие крупные литературоведы и лингвисты, как М. М. Бахтин [1], Г. А. Гуковский [7], В. В. Виноградов [5], Ю. В. Манн [10], В. М. Маркович [12], С. Г. Бочаров [6, 4], С. И. Машинский [13], Л. И. Еремина [9], О. Г. Дилакторская [8] и мн. др., по-прежнему доминирующим ракурсом восприятия повести считают социальный, общественно ориентированный, «чиновничий». Как правило, исследователи указывают на то, что гоголевская фантастика второй половины 1820-х – 1830-х годов окрашена в тона социального обличения, нравственного разоблачения самодержавной государственности, погружена в лоно «дидактической сатиры». Так, О. Г. Дилакторская в качестве главной темы «Носа» выделяет «тему чина», повесть считает «повестью о чиновнике, в которой сатирически провозглашается „апофеоза" чину» [8, с. 153]. С точки зрения исследователя, «вся фабула „Носа" может быть охвачена пословицей: „Не по человеку спесь. *Нос не по чину*"« [8, с. 162].

Можно согласиться, что действительно «электричество чина» в известной мере опосредует и пронизывает текст повести. Чин героя-носа оказывается выше чина главного персонажа – майора Ковалева, и ведет себя нос так, как приличествует «значительному лицу»: служит в департаменте, получил чин статского советника, разъезжает в карете по Невскому проспекту, наносит светские визиты, благочестиво молится в Казан-

ском соборе, намерен выехать в Ригу. Кажется, иерархическое положение чиновника-носа действительно «парализует» главного героя (и, несомненно, привлекает внимание автора). Однако живой юмор Гоголя, открывшийся еще в его малороссийских повестях, озорная веселость Пушкина, с которой тот воспринял «Нос» Гоголя, позволяют, с одной стороны, «облегчить» тяжесть социальной ориентированности гоголевского «петербургского текста», с другой – увидеть его глубинные, не столько социальные, сколько философские (и/или психологические) ракурсы.

Понятно, что замысел гоголевского «Носа» был напрямую связан с процветанием в русской литературе 1820-1830-х годов темы «носологии». Потому справедливо утверждение о том, что в основу гоголевского текста положен расхожий анекдот, объединивший обывательские истории и байки, известные толки и каламбуры, в которых главным действующим лицом оказывался нос, а сюжетная канва историй неизменно была связана с его похождениями. По наблюдениям В. В. Виноградова, «в „носологической" литературе первой половины XIX в., в которой мелькали перед глазами читателя носы отрезанные, запеченные, неожиданно исчезающие и вновь появляющиеся, даны были все элементы, легшие в основу гоголевской разработки темы о носе; намечены отдельные сцены – отрезывание носа, нос в теплом хлебе, обращение к медику, хотя они Гоголем развиты совершенно своеобразно» [5, с. 19].

Небезосновательна и мысль о том, что фантастика Гоголя в «Носе» опирается на устное народное творчество, на городской фольклор, на традицию романтической литературы начала XIX века и в конечном итоге становится частью загадочно-таинственной мифологии «петербургского текста». Между тем смысловой потенциал гоголевской повести лежит еще глубже.

Как правило, современные исследователи полагаются на утверждение Б. М. Эйхенбаума, что «композиция у Гоголя не определяется сюжетом – сюжет у него всегда бедный, скорее – нет никакого сюжета» [17, с. 24]. Между тем, на наш взгляд, сюжетная канва повести «Нос» не только четко организована, но и структурирована. Причем основу повествования составляет *особая* форма наррации, при которой писатель отчетливо имитирует стратегию газетного сообщения: «Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно странное происшествие…» [6, с. 40]. Уточнено место действия – Вознесенский проспект [6, с. 40] и Садовая улица [6, с. 44], указана дата (25 марта), назван день недели – пятница [6, с. 56], представлены участники событий – цирюльник Иван Яковлевич и коллежский асессор Платон Кузьмич Ковалев. Неслучайно «газетный» мотив будет пронизывать всю повесть Гоголя [6, с. 45 и далее], а сцена в газетной экспедиции займет одну из центральных позиций сюжетного построения [6, с. 49-53]. Более того, возвращение к ней будет закреплено в финале повествования – «как Ковалев не смекнул, что нельзя чрез газетную экспедицию объявлять о носе…» [6, с. 65]. То есть рассказ о носе майора Ковалева и причастности к тому цирюльника Ивана Яковлевича предстает у Гоголя одной из «очевидностей» обширной петербургской носологии, закрепленной в форме газетной статьи, привычного для публики газетного сообщения.

«Объективность» хроникальной наррации, маркированная отсутствием *субъекта* повествования, поддерживает нейтральность газетного дискурса – тогда как акцентированное отступление от «сухости» газетной фактологии («Но я несколько виноват, что до сих пор не сказал ничего об Иване Яковлевиче, человеке почтенном во многих отношениях…» [6, с. 42]), напротив, обнаруживает присутствие в тексте голоса газетчика-репортера. Проявивший себя *я*-рассказчик (*я*-газетчик) впоследствии будет удерживать все повествование в рамках привычной стилистики истории-анекдота, многочисленные образцы которого нередко печатались в столичной прессе пушкинско-гоголевской поры.

Маска газетного репортера дает возможность Гоголю чередовать и совмещать стратегии *объективного* хроникального изложения и *субъективного* аксиологичного обобщения, приближая художественное повествование *к форме* оживленного и заинтересованного публицистического репортажа, допускающего смешение факта и вымысла.

Условный гоголевский рассказчик-репортер наделен не только стремлением к точности («две головки луку», «две половины» [6, с. 40]; «два года», [6, с. 44]; «три цирюльника» [6, с. 43]; «трехлетний сынок» [6, с. 54]; и др.), но и «профессиональной» способностью к моделированию

художественно-публицистической наррации – «знает свое дело». Так, сообразно «парности» двух центральных персонажей композиция повести первоначально двухчастна (I и II), но постепенно – по закону сходства характеров – смыкается и изливается в малую финальную часть (III), обнаруживая в итоге не только подобие, но и «равенство» героев.

В чем же *равны* персонажи? Явно не в социальном положении и определенно не в чинах.

Представляется, что, если бы Гоголь хотел написать *повесть о чинах* (о высоком чине носа и малом чине Ковалева), то, вероятно, таланта и художественного воображения писателя хватило бы на то, чтобы не нагружать сюжет избыточными перипетиями (фабульная линия цирюльника, его пересечения с полицейским, отношения цирюльника с женой и др.), а образную систему не усложнять излишними персонажами (цирюльник, обер-полицмейстер, частный пристав, чиновник газетной экспедиции, г-жа Подточина, кучер, даже врач). Гоголю достало бы умения упростить фабульную нить, создать текст ясный, полный видимого смысла и сфокусированный вокруг чина (чинов) – носа и майора Ковалева. Между тем Гоголь пошел по иному пути.

Одним из центральных мотивов повести «Нос» становится мотив зеркала, зеркальности, зеркальной симметрии. Образ зеркала, удваивающий и множащий «отражения» обстоятельств, характеров, судеб различных героев, позволяет Гоголю сопоставить прежде всего жизненные ситуации главных персонажей – цирюльника Ивана Яковлевича и коллежского асессора Ковалева, симметрично-зеркально «отразить» их образы, обнажая как их видимое сходство, так и (не)видимую разность. Судьбы героев посредством *многократно* упомянутого в тексте образа зеркала [6, с. 43, 45, 55, 58, 62, 63, 64 – нередко на одной странице дважды или трижды] оказываются приравненными, уподобленными. Более того, мотив зеркала допускает приумножение отраженности главных героев в их «малых» копиях, посредством отражения качеств характера главных персонажей в героях второстепенных, фоновых, даже внетекстовых.

Принцип симметрии и подобия организует весь текст повести Гоголя. Уподоблению подвергаются всё и вся: живое и мертвое, человеческое и животное, одухотворенное и бездушное, социальное и нравственное. И основа зеркальности закладывается уже в начале повествования, когда рассказ о двух главных героях начинается симметрично и внутренне связанно.

О цирюльнике: «Иван Яковлевич проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба. Приподнявшись немного на кровати, он увидел, что супруга его, довольно почтенная дама, очень любившая пить кофий, вынимала из печи только что испеченные хлебы. – Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, – сказал Иван Яковлевич, – а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком. <…> Иван Яковлевич для приличия надел сверх рубашки фрак и, усевшись перед столом, насыпал соль, приготовил две головки луку, взял в руки нож и, сделавши значительную мину, принялся резать хлеб. Разрезавши хлеб на две половины, он поглядел в середину и, к удивлению своему, увидел что-то белевшееся. Иван Яковлевич ковырнул осторожно ножом и пощупал пальцем. „Плотное! – сказал он сам про себя, – что бы это такое было?" Он засунул пальцы и вытащил – нос!..» [6, с. 40-41].

О майоре Ковалеве: «Коллежский асессор Ковалев проснулся довольно рано и сделал губами: „брр..." – что всегда он делал, когда просыпался, хотя сам не мог растолковать, по какой причине. Ковалев потянулся, приказал себе подать небольшое стоявшее на столе зеркало. Он хотел взглянуть на прыщик, который вчерашнего вечера вскочил у него на носу; но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место! Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит. Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!..» [6, с. 43-44].

Обращает на себя внимание абсолютно точно повторенная фраза: часть I – «цирюльник Иван Яковлевич *проснулся довольно рано*…» [6, с. 40], часть II – «Коллежский асессор Ковалев *проснулся довольно рано*…» [6, с. 43]. В обоих случаях началом повествования служит пробуждение героев и их удивление. Однако зеркальная отраженность оптически изменяет детали каждой ситуации и каждого из героев – словно в зеркале *право* меняется на *лево*, и наоборот. Цирюльник нашел нос – Ковалев потерял нос, цирюльник желает избавиться от носа – Ковалев прилагает все усилия к тому, чтобы найти нос,

цирюльник неряха [6, с. 42] – Ковалев чистюля [6, с. 44], при выходе из дома цирюльник испуган множеством народа на улице – у Ковалева же наоборот: «ни один извозчик не показывался на улице, и он должен был идти пешком…» [6, с. 45], цирюльник в попытке избавиться от носа страшится полиции (будь то будочник или квартальный надзиратель) – майор Ковалев именно у полицейских ищет помощи и защиты [6, с. 44]. И этот ряд можно продолжить.

Симметричная структура композиционной организации обнаруживается в любом сюжетном повороте истории, находит отсвет в различных направлениях фабульного развития – мотивация действий и поступков героев может быть различной, характер поведения героев остается единым.

Так, фантастическая история появления/исчезновения носа до глубины души поражает обоих персонажей. Однако причину необычайного события каждый из героев видит в различных истоках. И Гоголь здраво и реалистически уместно распределяет знакомые газетные мотивации между парными персонажами. Иван Яковлевич – как «всякий порядочный русский мастеровой» – самое первое и самое вероятное объяснение случившемуся ищет в пьянстве: «Пьян ли я вчера возвратился или нет, уж наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное…» [6, с. 41]. В «пару» к нему Платон Кузьмич пытается пробудиться от затянувшегося (как ему кажется) сна: «Испугавшись, Ковалев велел подать воды и протер полотенцем глаза: точно, нет носа! Он начал щупать рукою, чтобы узнать: не спит ли он? кажется, не спит…» [6, с. 43]. Каждый из героев подбирает (и избирает в итоге) близкую ему мотивировку, одну из тех, что обыкновенно предлагали газеты.

Гоголь намеренно концентрирует в тексте сюжетные мотивы и композиционные ходы, которые успели стать для читателя привычными, и почти демонстративно превращает сложившуюся газетную традицию в отправную точку для объяснения свершившихся в повести чудес. И потому еще одной – неупущенной и учтенной – мотивацией «несбыточного» в череде событий повести становится вера доверчивой публики в ворожбу, колдовство, чародейство, заговоры и порчу. По сюжету повести майор Ковалев, не задумываясь, приписывает причину потери собственного носа «мщению» г-жи Подточиной [6, с. 55]. Правда, версия с подточинскими колдовками-бабками вскоре рассыпается, так как тон, стиль, характер письма г-жи Подточиной становятся доказательством ошибочности его гипотезы, но мотив ворожбы оказывается по-газетному «отработанным» Гоголем.

Что же касается цирюльника Ивана Яковлевича, то на первый взгляд кажется, что рядом с ним мотива ворожбы нет. Однако это не так. Многократно обвиненный в причастности к пропаже носа майора Ковалева, тем не менее, цирюльник только нашёл нос в хлебе, тогда как испекла хлеб его законная жена Прасковья Осиповна [6, с. 40]. Именно она месила тесто, выпекала хлеба – «и бросила один хлеб на стол» [6, с. 40]. Кроме того, о жене цирюльника сказано, что она очень любила кофий: «Пусть дурак ест хлеб; мне же лучше, – подумала про себя супруга, – останется кофию лишняя порция» [6, с. 40]. С одной стороны, хорошо известно, что кофе – «напиток дьявола», который долгое время считался вредным и любимым только «черными силами». С другой – именно кофе служит первейшим средством гадания, прежде всего «на кофейной гуще». Потому жена цирюльника оказывается не только не меньше, но скорее даже больше причастна к злоключениям носа, чем другие персонажи. А негодование и злость, которые героиня испытывает при обнаружении цирюльником носа, поистине «дьявольские»: «Где это ты, зверь, отрезал нос? – закричала она с гневом. – Мошенник! пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой!» [6, с. 41]. В этой филиппике Прасковьи Осиповны привлекает внимания одно обстоятельство. Во фразе о возможном доносе в полицию почему-то звучит местоимение «сама»: «Я *сама* на тебя донесу полиции…», хотя вполне резонно было бы сказать просто: «Я на тебя донесу полиции». Появление словечка «сама» как будто выдаёт героиню, которая только прикрывается этой угрозой, хотя *сама* больше других знает, в чем дело. То есть Гоголь почти однозначно указывает на ведьминские корни цирюльниковой жены, тем самым «уравновешивая» мистические женские (парные) образы как на стороне брадобрея (жена Прасковья Осиповна), так и майора Ковалева (г-жа Подточина).

Зеркально симметричных деталей, которые сопровождают парноотраженные образы цирюльника Ивана Яковлевича и майора Ковалева, огромное множество, они обильно рассыпаны по

всему тексту. И за таковым обилием деталей не сразу, но уверенно становится заметна некая особая странность гоголевского повествования – восприятие цельного образа (облика, внешности, личности) того или иного персонажа осторожно и последовательно вытесняется частью – метонимической деталью, то физической (часть тела), то социальной (часть костюма).

Первоначально подобная стратегия словно бы не заметна: «Черт его знает, как это сделалось, – сказал он наконец, почесав рукою *за ухом*» [6, с. 41]. Или: «С досадою закусив *губы*, вышел он из кондитерской…» [6, с. 45]. И даже: «…как вдруг заметил в конце моста квартального надзирателя благородной наружности, с широкими *бакенбардами*…» [6, с. 43]. Однако вскоре, например, губы становятся более «говорящими», чем само лицо: «Чиновник задумался, что *означали* крепко сжавшиеся его *губы*» [6, с. 51]. Бакенбарды незаметно начинают обретать самостоятельность и личностность: «Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть <…> у всех тех мужей, которые имеют полные, румяные щеки и очень хорошо играют в бостон: эти бакенбарды идут по самой средине щеки и прямехонько доходят до носа» [6, с. 44]. Целый пассаж отводится на разъяснение смысла и значения бакенбард. А оборот «бакенбарды *идут* по самой середине…» невольно и комично (и, конечно, намеренно) порождают ассоциацию к похождениям носа.

Далее все последующее повествование предстает набором «телесных», «биологических», «физиологических» и прочих антропологических деталей, которые наделяются самоценностью и самостоятельностью. Наконец, к финалу образ, например, квартального надзирателя окончательно измельчается и растворяется: «Ковалев слышал уже *голос* его на улице, где он увещевал *по зубам* одного глупого мужика» [6, с. 57]. Т.е. нос (носик), глаза (око), рот (ротик), зубы (даже десна – [6, с. 63]), бровь [6, с. 54], борода, бакенбарды становятся у Гоголя не просто заместителем, но полноценным воплощением всего тела (человека, личности) – прием метонимии (синекдохи) не только реализуется, но материализуется писателем. При этом Гоголь, несомненно, следовал за Пушкиным, подхватывая и «олицетворяя» вслед за современником отдельную «часть тела» [6, с. 63]:

Когда ж, и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, *ножки, ножки*! где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?

Сходная с «телесной», примерно та же динамика прорисовывается и на уровне социальном: как подмечает Гоголь, человека (личность) подменяет фрак или сюртук [6, с. 42], шляпа или шпага [6, с. 43], мундир или воротничок [6, с. 45], очки [6, с. 49] или даже пуговица [6, с. 47].

Испуганный обретением чужого носа цирюльник не видит человека (в данном случае полицейского), только воротник и шпагу: «Уже ему мерещился алый воротник, красиво вышитый серебром, шпага... и он дрожал всем телом» [6, с. 41]. О господине, встреченном Ковалевым на улице: «Он был в мундире, шитом золотом, с большим стоячим воротником; на нем были замшевые панталоны; при боку шпага» [6, с. 45]. И соответственно: «По шляпе с плюмажем можно было заключить, что он считался в ранге статского советника» [6, с. 45]. Потому потерянного из виду в Казанском соборе господина Ковалев пытается признать не по облику и внешности, но по «казенным» отличительным деталям: «Он очень хорошо помнил, что шляпа на нем была с плюмажем и мундир с золотым шитьем; но шинель не заметил…» [6, с. 48].

О самом же майоре Ковалеве судят именно по пуговицам: «…между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству…» [6, с. 47]. В этом контексте уместно вспомнить, что на фраке цирюльника Ивана Яковлевича вообще не было пуговиц – на их месте «висели одни только ниточки» [6, с. 42].

То есть Гоголь не выделяет социальный признак – *чин* – в качестве доминирующего признака человека, как традиционно принято считать в отечественном литературоведении, но демонстрирует раздробленность, разрозненность, многочастность личности – и, как следствие, самостоятельность *части* вопреки *целостности*. Причем части любой – биологически-телесной или форменно-казенной. Неслучайно в финале повести возникает закономерное сравнение: у одного из героев (подчеркнуто – военного) нос был «никак не больше жилетной пуговицы» [6, с. 64].

Таким образом, Гоголь говорил о стойком ощущение иррациональности всего миропорядка, не только социального, но и психологического. Он обращался к бытовому сознанию читателя, к удивительной и одновременно привычной особенности восприятия мира и человека в его раздробленности и частичности. Сюжетные контуры повести Гоголя очерчивали знакомые жизненные перипетии и ситуации, когда привычным оказывается восприятие части вместо целого, лишь слегка приправленное элементами фантастики, основанной на увлечении публики ясновидением, спиритизмом, вещими снами, идеями магнетизма, колдовства и проч. Гоголь весело и озорно показывал мозаику людского мира, в калейдоскопе которого бакенбарды значительнее выражения лица, ножка и талия привлекательнее ее обладательницы, галуны или воротнички внушительнее чиновника. В качестве заглавного персонажа Гоголь избрал нос, облеченный в чин статского советника, но на его месте вполне могла бы оказаться, например, пуговица, приписанная к некоему одному значительному департаменту, или шляпка, кокетливо прикрывающая часть розовеющей щечки молодой дамы.

Но как бы то ни было, ориентируясь на тип сознания современника (шире – человека вообще), Гоголь воссоздал образ неразгаданного в своей сложности реального мира и сумел отразить удивительную особенность человеческой психологии, когда не только на уровне литературной фантастики, но и в реальном мире часть воспринимается равной (и правоправной) целому, когда, например, глаза исконно считаются зерцалом нравственной человеческой сущности (зеркалом души), а нос едва ли не первейшим признаком «породы».

Гоголевская оригинальная фантасмагория под названием «Нос» стала удивительно тонким воплощением глубинных наблюдений писателя над философической непознанностью человеческого мира, во многом необычного и по-своему иррационального. Но особенно важно то, что Гоголь создавал не социально-ориентированное и тенденциозно-обличительное произведение, а веселую «шутку», как точно определил Пушкин, ибо творчество для обоих – и для Пушкина, и для Гоголя – было прежде всего наслаждением, удовольствием, радостью созидательного существования.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Рабле и Гоголь [Текст] // Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанс а. 2-е изд. – М. : Худож. лит-ра, 1990. – С. 482-537.

2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. : Т. 3. Статьи и рецензии. Пятидесятилетний дядюшк а. 1839-1840 [Текст] / В. Г. Белинский. – М. : АН СССР, 1953-1959. – С. 52-63.

3. Бочаров, С. Г. Пушкин и Гоголь [Текст] // Проблемы типологии русского реализма. – М. : Наука, 1969. – С. 210-240.

4. Бочаров, С. Г. Загадка «Носа» и тайна лица [Текст] // Бочаров С. Г. О художественных мирах. – М. : Сов. Россия, 1985. – С. 124-160.

5. Виноградов, В. В. Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» [Текст] // Виноградов В. В. Избранные труды: Поэтика русской литературы. – М., 1976. – С. 5-44.

6. Гоголь, Н. В. Нос [Текст] // Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. : Т. 3. Повести. – М. : Русская книга, 1994. – С. 40-65.

7. Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя [Текст] / Г. А. Гуковский. – М.; Л. : Худож. лит-ра, 1959. – 532 с.

8. Дилакторская, О. Г. Фантастическое в повести Н. В. Гоголя «Нос» [Текст] // Русская литература. – 1984. – № 1. – С. 153-166.

9. Еремина, Л. И. О языке художественной прозы Н. В. Гоголя [Текст] / Л. И. Еремина. – М. : Наука, 1987. – 176 с.

10. Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя. Из д. 2-е. [Текст] / Ю. В. Манн. – М. : Худож. лит-ра, 1988. – 413 с.

11. Макогоненко, Г. П. Гоголь и Пушкин [Текст] / Г. П. Макогоненко. – Л. : Сов. писатель, 1985. – 352 с.

12. Маркович, В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя [Текст] / В. М. Маркович. – Л. : Худож. лит-ра, 1989. – 208 с.

13. Машинский, С. И. Художественный мир Гоголя [Текст] / С. И. Машинский. – М. : Просвещение, 1971. – 512 с.

14. Пумпянский, Л. В. Гоголь [Текст] // Семиотика города и городской культуры. Петербург: Труды по знаковым системам. Вып. XVIII. – Тарту, 1984. – С. 136-149.

15. Пушкин, А. С. <Примечание> [Текст] // Современник. – 1836. – Т. 3. (репринт: М., 1967). – С. 54.

16. Турбин, В. Пушкин. Гоголь. Лермонтов [Текст] / В. Турбин. – М. : Просвещение, 1978. – 239 с.

17. Эйхенбаум, Б. М. Как сделана «Шинель» Гоголя [Текст] // Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. – Л. : Художественная литература, 1986. – С. 24-46.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Rable i Gogol' = Rabelais and Gogol [Tekst] // Bahtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. 2-e izd. – M. : Hudozh. lit-ra, 1990. – S. 482-537.

2. Belinskij, V. G. Poln. sobr. soch.: v 13 t. : T. 3. Stat'i i recenzii. Pjatidesjatiletnij djadjushka. 1839-1840 = Complete set of works: in 13 vol.: Vol. 3. Articles and reviews. 50-year-old uncle. 1839-1840 [Tekst] / V. G. Belinskij. – M. : AN SSSR, 1953-1959. – S. 52-63.

3. Bocharov, S. G. Pushkin i Gogol' = Pushkin and Gogol [Tekst] // Problemy tipologii russkogo realizma. – M. : Nauka, 1969. – S. 210-240.

4. Bocharov, S. G. Zagadka «Nosa» i tajna lica = Riddle of «The Nose» and mystery of the person [Tekst] // Bocharov S. G. O hudozhestvennyh mirah. – M. : Sov. Rossija, 1985. – S. 124-160.

5. Vinogradov, V. V. Naturalisticheskij grotesk. Sjuzhet i kompozicija povesti Gogolja «Nos» = Naturalistic grotesque. The plot and composition of Gogol 's story «The Nose» [Tekst] // Vinogradov V. V. Izbrannye trudy: Pojetika russkoj literatury. – M., 1976. – S. 5-44.

6. Gogol', N. V. Nos = The Nose [Tekst] // Gogol' N. V. Sobranie sochinenij: v 9 t. : T. 3. Povesti. – M. : Russkaja kniga, 1994. – S. 40-65.

7. Gukovskij, G. A. Realizm Gogolja = Gogol's realism [Tekst] / G. A. Gukovskij. – M.; L. : Hudozh. lit-ra, 1959. – 532 s.

8. Dilaktorskaja, O. G. Fantasticheskoe v povesti N. V. Gogolja «Nos» = Fantastic in N. V. Gogol’s story «The Nose» [Tekst] // Russkaja literatura. – 1984. – № 1. – S. 153-166.

9. Eremina, L. I. O jazyke hudozhestvennoj prozy N. V. Gogolja = About the language of N. V. Gogol’s art prose [Tekst] / L. I. Eremina. – M. : Nauka, 1987. – 176 s.

10. Mann, Ju. V. Pojetika Gogolja. Izd. 2-e. = Gogol's poetics. The 2nd edition. [Tekst] / Ju. V. Mann. – M. : Hudozh. lit-ra, 1988. – 413 s.

11. Makogonenko, G. P. Gogol' i Pushkin = Gogol and Pushkin [Tekst] / G. P. Makogonenko. – L. : Sov. pisatel', 1985. – 352 s.

12. Markovich, V. M. Peterburgskie povesti N. V. Gogolja = St. Petersburg stories by N. V. Gogol [Tekst] / V. M. Markovich. – L. : Hudozh. lit-ra, 1989. – 208 s.

13. Mashinskij, S. I. Hudozhestvennyj mir Gogolja = Gogol’s art world [Tekst] / S. I. Mashinskij. – M. : Prosveshhenie, 1971. – 512 s.

14. Pumpjanskij, L. V. Gogol' = Gogol [Tekst] // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Peterburg: Trudy po znakovym sistemam. Vyp. XVIII. – Tartu, 1984. – S. 136-149.

15. Pushkin, A. S. <Primechanie> = <Note> [Tekst] // Sovremennik. – 1836. – T. 3. (reprint: M., 1967). – S. 54.

16. Turbin, V. Pushkin. Gogol'. Lermontov = Pushkin. Gogol. Lermontov [Tekst] / V. Turbin. – M. : Prosveshhenie, 1978. – 239 s.

17. Jejhenbaum, B. M. Kak sdelana «Shinel'« Gogolja = How Gogol's «Great-coat» is made [Tekst] // Jejhenbaum B. M. O proze. O pojezii. – L. : Hudozhestvennaja literatura, 1986. – S. 24-46.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10476
УДК 821.161.1

Т. Б. Ильинская https://orcid.org/0000-0003-2690-7930

Ирония как вид комментария у Н. С. Лескова

Статья посвящена исследованию приемов и средств иронии в очерке Н. С. Лескова «Сибирские картинки XVIII века» (1893). Несмотря на то, что это произведение основывается на документальном материале, для него характерно яркое авторское начало, которое проявляет себя прежде всего в разнообразных «знаках иронии». Проведенное сопоставление «Сибирских картинок» с текстом-источником позволило сделать вывод, что исходные материалы были лишены каких бы то ни было иронических элементов, что ироническая тональность привнесена в воссоздаваемые события исключительно самим Лесковым. Констатируя неизученность проблемы комического в лесковском наследии, мы выделяем лаконизм и иронию как основные принципы повествования, на которых основывается художественная структура «Сибирских картинок», хотя мера ироничности разных глав произведения неодинакова. Выделяя средства создания иронического эффекта, мы разграничиваем чисто лесковские находки в этой сфере и типовые случаи, которые характерны не только для Лескова. Среди последних особенно заметны элементы лексической иронии (церковнославянизмы и библеизмы в роли «иронических» слов), а также мнимая похвала, когда буквальный и подразумеваемый смыслы слов диаметрально противоположны. Что касается собственно лесковских иронических эффектов, то своеобразие иронической тональности «Сибирских картинок» создается с помощью перехода на чужие точки зрения, причем в одном ироническом высказывании может присутствовать не «двойное ви́дение» (как обычно в случаях иронии), а более сложная структура, в которую включены позиция иронизирующего автора и позиции противостоящих сторон: чиновников, духовенства и коренных жителей Сибири. По такому принципу построены емкие и лаконичные лесковские формулы «исповедный ясак», «просвещать язычников светом истинной веры и чем от них кормиться». «Знаки иронии», присутствующие на лексическом, синтаксическом, стилистическом, композиционном уровнях текста, становятся самым сильнодействующим средством авторской оценки и участвуют в создании подтекста произведения.

Ключевые слова: ирония, ироник, Н. С. Лесков, «Сибирские картинки XVIII века», церковнославянизмы, документализм.

T. B. Iliinskaya

Irony as a comment in N. S. Leskov’s works

The article is devoted to the study of methods and means of irony in the essay of N. S. Leskov «Siberian pictures of the XVIII century» (1893). Despite the fact that this work is based on documentary material, it is characterized by the author's noticeable beginning, which manifests itself primarily in a variety of «signs of irony». The comparison of «Siberian pictures» with the source text allowed us to conclude that the original materials were devoid of any ironic elements, that the ironic tone was introduced into the recreated events exclusively by Leskov. Noting the unexplored problem of the comic in Leskov's heritage, we distinguish laconism and irony as the basic principles of the narrative on which the artistic structure of « the Siberian notes» is based, although the measure of irony of different chapters of « the Siberian pictures» is not the same. Allocating means of creating ironic effects, we distinguish between purely Leskov findings in this area and typical cases that are characteristic not only for Leskov. Among the latter there are particularly noticeable elements of lexical irony (Church Slavism and biblical studies in the role of «ironic» words), as well as imaginary praise, when the literal and implied meanings of words are diametrically opposed. As for Leskov's own ironic effects, the peculiarity of the ironic tone of « the Siberian pictures» is created by the transition to other people's points of view, and in one ironic statement there may be not a «double vision» (as usual in cases of irony), but a more complex structure in which there is the position of the ironic author and the positions of the opposing sides: officials, clergy and indigenous inhabitants of Siberia. Built on this principle of Leskov capacious formula «confessional tribute», «to enlighten with the light of true faith and what they are fed». «Signs of irony», present at the lexical, syntactic, stylistic, compositional levels of the text, become the most powerful means of the author's evaluation and participate in the creation of the subtext of the work.

Keywords: irony, ironic, N. S. Leskov, «Siberian pictures of the XVIII century», Church Slavism, documentalism.

© Ильинская Т. Б., 2019

В хронике «Соборяне» Савелий Туберозов, часто выражающий позицию автора, комментирует иронический ответ семинариста: «Немало сему все мы смеялись, хотя я, впрочем, находил в сем более печального и трагического, нежели комедийной веселости, способной тешить. Начинаю замечать во всех значительную смешливость и легкомыслие, в коих доброго не предусматриваю» [4, с. 31]. В дальнейшем он же с горечью говорит о всеобщей склонности к смеху: «…и не богаты и не тороваты, а уж куда как гораздо смешливы!» [4, с. 80].

Что стоит за таким отношением к смеху? Глубоко укорененное в русской культуре недоверие к веселью? По замечанию С. С. Аверинцева, «по-русски односложное, отрывистое, фонетически весьма выразительное «смех» систематически рифмуется со столь же односложным и отрывистым «грех». Пословица говорит: «Где смех, там и грех» <…> Очень русская проблема – тот конфликт между комическим гением и православной совестью, который буквально загнал в гроб Гоголя» [1, с. 341].

Однако в «Соборянах» есть и другой любимый герой автора – дьякон Ахилла, с которым связано большинство комических эпизодов хроники, да и для самого Савелия Туберозова вовсе не характерно аскетическое неприятие веселья. В приведенных выше словах осуждается не смех вообще, а та пагубная веселость, – то «смехотворство», которое порицает ап. Павел (Е ф. 5:4) и которое отличается именно своей неуместностью (по слову Екклезиаста, есть «время плакать и время смеяться» – Екк л. 3:4).

Выпады против смеющихся у лесковского протагониста идут рядом с разнообразными формами комического и в хронике, и – шире – во всем творчестве писателя, который сам, по свидетельству мемуаристов, имел весьма насмешливый ум. Вопрос об особенностях лесковского смеха, о влиянии на Лескова других писателей-юмористов (прежде всего, любимого Л. Стерна) – один из не проясненных в науке. Также не решен вопрос о соотношении видов комического в лесковском творчестве, в частности, вопрос о своеобразии иронии у Лескова-публициста, который часто использовал ее в документальных очерках как средство авторской оценки.

Предлагаемая статья посвящена освещению проблемы лесковской иронии. Попытаемся рассмотреть приемы достижения иронического эффекта в рамках одного публицистического произведения и остановим свой выбор на «Сибирских картинках XVIII века», которые представляют собой интересный тип повествования, когда авторская позиция не формулируется впрямую, а содержится на стилистическом уровне текста, а то и в подтексте.

Прежде всего необходимо сказать, что Лесков считал иронию одним из наиболее воздействующих средств, с чем он, как прирожденный публицист, не мог не считаться. Так, в письме В. Г. Черткову он замечает: «Более всего Лев Николаевич хвалит «Колыванский муж»:.. «Колыванский муж» – ирония – она очень нравится всем» [3, с. 468].

Но самое главное – иронический взгляд на жизнь был глубоко органичен для Лескова, и почти в каждом его произведении имеется широкая палитра иронических оттенков – от мягкой, добродушной иронии до иронии едкой, уничижительной.

«Сибирские картинки» принадлежат к числу тех лесковских публицистических произведений, которые основаны на документе. Не боясь упреков во «вторичности» и неоригинальности, Лесков в вводной главке подробно указывает на источники информации – исследование «Исповедный штраф в Сибири в течение XVIII в.» священника Вакха Гурьева, а также доставшиеся писателю бумаги генерала В. И. Асташёва, которому Вакх Гурьев передал свой архив [13, с. 158]. Помимо этого, в «Сибирских картинках» имеется множество ссылок, подчеркивающих документальный характер повествования. Себе Лесков отводит скромную роль компилятора, сделавшего необходимые сокращения в заинтересовавших его материалах: «веду весь рассказ гораздо кратче и уже» [6, с. 138], «выписки, приведенные здесь нами в порядок» «держусь одних бумаг»[6, с. 139].

Тем не менее жанровый подзаголовок «Сибирских картинок» – рассказ – сразу выдвигает на первый план фигуру автора и делает ее явно неоднозначной. Первая же страница произведения дает понять, что автор здесь – далеко не бесстрастный компилятор. «Крайне заинтересованный этим оригинальным делом» [6, с. 138], – так он обозначает свое отношение к теме во вводной главке. И действительно, в контексте всего лесковского творчества «Картинки» – это интересная модификация устойчивых мотивов лесковского творчества. Здесь получает дальнейшее развитие занимавшая Лескова комическая тема противостояния светских и духовных властей

(«Соборяне», «Мелочи архиерейской жизни»). Кроме того, «Сибирские картинки» – это горько-ироническая вариация темы миссионерства (ср. с рассказом «На краю света»), а также темы староверия. Наряду с этим, «Сибирские картинки» занимают заметное место в ряду поздних лесковских произведений, назначение которых сам автор обозначил как расчистка подходов к храму («прежде всего надо выгнать торгующих в храме и вымести за ними их мусор» [5, с. 581].

Но самым заметным авторское присутствие делает ироническое освещение событий, и сравнение «Сибирских картинок» с легшим в их основу текстом Вакха Гурьева, абсолютно лишенным иронии, позволяет прийти к этому выводу.

Вот характерный для Вакха Гурьева фрагмент:

«Такое неблаговидное духовенство неспособно было благотворно влиять на своих пасомых; поэтому неудивительно, если религиозно-нравственное состояние православного народонаселения Сибири за все продолжение XVIII века представляется нам в самом непривлекательном и даже мрачном виде» [2, с. 29-30].

Сравним с этим пассажем лесковское описание сходной ситуации: «сами просветители потеряли память и разучились различать дни в неделе» [6, с. 177] (Так сказано о священнике, перепутавшем субботу и воскресенье).

Помимо лексико-стилистических несовершенств (канцеляризмы, громоздкий и запутанный синтаксис), текст Гурьева отличается обстоятельностью и прямолинейностью изложения, в то время как у Лескова основными принципами повествования становятся лаконизм и ирония. Слово «просветители» у Лескова, с одной стороны, напоминает о том, что миссия священнослужителей – просвещение паствы светом истинной веры, а с другой, в соответствии с принципами иронии, слово «просветители» обозначает людей невежественных, стоящих не на высоте своего призвания (разумеется, это понятно посвященным в иронический контекст). Используя формулу Ю. М. Лотмана, заметим, что при этом «игровой эффект состоит в том, что разные значения одного элемента не неподвижно сосуществуют, а „мерцают"« [7, с. 141].

Благодаря этому «мерцанию» смыслов в слове «просветители», у Лескова появляются объемность и глубина вместо прямолинейного обличения, а ирония приобретает весьма неоднозначный смысл, поскольку авторская интерпретация описываемых событий содержит в себе целую гамму чувств, где есть место и сожалению, и грусти, и резкому возмущению.

Переходим к попытке уяснить основные механизмы лесковской иронии. Начнем со случаев не исключительно «лесковских».

Так, для русской культуры характерен иронический эффект при использовании церковнославянизмов по отношению к достаточно прозаическим или даже низменным реалиям. Как отмечал А. А. Потебня, «особого рода стилистическая ирония происходит при сознании самим говорящим или лишь слушающим) противоположности между высоким слогом словесной оболочки и пошлостью или низостью мысли» [10, с. 389]. Такого рода стилистическая ирония в «Сибирских картинках» есть, но Лесков не злоупотребляет ею: она встречается достаточно редко («Велемощный сановник»; «рачения их достойны долгой памяти» [6, с. 145] – говорится о людях, сделавших религию статьею своего дохода).

Сходный иронический эффект дает употребление библеизмов – как библейских цитат, так и библейских реминисценций и аллюзий. О рассерженном губернаторе Чичерине, не преуспевшем в деле взимания подати, сказано, что он удалился, «скрежеща зубами и иский кого поглотити» (Пет р. 5:8).

Однако в «Сибирских картинках», как и во многих других произведениях Лескова, эта типичная для русской стилистической системы игра высоких лексико-стилистических средств, употребленных в адрес низменного, приобретает своеобразный смысл, поскольку тема очерка – искажения церковной жизни. Церковнославянизмы и библеизмы не только иронически освещают неподобающее, но и сами становятся объектом иронии, поскольку действиями церковных и гражданских чиновников дискредитируется христианское дело, и неуместность апелляции к священным текстам в таких ситуациях очевидна.

Кроме рассмотренной выше лексической иронии, в «Сибирских картинках» встречаются, опять же в небольшом количестве, такие типичные для системы иронических средств случаи, когда высказывание обладает «скрытым смыслом, обратным тому, который непосредственно выражается» [12, с. 99-100]. Среди такого рода словоупотреблений чаще всего встречаются контексты, где звучит мнимая похвала в адрес прискорбных явлений русской церковной жизни. Например: «придумано было хорошо»[6, с. 167], – говорится об организации церковных поборов; «оборотистое сибирское духовен-

ство»[6, с. 166] – сказано о изобретательности тех миссионеров, которых прежде всего интересовали деньги. Иронический смысл этих похвал становится ясен в контексте всего очерка, а тем более в контексте всего наследия Лескова, которого в течение всей его творческой жизни занимала материальная сторона церковной жизни. По слову современного исследователя иронии, «ироник играет роль «своего» среди «чужих», восхищается тем, что вызывает презрение и жалость» [10, с. 88].

Переходим к еще более характерному для Лескова ироническому средству. Как известно, законом иронии является несоответствие буквального и подразумеваемого смысла слова. Эти обычные для иронического высказывания контраст и противопоставление двух смыслов у Лескова предстают в гораздо более сложном виде.

Своеобразие иронической тональности «Сибирских картинок» определяется тем, что Лесков не ограничивается только двумя контрастирующими элементами, составляющими суть иронического оборота речи: в «Сибирских картинках» их становится больше. Каким образом это достигается?

Так, в понятиях обираемых и светскими, и духовными властями коренных жителей Сибири, плата на церковные требы – это «ясак», то есть дань, и они ее безропотно платят. В очерке автор неоднократно использует слова «ясак», «подать», вводя с их помощью взгляд на происходящее «народцев» Сибири, которые, не понимая смысла христианских таинств и обрядов, воспринимают платы за требы как дань.

В то же время церковно-административный взгляд на употребление запрещенной пищи («скверноядение») порождает у Лескова пронизанный иронией оксюморон «ясак за скверноядство», в котором соединилось несоединимое: христианские представления о грехе, восточный ясак и идея о том, что деньги позволяют отпустить этот грех. Автор, столкнувший в своем повествовании точки зрения церковных администраторов и «народцев» Сибири, позволяет ощутить ту бездну, которая пролегала между официальным термином и реальной жизнью. Если церковнослужители полагали, что чтение имеющейся в требнике разрешительной молитвы после греха скверноядения должно, как и другие требы, быть оплачено, то вогулы, остяки и другие «дикари», употреблявшие в пищу запрещенное (медвежатину, соболей и белок), воспринимали эти поборы как нечто неизбежное, связанное с власть предержащими.

Еще более сильный иронический заряд заложен в словосочетании «исповедный ясак» (плата за исповедь), в котором Лесков, становясь на точку зрения «народцев» и прибегая к их понятиям, дает формулу, обнажающую вопиющее несоответствие между официальными данными о христианизации Сибири и жизненной правдой: «Иногда над дикарями заднимчислом исполняли какие-нибудь обряды, но большею частию дело ограничивалосьтолько сбором ясака, а наличностью производилась только одна исповедь, - причём за разрешение грехов всей семьи расплачивался с попом старший в роде, и тут приходилось торговаться. С обыкновенного грешника брали от пяти додесяти белок, но с такого, у которого было больше, священник требовал и ясак побольше <…>Исповедный ясак иногда доходилдо двухсот белок на семейство, и дикари этим очень тяготились, но «попростоте своей» своих грехов всё-таки не скрывали, а только спешили скорее»очиститься и бежать». Обыкновенно они «убегали» тотчас же после исповеди ине дожидались причастия, о важности которого совсем не имели понятия» [6, с. 168]. В процитированном отрывке мы видим переплетение понятий сибирских аборигенов и духовенства: «обыкновенный грешник» (который откупается десятью белками и думает, что тем самым «очистился»), «исповедный ясак». В сочетании с неоднократно звучащим словом «дикари» эти словосочетании действительно представляются дикими, искажающими смысл христианкой жизни. Автор, называющий эти явления «не своими именами», «остраняющий» тем самым их, достигает иронического эффекта, причем ирония приобретает обличительный смысл.

Подобный иронический эффект возникает и при сопоставлении понятий людей, которые принадлежат к одной культуре. В очерке один из основных сюжетов – это борьба светских и духовных деятелей – борьба и за власть, и за финансовые выгоды. Проходя лейтмотивом через все произведение, эта комическая война находит словесное выражение в следующем лексическом ряде: «ожесточенная распря», «стали делать помехи», «безурядица», «нахальное непослушание», «препирательство», «война с попами». Механизм лесковской иронии основывается не только на обычной для иронического высказывания дистанции между точкой зрения автора и его героя. У Лескова выстроена сложная структура,

где идет игра на контрастах взглядов, во-первых, церковнослужителей, во-вторых, воюющих с ними чиновников и, в-третьих, самого автора, удрученного такими искажениями христианской жизни и в то же время подмечающего смешные стороны событий и характеров.

По мнению церковнослужителей, разрушение ловко ими устроенной системы по извлечению финансовых выгод от религии – это происки «лукавого»: «вмешался враг и все дело испортил» [6, с. 165] – в авторском изложении событий иронический эффект возникает благодаря переходу на точку зрения священников, скорбящих из-за невозможности продолжать поборы. В то же время дистанция между позициями автора и чиновников может быть обозначена короткими авторскими ремарками, с помощью которых создается «остранение» изображаемого. Так, в «Сибирских картинках» часто звучат судейские термины: «небытейцы», «штраф за „небытие"«, смысл которых читателю становится ясен из контекста. Тем не менее Лесков считает нужным дать пояснение: «небытие (то есть у исповеди)» [6, с. 139], и этот авторский акцент позволяет за канцелярским термином «небытие» увидеть изначальный смысл этого слова, благодаря чему в дальнейшем повествовании возникает ироническое переосмысление судейского жаргона. «Дело о небытии» действительно становится миражной канцелярской фантасмагорией, лишенной подлинного бытия.

Прочтение лесковкого очерка в избранном ракурсе позволяет сделать следующие выводы.

Мера ироничности разных глав «Сибирских картинок» неодинакова. Четыре срединные части – VIII, IX, X, XI – совершенно лишены иронических тонов: авторская оценка изображаемых в них злоупотреблений может быть обозначена как скорбь и возмущение. Иносказанию и насмешке в таком случае нет места. После этих центральных главок ирония опять набирает силу.

Наряду с традиционными ироническими средствами (мнимая похвала, высокая лексика, обозначающая негативные реалии), у Лескова имеются глубоко своеобразные иронические приемы. Писатель создает емкие, лаконичные формулы, несущие сильный иронический заряд: «исповедный ясак», «ясак за скверноядство», «о сборе ясака и о просвещении светом истинной веры», «просвещать язычников святою верою и чем от них кормиться». В этих формулах соединяется, а тем самым и противопоставляется несовместимое, благодаря чему автор находит парадоксальный и в то же время разоблачающий ракурс для явлений церковной жизни.

Однако обличительный характер лесковской иронии весьма неоднозначен. Уже эпиграф: «Наше историческое развитие шло по-своему», – нацеливает иронические стрелы не только на отдельные негативные явления, но и на всю русскую жизнь, что сродни гоголевским словам: «Чему смеетесь? Над собою смеетесь». Это характерный для русской культуры смех, который не исключает скорби, воплотившийся в гоголевской формуле «смех сквозь слезы», характерен для лесковского воссоздании истории «религиозных» денежных сборов в Сибири. Сам иронизирующий автор, который, кстати, происходил от духовного корня и предки которого кормились от треб, не ставит себя вне осмеиваемого им мира, называя описываемые им явления «характерными» («Среди явлений русской жизни в Сибири чрезвычайно характерным и любопытным представляется борьба светских и духовных властей с крещёными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятых ими на себя обязанностей» – [6, с. 139]).

«Знаки иронии» [9, с. 62-63], присутствующие на лексическом, синтаксическом, стилистическом, композиционном уровнях текста, становятся самым сильнодействующим средством авторской оценки и участвуют в создании подтекста произведения.

Ирония в «Сибирских картинках» работает на тот «сплав образа и публицистики» [8, с. 64], который столь характерен для позднего творчества писателя.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Бахтин и русское отношение к смеху [Текст] / С. С. Аверинцев // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. – М., 1993. – С. 341-345.

2. Гурьев, В. Исповедный штраф [Текст] / В. Гурьев // Русский вестник. – 1882. – Т. 157. – № 1. – С. 27-30.

3. Лесков, А. Н. Жизнь Николая Лескова [Текст] / А. Н. Лесков. – М., 1984. – Т. 1. – С. 467-469.

4. Лесков, Н. С. Собр. соч. В 11 т. : Т. 4 [Текст] / Н. С. Лесков. – М., 1957. – С. 31-80.

5. Лесков, Н. С. Собр. соч. В 11 т. : Т. 11 [Текст] / Н. С. Лесков. – М., 1958. – С. 580-584.

6. Лесков, Н. С. Собр. соч. В 12 т. : Т. 12 [Текст] / Н. С. Лесков. – М., 1989. – С. 137-186.

7. Лотман, Ю. М. Искусство в ряду моделирующих систем [Текст] / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. – Тарту. – 1967. – Т. 3. – С. 130-145.

8. Макарова, Е. А. Проблема русских переселенцев в рецепции Н. С. Лескова [Текст] / Е. А. Макарова // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – Филология. – № 1 (2).

9. Паси, И. Ирония как эстетическая категория [Текст] / И. Паси // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. – М., 1980. – С. 64-67.

10. Пивоев, В. М. Ирония как феномен культуры [Текст] / В. М. Пивоев. – Петрозаводск, 2000. – С. 23-92.

11. Потебня, А. А. Из записок по теории словесности [Текст] / А. А. Потебня. – М., 2011. – С. 386-390.

12. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха [Текст] / В. Я. Пропп. – М., 1976. – С. 288.

13. Хахалкин, А. Николай Лесков и сибирский краевед Вакх Гурьев [Текст] / А. Хахалкин // Начало века. – 2007. – № 3. – С. 157-159.

Reference List

1. Averincev, S. S. Bahtin i russkoe otnoshenie k smehu = Bakhtin and Russian attitude to laughter [Tekst] / S. S. Averincev // Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letija E. M. Meletinskogo. – M., 1993. – S. 341-345.

2. Gur'ev, V. Ispovednyj shtraf = Confessional penalty [Tekst] / V. Gur'ev // Russkij vestnik. – 1882. – T. 157. – № 1. – S. 27-30.

3. Leskov, A. N. Zhizn' Nikolaja Leskova = Nikolay Leskov's life [Tekst] / A. N. Leskov. – M., 1984. – T. 1. – S. 467-469.

4. Leskov, N. S. Sobr. soch. V 11 t. : T. 4 = Complete works. In 11 vol.: V. 4 [Tekst] / N. S. Leskov. – M., 1957. – S. 31-80.

5. Leskov, N. S. Sobr. soch. V 11 t. : T. 11 = Complete works. In 11 vol.: V. 11 [Tekst] / N. S. Leskov. – M., 1958. – S. 580-584.

6. Leskov, N. S. Sobr. soch. V 12 t. : T. 12 = Complete works. In 12 vol.: V. 12 [Tekst] / N. S. Leskov. – M., 1989. – S. 137-186.

7. Lotman, Ju. M. Iskusstvo v rjadu modelirujushhih sistem = Art among modeling systems [Tekst] / Ju. M. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. – Tartu. – 1967. – T. 3. – S. 130-145.

8. Makarova, E. A. Problema russkih pereselencev v recepcii N. S. Leskova = Problem of Russian settlers in N. S. Leskov's reception [Tekst] / E. A. Makarova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – Filologija. – № 1 (2).

9. Pasi, I. Ironija kak jesteticheskaja kategorija = Irony as an aesthetic category [Tekst] / I. Pasi // Marksistsko-leninskaja jestetika v bor'be za progressivnoe iskusstvo. – M., 1980. – S. 64-67.

10. Pivoev, V. M. Ironija kak fenomen kul'tury = Irony as a culture phenomenon [Tekst] / V. M. Pivoev. – Petrozavodsk, 2000. – S. 23-92.

11. Potebnja, A. A. Iz zapisok po teorii slovesnosti = From notes on speech theory [Tekst] / A. A. Potebnja. – M., 2011. – S. 386-390.

12. Propp, V. Ja. Problemy komizma i smeha = Problems of comedy and laughter [Tekst] / V. Ja. Propp. – M., 1976. – S. 288.

13. Hahalkin, A. Nikolaj Leskov i sibirskij kraeved Vakh Gur'ev = Nikolai Leskov and Siberian regional scientist Vakh Guriev [Tekst] / A. Hahalkin // Nachalo veka. – 2007. – № 3. – S. 157-159.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10477
УДК 821.161.1

А. А. Федотова https://orcid.org/0000-0002-9629-6154

Между пародией и проповедью: Н. С. Лесков и Л. Стерн

Статья посвящена исследованию проблемы творческого диалога Н. С. Лескова и Л. Стерна, в частности рецепции Лесковым прозы Стерна в процессе индивидуального жанротворчества. Применяя современные методики текстового анализа, автор статьи исследует проблематику и поэтику художественных и публицистических произведений Лескова, анализирует актуальные вопросы организации писателем диалога с читателем. Результатом анализа становится конкретизация представлений о проблематике и поэтике лесковской прозы, механизмах интертекстуального обогащения смысла произведений писателя, своеобразии используемых автором рецептивных стратегий. Угасание «принципа казуальности» и отсутствие единого сюжета в произведениях Лескова, написанных с учетом стернианского контекста, приводит к включению компенсаторных механизмов формирования целостности текста, особую важность среди которых приобретает система эквивалентностей и лейтмотивов. Последнее свойственно и художественным, и фактуальным произведениям Лескова, написанным в «манере» Стерна. «Шандеизм» в фикциональной прозе Лескова был особенно востребован в сказовом нарративе, в публицистике – в произведениях очеркового характера. Именно эти «свободные» формы стали пространством для композиционного и повествовательного эксперимента писателя. Сделанные в статье наблюдения демонстрируют, что вопрос о влиянии индивидуального стиля Стерна на творческую манеру Лескова является актуальным и требует дальнейшего изучения. В статье указаны основные векторы схождения поэтики двух писателей: жанровый эксперимент, субъективность нарратива, «свободная» композиция, применение различных способов устранения авторской оценки, неожиданное сочетание интонаций, соединение дидактизма и игры, активизация читателей. Многочисленные стернианские цитаты и реминисценции в лесковской прозе свидетельствуют о том, что творческая связь писателей носила характер не только типологической близости, но и диалога в «большом времени». В этой связи значимым кажется как более детальный сравнительный анализ рецепции Лесковым романов Стерна на конкретном текстовом материале (повести «Смех и горе», «Очарованный странник», «Заячий ремиз», роман-хроника «Соборяне»), так и выявление и дифференциация особенностей поэтики писателей.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н. С. Лесков, Л. Стерн, «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена», жанр, нарратив, рецепция, мотив.

A. A. Fedotova

Between parody and sermon: N. S. Leskov and L. Stern

The article is devoted to the study of the problem of creative dialogue of N. S. Leskov and L. Stern, in particular, the reception by Leskov of Stern's prose in the process of individual genre creation. Using modern text analysis techniques, the author of the article explores the problematics and poetics of Leskov's artistic and journalistic works, analyzes current issues of organizing a dialogue with the reader by the writer, identifies narrative and language ways of enhancing reader's attention. The result of the analysis is the concretization of ideas about the problematics and poetics of Leskov's prose, the mechanisms of intertextual enrichment of the writer's writings, the peculiarities of the receptive strategies used by the author. The extinction of the «causality principle» and the absence of a single plot in Leskov's works, written with regard to the Sternian context, leads to the inclusion of compensatory mechanisms for forming the integrity of the text, among which the system of equivalences and leitmotifs becomes especially important. The latter is peculiar to both artistic and factual works of Leskov, written in the «manner» of Stern. «Shandeism» in Leskov's fictional prose was especially in demand in the fantastic narrative, in journalism in the works of an essay character. These «free» forms became the space for the compositional and narrative experiment of the writer. The observations made in the article demonstrate that the question of the influence of Stern's individual style on Leskov's creative style is relevant and requires further study. The article describes the main vectors of convergence of the poetics of two writers: the genre experiment, the subjectivity of the narrative, «free composition», the use of various ways to eliminate the author's assessment, an unexpected combination of intonations, the combination of didactism and games, the activation of readers. Numerous Sternian quotations and reminiscences in Leskov's prose indicate that the creative connection of the writers was not only typological intimacy, but also a dialogue in «big time». In this regard, it seems significant as a

© Федотова А. А., 2019

more detailed comparative analysis of the reception of Lestern Stern's novels on specific textual material and the identification and differentiation of writers' poetics features.

Keywords: Russian literature of the XIX century, N. S. Leskov, L. Stern, «The life and opinions of Tristam Shandy, a gentleman», genre, narrative, reception, motive.

Проблема творческого диалога английского писателя-новатора XVII в. Лоренса Стерна и классика русской литературы II половины XIX в. Николая Семеновича Лескова стабильно привлекает внимание отечественных литературоведов. Об интересе Лескова к Стерну, который сохранялся на протяжении всей тридцатилетней деятельности писателя, говорили комментаторы его собрания сочинений (И. З. Серман, И. П. Видуэцкая и др.), известная исследовательница лесковского наследия Б. С. Дыханова [4]. В 2013 г. под руководством последней была защищена кандидатская диссертация И. В. Овчинниковой на тему «Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне»« [14]. Наблюдения ученых (см. также [13, 18]) касаются отдельных сторон творческого «диалога» писателей, однако комплексного исследования рецепции наследия Стерна Лесковым до сих пор не осуществлено.

В рамках данной статьи остановимся на одном из принципиальных моментов диалога двух авторов – рецепции Лесковым прозы Стерна в процессе индивидуального жанротворчества. Этот вопрос до сих пор не привлекал внимание литературоведов, хотя склонность Лескова к жанровому новаторству и жанровой рефлексии была давно отмечена учеными (В. А. Гебель, Л. П. Гроссман [3], также [15, 16, 21, 27]). Лесковское жанротворчество не ограничивается такими его «находками», как «пейзаж и жанр», «роман-хроника», «рапсодия», «рассказ кстати» или «картинка с натуры». К последним примыкает и следующее необычное жанровое обозначение, встречающееся в нескольких вариантах: «Очарованный странник, его жизнь, опыты, мнения и приключения» (подзаголовок сопровождал первую публикацию, в дальнейшем был снят), «Свои и чужие опыты, наблюдения и заметки» (подзаголовок очерка «Русские детели в Остзейском крае»), «Наблюдения, опыты и приключения Оноприя Перегуда из Перегудов» (подзаголовок повести «Заячий ремиз»). Работая над последней повестью, Лесков первоначально хотел озаглавить ее «Оноприй Перегуд из Перегудова: его жизнь, опыты и приключения». В отличие от таких жанровых обозначений, как «пейзаж и жанр» или «роман-хроника», эти лесковские определения не оригинальны. На наш взгляд, они могут расцениваться как аллюзия на любимый лесковский роман Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена» (1760-1767), цитаты из которого наиболее часты в лесковской прозе.

Исследователями творчества Стерна продемонстрировано, что жанровое обозначение «жизнь и мнения» указывает на принципиальные особенности романа английского писателя ([25, 26]). Во-первых, на его пародийную направленность в адрес распространенных в XVIII в. жанров романа-воспитания или исторического романа. В этой связи в качестве основного источника называется роман Д. Дефо «Жизнь, неообыкновенные и удивительные приключения Робинзона Круза» (1719). Во-вторых, в заголовке романа Стерна отразился большой интерес писателя к философии Дж. Локка, в частности к его новаторской для своего времени работе «Опыт о человеческом разумении» (1690). Согласно авторитетной позиции А. В. Хитрова [20], стернианские понятия «жизнь» и «мнения» соответствуют двум основным психическим процессам, свойственным человеческому сознанию и описанным Локком – ощущениям и рефлексии. Представителей разных подходов к трактовке жанра романа Стерна объединяет понимание того, что, трансформируя традиционные жанровые клише («приключения» – в «мнения»), Стерн первым из писателей-романистов перенес акцент с событийного ряда на его отражение в сознании нарратора.

Характер актуализации Лесковым жанрового подзаголовка достаточно необычен. Несмотря на различия в его вербальном оформлении, бросается в глаза сохранение нескольких инвариантных понятий. Прежде всего, это обязательно присутствующее «мнение» (или его синоним «наблюдение»), столь принципиальное для Стерна. В сказовых повестях Лескова – как и в романе-предшественнике – это маркер присутствия в тексте диегетического эксплицитного нарратора, чья точка зрения «управляет» повествованием (об этом подробнее см. [6, 23, 25, 28]).

Кроме того, Лесков вводит в подзаголовок отброшенное и переосмысленное Стерном понятие «приключения», тем самым реактуализируя связь своего произведения с романами-автобиографиями, пародируемыми в «Тристаме

Шенди», что вносит в текст оттенок анахронизма. Анахронизм жанрового подзаголовка еще более усиливается благодаря настойчивому повторению Лесковым слова «опыты», которое никак не мотивировано содержанием произведений. Более того, аллюзия на популярный жанр философской литературы XVII–XVIII вв. (представленный, кстати, и работой Локка, на которую столь часто ссылается Стерн), делает заголовок внутренне противоречивым. Контаминация в подзаголовке двух жанровых форм (философской и авантюрной), связанных эпохой создания, способствует рождению комизма, который еще более усиливается благодаря архаичности жанрового определения текстов. В случае сказовых повестей последнее свидетельствует об игровой направленности произведений: например, «Заячий ремиз» представляет собой пародию на роман-жизнеописание.

Однако отсылка к Стерну в подзаголовке произведений Лескова – это не только знак присутствия субъективного нарратора или признак пародийно-игрового характера текста. Не менее важна Лескову и особая свободная композиционная форма, для описания которой в повести «Заячий ремиз» писатель выбрал показательную фразу: «Писана эта штука манерой капризною, вроде повествований Гофмана или Стерна с отступлениями и рикошетами» [8, с. 606]. Интерес Лескова к необычной композиции стернианского романа объясняет, почему в один ряд с «Очарованным странником» и «Заячьим ремизом» попало произведение, от них совершенно отличное и из традиционных жанров наиболее близкое очерку («Русские деятели в Остзейском крае»).

Показательно, что один из первых литературоведов, отметивший влияние на лесковскую прозу Стерна, Л. П. Гроссман, считал, что последнее было опосредовано эксцентричными произведениями романтика А. Ф. Вельтмана. Гроссман подчеркивал, что и Вельтмана, и Лескова в романах Стерна привлекал «шендеизм», то есть специфический «композиционный принцип», опровергающий традиционные «правила» организации наррации (хронологическая последовательность событий, логическая организация материала). По мнению Гроссмана, Лесков, «неоднократно называвший в своих писаниях Стерна», применял «вельтмановский термин «шендеизм» к определению своей архитектоники» [3, с. 249].

Действительно, канонической повествовательной схеме писатель противопоставлял изменение хронологии, перестановки частей и глав, метатекстовые включения и неожиданные перемены сюжета. Угасание «принципа казуальности» и отсутствие единого сюжета приводит к включению компенсаторных механизмов формирования целостности текста, особую важность среди которых приобретает система эквивалентностей и лейтмотивов (об этом подробнее см. [17, 18, 19, 21]). Последнее свойственно и художественным, и фактуальным произведениям Лескова (о взаимодействии этих форм см., например, [2, 5]), написанным с учетом стернианского контекста. «Шандеизм» в фикциональной прозе Лескова был особенно востребован в сказовом нарративе, в публицистике – в произведениях очеркового характера. Именно эти «свободные» формы стали пространством для композиционного и повествовательного эксперимента писателя.

Так, в повести «Заячий ремиз» (1894) благодаря системе интертекстуальных по своей природе мотивов (гоголевский мотив «мании чина» и отсылающий к религиозным трактатам Г. Сковороды мотив «болвана») Лесков призывает читателя за пародийной и юмористической составляющей повести (сюжет, герои) увидеть серьезный нравственный и даже духовный подтекст. Во внутреннем сюжете произведения Лесков стремится продемонстрировать путь «преображения» «плотского» человека Перегуда («болвана») в подлинную, духовную личность (подробнее см. [18]).

Особенно парадоксальна актуализация «стернианской» манеры в публицистической прозе писателя – текстах, предполагающих прямое выражение авторской позиции. Тем не менее, в очерке «Русские деятели в Остзейском крае» (1883) Лесков предпринимает смелую попытку представить в первую очередь «чужие» «опыты, наблюдения и заметки»: среди «источников» очерка – и исторические документы (письмо Ю. Ф. Самарина), и художественные тексты (Ф. М. Достоевский «Записки из мертвого дома»), и религиозная литература («История выговской старообрядческой пустыни»). Со- и противопоставление этих текстов с помощью системы мотивов демонстрирует ограниченность позиций, с которыми полемизирует Лесков. Мнение писателя не выражено в прямом публицистическом слове, что требует проявления читательской активности.

Читателю предоставляется право «расшифровать» проведеныне автором параллели и увидеть за разрозненными, на первый взгляд, ирониче-

скими высказываниями в адрес крупнейшего идеолога славянофильства Самарина, пропагандиста почвенничества Достоевского и последователей старообрядчества целенаправленную полемику писателя с националистической по своему существу идеей превосходства русского народа «над всеми прочими» и столь же целенаправленно провозглашаемый идеал терпимости и любви (о религиозной и нравственной стороне творчества писателя см. интересные работы [1, 9, 10, 11, 12]).

Приведенные примеры показывают еще одну особенность поэтики Лескова, которая принципиально сближает его творчество с «методом» классика английской литературы. С точки зрения У. Эко, роман Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди», «творение, каждое слово которого осмысляет себя» [22, с. 447], является идеалом «открытого» для рецепции текста, требующим максимальной активности читателя. Лесковские тексты, созданные в стернианской «манере», часто тоже выглядят как игровая провокация. Зашифрованность произведений Лескова – как и текстов Стерна – провоцирует читателя на поиски скрытого в произведении смысла. Эти поиски должны увенчаться обнаружением истины, имеющей характер нравственного открытия. Парадоксальное и мастерское соединение дидактики и игры, как кажется, было одним из основных качеств прозы «остроумнейшего пастора» Стерна, которое привлекло Лескова и которое Лесков столь же талантливо реализовал в собственных произведениях.

Сделанные в статье наблюдения демонстрируют, что вопрос о влиянии индивидуального стиля Стерна на творческую манеру Лескова является актуальным и требует дальнейшего изучения. В статье указаны основные векторы схождения поэтики двух писателей: жанровый эксперимент, субъективность нарратива, «свободная композиция», применение различных способов устранения авторской оценки, неожиданное сочетание интонаций, соединение дидактизма и игры, активизация читателя. Многочисленные стернианские цитаты и реминисценции в лесковской прозе свидетельствуют о том, что творческая связь писателей носила характер не только типологической близости, но и диалога в «большом времени». В этой связи значимым кажется как более детальный сравнительный анализ рецепции Лесковым романов Стерна на конкретном текстовом материале (повести «Смех и горе», «Очарованный странник», «Заячий ремиз», роман-хроника «Соборяне»), так и выявление и дифференциация особенностей поэтики писателей.

Библиографический список

1. Андреева, В. Г. Человек и проблема антропоцентризма в русском романе второй половины XIX в. [Текст] / В. Г. Андреева // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4. – С. 13-22.

2. Головко, В. М. Философская повесть Н. С. Лескова 70-х гг. [Текст] / В. М. Головко. – Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный ун-т, 2016. – 250 с.

3. Гроссман, Л. П. Н. С. Лесков. Жизнь. – Творчество. – Поэтика [Текст] / Л. П. Гроссман. – М. : ОГИЗ, 1945. – 320 с.

4. Дыханова, Б. С. От «черноземного телемака» к перегудинскому «болвану» [Текст] / Б. С. Дыханова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2013. – № 1. – С. 199-206.

5. Ильинская, Т. Б. Старообрядческий брак в интерпретации Н. С. Лескова: соотношение художественного и публицистического образа [Текст] / Т. Б. Ильинская // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 2. – С. 308-312.

6. Ильинская, Т. Б. Особенности сказовой поэтики повести Н. С. Лескова «Полунощники» [Текст] / Т. Б. Ильинская // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 14-21.

7. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. Т. 11. Сочинения 1872 г. / Н. С. Лесков. – М. : Терра, 2012. – 914 с.

8. Лесков, Н. С. Собрание сочинений [Текст] : в 11 т. Т. 11 / Н. С. Лесков. – М. : ГИХЛ, 1958. – 862 с.

9. Лукашевич, М. Исследование религиозной проблематики в творчестве Николая Лескова : вопросы методологии [Текст] // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 105-115.

10. Лукашевич, М. Христианские ценности и предубеждения в повести Николая Лескова «Полунощники» [Текст] / М. Лукашевич // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 77-87.

11. Лукашевич, М. Церковная проблематика в ранней публицистике Н. С. Лескова [Текст] / М. Лукашевич // Церковь. Богословие. История : Материалы III Международной научно-богословской конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 335-342.

12. Лукьянчикова, Н. В. Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н. С. Лескова о духовенстве [Текст] / Н. В. Лукьянчикова // Культура. Литература. Язык : материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль : Изд.-во ЯГПУ, 2012. – С. 185-196.

13. Лученецкая-Бурдина, И. Ю., Федотова, А. А. Традиции пародийного романа Л. Стерна в повести Н. С. Лескова «Заячий ремиз» [Текст] /

И. Ю. Лученецкая-Бурдина, А. А. Федотова // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 6. – С. 222-225.

14. Овчинникова, И. В. Стернианские «отражения» и их функция в романе-хронике Н. С. Лескова «Соборяне» [Текст] / И. В. Овчинникова. – Воронеж, 2013. – 19 с.

15. Поспишил, И. Насущные вопросы лескововедения, Лесков в чешской среде [Текст] / И. Поспишил // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 87-99.

16. Поспишил, И. Чешский Лесков и его моравский переводчик [Текст] / И. Поспишил // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 145-157.

17. Старыгина, Н. Контекстуальная поэтика в творчестве Н. С. Лескова [Текст] / Н. Старыгина // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 171-181.

18. Федотова, А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – 342 с.

19. Федотова, А. А. Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова [Текст] / А. А. Федотова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 2. – С. 142-148.

20. Хитров А. В. Лоренс Стерн и британский ассоцианизм XVIII века [Текст] / А. В. Хитров // Вопросы философии. – 2008. – № 1. – С. 132-141.

21. Червинская, О. Реминисцентная ризоматичность литературного письма: лесковский текст «Зимний день (пейзаж и жанр)» [Текст] / О. Червинская // Лесков и вокруг. Контексты творчества и состояние современного лескововедения. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 13-29.

22. Эко, У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст] / У. Эко. – СПб. : Symposium; М. : РГГУ, 2005. – 502 с.

23. Ingham, N. W. The Case of the Unreliable Narrator: Leskov's «White Eagle» / N. W. Ingham // Studies in Russian literature in honor of V. Setchkarev. Slavica Publishers, 1986. – P. 153-165.

24. Kucherskaya, M. A. Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method / M. Kucherskaya // Scando-Slavica. – T. 62. – 2016. – № 1. – P. 234-242.

25. Laurence Stern in Modernism and Postmodernism / Amsterdam, 1996. – 156 p.

26. Laurence Stern: The critical heritage / ed. by A. B. Howes. – London, Routlege, 1995. – 235 p.

27. Pospíšil, I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova / I. Pospíšil // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17-27.

28. Sperrle, I. Ch. The Organic Worldview of Nikolai Leskov / I. Ch. Sperrle. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, Studies of the Harriman Institute, 2002. – 288 p.

Reference List

1. Andreeva, V. G. Chelovek i problema antropocentrizma v russkom romane vtoroj poloviny XIX v. = Man and the problem of anthropocentrism in the Russian novel of the second half of the XIX century. [Tekst] / V. G. Andreeva // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 4. – S. 13-22.

2. Golovko, V. M. Filosofskaja povest' N. S. Leskova 70-h gg. = The philosophical story by N. S. Leskov in the 1970s. [Tekst] / V. M. Golovko. – Stavropol' : Severo-Kavkazskij federal'nyj un-t, 2016. – 250 s.

3. Grossman, L. P. N. S. Leskov. Zhizn'. – Tvorchestvo. – Pojetika = N. S. Leskov. Life. – Works. – Poetry [Tekst] / L. P. Grossman. – M. : OGIZ, 1945. – 320 s.

4. Dyhanova, B. S. Ot «chernozemnogo telemaka» k peregudinskomu «bolvanu» = From «black-earth Telemachus» to Peregudy «airhead» [Tekst] / B. S. Dyhanova // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2013. – № 1. – S. 199-206.

5. Il'inskaja, T. B. Staroobrjadcheskij brak v interpretacii N. S. Leskova: sootnoshenie hudozhestvennogo i publicisticheskogo obraza = Old-fashioned marriage in the N. S. Leskov's interpretation: the ratio of artistic and journalistic image [Tekst] / T. B. Il'inskaja // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 2. – S. 308-312.

6. Il'inskaja, T. B. Osobennosti skazovoj pojetiki povesti N. S. Leskova «Polunoshhniki» = Features of fairy poetry in N. S. Leskov's story «Nighthawks» [Tekst] / T. B. Il'inskaja // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 3. – S. 14-21.

7. Leskov, N. S. Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works [Tekst] : v 30 t. T. 11. Sochinenija 1872 g. / N. S. Leskov. – M. : Terra, 2012. – 914 s.

8. Leskov, N. S. Sobranie sochinenij = Complete works [Tekst] : v 11 t. T. 11 / N. S. Leskov. – M. : GIHL, 1958. – 862 s.

9. 9.Lukashevich, M. Issledovanie religioznoj problematiki v tvorchestve Nikolaja Leskova : voprosy metodologii = Study of religious problematics in Nikolai Leskov's works: questions of methodology [Tekst] // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 105-115.

10. Lukashevich, M. Hristianskie cennosti i predubezhdenija v povesti Nikolaja Leskova «Polunoshhniki» = Christian values and prejudice in Nikolai Leskov 's «Nighthawks» [Tekst] / M. Lukashevich // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 77-87.

11. Lukashevich, M. Cerkovnaja problematika v rannej publicistike N. S. Leskova = Church problematics in N. S. Leskov's early publicism [Tekst] / M. Lukashevich // Cerkov'. Bogoslovie. Istorija : Materi-

aly III Mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii. – Ekaterinburg, 2015. – S. 335-342.

12. 12. Luk'janchikova, N. V. Hudozhestvennoe voploshhenie jeticheskogo ideala v proizvedenijah N. S. Leskova o duhovenstve = Artistic embodiment of the ethical ideal in N. S. Leskov's works about clergy [Tekst] / N. V. Luk'janchikova // Kul'tura. Literatura. Jazyk. : materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo». – Jaroslavl' : Izd.-vo JaGPU, 2012. – S. 185-196.

13. Lucheneckaja-Burdina, I. Ju., Fedotova, A. A. Tradicii parodijnogo romana L. Sterna v povesti N. S. Leskova «Zajachij remiz» = Traditions of L. Stern 's parody novel in N. S. Leskov 's «The Hare Remise» [Tekst] / I. Ju. Lucheneckaja-Burdina, A. A. Fedotova // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 6. – S. 222-225.

14. Ovchinnikova, I. V. Sternianskie «otrazhenija» i ih funkcija v romane-hronike N. S. Leskova «Soborjane» = Sternian «reflections» and their function in N. S. Leskov 's novel-chronicle «Soborians» [Tekst] / I. V. Ovchinnikova. – Voronezh, 2013. – 19 s.

15. Pospishil, I. Nasushhnye voprosy leskovovedenija, Leskov v cheshskoj srede = Urgent issues of the study on Leskov, Leskov in the Czech environment [Tekst] / I. Pospishil // Zlomová období ruské kultury z pohledu literatury (Karamzin, Leskov, Merežkovskij, Babel). – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 87-99.

16. Pospishil, I. Cheshskij Leskov i ego moravskij perevodchik = Czech Leskov and his Moravian translator [Tekst] / I. Pospishil // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 145-157.

17. 17. Starygina, N. Kontekstual'naja pojetika v tvorchestve N. S. Leskova = Contextual poetry in N. S. Leskov's works [Tekst] / N. Starygina // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 171-181.

18. Fedotova, A. A. «Trudnyj rost»: recepcija v proze N. S. Leskova = «Difficult growth»: reception in N. S. Leskov's prose [Tekst] / A. A. Fedotova // Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – 342 s.

19. 19. Fedotova, A. A. Jekvivalentnost' personazhej v skaze N. S. Leskova = Equivalence of characters in N. S. Leskov's tale [Tekst] / A. A. Fedotova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 142-148.

20. Hitrov A. V. Lorens Stern i britanskij associanizm XVIII veka = Lawrence Stern and XVIII century British associanism [Tekst] / A. V. Hitrov // Voprosy filosofii. – 2008. – № 1. – S. 132-141.

21. Chervinskaja, O. Reminiscentnaja rizomatichnost' literaturnogo pis'ma: leskovskij tekst «Zimnij den' (pejzazh i zhanr)» = Reminiscent risomatics of literary writing: Leskov text «Winter Day (Landscape and Genre)» [Tekst] / O. Chervinskaja // Leskov i vokrug. Konteksty tvorchestva i sostojanie sovremennogo leskovovedenija. – Brno : Ústav slavistiky FF MU, 2017. – S. 13-29.

22. Jeko, U. Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta = The reader's role. Research on text semiotics [Tekst] / U. Jeko. – SPb. : Symposium; M. : RGGU, 2005. – 502 s.

23. Ingham, N. W. The Case of the Unreliable Narrator: Leskov's «White Eagle» / N. W. Ingham // Studies in Russian literature in honor of V. Setchkarev. Slavica Publishers, 1986. – P. 153-165.

24. Kucherskaya, M. A. Journalist, Reader And Writer: Investigating Leskov's Creative Method / M. Kucherskaya // Scando-Slavica. – T. 62. – 2016. – № 1. – P. 234-242.

25. Laurence Stern in Modernism and Postmodernism / Amsterdam, 1996. – 156 p.

26. Laurence Stern: The critical heritage / ed. by A. B. Howes. – London, Routlege, 1995. – 235 p.

27. Pospíšil, I. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova / I. Pospíšil // Jazykoveda v pohybe. Bratislava: FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, 2012. – S. 17-27.

28. Sperrle, I. Ch. The Organic Worldview of Nikolai Leskov / I. Ch. Sperrle. – Evanston, Illinois: Northwestern University Press, Studies of the Harriman Institute, 2002. – 288 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10478
УДК 821.161.1.09

В. Г. Андреева https://orcid.org/0000-0002-4558-3153

«Азбука» и «Новая азбука» Л. Н. Толстого

Статья посвящена аналитическому изучению книг Л. Н. Толстого для народного чтения «Азбука» и «Новая азбука», истории создания этих сборников, исследованию их специфики, а также осмыслению их роли в творческом пути Толстого. Первые наброски планов будущей «Азбуки» писатель сделал еще в сентябре 1868 г. В статье приводятся цитаты и анализируется небольшой, но очень значимый отрывок, который фигурирует в записной книжке Толстого под названием «Первая книга для чтения и Азбука для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого». Автор статьи показывает, что педагогическая работа Толстого стала результатом осмысления им положения народа и его нужд в начальном образовании, попыткой развития и просвещения яснополянских крестьян, а также необходимой отдушиной, найденной во время некоторого перерыва в художественном творчестве. Деятельность Толстого, который к этому времени уже стал отцом, по учреждению школ была вызвана и его осознанием значимости воспитания и образования подрастающего поколения. В статье показывается, что как и ко всем других вопросам, к созданию книг для детского чтения Толстой подошел очень основательно, он оказался педагогом-новатором, во многом открывавшим свои методы и систему обучения.

Отдельное внимание в статье уделяется приемам создания художественной целостности книги, обозначению и осмыслению отдельных форм заимствований и творческих освоений. «Азбука» продумана до мельчайших деталей, и хотя в ней есть место чудесам, читатель чувствует, что художественный мир книги необыкновенно близок к реальности: Толстой не скрывает от читателей страшной правды жизни, он предостерегает реципиента от опасностей и заблуждений, однако делает это очень ненавязчиво. В «Азбуке» Толстой идет к национальному эпосу, который жив в общности русских людей, в народном единении. Автор статьи приходит к выводу о том, что педагогическая деятельность много дала и самому писателю: осмысление еще одной области знания и реальное практическое дело сыграли значительную роль в формировании нового стиля Толстого.

Ключевые слова: Толстой, «Азбука», «Новая азбука», детская литература, стиль, образование, народ, нравственный поиск, педагогика.

V. G. Andreeva

«Alphabet» and «New alphabet» of L. N. Tolstoy

The article is devoted to analytical study of books by L. N. Tolstoy for national reading «The Alphabet» and «The new alphabet», stories of creation of these collections, to a research of their specifics and also judgment of their role in a career of Tolstoy. The writer made the first drafts of plans of future «The Alphabet» in September, 1868. In the article there are citations and a small, but very significant fragment is analysed, which appears in the notebook of Tolstoy under the name «The first book for reading and the Alphabet for family and school with manual to the teacher by Count L. N. Tolstoy». The author of the article shows that pedagogical work of Tolstoy became a result of his judgment of a position of the people and their needs in primary education, attempt in development and education of Yasnaya Polyana peasants and also the necessary outlet found during some break in art creativity. Activity of Tolstoy who had already become by that time a father on establishment of schools was caused also by his awareness of the importance of education and education of younger generation. In the article it is shown that as well as to all other questions, Tolstoy was very responsible when he created books for children's reading, he was the teacher innovator in many respects opening the methods and the system of training.

In the article special attention is paid to methods of creation of the book art integrity, designation and judgment of some forms of borrowings and creative development. «The Alphabet» is thought over in detail and though there is space for miracles, the reader feels that the art world of the book is unusually close to reality: Tolstoy does not hide from readers terrible facts of life, he warns the recipient against dangers and delusions, however does it very unostentatiously. In the «Alphabet» Tolstoy goes to the national epos, which is alive in community of the Russian people, in national solidarity. The author of the article comes to the conclusion that pedagogical activity gave a lot to the writer: judgment of one more field of knowledge and real practical business played a significant role in formation of Tolstoy’s new style.

Keywords: Tolstoy, «Alphabet», «New alphabet», children's literature, style, education, people, moral search, pedagogics.

© Андреева В. Г., 2019

Гениальный писатель, талантливый публицист, мыслитель и философ, Л. Н. Толстой был еще и одаренным педагогом. Все аспекты его деятельности были тесно взаимосвязаны и во многом обусловливали движение Толстого по тому пути самосовершенствования, который он считал первостепенным для любого человека.

Педагогическая работа Толстого стала результатом осмысления им положения народа и его нужд в начальном образовании, необходимой отдушиной, некоторым перерывом в творчестве художественном. А. М. Зверев очень хорошо передает настроение писателя накануне открытия яснополянской школы и поиск Толстым нового дела: «Осенью 1859 года Толстому кажется, что он его нашел: он посвятит себя народному образованию. В последующие два года педагогика будет главным увлечением Толстого, таким серьезным, словно его судьба зависела от того, сумеет он или не сумеет обучить деревенских марфуток и тарасок» [3, с. 165]. Деятельность писателя по учреждению школ была вызвана попыткой развития и просвещения яснополянских крестьян, и, разумеется, осознанием Толстым, который к этому времени уже стал отцом, значимости воспитания и образования подрастающего поколения. Кроме того, с уверенностью можно сказать, что работа с детьми и подготовка изданий для них сыграли значительную роль в формировании нового стиля писателя. Как справедливо отмечает К. В. Булавкин, «работа над „Азбукой" совпала у писателя с периодом коренного пересмотра сложившихся приёмов художественного изображения, стиля и языка. Стремясь обновить литературный язык, он решительно вводит в свои произведения лексические и фразеологические богатства народной речи» [1, с. 67]. Б. М. Эйхенбаум назвал «Азбуку» «творческой лабораторией» писателя, в которой проводился эксперимент над языком художественной прозы [11, с. 75]. Большинство исследователей творчества Толстого, обращавшихся к педагогическим работам писателя, считают «Азбуку» одним из его художественных шедевров. «„Азбука" как долгих лет педагогических исследований и опытов Толстого является уникальным примером собственной образовательной концепции, тесно увязанной с художественными исканиями писателями, прежде всего в области языка. Она уникальна и представляет собой единую книгу, подчиненную определенным педагогическим и художественным принципам», – отмечают Э. М. Жилякова и В. Ю. Скирневская [2, с. 8].

Наверное, мало кто из взрослых русскоязычных читателей не знаком с рассказами из «Новой азбуки» или «Азбуки» Толстого – на слуху у современного читателя такие истории, как «Филипок», «Пожарные собаки», «Слон», «Косточка», «Лев и собачка», «Булька» и др. Кроме того, многие басни и были помнятся читателю не по ранее существовавшим образцам, а по переработкам Толстого.

В основу «Азбуки» лег многолетний педагогический опыт Л. Н. Толстого, его наблюдения за особенностями работы с детьми, размышления над выбором наиболее приемлемых и интересных материалов, способствующих планомерному обучению и гармоничному духовно-нравственному развитию детей.

Вне всякого сомнения, «Азбука» стала результатом всей предшествующей сложной литературной и духовной работы писателя, определенным этапом на пути его исканий правды жизни и, что очень важно, частью этой правды. В «Азбуке» и «Новой азбуке» Толстой выступал как педагог-экспериментатор, не побоявшийся сказать свое слово в методике преподавания. Толстой пришел к мысли о необходимости создания книг для обучения детей с твердым убеждением о том, что дворяне практически ничего не знают о народном образовании. Об этом незнании Лев Николаевич писал 14 ноября 1865 г. А. А. Толстой: «Я все много думаю о воспитании, жду с нетерпением времени, когда начну учить своих детей, собираюсь тогда открыть новую школу и собираюсь написать resume всего того, что я знаю о воспитании и чего никто не знает, или с чем никто не согласен» [9, т. 61, с. 116].

Площадкой для экспериментальной педагогической работы Толстого стала Яснополянская школа для детей, в которой он работал учителем, учился понимать простых ребят, следить за ходом их мысли, осознавать их потребности и интересы. Большинство методов и приемов обучения, которые были использованы Толстым при создании книг для детей, книг для народного чтения, апробировались им в Яснополянской школе в конце 1850-х – начале 1860-х гг. А вопросам педагогики Толстой уделял внимание и на страницах журнала «Ясная поляна». «Толстой, чьи творческие и аналитические способности представляются равновеликими, изменил бы себе, если бы не попытался теоретически обосновать свои занятия педагогикой. В статьях, написанных для журнала „Ясная Поляна", определены основные принципы его педагогической деятельности, в том числе и основ-

ные требования к учебным книгам и книгам для детского чтения. Эти требования и принципиальные позиции формирования учебной литературы можно проследить по педагогическим статьям практически в полном объеме, оставляя в стороне многие общие и конкретные вопросы школьного дела и его организации», – отмечает Е. В. Николаева [6, с. 40].

Яснополянскую школу Толстой противопоставлял другим официальным школам, обучение в которых, по мысли писателя, одуряющее действовало на учеников, убивало душу и разум. В «Воспоминаниях» Т. Л. Сухотина-Толстая называет обучение детей одним из самых любимых дел отца: «Написав „Четыре книги для чтения" и „Азбуку", папа захотел проверить их на деле, и опять он принялся за одно из самых любимых дел своей жизни – за обучение крестьянских детей. <…> Для школы было назначено всего два часа с небольшим. Начинались занятия тотчас после нашего обеда, то есть в шестом часу вечера, и продолжались до того времени, как нам пора было идти спать. Папа учил старших мальчиков в своем кабинете. Мама взяла себе девочек и учила их в другой комнате, а мы трое учили совершенно безграмотных детей буквам в передней» [8, с. 101].

Толстой оказался педагогом-новатором, во многом открывавшим свои методы и систему обучения. С самого молодого возраста прекрасно усвоивший пользу и значимость самообразования, Толстой, прежде чем начать работу по составлению «Азбуки», изучил огромное количество научной и учебной литературы, причем и зарубежной, и отечественной. В 1860-1861 гг. Толстой, путешествующий по Западной Европе, знакомится с характерной для Запада системой обучения и воспитания, изучает множество книг, ряд из которых он по заказу направлял в Россию для последующего ознакомления. Так, в архиве писателя хранится большой библиографический список английских книг с отметками – «Заметки об английских учебных книгах для школ» [9, т. 8, с. 395]. Живой интерес Толстого к зарубежным педагогическим системам и освоение опыта коллег, конечно, очень положительно отразились на подготовке писателя к серьезным занятиям педагогикой и составлением собственных книг.

Проблемы педагогики, вопросы воспитания всегда были интересны Толстому как внимательному отцу. Кроме того, непосредственность и чистота нравственного чувства, которые так ценил Толстой в людях, все чаще обращали его внимание на детей. Вспомним, какое большое значение имеет детская тема в произведениях Толстого. В романах Толстого – «Войне и мире», «Анне Карениной» и «Воскресении» – образы детей во многом призваны показать читателю настоящую жизнь, ее ценность, ее смысл.

Кроме того, в педагогике в начале 1860-х гг. Толстой видит смысл жизни и реальное дело, которое ему всегда было так необходимо. Отчасти разочаровываясь в художественном творчестве, Толстой находит «привязку к жизни» в изучении устройства школ. Вот что пишет Лев Николаевич из Гиера А. А. Толстой 6 декабря 1860 года: «Вы знаете, верно, мое занятие школами с прошлого года. Совершенно искренно могу сказать, что это теперь один интерес, который привязывает меня к жизни. К несчастью, я нынешнюю зиму не могу им заниматься на деле и на месте, а только работаю для будущего» [9, т. 60, с. 362]. Реальное, «новое» дело очень требовалось Толстому после смерти старшего брата Николая, обострившей и воскресившей для писателя многочисленные вопросы о смысле бытия, скоротечности жизни, о месте и назначении отдельно взятого человека, о преходящем и вечном.

Нельзя не учитывать и того, что педагогика, за которую, как и за все другие занятия и увлечения, Толстой взялся страстно и основательно, отчасти подтолкнула писателя к более глубоким размышлениям о нравственном развитии и становлении человека. Н. В. Кудрявая отмечает две позиции, с которых Толстой рассматривал духовные ценности, подчеркивая роль педагогической деятельности в общем пути динамики философских размышлений писателя: «С одной стороны, он рассматривает духовные ценности как нормы долженствования, как априорные духовные феномены. Такая позиция, идущая из глубин Ветхого Завета и философии И. Канта, четко просматривается в педагогических статьях 1860-1870-х гг. Но по мере занятий с детьми на темы морали у Толстого обнаруживается тяготение к онтологическому подходу, согласно которому ценности создаются в бытии, в опыте. Более того, он все больше чувствует во время занятий по истории и географии ту „пропасть", которая возникает в процессе преподавания между „мертвым" содержанием обучения, которое он старается „оживить", и детьми» [5, с. 276].

Первые наброски планов будущей «Азбуки» Толстой сделал в сентябре 1868 г. В записной книжке писателя есть небольшой, но очень значимый для проекта отрывок, который фигурирует под названием «Первая книга для чтения и Азбука

для семьи и школы с наставлением учителю графа Л. Н. Толстого». Примечательно, что в этом наброске присутствуют многие различные составляющие будущих русских книг для чтения. Здесь есть кратко описанные Толстым этапы обучения чтению: «*1. Знание букв; 2. Умение откидывать ненужную "е" в согласных и складывать на слух; 3. Складывать буквы прочтенные; 4. Соединять два склада. Запомнить первый и, прочтя 2-й, повторить 1-й и присоединить к нему второй*» [9, т. 48, с. 167]. Толстой предлагает общественности и, в первую очередь, учителям новую систему и методику обучения буквам алфавита (вместо не имевшего альтернативы использовавшегося тогда буквослагательного метода Толстой предложил слуховой метод изучения). Сначала Толстой предполагал изучить алфавит (учитель должен для начала познакомить ученика с буквами, читая за него): к каждой букве алфавита предлагается рисунок, помогающий ребенку быстрее запомнить новую букву. На примере ряда предложений и картинок к ним, также ориентированным на изучение букв в последовательности расположения в алфавите, и одной короткой истории о мальчике Ване и щенке Буяне, Толстой показывает вариант постепенного перехода от одной ступени к другой [9, т. 48, с. 172-177].

В целом методика изучения алфавита и прием постепенного усложнения текстов так и сохранились Толстым, оказались реализованными в окончательном варианте четырех книг для чтения, изменения были внесены лишь в сопровождение букв и предложений рисунками. Педагогический опыт Толстого, его наблюдения за учениками в Яснополянской школе показали, что попытка угадывания школьником буквы по сюжетному рисунку значительно затрудняет восприятие и усложняет процесс обучения. В связи с этим Толстой убрал все иллюстрации с сюжетами и оставил рисунки лишь при изучении букв алфавита, сопроводив каждую букву ясным и понятным рисунком какого-либо конкретного предмета. Иллюстрации были убраны и из небольших предложений-рассказов – Толстой ориентировал ребенка на осознание смысла и предполагал развитие фантазии и воображения учеников.

Примечательно уже это первое название набросков художественно-педагогического проекта: книга Толстого изначально была рассчитана на очень широкую разновозрастную аудиторию. Разумеется, «Азбука» и «Новая азбука» оказались в первую очередь книгами для детей, причем всех сословий (по «Азбуке» обучение языку и основам наук могло вестись как индивидуально, в дворянских семьях (учителями или родителями), так и массово – в школах). Но по книгам Толстого могли учиться и учились грамоте и уже взрослые крестьяне. Именно этого и хотел сам Толстой, задачей которого было, в первую очередь, образование народа. «Цель одна – образованье народа. Одна моя вера (которая, смутно чувствуя, привязала меня к делу воспитания). Мы ничего не знаем. Одна надежда знать – это знать всем вместе – слить все классы в знании науки», – отметил Лев Николаевич в записной книжке 28 марта 1861 г. [9, т. 48, с. 82]. Конечно, значима и сама дата этой записи – прошло около месяца со дня отмены в России крепостного права, вопрос о месте крестьянства как класса и уровне его развития оставался одним из самых актуальных.

С 1868 и примерно до сентября 1871 гг. Толстой проделал значительную подготовительную работу по сбору материала для будущих книг. Им были пересмотрены и изучены учебные книги Н. И. Греча, П. Бенедиктова, диакона Бухарева, А. Дараган, книги для чтения К. Д. Ушинского, П. Е. Басистова, И. И. Паульсона, А. И. Кирпичникова, Ф. А. Гилярова и др. Но, как это характерно для всего творчества Л. Н. Толстого, заимствованные элементы, освоенные им в процессе изучения произведений современников, попадая в художественные миры Толстого, становились особенными, истинно толстовскими и приобретали характерное звучание. Переложение басен и историй, заимствованных у других писателей, зарубежных сказок, наполненных деталями русского быта, придавало «Азбуке» и «Новой азбуке» своеобразный колорит.

22 декабря 1871 г. Толстой отвез первую книгу «Азбуки» в Москву для печати, и в течение трех недель искал подходящую типографию. Толстой заключил договор с типографией Риса, однако сроки работы его в дальнейшем не устроили. В течение первой половины 1872 г. Толстой продолжал работать над первой и второй книгами «Азбуки», отправленными в печать, однако набрана была лишь часть материалов, которые еще необходимо было значительно дополнять в связи с новыми наработками и поправками Толстого. Просмотром и переработкой материалов «Азбуки» занимался ближайший друг писателя, Н. Н. Страхов. Вышла «Азбука» в начале ноября 1872 г., Толстой с нетерпением ждал от П. А. Берса новостей о быстрой продаже книги, однако надежды писателя не оправдались. Продажи и авторитет издания подрывали негативные

отзывы в журналах и газетах, и главное – неодобрение Министерства просвещения. После повторного письма Толстого министру просвещения, после обнародования вердикта комиссии, в целом одобрившей книгу, но адресовавшей отдельные ее части разной аудитории и отметившей ряд замечаний, Толстой занялся переработкой «Азбуки» и созданием «Новой азбуки». Последняя была снабжена авторским предисловием, а также методической статьей «Как учить по слуховому способу», имела более четкое построение частей в динамике от простого материала к сложному. Кроме того, в «Новую азбуку» не был включен ряд рассказов.

«Новая азбука» была одобрена цензурой 5 мая 1875 г., а после рекомендована Министерством народного просвещения для школ.

Предисловие, написанное Толстым для «Новой азбуки», включает краткое описание строения книги, задачу ее: «Задача „Азбуки" состоит в том, чтобы за наименьшую цену дать учащимся наибольшее количество понятного материала, расположенного в такой правильной постепенности, от простого и легкого к сложному, чтобы постепенность эта служила главным средством обучения чтению и письму, по какому бы то ни было способу» [9, т. 21, с. 3], перечисление возможных трудностей учеников, приемлемости использования учителем различных методов обучения, а также напутственное слово педагогам. Однако в целом «Азбука» и «Новая азбука» вообще не требуют каких-либо пояснений.

Очень важно, что занятия по «Новой азбуке» могли и могут быть полностью самостоятельными. Роль учителя в данном случае ограничивается направлением учеников, которым с самого начала предлагается занимательное самостоятельное чтение. О. В. Кабашева пишет, что на создание «Азбуки» и «Новой Азбуки» Толстой потратил 17 лет: «Для этих учебников Л. Н. Толстым было написано 629 произведений, из них 133 – на естественнонаучные темы» [4, с. 112]. Как много раз говорил и писал сам Л. Н. Толстой, материал в его книгах расположен в порядке усложнения: от простого к сложному. Причем усложняются тексты как по форме, так и по содержанию. От зарисовок-миниатюр, кратких басен, достаточно простых и по своему построению, Толстой переходит к более сюжетным историям. Усложняется постепенно и язык рассказов: в текстах появляются сложные и осложненные предложения, диалоги, в рамках одного текста Толстой использует несколько типов речи, переходя от описания или повествования к рассуждению. В финалах всех четырех книг для чтения мы видим переработанные тексты былин, а до былин – самые сложные рассказы. Так, к примеру, в конце «Первой русской книги для чтения» помещено более сложное (по сравнению с предшествовавшими ему описаниями «Эскимосы» и «Море») описание «Сан-готардская собака». Описание это уже содержит и географические названия, и описание местности, и краткий сюжет. А следующие далее два рассказа «Рассказ мужика о том, за что он старшего брата своего любит»; «Как я в первый раз убил зайца» и сказка «Мальчик с пальчик» позволяют маленькому читателю прикоснуться к сложным семейным отношениям, посмотреть со стороны не на одно качество конкретного героя, а оценить ситуации и различные чувства, состояния персонажей. Мы видим любовь, благодарность, стыд и неловкость брата, выручаемого другим братом, а также целую гамму чувств брошенных детей и бросающих их на произвол судьбы родителей.

«Новая азбука» получилась еще и настоящей настольной книгой для учителя и ученика, она была призвана дать ответы на многочисленные вопросы, возникающие у ребят. Толстой мастерски чередует различные занимательные рассказы, не только развивая вкус, обучая языку, но и пополняя знания читателей в различных областях: в книгах для чтения немало важных и ценных знаний по истории («Ермак», «Основание Рима»), географии («Эскимосы», «Сан-готардская собака», «Шат и дон»), ботанике («Яблони», «Дуб и орешник», «Старый тополь», «Черемуха», «Как ходят деревья»), зоологии («Как волки учат своих детей», «Русак»), физике («От скорости сила», «Тепло», «Магнит», «Разная связь частиц», «Кристаллы») и т. п. Сведения из различных областей преподносятся ученикам в форме занимательных рассказов. Примечательно, что в толстовских книгах для чтения мы видим умелое чередование жанров: басни, были, рассказы, описания, рассуждения, сказки, истории перемежаются и, вкупе со сменой областей знаний и объектов изображений, создают пеструю картину маленьких историй, слагающихся в большую жизнь. Отдельно необходимо сказать и о детских рассказах: в «Новую азбуку» в обработке Толстого вошли некоторые истории, придуманные крестьянскими учениками Яснополянской школы («Солдаткино житье»; «Как мальчик рассказывал про то, как его в лесу застала гроза»).

Работа Толстого над «Азбукой» и «Новой азбукой» показала мастерство писателя в области за-

имствований, освоений и творческих переложений. Более того, трудясь над книгами для чтения, писатель, разумеется, совершенствовал свое искусство творческого освоения текстов (это умение очень пригодилось Толстому при работе над романом «Анна Каренина», который был создан писателем в сложном и богатом литературном контексте (женский вопрос, семейная тема в 1870-е гг. были подняты многими писателями). Для «Новой азбуки» Толстым было переработано множество известных басен и сказок, народных пословиц, поучений, ряд былин. Особое место в «Новой азбуке» принадлежит переложениям басен Эзопа, вольных переложений русских, персидских, индийских, немецких, турецких сказок.

Поистине жемчужинами оказываются среди остальных переработок собственно художественные рассказы Толстого. Маленьким прозаическим шедевром о силе и покорности, о верности и настоящей любви живых существ является рассказ «Лев и собачка». Есть среди толстовских сочинений в «Третьей книге для чтения» даже небольшой цикл историй: «Булька», «Булька и кабан», «Фазаны», «Мильтон и Булька», «Черепаха», «Булька и волк», «Что случилось с Булькой в Пятигорске», «Конец Бульки и Мильтона», посвященный собакам, Кавказу, охоте, взаимоотношениям человека и собаки – одного из самых верных и преданных его спутников. Толстой мастерски описывает обеих собак, и внешний их вид, и поведение. Писатель показывает детям лучшие качества, присущие собакам: находчивость, отвагу, преданность, силу, стремительность, а также учит маленьких читателей видеть в собаках разные характеры, привычки, особенности поведения. Собаки у Толстого по изобретательности иногда уподобляются людям. Так, герой-охотник ничего не может поделать с Булькой, который мешает легавому псу Мильтону искать дичь, но тут сам Мильтон находит выход из ситуации и помогает хозяину отыскать такой способ, который позволит избежать наказания Бульки: «Я отзывал Бульку, бил, но ничего не мог сделать с ним. Как только Мильтон начинал искать, он бросался вперед и мешал ему. Я хотел уже идти домой, потому что думал, что охота моя испорчена, но Мильтон лучше меня придумал, как обмануть Бульку. Он вот что сделал: как только Булька забежит ему вперед, Мильтон бросит след, повернет в другую сторону и притворится, что он ищет. Булька бросится туда, куда показал Мильтон, а Мильтон оглянется на меня, махнет хвостом и пойдет опять по настоящему следу» [9, т. 21, с. 237].

Немало среди рассказов описаний, которые кому-то из читателей могут показаться милыми, а кому-то – отвратительными: примером может быть описание собачки Бульки: «У всех мордашек нижняя челюсть длиннее верхней и верхние зубы заходят за нижние; но у Бульки нижняя челюсть так выдавалась вперед, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами. Лицо у Бульки было широкое; глаза большие, черные и блестящие; и зубы и клыки белые всегда торчали наружу» [9, т. 21, с. 233]. Также важно, что Толстой не скрывает от читателя правду жизни, иногда тяжелую и горькую. Наряду с интересными случаями и прекрасными, увлекательными описаниями в книгах для чтения немало смертей, тяжелых происшествий. Писатель не приукрашивает действительность. Так, в вышеупомянутом цикле историй про собак, как и в целом во всей «Новой азбуке», в «Азбуке» соседствуют прекрасное и страшное, жизнь и смерть. Дело в настоящих сложностях жизни, которая, как показывает автор, всегда может оказаться на грани. Хороший пример тому – ранение Бульки или чудесное спасение пса от колодников из острога, которые убивают бездомных собак. В первом случае читатель сталкивается с несколько натуралистичной картиной спасения пса, которому вправляют кишки и зашивают живот, во втором случае мы видим чудесное спасение Бульки, выскользнувшего от колодников, страшно и безжалостно убивавших собак (сцена убийства дворняжки заставляет содрогнуться даже взрослого человека).

Толстой учит читателей быть осмотрительными и бдительными, быть начеку, а самое главное – быть в ответе за свои поступки. Вспомним, к примеру, гибель коровы Буренушки из были «Корова». Стараясь скрыть следы своего преступления, мальчик Миша, разбив стакан, большие соколки зарывает, а маленькие бросает в пойло корове. Буренушка погибает, а семью ждет голод. Целый год бабушка, нанявшаяся в няни, зарабатывает на новую корову, приобретение которой становится настоящим праздником для крестьянской семьи.

Максимальная откровенность Толстого требует «разговора по душам», предельной честности читателя. Помимо обучения языку, развития вкуса, попытки дать начальное практическое образование, Толстой воспитывает своего читателя из народа или маленького читателя, прививает ему ценности и любовь к прекрасному, учит видеть в жизни самое важное и отделять первостепенное от второстепенного.

В «Новой азбуке» нет ни одного рассказа, который бы не содержал морали, наставления, хотя толстовская мораль не явна (в баснях Толстой стандартную финальную мораль, наоборот, почти убирает). Разумеется, эти наставления не даны в форме императива, не высказаны открыто: из самого хода рассказа, из каждой истории читатель должен сделать многозначительный вывод. Толстой напоминает своим читателям о чувстве долга и справедливости, взаимопомощи, доброте, чуткости, жалости и меньшим, осуждает жадность и лицемерие, обманы, подлость и т. д. Так, в басне «Муравей и голубка» главные герои вовремя оказывают помощь друг другу: голубка спасает тонущего муравья, а муравей помогает голубке улететь от охотника, в басне «Лев и мышь» речь идет о такой же взаимовыручке, однако сюжет еще осложнен недоверием льва к мыши и ее способности оказать ему услугу. Благородство и помощь пса пожарным описаны в были «Пожарные собаки» – истории о спасении девочки из пожара большой обученной собакой. Глупость сыновей и злорадство, зависть соседей видим мы в маленькой басне «Дележ наследства», безрассудство любящего человека – в сказках «Мышь-девочка», «Уж», находчивость простых крестьян – в сказках «Липунюшка», «Как мужик гусей делил», были «Как мужик убрал камень», жадность и безволие – в басне «Олень и виноградник».

Есть в «Новой азбуке» и просто ряд историй, повествующих о жизни и ее законах, о том, как несправедливо складываются обстоятельства по отношению к самым преданным существам. В басне «Бешеная собака» хозяину дома приходится стрелять в любимца семьи, Дружка, защитившего детей от бешеного волка, но заразившегося от него бешенством. Рассказ ставит каждого из нас в ситуацию сложного выбора и необходимости решительного поступка: «Барин вынес ружье и подошел к Дружку. Он прицелился в него, но рука тряслась у него, когда он целился. Он выстрелил и не попал в голову, а в зад. Собака завизжала и забилась. Барин подошел ближе, чтобы рассмотреть, что с ним. Весь зад у Дружка был в крови, а обе задние ноги перебиты. Дружок подполз к барину и стал лизать ему ногу. Барин затрясся, заплакал и убежал в дом. Тогда кликнули охотника, и охотник из другого ружья до смерти убил собаку и унес ее» [9, т. 21, с. 164]. Поразительно, как лаконично и емко описывает Толстой происшедшее, как с помощью ряда коротких предложений писатель рисует целую картину. В приведенном отрывке из рассказа совсем нет эпитетов, только субъекты, объекты и действия, однако этот финал вызывает массу чувств.

Отдельное место занимают в «Новой азбуке» сказки. Толстой старался максимально сохранить колорит тех стран, сказки которых он брал для переложения. Благодаря сказкам в «Новой азбуке» живет чудо и его ожидание, максимально расширяются границы повествования, а в художественном мире книги появляются необычные герои.

М. А. Чудакова считает, что опираясь на классификацию нравственных ценностей, рассказы Толстого можно разложить на ряд тем: «1. Чувство справедливости, долг а. 2. Совесть, стыд, ответственность за свои мысли, поступк и. 3. Непротивление злу насилие м. 4. Противоречия, хаос и несчастья, которые порождает человек своим неразумным поведение м. 5. Вера – Любовь – Добро – Благо – Красота» [10, с. 310]. Разумеется, деление рассказов на группы может быть еще более дробным, однако, по нашему мнению, смысл книг состоит как раз не столько в вычленении отдельных рассказов, сколько в описании всей «Новой азбуки» как художественного целого. Толстой стремится воспитать в маленьких читателях интерес, любовь ко всему живому, умение прислушиваться и присматриваться к окружающему миру, видеть в нем не только себя, а множество живых существ, и при этом осознавать себя как маленькую часть огромного мира.

Формируя образец достойного поведения, Толстой складывает для читателя и образ идеального героя, вбирающего в себя достоинства всех персонажей. Не случайно каждая из книг для чтения, как мы уже говорили, завершается переложением былины: Толстой идет к самому масштабному, к русскому национальному эпосу, с которого все начиналось, который жив в общности русских людей, в народном единении. Образы богатырей, нисколько не противопоставленные святым в книгах для чтения, хранят широту, ту подспудную силу, которой велика и могущественна русская земля.

Самым объемным и сюжетным рассказом в «Новой азбуке» является рассказ (быль) «Кавказский пленник», продолжающий тему Кавказа во всей русской литературе и гармонично вписывающийся в эту тему в творчестве Толстого. Быль призвана не только продолжить систему противопоставленных образов во всех книгах для чтения (Жилин – Костылин), но и подвести своеобразный итог этим антитезам. В «Кавказском пленнике» звучит гимн человечности (Жилину помогает выбраться пожалевшая его девочка Дина), и так дан-

ная история, как и вся «Новая азбука», поднимается над русской жизнью и выходит к общечеловеческим ценностям, к наднациональной общности. Однако в то же время в «Кавказском пленнике» рассказывается история о находчивости русского православного человека. Интересен и значим финал рассказа: Жилин, не сумевший снять с ног колодки, с трудом добирается до своих, до русских. Заметившие его татары с легкостью настигли бы Жилина, но и численный перевес отряда казаков, и искренняя сила Жилина заставляют их остановиться: «Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит: Братцы! Братцы! Братцы!» [9, т. 21, с. 325].

Оптимистичный финал этой истории, в который, как это характерно и для всей книги, вливается тема судьбы, случая, очень значим для «Новой азбуки»: плен для Жилина сменяется свободой, а несостоявшуюся по воле случая женитьбу герой с легкостью меняет на дальнейшую службу на Кавказе. Толстой еще раз показывает читателю значимость личной воли, не могущей изменить глобальный ход событий, но в значительной степени формирующей путь отдельного человека.

Сложно переоценить огромное значение «Новой азбуки», четырех толстовских русских книг для чтения. Когда-то писатель заметил, что для него будет великим счастьем, если по его книгам будут учиться два поколения русских детей, от царских до мужицких. Вот уже полтора века около семи поколений русских детей читают рассказы Толстого, постигая основы разных наук, обучаясь чтению и, что очень важно, постигая многовековой опыт русского народа. Как показывает опыт учителей, работа по ознакомлению младших школьников с произведениями Толстого для детей не только значительно расширяет кругозор читателей, формирует у них правильную систему ценностей, но и дает возможность подготовить ребят «к дальнейшему конструктивному восприятию языка художественных произведений Л. Н. Толстого и других писателей XIX в.» [7, с. 226].

Продуманная архитектоника «Новой азбуки», постепенно усложняющийся от рассказа к рассказу язык делают чтение легким и доступным, а максимальная проработка Толстым каждой фразы заставляют восхищаться простотой и понятностью языка. Между тем, чтение «Новой азбуки», познавательное и поучительное одновременно, не приносит просто эстетическое удовольствие и наслаждение, а является для детей сложной душевной и духовной работой. Каждый маленький читатель, начиная чтение «Новой азбуки», встает не просто на путь познания, но и на путь самосовершенствования.

Библиографический список

1. Булавкин, К. В. «Азбука» Л. Н. Толстого как воплощение концепции национального воспитания [Текст] // Л. Н. Толстой и русская отечественная мысль о национальном воспитании. – Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. – С. 64-67.

2. Жилякова, Э. М., Скирневская, В. Ю. Л. Н. Толстой – переводчик басен Эзопа [Текст] // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2017. – № 15. – С. 5-25.

3. Зверев, А. М., Тунимано, В. А. Лев Толстой [Текст] / А. М. Зверев, В. А. Тунимано. – М. : Молодая гвардия, 2007. – 782 с.

4. Кабашева, О. В. «Азбука» и «Новая азбука» Л. Н. Толстого в исследованиях отечественных авторов [Текст] // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 1 (22). – С. 112.–117.

5. Кудрявая, Н. В. Л. Н. Толстой о нравственности и нравственном воспитании [Текст] // Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника. – М. : ГМТ, 2011. – С. 272-279.

6. Николаева, Е. В. Их предыстории работы Л. Н. Толстого над «Азбукой» [Текст] // Филологические науки. – 2010. – № 3. – С. 30-51.

7. Остренкова, Е. А. «Азбука» и «Русские книги для чтения» Л. Н. Толстого в начальной школе: путь к освоению художественного языка писателя [Текст] // Acta linguistica petropolitana. – 2008. – Т. 4. – № 3. – С. 220-226.

8. Сухотина-Толстая, Т. Л. Воспоминания [Текст] / Т. Л. Сухотина-Толстая. – М. : Худ. лит., 1976. – 541 с.

9. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 тт. [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1928-1958.

10. Чудакова, М. А. Духовно-нравственные основы рассказов «Азбуки» Л. Н. Толстого [Текст] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 44. – С. 309-312.

11. Эйхенбаум, Б. М. Лев Толстой. Семидесятые годы [Текст] / Б. М. Эйхенбаум. – Л. : Худ. лит., 1974. – 360 с.

Reference List

1. Bulavkin, K. V. «Azbuka» L. N. Tolstogo kak voploshhenie koncepcii nacional'nogo vospitanija = L. N. Tolstoy's «Alphabet» as embodiment of the concept of national education [Tekst] // L. N. Tolstoj i russkaja otechestvennaja mysl' o nacional'nom vospitanii. – Orehovo-Zuevo : Gosudarstvennyj gumanitarno-tehnologicheskij universitet, 2016. – S. 64-67.

2. Zhiljakova, Je. M., Skirnevskaja, V. Ju. L. N. Tolstoj – perevodchik basen Jezopa = L. N. Tolstoy – an interpreter of Esop 's fables [Tekst] // Tekst. Kniga. Knigoizdanie. – 2017. – № 15. – S. 5-25.

3. Zverev, A. M., Tunimano, V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy [Tekst] / A. M. Zverev, V. A. Tunimano. – M. : Molodaja gvardija, 2007. – 782 s.

4. Kabasheva, O. V. «Azbuka» i «Novaja azbuka» L. N. Tolstogo v issledovanijah otechestvennyh avtorov = «Alphabet» and «New alphabet» by L. N. Tolstoy in domestic authors' studies [Tekst] // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. – 2015. – № 1 (22). – S. 112.–117.

5. Kudrjavaja, N. V. L. N. Tolstoj o nravstvennosti i nravstvennom vospitanii = L. N. Tolstoy on morality and moral education [Tekst] // L. N. Tolstoj v dvizhenii jepoh: filosofskie i religiozno-nravstvennye aspekty nasledija myslitelja i hudozhnika. – M. : GMT, 2011. – S. 272-279.

6. Nikolaeva, E. V. Ih predystorii raboty L. N. Tolstogo nad «Azbukoj» = Their background of L. N. Tolstoy 's work on «Alphabet» [Tekst] // Filologicheskie nauki. – 2010. – № 3. – S. 30-51.

7. Ostrenkova, E. A. «Azbuka» i «Russkie knigi dlja chtenija» L. N. Tolstogo v nachal'noj shkole: put' k osvoeniju hudozhestvennogo jazyka pisatelja = «Alphabet» and «Russian books for reading» by L. N. Tolstoy in primary school: a way to master the writer's artistic language [Tekst] // Acta linguistica petropolitana. – 2008. – T. 4. – № 3. – S. 220-226.

8. Suhotina-Tolstaja, T. L. Vospominanija = Memories [Tekst] / T. L. Suhotina-Tolstaja. – M. : Hud. lit., 1976. – 541 s.

9. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete set of works in 90 volumes.[Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Hud. lit., 1928-1958.

10. Chudakova, M. A. Duhovno-nravstvennye osnovy rasskazov «Azbuki» L. N. Tolstogo = Spiritual and moral foundations of «Alphabet» stories by L. N. Tolstoy [Tekst] // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. – 2007. – № 44. – S. 309-312.

11. Jejhenbaum, B. M. Lev Tolstoj. Semidesjatye gody = Leo Tolstoy. The seventieth years [Tekst] / B. M. Jejhenbaum. – L. : Hud. lit., 1974. – 360 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10479
УДК 82.09

А. С. Акимова https://orcid.org/0000-0002-7037-2032

«Созерцательно-мечтательная жизнь»: усадьбы самарской губернии в раннем творчестве А. Н. Толстого

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129)

Предлагаемая статья выполнена в рамках получивших в последние годы новый импульс усадьбоведческих исследований, в частности, в рамках разрабатываемого в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН проекта «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (грант РНФ, проект № 18-18-00129, руководитель О. А. Богданова). На формирование личности Алексея Николаевича Толстого оказали влияние социальные, культурные и эстетические обстоятельства, связанные с повседневной жизнью усадеб (или хуторов), расположенных в Самарской губернии и шире – на территории Среднего Поволжья. Детство писателя прошло на степном хуторе отчима, А. А. Бострома, в 70 верстах от Самары в деревне Сосновка, где была «барская обстановка». Здесь, по его воспоминанию, он жил «созерцательно-мечтательной жизнью». В статье образ усадьбы, усадебного сада и аллеи рассматриваются на примере поэтических и прозаических текстов А. Н. Толстого начала XX в. В стихотворениях рукописных тетрадей «Лунные сны» (1906-1907) и «Голубое вино» (1907-1908), созданных с опорой на поэтическую образность К. Бальмонта и А. Белого, основными мотивами стихотворений, посвященных изображению усадебного сада и его инвариантов рощи и чащи с аллеями и тропинками, становится воспоминание о прошлом, о потерянном рае и усталость от жизни. Если в развитии усадебной темы и изображении сада и аллеи в поэзии Толстой следовал поэтической традиции Серебряного века, то в прозе он ориентировался на традицию русской литературы XIX в.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, Самарская губерния, хутора, усадебная проза, рукописные тетради.

A. S. Akimova

«Contemplative-dream life»: estates of the Samara province in A. N. Tolstoy's early works

The proposed article was carried out in the framework of the recent studies of estate studies in recent years, in particular, in the framework of the project «Russian manor in literature and culture: domestic and foreign opinion» (grant RSF, project № 18-18-00129, O. A. Bogdanova as a head) developed by the Institute of World Literature named after A. M. Gorky of RAS. The formation of A. N. Tolstoy' personality was influenced by social, cultural and aesthetic circumstances associated with the daily life of estates (or farms) located in the Samara province and wider – in the Middle Volga region. The childhood of the writer was on the steppe farm of the stepfather, A. A. Bostrom, in 70 versts from Samara in the village of Sosnovka where there was «a lordly situation». According to Tolstoy's recollection, he had a «contemplative and dreamy life». The image of the estate and the estate garden are considered on the example of Tolstoy's poetic and prose texts at the beginning of the XX century. The poems of the handwritten notebooks *The Moon Dreams* (1906-1907) and *The Blue Wine* (1907-1908) are based on the poetic of K. Balmont and A. Beliy. The main motifs of the poems are the image of the manor garden and its invariants of grove and thicket with alleys and paths which became a memory of the past, the lost Paradise and fatigue from life. In the development of the estate theme and in the image of the garden and alley in poems Tolstoy followed the poetic tradition of the Silver age, but in his prose he focused on the tradition of Russian literature of the XIX century.

Keywords: A. N. Tolstoy, Samara province, farmstead prose, a handwritten notebook.

Усадьбоведение – направление в исторической науке, сформировавшееся благодаря научно-разыскательской деятельности членов Общества изучения русской усадьбы и их публикациям, в которых рассматривается усадьба как национальный феномен, ее архитектурно-планировочные, стилистические и композиционные черты, индивидуальные и типичные, общие

© Акимова А. С., 2019

для конкретного региона. За последнее время возросло количество исследований, посвященных помещичьему быту русских писателей и его отражению в художественных текстах [подробнее см.: 8; 12; 13; 16; 17]. Усадьбоведение занимается изучением не только облика и истории усадьбы – оно ставит своей целью воссоздать модель усадебной жизни и ее составляющие, опираясь на «усадебные собрания» (библиотека, частные коллекции, портретные галереи) и художественные тексты.

А. Н. Толстой принадлежал к двум старейшим дворянским родам – по линии отца к роду Толстых и Тургеневых по линии матери. В усадьбах, расположенных в Среднем Поволжье, жили родственники Толстого и прототипы заволжского цикла. Его жизнь связана с Самарским, Николаевским, Ставропольским и Бузулукским уездами Самарской губернии.

В данном исследовании под термином «усадьба» понимается архитектурный ансамбль с парком и хозяйственные постройки [подробнее о значении термина см.: 7, с. 468; 10, с. 53-55]. Однако в Самарской губернии дом на селе с примыкающими к нему службами и угодьями называли хуторами [об истории усадеб Самарской губернии см.: 6].

К крупнопоместным имениям относилось имение отца А. Н. Толстого, графа Николая Александровича Толстого, действительного статского советник, предводителя дворянства Самарского уезда Самарской губернии. В его имении при с. Александровка был господский дом, деревянный, на каменном фундаменте, крытый железом [10]. По воспоминаниям первой жены, матери писателя, он был простым одноэтажным, длинным, похожим на барак. Окна – небольшие, комнаты тесные и неуютные [цит. по: 15, с. 28].

Детство А. Н. Толстого прошло в Сосновке (или Павловка), степном хуторе отчима, Алексея Аполлоновича Бострома, в 70 верстах от Самары, куда они переехали в октябре 1883 г., когда Толстому было около 10 месяцев). Хутор насчитывал 81 двор. Отчим Толстого был земским деятелем, мелкопоместным землевладельцем. Несмотря на прогрессивные взгляды, ему приходилось рассчитывать работников, требовать от них выполнения их обязанностей, возникали конфликты. Об одном из них 22 сентября 1896 г. писал матери сам Толстой: «У нас тут на днях был бунт в бабами, [папа] их усмирял, а я стоял в виде пограничного стража с вилами и обыскивал контрабанду» [5, с. 10]. В семье интересовались марксизмом и тяготились своим социальным положением: «Это наше роковое положение помещиков, – писала Александра Леонтьевна Бострому 16 сентября 1897 г. – землевладельцев, которые идеей от своего класса отстали. Но поди рассказывай всем и объясняй, кто же поверит, когда мы изо всех сил хлопочем, чтобы доходы получать» [5, с. 11]. Особо следует сказать об отношении в семье и самого А. Н. Толстого к дворянству и дворянской культуре. В семье поощрялась дружба мальчика с крестьянскими детьми. Он часто участвовал в кулачных боях. Но у него было ощущение своей сословной избранности, принадлежности к «престижному» социальному слою, что тревожило родителе й. 20 ноября 1897 г. Александра Леонтьевна писала Бострому из Сызрани: «Лелька говорит: „Вот теперь я понимаю преимущества города, так провести вечер, это не то, что курить или бегать по Большой улице за барышнями. Тут, по крайней мере, в своем обществе, в дворянском”. Каково это тебе покажется? Откуда это у него? Вот и отвергай после этого, что долголетние социальные перегородки не входят в природу человека» [20, с. 161]. Бостром, с одной стороны, разделял опасения Александры Леонтьевны, он считал опасным и вредным воспитание в «тепличных условиях помещичьего быта» [5, с. 13], оно не подготавливало к жизни, так как основано было на чужом труде. С другой стороны, он писал ей о притягательной силе русской дворянской культуры: «В том, что Лелю тянет в среду „дворянскую”, – в этом я не вижу доказательства того, что долголетние социальные перегородки входят в природу человека <…> Один Тургенев! – и Толстой, да почти вся наша литература в лице корифеев, – возводила дворянскую среду на известную высоту» [5, с. 13].

Толстой, вспоминал, что в Сосновке он жил «созерцательно-мечтательной жизнью» [5, с. 27]. В «Краткой автобиографии» он писал: «Сад. Пруды, окруженные ветлами и заросшие камышом. Степная речонка Чагра. Товарищи – деревенские ребята <…> Смены времен года, как огромные и всегда новые события» [5, с. 25]. Зимними вечерами, «когда ветер заводил песни в печных трубах, в столовой, бедно обставленной, штукатуренной комнате, зажигалась висячая лампа над круглым столом, и вотчим обычно читал вслух Некрасова, Льва Толстого, Тургенева или что-нибудь из свежей книжки „Вестника Европы”…», мать вязала, Леля рисовал или раскрашивал. Любимым писателем в это время был

Тургенев [см. сочинение «Кто мой любимый писатель?» в: 5, с. 270-272]. Из Сосновки семья уехала в 1897 г., но на летние месяцы в 1898 и 1899 гг. приезжали на хутор, то есть вплоть до его продажи в 1899 г.

В «Ученической тетради» Толстого есть зарисовки о жизни в деревне: «Мишка» (о крестьянском мальчике Мишке Коряшонке), история первой любви «Жизнь. Галя» (1900) о поездке с ямщиком в имение Тресвятских Бригадировку, что впоследствии будет использовано в романе «Петр I» в описании поездки Гаврилы Бровкина с Голиковым из Петербурга в Москву; а сцена катания на лодке использована в «Мишуке Налымове». В Самарском архиве писателя хранятся самые ранние зарисовки: «Поездка по Волге» (1897), описывающая одну из поездок к деду Л. Б. Тургеневу, который в 1893 г. жил в Тургеневе, в имении своего брата М. Б. Тургенева (Ставропольский уезд, Самарской губернии). (Сейчас эти земли залиты Жигулевским морем). Детские впечатления определили и описания крестьянских дворов и боярских усадеб на Москве в «Петре I».

И в Сосновке, и в имении деда и бабки по материнской линии, Коровине, была «барская обстановка». В феврале 1892 г. умерла бабушка по материнской линии, Екатерина Александровна Тургенева (урожд. Багговут). Она была наследницей части имений под Киевом, которое переходило к трем сестрам, Александре, Марии, Варваре и Леонтию Борисовичу Тургеневым. В частности, Коровино, Кустино планировали продать, чтобы покрыть долги. Рассказы матери, Александры Леонтьевны и тетушки, Марии Леонтьевны, а также детские воспоминания и юношеские впечатления обрели художественную форму в произведениях, составивших книги «Заволжье» (Шиповник. К н. 12. Пб.: Шиповник, 1910) и «Под старыми липами» (Т. 4. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923), в которых показана «целостная картина гибели обширного, населенного несколькими поколениями культурного материка провинциальной России, который подобно Атлантиде, медленно погружался в пучину Леты» [9, с. 16]. В рассказах цикла «Заволжье», романах «Чудаки» («Две жизни»), «Хромой барин», повести «Приключения Растегина» и в других произведениях. Эти впечатления легли в основу эмигрантской повести «Детство Никиты».

Названия деревень и сел Самарской губернии вошли в произведения Толстого: Марьевка, Пестравка, Утевка, Колдыбань. В рассказе «Голубые города» фамилия конторского служащего – Утевкин. Часто бывали в селе Каменка в 177 верстах от Самары, где были две школы, церковь, сельский банк и 527 дворов. Чаще всего в письмах Толстого к родным встречается название Утевка, здесь каждое воскресение устраивали базары. На ярмарки, где продавали коней, ездили в село Марьино. Бывали в соседних селах и хуторах, посещали друзей, в частности, на небольшом хуторе Гинча, где было 2 двора, пруд. С этой средой и окружением связаны повесть «Неделя в Туреневе» (1909), вошедшая в книгу «Заволжье» и в расширенный том «Под старыми липами», которую сам Толстой в автобиографии называл книгой «об эпигонах дворянского быта той части помещиков, которые перемалывались новыми земельными магнатами – Шихобаловыми» [5, с. 31].

Обнаружить истоки «усадебной прозы» Толстого рассматриваемого периода удается в рукописных тетрадях «Лунные сны. Книга I» (1906-1907) [18] и «Голубое вино. Книга VI» [1907-1908] [19]. «Обращение к стихотворному наследию писателя, – как писал Ю. Б. Орлицкий, – представляется <…> не только закономерным, но и необходимым для понимания логики его художественного развития» [14, с. 29].

В стихотворениях рукописной тетради «Лунные сны» «Сад позабытый, прохладное утро!», «Я в мрак вошел к моим теням…» создается образ призрачного «царства влюбленной весны», в котором лирический герой ожидает Прекрасную Даму. В другой ранней тетради Толстого, «Голубое вино», также созданной с опорой на поэтическую образность К. Бальмонта и А. Белого, основными мотивами стихотворений, посвященных изображению усадебного сада и его инвариантов рощи и чащи с аллеями и тропинками, становится воспоминание о прошлом, о потерянном рае и усталость от жизни. Разочарование и усталость в стихах молодого Толстого были вызваны драматичными событиями в его биографии: со смертью матери («В ночной степи» с подзаголовком «памяти матери»), разрывом с первой женой и смертью сына, Юрия. В стихотворении «Сон» прекрасное видение знакомых аллей, запущенного парка, полян рождает чувство полета, которое обрывается пробуждением героя, возвращением к унылой действительности: «Ужели мне все снится // Лежу я и плачу в росистой траве». «Башни <…> хрустальныя // В розовом майском саду» властно обрушила жизнь («Жизнь»).

Описанный впервые в стихотворении «Пожар» горящий усадебный дом в повести 1910 г. «Петушок» («Неделя в Туреневе») будет символизировать разрушение дворянского быта и связанной с ним традиции; как и пронизанное образами и настроениями периода конца 1906-1907 г. стихотворение «В ночной степи», написанное в Самаре вскоре после смерти матери, писательницы А. Л. Бостром.

Если в развитии усадебной темы и в изображении сада и аллеи в поэзии Толстой следовал поэтической традиции Серебряного века, то в прозе он ориентировался на традицию русской литературы XIX века и, в частности, усадебную прозу Гончарова, о чем свидетельствует и небольшое вступление с описанием провинциального города (рассказ «Девушки», см.: [2]) и дороги героя (рассказ «Трагик», см.: [1]), а также патриархально-идиллическое описание жизни в ряде прозаических произведений, составивших раздел «Минувшее» третьего тома Сочинений А. Толстого (М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1912-1918).

На формирование Толстого оказали влияние социальные, культурные и эстетические обстоятельства, связанные с бытованием усадеб Самарской губернии и шире – территории Среднего Поволжья. В «Учебную тетрадь» 1901 г. входит сочинение «Моя родина»: «Родиной мы называем те места, где мы родились и выросли и где сложился наш характер <…> я всегда с тихой радостью, даже грустью, вспоминая свои родные степи, усадьбу, деревню и ушедшие куда-то вдаль родные лица мужиков» [5, с. 285-287].

Библиографический список

1. Акимова, А. С. Истоки и трансформация образа актера в рассказе А. Н. Толстого «Трагик» (1913) [Текст] // Новый филологический вестник. – № 4(43). – 2017. – С. 109-116.

2. Акимова, А. С. Традиции изображения «усадебной культуры» в рассказе А. Н. Толстого «Девушки» (1913) [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 5-10.

3. Алексей Толстой: диалоги со временем [Текст]. – М. : ИМЛИ РАН, 2014. – Вы п. 1. – 376 с.

4. Алексей Толстой: диалоги со временем [Текст]. – М. : Изд-во «Литературный музей», 2017. – Вы п. 2. – 416 с.

5. Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя [Текст]. – Куйбышев : Кн. изд-во, 1982. – 368 с.

6. Бабина, С. А. Дворянские усадебно-парковые комплексы Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. [Текст] // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – № 6. – 2009. – С. 75-82.

7. Беловинский, Л. В. Российский историко-бытовой словарь [Текст] / Л. В. Беловинский – М. : Тритэ; Российский архив, 1999. – 527 с.

8. Богданова, О. А. Архитектура в зеркале литературы: «усадебный текст» в произведениях русских писателей 1920-х гг. [Текст] // Артикульт. – 2019. – № 33(1). – С. 108-114.

9. Воронцова, Г. Н. Семейная хроника Тургеневых как источник ранних произведений А. Н. Толстого [Текст] // А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования. (Ранний А. Н. Толстой и его литературное окружение). – М. : ИМЛИ РАН. – С. 15-28.

10. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVII–XX вв.: Исторические очерки [Текст]. – М. : Эдиториал УРУСС, 2001. – С. 53-55.

11. Крестинский, Ю. А. А. Н. Толстой. Жизнь и творчество (Краткий очерк) [Текст] / Ю. А. Крестинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 314 с.

12. Никерина, И. В. Личная и усадебная жизнь. К 150-летию создания «Утра помещика» Л. Н. Толстого [Текст] // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Вы п. 12 (28). – М. : Изд-во «Жираф», 2006. – С. 231-237.

13. Новиков, В. И. Русский писатель в своей усадьбе [Текст] // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Вы п. 12 (28). – М. : Изд-во «Жираф», 2006.– С. 35-48.

14. Орлицкий, Ю. Б. Метрическое разнообразие ранней лирики Алексея Толстого [Текст] // Алексей Толстой: диалоги со временем. – Вып. 2. – М. : Изд-во «Литературный музей», 2017. – С. 20−31.

15. Петелин, В. Заволжье [Текст] / В. Петелин. – М. : Современник, 1988. – 528 с.

16. Разина, А. В. Дачно-усадебный образ жизни русского общества в конце XIX начале XX века в творчестве Ивана Бунина [Текст] // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Вы п. 22 (38). – СПб. : Изд. дом «Коло», 2017. – С. 127-135.

17. Рассказова, Л. В. «Цветы, поля, деревня, праздность». Топос сельской и городской дворянской усадьбы [Текст] // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. – Вы п. 15 (31). – М. : Изд-во «Улей», 2009. – С. 57-64.

18. Рукописная тетрадь А. Н. Толстого «Лунные сны. Книга I» [Текст] // ОР ИМЛИ. Ф. 43. О п. 1. Ед. х р. 6. 54 л.

19. Рукописная тетрадь А. Н. Толстого «Голубое вино. Книга VI» [Текст] // ОР ИМЛИ. Ф. 43. О п. 1. Ед. х р. 9. 55 л.

20. Скобелев, В. В поисках гармонии: Художественное развитие А. Н. Толстого, 1907-1922 гг. [Текст] / В. Скобелев. – Куйбышев : Кн. изд-во, 1981. – 176 с.

21. ЦГАСО. Ф. 322. О п. 1. Д. 485. Л. 8.

Reference List

1. Akimova, A. S. Istoki i transformacija obraza aktera v rasskaze A. N. Tolstogo «Tragik» (1913) = Origins and transformation of the actor's image in A. N. Tolstoy's story «A tragedian « (1913) [Tekst] // Novyj filologicheskij vestnik. – № 4(43). – 2017. – S. 109-116.

2. Akimova, A. S. Tradicii izobrazhenija «usadebnoj kul'tury» v rasskaze A. N. Tolstogo «Devushki» (1913) = Traditions in depicting «manor culture» in A. N. Tolstoy's story «Girls» (1913) [Tekst] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 438. – S. 5-10.

3. Aleksej Tolstoj: dialogi so vremenem = Aleksey Tolstoy: dialogues over time [Tekst]. – M. : IMLI RAN, 2014. – Vyp. 1. – 376 s.

4. Aleksej Tolstoj: dialogi so vremenem = Aleksey Tolstoy: dialogues over time [Tekst]. – M. : Izd-vo «Literaturnyj muzej», 2017. – Vyp. 2. – 416 s.

5. Aleksej Tolstoj i Samara: Iz arhiva pisatelja = Aleksey Tolstoy and Samara: From the writer's archive [Tekst]. – Kujbyshev : Kn. izd-vo, 1982. – 368 s.

6. Babina, S. A. Dvorjanskie usadebno-parkovye kompleksy Samarskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv. = Noble estate-park complexes of the Samara province in the late XIX and early XX centuries. [Tekst] // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – № 6. – 2009. – S. 75-82.

7. Belovinskij, L. V. Rossijskij istoriko-bytovoj slovar' = Russian historical and household dictionary [Tekst] / L. V. Belovinskij – M. : Tritje; Rossijskij arhiv, 1999. – 527 s.

8. Bogdanova, O. A. Arhitektura v zerkale literatury: «usadebnyj tekst» v proizvedenijah russkih pisatelej 1920-h gg. = Architecture in the mirror of literature: «manor text» in the Russian writers' works of the 1920s. [Tekst] // Artikul't. – 2019. – № 33(1). – S. 108-114.

9. Voroncova, G. N. Semejnaja hronika Turgenevyh kak istochnik rannih proizvedenij A. N. Tolstogo = Family chronicle of Turgenev as a source of A. N. Tolstoy's early works [Tekst] // A. N. Tolstoj. Novye materialy i issledovanija. (Rannij A. N. Tolstoj i ego literaturnoe okruzhenie). – M. : IMLI RAN. – S. 15-28.

10. Dvorjanskaja i kupecheskaja sel'skaja usad'ba v Rossii XVII–XX vv.: Istoricheskie ocherki = Noble and merchant rural estate in Russia of the XVII-XX centuries: Historical essays [Tekst]. – M. : Jeditorial URUSS, 2001. – S. 53-55.

11. Krestinskij, Ju. A. A. N. Tolstoj. Zhizn' i tvorchestvo (Kratkij ocherk) = A. N. Tolstoy. Life and creativity (a brief essay) [Tekst] / Ju. A. Krestinskij. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1960. – 314 s.

12. Nikerina, I. V. Lichnaja i usadebnaja zhizn'. K 150-letiju sozdanija «Utra pomeshhika» L. N. Tolstogo = Personal and manor life. To the 150th anniversary of the creation of «The Landlord's morning» by L. N. Tolstoy [Tekst] // Russkaja usad'ba. Sbornik Obshhestva izuchenija russkoj usad'by. – Vyp. 12 (28). – M. : Izd-vo «Zhiraf», 2006. – S. 231-237.

13. Novikov, V. I. Russkij pisatel' v svoej usad'be = Russian writer in his estate [Tekst] // Russkaja usad'ba. Sbornik Obshhestva izuchenija russkoj usad'by. – Vyp. 12 (28). – M. : Izd-vo «Zhiraf», 2006.– S. 35-48.

14. Orlickij, Ju. B. Metricheskoe raznoobrazie rannej liriki Alekseja Tolstogo = Metric diversity of Aleksey Tolstoy 's early lyrics [Tekst] // Aleksej Tolstoj: dialogi so vremenem. – Vyp. 2. – M. : Izd-vo «Literaturnyj muzej», 2017. – S. 20−31.

15. Petelin, V. Zavolzh'e = Trans-Volga region [Tekst] / V. Petelin. – M. : Sovremennik, 1988. – 528 s.

16. Razina, A. V. Dachno-usadebnyj obraz zhizni russkogo obshhestva v konce XIX nachale XX veka v tvorchestve Ivana Bunina = The summer-house way of life of the Russian society in the late XIX – the beginning of the XX century in Ivan Bunin's works [Tekst] // Russkaja usad'ba. Sbornik Obshhestva izuchenija russkoj usad'by. – Vyp. 22 (38). – SPb. : Izd. dom «Kolo», 2017. – S. 127-135.

17. Rasskazova, L. V. «Cvety, polja, derevnja, prazdnost'«. Topos sel'skoj i gorodskoj dvorjanskoj usad'by = «Flowers, fields, village, celebration.» Topos of rural and urban noble estate [Tekst] // Russkaja usad'ba. Sbornik Obshhestva izuchenija russkoj usad'by. – Vyp. 15 (31). – M. : Izd-vo «Ulej», 2009. – S. 57-64.

18. Rukopisnaja tetrad' A. N. Tolstogo «Lunnye sny. Kniga I» = A. N. Tolstoy 's handwritten notebook «Moon Dreams. Book I « [Tekst] // OR IMLI. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 6. 54 l.

19. Rukopisnaja tetrad' A. N. Tolstogo «Goluboe vino. Kniga VI» = A. N. Tolstoy 's handwritten notebook «Blue Wine. Book VI « [Tekst] // OR IMLI. F. 43. Op. 1. Ed. hr. 9. 55 l.

20. Skobelev, V. V poiskah garmonii: Hudozhestvennoe razvitie A. N. Tolstogo, 1907-1922 gg. = In search of harmony: Artistic development of A. N. Tolstoy, 1907-1922. [Tekst] / V. Skobelev. – Kujbyshev : Kn. izd-vo, 1981. – 176 s.

21. CGASO. F. 322. Op. 1. D. 485. L. 8.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10480
УДК 882

О. А. Дмитриенко https://orcid.org/0000-0001-5109-3815

«Письма к Вере» 1920-х гг. В. Набокова как лирический дневник и источник к роману «Дар» (1937)

В 2017 г. впервые на русском языке были опубликованы письма В. В. Набокова к жене в полном объеме, что дало возможность включить этот бесценный материал в поле литературоведческого анализа. В предлагаемой статье выявляется и исследуется ряд тем, мотивов и образов романа «Дар», первое упоминание которых находим в письмах В. Набокова 1920-х гг., за более чем десятилетие до создания и публикации романа в журнале «Современные записки» в 1937-1938. Проследить развитие мотивов от импульса в «Письмах» до лейтмотива, определяющего мотивную структуру романа, выявить тематические параллели, попытаться найти источник уникальности художественной природы (между поэзией и прозой) романа «Дар» – такова задача статьи. В ходе исследования выяснилось, что основные мотивы романа «Дар» звучат уже в письмах. Это мотив «узнавания», имеющий платоническую природу, и тема благодарности судьбе, тема мысленных, воображаемых прогулок Федора, одного или вместе с матерью, по тропинкам имения, тема «игры и озорства Создателя», представленная в письмах, в том числе и визуально – в изысканном кроссворде, и тема Груневальда. Особая интонация писем 1923-1926-х гг. делает их похожими на лирический дневник, значительную часть которого Набоков использует в романе «Дар. Набоков воссоздает не только события, образы, детали и подробности своей жизни 1920-х гг. – в этом нет ничего необычного: «поэтическое хозяйство» – банк воспоминаний – есть у каждого писателя. Набокову удается, казалось бы, невозможное: он оживляет чувства и состояния, интонацию тех лет – создает лирический автопортрет своей писательской юности.

Ключевые слова: В. Набоков, роман «Дар», «Письма к Вере», тематические параллели, мысленные путешествия, тема узнавания и благодарности Судьбе, тема «Груневальда».

O. A. Dmitrienko

«Letters to Vera» in 1920-s by V. Nabokov as a lyric diary and material source of the novel «The Gift» (1937)

In 2017 the full set of V. V. Nabokov's letters to his wife was published for the first time in Russian, which made it possible to include this invaluable material in the field of literary analysis. The article reveals and explores a number of themes, motives and images of the novel «The Gift», the first mention of which is found in V. Nabokov's letters of the 1920s, more than a decade before the creation and publication of the novel in the magazine «Sovremennye zapiski» in 1937-1938. The main purpose of the article is to trace the development of motives from the impulse in the «Letters» to the leitmotif that determines the motif structure of the novel, to identify thematic parallels, to find the source of the uniqueness of the artistic nature (between poetry and prose) of the novel «The Gift». The study revealed that the main motives of the novel «The Gift» sound already in letters. This is the motif of «recognition», which has a Platonic nature, and the theme of gratitude to fate, the theme of mental, imaginary walks of Fiodor, alone or with his mother, along the paths of the estate, the theme of «games and mischief of the Creator», presented in letters including visually – in an exquisite crossword, and the theme of Grunewald. The special intonation of the letters of 1923-1926-s makes them look like a lyrical diary, a significant part of which Nabokov uses in the novel «The Gift». Nabokov re-creates not only the events, images, and details of his life in the 1920s – and it is not unusual because each writer has his own «poetic domain», i.e. the Bank of memories. Nabokov succeeds in reviving the feelings and states, intonation of those years and creates a lyrical self-portrait of his writer's youth, that accomplishes something that might have seemed almost impossible.

Keywords: V. Nabokov, novel «The Gift», «Letters to Vera», thematic parallels, mental journey, theme of recognition and gratitude for the fate, «Grunewald» theme.

«From V. to V.». Так Набоков подписал одно из посланий – нарисованную им для Веры бабочку. В этой формуле-палиндроме угадывается магически-сакральный смысл духовного тождества. И хотя письмо датировано пятым января 1969 г., осознание этого появилось у Набокова в самом

© Дмитриенко О. А., 2019

начале знакомства. Письма к Вере, особенно ранние, 1920-х гг., напоминают лирический дневник. Здесь и рефлексия, попытки разобраться в своих чувствах, мыслях, переживаниях, и раздумья над совершенными и задуманными поступками. Зарисовки, наброски тех или иных будущих художественных текстов, прерываются бытовыми записями, описаниями, которые позволяют понять, что стало мотивом, дало толчок к их созданию, позволяют проникнуть в жизнь автора.

Занимавшиеся рукописями Набокова О. Воронина и Б. Бойд считают, письма Владимира Набокова к Вере Слоним, в определенном смысле, начинаются со стихотворения «Встреча» – обращенного к Вере поэтического приглашения к продолжению знакомства. Дата создания стихотворения 1 июня 1923 г., менее чем через месяц после их встречи на благотворительном балу 8 мая 1923 г. Через несколько дней после бала Набоков, как ранее и планировалось, уехал на юг Франции работать на ферме, которой управлял один из коллег его отца по Крымскому правительству. Стихотворение прислано оттуда и опубликовано в журнале «Руль» 24.06.1923. Вера ответила: *«В течение лета она отправила ему на юг Франции как минимум три письма»* [2, с. 20-21].

Стихотворение «Встреча» пронизано романтическим мотивом «узнавания», имеющим платоническую природу. Мотив звучит пока еще с вопросительными интонациями: *«Надолго ли? Навек? Далече // брожу и вслушиваюсь я // в движенье звезд над нашей встречей… // И если ты судьба моя…»*. Через пять месяцев – в письме от 8 ноября 1923 г. (Берлин – Берлин) – вопросительные интонации исчезают и появляется тема благодарности судьбе, которая становится сквозной в письмах 1920-х гг.: *«Ты пришла в мою жизнь – не как приходят в гости (знаешь, «не снимая шляпы»), а как приходят в царство, где все реки ждали твоего отражения, все дороги – твоих шагов. Судьба захотела исправить свою ошибку – она как бы попросила у меня прощения за все свои прежние обманы»* [6, с. 57]. В письме от 31 (?) декабря того же года (Берлин – Берлин) платоническая идея любви как стремления к божественно-прекрасной цельности находит воплощение в мифопоэтическом образе, в котором соединяются метафизика и игра, что так свойственно стилю Набокова: «*Думала ли ты когда-нибудь о том, как странно, как легко сошлись наши жизни? Это, вероятно, у Бога, скучающего в раю, вышел пасьянс, который выходит не часто. Я люблю в тебе эту чудесную понятливость, словно в душе у тебя есть заранее уготовленное место для каждой моей мысли*» [6, с. 62].

Мотив «узнавания» и тема «благодарности Судьбе», связанные с собЫтием встречи и событиЕм Владимира и Веры, из писем переходят в художественное творчество – особенно явственно они звучат в романе «Дар» (1937). Размышления самого автобиографического героя Набокова Федора Годунова-Чердынцева о своей возлюбленной Зине Мерц – в значительной мере, автоцитирование, диалог с самим собой: «*Что его больше всего восхищало в ней? Ее совершенная понятливость, абсолютность слуха по отношению ко всему, что он сам любил. И не только Зина была остроумно и изящно создана ему по мерке очень постаравшейся судьбой, но оба они, образуя одну тень, были созданы по мерке чего-то не совсем понятного, но дивного и благожелательного, бессменно окружавшего их*» [5, с. 358].

В 1924 г. Набоков дважды уезжал в Прагу к матери, в январе и в августе. В зимнем письме Вере из Праги (от 24 января 1924 г. Прага – Берлин, Ландхаусштрассе, 41) появляется первый импульс темы, которая также очень объемно представлена в романе «Дар». Это тема мысленных прогулок Федора, одного или вместе с матерью, по тропинкам имения. *«Сегодня я рассматривал громадный коленкоровый план (который с другими бумагами, к счастью, остался у меня) моего имения и мысленно гулял по тропинкам; и сейчас у меня такое чувство, словно и вправду я только что побывал у себя. Сейчас, должно быть, там сугробы, ветки в белых рукавщиков и очень явственно звуки за рекой – кто-то колет дрова…»* [6, с. 75].

Вторая глава «Дара» начинается с воображаемой летней прогулки героя через лесок, по аллее лешинского парка – «к еще невидимому дому», хотя романное время года – зима. В этой же главе Федор вместе с матерью совершает мысленно-воображаемые путешествия в сакральном пространстве Лешинского парка. И эти путешествия напоминают движение по плану на карте. Только карта в памяти: *«И бывало, они играли так: сидя рядом и молча про себя воображая, что каждый совершает одну и ту же лешинскую прогулку, они выходили из парка, шли дорожкой вдоль поля (слева, за ольшаником, речка), через тенистое кладбище, где кресты в пятнах солнца показывали руками размер чего-то пребольшого и где было как-то неловко срывать малину, через речку <…> и дальше, сквозь сосняк <...>. И вдруг, среди этой безгласной прогулки, которую две мысли проделывали, пользуясь по правилам игры*

мерой человеческого шага (хотя в один миг могли бы облететь свои владения), оба останавливались и говорили, где кто находится, и когда оказывалось<> что ни один не обогнал другого, остановившись в том же перелеске, – у матери и сына вспыхивала одна и та же улыбка сквозь общую слезу» [5, с. 272].

В 1926 г., в период со 2 июня по 19 июля, Вера находится с матерью в санатории в Санкт-Блазиене, поправляет там здоровье. Набоков, чтобы развлечь ее и отвлечь от болезни, создает «эпистолярные игры»: шарады, крестословицы, шифрограммы, головоломки, ребусы. Он обещает: *«в каждом письме пошлю тебе новую маленькую игру»* [6, с. 131]. Выделяется одна из крестословиц – в форме бабочки (в письме от 6 июля 1926 г.), которой Набоков как лепидоптеролог-первооткрыватель придумывает шутливое латинское название: Crestos lovitza Sirin. Первый вопрос по горизонтали в правом крыле бабочки сформулирован так: *«Сверхъестественный жулик»* [6, с. 148] из трех букв, где вторая буква – начальная в слове *«Прощай»* по вертикали, а третья по вертикали – слово из стихотворения Тютчева *«…Все вторит весело громам!»*. Интересно, что лишь некоторые набоковеды, среди тех, к кому мы обращались, сразу отгадали, что это слово – «Бог».

В рассматриваемом письме одна из важных метатем в творчестве Набокова – «игры и озорства Создателя» – представлена в замечательной амбивалентно-двойной перспективе: автор бабочки-крестословицы выступает как ученик Бога в озорстве и остроумной игре – и наоборот, Бог в адресно-игровом дискурсе письма назван «жуликом», хотя и «сверхъестественным». Интересно, что в этимологическом словаре слово «жулик», относясь к русскому арго, имеет значение «ученик преступника» [7]. И опять же кто чей здесь ученик?... Тема «игры и озорства Создателя» из писем 20-х гг. также переходит в художественное творчество Набокова, составляет основу «тематического узора» романа «Дар». Приведем два наиболее ярких примера:

1. Финал предсмертных размышлений о Боге и послесмертии Александра Яковлевича Чернышевского: *«(В комнате было темно из-за опущенных штор): “Какие глупости. Конечно, ничего потом нет”. Он вздохнул, прислушался к плеску и журчанию за окном и повторил необыкновенно отчетливо: “Ничего нет. Это так же ясно, как то, что идет дождь”. А между тем за окном играло на черепицах крыш весеннее солнце, небо было задумчиво и безоблачно, и верхняя квартирантка поливала цветы по краю своего балкона, и вода с журчанием стекала вниз»* [5, с. 486-496].

2. Три попытки судьбы свести Федора и Зину, где в третьей – судьба, не сумев показать Федору Зину в квартире, от которой он уже собирался отказаться, «*как последний отчаянный маневр <…> показала мне твое бальное голубоватое платье на стуле, – и странно, сам не понимаю почему, но маневр удался, представляю себе, как судьба вздохнула»* [3, с. 539]. Только оказалось, что это было платье не Зины, а ее кузины. Реакция Федора – известная в набоковедении цитата, определяющая основы его эстетики и поэтики: *«Тогда это совсем остроумно. Какая находчивость! Все самое очаровательное в природе и искусстве основано на обмане <…> Какая тема! Но обострить, завесить, окружить чащей жизни – моей жизни, с моими писательскими страстями, заботами»* [5, с. 539].

Еще одна тема писем в Санкт-Блазиен от июня-июля 1926 г. находит развитие в роман «Дар» – тема «Груневальда». Зная, что в этот период Набоков писал письма к Вере каждый день (в письме от 29 июня 1926 г. он напоминает ей об этом: «*Моя душа, я единственный русский эмигрант в Берлине, который пишет к своей жене каждый день»*) [6, с. 133], можно посчитать, Набоков гулял в Груневальде, загорал у озера и купался шестнадцать раз, начиная с 14 июня и до возвращения Веры в среду 21 июля. Эти прогулки стали привычной частью летней жизни. Он даже придумывает специальное слово, для определения любимого времяпрепровождения: *«утром груневальдовал с Ш., потом на обратном пути пришлось сделать кое-какие покупки – почтовые марки, теннисные туфли, „Современные записки”«* [6, с. 162] (13 июля 1926). Русский суффикс «-овал (ть)» образует глаголы со значением: «находиться в каком-либо необычном состоянии». Набоковское слово «груневальдовал» синонимично, например, таким словам: «блаженствовал», «бесчинствовал», «волхвовал», «колдовал». В письмах Груневальд оживает в великолепных суггестивно-ярких пейзажных, сюжетных зарисовках:

Письмо от 22 июня 1926: «*С Заком <…> отправились в Груневальд, где великолепно выкупались. Мы лежали на песочке, когда вдруг грянул дождь, гром выломал лиловое кусище неба и по озеру запрыгали серебристые стрелки. Густой дуб нас от дождя охранил»* [6, с. 121].

Письмо от 7 июля 1926: *«Утром, около десяти, покатил в Груневальд. Сперва было пасмурно, потом хлестнул великолепный, насквозь золотой ливень (пронзенный солнцем), и после это-*

го солнце жарило вовсю и я купался, делал гимнастику, бегал, лежал на угреве – до 4-х часов!» [6, с. 149].

Письмо от 25 июня 1926: «*утром поехал с Шурой в Груневальд – благо погода солнечная; там купались, бегали в одних купальных штанишках вокруг озера, блаженствовали на песочке. Прошла какая-то русская старушка и спросила: „Простите, тут не мужской пляж?" (Пляж!)»* [6, с. 126].

Письмо от 3 июля 1926: *«утром один поехал в Груневальд, с десяти до часу голый валялся на песочке, затем вернулся»* [6, с. 140].

Письмо от 23 июня 1926: *«утром я покатил в Груневальд и роскошно там выкупался. Час лежал на песке. (Солнце с пенками – но жаркое)»*. В этом же письме: *«Любовь моя, я сегодня наконец чувствовал солнце»* [6, с. 123].

Это «чувствование солнца» и состояние, определяемое словом «груневальдовал» разрастается в «Даре» в образ с языческиприапическими коннотациями. Федор Годунов-Чердынцев не просто загорает. Сначала он мимикрирует – сливается с окружающей средой: *«благодаря сплошному загару, бронзой облившему тело, так что только пятки, ладони и лучевые черты остались естественной масти, я чувствовал себя атлетом, тарзаном, адамом, всем чем угодно, но только не голым горожанином. Неловкость, обычно сопряженная с наготой, зависит от сознания нашей беззащитной белизны, давно утратившей связь с окраской окружающего мира, а потому находящейся в искусственной дисгармонии с ним»* [5, с. 508].

Далее Набоков открывает человеку, давно вырванному из природного ряда, социализированному, включенному в ряд морально-этический, пути обретения первобытного рая. Федор отдает себя во власть солнца, уподобленного языческому богу: *«Солнце навалилось. Солнце сплошь лизало меня большим, гладким языком. Я постепенно чувствовал, что становлюсь раскаленно-прозрачным, наливаюсь пламенем и существую, только поскольку существует оно. Как сочинение переводится на экзотическое наречие, я был переведен на солнце»* [5, с. 508].

Языческое начало эпизода усиливается, дионисийское раскрепощение граничит с чем-то приапическим. И вот уже сам Федор предстает нагим языческим богом – хозяином сказочного леса: *«Двигаться нагишом было удивительным блаженством. <…> Он пошел между кустами, прислушиваясь к звону насекомых, к шорохам птиц. <…> Где-то невдалеке зазвучали девичьи голоса, и он остановился в пятнах тени, неподвижно застывших у него вдоль руки, но ровно содрогавшихся на левом боку, между ребер. <…> Мох, мурава, песок – каждый по-своему – сообщался с босой подошвой, и по-разному солнце и тень ложились на горячий шелк тела. Чувства, обостренные вольным зноем, раздражала возможность сильвийских встреч, мифических умыканий <…> Дал бы год жизни, даже високосный, чтобы сейчас была здесь Зина – или любая из ее кордебалета»* [5, с. 509-510].

Античные мифологические претексты в этом эпизоде узнаются и благодаря прямому указанию на мифические умыкания (далее в тексте упоминается Пан), а также аллюзивно (и это аллюзия – интермедиальный палимпсест): застывшие пятна тени на нагом теле создают визуальный образ, напоминающий костюм Фавна из балета «Послеполуденный отдых фавна». Аллюзию к балету подтверждает и желание увидеть Зину как главную нимфу с кордебалетом. В свою очередь, балет был поставлен на музыку К. Дебюсси, в основе которой стихотворение С. Малларме «Послеполуденный отдых Фавна», в апреле 1912 года в парижском театре Шатле в рамках русских сезонов. Хореографом и исполнителем роли Фавна выступил знаменитый русский танцовщик Вацлав Нижинский, декорации и костюмы создал Леон Бакст. Впервые мужчина появлялся на сцене столь откровенно обнаженным: на нем было создающее иллюзию обнаженного тела трико кремового цвета с разбросанными темно-коричневыми пятнами. Сюжет миниатюры прост: Фавн просыпается, любуется виноградом, играет на флейте. Вдруг появляется группа нимф, затем вторая, которая сопровождает главную нимфу. Она танцует, держа в руках длинный шарф. Фавн, привлеченный танцами нимф, бросается к ним, но они в испуге разбегаются. Только главная нимфа медлит, после па-де-дё она убегает, уронив свой шарф под ноги фавну. Он поднимает его, уносит в свое логово на скале и, расположившись на легкой ткани, предается любовной истоме.

Груневальду, названному «первобытным раем», и «груневальдованию» отведен значительный объем текста последней главы романа. Обретение рая связано с упразднением времени: *«Выбрав тайный затончик среди камышей, Федор Константинович пускался вплавь. Теплая муть воды, в глазах искры солнца. Он плавал долго, полчаса, пять часов, сутки, неделю, другую. Наконец, двадцать восьмого июля, около трех часов пополудни, он вышел на тот берег»* [5, с. 511]. Разница во времени в «Письмах» и ро-

мане – неделя: ежедневные письма прерываются 21 июля – в день возвращения Веры.

Упразднению времени соответствует и экстатическое состояние неразрывно связанное с топосом, пейзажем, который также можно определить как «экстатический». В создании этого пейзажа Набоков руководствуется принципом: от мимикрии – к метаморфозе.

Замечательно точно определяет мимикрию в понимании Набокова С. Давыдов: «*Это дар творца твари, чтобы та, повторяя изысканные многоцветные узоры, прославляла сотворенный мир*» [3, с. 232]. Мимикрия и метаморфоза, считает С. Давыдов, – это разные способы отождествления нетождественного. *«Мимикрия – это дивное внешнее сходство нетождественного, метаморфоза – еще более внутреннее тождество несходного. Если мимикрия – артистический дар, то метаморфоза – дар метафизический»* [3, с. 232-233].

В пейзаже Груневальда Федор от мимикрии восходит к чудесному преображению. Последовательно, детализировано в чувственных ощущениях, Набоков изображает полное слияние малого тела героя с материальным миром Вселенной. Именно тело – плотская природа, родственная всему природному царству – становится посредником, инструментом растворения Федора в воздушно-солнечной стихии, необходимым участником экстатического акта – выхода за грани индивидуации*: «Собственное же мое я, то, которое писало книги, любило слова, цвета, игру мысли, Россию, шоколад, Зину, – как-то разошлось и растворилось, силой света сначала опрозраченное, затем приобщенное ко всему мрению летнего леса, с его атласистой хвоей и райски-зелеными листьями, <…> с его небесной синевой, где высоко-высоко гремел самолет, как бы подернутый синей пылью, синей сущностью тверди»* [5, с. 509].

Набоковский экстатический пейзаж отменяет психологический параллелизм: не подобие, но тождество, равенство в причастии – в этом пафос пейзажа и открытие автора.

В статье затронута лишь часть тем, идей, образов романа «Дар», источник которых находим в письмах 1920-х гг., за 12-14 лет до создания и первой публикации романа в «Современных записках».

Конечно, письма к Вере полны и бытовыми подробностями. Так, в письмах 1926 г. Набоков обещает Вере описывать каждый свой день в деталях: чем он обедал и ужинал, какая была погода в Берлине, и по погоде ли он оделся. Но особая интонация влюбленности одухотворяет бытоописание, окружающий мир обретает иное «поэтическое» измерение. Уместно вспомнить здесь размышления о сущности поэзии М. Хайдеггера, который настаивал, что *«человеческое пребытие» на земле, в основе своей, – «поэтическое <…> „Проживать поэтически" значит пребывать в присутствии богов и быть затронутым близостью сути вещей*» [8, с. 83]. Именно интонация писем 1923-1926-х гг. делает их похожими на лирический дневник, значительную часть которого Набоков использует в романе «Дар». Состояние счастья, свободы, радости удивлений и открытий – со-бытиЯ в любви, – все это запечатлено как настоящее в письмах 20-х гг. и воскрешается воспоминанием в «Даре». Поэтому и в романе преобладают юношески-солнечные интонации. Набокову удается воссоздать не только события, образы, детали и подробности тех лет – в это нет ничего необычного: «поэтическое хозяйство» – банк воспоминаний – есть у каждого писателя. Набокову удается, казалось бы, невозможное, – он оживляет чувства и состояния, интонацию тех лет – создает лирический автопортрет своей писательской юности. Как же ему это удается?... Можно предположить, что письма к Вере 20-х гг., все же были «материальным источником» – Набоков перечитывал их.

Роману «Дар» с момента первой публикации находится в центре внимания набоковедов. Наиболее ранними исследованиями были статьи S. Karlinsry [15] и D. Rampton [16], посвященные анализу литературных аллюзий и референций и замечательная работа Sergei Davydov [14], в которой представлен анализ нарративной структуры «Дара». D. B. Johnson [9] исследовал мотивную организацию романа. «Дар» рассматривали в контексте русской и английской литературной традиции [10], изучалась образная система и жанровые особенности текста. S. Blackwell [11, 12, 13] посвятил роману несколько интересных статей и книгу *Zina's Paradox: The Figured Reader in Nabokov's Gift*. «Дар» – один из самых автобиографических романов Набокова. Публикация «Писем к Вере» позволяет ввести в поле анализа романа уникальный автобиографический материал, увидеть становление замысла.

Библиографический список

1. Аверин, Б. В. Письма Набокова к Вере как художественный текст (1923-1926) [Текст] / Б. В. Аверин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10 – 2 (88). – С. 235-238.

2. Бойд, Б. Конверты для «Писем к Вере» [Текст] / Брайан Бойд // Набоков Владимир. Письма к Вере; [вступит. ст., подгот. текста и коммент. О. Ворониной и

Б. Бойда] – М. : КоЛибри, Азбука – Аттикус, 2018. – С. 14-51.

3. Давыдов, С. Набоков: герой, автор, текст [Текст] / С. Давыдов // В. В. Набоков: pro et contra. Т. 2 / сост. Б. В. Аверин, библиогр. С. А. Антонова – СПб. : РХГИ, 2001 – С. 315-328.

4. Долинин, А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» [Текст] / А. Долинин. – М. : Новое издательство, 2019. – 684 с.

5. Набоков, В. В. Собр. соч. русского периода [Текст] в 5. т. Т. 4. / Владимир Набоков; сост. Н. Артеменко-Толстой. прим. О. Сконечной, А. Долинина, Ю. Левинга, Г. Глушанок. – СПб. : Симпозиум, 2002. – 784 с.

6. Набоков, В. Письма к Вере [Текст] / В. Набоков; [вступит. ст., подгот. текста и коммент. О. Ворониной и Б. Бойда]. – М. : КоЛибри, Азбука – Аттикус, 2018. – 704 с.

7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст] в 4 т. Т. 2. / М. Фасмер; перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М. : АСТ: Астрель, 2004. – 671 с.

8. Хайдеггер, М. Разъяснения к поэзии Гёльдерлина [Текст] / М. Хайдеггер; перевод с нем. Г. Б. Ноткина. – СПб. : Академический проект, 2003. – 320 с.

9. Johnson, D. B. «The Key to Nabokov’s Gift». – Canadian-American Slavic Studies 6. – 1982. – p. 190-206.

10. Berdijs, N. W. Imagery in Vladimir Nabokov's Last Russian Novel (Дар), Its English Translation (The Gift), and Other Prose Works of the 1930s. – Zurich : Peter Lang, 1995. – 200 p.

11. Blackwell, S. H. «The Poetics of Science in, and around, Nabokov’s The Gift». – Russian Review 62.2. – 2003.

12. Blackwell, S. H. «Boundaries of art in Nabokov's The Gift: Reading as Transcendence». – Slavic Review 58.3. – 1999.

13. Blackwell, S. H. Zina's Paradox: The Figured Reader in Nabokov's Gift. – Zurich : Peter Lang, 2000.

14. Davydov, S. Teksty-Matreshki Vladimira Nabokova. – Munich : Otto Sagner, 1982.

15. Karlinsky, S. «Nabokov’s Novel Dar as a Work of Literary Criticism: A Structural Analysis». – The Slavic and East European Journal 7. – 1963. – p. 284-290.

16. Rampton, D. Vladimir Nabokov: A Critical Study of the Novel. – Cambridge : Cambridge UP, 1984. – p. 64-100.

Reference List

1. Averin, B. V. Pis'ma Nabokova k Vere kak hudozhestvennyj tekst (1923-1926) = Nabokov's letters to Vera as an artistic text (1923-1926) [Tekst] / B. V. Averin // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 10 – 2 (88). – S. 235-238.

2. Bojd, B. Konverty dlja «Pisem k Vere» = Envelopes for «Letters to Vera» [Tekst] / Brajan Bojd // Nabokov Vladimir. Pis'ma k Vere; [vstupit. st., podgot. teksta i komment. O. Voroninoj i B. Bojda] – M. : KoLibri, Azbuka – Attikus, 2018. – S. 14-51.

3. Davydov, S. Nabokov: geroj, avtor, tekst = Nabokov: hero, author, text [Tekst] / S. Davydov // V. V. Nabokov: rro et contra. T. 2 / sost. B. V. Averin, bibliogr. S. A. Antonova – SPb. : RHGI, 2001 – C. 315-328.

4. Dolinin, A. Kommentarij k romanu Vladimira Nabokova «Dar» = Comment on Vladimir Nabokov 's novel «Gift» [Tekst] / A. Dolinin. – M. : Novoe izdatel'stvo, 2019. – 684 s.

5. Nabokov, V. V. Sobr. soch. russkogo perioda = Complete works of the Russian period[Tekst] v 5. t. T. 4. / Vladimir Nabokov; sost. N. Artemenko-Tolstoj. prim. O. Skonechnoj, A. Dolinina, Ju. Levinga, G. Glushanok. – SPb. : Simpozium, 2002. – 784 s.

6. Nabokov, V. Pis'ma k Vere = Letters to Vera [Tekst] / V. Nabokov; [vstupit. st., podgot. teksta i komment. O. Voroninoj i B. Bojda]. – M. : KoLibri, Azbuka – Attikus, 2018. – 704 s.

7. Fasmer, M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka = Russian Etymological Dictionary [Tekst] v 4 t. T. 2. / M. Fasmer; perevod s nem. i dop. O. N. Trubacheva. – 4-e izd., ster. – M. : AST: Astrel', 2004. – 671 s.

8. Hajdegger, M. Razjasnenija k pojezii Gjol'derlina = Explanations to Hölderlin 's poetry [Tekst] / M. Hajdegger; perevod s nem. G. B. Notkina. – SPb. : Akademicheskij proekt, 2003. – 320 s.

9. Johnson, D. B. «The Key to Nabokov’s Gift». – Canadian-American Slavic Studies 6. – 1982. – p. 190-206.

10. Berdijs, N. W. Imagery in Vladimir Nabokov's Last Russian Novel (Дар), Its English Translation (The Gift), and Other Prose Works of the 1930s. – Zurich : Peter Lang, 1995. – 200 p.

11. Blackwell, S. H. «The Poetics of Science in, and around, Nabokov’s The Gift». – Russian Review 62.2. – 2003.

12. Blackwell, S. H. «Boundaries of art in Nabokov's The Gift: Reading as Transcendence». – Slavic Review 58.3. – 1999.

13. Blackwell, S. H. Zina's Paradox: The Figured Reader in Nabokov's Gift. – Zurich : Peter Lang, 2000.

14. Davydov, S. Teksty-Matreshki Vladimira Nabokova. – Munich : Otto Sagner, 1982.

15. Karlinsky, S. «Nabokov’s Novel Dar as a Work of Literary Criticism: A Structural Analysis». – The Slavic and East European Journal 7. – 1963. – p. 284-290.

16. Rampton, D. Vladimir Nabokov: A Critical Study of the Novel. – Cambridge : Cambridge UP, 1984. – p. 64-100.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10481
УДК 82-14

М. Ю. Егоров https://orcid.org/0000-0003-0049-1535

Тюремная лирика А. И. Солженицына: стихотворение «Воспоминания о Бутырской тюрьме»

Статья представляет собой первое развернутое исследование стихотворения А. И. Солженицына «Воспоминания о Бутырской тюрьме» (1946). Произведение было создано во время пребывания в тюремной конструкторской лаборатории («шарашке») в г. Щербаков (сейчас – Рыбинск) Ярославской области. Это произведение является самым ранним из всех опубликованных солженицынских текстов. А. И. Солженицын находится в ряду тех писателей, которые признавали положительное влияние тюремного заключения на формирование и мировоззрения, и писательского таланта. Тюремная жизнь противопоставлена в стихотворении всем другим сферам жизни. В тюрьме проявляются чувство собственного достоинства, сострадание, сочувствие, взаимопомощь. А. И. Солженицын не призывает расширить пространство тюрьмы до всевозможных пределов. Необходимо перенести атмосферу тюремной жизни, жизни в камере в жизнь гражданскую. В стихотворении подчеркивается нестандартность поведения героя, его невозможность вписаться в советский мир. «Технике» интеллектуального противостояния властной системе посвящена вторая строфа. В «Воспоминаниях о Бутырской тюрьме» много тавтологических повторов, сосредоточенных в первой части стихотворения, в описании трагичных эпизодов судьбы героя стихотворения. Тавтологию, как и умолчания, можно рассмотреть в качестве попыток критики, ускользания из-под властного тоталитаризированного дискурса. Вторая и третьи строфы «Воспоминаний о Бутырской тюрьме», большей частью посвященные жизни заключенных, уже лишены указанной тавтологичности. В произведении очевидна ссылка на пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» («Навис покров угрюмой нощи…», 1814; «Воспоминаньями смущенный…», 1829), «Узник», «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Бесприютную Русь» С. А. Есенина. Написанное стихами позднее будет воспроизведено А. И. Солженицыным в прозе в «Архипелаге ГУЛАГ». В стихотворении пребывание в тюрьме не «дисциплинирует», а наоборот, придает свободу, позволяет саморазвиваться. Властные структуры посредством тюрьмы невольно подготавливают своих собственных интеллектуально подкованных противников.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, лирика, тюремные стихотворения, «Воспоминания о Бутырской тюрьме».

M. Yu. Egorov

A. I. Solzhenitsyn’s prison lyrics: Poem «Memories of Butyrskaya Prison»

The article represents the first detailed research of A. I. Solzhenitsyn’s poem «Memories of Butyrskaya prison» (1946). The work was created during his stay in prison design laboratory («sharashka») in Shcherbakov town (now – Rybinsk) the Yaroslavl region. This work is the earliest of Solzhenitsyn’s all published texts. A. I. Solzhenitsyn is among those writers who recognized the positive impact of imprisonment on forming and outlooks, and literary talent. Prison life is opposed in the poem to all other spheres of life. In prison the self-respect, compassion, sympathy, mutual assistance are shown. A. I. Solzhenitsyn does not urge to expand space of prison to various limits. It is necessary to transfer the atmosphere of prison life, life in the box to civil life. In the poem the hero’s non-standard behavior, his impossibility to fit into the Soviet world are emphasized. The second stanza is devoted to «technology» of intellectual opposition to the imperious system. In «Memories of Butyrskaya prison» there are a lot of tautological repetitions concentrated in the first part of the poem, in the description of tragic episodes of the fate of the hero of the poem. Tautology, as well as defaults, is possible to consider as attempts of criticism, escaping from imperious totalitarian discourse. The second and third stanzas of «Memories of Butyrskaya prison» which are mostly devoted to life of prisoners are already deprived of the specified tautology. In the work the link to Pushkin «Memoirs in Tsarskoye Selo» is obvious («The cover of a gloomy night hung …», 1814; «Confused with memories…», 1829), «Prisoner», «Dead souls» by N. V. Gogol, «Homeless Russia» by S. A. Esenin. Written with verses later it would be reproduced by A. I. Solzhenitsyn in prose in «the Archipelago GULAG». In the poem stay in prison does not «discipline», and on the

© Егоров М. Ю., 2019

contrary gives freedom, allows the person to make personal growth. Power structures by means of prison prepare their own intellectually grounded opponents involuntarily.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, lyrics, prison poems, «Memories of Butyrskaya prison».

В 1976 г. на страницах эмигрантского журнала «Вестник русского христианского движения» появились два стихотворных произведения А. И. Солженицына – «На советской границе» (отрывок из поэмы «Дороженька», 1951) и «Россия?» (1952). Это была первая публикация поэтического наследия писателя. В предисловии, которое было предпослано стихотворениям, сочиненным в лагере, А. И. Солженицын давал такую уничижительную самохарактеристику: «Всё написанное в те [лагерные] годы, естественно, не считаю достижением поэтическим, но многие мысли и чувства тех лет сохранялись только в этой форме» [14, с. 148].

Исследователи творчества А. И. Солженицын обходят вниманием его поэтические тексты. Возможно это происходит потому, что первая публикация книги стихотворений состоялась в 1999 г., в этом сборнике было опубликовано рассматриваемое стихотворение [15]. Даже авторитетный Ж. Нива в объемном труде «Александр Солженицын: Борец и писатель» из поэтических текстов называет только поэму «Дороженьку» [9]. Этой поэме посвящено несколько литературоведческих публикаций [6; 5; 10]. Среди текстов о лагерных стихах А. И. Солженицына выделяются статьи Бай Ян о тематических характеристиках избранного поэтического корпуса (о России, о любви) [1; 2; 3].

Стихи А. И. Солженицын писал и до лагеря. Похоже, что первые его творческие опыты были именно стихотворными. В биографическом исследовании Л. И. Сараскина указывает: «К началу университета у Сани [Солженицына] и Кирилла [Симоняна] скопилось немало тетрадок со стихами, и, став первокурсниками, они отважились послать избранное столичным светилам… И все же Л. И. Тимофеев, известный стиховед и сотрудник Института красной профессуры, прислал из Москвы скептический отзыв – несколько фраз о низком уровне стихов. Это был тяжкий удар, но они не сдавались, продолжали писать и, где возможно, показывали написанное» [12, с. 141-142].

Стихотворение «Воспоминания о Бутырской тюрьме», датируемое ноябрем 1946 года, было создано во время пребывания в г. Щербаков (сейчас – Рыбинск), где А. И. Солженицын работал в авиационной «шарашке» (с 27 сентября 1946 по 21 февраля 1947 гг.). Это произведение является самым ранним из всех опубликованных солженицынских текстов. Оно посвящено инженеру-энергетику Н. А. Семенову, с которым автор познакомился в Бутырской тюрьме в июле 1946 г. Н. А. Семенов ушел добровольцем на фронт, безоружным попал в плен, трижды совершал побег. После войны был обвинен советскими властями в измене, приговорен к десяти годам лагерей [11, с. 479].

Тематическая композиция стихотворения (стихотворение цитируется по [13]) охватывает несколько сфер существования человека – гражданская жизнь, война, тюрьма, лагерь. В тексте это выглядит следующим образом: 1-4 стих – тюрьма, 5-8 – гражданская жизнь, 9-10 – война, 11-12 – тюрьма, 13-24 – война, 25-26 – тюрьма, 27-32 – лагерь, 33-51 – тюрьма, 52-55 – гражданская жизнь 56-57 – тюрьма, 58-60 – гражданская жизнь. Таким образом, с тюрьмой связано 29 стихов из 60, с войной – 14, с гражданской жизнью – 11, с лагерем – 6, причем все военные строки сосредоточены в первой строфе.

Приведем важную для понимания стихотворения цитату из «Архипелага ГУЛАГ»: «Досадуют ли при мне на рыхлость Запада, его политическую недальновидность, разрозненность и растерянность – я напоминаю: «А разве мы, не пройдя Архипелага, – были твёрже? сильнее мыслями?» Вот почему я оборачиваюсь к годам своего заключения и говорю, подчас удивляя окружающих: «Благословение тебе, тюрьма!» Прав был Лев Толстой, когда мечтал о посадке в тюрьму. С какого-то мгновенья этот гигант стал иссыхать. Тюрьма была, действительно, нужна ему, как ливень засухе. Все писатели, писавшие о тюрьме, но сами не сидевшие там, считали своим долгом выражать сочувствие к узникам, а тюрьму проклинать. Я – достаточно там посидел, я душу там взрастил и говорю непреклонно: «Благословение тебе, тюрьма, что ты была в моей жизни!»« [17, с. 497]. А. И. Солженицын оказывается в ряду тех писателей, которые признавали положительное влияние тюремного заключения на формирование и мировоззрения, и писательского таланта. М. Г. Дункан ставит А. И. Солженицына по этому принципу в один ряд с Г. Грином, Стендалем, Л. Толстым,

У. Шекспиром и т. д. [19] (см. также [22]).

Тюремная жизнь противопоставлена в стихотворении всем другим сферам жизни. На пространственном уровне такая антитеза реализуется в оппозиции «замкнутое» – «открытое». «Намордники камеры», «своды старой добротной тюрьмы», «запахнулась вкруг них крепостная стена» – с одной стороны, а с другой – путешествия в гражданской жизни («От Норвегий до Ливий Исходили Европы красу и тщету»), «поле» и «небо» войны («знаю я поле ржаное, когда в «юнкерсах», в «хеншелях» небо черно»), даже лагерь связан с открытостью дороги («Таскаешь ли шпалы На дороге Тайшет – Колыма? Под Норильском волочишь цынготное горе?»).

Однако именно в тюрьме проявляются все лучшие человеческие качества – чувство собственного достоинства, сострадание, сочувствие, взаимопомощь: «Кто там не был! какие огни не сходились! Монархист ли, марксист ли, – но только б не раб. И сшибались до пены, до ярости бились, Хлебной крошкой, табачною пылью делились, Обнимались на смерть, уходя на этап». Особенно важно для лирического героя то, что в тюрьме (в отличии от воли) течет свободная интеллектуальная жизнь: «Невесомая мысль! – для стихов и для лекций Вечерами сдвигались, под лампами дым, – Атом. Гоголь. Барокко. Наследственность. Рим. – И учёные сыпали блёстки коллекций Неучёным, но тёртым друзьям молодым».

Положительные эмоции не являются приметами гражданской жизни, войны или лагеря. Если рассмотреть указатели эмоций, связанных со смеховым началом, то они проявляются только в описаниях тюремного существования: «[Герой, пришедший в камеру,] знакомясь, *с улыбкой* представился», «[Заключенные в камере полезные знания] брали, *с усмешкой* отвеяв труху».

Всё положительное связывается с жизнью в тюрьме, в тюремной камере, всё отрицательное – с тем, что камеру окружает. Например, в первой строфе яркие образы, рисующие абсурдность военных действий: «Когда в „юнкерсах”, в „хеншелях” небо черно, Нет снарядов, орудье не бьёт ни одно», «Что-то там, по воронкам, их мало лежало! Кто лежал – тот срывал комиссарские шпалы, Хоронил средь зелёной травы... Деранула за Волгу Москва из Москвы...» В той же строфе звучит голос обвинителя-следователя, спрашивающего героя о причинах для сдачи в плен врагу: «Почему не стрелялся?! Оружия, что ли, Вам не дали?! А – палка зачем?»

У читателя может создаваться впечатление, что непредсказуемость жизни вне тюрьмы, приобретающая гротесковые формы в сознании лирического героя, связана с негативным началом, а «узаконенная» размеренность тюремных порядков (пускай и жестоких) – с позитивным.

А. И. Солженицын, разумеется, не призывает расширить пространство тюрьмы до всевозможных пределов. Перенести атмосферу тюремной жизни, жизни в камере в жизнь гражданскую – вот, что необходимо. Поэтому начиная стихотворение с резкого ограничения пространства (герой попадает в камеру: «Были тусклы намордники камеры мертвой, Полудённые светы – неверны и плохи»), автор заканчивает текст выходом в бесконечный простор: «Неприютная Русь! Что ты знаешь? Быть может, Этой самой закланною молодёжью Ты и будешь когда-нибудь спасена?..»

В стихотворении подчеркивается нестандартность поведения героя, его невозможность вписаться в советский мир. Он сам называет себя жертвой, «тихим кроликом великой эпохи». «Что-то слишком великой... Всё в будущем рея, Ни хитрить, ни таить, ни делить не умея…» – продолжается характеристика героя, обвиненного в том, что, оставшись без оружия, не покончил с собой, а сдался в плен: «Трое суток метался – и в подлой измене Не убив себя! – сдался, и вот виноват». Частная судьба героя – констатация общего положения вещей, при котором «неправильный», с идеологической советской точки зрения, человек, «неправильно» исполнивший свои функции, принудительно отстраняется от общества в отграниченное пространство, называемое тюрьмой. О состоянии таких людей, их нахождении в заключении говорится во второй строфе, заканчивающейся метафорической строчкой: «Запахнулась вкруг них крепостная стена».

«Технике» интеллектуального противостояния властной системе посвящена вторая строфа. В первой строфе герой подвергается наказанию за то, что, оказавшись в тяжелых враждебных обстоятельствах, не покончил с собой: «Когда в „юнкерсах”, в „хеншелях” небо черно, Нет снарядов, орудье не бьёт ни одно... Трое суток метался – и в подлой измене Не убив себя! – сдался, и вот виноват». Во второй же строфе, по контрасту, уже наказанные герои в физически тяжелейших условиях тюремного заключения не теряют себя: «Кто там не был! какие огни не сходились! Монархист ли, марксист ли, – но только б не раб. И сшибались до пены, до ярости би-

лись, Хлебной крошкой, табачною пылью делились, Обнимались на смерть, уходя на этап».

В «Воспоминаниях о Бутырской тюрьме» много тавтологических повторов, сосредоточенных в первой части стихотворения, в описании трагичных эпизодов судьбы героя стихотворения: ««…Тихий кролик *великой* эпохи...» Что-то слишком *великой*»; «*знаю, знаю* я поле ржаное»; «*я всех их*! *я всех* бы сейчас на колени! Пред тобою, русский солдат!! Что-то там, по воронкам, *их* мало *лежало*! Кто *лежал* – тот срывал…»; «Рвали когти в *Москву* господа генералы, Деранула за Волгу *Москва* из *Москвы*». Тавтологию, как и умолчания («слишком великой» – какой?; «я всех их» – кого?), можно рассмотреть здесь в качестве попыток критики, ускользания из-под властного тоталитаризированного дискурса. «Мы спасаемся, укрываемся в тавтологии совершенно так же, как укрываемся в чувстве испуга, негодования или скорби в тех случаях, когда не в состоянии произнести ни слова», – писал Р. Барт [4, с. 123]. Власть заинтересована в контроле над языком, над дискурсом (см. например [18]). Тавтология же демонстрирует недоверия к языку, стремление уклониться от выражения идей навязываемым заинтересованными структурами образом [4, с. 123]. Сам властный дискурс лишается смысла в прямой речи следователя в стихотворении: «Почему не стрелялся?! Оружия, что ли, Вам не дали?! А – палка зачем?». А. Немзер так писал о лирике А. И. Солженицына: «Стихи (да, часто «неудачные») учили ценить семантическую многомерность …уводили от бесцветной гладкописи квазиреалистических стандартов советской романистики» [8]. По утверждению авторов новейшей оксфордовской «Истории русской литературы», А. И. Солженицын был создателем доминирующего дискурса Большого Террора, дискурса, основанного на реалистическом воспроизведении жизненного опыта прошедших ГУЛАГА [20, с. 729].

Вторая и третьи строфы «Воспоминаний о Бутырской тюрьме», большей частью посвященные жизни заключенных, уже лишены указанной тавтологичности. Интересное преобразование в первой и второй частях претерпевает слово «шпалы». В первой строфе: «Кто лежал – тот срывал комиссарские шпалы, Хоронил средь зелёной травы» – слово «шпалы» использовано в разговорном значении воинских знаков отличия, атрибут отрицательного и нарицательного персонажа. Во второй строфе: «Где теперь ты? Таскаешь ли шпалы На дороге Тайшет-Колыма?» – слово «шпалы» употреблено в прямом значении, атрибут положительного героя.

Уклонения от властного дискурса можно обнаружить и в формальном устройстве стихотворения. А. И. Солженицын обращается к вольному стиху – разностопному анапесту (за редкими исключениями; из схемы выбиваются, например, стихи девятнадцатый, пятьдесят пятый), выбирает нестандартную строфическую организацию (три строфы; по двадцать четыре, двадцать три и три стиха соответственно).

Интертекстуальное начало как способ взаимодействия данного произведения с другими выступает одной из реализаций «тавтологии». В стихотворении очевидна ссылка на пушкинские «Воспоминания в Царском Селе» («Навис покров угрюмой нощи…», 1814; «Воспоминаньями смущенный…», 1829), «Узник». «Неприютная Русь» в последней строфе откликается «Бесприютной Русью» С. А. Есенина («С той [бутырской] камеры потянулся и я писать стихи о тюрьме. А там я читал вслух Есенина, почти запрещённого до войны», – отметит А. И. Солженицын [16, с. 522]). В середине второй части упоминается Н. В. Гоголь, наверное, были бы важны параллели с «Мертвыми душами», «Записками сумасшедшего», с гоголевской эстетикой абсурда. Последняя же строфа: «Неприютная Русь! Что ты знаешь? Быть может, Этой самой закланною молодёжью Ты и будешь когда-нибудь спасена?..» – вызывает ассоциации с хрестоматийным финалом «Мертвых душ»: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? …Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? …Русь, куда ж несешься ты?» [7, с. 239]. Может быть, обращение к тексту Н. В. Гоголя автору, находящемуся в момент создания стихотворения в «шарашке» в г. Щербаков Ярославской области, «подсказало» то, что «птицу-тройку» собрал «ярославский расторопный мужик»: «И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да молотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик» [7, с. 239].

«Тавтологичность» произведения проявляется и еще одни образом. Параллели разбираемого стихотворения с прозой автора, разумеется, не ограничиваются приведенным выше фрагментом. Помимо того, что Н. А. Семенов, кому посвящено «Воспоминание о Бутырской тюрьме», послужил прототипом Андрея Андреевича Потапова из романа «В круге первом», ему посвящено

два фрагмента в «Архипелаге ГУЛАГ» – в части первой «Тюремная промышленность» [16, с. 224] и в части второй «Вечное движение» [16, с. 520]. Строки: «А в 41-м году младший лейтенант Семёнов пошёл на фронт добровольно. А в 42-м году он ещё имел пустую кобуру вместо пистолета (следователь не понимал, почему он не застрелился из кобуры)» [16, с. 224] – проясняют ситуацию в стихотворении: «…в ополчение доброю волей… «Почему не стрелялся?! Оружия, что ли, Вам не дали?! А – палка зачем?»«.

Неслучайно А. И. Солженицын отметил: «В лагерные годы, лишённый возможности хранить написанное дольше нескольких часов, от обыска до обыска, я по необходимости писал только в стихотворной форме, чтобы наскоро заучить, а бумагу сжечь» [14, с. 148]. Написанное стихами позднее будет воспроизведено в прозе. Приведем еще несколько примеров: «Пока месили мы глину плацдармов, корчились в снарядных воронках…» [16, с. 530] – «Что-то там, по воронкам, их мало лежало»; «Он [Е. И. Дивнич] и православный проповедник, но не остаётся в рамках богословия, он поносит марксизм, объявляет, что в Европе уже давно никто не принимает такого учения всерьёз – и я выступаю на защиту, ведь я марксист. Ещё год назад как уверенно я б его бил цитатами, как бы я над ним уничижительно насмехался! …И тут сразу же слабеет цепь моих доводов, и меня бьют почти шутя» [16, с. 520] – «Кто там не был! какие огни не сходились! Монархист ли, марксист ли, – но только б не раб. И сшибались до пены, до ярости бились»; «По вечерам споров не было, устраивались лекции или концерты. И тут опять блистал Тимофеев-Ресовский: целые вечера посвящал он Италии, Дании, Норвегии, Швеции. Эмигранты рассказывали о Балканах, о Франции. Кто-то читал лекцию о Корбюзье, кто-то – о нравах пчёл, кто-то – о Гоголе. Тут и курили во все лёгкие! Дым заполнял камеру, колебался как туман» [16, с. 521] – «Невесомая мысль! – для стихов и для лекций Вечерами сдвигались, под лампами дым, – Атом. Гоголь. Барокко. Наследственность. Рим» (А. И. Солженицын выступил в камере с докладом об атомной бомбе [16, с. 518]); «…мы теперь все вместе сидели на бутырских нарах, я докуривал после них и они после меня, и вдвоём с кем-нибудь мы выносили жестяную шестиведерную парашу» [16, с. 241] – «Хлебной крошкой, табачною пылью делились… И в навозную бочку впрягались попарно»; «И опять идут пленники, пленники, пленники – поток из Европы не прекращается второй год. И опять русские эмигранты – из Европы и из Маньчжурии» [16, с. 521] – «Умудрила их жизнь! От Норвегий до Ливий Исходили Европы красу и тщету, … И вернулись в родимую нищету»; «Не здесь ли, в тюремных камерах, и обретается великая истина? …Молодёжь, сидящая в тюремных камерах с политической статьёй, – это никогда не средняя молодёжь страны, а всегда намного ушедшая» [16, с. 529] – «Быть может, Этой самой закланною молодёжью Ты [Русь] и будешь когда-нибудь спасена?».

М. Николсон указывает: «Из лагерной поэзии Солженицына вообще не исчезают воинственные, мятежные порывы» [10]. По логике вещей, заточение призвано принудительно парализовать «асоциальное» самоопределение личности, заменив его форматированием индивида по параметрам, формируемым социумом в качестве правильных, необходимых. А. И. Солженицын рисует совершенно другую картину. В стихотворении пребывание в тюрьме не «дисциплинирует» (в духе М. Фуко [18]), а наоборот придает свободу, позволяет саморазвиваться. Таким образом, государственная система терпит поражение, радикальное зло порождает неслыханное добро. Примечательно, что тюрьма в описании А. И. Солженицына сравнивается с крепостью, то есть с тем, что призвано не принести наказание, а предназначено для сохранения и выживания («Запахнулась вкруг них крепостная стена»). Властные структуры посредством тюрьмы невольно подготавливают своих собственных интеллектуально подкованных противников: «Неприютная Русь! Что ты знаешь? Быть может, Этой самой закланною молодёжью Ты и будешь когда-нибудь спасена?..»

Библиографический список

1. Бай, Я. Образ России в лагерных стихах А. И. Солженицына [Текст] / Я. Бай // Общественные науки. – 2017. – № 1. – С. 19-30.

2. Бай, Я. Поэтика любви в лагерных стихах А. И. Солженицына [Текст] / Я. Бай // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 13-19.

3. Бай, Я. Судьба России в лагерных стихах А. И. Солженицына [Текст] / Я. Бай // Родное и вселенское: отечественная литературно-философская мысль, проблемы национальной идентичности, судьбы русского языка и культуры. – Ульяновск : УлГУ, 2016. – Вып. 3. – С. 214-220.

4. Барт, Р. Из книги «Мифологии» [Текст] / Р. Барт // Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 46-130.

5. Васюточкин, Г. С. «Дороженька» Александра Солженицына [Электронный ресурс] / Г. С. Васюточкин // На перевале тысячелетий: страницы публицистики. – СПб. : Изд-во Александра Сазанова, 2011. – С. 356-363. – URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476

6. Гаркавенко, О. В. Мотив покаяния в поэме А. И. Солженицына «Дороженька» [Текст] / О. В. Гаркавенко // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – Вып. 4. – С. 106-109.

7. Гоголь, Н. В. Мертвые души [Текст] / Н. В. Гоголь // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 5. – М. : Издательство Московской Патриархии, 2009. – 680 с.

8. Немзер, А. С. В начале: изданы ранние сочинения Александра Солженицына [Электронный ресурс] / А. С. Немзер // Время новостей. – 2004. – № 206. URL: http://www.ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html

9. Нива, Ж. Александр Солженицын: Борец и писатель [Текст] / Ж. Нива. – СПб. : Вита Нова, 2014. – 336 с.

10. Николсон, М. «Да где ж ты была, дороженька?» Жанровые поиски Солженицына в 40-50-е годы [Электронный ресурс] / М. Николсон // Путь Солженицына в контексте большого времени: сб. памяти: 1918-2008. – М. : Рус. путь, 2009. – С. 256-264. – URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1188&sphrase_id=6821

11. Радзишевский, В. Комментарии [Текст] / В. Радзишевский // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 18. Раннее. – М. : Время, 2016. – С. 391-537.

12. Сараскина, Л. И. Александр Солженицын [Текст] / Л. И. Сараскина. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 935 с.

13. Солженицын, А. И. Воспоминания о Бутырской тюрьме [Текст] / А. И. Солженицын // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 18. Раннее. – М. : Время, 2016. – С. 215-216.

14. Солженицын, А. И. [Предисловие к публикации «Два лагерных стихотворения»] [Текст] / А. И. Солженицын // Вестник русского христианского движения. – 1976. – № 117. – С. 148.

15. Солженицын, А. И. Протеревши глаза [Текст] / А. И. Солженицын. – М. : Наш дом – L`Age d`Homme, 1999. – 365 с.

16. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 томах [Текст]. Т. 4. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части I–II / А. И. Солженицын. – М. : Время, 2010. – 544 с.

17. Солженицын, А. И. Собрание сочинений в 30 томах [Текст] : Т. 5. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Части III–IV / А. И. Солженицын. – М. : Время, 2010. – 560 с.

18. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с.

19. Duncan, M. G. «Cradled on the Sea»: Positive Images of Prison and Theories Punishment / M. G. Duncan // California Law Review. – 1988. – Vol. 76. – № 6. – P. 1201-1247.

20. Kahn, A., Lipovetsky, M., Reyfman, I., Sandler, S. History of Russian Literature / A. Kahn, M. Lipovetsky, I. Reyfman, S. Sandler. – New York : Oxford University Press. 2018. – 939 p.

21. Klots, Y. From Avvakum to Dostoevsky: Varlam Shalamov and Russian Narratives of Political Imprisonment / Y. Klots // The Russian Review. – Vol. 75. – № 1. – P. 7-25.

22. Tolczyk, D. Politics Of Resurrection: Evgeniia Ginzburg, The Romantic Prison, And The Soviet Rhetoric Of The Gulag / D. Tolczyk // Canadian-American Slavic Studies. – 2005. – Vol. 39. – № 1. – P. 53-70.

Reference List

1. Baj, Ja. Obraz Rossii v lagernyh stihah A. I. Solzhenicyna = The image of Russia in A. I. Solzhenitsyn's camp poems [Tekst] / Ja. Baj // Obshhestvennye nauki. – 2017. – № 1. – S. 19-30.

2. 2.Baj, Ja. Pojetika ljubvi v lagernyh stihah A. I. Solzhenicyna = Poetry of love in A. I. Solzhenitsyn's camp poems [Tekst] / Ja. Baj // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2016. – № 9 (63): v 3-h ch. Ch. 2. – S. 13-19.

3. Baj, Ja. Sud'ba Rossii v lagernyh stihah A. I. Solzhenicyna = Fate of Russia in A. I. Solzhenitsyn's camp poems [Tekst] / Ja. Baj // Rodnoe i vselenskoe: otechestvennaja literaturno-filosofskaja mysl', problemy nacional'noj identichnosti, sud'by russkogo jazyka i kul'tury. – Ul'janovsk : UlGU, 2016. – Vyp. 3. – S. 214-220.

4. Bart, R. Iz knigi «Mifologii» = From the book «Mythologies» [Tekst] / R. Bart // Bart, R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika. – M. : Progress, 1989. – S. 46-130.

5. Vasjutochkin, G. S. «Dorozhen'ka» Aleksandra Solzhenicyna = «The Road» by Aleksandr Solzhenitsyn [Jelektronnyj resurs] / G. S. Vasjutochkin // Na perevale tysjacheletij: stranicy publicistiki. – SPb. : Izd-vo Aleksandra Sazanova, 2011. – S. 356-363. – URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1476

6. Garkavenko, O. V. Motiv pokajanija v pojeme A. I. Solzhenicyna «Dorozhen'ka» = Motive of repentance in A. I. Solzhenitsyn's poem «The Road» [Tekst] / O. V. Garkavenko // Filologicheskie jetjudy: sb. nauch. st. molodyh uchenyh. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2001. – Vyp. 4. – S. 106-109.

7. Gogol', N. V. Mertvye dushi = Dead souls [Tekst] / N. V. Gogol' // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 17 t. T. 5. – M. : Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarhii, 2009. – 680 s.

8. Nemzer, A. S. V nachale: izdany rannie sochinenija Aleksandra Solzhenicyna = In the beginning: Aleksandr

Solzhenitsyn's published early works [Jelektronnyj resurs] / A. S. Nemzer // Vremja novostej. – 2004. – № 206. URL: http://www.ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html

9. Niva, Zh. Aleksandr Solzhenicyn: Borec i pisatel' = Aleksandr Solzhenitsyn: Fighter and writer [Tekst] / Zh. Niva. – SPb. : Vita Nova, 2014. – 336 s.

10. Nikolson, M. «Da gde zh ty byla, dorozhen'ka?» Zhanrovye poiski Solzhenicyna v 40-50e gody = «Where were you, road?» Solzhenitsyn's genre search in the 1940s–50s [Jelektronnyj resurs] / M. Nikolson // Put' Solzhenicyna v kontekste bol'shogo vremeni: sb. pamjati: 1918-2008. – M. : Rus. put', 2009. – S. 256-264. – URL: http://www.solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1188&sphrase_id=6821

11. Radzishevskij, V. Kommentarii = Comments [Tekst] / V. Radzishevskij // Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij v 30 tomah. T. 18. Rannee. – M. : Vremja, 2016. – S. 391-537.

12. Saraskina, L. I. Aleksandr Solzhenicyn = Aleksandr Solzhenitsyn [Tekst] / L. I. Saraskina. – M. : Molodaja gvardija, 2008. – 935 s.

13. Solzhenicyn, A. I. Vospominanija o Butyrskoj tjur'me = Memories of Butyrskaya Prison [Tekst] / A. I. Solzhenicyn // Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij v 30 tomah. T. 18. Rannee. – M. : Vremja, 2016. – S. 215-216.

14. Solzhenicyn, A. I. [Predislovie k publikacii «Dva lagernyh stihotvorenija»] = [Preface to publication «Two Camp Poems»] [Tekst] / A. I. Solzhenicyn // Vestnik russkogo hristianskogo dvizhenija. – 1976. – № 117. – S. 148.

15. Solzhenicyn, A. I. Proterevshi glaza = Having wiped eyes [Tekst] / A. I. Solzhenicyn. – M. : Nash dom – L`Age d`Homme, 1999. – 365 s.

16. Solzhenicyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 tomah = Complete works in 30 volumes [Tekst]. T. 4. Arhipelag GULAG: Opyt hudozhestvennogo issledovanija. Chasti I–II / A. I. Solzhenicyn. – M. : Vremja, 2010. – 544 s.

17. Solzhenicyn, A. I. Sobranie sochinenij v 30 tomah = Complete works in 30 volumes [Tekst] : T. 5. Arhipelag GULAG: Opyt hudozhestvennogo issledovanija. Chasti III–IV / A. I. Solzhenicyn. – M. : Vremja, 2010. – 560 s.

18. Fuko, M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tjur'my = Supervise and punish. Birth of prison [Tekst] / M. Fuko. – M. : Ad Marginem, 1999. – 480 s.

19. Duncan, M. G. «Cradled on the Sea»: Positive Images of Prison and Theories Punishment / M. G. Duncan // California Law Review. – 1988. – Vol. 76. – № 6. – P. 1201-1247.

20. Kahn, A., Lipovetsky, M., Reyfman, I., Sandler, S. History of Russian Literature / A. Kahn, M. Lipovetsky, I. Reyfman, S. Sandler. – New York : Oxford University Press. 2018. – 939 p.

21. Klots, Y. From Avvakum to Dostoevsky: Varlam Shalamov and Russian Narratives of Political Imprisonment / Y. Klots // The Russian Review. – Vol. 75. – № 1. – P. 7-25.

22. Tolczyk, D. Politics Of Resurrection: Evgeniia Ginzburg, The Romantic Prison, And The Soviet Rhetoric Of The Gulag / D. Tolczyk // Canadian-American Slavic Studies. – 2005. – Vol. 39. – № 1. – P. 53-70.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

Журналистика

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10482
УДК 81'38

А. В. Николаева https://orcid.org/0000-0003-1531-681X

Языковые особенности фейковых публикаций

В статье рассматриваются языковые особенности фейковых новостей с позиции медиастилистики. Рассматриваются такие понятия, как факт, фактоид, фейк-ньюс, постправда. Постправда – это ситуация, когда размывается граница между достоверной информацией и фейком. Читателям и даже журналистам трудно понять, истинная информация дана в материале или ложная. Обнаружение фейковых новостей становится важнейшей задачей не только для специалистов, работающих с новостным контентом, но и для обычного читателя. Именно поэтому так важно найти объективные экстралингвистические и лингвистические маркеры, указывающие на высокую вероятность того, что мы имеем дело с ложной информацией. Анализируются те лингвистические и экстралингвистические маркеры, которые помогают читателю понять, что он имеет дело с недостоверной информацией. Делается вывод, что план выражения фейковых новостей не менее важен, чем их план содержания, поэтому для привлечения внимания читателей в них используются всевозможные языковые средства, такие как, например, метафоры и стилистически маркированная лексика. Эмоция в современных СМИ становится важнее факта, а мнение важнее достоверности. Изучение отклонения от истины является предметом лингвистического исследования давно и приобрело особую актуальность в настоящее время, когда ложь в медийном пространстве начинает культивироваться как искусство. Фейки представляют собой серьезный вызов современному обществу, так как они распространяются гораздо быстрее, чем достоверные новости. Фейковые новости привлекают журналистов и читателей, поэтому важно разрабатывать работающий алгоритм их обнаружения в тексте. Распространение в современном медийном пространстве фейков заставляет журналистов тщательно продумывать методики фактчекинга.

Ключевые слова: СМИ, медиастилистика, фейковые новости, факт, фактоид, постправда, кликбейт, слова-триггеры.

Journalism

A. V. Nikolaeva

Language features of fake publications

In this article language features of fake news from the position of media stylistics were described. Such concepts as fact, factoid, fake news, post-truth are taken in account. Post-truth is a situation when the border between reliable information and fake is blurred. It is difficult for readers and even journalists to understand whether the information is true or false.

Detection of fake news is becoming an important task not only for professionals working with news content, but also for the General reader. That is why it is so important to find objective extralinguistic and linguistic markers indicating a high probability that we are dealing with false information.

The author analyzes the linguistic and extralinguistic markers which help a reader to understand that he is dealing with unreliable information. The conclusion is that the plan of fake news expression is not less important than their content plan. To attract the attention of readers they use all kinds of language means, such as metaphors and stylistically marked vocabulary.

Emotions and opinions in modern media become more important than facts and reliability. The study of the deviation from the truth has been the subject of the linguistic research for a long time. It has acquired special relevance nowadays, when lie in the media space is beginning to be cultivated as art.

Fakes represent a serious challenge to modern society.

They spread much faster than reliable news. Fake news attract journalists and readers. That is why it is important to develop a working algorithm to detect them in the text.

Spread of fakes in the modern media space makes journalists think carefully about their methods of fact-checking.

© Николаева А. В., 2019

Keywords: media, media stylistics, fake news, fact, factoid, post-truth, clickbait, word-triggers.

Истина – проблема лингвистическая, поскольку коммуникация без истины невозможна. Текстовая деятельность – многокомпонентная коммуникация. В ней решающими являются намерение (интенция) автора и восприятие читателя. В современных условиях фасцинации средства массовой информации стараются любыми способами привлечь своего читателя. Фасцинация – воздействие на коммуникативного партнера с целью привлечения, развлечения, удержания его внимания. «Фасциогенную активность субъектов можно объяснить... навязчивым влечением ко всему новому и необычному. В связи с этим можно упомянуть прецедентное высказывание из стихотворения А. С. Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад».

Эмоция в современных СМИ становится важнее факта, а мнение – важнее достоверности. Изучение отклонения от истины является предметом лингвистического исследования давно и приобрело особую актуальность в настоящее время, когда ложь в медийном пространстве начинает культивироваться как искусство. Так, в России распространение фейковых новостей является редакционной задачей нескольких известных ресурсов. Например, в этом направлении работают НОВОSTI, агентство АЛЬТЕРФАКС, РИА Fognews. Последние гордятся тем, что «газетные утки», которые создаются их авторами, нередко попадают в серьезные журналистские медиа: «...нас сравнивают с сатирическим журналом „Крокодил”. И даже называют правопреемниками. Нам это очень льстит, и мы стараемся соответствовать этому высокому званию. У нас не всегда это получается. Но мы действительно стараемся... Мы не клоуны, не кривляки. Мы – зеркало. Зеркало, кривизну которого определяют аллегории и метафоры. Перед нами не стоят задачи шокировать или рассмешить публику. Мы не отвечаем на вопросы общества, но ставим их перед ним. Мы заставляем людей задуматься» [2].

Это строки из интервью FogNews «Большому Городу». Следовательно, ресурс представляет обман как игровую стратегию, продолжающую традицию многих сатирических изданий прошлого. Похоже, авторы агентства лукавят. Сатирическая журналистика никогда не ставила своей целью обмануть читателей и коллег-журналистов.

Общеизвестно, что информация в СМИ должна быть основана на факте. Главные оставляющие публицистического материала – информирование и оценка. ФАКТ – англ. fact – something that has actual existence [6]. Нечто, имеющее реальное существование.

Бывают и факты недостоверные. Их называют фактоиды. ФАКТОИД – англ. factoid – Mailer explains that factoids are «facts which have no existence before appearing in a magazine or newspaper, creations which are not so much lies as a product to manipulate emotion in the Silent Majority [7]». Мейлер объясняет, что фактоиды – это «факты, которые не существуют до появления в журнале или газете, творения, которые не столько ложь, сколько продукт для манипулирования эмоциями в молчаливом большинстве». Фактоид, недостоверный факт, ложная информация, облекаемая в форму факта, широко используется в СМИ.

Для обозначения ложной информации в СМИ используется также термин фейк – англ. fake – not true, real, or genuine – неправда, нереальность или неподлинность. Это понятие пересекается с определением фактоида в следующих характеристиках: ложность, использование в медийном пространстве. Однако фейк (фейк-ньюс, фейковые новости) – это не просто ложный факт, представленный в публикации, – это стратегия по созданию ложного контента, который рассматривается как «вброс» в информационное пространство. Новостной фейк – специально созданная манипулятивная конструкция, которая реализуется в самых разных формах: существуют как текстовые фейки, так и видео, фото, аудиофейки.

The term «fake news» has been named Collins' Word of the Year 2017. Usage of the term – which has often been used by US President Donald Trump – has risen by 365 % since 2016. Defined as «false, often sensational, information disseminated under the guise of news reporting», «fake news» will now be added to the next print edition of Collins Dictionary [9]. Как видно из предыдущего контекста, термин «фейковые новости» был назван Collins Dictionary Словом 2017 года. Использование термина, которым не пренебрегал в своих выступлениях президент США Дональд Трамп, выросло на 365 % с 2016 года. Это «ложная, часто сенсационная, информация, распространяемая под видом новостей», «фейковые новости» теперь будут добавлены к следующему печатному изданию Collins Dictionary.

Фейки представляют собой серьезный вызов современному обществу, так как распространяются гораздо быстрее достоверных. Такой вывод

присутствует в исследовании, опубликованном в журнале «Science» [8, с. 1147].

Распространение в современном медийном пространстве фейков заставляет журналистов тщательно продумывать методики фактчекинга. Фактчекинг (англ. fact-check) – это проверка фактов. Понятие «фактчекинг» пришло в новые медиа из традиционной журналистики. Редакционная проверка – необходимое условие существования качественного издания. Понимание того, что фейк – это преднамеренный активный обман, определенная медиастратегия, закреплено законодательн о. 18 марта 2019 г. президент подписал закон, который позволяет проводить блокировку лживой информации, а ее распространителей привлекать к ответственности (поправки в с т. 15 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 и в КоАП РФ).

В апреле 2019 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные исследования о том, сталкивались ли россияне с фейковыми новостями в СМИ и интернете и могут ли они отличить достоверную информацию от ложной. Оказывается, за последние год-два 31 % россиян сталкивались с недостоверной информацией в интернете, еще 20 % – по телевидени ю. 74 % тех, кто столкнулся с ложной информацией в СМИ, считают, что такие новости были опубликованы умышленно [5].

Фейки, по мнению ученых, получили особую популярность в так называемую «эпоху постправды» (post-truth age), когда эмоциональное восприятие информации и личные убеждения имеют гораздо большее значение в формировании общественного мнения, чем объективные факты. Постправда – это ситуация, когда размывается граница между достоверной информацией и фейком. Читателям и даже журналистам трудно понять, истинная информация дана в материале или ложная.

Обнаружение фейковых новостей становится важнейшей задачей не только для специалистов, работающих с новостным контентом, но и для обычного читателя. Именно поэтому так важно найти объективные экстралингвистические и лингвистические маркеры, указывающие на высокую вероятность того, что мы имеем дело с ложной информацией.

Первый шаг – работа с источником, определение того, насколько этот источник авторитетен, постановка вопросов, кто ещё написал о событии и есть ли компетентный первоисточник. Если речь идет об анонимном источнике, о неких осведомителях, о словах неизвестного никому лица, есть повод усомниться в истинности того, о чем идёт речь в материале. Медийных коммуникаторов становится с каждым днём все больше, перестаёт работать журналистское правило «трёх источников» – проверка новости на трёх, как минимум, ресурсах. Фейковые новости распространяются очень быстро.

Второй шаг – внимание к хронотопу в тексте: когда и где произошло событие? Есть ли точная дата?

Третий шаг – обнаружение присутствия/отсутствия компетентной персонажной системы.

Особого внимания заслуживает и название материала: не является ли оно кликбейтом?

Совершенно очевидно, что все люди, имеющие доступ в интернет, сейчас являются свидетелями уникального явления: на наших глазах меняется язык, приспосабливаясь к условиям непрерывного потока информации. СМИ, интернет воспроизводят характерные приметы современной языковой ситуации. Исследователи говорят о таких особенностях языка СМИ на современном этапе, как:

– тенденция к упрощению;
– тенденция к нелитературности;
– прецедентность;
– активное использование языковой игры;
– экспрессивный синтаксис.

Все эти особенности проявляются прежде всего в заголовках. Именно заголовок должен сразу, мгновенно привлечь внимание, так как в среднем людей, читающих на сайте только заголовки, больше, чем читающих основной текст. Читателей привлекают экспрессивные, эксцентрические заголовки, поэтому их так много в СМИ [4, с. 43].

Необходимо проверить соблюдение разумных пропорций в материале между денотативной и эмотивной частями. Фейковые новости, как правило, построены таким образом, что эмотивное пространство материала заметно шире собственно денотативного. Надо увлечь, привлечь читателя.

В подобных текстах широко используются экспрессивно-выразительные языковые средства, такие как, например, метафоры, прецеденты и стилистически маркированная лексика.

Соотношение норма/ненорма на всех уровнях контента (тематическом, содержательном, лексическом, синтаксическом) тоже помогает понять, насколько достоверна информация в публикации.

То, что выходит за границы нормы, скорее привлечёт внимание читателя.

В качестве иллюстрации заявленных положений рассмотрим материал, опубликованный в «Комсомольской правде» [3].

Заглавие: *В Москве у 14-летней школьницы ищут ВИЧ после укола иголкой в метро.*

В заголовке отсутствует оценочная лексика, однако присутствуют триггеры, которые заставят читателя пройти по ссылке и прочитать материал: *ВИЧ, укол иголкой в метро*. Триггер (от англ. trigger) – «спусковой крючок», подобные слова провоцируют человека на определенные эмоции или действия. Это слова-провокаторы.

Название болезни всегда заставляет читателей открыть публикацию, тем более если есть указание на насилие, которому подвергся ребёнок, школьница. Страх – эта та эмоция, которая в первую очередь побуждает ознакомиться с информацией. Таким образом, мы видим, что заглавие, которое, на первый взгляд, выглядит как информационный мессендж, является по сути своей кликбейтом.

Анализ хронотопа показывает, что к новостям подобный контент отнести нельзя: заметка опубликована 22 марта, а в самом материале сказано, что инцидент произошёл «в начале марта». Получается, этому происшествию уже целый месяц, должны быть другие многочисленные источники, информирующие об инциденте. Если вбить опорные слова «укол иголкой в метро» в строчку поиска «Яндекса», мы увидим, что другие издания, например «Московский комсомолец», тоже пишут об этом происшествии, но ссылаются на ту же «Комсомольскую правду».

Следущий шаг – найти в тексте указание на того/тех, кто эту информацию передал в редакцию. В данном материале это анонимный источник: *как сообщает источник kp.ru.* Анонимный источник – это тоже маркер фейковых новостей.

В материале, претендующем на объективность, обязательно должна присутствовать компетентная персонажная система. В данном случае это могли бы быть работники метро, к которым обратилась пострадавшая, охрана Московского метрополитена и врачи, которые могли бы дать ответ на вопрос, возможно ли заражение вирусом через иглу. Заражение через укол иглой практически невозможно, в медицинской практике подобные случаи не зафиксированы. Один звонок медикам сразу бы дал ответ на вопрос, который журналисты сделали интригой повествования.

Но компетентная персонажная система отсутствует, зато автор с удовольствием нагнетает ситуацию, указывая на последствия подобного происшествия: *Но самое страшное впереди. Подростку предстоит пережить тяжелейшие полгода. Именно через шесть месяцев проявляется ВИЧ. В конце лета школьница точно узнает, заразили ее через укол или нет.*

Даже в этом коротком цитировании мы видим эмотивы: *страшное, тяжелейшие*, а выше мы встречаются лексемы *злодей* (2 раза), *жертва.*

Фейк всегда апеллирует к эмоциям читателя/зрителя, нередко пугает, а напуганный человек уже не способен критически оценивать информацию. Данный текст опубликован на сайте «Комсомольской правды» вечером в пятницу. В тот день в ленте не было никаких серьезных новостных поводов. И, вероятно, редакция таким образом сама создала новостной повод для привлечения трафика на сайт издания.

«Московский комсомолец» тоже поместил эту новость на своём сайте, сопроводив фотографией наркомана. Фейковая новость усиливается фейковым изображением, не имеющим никакого отношения к содержанию материала, но обладающим, конечно, силой определенного негативного воздействия на неискушенную аудиторию.

Таким образом, мы видим, что фейковые новости привлекают журналистов и читателей. Именно поэтому важно разрабатывать работающий алгоритм их обнаружения в тексте.

Библиографический список

1. Киклевич, А. К. Функциональные аспекты синтаксиса и стилистики [Текст]: Т. 6 Притяжение языка / А. К. Киклевич – Olsztyn, 2019. – 330 с.

2. Кронгауз, Е. FogNews.ru: «Мы не клоуны, не кривляки. Мы – зеркало» [Электронный ресурс] // Большой Город. № 15 (304). 2012 5 сентября. – URL: http://bg.ru/society/fognews_ru_my_ne_klouny_ne_krivlyaki_my_zerkalo-11749/ (Дата обращения: 22.06.2019).

3. Либгардт, О. В Москве у 14-летней школьницы ищут ВИЧ после укола иголкой в метро [Электронный ресурс] // Комсомольская правд а. 2019. 22 марта. – URL: https://www.kp.ru/daily/26957.7/4010360/ (Дата обращения: 22.06.2019).

4. Николаева, А. В. Кликбейт в СМИ [Текст] // Русская речь. – М. : Наука, 2018. – № 3. – С. 43-47.

5. «Фейк-ньюс»: масштаб проблемы [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3935 2019 18 апреля. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660

6. Definition of fact // Merriam-Webster Dictionary.2019. – URL: https://www.merriam-

webster.com/dictionary/fact (Дата обращения: 22.06.2019).

7. Definition of factoid // Merriam-Webster Dictionary.2019. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/factoid

8. Soroush Vosoughi, Deb Roy, Sinan Aral. Lies spread faster than the truth // Science. – 2018 9 Mar. – Vol. 359. – Issue 6380. – pp. 1146-1151.

9. Julia Hunt. 'Fake news' named Collins Dictionary's official Word of the Year for 2017 // Independent Digital News & Media. 2017 2 November. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/fake-news-word-of-the-year-2017-collins-dictionary-donald-trump-kellyanne-conway-antifa-corbynmania-a8032751.html

Reference List

1. Kiklevich, A. K. Funkcional'nye aspekty sintaksisa i stilistiki = Functional aspects of syntax and stylistics [Tekst]: T. 6 Pritjazhenie jazyka / A. K. Kiklevich – Olsztyn, 2019. – 330 s.

2. Krongauz, E. FogNews.ru: «My ne klouny, ne krivljaki. My – zerkalo» = FogNews .ru: «We are not clowns, we are not curves. We are a mirror. « [Jelektronnyj resurs] // Bol'shoj Gorod. № 15 (304). 2012 5 sentjabrja. – URL: http://bg.ru/society/fognews_ru_my_ne_klouny_ne_krivlyaki_my_zerkalo-11749/ (Data obrashhenija: 22.06.2019).

3. Libgardt, O. V Moskve u 14-letnej shkol'nicy ishhut VICh posle ukola igolkoj v metro = In Moscow they look for HIV in the 14-year-old schoolgirl after the prick made by needle in the subway [Jelektronnyj resurs] // Komsomol'skaja pravda. 2019. 22 marta. – URL: https://www.kp.ru/daily/26957.7/4010360/ (Data obrashhenija: 22.06.2019).

4. Nikolaeva, A. V. Klikbejt v SMI = Clickbait in media [Tekst] // Russkaja rech'. – M. : Nauka, 2018. – № 3. – S. 43-47.

5. «Fejk-n'jus»: masshtab problemy = «Fake News»: the scale of the problem [Jelektronnyj resurs] // VCIOM. Press-vypusk № 3935 2019 18 aprelja. – URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9660

6. Definition of fact // Merriam-Webster Dictionary.2019. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/fact (Дата обращения: 22.06.2019).

7. Definition of factoid // Merriam-Webster Dictionary.2019. – URL: https://www.merriam-webster.com/dictionary/factoid

8. Soroush Vosoughi, Deb Roy, Sinan Aral. Lies spread faster than the truth // Science. – 2018 9 Mar. – Vol. 359. – Issue 6380. – pp. 1146-1151.

9. Julia Hunt. 'Fake news' named Collins Dictionary's official Word of the Year for 2017 // Independent Digital News & Media. 2017 2 November. – URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/fake-news-word-of-the-year-2017-collins-dictionary-donald-trump-kellyanne-conway-antifa-corbynmania-a8032751.html

Дата поступления статьи в редакцию: 11.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10483
УДК 811.161.1'42

Т. П. Куранова https://orcid.org/0000-0003-1121-674X

Фразеология спортивных репортажей: семантические и прагматические особенности

В статье анализируется дискурс телевизионного спортивного репортажа как разновидность спонтанной публичной речи. Акцентируется внимание на семантических особенностях фразеологических единиц в речи комментатора телеканала «Первый Ярославский» Сергея Курицына, определяется их прагматическая цель в спортивном дискурсивном пространстве. На основе анализа спортивных телетрансляций С. Курицына можно заключить, что большинство фразеологизмов, которые в них функционируют, принадлежат к семантическим областям УСПЕХ, ПОБЕДА или НЕУДАЧА, ПОРАЖЕНИЕ, поскольку понятия «успех», «победа», с одной стороны, и «поражение», «проигрыш», с другой – являются ключевыми для данного типа дискурса. В ходе наблюдения над семантическими особенностями фразеологических единиц было отмечено, что в дискурсе спортивных телерепортажей наблюдается изменение значения некоторых фразеологических оборотов – переход фразеологической единицы из одного семантического поля в другое, что обусловлено двумя причинами: во-первых, попаданием фразеологизма в сферу действия отрицания и, во-вторых, появлением у фразеологизма «нестандартного» значения, которое раскрывается преимущественно в рамках спортивного медиадискурса. Таким образом, можно констатировать семантические модификации устойчивых сочетаний в жанре спортивного комментария. Анализ записей спортивных телетрансляций матчей позволил сделать вывод о том, что ФЕ являются важным арсеналом средств повышения выразительности и экспрессии комментаторских текстов. Фразеологизмы помогают раскрыть позицию журналиста, дать эмоциональную оценку спортивному событию, усилить аргументацию, более ярко и точно выразить мысль, сделать комментарий более емким и необычным.

Ключевые слова: спортивный репортаж, фразеологическая единица, семантическая область, семантическое поле.

T. P. Kuranova

Phraseology of sports reports: semantic and pragmatic features

The article analyzes the discourse of television sports report as a form of spontaneous public speech. Attention is focused on semantic peculiarities of phraseological units in the speech of the commentator of the TV channel «Pervy Yaroslavsky» Sergey Kuritsin, their pragmatic goal in sports discursive space is determined.

On the basis of the analysis of S. Kuritsyn's sports TV broadcasts it can be concluded that most phraseological units that function in them belong to semantic areas SUCCESS, VICTORY or FAILURE, DEFEAT, because the concepts of «success,» victory, «on the one hand, and» defeat, «loss,» on the other – are key for this type of discourse.

During the observation of semantic features of phraseological units, it was noted that in the discourse of sports TV reports there is a change in the meaning of some phraseological units – the transition of phraseological units from one semantic field to another, which is due to two reasons: first, the occurrence of the phraseological unit into the sphere of action of denial and, second, the appearance of «non-standard» meaning in the phraseological unit, which is revealed mainly within the framework of mediadiscourse. Thus, it is possible to state semantic modifications of stable combinations in the genre of sports commentary.

The analysis of the records of sports matches TV broadcasts made it possible to conclude that phraseological units are an important arsenal of means for increasing expressiveness and expression of commentary texts. Phraseological units help to reveal the position of the journalist, to give an emotional assessment of the sports event, to strengthen the argument, to express the thought more vividly and accurately, to make the comment more large and unusual.

Keywords: sports reporting, phraseological unit, semantic area, semantic field.

Объектом исследования данной статьи является спортивный медиадискурс и, в частности, такая его разновидность, как дискурс телевизионного спортивного репортажа. Подробнее остановимся на основных его характеристиках.

Спортивный репортаж – это особый тип устной публичной речи, который характеризуется следующими чертами: 1) неподготовленностью и спонтанностью; 2) осуществляется в дистантном режиме при помощи технических средств;

© Куранова Т. П., 2019

3) темой, или основным событием, репортажа является спортивное состязание; 4) отмечается прямая зависимость речи комментатора от хода соревнования / игры (при этом смысл телевизионной речи устанавливается только во взаимодействии вербального ряда с визуальным); 5) ориентация на нормы литературного языка и в то же время активное влияние разговорной речи; 6) несмотря на эффект спонтанности, речь комментатора, как правило, имеет чёткую структурную организацию, композицию (в каждом репортаже можно выделить три основные части: *вводную часть* – приветствие и объявление состава участников; *основную часть* – собственно комментарий и *заключение* – подведение итогов спортивного состязания, прощание со зрителями).

Исследователями отмечаются и такие особенности речи спортивного комментатора, как целенаправленная *оценочность* и *эмоциональность* [4, 7, 14, 17]. Именно репортаж как наиболее волнующий и захватывающий жанр спортивной журналистики в состоянии передать эмоциональный накал и динамику происходящих событий.

Для речевого поведения спортивных комментаторов особенно значимо использование фразеологических единиц (ФЕ) с целью эмоционализировать высказывание. Репортеры-ведущие обращаются к фразеологическим богатствам русского языка как неисчерпаемому источнику речевой экспрессии.

В поле нашего исследовательского интереса попали онлайн-трансляции хоккейных матчей на телеканале «Первый Ярославский». В данной статье мы рассмотрим своеобразие употребления фразеологических единиц спортивным комментатором телеканала Сергеем Курицыным и, в частности, определим, **фразеологизмы каких семантических областей и полей** представлены в анализируемых репортажах, какова **частотность** их использования и какие **прагматические цели** они преследуют в спонтанной устной речи.

Итак, *цель статьи* заключается в том, чтобы определить семантические и прагматические особенности фразеологизмов (в частности, *идиом, коллокаций, речевых формул* и *пословиц*) в дискурсе региональных спортивных репортажей.

В первую очередь необходимо четко определить понятийный аппарат исследования. В данной статье мы ссылаемся на «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Под **идиомами** авторы словаря понимают «сверхсловные образования, которым свойственна высокая степень идиоматичности и устойчивости» (например, *бить баклуши, сделать ноги, спустя рукава*). **Коллокация** (фразеологическое сочетание), по определению авторов, представляет собой слабоидиоматичный фразеологизм со структурой словосочетания, при этом главный семантический компонент употребляется в своем прямом значении (например, *проливной дождь*). **Речевые формулы** – особый тип ФЕ, выделенный А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским; «идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики высказывания» (например, *не лаптем щи хлебаем*). **Пословицы** понимаются исследователями как фразеологизмы, которые обладают структурой предложения, имеют в своем значении идею всеобщности, иллокутивную семантику нравоучения и характеризуются относительной дискурсивной самостоятельностью [15], например: *Береги платье снову, а честь смолоду.*

Под **семантическим полем** мы вслед за Ю. Н. Карауловым и О. А. Казенновой будем понимать «объединение слов – в данном случае фразеологических единиц – на основе их семантической общности» [4, 6]. При этом в своем исследовании О. А. Казеннова отмечает, например, что идиома *взять быка за рога* может быть отнесена к двум семантическим полям: 1) БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ и 2) РЕШИМОСТЬ, УПОРСТВО, поскольку в одних контекстах в фокусе внимания будет сема 'сразу, быстро', а в других – 'решительность'. Добавим, что, ориентируясь на «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики», мы называем **семантическим полем** самые меньшие единицы семантического членения фразеологии. А самую общую единицу (категорию) такого членения мы называем **семантической областью** [15, 20]. Например, **семантическая область ДВИЖЕНИЕ** представлена **пятью семантическими полями:** 1) ДВИЖЕНИЕ, ИЗМЕНЕНИЕ МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ; 2) БЫСТРОЕ ДВИЖЕНИЕ, ПЕРЕМЕЩЕНИЕ; 3) МЕДЛЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ, ПЕРЕМЕЩЕНИЕ; 4) ПРИХОД, ОТЪЕЗД, ПОЯВЛЕНИЕ; 5) УХОД, ОТЪЕЗД, БЕГСТВО и т. д. [15].

Исследование проводилось нами на материале спортивных телетрансляций хоккейных матчей в исполнении комментатора телеканала «Первый Ярославский» Сергея Курицына (всего было записано и расшифровано свыше 50 репортажей). На основе анализа спортивных комментариев С. Курицына можно заключить, что большинство фразеологизмов, которые в них функционируют, принадлежат к семантическим областям УСПЕХ,

ПОБЕДА или НЕУДАЧА, ПОРАЖЕНИЕ, поскольку понятия «успех», «победа», с одной стороны, и «поражение», «проигрыш», с другой – являются ключевыми для данного типа дискурса. Например, **область УСПЕХ, ПОБЕДА** в хоккейных репортажах С. Курицына представлена такими фразеологическими сочетаниями, как *править бал, почивать на лаврах, быть на коне, искать счастья, поймать за хвост, как по нотам разыграть, взять вожжи на себя, показать товар лицом; показать, кто в доме хозяин* (14,5 % ФЕ). Приведем примеры.

1) *Сегодня* ***правят бал*** */ защитники / той и другой команды //* («Локомотив» Ярославль – «Донбасс» Донецк)

2) *«Локомотиву» сейчас / нельзя* ***почивать на лаврах //*** [при равном счете 3:3] («Локомотив» Ярославль – «Донбасс» Донецк)

3) *«Локомотив» / в матче со «Слованом» / сразу* ***взял вожжи на себя*** */ забил /* ***показал / кто в доме хозяин //*** (ХК «Локомотив» – ХК «Лев» Прага)

4) *Александр Мокшанцев / в одиночку поехал атаковать // Умница! Молодец! Так сказать /* ***показать / товар лицом //*** (ЦСКА – «Локомотив»)

5) *Наша команда / постарается* ***поймать за хвост / птицу удачи*** */ и заработать три очка //* («Атлант» – «Локомотив»)

6) *Редлихс /* ***ищет счастья*** */ в любой представившейся ситуации //* («Атлант» – «Локомотив»)

7) *Выходит / что гости пока /* ***на коне*** */ в сегодняшнем / игровом дне //* («Локомотив» – СКА СПб.)

8) *Наброс на ворота! Ну! Поднимай! Гол! Здорово! Шоколадочка шахматная! 4:0 // Вот что значит / не жадничать! Поднимай / бросай! Ну / он увидел партнера... Как в учебнике /* ***как по нотам*** */ как Моцарт с Бетховеном / разом* ***сыграли*** */ Зюзякин с Кручиныным //* (гол А. Кручинина с передачи М. Зюзякина) («Локомотив» – «Саров»)

В примере (8) значение 'достижение спортивного успеха' передается телекомментатором благодаря использованию фразеологизма *как по нотам разыграть*, обозначающего 'выполнять что-то очень четко, последовательно', слаженно [16].

Как показывают наблюдения над анализируемым материалом, большое количество идиом и коллокаций, функционирующих в спортивном медиадискурсе, относится к противоположной **семантической области НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ.** В спортивных комментариях телерепортера С. Курицына мы встретили следующие фразеологизмы из данной тематической группы: *спутать карты, хромать на обе ноги (на одну ногу), расползаться по швам, закрыть лавочку, посадить на вилы, сложить оружие, упавшее знамя, щелкнуть по носу, получить пощечину, получить пробоину, притупилось чутье, воз и ныне там, нагреть место на лавке, ложка дегтя в бочке меда, хоть плачь* и др. (24,2 % ФЕ). Например:

1) *Немного* ***спутало карты*** */ «Локомотиву» / это самое удаление Кронвалла...* («Локомотив» – «Слован»)

2) ***Щелкнули по носу*** */ молодые ребята / «Локомотиву» / от души //* [счет 2:4] («Локомотив» – «Металлург» Магнитогорск)

3) *Под конец 2-го периода /* ***получаем пробоину*** // (счет 2:1 – ярославской команде забивают гол) («Локомотив» – «Динамо» Рига)

4) ***У нас большая ложка дегтя / в*** *этой* ***бочке меда*** */ это / потеря Галимова // Будем надеяться / что ничего страшного не произошло / что травма / не очень серьезная / что Петр Ильич / решил не усугублять / дал отдохнуть этому нападающему / в преддверии / более важных матчей //* («Локомотив» – «Саров»)

5) *Ох / как там получилось! Контиолу /* ***на вилы посадили*** // («Локомотив» – «Северсталь»)

6) *Команда «Югра» в этом поединке / сама* ***складывает оружие*** */ в игре в большинстве //* («Югра» – «Локомотив»)

7) *На сей раз / с двигателем торговли / мы не увидели / как Ложкину поправили ворота // И попрежнему /* ***воз у нас / и ныне там*** *//* ***Воз*** */ который мы проигрываем…* («Локомотив» – ХК ВМФ)

8) *Пора* ***закрывать / эту лавочку*** *// Хоккей на сегодня / закончен //* («Динамо» Балашиха – «Локомотив») (за 7 мин первого периода «Локомотив» забил 4 гола в ворота соперника)

По наблюдению исследователей, в дискурсе спортивных репортажей в большинстве семантических областей выделяются одно-два поля, которые представлены наиболее разнообразно и широко [4].

Например, в комментариях С. Курицына **в семантической области ВРЕМЯ** наибольшее число фразеологизмов входит, во-первых, **в поле БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ** (*сломя голову, со скоростью пули, на лихом коне, с шашками наголо, налететь коршуном, на всю катушку, с места в карьер, одним махом, на одном дыхании, из огня да в полымя, брать быка за рога, как корова языком слизала*) (19,4 % ФЕ); во-вторых, **в поле ДОЛГО, МЕДЛЕННО** (*тянуть время; ловить*

мух; в час по чайной ложке; стоять как манекен) (6,5 % ФЕ).

В следующих игровых эпизодах матча указание на высокие скоростные возможности игроков, быструю смену событий передается спортивным журналистом благодаря семантическому компоненту 'быстрота, скорость, стремительность'.

1) ***Впереди / на лихом коне*** */ Алексей Кручинин //* («Локомотив» – «Дизель»)

2) *Залетели в зону /* ***со скоростью пули*** // («Локомотив» – «Барыс»)

3) *Пока у нас /* ***на всю катушку /*** *работает первое звено //* [две шайбы за период] («Локомотив» – «Саров»)

4) ***Как корова / языком слизала*** */ минуту / и 20 секунд //* («Локомотив» – «Амур» Хабаровск («Локомотив» – «Амур» Хабаровск)

5) *Ярославцы сразу же / пытаются* ***взять быка за рога*** */ и сразу же / получают удаление //* («Локомотив» – СКА СПб.)

На наш взгляд, особо значимыми для спортивного теледискурса являются семантические области УПОРСТВО, НАСТОЙЧИВОСТЬ и ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ, БЕСПОЛЕЗНОЕ УПОРСТВО. Так, **область УПОРСТВО, НАСТОЙЧИВОСТЬ** в речи репортера-ведущего С. Курицына представлена такими ФЕ, как *вода камень точит, не мытьем, так катаньем, взять быка за рога* и др. (4,8 % ФЕ), например:

1) *Саровцы / организуют попытки // Пытаются тревожить Ложкина // Ложкин / отбивается // А почему бы нет?* ***Вода камень точит*** // («Локомотив» – ХК «Саров»)

2) *И всё-таки забивают ярославцы /* ***не мытьем так катаньем*** */ не первой волной / волной второй...* («Локомотив» – «Саров»)

Фразеологизм *не мытьем, так катаньем* означает 'что-либо сделать так или иначе, одним из возможных способов', различными путями добиваться намеченной цели [16]. Так можно описать поведение предприимчивого нападающего ХК «Локомотив», который не спасовал перед трудностями и открыл счет в матче.

ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ, БЕСПОЛЕЗНОЕ УПОРСТВО (1,6 % ФЕ) в комментариях регионального ведущего, в частности, передаются такой ФЕ, *как об стенку горох,* например: *Нерв игры у нас накаляется во многом благодаря игрокам «Локомотива» // Но пока они бьются* ***как горох о стену*** // (ХК «Локомотив» – ХК ВМФ)

Как показал анализ спортивных репортажей С. Курицына, в **семантической области ОПАСНОСТЬ, ОСТОРОЖНОСТЬ** наиболее разнообразно представлены устойчивые выражения, входящие в **семантическое поле** ОПАСНОСТЬ, РИСК, УГРОЗА (*запахло жареным, поставить на карту, идти ва-банк, играть с огнём, испытывать судьбу, пощекотать нервы, чувствовать носом, показывать зубы* и т. п.) (11,3 % ФЕ). Можно констатировать, что ФЕ, входящие в данное поле, являются наиболее значимыми в дискурсе спортивного репортажа. Обратимся к примерам.

1) *Ну что ж / дорогие друзья / в преддверии 23 февраля / «Локомотив»* ***пощекотал всем нервы /*** *но поздравил вас с праздником //* (ХК «Локомотив» – ХК ВМФ) (счет 3:2)

2) *Необходимо* ***носом чувствовать*** */ где эта шайба может быть // Мы играем на родной «Арене» //* («Локомотив» – СКА СПб.)

Исследование показало, что в спортивном теледискурсе довольно активно функционируют фразеологические единицы, принадлежащие к такому **семантическому полю**, как НАПРЯЖЕННОСТЬ МАТЧА, НАКАЛ ИГРЫ (*держать зубами, вытаскивать на зубах, битва от ножа, рвать и метать, пить кровь, кровавая сечь*) (9,7 % ФЕ). Обратимся к конкретным примерам.

1) *Надо* ***держать зубами*** */ надо цеплять!* («Локомотив» – СКА СПб.)

2) *Мы вытащили / тяжеленную встречу / и 2:1 // И в воскресенье будет /* ***битва от ножа*** */ против московского ЦСКА //* (ХК «Локомотив» – ХК «Лев» Прага)

3) *Фактор большинства / может быть / сейчас прорежется // Если одну забьем / это будет хорошо / если две забьем / будем* ***рвать и метать //*** (счет 0:3 в пользу СКА)

Возможную перспективу развития действий в ситуации отставания в счете и реализации большинства командой «Локомотив» ведущий-комментатор передает с помощью разговорно-экспрессивного фразеологизма *рвать и метать* – 'будучи в состоянии негодования, раздражения, неистовствовать, буйствовать' [18].

Расшифровки репортажей спортивных матчей свидетельствуют о том, что, если речь идет о возрасте и физических данных того или иного хоккеиста, спортивный комментатор употребляет идиомы и коллокации из **семантического поля** ВОЗРАСТ (*в расцвете сил, из молодых да ранний, молодая кровь, свежая кровь*) (6,4 % ФЕ), например:

1) *Наше /* ***молодое да раннее*** */ горяченное звено / Александр Полунин / Егор Коршков / Павел Красковский* (4-е звено) («Локомотив» – СКА СПб.)

Нередко в связи с этим тележурналист делает акцент на ОПЫТЕ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ тех

или иных игроков (*стреляный воробей, пройти огонь и воду, пройти не одно горнило, собаку съесть* и др.), например:

2) *Сергей Зубов / **прошел не одно горнило** игр / плей-офф //* («Локомотив» – СКА СПб.)

3) *Илья / тебе вообще нельзя ошибаться / ты в плей-офф **собаку съел** // Твой опыт / это наш фундамент* // [рекомендации защитнику команды Илье Горохову] («Локомотив» – СКА СПб.)

Зачастую в комментариях С. Курицына МОЛОДОСТЬ и ГОРЯЧНОСТЬ начинающих спортсменов противостоит ОПЫТУ, профессионализму возрастных хоккеистов.

4) ***Молодая / свежая кровь** / введенная в состав / сделала свое дело // Бучневич и Барабанов / на двоих / гол соорудили //* («Локомотив» – СКА СПб.)

5) (Послематчевый буллит доверяют молодому игроку В. Хлопотову) *То / что Петр Воробьев / жалует **молодых да ранних** / ни для кого не секрет //* («Локомотив» – «Амур» Хабаровск)

Разговорно-экспрессивный фразеологизм *из молодых да ранний* употребляется, когда говорят о человеке, 'не по годам опытном, ловком', который несмотря на свою молодость, уже проявил себя в чем-то [18].

В ходе исследования было отмечено, что в дискурсе телевизионного спортивного репортажа наблюдается изменение значения некоторых фразеологических единиц – «переход ФЕ из одного семантического поля в другое» [4, с. 61]. Подобный «переход», по словам О. А. Казенновой, связан **с двумя основными причинами:** во-первых, **попаданием фразеологизма в сферу действия отрицания** и, во-вторых, **появлением у фразеологизма «нестандартного» значения**, которое раскрывается преимущественно в рамках спортивного дискурса [4].

В первом случае речь идёт о «фразеологических оборотах, регулярных по отношению к отрицанию, то есть допускающих употребление как в позитивной, так и в негативной форме, например: *не лезть из кожи вон, не забегать вперёд, не валять дурака*» и т. п. [2, с. 49].

1) Большинство из таких ФЕ – глагольного типа, и ввод отрицания в их структуру приводит к изменению их значения (по принципу X → не X), то есть ФЕ переходит в антонимичное семантическое поле. Ср.: *откладывать в долгий ящик (что-л.)* (ДОЛГО, МЕДЛЕННО) – *не откладывать в долгий ящик (что-л.)* (БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ); *испортить [всю] обедню (кому-л.)* (НАНЕСЕНИЕ ВРЕДА, СОЗДАНИЕ ПОМЕХ) – *не испортить обедни (кому-л.)* (НЕНАНЕСЕНИЕ ВРЕДА) и т. д. Проиллюстрируем сказанное примерами из спортивных репортажей ярославского телеведущего.

1) *Не было такого штурма // Спокойно / наши ребята / начали игру // Я имею в виду / **не с шашками наголо** / как того требуют болельщики //* («Локомотив» – «Кристалл» Саратов)

2) *Экватор матча / но «Локомотиву» <u>не надо</u> / **бежать сломя голову** // Не надо включать / дополнительные обороты //* («Локомотив» – «Кристалл» Саратов)

Данные примеры свидетельствуют о переходе ФЕ из семантического поля БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ, СТРЕМИТЕЛЬНОСТЬ в антонимичное ДОЛГО, МЕДЛЕННО.

3) Бросок Д. Мальцева: *Умница / Дима! Прекрасно / прочитал ситуацию! Но и соперники здесь / **мух ловить** <u>не собирались</u>…* («Локомотив» – «Динамо Минск»)

В данном игровом эпизоде идиома *ловить мух*, означающая 1) 'быть крайне рассеянным, невнимательным' (прост. пренебр.); 2) 'не принимать никаких мер, бездействовать' [18] за счет употребления комментатором глагола с отрицанием модифицируется в противоположную по смыслу ФЕ, указывающую на скорость, оперативность ответной реакции команды-соперника (поле ДОЛГО, МЕДЛЕННО переходит в антонимичное БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ).

В телерепортажах С. Курицына весьма показательными являются примеры употребления идиомы *навести шороху*, выступающей в утвердительной и отрицательной форме. Ср.:

1) *Опять **наводит шороху** / звено Владислава Картаева //* («Локомотив» – СКА СПб.)

В спортивном эпизоде (1) на первый план выходит сема 'бурные события, связанные с неожиданным успехом, победой' [12].

2) *Первое звено «Локомотива» / <u>не успело</u> **навести шороху** / у ворот соперника…* («Локомотив» – «Кристалл» Саратов)

В спортивном контексте (2) идиома *навести шороху*, то есть 'устроить суматоху, шум, привести к бурным событиям' [19], принадлежащая к семантическому полю СУЕТА, БЕСПОКОЙСТВО (1,6 % ФЕ), благодаря отрицательной форме глагола реализует противоположное значение, входящее в поле СПОКОЙСТВИЕ, ОТСУТСТВИЕ ВОЛНЕНИЯ.

В жанре спортивного комментария может наблюдаться и обратная ситуация – **переход отрицания в утверждение**, о чем свидетельствует следующий пример. Ср.:

*Егор Аверин бежит в атаку / доказывая / что и **один / в поле воин** //* («Локомотив» – «Слован»)

В пословице *один в поле не воин* говорится об ограниченных возможностях отдельно взятого человека. В ней содержится явный намек на то, что одному человеку трудно выстоять, добиться чего-либо, победить в борьбе.

Поскольку хоккей – по преимуществу командная игра, то чувство коллективизма, братство на ледовой площадке, слаженность действий игроков команды являются залогом успеха любого матча.

В данном контексте формируется противоположное значение ФЕ – активные индивидуальные действия нападающего, его инициативность в определенной ситуации становятся возможным залогом результативности. Таким образом ФЕ из семантического поля КОЛЛЕКТИВИЗМ, УМЕНИЕ ДЕЙСТВОВАТЬ СООБЩА переходит в поле ИНДИВИДУАЛИЗМ, САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ.

2) У некоторых фразеологизмов в телевизионном спортивном дискурсе реализуется такое значение, которое за рамками данного типа дискурса неизвестно. В таких случаях исследователи говорят о «переходе ФЕ из одного семантического поля в другое» [4, с. 61]. Приведем примеры.

1) *Дадонов / опять он расстреливает / живот Мурыгина // А Апальков с Авериным / приезжают* ***к раздаче / слонов*** *//* («Локомотив» – СКА СПб.)

Очевидно, что данном случае речь идёт не о получении награды, не о вручении подарков, премий – так эта идиома толкуется в словарях. В данном контексте у выражения *раздача слонов* появляется новое значение – указание на отсутствие незамедлительной реакции, скорости принятия решений, стремительности действий нападающих (семантическое поле ДОЛГО, МЕДЛЕННО), которые и привели к опасной ситуации у ворот.

Спортивный дискурс даёт новую жизнь некоторым ФЕ. У них появляется новое значение. Так, идиома *принять на грудь*, которая согласно своей семантике входит в поле ПЬЯНСТВО (прост. 'выпить спиртного, быть навеселе', в состоянии опьянения) [10], в данном типе дискурса благодаря дополнению (вклиниванию) становится синонимичной сочетаниям *поймать шайбу, отразить бросок*, то есть переходит в семантическое поле УСПЕХ, ПОБЕДА: готовность к БОРЬБЕ:

2) *Ярославский вратарь /* ***приняв*** *шайбу* ***на грудь*** */ на живот / амуницию / не дал ей отскочить в ворота //* («Локомотив» – «Саров»)

То же самое можно сказать и о коллокации *третий эшелон*. Ср.:

3) *Апальков с Мальцевым // Кручинин /* ***третьим эшелоном...*** («Локомотив» – ХК ВМФ)

Термин времен Холодной войны *страны третьего эшелона* толкуется как страны с идеологией капитализма, при этом экономически неразвитые, с низким уровнем дохода населения (страны Азии и северной Африки). В современном понимании *третий эшелон* – это вымышленное секретное подразделение Агентства Национальной безопасности США, представленное в серии видеоигр Splinter Cell. Третий эшелон занимается шпионажем в интересах национальной безопасности Америки. Безусловно, данные значения для спортивного репортажа следует считать неактуальными. В спортивных контекстах семантика этого выражения другая. *Третий эшелон* в хоккее означает *третьего нападающего пятерки игроков*.

По наблюдению исследователей, «в спортивных репортажах у некоторых идиом в фокусе внимания оказываются такие компоненты значения, которые неактуальны в других типах дискурса». О. А. Казеннова отмечает, что в таких случаях речь не идёт о «переходе идиомы из одного семантического поля в другое», поскольку общее значение фразеологизма сохраняется, меняется только акцентный статус той или иной семы [4, с. 61]. Примером может служить употребление идиомы *править бал,* которая входит в семантическое поле ВЛАСТЬ. В спортивных репортажах реализуется и акцентно выделяется такая потенциальная сема, как 'занимать ведущие / лидерские позиции в спортивном состязании'. Например: *Сегодня* ***правят бал*** */ защитники / той и другой команды //* («Локомотив» – «Донбасс» Донецк)

Таким образом, в пространстве спортивного медиадискурса идиома конкретизирует своё значение, и в фокусе внимания оказывается такой семантический компонент, как 'достижение спортивного успеха'.

К подобным случаям можно отнести и употребление идиомы *отрезанный ломоть*, в привычных контекстах означающее 'человек, ставший самостоятельным, отделившись от семьи' [18].

Комментарий телеведущего адресован нападающему «Локомотива» Андрею Сигареву: *Побыстрее / Андрюша! Пока местами он выглядит / как* ***отрезанный ломоть*** *// Но это команда / в которой ты играл / поэтому должен ощущать себя / в своей тарелке //* («Локомотив» – СКА СПб.)

Так, спортивный комментатор С. Курицын употребляет выражение *отрезанный ломоть,*

входящее в семантическое поле САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, АВТОНОМНОСТЬ. Но если в обычной речевой ситуации, как правило, говорится о 'человеке, отделившемся от семьи или от привычной среды, живущем своей жизнью' [18], то в спортивном контексте появляется новое значение – речь идёт о низких скоростных характеристиках нападающего, отсутствии причастности, вовлеченности, слаженных действий игроков команды, которые приводят к НЕУДАЧЕ, ОТСУТСТВИЮ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЮ.

Как отмечают исследователи, дискурс спортивных репортажей служит «благодатной почвой» для образования новых фразеологических единиц [5, с. 64; 13]. В жанре спортивного комментария среди прочих употребляются особые фразеологические обороты, неизвестные за его рамками. Отдельно рассмотрим фразеологизмы, которые возникли в данном типе дискурса и за его пределами практически не функционируют. О. А. Казеннова назвала их **спортивными идиомами** [5, с. 63]. Многие из них выступают в роли спортивных терминов, например:

мёртвая шайба – мёртвая в данном контексте означает 'тяжёлая, сложная', такую шайбу крайне сложно поймать (трудно отразить бросок);

сушить игру/засушить игру – 'не дать сопернику проводить активных и опасных действий' (как следствие – игра с минимумом опасных, голевых моментов) [13];

размочить счет – забить гол в ворота;

длинная скамейка – 'много запасных игроков, которые могут усилить игру своей команды';

мусорный гол – это 'набрасывание шайбы на пятачок противника, чтобы в ходе неразберихи закинуть её в ворота', 'гол после добивания' (когда вратарь отбивает шайбу, а нападающий оказывается быстрее, добивая ее).

Приведем соответствующие примеры из телетрансляций хоккейных матчей С. Курицына:

1) *Момент! И / Коскинен / вытаскивает* ***мертвую шайбу*** *из пустого угла!* («Локомотив» – СКА СПб.)

2) ***Голевая засуха*** *// Ну ладно / есть / к чему стремиться //* («Торпедо» Н. Новгород – «Локомотив»)

3) *У «Сарова» появился шанс /* ***размочить счет*** *//* («Локомотив» – «Саров»)

4) *Допинать как-нибудь…* ***Мусорный гол*** */ нас вполне устроит //* («Локомотив» – «Югра»)

Суммируя результаты исследования, приходим к следующим выводам.

Анализ семантических особенностей ФЕ в спортивных репортажах С. Курицына и частотность их использования в телеэфире подтвердили, что наиболее востребованными для регионального спортивного медиадискурса являются фразеологизмы, входящие в следующие **семантические области:**

1) УСПЕХ, ПОБЕДА (14,5 % ФЕ);

2) НЕУДАЧА, ОТСУТСТВИЕ УСПЕХА, ПОРАЖЕНИЕ (24,2 % ФЕ);

3) область ВРЕМЯ, представленная семантическими полями а) БЫСТРОТА, СКОРОСТЬ (19,4 % ФЕ) и б) ДОЛГО, МЕДЛЕННО (6,5 % ФЕ);

4) УПОРСТВО, НАСТОЙЧИВОСТЬ (4,8 % ФЕ);

5) ТЩЕТНЫЕ УСИЛИЯ, БЕСПОЛЕЗНОЕ УПОРСТВО (1,6 % ФЕ);

6) область ОПАСНОСТЬ, ОСТОРОЖНОСТЬ, представленная семантическими полями а) ОПАСНОСТЬ, РИСК, УГРОЗА (11,3 % ФЕ); б) БЕСПОКОЙСТВО, СУЕТА (1,6 % ФЕ).

В спортивном дискурсивном пространстве довольно активно функционируют фразеологические единицы, принадлежащие к такому **семантическому полю**, как НАПРЯЖЕННОСТЬ МАТЧА, НАКАЛ ИГРЫ (9,7 % ФЕ). В **семантическое поле** ВОЗРАСТ входит 6,4 % используемых ФЕ.

Тематический выбор устойчивых сочетаний в телеэфире и частотность их употребления продиктованы спецификой дискурса телевизионного спортивного репортажа и жанровыми особенностями спортивного комментария.

В заключение уточним прагматические цели использования ФЕ в региональном спортивном медиадискурсе: 1) создание более выразительного и образного высказывания в телеэфире; 2) выражение комментатором собственного отношения к происходящему на игровой площадке (ФЕ служат средством выражения оценки адресанта); 3) повышение экспрессии, благодаря чему реализуется одна из основных функций публицистического дискурса – воздействующая; 4) привлечение внимания массовой аудитории (способствуют возникновению необходимых ассоциаций в сознании болельщиков) [7, 8].

В дискурсе спортивных репортажей фразеологизмы и паремии являются важным арсеналом средств повышения выразительности и экспрессии комментаторских текстов. Более того, они позволяют экономить речевые средства, благодаря чему передается значительный объем информации в телеэфире; идиомы выражают стремление языковой личности журналиста к оригинальности, нестандартности. ФЕ в речи репортера-ведущего не только обладают информативной ценностью, но и дают яркие и меткие характери-

стики спортсменов, тренеров, определенных событий, явлений, фактов, игровых эпизодов матча. Фразеологизмы помогают раскрыть позицию журналиста, дать эмоциональную оценку спортивному событию, усилить аргументацию, более ярко и точно выразить мысль, сделать комментарий более емким и необычным.

Библиографический список

1. Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. Проблема словарного представления структурной идиомы [Текст] / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции «Пятые Шмелевские чтения». – М., 2002. – С. 11-12.

2. Баранов, А. Н., Юшманова, С. И. Отрицание в идиомах: семантико-синтаксические ограничения [Текст] / А. Н. Баранов, С. И. Юшманова // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 46-65.

3. БТС – Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/

4. Казеннова, О. А. «Ворота остались сухими» [Текст]: фразеология спортивных репортажей / О. А. Казеннова // Русская речь. – 2008. – № 2. – С. 60-64.

5. Казеннова, О. А. Сколько «трамвайных остановок» привозят спортсмены? [Текст] / О. А. Казеннова // Русская речь. – 2009. – № 4. – С. 60-64.

6. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М., 1976.

7. Куранова, Т. П. Индивидуально-авторские метафоры в телевизионном спортивном репортаже // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. – 2018. – № 2. – С. 78-83.

8. Куранова, Т. П. Метафора как средство создания выразительности в дискурсе телевизионного спортивного репортажа [Текст] / Т. П. Куранова // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского» / под науч. ред. М. Ю. Егорова. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. – С. 111-116.

9. Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст) [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 456 с.

10. Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 785 с.

11. Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/lop/

12. Пестова, А. Р., Шарыкина, О. А. Особенности функционирования идиомы навести шорох (-а / -у) в разных сферах речевого общения [Электронный ресурс] / А. Р. Пестова, О. А. Шарыкина // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». – 2013. – № 8 (109). – С. 144-151. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-funktsionirovaniya-idiomy-navesti-shoroh-a-u-v-razlichnyh-sferah-rechevogo-obscheniya-1

13. Савченко, А. В. Спорт – зона «повышенной фразеологизации» [Текст] // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты). – М., 2006. – С. 119.

14. Саяхова, Д. К. Особенности лексики в спортивной журналистике [Электронный ресурс] / Д. К. Саяхова. – URL: http://docplayer.ru/57967076-Osobennosti-leksiki-v-sportivnoy-zhurnalistike.html

15. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка [Текст] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, К. Л. Киселёва [и др.]; под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007.

16. СФ – Словарь фразеологизмов 2008-2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://frazbook.ru/2014/08/01/kak-po-notam-razygrat/

17. Телевизионная журналистика [Текст]: учебное пособие. – М. : Изд-во МГУ, 1998.

18. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Фёдоров. – М. : Астрель: АСТ., 2008. – 828 с. – URL: https://phraseology.academic.ru/

19. Химик, В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи [Текст] / В. В. Химик. – СПб. : Норинт, 2004. – 762 с.

20. Шукурова, Ф. Х. Семантическая классификация фразеологических единиц [Текст] / Ф. Х. Шукурова // Филология и лингвистика в современном обществе: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2016 г.). – М. : Буки-Веди, 2016. – С. 106-109. – URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/178/10666/

Reference List

1. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. Problema slovarnogo predstavlenija strukturnoj idiomy = Problem of dictionary representation of a structural idiom [Tekst] / A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij // Problemy semanticheskogo analiza leksiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii «Pjatye Shmelevskie chtenija». – M., 2002. – S. 11-12.

2. Baranov, A. N., Jushmanova, S. I. Otricanie v idiomah: semantiko-sintaksicheskie ogranichenija = Denial in idioms: semantic-syntax limitations [Tekst] / A. N. Baranov, S. I. Jushmanova // Voprosy jazykoznanija. – 2000. – № 1. – S. 46-65.

3. BTS – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = BTS – The Great Interpretation Dictionary of the Russian Language [Jelektronnyj resurs] / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. – SPb.: Norint, 1998. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/

4. Kazennova, O. A. «Vorota ostalis' suhimi» = «Gate remained dry» [Tekst]: frazeologija sportivnyh reporta-

zhej / O. A. Kazennova // Russkaja rech'. – 2008. – № 2. – S. 60-64.

5. Kazennova, O. A. Skol'ko «tramvajnyh ostanovok» privozjat sportsmeny? = How many «tram stops» are brought by athletes? [Tekst] / O. A. Kazennova // Russkaja rech'. – 2009. – № 4. – S. 60-64.

6. Karaulov, Ju. N. Obshhaja i russkaja ideografija = General and Russian ideography [Tekst] / Ju. N. Karaulov. – M., 1976.

7. Kuranova, T. P. Individual'no-avtorskie metafory v televizionnom sportivnom reportazhe = Individual-author metaphors in television sports reporting [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. – 2018. – № 2. – S. 78-83.

8. Kuranova, T. P. Metafora kak sredstvo sozdanija vyrazitel'nosti v diskurse televizionnogo sportivnogo reportazha = Metaphor as a means of creating expressiveness in the discourse of television sports reporting [Tekst] / T. P. Kuranova // Kul'tura. Literatura. Jazyk: materialy konferencii «Chtenija Ushinskogo» / pod nauch. red. M. Ju. Egorova. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. – S. 111-116.

9. Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. Sovremennaja russkaja frazeologija (semantika – struktura – tekst) = Modern Russian phraseology (semantics – structure – text) [Tekst] / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2011. – 456 s.

10. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok = Great dictionary of Russian sayings [Tekst] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. – M. : Olma Media Grupp, 2007. – 785 s.

11. Nauchno-informacionnyj «Orfograficheskij akademicheskij resurs AKADEMOS» Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN = Scientific and Information «Spelling Academic Resource of ACADEMOS» of the Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov of RAS [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://gramota.ru/slovari/info/lop/

12. Pestova, A. R., Sharykina, O. A. Osobennosti funkcionirovanija idiomy navesti shoroh (-a / -u) v raznyh sferah rechevogo obshhenija = Features of idiom functioning navesti shorokh(-a/-y) (to create a shroud) in different spheres of speech communication [Jelektronnyj resurs] / A. R. Pestova, O. A. Sharykina // Vestnik RGGU. Serija «Filologicheskie nauki. Jazykoznanie». – 2013. – № 8 (109). – S. 144-151. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-funktsionirovaniya-idiomy-navesti-shoroh-a-u-v-razlichnyh-sferah-rechevogo-obscheniya-1

13. Savchenko, A. V. Sport – zona «povyshennoj frazeologizacii» = Sports – a zone of «increased phraseologization» [Tekst] // Problemy semantiki jazykovyh edinic v kontekste kul'tury (lingvisticheskij i lingvometodicheskij aspekty). – M., 2006. – S. 119.

14. Sajahova, D. K. Osobennosti leksiki v sportivnoj zhurnalistike = Features of vocabulary in sports journalism [Jelektronnyj resurs] / D. K. Sajahova. – URL: http://docplayer.ru/57967076-Osobennosti-leksiki-v-sportivnoy-zhurnalistike.html

15. Slovar'-tezaurus sovremennoj russkoj idiomatiki: okolo 8000 idiom sovremennogo russkogo jazyka = Dictionary-thesaurus of modern Russian idiomatics: about 8000 idioms of modern Russian language [Tekst] / In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN; A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij, K. L. Kiseljova [i dr.]; pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. – M. : Mir jenciklopedij Avanta+, 2007.

16. SF – Slovar' frazeologizmov 2008-2014 g. = DP – Dictionary of phraseologisms 2008-2014. [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://frazbook.ru/2014/08/01/kak-po-notam-razygrat/

17. Televizionnaja zhurnalistika = Television journalism [Tekst]: uchebnoe posobie. – M. : Izd-vo MGU, 1998.

18. Fjodorov, A. I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = Phraseological Dictionary of Russian Literary Language [Jelektronnyj resurs] / A. I. Fjodorov. – M. : Astrel': AST., 2008. – 828 s. – URL: https://phraseology.academic.ru/

19. Himik, V. V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj jekspressivnoj rechi = Great Dictionary of Russian Spoken Expressive Speech [Tekst] / V. V. Himik. – SPb. : Norint, 2004. – 762 s.

20. Shukurova, F. H. Semanticheskaja klassifikacija frazeologicheskih edinic = Semantic classification of phraseological units [Tekst] / F. H. Shukurova // Filologija i lingvistika v sovremennom obshhestve: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Moskva, ijun' 2016 g.). – M. : Buki-Vedi, 2016. – S. 106-109. – URL: https://moluch.ru/conf/phil/archive/178/10666/

Дата поступления статьи в редакцию: 13.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10484
УДК 654.197

С. В. Карпий https://orcid.org/0000-0002-6656-4867

Отождествление и противопоставление понятий «трансляция» и «репортаж» в тележурналистике

Состояние современного медиапространства требует от менеджмента муниципальных, региональных, национальных телеканалов различной формы собственности не игнорировать динамические мировые тенденции и внедрять более эффективные меры по коммерциализации продукта собственного производства и при этом не только сохранять существующую долю аудитории, но и значительно увеличивать её и удерживать у телеэкранов за счёт качества и зрелищности. Реализация данной задачи невозможна без включения в контент оригинальных произведений журналистского творчества с нестандартной подачей и без использования действенных, диверсификационных социокоммуникативных инструментов.

Актуальность темы данной статьи заключается в том, что в нынешних условиях глобализации мы наблюдаем за непрерывным процессом регулярного внедрения в контент информационных телепередач различных репортажных феноменов оперативной подачи информации с места события, которые стали неотъемлемой частью медиапростространства; формируют престижный, исключительный, статусный образ творческой журналистской профессии, требующей значительного уровнязнаний и креативных навыков; являются коллективным продуктом творческого и технического персонала экранного медиа; демонстрируют глобальные возможности, конвергируясь и синергируясь с другими СМИ.

Условие реализации задачи соответствия современным требованиям телерынка с помощью креативного, оригинального, нестандартного, а главное – качественного продукта максимально привлекать и систематически использовать весь современный материально-технический потенциал медиа, что позволит телеорганизациям эффективнее трансформировать и развивать творческо-профессиональную базу синхронно с запросами времени.

Данная статья является частью масштабного рассмотрения различных современных явлений тележурналистики, наиболее часто демонстрируемых в эфире городских, региональных и федеральных вещателей. Их детальное изучение необходимо во избежание подмены понятий в практической сфере из-за обобщенного их определения представителями академического сообщества. Кроме того, целью научного исследования является конкретизация таких понятий как «трансляция» и «телерепортаж» путём сравнения и противопоставления.

Работа базируется на выводах, сделанных исследователями ранее, для более точного осмысления проблематики сложившейся в точном определении специфики и классификации различных видов телерепортажа как жанра.

Ключевые слова: трансляция, вещание, репортаж, прямое включение, эфир, телевидение, контент, медиапространство, телеаудитория.

S. V. Karpiy

Identification and consolidation of the concepts «broadcasting» and «reporting» in TV journalism

The state of modern media space requires management of municipal, regional, national TV channels of different forms of ownership do not ignore dynamic world trends and implement more effective commercialization measures own product and not only save existing audience share, but also significantly increase it and keep off TV screens at the expense of quality and entertainment. The implementation of this task is impossible without the inclusion in the content of the original works of journalistic creativity with non-standard presentation, as the audience preferences are not constant. It is also necessary to use effective, diversification sociocommunicative tools, without forgetting, M. Stevens notes that «people are addicted to news,» and the fact that journalism itself, is emphasized by M. N. Kim, «a specific sphere of spiritual and practical human activity».

The relevance of the topic of this article is that in the current process of globalization, we are witnessing a continuous process of regular introduction of various reportage phenomena of the operational presentation of information from the event site to a wide range of audiences in the content of information television programs, which: have become an integral part of the media space; form a prestigious, exceptional, status of image creative journalistic

© Карпий С. В., 2019

profession that requires a significant level knowledge and creative skills; are a collective product of creative and technical screen media personnel; demonstrate global opportunities, converging and synergizing with other media.

The condition for the implementation of the task of meeting modern telemarket requirements – with the help of creative, original, non-standard, and the main thing is a quality product (eng. «content») to maximize and systematically use all modern material and technical potential of the media, which will allow organizations to transform and develop more effectively a creative professional base synchronously with the requests of the time.

This article is part of a large-scale review of various modern TV journalism phenomena, that are most often shown on the air of city, regional and federal broadcasters. Their detailed study is necessary in order to avoid the substitution of concepts in the practical sphere due to their generalized definition by representatives of the academic community. Also, the goal of the scientific research is to concretize such concepts as «broadcasting» and «television reporting» by means of comparison and opposition.

The work is based on the conclusions made by researchers earlier, for a more accurate understanding of the problems of the current definition of the specificity and classification of various types of live television broadcast as a genre.

Keywords: broadcast, broadcasting, reporting, live broadcast, broadcasting, television, content, media space, television audience.

Трансляция

Чтобы увидеть, какие сходства и различия существуют между двумя понятиями – *«прямое включение»* и *«прямая трансляция»*, стоит обратить внимание на то, что же означает данный контент, используемый для телевещания.

Трансляция – способ фиксации и одновременной сиюминутной передачи аудитории длительных действий, событий, представляющих для неё общественный интерес, сопровождающийся журналистским комментарием. Его отсутствие в прямом эфире – это уже *ретрансляция*, то есть демонстрация действительности без использования монтажа. Получается, что последним понятием в современном медиапространстве часто подменяются следующие явления: *«онлайн-трансляция» «онлайн-вещание» «прямой репортаж», «живой репортаж», «без комментариев» и даже «прямое включение»*.

В. А. Саруханов различает и другие виды трансляции – *«прямая», «непрямая»* – которые, по его мнению, являются *«способом доставки телепродукта его потребителю, не более того»* [22, с. 153]. Он также отмечает, что феномен является оптимальным способом теледокументирования. Стоит добавить, что причина заключается в объёмности такого телевизионного продукта, что одновременно может являться его преимуществом и недостатком. Вот, что в свое время говорил В. Цвик о трансляции, выходившей в видеозаписи в период 1970-1990 гг.: *«в итоге на экране все было гладко, вылизано, правильно – и неправда»* [24, с. 17]. Некоторые исследователи трансляцией называют еще *некомментированный репортаж* – его реализация на экране не требует особых затрат, а потому он часто используется для демонстрации общественно-значимых событий, не требующих пояснения или же во избежание юридической ответственности в случае отсутствия каких-либо официальных трактовок случившегося, происходящего. Л. П. Шестёркина дополняет это понятие и называет его еще и *«некомментированным показом, полностью лишенным авторского текста, используемым в прямом эфире при показе важнейших общественно-политических или культурных событий, когда зрителям все ясно без дополнительных пояснений»* [17, с. 113]. Этот же исследователь, более широко рассматривая понятие *«трансляция»*, приходит к выводу, что данное явление – это еще и *«прямой» отчет»*, представленный в форме некомментируемого репортажа. Следовательно, трансляция является еще и технологией, определяющей жанр тележурналистики. Летуновский В. П. в своём научном исследовании ставит знак равенства между трансляцией и эфиром, тем самым делая данные понятия рядоположенными. Следовательно, ***трансляция*** – *«это заблаговременно спланированное и реализованное распространение для сведения аудитории социально значимой информации в виде изображения, а также звукового сопровождения (оригинального или комбинированного – шумы, музыка, синхронное или закадровое речевое озвучание), осуществленное одновременно (непосредственно) с реально происходящим событием или действием, включая специально организованную документальную и художественно-публицистическую структуру (передача, программа) и коммуникативную деятельность ведущего»* [16, с. 84]. Исходя из этого, с уверенностью можно сделать вывод : *«трансляция»* и *«прямой эфир»* – это не тождественные понятия, как пытаются представить отдельные исследователи, но можно согласиться с

тем, что эфир можно использовать для осуществления трансляции.

Следовательно, основными составными частями эфира являются *трансляция* и *вещание* (Ри с. 1). Какая же роль в данном случае отводится прямому включению как разновидности жанра телерепортажа?

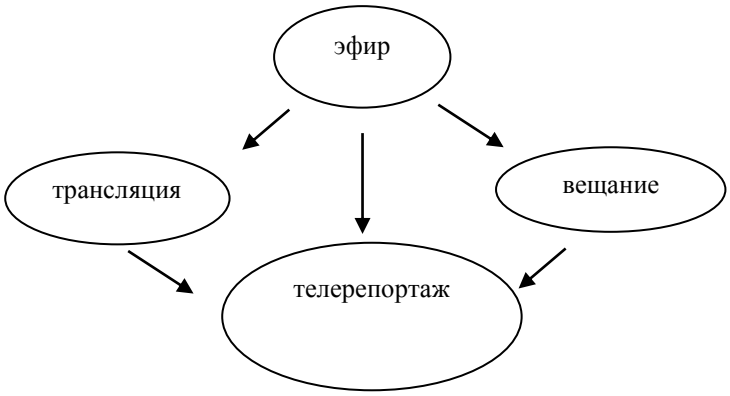

Рис. 1

Телерепортаж

Телерепортаж – классическая совершенная форма подачи оперативной информации с места события не в момент, а после его свершения.

Для более точного осмысления жанра его необходимо совершенно точно идентифицировать, знать этимологию понятия, чтобы избежать двойственного восприятия, учитывая, что репортаж является составной частью и других видов СМИ, в каждом из которых он осуществляется со свойственной спецификой. Таким образом, мы определили еще одну причину того, почему прямое включение является малоизученным. Дело в том, что научные исследования в области тележурналистики требуют чётких, а не обобщенных (универсальных) определений массмедийных явлений, каковым является телерепортаж и порожденные им феномены, один из которых подвергнут исследованию в данной научной работе. О его истоках писал Г. В. Куцнецов, отмечая, что зарождение жанра началось в 1952-1953 гг. Именно тогда, утверждает исследователь, предпринимались первые попытки использовать данный жанр в эфире, тогда же и начались первые репортажные достижения [14, с. 117]. Тот же Кузнецов, но уже в другой своей работе, так высказался о нем: *«каждый репортаж – камешек в мозаичной картине мира. А ТВ изобрели именно для того, чтобы видеть самое важное и интересное, что происходит на планете каждый день»* [15, с. 93].То есть репортаж, по его мнению, и есть телевидение, которое имеет свои отличительные черты. В. А. Саруханов отмечает: *«… сделать акт фиксации и акт восприятия практически одновременным»* [22, с. 67]. Р. А. Борецкий же считает, что данный вид репортажа является инструментом, многократно множащим посылы к обществу: *«из прямых репортажей с партконференций, съездов, многотысячных манифестаций страна узнавала новых политических деятелей»* [2, с. 53]. Эти и другие факты становились поводом для эволюции репортажной журналистики в различных её проявлениях, а все потому, считает В. В. Орлова, что, *«анализируя визуальный контент, зрители могут сами интерпретировать происходящее»* [21]. В этом случае корреспонденту стоит учитывать еще одну особенность, отмечает Н. Л. Горюнова: *«всегда приходится иметь дело и с категорией пространства»* [5, с. 7]. А вот источником для телерепортажей, или, как их еще называют, прямых репортажей, может служить сама аудитория, говорит Болкунов А. Н.: *«обыкновенный читатель для журналиста – бесценный источник информации, генератор идей, общественно значимый партнер»* [1, с. 19]. Пытаясь удовлетворить его требования современному корреспонденту, работающему в формате прямого включения, приходится осуществлять свою деятельность на грани риска (боевые действия, «горячие точки», чрезвычайные происшествия, стихийные бедствия и т. д.), и чтобы он был оправдан, также необходимо умело пользоваться эмпирической базой. Вот как описывает условия труда тележурналиста в нынешних реалиях Н. В. Зверева: *«На вертолете, свесившись головой вниз, репортер с микрофоном в руке ведет прямой репортаж с места событий. Другой репортер конкурирующей телекомпании привязан к крыше полицейского автомобиля. Ветер и скорость мешают ему говорить, но он выполняет свой профессиональный долг, рискуя жизнью»* [9]. Стоит отметить, что, как и другие исследователи, Зверева тоже называет *«прямое включение» «прямым репортажем»*. С. А. Муратов называет его еще и *«уличным репортажем»*, анализируя телевизионное общение в кадре и за кадром: *«Как трудно делать уличный репортаж!»* [18, с. 16]. Говоря о репортаже и приводя примеры, Л. Шибаева называет его еще и *«динамичным»*: *«Рубинов, наблюдая, показывает читателю ход эксперимента как событие, то есть ведет динамичный репортаж, насыщенный зримыми деталями»* [27]. Обобщая в своём сборнике жанр репортажа для радио и телевидения, в котором используются максимум выразительных средств,

В. В. Захаров выделяет его цели и задачи: *«дать возможность слушателю/зрителю как бы поприсутствовать на событии. Репортаж чаще всего выступает как комплексный жанр»* [7, с. 5]. Другие исследователи, рассматривая жанр наряду с другими, считают, что *«репортаж относится к жанрам «полевой» журналистики («журналистики на месте события»)»* [8, с. 127]. Изучая жанры в эфире современного телевидения, М. А. Мясникова называет один из видов жанра таким образом: *«зрительские мобильные телерепортажи»* [10, с. 226]. А вот для Н. А. Голядкина это еще и: *«внестудийные репортажи с ПТС»* [4, с. 114]. Л. П. Шестёркина, Т. Д. Николаева уже отмечают конкретную специфику жанра, говоря, что ему присущи место, событие, звукозрительная форма и двойственная персонификация сообщения [7, с. 4]. В. Л. Цвик в своих трудах описывает следствие развития репортажа и тенденции времени, которые стали катализатором для массового использования данного жанра и его видов: *«круглосуточное информационное вещание с более «мобильной» и «живой" версткой новостей, большим количеством прямых репортажей с мест»* [25]. Еще одна причина, как писал С. А. Муратов, это расширение географии телерепортажа: *«география телерепортажа изучала только цех завода и стол президиума, первомайскую площадь и стадион. Все остальное, казалось, находилось за пределами прямой видимости»* [19, с. 63]. Классическое определение жанра приводит Н. В. Вакурова, отмечая, что он проявляется в трёх формах: событийный, постановочный и тематический [3, с. 33]. А. А. Князев в своих исследованиях акцентирует внимание на основной черте репортажа, коей является его оперативность: *«еще более сущностный признак – корреспондент обязательно должен быть очевидцем события, на первый план обязательно выходит личностное восприятие, отбор фактов и деталей»* [12, с. 54]. А. А. Новикова, со своей стороны, добавляет, что репортажу как жанру присуще еще одно важное качество: *«фигура журналиста-ведущего чрезвычайно важна как для специальных репортажей, так и для журналистских расследований»* [20, с. 116]. С практической же точки зрения о телерепортаже в записи говорит В. В. Егоров, обозначая, что это *«запись события с последующим монтажом на основе дополнительного авторского текста или нового изобразительного материала в соответствии со сценарным планом»* [6, с. 92]. С теоретической – репортаж, по мнению В. В. Смеюхи, это *«информационный жанр, сообщающий оперативно, с подробностями, о событии, явлении, очевидцем которых является автор, журналист; в репортаже событие (явление) подается в развитии»* [23, с. 19]. Более того, утверждает М. Н. Ким: *«репортаж с места события отличается не только высокой степенью оперативности, но и тем, что в нем создается атмосфера сопричастности тому, что происходит на глазах репортера»* [11, с. 143]. Н. В. Вакурова и Л. И. Московкин, рассматривая типологию жанров современного экранного контента, выделяют в жанре такое свойство, как «репортажность», что является *«имманентным свойством подавляющего большинства журналистских жанров»* [3, с. 21]. В. Л. Цвик в определении данного свойства репортажа добавляет *«внутренне присущее, природное свойство телевидения»* [26, с. 229]. Цель феномена, отмечает А. А. Князев, *«наглядное, «живое» отображение вполне «предметного» события»* [13, с. 82].

Приведенные выше примеры наглядно демонстрируют различные проявления специфики репортажа, приобретённые жанром в течение всего сравнительно небольшого периода эволюции, не прекращающейся и по нынешний день.

Одной же из причин того, что прямое телевизионное включение не имеет скрупулёзного рассмотрения, является тот факт, что репортаж в большинстве случаев изучался обобщенно, в основном, как газетный жанр, для трактовки которого используются классические понятия, текст, архитектоника которого была наиболее подходящей для описания общих понятий, тогда как телевизионный – имеет свою специфическую конструкцию, по поводу которой до сих пор длятся споры: как у практиков, так и у теоретиков нет чёткого объяснения, что является завязкой, кульминацией, развязкой в таком журналистом произведении и почему последовательность этих компонентов изменчива. А все потому, что оригинальность его формы зависит от совокупности знаний и умений применять их в профессиональной среде. Последствия такого прецедента отражаются на молодых специалистах, которые, покинув академическую среду, сталкиваются с непониманием специфики построения телерепортажа, не говоря уже о порождённых им феноменах. Дезориентируют такие понятия в тележурналистике, которые вывели в своих научных трудах исследователи данной области знаний: *«некомментированный репортаж», «комментированный репортаж», «телерепортаж», «живой репортаж», «прямое включение», «псевдопрямое включение»* и т. д. Изучая каждый из этих феноменов, важно определить их роль и место в медиапространстве.

Библиографический список

1. Болкунов, А. Н. Гражданская журналистика в учебной газете [Текст] : учеб пособие / под ред. В. В. Прозорова. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 52 с.

2. Борецкий, Р. А. Беседы об истории телевидения. Лекции, прочитанные на факультете журналистики МГУ в феврале – мае 2010 г. [Текст] / Р. А. Борецкий. – М. : Икар, 2011. – 178 с.

3. Вакурова, Н. В. Типология жанров современной экранной продукции [Текст] : учебное пособие / Н. В. Вакурова, JI. И. Московкин. – М. : Инс-т соврем. Ис-ва, мастерская телевизионной журналистики, 1997. – 66 с.

4. Голядкин, Н. А. История отечественного и зарубежного телевидения [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Н. А. Голядкин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2011. – 190 с.

5. Горюнова, Н. Л. Художественно-выразительные средства экрана. Ч. 2. Динамика экрана [Текст] : учебное пособие / Н. Л. Горюнова. – М. : ИПК РТР, 2000. – 17 с.

6. Егоров, В. В. Телевидение: теория и практика [Текст] : учебное пособие / В. В. Егоров. – М. : Международный независимый эколого-политологический университет, 1993. – 306 с.

7. Жанры радио- и тележурналистики [Текст] : методические указания / сост. В. В. Захаров. – Тамбов : Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2010. – 16 с.

8. Журналистика и медиаобразование в XXI веке [Текст] : Ж 92 сб. научных трудов Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-27 сентября 2006 г.). – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – 368 с.

9. Зверева, Н. В. Школа регионального тележурналиста [Текст] / Н. В. Зверева. – М. : Аспект. Пресс, 2004.

10. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Мате-риалы Шестой Международной научно-практической конференции 22-24 октября 2009 года [Текст] / под. ред. В. З. Гарифуллина / вып. ред. Р. П. Баканов. – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009. – 402 с.

11. Ким, М. Н. Технология создания журналистского произведения [Текст] / М. Н. Ким. – СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2001. – 320 с.

12. Князев, А. А. Основы журналистики и телерепортажа [Текст] / А. А. Князев. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2001. – 160 с.

13. Князев, А. А. Энциклопедический словарь СМИ [Текст] / А. А. Князев. – Бишкек : Изд-во КРСУ, 2002. – 164 с.

14. Кузнецов, Г. В., Цвик, В. Л., Юровский, А. Я. Телевизионная журналистика [Текст]. – М. : Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. – 368 с.

15. Кузнецов, Г. В. Так работают журналисты [Текст] / Г. В. Кузнецов. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 222 с.

16. Летуновский, В. П. Прямой эфир на отечественном телевидении (Технология журналистского творчества) [Текст] / В. П. Летуновский. – СПб., 2004. – 278 с.

17. Методика телевизионной журналистики [Текст] : учебное пособие для студентов вузов / Л. П. Шестеркина, Т. Д. Николаева. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 224 с.

18. Муратов, С. А. Телевизионное общение в кадре и за кадром [Текст] / С. А. Муратов. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 201 с.

19. Муратов, С. А. Телевидение в поисках телевидения. Хроника авторских наблюдений [Текст] / С. А. Муратов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 176 с.

20. Новикова, А. А. Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности [Текст] / А. А. Новикова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Иазд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 236 с.

21. Орлова, В. В. Глобальные телесети новостей и информационная дипломатия [Текст] // Ломоносов 2002: Сб. тезисов. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2002.

22. Саруханов, В. А. Азбука телевидения [Текст] / В. А. Саруханов. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 223 с.

23. Смеюха, В. В. Теория и практика массовой информации [Текст] : учеб. пособие / В. В. Смеюха. – Ростов н/Д, 2015. – 87 с.

24. Цвик, В. Л. Введение в журналистику [Текст] : учебное пособие. – Из д. 2-е, доп. и переработанное. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2000. – 137 с.

25. Цвик, В. Л. Мир новостей: новости мира [Электронный ресурс] /В. Л. Цвик. – М. : Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2007. – URL: http://www.tvmuseum.ru

26. Цвик, В. Л. Телевизионная журналистика: История, теория, практика [Текст] / В. Л. Цвик. – М. : «Аспект Пресс», 2004. – 383 с.

27. Шибаева, Л. Жанры в теории и практике журналистики [Текст] // Журналистика. – 2000. – № 17/47. – URL: http://www.relga.rsu.ru/n47/iur47.htm

Reference List

1. Bolkunov, A. N. Grazhdanskaja zhurnalistika v uchebnoj gazete = Civic journalism in the educational newspaper [Tekst] : ucheb posobie / pod red. V. V. Prozorova. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. – 52 s.

2. Boreckij, R. A. Besedy ob istorii televidenija. Lekcii, prochitannye na fakul'tete zhurnalistiki MGU v fevrale – mae 2010 g. = Conversations about television history. Lectures given at the Faculty of Journalism in Moscow State University in February – May 2010 [Tekst] / R. A. Boreckij. – M. : Izdatel'stvo Ikar, 2011. – 178 s.

3. Vakurova, N. V. Tipologija zhanrov sovremennoj jekrannoj produkcii = Typology of modern screen products genres [Tekst] : uchebnoe posobie / N. V. Vakurova, JI. I. Moskovkin. – M. : Ins-t sovrem. Is-va, masterskaja televizionnoj zhurnalistiki, 1997. – 66 s.

4. Goljadkin, N. A. Istorija otechestvennogo i zarubezhnogo televidenija = History of domestic and foreign television [Tekst] : ucheb. posobie dlja studentov

vuzov / N. A. Goljadkin. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Aspekt Press, 2011. – 190 s.

5. Gorjunova, N. L. Hudozhestvenno-vyrazitel'nye sredstva jekrana. Ch. 2. Dinamika jekrana = Art-expressive means of the screen. Part 2. Screen Dynamics [Tekst] : uchebnoe posobie / N. L. Gorjunova. – M. : IPK RTR, 2000. – 17 s.

6. Egorov, V. V. Televidenie: teorija i praktika = Television: Theory and Practice [Tekst] : uchebnoe posobie / V. V. Egorov. – M. : Mezhdunarodnyj nezavisimyj jekologo-politologicheskij universitet, 1993. – 306 s.

7. Zhanry radio- i telezhurnalistiki = Genres of radio and television journalism [Tekst] : metodicheskie ukazanija / sost. V. V. Zaharov. – Tambov : Izd-vo GOU VPO TGTU, 2010. – 16 s.

8. Zhurnalistika i mediaobrazovanie v XXI veke = Journalism and media education in the XXI century [Tekst] : Zh 92 cb. nauchnyh trudov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 25-27 sentjabrja 2006 g.). – Belgorod : Izd-vo BelGU, 2006. – 368 s.

9. Zvereva, N. V. Shkola regional'nogo telezhurnalista = Regional television journalist school [Tekst] / N. V. Zvereva. – M. : Aspekt. Press, 2004.

10. Informacionnoe pole sovremennoj Rossii: praktiki i jeffekty: Mate-rialy Shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 22-24 oktjabrja 2009 goda = Information field of modern Russia: practices and effects: Materials of the Sixth International scientific and practical conference on October 22-24, 2009 [Tekst] / pod. red. V. Z. Garifullina / vyp. red. R. P. Bakanov. – Kazan' : Izd-vo Kazan. gos. un-ta, 2009. – 402 s.

11. Kim, M. N. Tehnologija sozdanija zhurnalistskogo proizvedenija = The technology for creating a journalistic work [Tekst] / M. N. Kim. – SPb. : Izd-vo Mihajlova V. A., 2001. – 320 s.

12. Knjazev, A. A. Osnovy zhurnalistiki i telereportazha = Basics of journalism and television broadcasting [Tekst] / A. A. Knjazev. – Bishkek : Izd-vo KRSU, 2001. – 160 s.

13. Knjazev, A. A. Jenciklopedicheskij slovar' SMI = Encyclopedic dictionary of mass media [Tekst] / A. A. Knjazev. – Bishkek : Izd-vo KRSU, 2002. – 164 s.

14. Kuznecov, G. V., Cvik, V. L., Jurovskij, A. Ja. Televizionnaja zhurnalistika = Television journalism [Tekst]. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta: Nauka, 2005. – 368 s.

15. Kuznecov, G. V. Tak rabotajut zhurnalisty = This is how journalists work [Tekst] / G. V. Kuznecov. – M. : Izd-vo MGU, 2001. – 222 s.

16. Letunovskij, V. P. Prjamoj jefir na otechestvennom televidenii (Tehnologija zhurnalistskogo tvorchestva) = Live broadcast on domestic television (Technology of journalistic creativity) [Tekst] / V. P. Letunovskij. – SPb., 2004. – 278 s.

17. Metodika televizionnoj zhurnalistiki = Television journalism methodology [Tekst] : uchebnoe posobie dlja studentov vuzov / L. P. Shesterkina, T. D. Nikolaeva. – M. : Aspekt Press, 2012. – 224 s.

18. Muratov, S. A. Televizionnoe obshhenie v kadre i za kadrom = In-frame and behind-the-scenes television communication [Tekst] / S. A. Muratov. – M. : Aspekt Press, 2003. – 201 s.

19. Muratov, S. A. Televidenie v poiskah televidenija. Hronika avtorskih nabljudenij = Television in search of television. Chronicle of authors' observations [Tekst] / S. A. Muratov. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2001. – 176 s.

20. Novikova, A. A. Televizionnaja real'nost': jekrannaja interpretacija dejstvitel'nosti = Television reality: screen interpretation of reality [Tekst] / A. A. Novikova; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». – M. : Iazd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2013. – 236 s.

21. Orlova, V. V. Global'nye teleseti novostej i informacionnaja diplomatija = Global news networks and information diplomacy [Tekst] // Lomonosov 2002: Sb. tezisov. – M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2002.

22. Saruhanov, V. A. Azbuka televidenija = Alphabet of television [Tekst] / V. A. Saruhanov. – M. : Aspekt Press, 2002. – 223 s.

23. Smejuha, V. V. Teorija i praktika massovoj informacii = Media theory and practice [Tekst] : ucheb. posobie / V. V. Smejuha. – Rostov n/D, 2015. – 87 s.

24. Cvik, V. L. Vvedenie v zhurnalistiku = Introduction to journalism [Tekst] : uchebnoe posobie. – Izd. 2-e, dop. i pererabotannoe. – M. : Izd-vo MNJePU, 2000. – 137 s.

25. Cvik, V. L. Mir novostej: novosti mira = World of news: world news [Jelektronnyj resurs] /V. L. Cvik. – M. : Institut povyshenija kvalifikacii rabotnikov televidenija i radioveshhanija, 2007. – URL: http://www.tvmuseum.ru

26. Cvik, V. L. Televizionnaja zhurnalistika: Istorija, teorija, praktika = Television journalism: History, theory, practice [Tekst] / V. L. Cvik. – M. : «Aspekt Press», 2004. – 383 s.

27. Shibaeva, L. Zhanry v teorii i praktike zhurnalistiki = Genres in journalism theory and practice [Tekst] // Zhurnalistika. – 2000. – № 17/47. – URL: http://www.relga.rsu.ru/n47/iur47.htm

Дата поступления статьи в редакцию: 14.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10485
УДК 070

А. А. Баташева https://orcid.org/0000-0002-4729-2464

Роль цитации в интерпретации медиасобытий в медиадискурсе России и Германии

Актуальность исследования обусловлена необходимостью формирования фонда лингвостилистических приемов интерпретации как составляющей медиабезопасности общества. Выбор темы исследования продиктован высокой частотностью использования цитации в газетных текстах и при этом ее недостаточной изученностью в качестве приема интерпретации. Целью исследования служит выявление и описание роли цитации в интерпретации медиасобытия в качественной прессе двух стран – России и Германии. В статье поставлены следующие задачи: выявить роль нарративности при интерпретации медиасобытий; описать роль цитации в интерпретации медиасобытий; определить, является ли обращение к цитации универсальным (наднациональным) приемом интерпретации. Новым является выявление и описание авторской оценки, дополняющей высказывания экспертов или очевидцев событий. В статье анализируются медиатексты на тему вооруженного конфликта в Сирии, опубликованные в качественной прессе России (газете «Коммерсантъ») и Германии (газете «Die Zeit») в 2015-2017 гг. В качестве основы методологии, применяемой в данном исследовании, выбраны интенциональный и интерпретационный методы исследования медиатекстов. Проведенное изучение способов интерпретации показало, что интерпретация находит свое отражение в выборе цитат (в российской прессе преобладают цитаты экспертов, в немецкой – цитаты очевидцев), их компоновке, а также в авторской интерпретации мнения другой стороны. Результаты проведенного исследования можно использовать в рамках курсов медиалингвистики, стилистики, а также медиабезопасности.

Ключевые слова: интерпретация, приемы интерпретации, медиасобытие, цитация, медиалингвистика, стилистика, медиабезопасность.

A. A. Batasheva

The role of citation in the interpretation of media events in the media discourse of Russia and Germany

The relevance of the research is caused by the need of formation of the fund of linguostylistic methods of media events interpretation as a significant part of media security of society. The choice of the research topic is caused by the high frequency of using citations in newspaper texts and at the same time the lack of knowledge about citations as a method of interpretation. The goal of the article is to identify and to describe the role of citation in the interpretation of media events in the quality press of two countries – in Russia and Germany. The article has the following objectives: to identify the role of narrative in interpreting media events; to describe the role of citation in the interpretation of media events; to determine whether the use of citation is a universal (supranational) method of interpretation. The identification and description of the author's assessment, complementing the statements of experts or eyewitnesses of events are new. The article analyzes media texts on the topic of armed conflict in Syria, published in the quality press of Russia (newspaper «Kommersant») and Germany (newspaper «Die Zeit») in 2015-2017. The methodology of the research is based on the intentional and interpretative methods for studying media texts. The conducted study of the interpretation methods revealed that interpretation is reflected in the choice of quotations (quotations of experts prevail in the Russian press, the eyewitnesses quotes – in the German press), their composing, as well as in the author's interpretation of the opinion of the other party. The results of the research can be used as part of medialinguistics, stylistics, and media security courses.

Keywords: interpretation, methods of interpretation, media events, citation, medialinguistics, stylistics, media security.

Введение

Каждый журналист является интерпретатором описываемой действительности. Каждое событие, получая отражение в журналистском тексте, неизбежно преломляется в сознании адресанта и представляет собой интерпретацию, субъективное восприятие действительности.

В. З. Демьянков, сторонник когнитивного подхода к интерпретации, определял ее как «когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и/или неречевых

© Баташева А. А., 2019

действий» [2, с. 10]. Интерпретация – это процесс создания и оформления смысла, результат познавательной деятельности, восприятия мира.

Как пишет В. З. Демьянков, для журналиста важно не только выбрать «главную фигуру» – медиасобытие, но и «нарядить» ее в соответствии со вкусами читателей» [3, с. 69]. Характер интерпретации медиасобытия журналистов проявляется по-разному: в самом выборе медиасобытия для освещения, в структурных особенностях медиатекста, а главное – в его стилистических особенностях.

Современные исследователи отмечают, что медиатексты обладают определенным воздействующим потенциалом, включающим, как минимум, три компонента: информационный (подразумевается количество и качество информации в тексте), прагматический (способность текста оказывать направленное воздействие на массовое сознание, манипулятивное или убеждающее) и воздействующий [4]. В лексической составляющей находит свое выражение воздействующий потенциал журналистского текста. От выбора стилистических средств адресантом напрямую зависит картина мира адресата [6].

Картина мира многослойна и формируется в СМИ благодаря использованию журналистами целого комплекса лингвостилистических средств интерпретации. В данный комплекс входят:

1. Эмоциональные речевые средства – передают субъективную модальность, позволяют наиболее полно передать содержательную и эмоциональную информацию о событии.

2. Метафоры – благодаря своей воздействующей силе позволяют автору наиболее эффективно реализовать глобальную интенцию убеждения.

3. Механизмы эксплицитной и имплицитной оценки, а также тональность.

Интерпретация относится не столько к содержанию, сколько к глубинному смыслу текста. Стилистические средства интерпретации имеют не только прагматический (воздействующий) эффект, но также и когнитивный эффект – они позволяют включить измененную картину мира в когнитивную базу адресата. Вот почему интерпретация так тесно связана с понятиями медиабезопасности и медиаобразования, а ее изучение представляет большой интерес для исследователей медиа. Национальная картина мира формируется в качественной прессе по каждому срезу политических событий.

Материал и методы исследования

В условиях глобализации журналистские институты разных стран обрели немало общих черт. К журналистскому мастерству предъявляется практически единые требования. Эти тенденции отражаются и в языке журналистских материалов: не только в обогащении его терминами и концептами, но также в средствах подачи материала и интерпретации медиасобытий.

При проведении исследования нами выдвинута *гипотеза*, что набор лингвистических стратегий и тактик интерпретации является универсальным для различных культур, однако журналисты используют его по-разному (вследствие различных детерминант журналистского творчества), поэтому одни и те же события интерпретируются в СМИ разных стран по-разному. Вокруг важнейших фактических событий в разных национальных государствах складываются различные нарративы, в которых по-разному компонуются детали, расставляются акценты, применяются аргументы, а в результате выстраиваются несовпадающие национальные картины мира. Кроме того, еще одним важным нюансом является то, что современный медиадискурс является для реципиентов информации богатым источником иллюстративного материала для основных моделей социального поведения. Точка зрения, транслируемая в ведущих СМИ, оказывает действенное влияние на поведение адресатов информации [18, с. 222]

Нарративность позволяет автору представить свое прочтение реальности и реализовать глобальную цель убеждения при помощи создания различных типов нарраций. Их выбор и монтаж автор текста осуществляет по своему усмотрению, а именно в соответствии с авторской интенцией, замыслом автора, идеей, которую он желает донести. Интенциональность является важнейшей характеристикой журналистского текста [5, с. 275].

Изучение современной качественной прессы позволяет выделять стилистические приемы интерпретации мнений героев, очевидцев, экспертов в неотъемлемую часть общего процесса интерпретации медиасобытий. Нарратив – это рассказ, история с определенным сюжетом, с конкретными персонажами. Одна из форм нарративности – это цитация, то есть «преднамеренное введение чужих слов или целых фрагментов чужих высказываний» [1, с. 54].

Цитация имеет двойственную природу: каждая цитата принадлежит одновременно и первоисточнику, и принимающему тексту [14]. Немецкие исследователи также обращали внимание на эту двойственность, а также на то, что восприятие прямой и косвенной речи реципиентами ин-

формации разнится, влияя на общее восприятие текста.

В случае использования прямой речи предполагается, что текст цитаты воспроизводится без изменений, то есть буквально, слово в слово. В случае косвенной речи адресат по умолчанию предполагает, что в текст цитаты были внесены изменения (например, сокращения, поправки и т. д.), иными словами, что он был интерпретирован [16, с. 129].

Чем более полно и точно приводится цитата, тем большую степень достоверности обретает текст [12]. Явно или неявно указанный источник информации в конечном итоге доказывает реальность события или свидетельствует о его нереальности [20].

Буквальность при цитации имеет последствия: дословно передается не только содержание, но и сами формулировки. Они переносят особенности речи автора цитаты в новую среду медиатекста, создавая базу для последующей интерпретации – как смысла цитаты, так и фигуры ее автора. Важность приобретают не только лингвистическое и стилистическое оформление текста, но также возраст, род деятельности, место пребывания автора цитаты. Все это делает цитацию мощным средством убеждения, воздействия на читателя [17, с. 95].

Прием интерпретации при помощи цитации обладает ярко выраженным прагматическим и когнитивным эффектом, поэтому представляет повышенный интерес для изучения.

Целью данного исследования является выявление и описание роли цитации в интерпретации медиасобытия в качественной прессе двух стран – России и Германии. К *задачам* исследования относятся:

– выявить роль нарративности при интерпретации медиасобытий;

– описать роль цитации в интерпретации медиасобытий;

– определить, является ли обращение к цитации универсальным, национальным приемом интерпретации.

Материалом для исследования послужили статьи в качественной прессе России (газете «Коммерсантъ») и Германии (газете «Die Zeit»), посвященные освещению вооруженного конфликта в Сирии за 2015-2017 годы. Для целей исследования было проанализировано 100 российских и 100 немецких медиатекстов за данный период.

Газета «Коммерсантъ» является ведущей общероссийской ежедневной общественно-политической газетой. Принадлежит частному собственнику (входит в медиахолдинг Алишера Усмановы), входит в число по-настоящему качественных изданий страны. При выборе тем для освещения особое внимание уделяется деловой повестке дня. Ориентирована на менеджеров, бизнесменов, людей, занятых в секторе госслужбы. Политическая направленность – экономически либеральная. Тираж: 100 тыс. экз. Аудитория в России – 4,2 млн. чел.

Газета «Die Zeit» («Время») является ведущей немецкой еженедельной общественно-политической газетой. Входит в состав частного медиахолдинга (Verlagsgruppe Georg von Holtzbrinck). Среди тем, к которым обращаются журналисты, особое внимание уделяется политике, обществу, экономике. Ориентирована на интеллектуальных, вдумчивых читателей, представителей деловой и политической элиты. Политическая направленность – либеральная. Тираж – 400 тыс. экз. Аудитория в Германии – 2 млн. чел.

Интенциональный, а также интерпретационный методы исследования медиатекстов были выбраны в качестве основы *методологии*, применяемой в данном исследовании.

Использование цитации журналистами российской газеты «Коммерсантъ»

Нарративность, в общем, и цитация, в частности, являются высокочастотными приемами интерпретации медиасобытий в качественной прессе. Переплетение нарраций отражает множество прочтений мира, передает бесконечное разнообразие окружающей нас действительности.

В газете «Коммерсантъ» № 181 от 02.10.2015 прием интерпретации при помощи нарратива экспертов и/или очевидцев событий проявляется в первую очередь в самом выборе цитат. Интенция убеждения реализуется благодаря продуманному выбору мнений и их приведении в определенной (убеждающей читателя в правоте автора) последовательности. Например, в статье журналистов Г. Туманова и П. Коробова «Враг должен быть обозначен» от 02.10.2015: «… с развернутыми заявлениями по ситуации в Сирии вчера выступили представители Межрелигиозного совета России. «Пусть помощь России отведет от народа Сирии *угрозу террора* и ускорит приближение мирной жизни в этой стране и на всем Ближнем Востоке на основе *диалога и согласия* (слова с позитивной коннотацией) между разными этническими, религиозными и идеологическими группами», – говорится в документе совета. С отдельным заявлением выступили и представители РПЦ. «РФ приняла *ответственное решение* (слова с позитивной коннотацией) об

использовании вооруженных сил для защиты сирийского народа от бед, приносимых произволом террористов. Мы связываем с этим решением *приближение мира и справедливости* (слова с позитивной коннотацией)»,– говорится в обращении патриарха Кирилла. (Туманов Г., Коробов П. «Враг должен быть обозначен») [13].

Помимо цитат представителей Межрелигиозного совета России и РПЦ, в статье приводятся комментарии исламских активистов, проповедников, совета муфтиев России. Как показывает журналистское исследование, религиозные деятели едины в своей оценке военного вмешательства РФ в ситуацию в Сирии. Очевидно, что у других религиозных направлений может быть иная точка зрения, однако их цитаты не приводятся в тексте.

Цитация часто используется для проявления в газетном тексте экспрессии, обладающей ярко выраженными оценочными свойствами. Главными источниками экспрессии служат «рефлексия разговорности, широкое обращение к иноязычной и терминологической лексике, ориентация на язык беллетристики и широкое заимствование его приемов и средств» [8; с. 163]. Формат общественно-политической газеты традиционно не предусматривает использование экспрессивных средств в авторском нарративе (особенно в расширенных новостных заметках и статьях), поэтому авторы в целях реализации интенции убеждения прибегают к использованию определенного вида цитат или их фрагментов. Обращение к цитатам экспертов, с одной стороны, позволяет авторам выполнять требование объективности при подаче материала. С другой стороны, – придать текстам необходимую экспрессию, а вместе с ней передать оценочность, позитивную или негативную тональность.

Например, в статье «Сирийскому урегулированию подбирают расширенный формат» в газете «Коммерсантъ» № 197 от 26.10.2015 мы читаем: «При этом директор Центра анализа стратегий и технологий Руслан Пухов заявил «Ъ», что Эр-Рияд не будет создавать дополнительные препятствия процессу урегулирования – этому не способствует ситуация в самом королевстве. «Саудовцы ввязались в йеменскую *авантюру* (метафора) и теперь пытаются хоть как-то *потушить пожар у себя под ногами* (метафора),– убежден эксперт.– В этих условиях им не до проведения активной политики в Сирии». «Наряду с догматиками, которые *бескомпромиссно* (слово с негативной коннотацией) нацелены *давить* (слово с негативной коннотацией) алавитов, в саудовской династии есть те, кто нацелен на более *прагматический диалог* (словосочетание с позитивной коннотацией), особенно после начала российской военной операции в Сирии»,– резюмировал собеседник «Ъ» (Кузнецова О., Дудина Г. «Сирийскому урегулированию подбирают расширенный формат») [9].

В статье «Российский опыт отучения пойдет на экспорт» из газеты «Коммерсант» № 65 от 14.04.2017 мы читаем: «По его (министра просвещения Сирии Газван аль-Ваз – прим. авт.) словам, за время военного конфликта число сирийских школ уменьшилось с 22 тыс. до 14 тыс., причем тысяча учреждений *«стерта с лица земли»* (фразеологизм), а еще о 4 тыс. информации нет. «500 тыс. учащихся в данный момент находятся на захваченных *экстремистами* (негативная оценка) территориях, мы видим, какое влияние на них там оказывается за счет *спекуляций* (оценка) на религиозных учениях,– у этих детей подорвана психика, *у них не было детства, школы, жизни* (гипербола)»,– сказал министр. (Макеева А. «Российский опыт отучения пойдет на экспорт») [10]

Помимо выбора цитат с экспрессивно заряженной лексикой также широко распространен прием авторской оценки высказываний экспертов. Это также позволяет сформировать общую тональность, а также способствуют выражению авторской оценки событий. Приведем в пример статью «Россия ограничила круг задач в Сирии» из газеты «Коммерсант» № 196 от 23.10.2015: «*Мнения* самих участников форума о выступлениях господ Лаврова и Иванова *разделились*. Бывший президент Чехии Вацлав Клаус, например, оценил речь Сергея Лаврова *положительно*. «Он выступил *очень по-лавровски*, подтвердив последовательность российской позиции по основным вопросам»,– заявил господин Клаус «Ъ». Многие другие западные эксперты *сетовали* на отсутствие «свежих тезисов». «Возникает ощущение, что в российскую позицию привнести больше нечего. Все уже было сказано на 70-й сессии Генассамблеи ООН и в Мюнхене в 2007 году», – заявил «Ъ» один из участников дискуссии, имея в виду громкие выступления Владимира Путина» (Коростиков М. «Россия ограничила круг задач в Сирии»)

Журналист не просто приводит цитаты различных экспертов, он дает их интерпретацию, оценивает их, акцентируя внимание на том, что мнения у экспертов были разными, что кто-то оценил речь С. Лаврова положительно, а кто-то остался недоволен ввиду отсутствия в речи новых идей. Таким образом журналист создает многослойность события, указывает на разно-

плановость мнений и большое число различных экспертных оценок события.

«Журналистам, перехватившим Сергея Иванова уже после его выступления, он сказал, что попытки изоляции России провалились, Москва «*не пытается надувать щеки*», а лишь отстаивает свои интересы на мировой арене. Развивая эту мысль, глава кремлевской администрации пояснил, что, например, в Сирии Россия воюет «не с суннитами, не за Асада». «Мы воюем с терроризмом, который нам непосредственно угрожает»,– подчеркнул он» (Коростиков М. «Россия ограничила круг задач в Сирии») [7]. Использование просторечного фразеологизма «*надувать щеки*», то есть выражать крайнее неудовольствие, раздражаться, сердиться, снижает пафос высказывания чиновника, но также передает его раздражение после выступления.

Таким образом, для российской прессы высокочастотным приемом интерпретации является продуманный выбор и компоновка цитат (чаще всего предпочтение отдается фрагментам с экспрессивной лексикой и образными средствами языка), а также журналистская интерпретация мнений другой стороны, что позволяет дать читателю уже готовую картину мира.

В «Коммерсанте» преобладают цитаты экспертов. У журналистов есть определенный пул специалистов, к которым они регулярно обращаются. Среди них: видные политические и общественные деятели, представители государственных структур, ученые и исследователи, известные в обществе благодаря своей деятельности. Их авторитет добавляет весомости суждениям журналиста. При интерпретации событий акцент делается на подборе аргументации и пояснении читателю информационной картины. Убеждение осуществляется при помощи рациональных, логических методов.

Использование цитации журналистами немецкой газеты «Die Zeit»

Для газеты «Die Zeit» прием построения текста путем чередования мнений различных экспертов, способствующих утверждению какой-либо мысли автора, не характерен. Встречаются лишь единичные случаи подобной нарративной организации статей – построения текста при помощи цитат.

Экспрессия, а вместе с ней оценочность и тональность, достигается благодаря не количеству, а качеству цитат, а также выбору нарраций. Предпочтение отдается цитатам очевидцев. В текстах используются фрагментам с яркими образными языковыми средствами. Например, в статье «Wir warten auf das Ende» («Мы ждем конца», пер. авт. – А. Б.) из газеты «Die Zeit» № 50 от 01.12.2016 мы читаем: «Abdulkafi Alhamdo ist auf dem Weg zu seiner Frau und seiner Tochter, als ihn unsere WhatsApp-Nachricht erreicht. Der 31-Jährige unterrichtete Englisch in einer Schule, deren Betrieb in den vergangenen vier Jahren trotz Belagerung und Luftangriffen aufrechterhalten wurde. Die Schule sei für Ost-Aleppos Kinder «*eine Flucht aus dem Krieg*», hatte er bei unserem letzten Gespräch vor sechs Wochen gesagt. «*Wenn die Bomben fallen*, gehen wir alle gemeinsam in den Keller.» Danach mache man mit dem Unterricht weiter. *Die Kinder seien hungrig nach Wissen*» (Böhm A. Wir warten auf das Ende) [15]. «Абдулкафи Альхамдо был на пути к жене и дочери, когда получил наше сообщение в WhatsApp. Он – 31-летний преподаватель английского в школе, которая работала в течение последних четырех лет, несмотря на осады и воздушные налеты. Школа для детей Восточного Алеппо единственное бегство от *«войны»* (лексема «война» имеет негативную коннотацию), – сказал он в нашем последнем разговоре шесть недель назад, – «*когда бомбы падают*, мы все вместе идем в подвал. Там уроки продолжаются: *дети жаждут знаний*» (пер. авт. – А. Б.).

Выбор цитаты очевидца (Абдулкафи Альхамдо) не случаен. Она позволяет создать компрессию события, в нескольких строках передать все ужасы войны, а также надежду населения на перемены к лучшему в будущем. Занятия в школе продолжаются, потому что детям в будущем понадобятся знания, и учителя это понимают, поэтому продолжают свою работу.

Цитата очевидца, таким образом, передает детализацию события, придает ему эмоциональную окраску. Если эксперты оценивают события со стороны, рационально, логически, то оценка очевидцев придается событию большую достоверность. Достоверность информации зависит от ряда факторов: надежности источника информации, соотношения категорий информативности – интерпретативности, субъективности – объективности изложения, а также искренности, истинности и доверия [11]. Слова очевидцев воспринимаются как истинные, высокоинформативные, его оценки – как объективные, независимые и искреннием.

Другой пример из газеты «Die Zeit» № 2 от 05.01.2017 – статья «Ein Inder rechnet ab» («Индиец подводит итоги», пер. авт. – А. Б.): «Alles, was wir gebraucht hätten, um die *gefährdeten* Bürger in Libyen zu schützen», meint er, «wäre eine physische Sicherheitszone um Bengasi herum gewesen» – die Stadt, in deren Richtung Gaddafis Trup-

pen seinerzeit *bedrohlich* vorrückten. Was stattdessen passierte, war ein Regimewechsel, der so *schiefging*, dass im nächsten, *schlimmeren* Fall niemand mehr etwas gegen das *Blutvergießen* unternehmen wollte: «Wenn Syrien vor Libyen stattgefunden hätte», sagt Puri, «dann *wäre Assad heute verschwunden*» (Roß J. Ein Inder rechnet ab) [21]. «Все, что нужно было для того, чтобы защитить *подвергнутых опасности* (негативная коннотация) жителей Ливии, – говорит он, – это создать зону физической безопасности вокруг Бенгази» – города, в направлении которого в то время *угрожающе* продвигались войска Каддафи. Вместо этого произошла смена режима, которая *прошла так плохо,* что в следующем, *худшем* (эпитет) случае никто не захотел ничего поделать с *кровопролитием (дисфемизм)*: «Если бы *война* в Сирии была до Ливии, – говорит Пури, – Асад бы уже *исчез с лица земли* (устойчивое выражение, компрессия)» (пер. авт. – А. Б.)

В газете «Die Zeit» также широко распространен прием авторской оценки высказываний очевидцев. Приведем пример из той же статьи «Wir warten auf das Ende» из «Die Zeit» № 50 от 01.12.2016: «Zouhir al-Shimale, den 25-jährigen Journalisten, erreichen wir am Montag und dann noch einmal am Dienstagvormittag. Al-Shimale hat auf ZEIT Online mehrfach über die Lage in Ost-Aleppo geschrieben. *Jetzt ist seiner Stimme die physische Erschöpfung anzuhören.* Er habe, sagt er, fast nichts mehr zu essen. «Die Bombenangriffe gehen pausenlos weiter; sie setzen auch Chlorgas ein…» (Böhm A. Wir warten auf das Ende) [15]. «Нам удалось связаться с Зухиром аль-Шимале, 25-летним журналистом, в понедельник и затем еще раз во вторник утром. Аль-Шимале несколько раз писал для «ZEIT Online» о ситуации в Восточном Алеппо. Сейчас *в его голосе слышится физическое истощение.* По его словам, ему почти нечего есть: «Бомбежка продолжается без остановки, они также используют газообразный хлор…» (пер. авт. – А. Б.).

Автор намеренно высказывает предположение о звуковом проявлении физического истощения, чтобы придать больший вес комментарию и усилить воздействие на читателей.

Журналисты «Die Zeit» могут выстроить весь текст вокруг одной цитаты, многократно интерпретируя и оценивая ее. Например, в статье « Der Iran braucht mehr Druck» («Ирану требуется большее давление», пер. авт. – А. Б.) из газеты «Die Zeit» № 45 от 27.10.2016: «So klingt *Misserfolg auf ganzer Linie* in Diplomatensprache: Man habe sich dafür ausgesprochen, dass «*der politische Prozess*» für eine Beendigung des Krieges «so bald wie möglich beginnen soll», sagte der russische Außenminister Sergej Lawrow kürzlich nach einer erneuten Runde *gescheiterter Gespräche* in Lausanne über eine Waffenruhe in Syrien. Immerhin aber seien einige Ideen vorgebracht worden «von Ländern, die wirklich Einfluss auf die Situation haben». Das sollte vielleicht *beruhigend* klingen, fast so, *als wollte Lawrow sagen*: Nur ein bisschen Geduld, die wirklich Großen, also Russland und die USA, werden sich am Ende schon auf eine Lösung einigen. *Doch das ist falsch*» (Tempel S., Stein S. Der Iran braucht mehr Druck) [19]. «Вот как звучит *полный провал* (устойчивое выражение, яркая негативная коннотация) на дипломатическом языке. «*Политический процесс*», необходимый для прекращения войны, должен начаться как можно скорее», – заявил недавно министр иностранных дел России Сергей Лавров после очередного раунда *провальных переговоров*, прошедших в Лозанне и посвященных прекращению огня в Сирии. В конце концов, некоторые идеи были выдвинуты «странами, которые действительно влияют на ситуацию». Это может *звучать обнадеживающе, как если бы Лавров хотел сказать*: наберитесь терпения, действительно большие страны Россия и США, в конце концов, найдут совместное решение. *Только это не так*» (пер. авт. – А. Б.)

Автор не просто приводит цитату Сергея Лаврова. Он интерпретирует ее, пытается выявить скрытый смысл высказывания, его истинную тональность, и уже затем эксплицитно выражает свою оценку: «*Только это не так*». Весь остальной текст статьи строится таким образом, что автор приводит различные факты, призванные доказать неправоту Лаврова и правоту автора.

Таким образом, для немецкой прессы не характерна интерпретация при помощи компоновки цитат, однако широко используется прием выбора цитат с экспрессивной лексикой и образными средствами, а также интерпретация мнений другой стороны.

Внимание на себя обращает тот факт, что в текстах «Die Zeit» мало обращений к экспертам. Вместо них используются наррации очевидцев. Таким образом, преобладает не экспертная оценка, а оценка глазами очевидцев. При интерпретации событий акцент делается на эмоциональном компоненте. Убеждение осуществляется при помощи эмоциональных методов; читателю не дается готовая информационная картина.

Заключение

Цитация является высокочастотным приемом интерпретации в качественной прессе России и Германии. При этом не имеет значения, является

ли страна непосредственным участником событий (Россия), или сторонним наблюдателем (Германия). Цитация позволяет ввести новую информацию (выполняя функцию информирования) и оказать воздействие на читателя (воздействующая функция, функция убеждения).

Прием интерпретации медиасобытий при помощи цитации может проявляться по-разному. Во-первых, он находит свое отражение в выборе цитат и их компоновке. Данный прием характерен для российской качественной прессы. В немецкой прессе он выражен менее ярко.

Во-вторых, обращение к цитатам экспертов и очевидцев, с одной стороны, позволяет российским и немецким авторам выполнять требование объективности при подаче материала. С другой стороны, – придавать текстам необходимую экспрессию, а вместе с ней передавать оценочность, позитивную или негативную тональность.

В-третьих, авторская интерпретация проявляется в интерпретации мнения другой стороны. Она позволяет сформировать общую тональность, а также способствует выражению авторской оценки событий. Данный прием особенно высокочастотен в немецкой прессе. Весь материал может быть построен на интерпретации журналистом одной цитаты.

Подача событий в газетах «Коммерсант» и «Die Zeit» отличается также типами нарративов. В «Коммерсанте» преобладают цитаты экспертов, что говорит о сильных традициях экспертной журналистики в России. В текстах «Die Zeit», наоборот, обращений к экспертам мало. Вместо цитат экспертов используются цитаты очевидцев. Таким образом, преобладает не экспертная оценка, а оценка глазами очевидцев. С этим связаны и разные подходы к интерпретации российских и немецких журналистов: в немецкой качественной прессе преобладает более эмоционально насыщенная подача, эмоциональный компонент выражен и заметен, ставка делается на образность, на «картинку» события, в то время как в российской качественной прессе акцент делается на подборе аргументации и пояснении читателю информационной картины с последующим встраиванием ее в индивидуальную картину мира.

В работе с цитацией находят свое отражение разные подходы авторов к убеждению: для российской прессы характерны рациональные, логические методы, для немецкой – эмоциональные (в большей степени). Заметим, что эмоциональные приемы убеждения особенно эффективно воздействуют на массового читателя.

В выборе и компоновке цитат авторами проявляется идеология, система мировоззрений и стилистическая концепция издания. Цитация как частный случай нарративности в медиатексте обладает мощным прагматическим воздействием и позволяет авторам реализовать глобальную интенцию убеждения.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Проблемы интертекстуальности [Текст] / И. В. Арнольд // Вестник СПбГУ. – 1992. – № 4. – С. 53-61.

2. Демьянков, В. З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики [Текст] / В. З. Демьянков // Вопросы филологии. – 1999. – № 2. – С. 5-13.

3. Демьянков, В. З. Семиотика событийности в СМИ [Текст] / В. З. Демьянков // Язык СМИ как 4объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. Часть 2 / отв. редактор М. Н. Володина. – М., 2004. – С. 68-83.

4. Доржиева, Д. Ц. Особенности информационного потенциала в газетной статье [Текст] / Д. Ц. Доржиева // Гуманитарный вектор. – 2018 – № 5. – С. 41-49.

5. Клушина, Н. И. Власть, СМИ и общество (стратегии и тактики формирования общественного мнения) [Текст] / Н. И. Клушина // Язык СМИ и политика / Москва, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. – Москва, 2012. – С. 262-284.

6. Клушина, Н. И. Медиастилистика: как устроен современный медиастиль [Текст] / Н. И. Клушина // Русская речь. – 2015. – № 3. – С. 55-60.

7. Коростиков, М. Россия ограничила круг задач в Сирии [Текст] / М. Коростиков // Коммерсантъ. – 2015. – № 196. – С. 7.

8. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – М., 1979. – 267 с.

9. Кузнецова, О., Дудина, Г. Сирийскому урегулированию подбирают расширенный формат [Текст] / О. Кузнецова, Г. Дудина // Коммерсантъ. – 2015. – № 197. – С. 6.

10. Макеева, А. Российский опыт отучения пойдет на экспорт [Текст] / А. Макеева // Коммерсантъ. – 2017. – № 65. – С. 3

11. Панченко, Н. Н. Вера – доверие – достоверность: когнитивный и коммуникативный аспекты [Текст] / Н. Н. Панченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2008. – № 3. – С. 27-32.

12. Панченко, Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория [Текст] : монография / Н. Н. Панченко; науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. – 322 с.

13. Туманов, Г., Коробов, П. Враг должен быть обозначен [Текст] / Г. Туманов, П. Коробов // Коммерсантъ. – 2015. – № 181. – С. 3

14. Чернявская, В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости [Текст] / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 106-111.

15. Böhm, A. Wir warten auf das Ende / A. Böhm //

Die Zeit – 2016. – № 50. –С. 4

16. Burger, H, Luginbühl, Martin. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien / Burger Harald, Martin Luginbühl. – 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Berlin, 2014. – 532 с.

17. Jakobs, E-M: Textvernetzung in den Wissenschaften. Zitat und Verweis als Ergebnis rezeptiven, reproduktiven und produktiven Handelns / Eva-Maria Jakobs. – Tübingen, 1999. – 230 с.

18. Kallmeyer, W. Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation / W. Kallmeyer // Beiträge der Konferenz «Mediensprache als Objekt interdisziplinärer Forschungen» 25-27 Oktober 2001. Institut für Deutsche Sprache. – Mannheim, 2005. – С. 221-250.

19. Tempel, S., Stein, S. Der Iran braucht mehr Druck / S. Tempel, S. Stein // Die Zeit – 2016. – № 45. – С. 5.

20. Thurgood, G. The historical development of the Akha evidentials system / Graham Thurgood // Proceedings of the Seventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society – Berkeley, 1981. – 295 с.

21. Roß, J. Ein Inder rechnet ab / J. Roß // Die Zeit – 2017. – № 2. – С. 5.

Reference List

1. Arnol'd, I. V. Problemy intertekstual'nosti = Problems of intertextuality [Tekst] / I. V. Arnol'd // Vestnik SPbGU. – 1992. – № 4. – S. 53-61.

2. Dem'jankov, V. Z. Interpretacija kak instrument i kak ob#ekt lingvistiki = Interpretation as a means and as an object of linguistics [Tekst] / V. Z. Dem'jankov // Voprosy filologii. – 1999. – № 2. – S. 5-13.

3. Dem'jankov, V. Z. Semiotika sobytijnosti v SMI = Eventivity semiotics in mass media [Tekst] / V. Z. Dem'jankov // Jazyk SMI kak 4ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija: Uchebnoe posobie. Chast' 2 / otv. redaktor M. N. Volodina. – Moskva, 2004. – S. 68-83.

4. Dorzhieva, D. C. Osobennosti informacionnogo potenciala v gazetnoj stat'e = Features of information potential in the newspaper article [Tekst] / D. C. Dorzhieva // Gumanitarnyj vektor. – 2018 – № 5. – S. 41-49.

5. Klushina, N. I. Vlast', SMI i obshhestvo (strategii i taktiki formirovanija obshhestvennogo mnenija) = Power, media and society (strategies and tactics for shaping public opinion) [Tekst] / N. I. Klushina // Jazyk SMI i politika / Moskva, fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M. V. Lomonosova. – Moskva, 2012. – S. 262-284.

6. Klushina, N. I. Mediastilistika: kak ustroen sovremennyj mediastil' = Mediastilistics: how the modern mediastyle works [Tekst] / N. I. Klushina // Russkaja rech'. – 2015. – № 3. – S. 55-60.

7. Korostikov, M. Rossija ogranichila krug zadach v Sirii = Russia has limited the range of tasks in Syria [Tekst] / M. Korostikov // Kommersant#. – 2015. – № 196. – S. 7.

8. Kostomarov, V. G. Russkij jazyk na gazetnoj polose = The Russian language on the newspaper page [Tekst] / V. G. Kostomarov. – M., 1979. – 267 s.

9. Kuznecova, O., Dudina, G. Sirijskomu uregulirovaniju podbirajut rasshirennyj format = Syrian settlement is selected for extended format [Tekst] / O. Kuznecova, G. Dudina // Kommersant#. – 2015. – № 197. – S. 6.

10. Makeeva, A. Rossijskij opyt otuchenija pojdet na jeksport = Russian experience of training will go for export [Tekst] / A. Makeeva // Kommersant#. – 2017. – № 65. – S. 3

11. Panchenko, N. N. Vera – doverie – dostovernost': kognitivnyj i kommunikativnyj aspekty = Faith – trust – credibility: cognitive and communicative aspects [Tekst] / N. N. Panchenko // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – Tambov, 2008. – № 3. – S. 27-32.

12. Panchenko, N. N. Dostovernost' kak kommunikativnaja kategorija = Credibility as a communicative category [Tekst] : monografija / N. N. Panchenko; nauch. red. V. I. Shahovskij. – Volgograd : Izd-vo VGPU «Peremena», 2010. – 322 s.

13. Tumanov, G., Korobov, P. Vrag dolzhen byt' oboznachen = The enemy must be designated [Tekst] / G. Tumanov, P. Korobov // Kommersant#. – 2015. – № 181. – S. 3

14. Chernjavskaja, V. E. Intertekst i interdiskurs kak realizacija tekstovoj otkrytosti = Intertext and interdiscourse as implementation of textual openness [Tekst] / V. E. Chernjavskaja // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2004. – № 1. – S. 106-111.

15. Böhm, A. Wir warten auf das Ende / A. Böhm // Die Zeit – 2016. – № 50. –С. 4

16. Burger, H, Luginbühl, Martin. Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien / Burger Harald, Martin Luginbühl. – 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Berlin, 2014. – 532 с.

17. Jakobs, E-M: Textvernetzung in den Wissenschaften. Zitat und Verweis als Ergebnis rezeptiven, reproduktiven und produktiven Handelns / Eva-Maria Jakobs. – Tübingen, 1999. – 230 с.

18. Kallmeyer, W. Perspektiven auf Mediensprache und Medienkommunikation / W. Kallmeyer // Beiträge der Konferenz «Mediensprache als Objekt interdisziplinärer Forschungen» 25-27 Oktober 2001. Institut für Deutsche Sprache. – Mannheim, 2005. – С. 221-250.

19. Tempel, S., Stein, S. Der Iran braucht mehr Druck / S. Tempel, S. Stein // Die Zeit – 2016. – № 45. – С. 5.

20. Thurgood, G. The historical development of the Akha evidentials system / Graham Thurgood // Proceedings of the Seventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society – Berkeley, 1981. – 295 с.

21. Roß, J. Ein Inder rechnet ab / J. Roß // Die Zeit – 2017. – № 2. – С. 5.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10486
УДК 81'373

В. А. Белов https://orcid.org/0000-0002-4173-200

Семантический и прагматический факторы лексической изменчивости

В статье предложены и описаны ключевые факторы, влияющие на лексическую изменчивость имен существительных. Актуальность исследования связана с тем, что изменчивость является основным свойством языка. Однако этот процесс не описан в научной литературе исчерпывающе.

Гипотезой исследования стало предположение, что основными факторами лексической изменчивости имен существительных являются семантический и прагматический фактор. Источниками данных для работы выступили Национальный корпус русского языка, публикации в современных средствах массовой коммуникации за 2014-2019 гг., психолингвистический эксперимент на толкование новых слов, в котором приняло участие 45 человек, словари русского языка и статистика запросов в поисковой системе «Яндекс».

Семантический фактор связан с поиском наименования для обозначения предмета и детализации действительности. Данный фактор обусловлен потребностью в обозначении отсутствующего понятия в языке, его детализации или обобщения. Действие семантического фактора приводит к развитию иерархических синонимических отношений: новые слова становятся гипонимами или гиперонимами для имеющихся слов. Характер распространения изменений, вызванных семантическим фактором, зависит от социальной важности обозначенного этим словом явления.

Прагматический фактор выражает интенцию говорящего и его стремление воздействовать на слушателей. Этот фактор приводит к появлению эмоционально окрашенных слов, он наиболее ярко проявляется в социолектах и политическом дискурсе. Характер распространения прагматически ориентированных лексических изменений носит сложный характер. Действие прагматического фактора может привести к формированию широких синонимических связей по разным признакам.

Действие семантических и прагматических факторов отмечается для конкретных и абстрактных имен существительных. Лексические изменения всегда затрагивают синонимы и другие семантически близкие слова.

Ключевые слова: лексическая семантика, лексикология, лексическое значение, семантика имен существительных, изменение лексического значения, семантика, прагматика, синонимия, современная языковая ситуация.

LINGUISTICS

Russian language

V. A. Belov

Semantic and pragmatic factors of lexical variability

The paper is devoted to key factors of lexical changeability. The relevance of the research is related that lexical changeability is the main language property. However, the process of the lexical changeability has not been described exhaustively in linguistics. The research hypothesis is the assumption that there are two main factors of lexical changeability – semantic and pragmatic factors.

The data sources of research are data of Russian National Corpus, publications in modern mass-media (2014-2019 years), results of the psycholinguistic experiment, data of Russian dictionaries and data of Yandex search system statistics. In the psycholinguistic experiment 45 subjects took part: they explain given new words.

© Белов В. А., 2019

The semantic factor is associated with the search for names of real object and the detailed description of reality. This factor is caused by the human needs to name the missing concept in the language. The semantic factor develops hierarchical synonymic relations: new words become hyponyms or hyperonyms for existing words. The speed of semantic factor change depends on the social life.

The pragmatic factor expresses the speaker's intention and his influence on the audience. This factor is primarily concerned with emotional and evaluative words. It is most clearly manifested in sociolects and political discourse. The frequency of pragmatic factor change has complicated character. The pragmatic factor develops wide synonymic relation.

The concrete and abstract nouns can use the semantic and pragmatic factors. Lexical changes are always affected by synonymic and other semantic relations.

Keywords: lexical semantics, lexicology, lexicography, lexical meaning, semantics of nouns, change of lexical meaning, semantics, pragmatics, synonymy, modern language situation.

Введение

Для современного языкознания характерно внимание к истории языковых явлений, потому что такой подход позволяет объяснить, как функционирует язык: «Ответить на вопрос, почему данная языковая система устроена так, а не иначе – значит, фактически, ответить на вопрос, каким образом эта система возникла» [14, с. 354-355]. Изменчивость языка является одним из важнейших его свойств, поэтому функционирование языка невозможно без его изменений [1; 18; 24]. Так, Э. Косериу считает, что язык как творческая деятельность «непрерывно создается в ходе языковой деятельности» [10, с. 46]. Данная идея соответствует современным когнитивным представлениям о языковом инстинкте: носитель языка не усваивает систему языка механически, а создает ее заново [26].

В настоящей работе изучаются механизмы семантической изменчивости, которые, по словам В. Г. Гака, «всегда были одним из кардинальных вопросов языкознания» [3, с. 134].

Обзор литературы

Причинами лексических изменений принято называть внешние (социальные) и внутренние (имманентные, языковые) факторы. Внешние факторы связаны с изменениями в жизни общества (см. подробно [13; 16]), а внутренние факторы – с «усовершенствованием существующей системы языка» [11, с. 220]. Обычно к внутренним факторам относят приспособление к физиологическим особенностям человека, процессы экономии и аналогии [там же: 234-263]. Внутренними факторами для языковой личности также могут стать расширение когнитивного пространства и словарного запаса: эти процессы связаны с тем, что носитель языка под влиянием социализации меняет собственную языковую систему [19].

При этом выделение внешних и внутренних факторов подвергается критике: так, согласно выводам У. Лабова указанные факторы тесно связаны и их нельзя разделять [23]. Критика выделения этих факторов представлена также в работах [20; 22].

Таким образом, с одной стороны, разграничение на внутренние и внешние факторы изменчивости не в полной мере оправдано. С другой стороны, лексические новации, в том числе заимствования «свидетельствуют не только об объективной возросшей потребности в наименовании новых реалий или уточнении уже бытующих понятий, но и об особой психологической, мировоззренческой установке на восприятие иноязычных слов как более социально значимых» [9, с. 56].

Гипотезой нашей работы является предположение, что основными факторами лексической изменчивости являются семантический и прагматический фактор. Выдвинутая гипотеза появилась на основе существующего в семантике разграничения семантического (ситуативного, пропозиционального, диктумного) и прагматического (коммуникативного, упаковочного, модусного, оценочного) компонентов речевой деятельности ([1; 6; 7; 21]). Семантический фактор связан с ситуативным компонентом речевой деятельности: он выражает «основное информационное содержание, отображающее некоторую внешнюю ситуацию», а прагматический фактор связан с «упаковкой» ситуативного компонента: «Механизм компоновки, «упаковки» информации требует учета многих факторов, в частности квалификации событий по важности, новизне, желательности, близости и т. п. как отношении себя, так и в отношении слушающего» [7, с. 184, 201].

Методика исследования

Настоящее исследование опирается на следующие источники:

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в работе использовался основной

подкорпус, который насчитывает 209 миллионов словоформ из письменных текстов с XVIII в., и газетный подкорпус, содержащий тексты из средств массовой информации с 2000-х годов.

2. Публикации в современных средствах массовой коммуникации за 2014-2019 гг. Использовались Интернет-издания, а также электронные версии печатных изданий.

3. Психолингвистический эксперимент на толкование новых слов. В эксперименте приняли участие 45 человек, в основном студенты университета в возрасте от 19 до 35 лет. Состав испытуемых: 24 женщины, 13 мужчин, еще 8 участников эксперимента не указали пол. Испытуемым предлагалось раскрыть значение 12 специально отобранных слов и выражений, которые появились или изменили значение в последние 5 лет. Большая часть предложенных наименований касаются политических событий: *ополченцы, силовики, Крымнаш, бандеровцы* и др. Испытуемые могли пропустить слово, если они его не знали.

4. Словари русского языка, которые представлены в списке литературы.

5. Статистика запросов (ключевых слов) в поисковой системе «Яндекс» (wordstat.yandex.ru): данный сервис свидетельствует об общем количестве показов и запросов данного слова.

Результаты исследования

Семантический фактор

Семантический фактор связан с поиском наименования для обозначения предмета и детализации действительности. В работе [5] с опорой на концепцию Е. С. Кубряковой [12] этот фактор назван когнитивными; отмечается, что его действие приводит «к “высвечиванию” основных семантически значимых элементов вызываемого объекта, явления, действия или состояния» [14].

Семантический фактор свойственен не только конкретной лексике, но и абстрактной. Наиболее ярко он проявляется при заимствовании слов или значений. Хорошим примером недавней языковой инновации является синонимический ряд, состоящий из конкретных существительных *стоянка – парковка – паркинг*. Лексические изменения следует анализировать вместе с семантически связанными словами (синонимами), потому что появление нового слова, изменение его значения приводит также к деформации синонимических связей [5; 14]. Этот ряд не представлен в словарях синонимов, кроме словаря А. Ю. Кожевникова [8, т. II, с. 333]. Например, в современном словаре под редакцией Л. Г. Бабенко представлен синонимический ряд *стоянка, лагерь, стан, бивак, бивуак* со следующим толкованием:

Стоянка – место временного распоряжения воинского подразделения на отдых, привал, ночлег на пути следования в пункт назначения, обычно под открытым небом [17, с. 318].

Современное употребление слова *стоянка* заметно отличается от представленного толкования и, как правило, характеризует остановку и хранение автомобиля, о чем свидетельствуют высказывания из НКРЯ. Так, в газетном подкорпусе НКРЯ не фиксируется употребление слова в значении, связанном с расположением на отдых.

Изменение значения этого синонимического ряда началось с заимствования слова *парковка*, до этого момента слово *стоянка* не имело синонимов в значении *стоянка транспорта*. Как показывает НКРЯ, неологизм стал активно использоваться в русской речи с 2008 года (единичные употребления фиксируются с 1993 года). Новое слово можно истолковать как *место для остановки и хранения автомобиля* (см. реализацию этого значения в (1). Это значение отличается от понимания слова *стоянка*, данного в МАС.

Появление синонима *парковка* изменило значение слова *стоянка*, которое теперь также можно понимать как *место для остановки и хранения транспорта* (см. (2).

(1) *– Не был бы ты сыном босса – я б тебе сказал, кто ты такой, – проворчал себе под нос Химин, выворачивая к шлагбауму, перекрывающему въезд на* ***парковку*** [НКРЯ, А. Маринина, 2014].

(2) *Для того чтобы повзрывать все эти автомобили, никого не убив и не ранив, нужно было иметь самые точные сведения о графике перемещения их хозяев, не говоря уже о прочих сложностях, типа охраняемых гаражей и* ***стоянок*** [НКРЯ: В. Белоусова, 2000].

(3) *Здание состоит из трех частей (морская, городская, а также* ***паркинг****), соединенных площадью* [НКРЯ: И. Воробьева, РБК Дейли, 2013].

(4) *Под комплексом должна появиться* ***трехуровневая подземная парковка*** *площадью 4,8 тыс. кв. м на 122 машино-места* [НКРЯ: А. Голубева, Н. Агеева, «РБК Дейли», 2012].

Второй этап семантических изменений этого синонимического ряда связан с заимствованием слова *паркинг*. Отметим, что у этого слова пока низкая частотность: всего 88 употреблений лексемы в основном подкорпусе; 868

употреблений – в газетном подкорпусе. Неологизм обозначает не просто место для хранения транспорта, но здание или его часть, предназначенную для парковки (см. (3). При этом слова *парковка* и *паркинг* могут реализовать схожие значения: например, в (4) слово *парковка* реализует значение, связанное со зданием. Таким образом, можно сделать вывод, что данные слова не в полной мере дифференцировались. Заимствование вызвано семантическими причинами, стремлением более точно обозначить ситуацию действительности.

Семантический фактор четко выражен в социалектах, что приводит к появлению новых слов, которые обозначают отсутствующие в литературном языке понятия. Например, носителям тюремного жаргона важные такие аспекты наименований, которые не существует в литературном языке, как спецификация воров: *карманник, щипач, форточник.* Данные наименования требуются для детализации объектов.

В абстрактной лексике семантический фактор отмечен в употреблении слова *шопинг,* которое значительно чаще встречается в газетном подкорпусе НКРЯ (676 употреблений), чем в основном подкорпусе (108 употреблений). Однако в повседневной речи данное слово оказывается распространено, о чем свидетельствуют данные запросов системы «Яндекс»: среднемесячное количество запросов составляет более 105 тысяч. Первые употребления слова в НКРЯ отмечаются в 1996 году, но после 2006 года количество использований слова значительно увеличивается. Как отмечалось ранее, частотность употребления слова чрезвычайно важна для лексических изменений [28].

Появление этого слова заполняет лакуну, связанную с обозначением процесса посещения магазинов и покупок. В современном словаре представлено следующее толкование:

Шопинг – посещение магазинов с целью покупки вещей или продуктов (обычно за границей и в больших количествах) [4].

В представленном толковании сделано уточнение, что слово употребляется для обозначения заграничных покупок, а также покупок в больших объемах. Однако высказывания из корпуса показывают, что слово встречается для наименования покупок в России (см. высказывание из газетного подкорпуса (5); шопингом также могут называться небольшие покупки (см. пример из основного подкорпуса (6).

(5) *Хотя по моим наблюдениям, публика в Москве всем видам культурного досуга предпочитает* ***шопинг*** [НКРЯ: Д. Завгородняя, «Комсомольская правда», 2014].

(6) *Она достаточно вместительна для небольшого* ***шопинга*** *и вполне изящна, чтобы ходить с ней на свидания* [НКРЯ: Неизвестный автор, «Русский репортер», 2014].

(7) *Смартфон – наиболее популярное устройство для мобильных покупок: 66 % опрошенных утверждают, что пользуются такими аппаратами для мобильного* ***шопинга*** [НКРЯ: Неизвестный автор, «Эксперт», 2014].

(8) *Деньги я трачу в основном на* ***шопинг*** *– на себя и на девушку* [НКРЯ: С. Скарлош, «Русский репортер», 2010].

Можно говорить, что благодаря тому, что слово *шопинг* активно используется в современной речи, оно расширяет значение. Так, словом может называться не только посещение магазинов, но и покупки по телефон и через Интернет, которые не требуют физического посещения магазина (см. (7). Таким образом, слово стало обладать широким значением в современной речи, поэтому способно обозначать любые покупки (см. (8). Активное распространение слова может быть связано с современным укладом, где приобретение товаров является важной частью жизни. Первоначально слово обладало некоторым оценочным потенциалом, однако постепенно он был утрачен.

Еще одним примером действия этого фактора является неологизм *силовик,* который демонстрирует другую тенденцию – стремление к обобщению. Новое слово появилось в 1990-х годах для обозначения представителей силовых ведомств (полиции, армии и спецслужб); рост популярности приходится на 2000-е. Согласно сведениям НКРЯ слово употребляется преимущественно в СМИ: его частотность в газетном подкорпусе (5 613 употреблений лексемы) значительно выше, чем в основном подкорпусе (820 употреблений лексемы).

В русском языке отсутствовало родовое наименование для представителей полиции, прокуратуры, армии, Федеральной службы безопасности и других специальных служб. Пример реализации значения слова представлен в в (9) из НКРЯ, а также в толковании, данном испытуемыми в эксперименте (10-11).

(9) ***Силовики****, в том числе и Генеральный прокурор, подчинены ему напрямую* [НКРЯ: Ж. Касьяненко, «Советская Россия», 2003].

(10) *представители министерства обороны* [Ис п. 3].

(11) *группа людей, служащие в какой-либо военной организации, занимающиеся силовыми заданиями* [Ис п. 16].

Таким образом, важным мотивом для лексических изменений является потребность в обозначении отсутствующего понятия в языке, которая проявляется как в детализации, так и в обобщении имеющихся понятий. У слов, появившихся таким образом, выражены вертикальные семантические связи, предполагающие отсылку к более общему или конкретному понятию.

Прагматический фактор

Прагматический фактор связан с наименованием явления действительности в зависимости от интенции говорящего, его точки зрения. В этих случаях носитель языка стремится не столько обозначить предмет действительности, сколько выразить свое отношение, повлиять на слушателя. Данный фактор в работе называется прагматическим в соответствии с предложенным Ч. Моррисом [25] пониманием прагматики как отношений между знаками и их интерпретаторами.

Примером действия прагматического фактора может являться появление эмоционально окрашенных и стилистически ограниченных слов. Сниженные слова *косяк* и *геморрой (гемор)* активно употребляются в нейтральной речи, в том числе газетной. В газетном подкорпусе зафиксировано более 130 употреблений лексемы *косяк* в значении ошибка: см. (12). Сколько же употреблений в газетном подкорпусе лексемы *геморрой (гемор)* в значении *проблема*; см. (13). Употребление этих слов не оправдано с точки зрения семантического фактора: в литературном языке имеются их полноценные синонимы. Во всех представленных контекстах допустимы замены на нейтральные синонимы *проблема* и *трудность*.

(12) *Для исправления ошибки к уведомлению приложат особую анкету. Наиболее частый* ***косяк*** *– налог на авто, которое вы давно продали* [НКРЯ: Е. Арсюхин, «Комсомольская правда», 2012].

(13) *Просто* ***геморрой****: бегать, искать сберкассу, искать формы заполнения квитанции о штрафе…* [НКРЯ: О. Нагайцева, «Комсомольская правда», 2012].

При этом одновременно с формированием оценки может происходить семантическое приращение: так, при использовании слов *косяк* и *геморрой (гемор)* чаще всего речь идет о серьезных, значительных ошибках и проблемах. Как отмечает Е. М. Вольф, оценочные структуры имеют два семантических аспекта: собственно оценка и признак объекта как таковой [2, с. 276]. Поэтому в определенных случаях прагматический и семантический факторы могут действовать одновременно. Например, синкретичность свойственна слову *бутик:* у этого слова выраженная положительная оценка, которая совмещается с обозначением отдельного вида магазина – дорогого и, как правило, небольшого. См. (14), где реализовано значение *дорогой*, и (15) с реализацией значения *небольшой*.

(14) *Небольшие булочные, магазинчики, парикмахерские буквально вымываются из центра, уступая место* ***дорогим бутикам*** [НКРЯ: Л. Мещанинова, «Время МН», 2003].

(15) *Небольшой* ***бутик*** *на Знаменке представляет дизайнерскую обувь ручной работы и аксессуары для мужчин* [НКРЯ: В. Гудкова, РБК Дейли, 2013].

В целом практически любое заимствование мотивировано прагматически, потому что оно имеет более высокий прагматический статус. Примерами таких слов могут стать англицизмы *фреш, фрик, фиш*, которые активно используются не только в жаргоне, но и в газетной речи (см. примеры из газетного подкорпуса (16-18).

(16) Смотрю веб-трансляцию, попивая апельсиновый ***фреш*** *и ловлю себя на мысли – все же хорошо, что придумали веб-камеры – мы видим всю Россию!* [НКРЯ: А. Логутков, «РИА Новости», 2012].

(17) К слову, выглядит девушка, как настоящий ***фрик*** *– то у нее на голове белая чалма, то огромная жатая накидка с длинным «хвостом»* [НКРЯ: Е. ЛАПТЕВА, «Комсомольская правда», 2009].

(18) Ученые пришли к неутешительному заключению: всего в одной порции фастфуда, будь то кебаб, ***фиш*** *энд чипс (жареная рыба с картошкой фри)* [НКРЯ: Е. Люльчак, «РБК Daily», 2008].

Прагматический фактор наиболее ярко проявляется в молодежном сленге и политическом дискурсе, для этих типов речи чрезвычайно важны оценочность и воздействие на слушателей. Далее разберем несколько слов из политической сферы. Ярким примером чрезвычайного быстрого изменения семантического облика становится слово *бандеровцы*, которое не является частотным в русском языке: в основном корпусе НКРЯ фиксируется лишь 160 употреблений лексемы, в

газетном подкорпусе НКРЯ – 323 употребления. Однако в период российско-украинского кризиса под влиянием политических событий, частотность лексемы резко возрастает, о чем статистика ключевых слов в «Яндексе», слово *бандеровец* стало популярным в России: так, в 2015 году среднемесячное количество запросов составило 53 тысячи, а в 2019 году – 35 тысяч. Таким образом, эта лексическая единица была взята из пассивного лексикона и при этом была переосмыслена. В текстах НКРЯ, представленных до 2013 года, слово используется в историческом плане, для описания событий Великой отечественной войны (см. (19).

(19) *Запившиеся до лютости* ***бандеровцы*** *схватили нестроевиков, истыкали их ножами, привязали веревками к буферу машины, выпустили из бака бензин* [В. Астафьев, 1974].

Слово имеет большой прагматический (оценочный) потенциал, который используется в настоящее время. Об оценочности слова свидетельствуют высказывания участников эксперимента на толкование слов: они определяют слово с помощью реакций *фашист, националист* (см. (20-21). Прагматический фактор является главным при выборе наименования *бандеровец* для обозначения радикально настроенных украинских активистов в современных текстах. В этом значении слово *бандеровец* вступает в синонимические отношения с достаточно широким кругом слов. Скорее всего, прагматические факторы в целом формируют более широкую сеть взаимосвязанных слов, в то время как семантические факторы связывают слова по степени абстрактности и детализации понятий.

По результатам эксперимента, анализируемое слово становится синонимично лексемам *фашист, националист* (общности по идеологии), *укр, хохл, украинец* (общность по национальности), *борец, боец* (общность по типу действий). См. несколько толкований испытуемых (20-23).

(20) *фашисты, укры, хохлы* [Ис п. 23].

(21) *борцы за освобождение украинского народа* [Ис п. 11].

(22) *бойцы украинской армии* [Ис п. 2].

(23) *радикально настроенные сторонники новой власти Украины глазами властных органов РФ* [Ис п. 12].

Как видно, слово расширяет первоначальное значение, связанное с идеологией Бандеры, и представляет украинских военных, радикально настроенных украинцев и даже украинцев в целом. Можно говорить о приращении компонентов значения, активизированных в конкретных высказываниях (см. подробно об этом [27]).

Изменение и расширение значения возможно благодаря активному использованию слова в современном дискурсе, зарегистрированному с 2014 года. В подобных случаях языковая частотность и распространенность предмета не имеет ключевой значимости для носителей языка; использование в речи прагматически ориентированных единиц может нести сложный, нелинейных характер. Напротив, при действии семантического фактора распространенность предмета в жизни непосредственно влияет на частотность слова. Процесс распространения прагматически ориентированных единиц можно сравнить с *вирусным распространением*: теории маркетинга таким термином описывается быстрое продвижение сообщений, которое основывается на бурном развитии информационных технологий и которое характерно для ярких, оценочных, творческих сообщений. Для этого способа свойственен очень быстрый темп распространения, близкий к геометрической прогрессии. Таким образом, прагматический фактор приводит к быстрым лексическим изменениям, которые могут затрагивать широкий круг слов.

Заключение

В работе были выделены и описаны семантический и прагматический факторы, влияющие на лексическую изменчивость. Семантический фактор связан с поиском наименования для более точного описания действительности. Лексические изменения, вызванные действием этого фактора, как правило, определяются социальной жизнью, распространенностью тех или иных понятий в жизни. Новые слова часто заполняют имеющиеся лакуны в иерархических семантических отношениях, что приводит к появлению гипонимов и гиперонимов.

Прагматический фактор связан с выражением отношения говорящего к сообщению и воздействием на слушателя. Распространение в речи новых единиц может иметь сложный, нелинейных характер: в подобных случаях частотность не имеет ключевого значения значимости.

Библиографический список

1. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

2. Вольф, Е. М. Варьирование в оценочных структурах [Текст] / Е. М. Вольф // Семантическое и формальное варьирование / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Наука, 1979. – С. 273-294.

3. Гак, В. Г. Рецензия Р. А. Будагов История слов в истории общества [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1973. – № 1. – С. 134-138.

4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000.

5. Заботкина, В. И. К вопросу о когнитивной неологии [Текст] / В. И. Заботкина // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – С. 337-349.

6. Касевич, В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. : т. 1 [Текст] / В. Б. Касевич. – СПб. : Издательство СПбГУ, 2006. – 664 с.

7. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] / А. Е. Кибрик. – М. : УРСС, 2005. – 336 с.

8. Кожевников, А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник : в 2 т. [Текст] / А. Ю. Кожевников. – СПб. : ОЛМА Медиа Групп, 2003.

9. Козырев, В. А. Свое и чужое: заимствованное слово в современной речи [Текст] / В. А. Козырев, В. Д. Черняк // Вестник Герценовского университета. – 2007. – № 3 (41). – С. 54-59.

10. Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история. Проблема языкового изменения [Текст] / Э. Косериу. – Из д. 3-е. – М. : УРСС, 2010. – 208 с.

11. Кубрякова, Е. С. Язык как исторически развивающееся явление [Текст] / Е. С. Кубрякова // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / под. ред. Б. А. Серебренникова. – М. : Наука, 1970. – С. 197-307.

12. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

13. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание [Текст] / Б. А. Ларин. – М. : Просвещение, 1977. – 224 с.

14. Левицкий, А. Э. Горизонты развития неологии XXI века [Текст] / А. Э. Левицкий // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М. : Языки славянской культуры, 2009. – С. 350-364.

15. Плунгян, В. А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) [Текст] / В. А. Плунгян // Семиотика и информация. – М., 1988. – Вы п. 36. – С. 324-386.

16. Поливанов, Е. Д. Избранные работы: Труды по восточному и общему языкознанию [Текст] / Е. Д. Поливанов. – М. : Наука, 1991. – 624 с.

17. Современный словарь русского языка. Синонимы: более 5000 синонимических рядов: о к. 30 000 слов-синонимов [Текст] / под общей ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ : Астрель, 2011. – 829 с.

18. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : УРСС, 2004. – 432 с.

19. Трипольская, Т. А. Динамические процессы в лексиконе языковой личности [Текст] / Т. А. Трипольская, Е. А. Гончарова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – Т. 4. – № 3. – С. 57-67.

20. Blank, A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change / A. Blank // Historical Semantics and Cognition / Eds. A. Blank, P. Koch. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 61-90.

21. Chafe, W. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View / W. Chafe // Subject and Topic / Ed. by Ch. Li. – New York, Academic Press, 1976. – P. 27-55.

22. Grzega, J. English and general historical lexicology: materials for onomasiology seminars / J. Grzega, M. Schöner. – Ingolstadt : Katholische Universität Eichstätt, 2007. – 73 p.

23. Labov, W. On the mechanism of linguistic change / W. Labov // Georgetown Monographs on Language and Linguistics. – Georgetown : Georgetown University, 1965. – N. 18. – P. 91-114.

24. Martinet, A. Structural Variation in Language / A. Martinet // Preprints of Papers for 9-th International congress of linguists. – Cambridge, Cambridge University, 1962. – P. 501-508.

25. Morris, Ch. Writings on the General Theory of Signs / Ch. Morris. – Mouton : The Hague, 1971. – 488 p.

26. Pinker, S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language / S. Pinker. – New York: HarperPerennial, 1994. – 546 p.

27. Traugott, E. From less to more situated in language: the unidirectionality of Semantic change / E. Traugott // Papers from the Fifth International Conference on English Historical Linguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1990. – P. 496-517.

28. Wijaya, D. Understanding semantic change of words over centuries / D. Wijaya R. Yeniterzi // Proceedings of the 2011 international workshop on DETecting and Exploiting Cultural diversity on the social web. – Glasgow, 2011. – P. 35-40.

Reference List

1. Balli, Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and issues on French language [Tekst] / Sh. Balli. – M. : Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. – 416 s.

2. Vol'f, E. M. Var'irovanie v ocenochnyh strukturah = Variation in evaluation structures [Tekst] / E. M. Vol'f // Semanticheskoe i formal'noe var'irovanie / pod. red. V. N. Jarcevoj. – M. : Nauka, 1979. – S. 273-294.

3. Gak, V. G. Recenzija R. A. Budagov Istorija slov v istorii obshhestva = Review by R. A. Budagov History of words in society history [Tekst] / V. G. Gak // Voprosy jazykoznanija. – 1973. – № 1. – S. 134-138.

4. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: V 2-h t. = A new dictionary of Russian. Interpretative: In 2 vol. [Tekst] /

T. F. Efremova. – M. : Russkij jazyk, 2000.

5. Zabotkina, V. I. K voprosu o kognitivnoj neologii = To the question on cognitive neology [Tekst] / V. I. Zabotkina // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. – S. 337-349.

6. Kasevich, V. B. Trudy po jazykoznaniju: v 2 t. : t. 1 = Works on linguistics: in 2 v.: v. 1 [Tekst] / V. B. Kasevich. – SPb. : Izdatel'stvo SPbGU, 2006. – 664 s.

7. Kibrik, A. E. Ocherki po obshhim i prikladnym voprosam jazykoznanija = Essays on general and applied questions in linguistics [Tekst] / A. E. Kibrik. – M. : URSS, 2005. – 336 s.

8. Kozhevnikov, A. Ju. Bol'shoj sinonimicheskij slovar' russkogo jazyka. Rechevye jekvivalenty: prakticheskij spravochnik: v 2 t. = A large synonymous dictionary of Russian. Speech equivalents: solution-focused reference: in 2 vol. [Tekst] / A. Ju. Kozhevnikov. – SPb. : «OLMA Media Grupp», 2003.

9. Kozyrev, V. A. Svoe i chuzhoe: zaimstvovannoe slovo v sovremennoj rechi = Own and strange: a borrowed word in modern speech [Tekst] / V. A. Kozyrev, V. D. Chernjak // Vestnik Gercenovskogo universiteta. – 2007. – № 3 (41). – S. 54-59.

10. Koseriu, Je. Sinhronija, diahronija i istorija. Problema jazykovogo izmenenija = Synchrony, diachrony and history. Problem of language change [Tekst] / Je. Koseriu. – Izd. 3-e. – M. : URSS, 2010. – 208 s.

11. Kubrjakova, E. S. Jazyk kak istoricheski razvivajushheesja javlenie = Language as a historically developing phenomenon [Tekst] / E. S. Kubrjakova // Obshhee jazykoznanie: Formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka / pod. red. B. A. Serebrennikova. – M. : Nauka, 1970. – S. 197-307.

12. Kubrjakova, E. S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and knowledge. On the way to learning language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in comprehending the world [Tekst] / E. S. Kubrjakova. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 560 c.

13. Larin, B. A. Istorija russkogo jazyka i obshhee jazykoznanie = History of the Russian language and general linguistics [Tekst] / B. A. Larin. – M. : Prosveshhenie, 1977. – 224 s.

14. Levickij, A. Je. Gorizonty razvitija neologii XXI veka = Horizons of neology development in the XXI century [Tekst] / A. Je. Levickij // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. – S. 350-364.

15. Plungjan, V. A. Problemy grammaticheskogo znachenija v sovremennyh morfologicheskih teorijah (obzor) = Problems of grammatical significance in modern morphological theories (a review) [Tekst] / V. A. Plungjan // Semiotika i informacija. – M., 1988. – Vyp. 36. – S. 324-386.

16. Polivanov, E. D. Izbrannye raboty: Trudy po vostochnomu i obshhemu jazykoznaniju = Selected works: Works on eastern and general linguistics [Tekst] / E. D. Polivanov. – M. : Nauka, 1991. – 624 s.

17. Sovremennyj slovar' russkogo jazyka. Sinonimy: bolee 5000 sinonimicheskih rjadov: ok. 30 000 slov-sinonimov = Modern dictionary of the Russian language. Synonyms: more than 5,000 synonymous series: appr. 30,000 word synonyms [Tekst] / pod obshhej red. prof. L. G. Babenko. – M. : AST : Astrel', 2011. – 829 s.

18. Sossjur, F. Kurs obshhej lingvistiki = Course of general linguistics [Tekst] / F. de Sossjur. – M. : URSS, 2004. – 432 s.

19. Tripol'skaja, T. A. Dinamicheskie processy v leksikone jazykovoj lichnosti = Dynamic processes in a language personality's lexicon [Tekst] / T. A. Tripol'skaja, E. A. Goncharova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2014. – T. 4. – № 3. – S. 57-67.

20. Blank, A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical Semantic change / A. Blank // Historical Semantics and Cognition / Eds. A. Blank, P. Koch. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 61-90.

21. Chafe, W. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View / W. Chafe // Subject and Topic / Ed. by Ch. Li. – New York, Academic Press, 1976. – P. 27-55.

22. Grzega, J. English and general historical lexicology: materials for onomasiology seminars / J. Grzega, M. Schöner. – Ingolstadt : Katholische Universität Eichstätt, 2007. – 73 p.

23. Labov, W. On the mechanism of linguistic change / W. Labov // Georgetown Monographs on Language and Linguistics. – Georgetown : Georgetown University, 1965. – N. 18. – P. 91-114.

24. Martinet, A. Structural Variation in Language / A. Martinet // Preprints of Papers for 9-th International congress of linguists. – Cambridge, Cambridge University, 1962. – P. 501-508.

25. Morris, Ch. Writings on the General Theory of Signs / Ch. Morris. – Mouton : The Hague, 1971. – 488 p.

26. Pinker, S. The Language Instinct: How the Mind Creates Language / S. Pinker. – New York: HarperPerennial, 1994. – 546 p.

27. Traugott, E. From less to more situated in language: the unidirectionality of Semantic change / E. Traugott // Papers from the Fifth International Conference on English Historical Linguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1990. – P. 496-517.

28. Wijaya, D. Understanding semantic change of words over centuries / D. Wijaya R. Yeniterzi // Proceedings of the 2011 international workshop on DETecting and Exploiting Cultural diversity on the social web. – Glasgow, 2011. – P. 35-40.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10487
УДК 81

Н. А. Герасименко https://orcid.org/0000-0002-4748-1388
М. А. Степанчиков https://orcid.org/0000-0001-9538-8797

Оценка в газетном тексте: об одной форме выражения оценочных значений

В статье рассматривается одна из актуальных и продуктивных в современном русском языке синтаксических форм выражения семантики оценки – бисубстантивное предложение. Обосновывается необходимость уделять внимание данному типу предложений при изучении русского языка как иностранного, так как в его структуре отсутствует глагол, грамматические значения выражаются при помощи связок, среди которых важное место занимает нулевая форма связки *быть*. В русской синтаксической картине мира бисубстантивные предложения занимают место среди основных средств выражения мыслительных операций, производимых говорящим, в том числе для выражения логической операции оценивания.

На примере современных печатных газетных текстов рассмотрены некоторые способы представления оценочных смыслов: введение в состав связочно-субстантивного сказуемого имён прилагательных в разных формах; использование наречий со значением степени; употребление некоторых связок. Проведённый анализ позволяет показать возможности выражениях оценки и её интенсификации в современном русском языке.

Бисубстантивное предложение активно функционирует в языке средств массовой информации для выражения разных значений, среди которых оценочное значение занимает важное место. Говорящий в процессе приписывания характеризующего признака субъекту так или иначе проявляет своё ценностное отношение к субъекту, то есть выражает оценку. Для печатных СМИ важно привлечь к определённым людям, явлениям, ситуациям внимание читателей, воздействовать на их сознание. Этому способствуют оценочные высказывания.

В статье описаны типичные для русского языка формы выражения оценки, активно функционирующие в языке газеты, которые могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: бисубстантивное предложение; газета; связочно-субстантивное сказуемое; семантика характеризации; оценка; язык СМИ.

N. A. Gerasimenko, M. A. Stepanchikov

Assessment in a newspaper text: on one form of expressing evaluation meanings

The article is devoted to one of the important and productive syntactic forms of expressing the semantics of evaluation in modern Russian – a bisubstantive sentence. The need to pay attention to this type of sentences in the study of the Russian language as a foreign language is justified, since there is no verb in its structure, grammatical meanings are expressed with the help of copulas, among which the special form of the copula bit'. In the Russian syntactic worldview bisubstantive sentences take their place among the main means of expressing the thinking operations performed by the speaker, including expressing the logical operation of evaluation.

On the example of modern newspaper texts, some ways of representing valuation meanings are considered: the introduction of adjectives in various forms in the copula-substantive predicate; use of adverbs with a degree value; use of some copulas. This analysis allows us to show the possibilities of evaluation expressions and its intensification in the modern Russian language.

The bisubstantive sentence functions actively in the language of the mass media for expressing different meanings, among which the evaluation occupies an important place. The speaker in the language in the process of attributing a characterizing attribute to a subject, one way or another demonstrates its value attitude toward the subject, that is, expresses an evaluation. For mass media it is important to attract the attention of readers to certain people, phenomena, situations, to influence their consciousness. This is supported by evaluation sentences.

The article describes typical forms of expression for the Russian language, actively functioning in the language of the newspaper, which can be used in the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: bisubstantive sentence; newspaper; copula-substantive predicate; characterization semantics; evaluation; the language of the mass media.

Оценочные значения в русском языке составляют значительный пласт семантики, пронизывающий всю систему смыслов русского языка и отражающий ценностное отношение человека к действительности (см. Н. Д. Арутюнова [1]; О. А. Корнилов [8]; Т. В. Маркелова [9] и др.).

© Герасименко Н. А., Степанчиков М. А., 2019

«Ценность выступает как специфическая категория именно человеческого типа освоения действительности и заключается в значимости, особой выделенности (маркированности) каких-то вещей для нас – значимости любого рода: биологической или психологической, утилитарной или моральной, интеллектуальной или эстетической. Значимость определяется установлением специфического отношения к чему-либо в поле так называемой «шкалы оценочности»: *хорошо – нейтрально – плохо*» [13, с. 99].

Для представителей разных народов характерно неодинаковое ценностное отношение к явлениям действительности, качествам личности, особенностям поведения. Поэтому понимание языковой категории оценки и выявление средств её выражения в русском языке оказывается важным при обучении русскому языку как иностранному. В практике преподавания русского языка иностранным учащимся могут возникать проблемы с правильным толкованием выраженной в тексте значимости того или иного явления для говорящего. Знание типичных форм выражения ценностных смыслов, важных для русской языковой картины мира, облегчает их понимание, позволяет увидеть некоторые формальные показатели оценочности. Актуальной и активно использующейся формой выражения ценностного отношения являются бисубстантивные предложения [4]. Особенности структуры бисубстантивных предложений (БП), представленной в предикативном ядре двумя именами существительными (или их эквивалентами) при участии связки, позволяют выражать аксиологические смыслы высказывания, так как приспособлены русским языком для выражения преимущественно характеризующих значений, в которые оценка вплетается как непременный компонент семантики: *Конечно,* ***болезнь*** *–* ***жестокий враг*** (КП, 23.07.2015); ***Отсутствие*** *собственных воспитанников – это* ***беда*** *не одного клуба, а всего российского футбола* (Известия, 19.11.2013). И. Б. Шатуновский, рассуждая о взаимодействии оценок и мыслей в языке, отмечает «чрезвычайную сложность этой чрезвычайно многообразной и неоднородной области, где соединяются и взаимодействуют объективное и субъективное начала, внешний мир погружается во внутренний мир человека и отражается, преломляется в нём через призму его взглядов, ощущений, мнений, потребностей и интересов» [15, с. 386].

Цель данной статьи охарактеризовать одно из наиболее продуктивных синтаксических средств выражения оценки в текстах современных газет – бисубстантивное предложение. Материалом исследования стали тексты известных в России печатных периодических изданий (см. список источников языкового материала). Примеры отбирались ручным способом из газет 2012-2018 гг, использовались также материалы НКРЯ [10].

Оценка представляет собой субъективную категорию, она «зависит от времени, когда она производится», «более, чем какое-либо другое значение, зависит от говорящего субъекта», «выражает личные мнения и вкусы говорящего», «социально обусловлена» [1, с. 6]: *Ещё больше смущает тот факт, что сам* ***основатель*** *пирамиды* [Сергей Мавроди – Н. Г., М. С.] ***был и остаётся бессребреником*** (КП, 23.07.2015); Я считаю, что **он** [Евгений Примаков – Н. Г., М. С.] **один из лучших специалистов** по Ближнему Востоку (МК, 21.12.2012). Субъективность оценочных значений, связанная с тем, что значимость тех или иных явлений определяется личными и групповыми интересами членов социума, становится фактором оказания влияния на них, что отражается в языке СМИ, в частности в текстах газеты. Тексты СМИ – индикатор, показывающий язык в его естественной форме, – содержат большое количество оценочных высказываний.

«Языковая экспликация мира ценностей в менталитете проявляется в иерархически организованной совокупности ключевых ценностно значимых концептов (культурных концептов, аксиологем, культурем, идиологем), у которых ценностно окрашенная семантика входит в номинативное содержание языковых единиц, а также в языковых и в экстралингвистических (культурных) коннотациях, закрепленных в узусе за определёнными словами и выражениями» [13, с. 100]. В данной работе бисубстантивное предложение рассматривается как одно из средств выражения ценностного отношения, в котором синтаксическая форма способствует выражению оценки. Соотношение двух имён существительных в грамматической основе БП позволяет имени, оказавшемуся в характеризующей позиции, позиции предиката, актуализировать имплицитно представленные в семантике слова признаковые семы [5]. Семантика характеризации, так или иначе отражённая в БП, становится основой для выражения оценочных значений как добавочных, наслаивающихся на основное характеризующее значение, или основных, если в существительном-предикате оценочное значение является основным номинативным: ***Рудольф Панков*** *–* ***один из корифеев*** *отечественного дубляжа* (КП, 16.07.2015). – Корифей – (высок.) выдающийся деятель на каком-нибудь поприще [11: 248]; *Я*

*был просто в шоке – **он** же настоящий **подлец**!* (Известия, 22.01.2014). – Подлец – подлый человек, негодяй [11: 348]; *Его отец **Александр III был** откровенный **мракобес**…* (МК, 08.12.2012) – Мракобес – (презр.) реакционер, враг прогресса, культуры и науки [11, с. 304].

Подчёркивает возможность выражения субъективных (в том числе оценочных) значений эксплицитно выраженная или имплицитно представленная в структуре бисубстантивного предложения позиция автора оценки. Это характерная особенность БП, связанная с их предназначенностью для выражения мыслительных операций, производимых говорящим, среди которых обозначение ценностного отношения занимает ведущее место. В газетном тексте в основном выражается мнение автора публикации, его понимание значимости описываемого явления, основанное на определённом знании: *Бездомных кошек в краснодарском парке много, но именно трёхцветная **мурка стала** настоящей **звездой*** (КП, 28.08.2014) – автор знает, что окрас кошки повлиял на её известность; ***Клуб** из Льежа – крепкий **середняк** европейского футбола* (МК, 09.08.2014) – оценочное высказывание основано на знании иерархических отношений внутри европейского футбола; ***Замедление** роста и **начало** снижения выручки – общая **беда** сотовых операторов* (Ведомости, 18.02.2016) – основанием стало знание экономической ситуации в сфере бизнеса. В таких случаях позиция автора оценки остаётся незамещённой. Её имплицитность определяется общим контекстом публикации, в котором авторство характеристик и оценок принадлежит журналисту.

В зависимости от жанра оценочные высказывания могут отражать ценностное отношение других лиц. Особенно заметно это проявляется в жанре интервью, где автор стремится выявить и передать позицию интервьюируемого: ***Я считаю**, что Стриженов – большой, великий актёр* (МК, 09.08.2014); ***Все понимали**, что он великий человек* (КП, 23.07.2015); *Допустим, **для меня** Наполеон – очень плохой человек, грабитель и разоритель народов* (Известия, 20.02.2014); *С другой стороны, **у нас** существует миф о том, что сокращение населения – это беда* (КП, 02.06.2013); ***Для буров** я фигура легендарная* (МК, 09.08.2014). Авторство оценки представлено эксплицитно в форме предикативной части сложного предложения (*я считаю, все понимали*); в позиции второстепенного члена со значением оценивающего субъекта (*для меня, у нас, для буров*). К числу активных средств выражения авторства оценки в БП относятся вводные компоненты с соответствующим значением: ***По словам Екатерины**, та лечебница напоминала скорее тюрьму, чем больницу* (КП, 28.08.2014); ***По мнению составителей доклада**, Россия стремится доказать, что она является ключевой мировой державой, но «её экономика говорит об обратном»* (Ъ, 30.01.2016); ***Как стало известно «Ведомостям»**, бывший совладелец «Вимм-билль-данна» мультимиллионер Сергей Пластинин стал топ-менеджером убыточной «РАО ЭС Востока»* (Ведомости, 18.02.2016). Для СМИ важно, чья оценка представлена в тексте. Субъектный распространитель называет лицо или группу лиц, которые выражают ценностное отношение: *Этот персонаж **для вас** – изученная книга?* (АиФ, 10.10.2012); ***Для зрителей** они единственный шанс вживую увидеть сборную* (Известия, 28.09.2012).

Одним из наиболее распространённых способов выражения оценки в бисубстантивных предложений является включение в состав связочно-субстантивного сказуемого [4] оценочных прилагательных *хороший/плохой*: *Вячеслав Тихонов – **хороший актёр**, но у Стриженова проба была лучше* (МК, 09.08.2014); *В общем, **хорошие** они **были люди**, эти бабушки, – Катя и Надя* (МК, 18.12.2014); *Я – **плохой отец*** (КП, 21.04.2014). Оценка в подобных конструкциях выражается эксплицитно и представляет собой субъективный взгляд автора высказывания. Однако в газетном тексте важно подчеркнуть объективность ценностного отношения, для чего приводится соответствующая аргументация: *У Худилайнера есть влиятельные покровители, он **плохой политик**, не умеет работать с общественным мнением, **но его стиль как раз вписывается в нынешний – всё доводит до конца и ломает через колено*** (Ведомости, 18.02.2016). Подвергаться оценке может не только лицо, но и событие, процесс, предмет: *Змеиный массаж, как ни странно, – **хорошее средство** избавления от тревоги* (КП, 21.08.2014); *Примечательно, что в начале двухтысячных президент дважды не смог попасть на Святую гору, и многие решили, что это **хороший знак*** (МК, 27.05.2016).

Значительное место в тексте газеты занимает эмоциональная оценка (о видах оценки см. Н. Д. Арутюнова [1, 2]; Е. М. Вольф [3]; А. А. Ивин [6]; А. Ортони и др. [12]; и др.). Прилагательные с эмоциональным оценочным значением включаются в состав связочно-субстантивного сказуемого как обязательный его компонент: *Если бы они все ушли, это было бы **ужасным** сигналом для украинцев и для Запада* (Ведомости, 18.02.2016); *«Голос» – **замечатель-***

ная *передача на Первом канале* (МК, 18.12.2014).

Современные исследователи языка СМИ отмечают усиление оценочности в текстах средств массовой информации и связывают этот процесс с демократизацией общества, вниманием к личности, углублением субъективности [9, 14].

Оценка становится более интенсивной, если автор использует в позиции основной части связочного-субстантивного сказуемого следующие элементы:

1) оценочные прилагательные *хороший/плохой* в простой превосходной степени: *Паника – это* ***худший*** *помощник в сложившейся ситуации* (МК, 18.12.2014) (ср. *Паника – это* ***плохой*** *помощник в сложившейся ситуации*); *Я сама себе* ***лучший*** *психолог* (КП, 23.07.2015).

2) прилагательные в форме составной превосходной степени: ***Самыми популярными*** *фигурами там являются представители оппозиции – Ширшина и Слабунова* (Ведомости, 18.02.2016); *Он –* ***самый безопасный*** *в мире медведь* (МК, 18.12.2014).

Приведённые примеры показывают, что разные виды оценочных значений прилагательных (рациональная, прагматическая и др.) интенсифицируются благодаря градуальной семе [7] в слове *самый* и на шкале оценки располагаются в более высокой зоне положительного. Морфологические формы степеней сравнения прилагательного в составе связочно-субстантивного сказуемого БП способствуют как усилению (*более, наиболее, самый*), так и ослаблению (*менее, наименее*) оценки, выражаемой в предложении: *Ни для кого не секрет, что лесные участки – это* ***наиболее привлекательные*** *с точки зрения развития бизнеса территории* (Известия, 08.07.2014); *Сегодня, к сожалению, можно утверждать, что чернобыльцы –* ***наименее защищённая*** *социальная группа среди всех категорий льготников* (Известия, 09.07.2014).

Все приведённые примеры содержат в своём составе связку *быть,* значение которой не включает компонент значимости. Ценностное отношение в БП устанавливается с помощью оценочных существительных, а также включением в предикативное ядро разных форм прилагательных, которые в совокупности с другими элементами предложения формируют данное значение. В русском языке есть связки, в семантической структуре которых присутствует компонент ‘значимость’ (‘ценность’). Так, связка *славиться* имеет ярко выраженный оценочный характер, передающийся всему высказыванию: Славиться – пользоваться славой, известностью в каком-н. отношении [11, с. 584]. Как правило, оценка бывает положительной: *При Ванине было хорошо,* ***район славился*** *своими* ***фермерскими достижениями****, руководителем он был дисциплинированным и того же требовал от остальных* (КП, 12.05.2012); *Это* ***дерево*** *всегда* ***славилось*** *своей* ***целебной силой*** (КП, 17.09.2012). Однако в публицистических текстах эта связка может использоваться в ироническом смысле и с отрицательной оценкой описываемого явления: *Ведь, помимо вышеупомянутой слышимости и сравнительно маленьких кухонь,* ***он «славился»*** *ещё и неистребимыми* ***тараканами****, которые свободно перемещались по всему пространству через мусоропроводы, расположенные прямо в квартирах, а также крысами, кишащими на всём пространстве от улицы Серафимовича до кондитерской фабрики* (Труд-7, 14.09.2012); ***Дементьева*** *всегда* ***«славилась» тем****, что в дебюте турниров «Большого шлема» нащупывала свой лучший теннис постепенно, прибавляя от игры к игре* (Известия, 24.12.2012).

Связка *слыть,* как и связка *славиться*, содержит в семантике компонент оценки, которая может проявляться как положительная и как отрицательная: *Он* ***слыл тираном,*** *кричал на девушек матом* (КП, 21.11 2012); ***Лентяями слыли*** *Ньютон, Архимед, Менделеев, Пикассо* (КП, 20.10.2013); *А ведь ещё совсем недавно жители этих мест* ***слыли образцом добропорядочности*** (Труд-7, 04.01.2012); *Москвич Михаил Вельман* ***слыл*** *у преподавателей* ***любимцем*** (Труд-7, 27.06.2011). Другие связки могут приобретать ценностные оттенки значения в зависимости от контекста и целеустановки автора.

Таким образом, на примере газетных текстов можно увидеть, что бисубстантивные предложения являются продуктивными конструкциями для выражения оценочных значений, что обусловлено особенностями структуры и семантики данного типа предложений. Чаще всего оценка в печатных СМИ выражается с помощью прилагательных, включённых в основную часть связочно-субстантивного сказуемого и имеющих различные значения и формы выражения.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М., 1988. – 341 с.

2. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1998.

3. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. Из д. 2-е, доп. [Текст] / Е. М. Вольф. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.

4. Герасименко, Н. А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование [Текст] : монография / Н. А. Герасименко. – М. : Изд-во МГОУ, 2012. – 292 с.

5. Герасименко, Н. А. Связочно-субстантивное сказуемое как отражение динамических процессов в русской языковой картине мира [Текст] // Русский язык за рубежом. – 2018. – № 3. – С. 37-43

6. Ивин, А. А. Основания логики оценок [Текст] / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970.

7. Колесникова, С. М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке [Текст] / С. М. Колесникова. – М. : Высшая школа, 2010. – 279 с.

8. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национального менталитет а. 2-е изд., испр. и дополн. [Текст] / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003.

9. Маркелова, Т. В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке [Текст] : монография / Т. В. Маркелова. – М. : МГУП имени Ивана Федорова, 2013. – 300 с

10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ruscorpora.ru

11. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: О к. 65 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., перераб. и доп. – М., 2008. – 736 с.

12. Ортони, А., Клоур, Дж., Коллинз, А. Когнитивная структура эмоций [Текст] // Язык и интеллект. – М. : Изд. Группа «Прогресс», 1996. – С. 314-384.

13. Радбиль, Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражени я. 2-е изд. [Текст] / Т. б. Радбиль. – М. : Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – 592 с.

14. Синепупова, О. С. Оценочная «картина мира» в публицистическом тексте: на материале печатных СМИ [Текст] / О. С. Синепулова. – М., 2006. – 173 с.

15. Шатуновский, И. Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке [Текст] / И. Б. Шатуновский. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016.

Reference List

1. Arutjunova, N. D. Tipy jazykovyh znachenij. Ocenka. Sobytie. = Fakt Types of language values. Assessment. Event. Fact [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M., 1988. – 341 s.

2. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and world of the person [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1998.

3. Vol'f, E. M. Funkcional'naja semantika ocenki. Izd. 2-e, dop. = Functional semantics of evaluation. 2nd edition, added. [Tekst] / E. M. Vol'f. – M. : Editorial URSS, 2002. – 280 s.

4. Gerasimenko, N. A. Bisubstantivnye predlozhenija v russkom jazyke: struktura, semantika, funkcionirovanie = Bisubstantive sentences in Russian: structure, semantics, functioning [Tekst] : monografija / N. A. Gerasimenko. – M. : Izd-vo MGOU, 2012. – 292 s.

5. Gerasimenko, N. A. Svjazochno-substantivnoe skazuemoe kak otrazhenie dinamicheskih processov v russkoj jazykovoj kartine mira = Copular-substantive predicate as a reflection of dynamic processes in the Russian language picture of the world [Tekst] // Russkij jazyk za rubezhom. – 2018. – № 3. – S. 37-43

6. Ivin, A. A. Osnovanija logiki ocenok = Logic bases of estimates [Tekst] / A. A. Ivin. – M. : Izd-vo MGU, 1970.

7. Kolesnikova, S. M. Funkcional'no-semanticheskaja kategorija gradual'nosti v sovremennom russkom jazyke = Functional semantic category of graduality in modern Russian [Tekst] / S. M. Kolesnikova. – M. : Vysshaja shkola, 2010. – 279 s.

8. Kornilov, O. A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nogo mentaliteta. 2-e izd., ispr. i dopoln. = Language picture of the world as derivatives of national mentality. 2nd ed., changed and added [Tekst] / O. A. Kornilov. – M. : CheRo, 2003.

9. Markelova, T. V. Pragmatika i semantika sredstv vyrazhenija ocenki v russkom jazyke = Pragmatics and semantics of means for evaluation expression in Russian [Tekst] : monografija / T. V. Markelova. – M. : MGUP imeni Ivana Fedorova, 2013. – 300 c

10. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = Russian National Corpus [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://www.ruscorpora.ru

11. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: Ok. 65 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij = Defining dictionary of the Russian language: appr. 65,000 words and phraseological expressions [Tekst] / pod red. prof. L. I. Skvorcova. – 26-e izd., pererab. i dop. – M., 2008. – 736 s.

12. Ortoni, A., Klour, Dzh., Kollinz, A. Kognitivnaja struktura jemocij = Cognitive structure of emotions [Tekst] // Jazyk i intellekt. – M. : Izd. Gruppa «Progress», 1996. – S. 314-384.

13. Radbil', T. B. Jazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazhenija. 2-e izd. = Language and world: paradoxes of cross-reflection. 2nd edition. [Tekst] / T. b. Radbil'. – M. : Izdatel'skij Dom JaSK: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2017. – 592 s.

14. Sinepupova, O. S. Ocenochnaja «kartina mira» v publicisticheskom tekste: na materiale pechatnyh SMI = The estimated «picture of the world» in the published text: on the material of the printed media [Tekst] / O. S. Sinepulova. – M., 2006. – 173 s.

15. Shatunovskij, I. B. Rechevye dejstvija i dejstvija mysli v russkom jazyke = Speech actions and actions of thought in Russian [Tekst] / I. B. Shatunovskij. – M. : Izdatel'skij Dom JaSK, 2016.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10488
УДК 801(091) – 500.86/87

Л. Я. Костючук https://orcid.org/0000-0003-0942-7564

Значимость традиций и достижений региональной лексикографии для современной лингвогеографии

Современная филология, особенно с середины XX в. в результате многоаспектного подхода лучших ее представителей к народному достоянию – языку (в частности, в лингвогеографическом аспекте) – достигла высоких результатов. Продолжались ценные коллективные работы по сбору материалов русских народных говоров. Создавались новые и укреплялись действующие научные направления и авторские школы. Данная статья отразила желание автора (одного из составителей новаторского, по идее Б. А. Ларина, «*Псковского областного словаря с историческими данными*») по выходе в свет замечательных по содержанию и по форме «*Дополнений*» (в двух томах) к уже завершенному «*Ярославскому областному словарю*» (10 выпусков) выразить признательность ученикам и последователям известного ученого-диалектолога Г. Г. Мельниченко, которые теперь под руководством Т. К. Ховриной, опытного слависта и диалектолога, остались верны заветам своего наставника и учителя. Научные контакты, участие в научных встречах, общие интересы в области лингвогеографии в разных ее проявлениях (лексикография, картография), учет обязательного аспекта синхронных и диахронных отношений в судьбе народного слова – все это издавна связывало два территориально удаленных коллектива словарников: с одной стороны, Ярославля и, с другой стороны, Ленинграда (Санкт-Петербурга) и Пскова. Интересно сравнивать принципы организации лексико-фразеологического материала в наших областных словарях разных типов: «*Ярославский*» – дифференциальный, а «*Псковский*» – областной полный (с фиксацией и необходимых общерусских слов) и одновременно областной исторический (включает местные слова из псковских письменных памятников XIII–XVIII вв.).

Ключевые слова: народная речь, лексикография и картография, типы словарей и карт, синхрония и диахрония, многоаспектность подхода к материалу и «содружество гуманитарных дисциплин».

L. Y. Kostyuchuk

Significance of traditions and achievements of regional lexicography for modern linguogeography

The modern philology, especially from the middle of the XX century as a result of a multidimensional approach of its best representatives to national property – the language (in particular, in a linguogeographical aspect) – achieved good results. Valuable collective works on collecting materials of the Russian national dialects were continued. New ones were created and the operating scientific directions and author's schools became stronger. This article reflected the author's desire (one of originators of the innovative, according to B. A. Larin, «*The Pskov regional dictionary with historical data*») after issue of remarkable according to contents and in a form of «*Additaments* « (in two volumes) to already completed «*The Yaroslavl regional dictionary*» (10 issues) to express gratitude to pupils and followers of the famous scientist-dialectologist G. G. Melnichenko who nowadays under the leadership of T. K. Khovrina, the experienced Slavist and dialectologist, remain true to precepts of the mentor and teacher. Scientific contacts, participation in scientific meetings, common interests in the field of linguogeography in its different manifestations (lexicography, mapmaking), accounting of the obligatory aspect of synchronic and diachronic relations in the fate of a national word – since olden times all this connected two territorially distant groups of lexicographers: on the one hand, Yaroslavl and, on the other hand, Leningrad (St. Petersburg) and Pskov. It is interesting to compare the principles of the organization of lexicological and phraseological material in our regional dictionaries of different types: «*Yaroslavl*» – differential, and «*Pskov*» – regional full (with fixing and necessary all-Russian words) and at the same time regional historical (includes local words from the Pskov written monuments of the XIII–XVIII centuries).

Keywords: folk speech, lexicography and mapmaking, types of dictionaries and maps, synchronism and diachrony, multidimensionality of the approach to the material and «commonwealth of humanitarian disciplines».

В сложном по разнообразию событий XX в. среди гуманитарных наук отечественная лингвистика (языкознание) достигла серьезных многоаспектных результатов, ставя и решая новые за-

© Костючук Л. Я., 2019

дачи и завершая рассмотрение прошлых. Радость от достигнутого всегда связывает настоящее и прошлое: тогда особенно вспоминаются и предшественники. Это неизбежное, достойное чувство благодарности тем, кому мы обязаны достигнутым. В то же время это и желание еще яснее понять, узнать, что́ было ранее и сохранить память об ученых и об их творческой мысли.

Коллектив диалектологов десятков вузов в январе 2018 г. отметил 30-летие (с 1988 г.) начала совместной работы по перспективной программе «***Лексический атлас русских народных говоров***», тем более получив из печати один из результатов труда: вышел полноформатный первый том по теме «***Растительный мир***» с более чем 200 лингвистическими картами [4].

Все участники работы искренне благодарны стойкому и умелому руководителю (автору идеи) *Игорю Александровичу Попову* (безвременно ушедшему из жизни); неутомимому, незаменимому талантливому, опытному в лингвогеографии главному редактору – *Татьяне Ивановне Вендиной*; верному помощнику – редактору первого тома – *Татьяне Константиновне Ховриной*. Ведь окончательная подготовка к сдаче в издательство всего многотрудного материала карт с сопровождающими документами при обязательном наличии редакторских «*единых рук*» и «*зоркого глаза*» пала на плечи редакторов. Благодаря ладу в удивительном огромном разнотерриториальном и разновозрастном коллективе, объединенном настоящим делом, удалось преодолевать объективные и субъективные трудности.

Естественно, что каждый вспоминает в такой ситуации что-то значимое именно для себя – общее или частное. Например, поиски нехватавшего диалектного материала приводили и к новому источнику – «***Ярославский областной словарь. Дополнения***», вышедшему в двух томах в 2015 г., под редакцией Т. К. Ховриной [12], которая является и одним из составителей этого словаря.

Татьяна Константиновна – достойно продолжает традиции мудрого диалектолога ***Григория Григорьевича Мельниченко***, образованнейшего филолога. Всю долгую творческую жизнь в Ярославле с 30-х гг. XX в. он посвятил теоретическим и научно-практическим аспектам диалектной лексикологии и лексикографии, с привлечением картографии. Сама Т. К. Ховрина, будучи славистом, оказалась верной хранительницей и продолжательницей дела Г. Г. Мельниченко: экспедиции, составление словарных статей для «Ярославского областного словаря», картографирование для «Лексического атласа русских народных говоров», руководство в своем вузе всей диалектологической работой…

В годы завершения темы «Растительный мир» для «Лексического атласа русских народных говоров» и появились «Дополнения» к «ЯОС», включающие 16 452 слова. Основной массив «***Ярославского областного словаря***» публиковался в 1981-1991 гг. Примечательно, что по идее его создателя и главного редактора Г. Г. Мельниченко, как это делается в серьезных лексикографических трудах, параллельно шло и накопление новых материалов, и издание очередных выпусков. Важно, чтобы новые поколения сельских жителей не забывали отечественные языковые корни и народные традиции.

Сам Г. Г. Мельниченко к своим единомышленникам по лексикографическим интересам – псковским словарникам разных поколений (составителям «*Псковского областного словаря с историческими данными*» [9]) – относился с пониманием и уважением, признавая значимость идеи Б. А. Ларина по созданию новаторского уникального в лексикографии словаря – областного современного полного типа (с фиксацией, при необходимости, и общерусских слов) и одновременно исторического по местным памятникам письменности XIII–XVIII вв. Причем сам Г. Г. Мельниченко был сторонником дифференциального типа областного словаря.

Работы Г. Г. Мельниченко всегда были востребованы, возвращение к ним позволяло и позволяет прислушаться к мнению и совету авторитетного ученого. До сих пор актуальна его проблемная статья 1957 г. «***О принципах составления областных словарей***» [6], появившаяся в тот момент, когда Академия наук обратилась и к вузам принять участие в продолжении сбора диалектного материала и обратить внимание на создание местных словарей. В указанной статье ученый поставил и обосновал вопрос о неизбежности использовать и письменные источники с фиксацией народной диалектной речи, начиная с XIX в. Ведь период XIX в., признаваясь современным в литературном языке, должен признаваться современным и для диалектного. Причем фиксация народного слова со всеми его особенностями должна сопровождаться полными и четкими данными; тогда сохраняются сведения, ко-

торые могут дать возможность вести наблюдения, делать соответствующие выводы.

Начало же лексикографической работы самого Г. Г. Мельниченко было отмечено созданием «***Краткого ярославского областного словаря***», который был создан на основе местных ярославских слов, извлеченных из печатных источников 1820-1956 гг. (список был определен самим автором словаря), и опубликован в 1961 г. [5], были использованы и соответствующие областные словари XIX в. Этот труд оказался «первой ласточкой» после разрешения педвузам создавать региональные словари.

В это время было уже принято решение Б. А. Лариным создавать «***Псковский областной словарь с историческими данными***»; прошла межвузовская первая Псковская диалектологическая конференция, обсудившая и утвердившая «Инструкцию Псковского областного словаря»; подготовлен сборник научных трудов по итогам конференции. Важно, что сразу после завершения Отечественной войны в результате экспедиций уже собранные материалы, помещенные в картотеку, позволяли создавать словарные статьи двумя коллективами – в Межкафедральном словарном кабинете Ленинградского госуниверситета и на кафедре русского языка Псковского пединститута. Поэтому успех Г. Г. Мельниченко вдохновил и «псковских» словарников.

После «Краткого ярославского областного словаря», включившего материал ярославских говоров со сведениями о территории, в разное время входившей в административные границы Ярославской губернии (области), Г. Г. Мельниченко создал основательную монографию «***Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в.***» (1974 г.) [7], выяснив своеобразие многих лексических группировок, с ценным Приложением – атласом (картографирование наименований для соответствующих реалий на 90 картах).

Подчеркнем еще раз, что не прекращающаяся все годы лексикографическая работа Г. Г. Мельниченко как исполнителя и как руководителя обученного и заинтересованного коллектива привела к созданию дифференциального «***Ярославского областного словаря***» в 10 выпусках (1981-1991 гг.) [11]. Важно, что вырастали новые авторы-словарники, знатоки лексикографии, охотно перенимающие опыт предшественников. И к ним с замечательным напутствием обратился Г. Г. Мельниченко как главный редактор. Оно было помещено в конце 10-го выпуска «Ярославского областного словаря» 1991 г. Ставя новые задачи, оно вдохновляло на новые свершения: «*…лексикографическая работа по ярославским говорам <…> должна продолжаться, пока существуют народные говоры*». Невозможность отдыха объясняется тем, что в изданные выпуски «*многое не вошло или потому, что не было своевременно зафиксировано, или потому, что обнаружено в источниках, которые по тем или иным причинам не были своевременно использованы составителями словаря*». Очень важно помнить следующее: «*…живая стихия народной речи, в словарном составе которой непрерывно происходят разнообразные процессы*» требует, чтобы «*это должно быть отражено в диалектном словаре данного региона*». Поэтому естественен вывод Г. Г. Мельниченко: «*Из этого следует: каждый региональный словарь должен иметь продолжение в виде последовательно издаваемых дополнений к нему*» [12, т. 1. С. 3-4].

Зная творческий путь глубокоуважаемого Григория Григорьевича и настоящую деятельность его учеников, коллег под руководством Т. К. Ховриной, хочется поделиться той всегдашней радостью и пользой, когда с разными целями приходится обращаться к томам «Ярославского областного словаря», а теперь и «Дополнениям» к нему. Ведь встреча с такими авторитетными изданиями помогает и заставляет задуматься над «*чужим*» и «*своим*»: находишь подтверждение искомого ответа, напоминание фактов других говоров; иногда можешь удивиться обнаружению каких-то уникальных черт, свойственных «*твоим*» говорам…

Продолжение работы и над «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ) сейчас тем более заставляет использовать «Дополнения» к «Ярославскому областному словарю», поскольку, в частности, Т. К. Ховрина параллельно работала над словарем и атласом, для которого приходилось дособирать необходимый материал по особой Программе с довольно сложными вопросами [8].

Остановимся только на некоторых наших наблюдениях.

Удачно, что независимого от сохранения требований Инструкции ко всему «Ярославскому областному словарю» в «Дополнения» сокращенно введены как напоминания основные тре-

бования подачи материала в словаре, что естественно облегчает читателям ориентирование в словарном тексте: структура словарной статьи; семантическая, грамматические характеристики слова; фразеология; соответствующие пометы в словарной статье, включая и географические. Четко пояснены условные знаки (например, * «звездочка» перед заголовочным словом означает добавочные семантические сведения к словарной статье в основном корпусе словаря).

Интересен как информационный справочник список печатных источников со сведениями о ярославских словах за 1820-1956 гг. Среди них и словари, и некоторые общие труды по этнографическим проблемам, в которых можно обнаружить и ярославские лексемы.

Информационно интересны многочисленные однокоренные гнезда с названиями взрослых и детских особей для животных и птиц. Ср. ***жáворон, жáвронок*** – ‘птица жаворонок’; ***жаврони́ха*** при ***жáвороні́ха, жаворóнка*** ‘самка жаворонка’; особенно разнообразны в структурно-словообразовательном оформлении названия птенцов: ***жаворёнок*** (с множественным числом ***жаворя́та***), ***жавронёнок, жаворонёнок*** (с множественным числом ***жаворонята***); а ***жаворáта*** (по модели множественного числа с семой ‘птенец’) как название обрядового печенья в виде птичек, выпекаемого ко дню 22 марта, перед прилетом птиц [12, т. 1, с. 221].

Подобное обнаруживаем и в достаточно большом гнезде названий для редкой в хозяйстве птицы «индюк», для самца которой нет в «Дополнениях» специальной словарной статьи, поскольку дифференциальный «Ярославский областной словарь» не фиксирует общерусских слов с общеизвестными значениями. Но для народного фразеологизированного выражения с этой лексемой статья присутствует: ***индю́к косолáпый*** ‘о нескладном, неуклюжем человеке’. С необычной морфемной структурой отмечено название для самца ***и́ндя, индéй***, как и для самки ***индéя*** (есть и более привычное суффиксальное ***индюши́ха***), а для птенцов форма множественного числа ***индея́та***. Обнаружено даже собирательное ***индюшьё*** ‘индюки’, тем более при подзывных словах ***и́ндя-и́ндя*** [12, т. 1, с. 286].

Такое разнообразие при трудностях собирания указанных системных наименований в «Дополнениях» свидетельствует как раз о разносторонней исследовательской работе ярославских диалектологов в аспектах лексикографии и картографирования, что при работе над вторым томом «Животный мир» ЛАРНГ явится ценным источником для соответствующих карт.

Даже простое чтение указанных лексикографических источников заставляет подчас задумываться над рядом лексем, которые по аналогии с известными читателю по другим говорам, ставят вопросы-задачи в сфере диалектных особенностей или даже в аспекте синхронно-диахронных отношений, касающихся разных языковых уровней. Приходится учитывать и частотность употребления некоторых единиц, чтобы задуматься о возможности их фиксации на разных территориях. А некоторые лексемы, обладающие такими свойствами, которые как уже установлено, типичны именно, например, для псковских говоров, обнаруживаешь в лексикографических источниках других народных говоров.

Так, обрадовало знакомое нам явление в единичной фиксации слова ***кéпина*** ‘рукоятка цепа’ (не общерусское ***цеп!***) [12, т. 1, с. 301]. И в то же время удивило: это же псковская древняя черта, свидетельствующая о том, что по причине изоляции (в середине I тысячелетия нашей эры) предков псковичей (кривичей) от всего славянства не произошло общеславянского закона второй палатализации (напомним известное открытие С. М. Глускиной [2, с. 20-43], названное А. А. Зализняком «***эффектом Глускиной***» [3, с. 142-148]). Пришли же кривичи как раз в этот период из Средней Европы и оказались в окружении древних финно-угорских и балтских племен. Система доказательств-объяснения причин такого факта (см. указанную работу С. М. Глускиной), свойственного только для псковских говоров, активно была поддержана и известным археологом-славистом В. В. Седовым [10]. Это показывает справедливость утверждения С. С. Аверинцева: «*современная филология – это содружество гуманитарных дисциплин*» [1, с. 544-545].

Скорее всего в ярославские говоры указанное слово было занесено представителями псковской речи. Не случайно, общерусских слов указанного корня в общеславянском фонетическом облике (со звуком [***ц***]) в «Дополнениях» гораздо больше: ***цепь*** 1) ‘цеп’ и 2) ‘ремень, соединяющий ударную часть цепа с рукояткой’; ***цеп*** ‘ударная часть цепа’; ***цепи́нка*** 1) ‘ударная часть цепа’ и

2) ‘рукоятка цепа’; ***цепе́лина*** ‘рукоятка цепа’ [12, т. 2, с. 354-355].

Притягательность традиции ярославских исследователей в изучении народных говоров обнаруживается и во внимании к единичным фактам. Сама лексема в единичной фиксации заставляет подчас обратиться к возможному выяснению обстоятельств появления слова в данных говорах. Незначительный же сдвиг в лексическом значении (как отдельное употребление) при повторных использованиях может стать оттенком значения или даже новым значением.

Не случайно Г. Г. Мельниченко сравнивал работу диалектолога с вниманием археологов к большим и к самым как будто небольшим, не массовым находкам [6]. А обязательная умелая сохранность находок приводит и к серьезным выводам. (И опять с благодарностью вспоминаем интерес замечательного ученого, Григория Григорьевича Мельниченко, к лексикографической работе и исследованиям псковичей.)

Обращение к «***Ярославскому областному словарю. Дополнениям***» дало возможность с удовольствием и пользой перечитать ряд диалектологических работ самого Г. Г. Мельниченко и его коллег: в них звучит забота о развитии диалектологической науки, в частности и о диалектной лексикографии. Это тем более значимо, что совсем недавно от одного руководителя филологического профиля в крупном отечественном вузе было услышано, что эти направления вовсе не научные (?!). Поэтому опора на достижения таких ученых, какими были организаторы названных нами научных коллективов, помогает исполнителям лингвогеографических изысканий выстоять и продолжать начатое.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Филология [Текст] / С. С. Аверинцев // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 544-545.

2. Глускина, С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) [Текст] / С. М. Глускина // Псковские говоры. II. – Псков : ПГПИ, 1968. – С. 20-43.

3. Зализняк, А. А. К 100-летию со дня рождения Софьи Менделевны Глускиной. Письма С. М. Глускиной Е. Г. Буровой и А. А. Зализняку [Текст] / А. А. Зализняк // Псковские говоры и их исследователи (К 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря»). Ч. 2. – Псков, 2017. – С. 142-148.

4. Лексический атлас русских народных говоров. Т. I. Растительный мир [Текст] / отв. ред. Т. И. Вендина; ред. тома Т. К. Ховрина. – СПб. : Нестор-История, 2017. – 736 с.

5. Мельниченко, Г. Г. Краткий ярославский областной словарь [Текст] / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1961. – 224 с.

6. Мельниченко, Г. Г. О принципах составления областных словарей [Текст] / Г. Г. Мельниченко // Ученые записки Ярославского пед. ин-та. – Ярославль, 1957. – Вып. 27 (37). – 143 с.

7. Мельниченко, Г. Г. Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. [Текст] / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль, 1974. – 271 с.

8. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров [Текст] : в 2 ч. – СПб. : ИЛИ РАН, 1994.

9. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1-27 [Текст]. – Л.; СПб., 1967-2017.

10. Седов, В. В. Славяне в древности [Текст] / В. В. Седов. – М., 1994. – 344 с.

11. Ярославский областной словарь [Текст] : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. – Ярославль : Изд-во ЯГПИ, 1981-1991.

12. Ярославский областной словарь: Дополнения [Текст] : в 2 т. / под науч. ред. Т. К. Ховриной. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015.

Reference List

1. Averincev, S. S. Filologija = Philology [Tekst] / S. S. Averincev // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. – M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. – S. 544-545.

2. Gluskina, S. M. O vtoroj palatalizacii zadnejazychnyh soglasnyh v russkom jazyke (na materiale severozapadnyh govorov) = On the second palatalization of backlingual consonants in Russian (on the material of north-western speakers) [Tekst] / S. M. Gluskina // Pskovskie govory. II. – Pskov : PGPI, 1968. – S. 20-43.

3. Zaliznjak, A. A. K 100-letiju so dnja rozhdenija Sof'i Mendelevny Gluskinoj. Pis'ma S. M. Gluskinoj E. G. Burovoj i A. A. Zaliznjaku = To the 100th anniversary of Sofiya Mendelevna Gluskina’s birth. S. M. Gluskina’s letters to E. G. Burova and A. A. Zaliznyak [Tekst] / A. A. Zaliznjak // Pskovskie govory i ih issledovateli (K 100-letiju so dnja rozhdenija S. M. Gluskinoj i 50-letiju vyhoda I vypuska «Pskovskogo oblastnogo slovarja»). Ch. 2. – Pskov, 2017. – S. 142-148.

4. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. T. I. Rastitel'nyj mir = Lexical atlas of Russian folk speakers. V. I. Plant world [Tekst] / otv. red. T. I. Vendina;

red. toma T. K. Hovrina. – SPb. : Nestor-Istorija, 2017. – 736 s.

5. Mel'nichenko, G. G. Kratkij jaroslavskij oblastnoj slovar' = Brief Yaroslav regional dictionary [Tekst] / G. G. Mel'nichenko. – Jaroslavl', 1961. – 224 s.

6. Mel'nichenko, G. G. O principah sostavlenija oblastnyh slovarej = On the principles of compilation of regional dictionaries [Tekst] / G. G. Mel'nichenko // Uchenye zapiski Jaroslavskogo ped. in-ta. – Jaroslavl', 1957. – Vyp. 27 (37). – 143 s.

7. Mel'nichenko, G. G. Nekotorye leksicheskie gruppy v sovremennyh govorah na territorii Vladimiro-Suzdal'skogo knjazhestva XII – nach. XIII v. = Some lexical groups in modern dialects in the territory of the Vladimir-Suzdal Principality of the XII – the beginning of the XIII century. [Tekst] / G. G. Mel'nichenko. – Jaroslavl', 1974. – 271 s.

8. Programma sobiranija svedenij dlja Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov = Programme on gathering for the lexical atlas of Russian folk speakers [Tekst] : v 2 ch. – SPb. : ILI RAN, 1994.

9. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1-27 = The Pskov regional dictionary with historical data. Issue. 1-27 [Tekst]. – L.; SPb., 1967-2017.

10. Sedov, V. V. Slavjane v drevnosti = The Slavs in ancient time [Tekst] / V. V. Sedov. – M., 1994. – 344 s.

11. Jaroslavskij oblastnoj slovar' = The Yaroslavl regional dictionary [Tekst] : v 10 vyp. / pod red. G. G. Mel'nichenko. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPI, 1981-1991.

12. Jaroslavskij oblastnoj slovar': Dopolnenija = The Yaroslav regional dictionary: supplements [Tekst] : v 2 t. / pod nauch. red. T. K. Hovrinoj. – Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

Романские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10489
УДК 811.13

М. С. Бурак https://orcid.org/0000-0002-8204-8213

Аналитические конструкции с глаголом *dar* ‘давать‘ в современном испанском языке

Основной задачей исследования является анализ указанных сочетаний в русле лексической грамматики З. Харриса и М. Гросса. В ходе статьи её автор даёт подробную характеристику анализируемым структурам, отмечая особенности их функционирования. Во Введении рассматривается вклад отечественных исследователей в изучение конструкций данного плана на материале испанского языка. В основной части статьи проводится критический анализ публикаций, прежде всего, испанских и французских исследователей, выполненных в русле *лексической грамматики*, применительно к тематике исследования. Данный анализ дополняется рассуждениями автора по поводу синтаксической природы исследуемых сочетаний. Кроме того, в ходе статьи её автор также рассматривает данные структуры с точки зрения явления номинализации, онтологической метафоры и прагматики высказывания. Результаты исследования могут быть использованы в рамках теоретических и практических курсов по испанскому языку, а также в рамках общего курса теории языка и в будущих исследованиях. Благодаря анализу указанных сочетаний в русле лексической грамматики становится очевидной активная роль синтаксиса в языке. Синтаксические трансформации различного плана в отношении исследуемых конструкций позволяют глубже понять принцип функционирования последних. Хотя «внутренняя» семантико-синтаксическая природа глагола *dar* до конца не изучена, можно говорить о семе «трансференции» и *траектории направленного движения*, как об одной из главных присущих ему сем. Автор приходит к выводу о том, что объект исследования лежит на стыке фразеологии и теоретической грамматики. В связи с этим различные подходы к его изучению, в частности, подход в русле лексической грамматики, в русле феномена номинализации, когнитивной метафоры и с точки зрения прагматики высказывания взаимно дополняют друг друга.

Ключевые слова: лексическая грамматика, синтаксические трансформации, глагол «давать», испанский язык, фразеология.

Romance languages

M. S. Burak

Analytical constructions with the verb *dar* «give» in modern Spanish

The main task of the study is to analyze these combinations in line with the lexical grammar by Z. Harris and M. Gross. In the article its author gives a detailed description to the analyzed structures, noting the peculiarities of their functioning. The Introduction considers the contribution of domestic researchers to the study of the constructions of this plan on the Spanish language material. In the main part of the article, a critical analysis of publications, especially Spanish and French researchers, made in the context of lexical grammar, is carried out in relation to the subject matter of the study. This analysis is supplemented by the author 's reasoning about the syntax nature of the combinations studied. In addition, in the course of the article, its author also considers these structures in terms of the phenomenon of nominalization, ontological metaphor and pragmatism of speech. The results of the study can be used in theoretical and practical courses in Spanish, as well as in the general course of the language theory and in future studies. According to the analysis of these combinations in line with lexical grammar, the active role of syntax in language becomes apparent. The syntax transformations of different plans with respect to the structures under study make it possible to understand in greater depth the principle of functioning of the latter. Although the «inner» semantic-syntax nature of the verb *dar* has not been fully studied, one can speak about the seme «*interference* « and *the trajectory of directional movemen*t as one of the main inherent semes. The author concludes that the object of the study is at the intersection of phraseology and theoretical grammar. In this regard, different approaches to its study, in particular, an approach in line with lexical grammar, in line with the phenomenon of nominalization, cognitive metaphor and in terms of pragmatism, statements complement each other.

Keywords: lexical grammar, syntactical transformations, verb «give», Spanish, phraseology.

© Бурак М. С., 2019

Введение

Данная статья посвящёна аналитическим конструкциям с глаголом *dar* «давать» в современном испанском языке. Основной задачей исследования является анализ указанных сочетаний в русле лексической грамматики З. Харриса и М. Гросса. Данное направление лингвистической мысли является особенно актуальным в связи с тем, что структуры указанного плана находятся на стыке грамматики и фразеологии.

Глагол *dar* с общим значением «*давать*» является наиболее частотным в испанском языке, а существительные, образующие с ним устойчивые и фразеологические сочетания, представляют широкий спектр лексико- и фразеосемантических полей.

При этом именно в устойчивых и в ряде фразеологических сочетаний особого плана данный глагол приобретает фигуральный смысл.

Существует множество наименований исследуемых в данной работе выражений. Наиболее распространённым как в англоязычной, так и в романоязычной традиции является термин, буквально переводимый как «конструкции с глаголами поддержки» (конструкции с десемантизированными глаголами) support verbs constructions (англ.) (здесь и далее SVC), construcciones con los verbos de apoyo (исп.), costruzioni a verbi di supporto (ит.), etc.

В рамках классификации В. С. Виноградова исследуемые конструкции обозначаются как аналитико-фразеологические сочетания (здесь и далее: АФС). Достоинство данного определения состоит в выделении двоякой природы этих структур. По справедливому наблюдению автора глагол *создаёт их грамматический каркас*, а имя существительное отвечает за общее лексическое значение. В качестве примера, приводится, в частности, выражение *dar de golpes – наносить удары* (*букв.»давать удары»*), являющееся своего рода гиперонимом для целого ряда сочетаний подобного плана с глаголом *dar*, обозначающих нанесение ударов конкретным предметом, оружием или частью тела [2, с. 169].

Е. М. Вольф – пионер в области исследования сочетаний с глаголом *dar*, в числе прочего говорит о том, что «В испанском языке нет полного семантического параллелизма простых глаголов и их фразеологических эквивалентов». Последние выражают другие оттенки значения по сравнению с первыми [3, с. 9]. Некоторые эквиваленты глагола имеют видовой оттенок однократности, который связан с семантикой существительного, обозначающего в этих случаях однократное действие и сопровождающегося неопределённым артиклем. Например, *dar un grito – вызвать смех* (*букв.»дать смех*») [3, с. 4-6].

Актуальность, значимость и новизна нашего исследования заключаются в рассмотрении аналитических конструкций с глаголом *dar* впервые в публикации на русском языке в рамках лексической грамматики З. Харриса и М. Гросса.

Рассмотрение АФС с глаголом *dar* сквозь призму указанного выше подхода позволит, в нашем понимании, сделать первый шаг на пути описания функциональной семантики глагола *dar* в непосредственной связи с синтаксисом. При этом в данной статье также рассматриваются точки зрения исследователей, представляющих другие направления лингвистической мысли, что имеет целью придать исследованию более объективный характер.

Общая характеристика аналитических конструкций с глаголом *dar* в испанском языке

По степени фразеологической спаянности АФС/SVC можно теоретически разделить на *коллокации* в тратктовке И. А. Мельчука [7, с. 150] и *необразные идиомы* в трактовке Н. Н. Кирилловой [5, с. 22]. Это особенно заметно, в частности, на примере АФС с глаголом «*делать*» – *hacer*. Например, *hacer una pregunta – задать вопрос* (*букв.»сделать вопрос*») и *hacer caso de…– обратить внимание на.., придать значение…* (*букв.»сделать случай*») или *hacer el amor – заниматься любовью* (*букв.»делать любовь*»).

Однако, характерной особенностью АФС с глаголом *dar* является та, что во многих случаях разделить их на две вышеозначенные группы представляется затруднительным. В частности, это заметно на материале фразеосемантического поля, связанного с каузацией эмоционального состояния. С одной стороны, такие выражения как *dar lástima – вызвать жалость* (*букв.»дать жалость*»), *dar compasión – вызвать сочувствие* (*букв.»дать сочувствие*»), *dar risa – вызвать смех* (*букв.»дать смех*») и т. д. являются идиомами в трактовке Л. И. Ройзенсона, так как сумма значений их компонентов не равна сумме значений всего выражения [8, с. 49]. С другой, их можно рассматривать и как коллокации, так как они, тем не менее, являются относительно прозрачными в смысловом отношении. Иностранец, хорошо владеющий испанским языком, легко догадается о значении незнакомого ему сочетания подобного рода по аналогии со значениями других АФС этой же серии [6].

С нашей точки зрения отсутствие чёткой границы между коллокациями и идиомами среди АФС с глаголом *dar* в испанском языке связано с явлением континуума, обусловленного наличием «центральной семы», общей для всех его контекстуальных значений.

А. Санчес Руфат предлагает в этой связи термин *системное значение* (*significado sistémico*). и даёт собственное определение такового в отношении глагола *dar*: «*A* даёт объект *B* (адресату *C*), то есть *A* является причиной того, что (или производит такое действие, при котором) объект *B* обретает бытие (как вариант он обретает бытие в когнитивном пространстве *C*. В результате находящиеся в данном пространстве субъекты получают блага или, наоборот, терпят ущерб)» [20, с. 208-209].

Данное определение, безусловно, представляет интерес. Однако, здесь делается акцент на «каузации возникновения объекта» или на «актуализации» события или процесса. Это приближает гл. *dar – давать* к глаголу *hacer – делать*, несмотря на то, что диапазоны лексико- и фразеосемантических полей, к которым относятся АФС, собственно фразеологические сочетания, и в целом выражения и конструкции всех возможных типов, образуемые с данными глаголами, существенно различаются. Кроме того, разница в общем, буквальном значении этих двух глаголов столь очевидна, что представляется мало возможным их реальное отождествление. В связи с этим приобретает особую значимость подход, в рамках которого предпринимается попытка установить корреляции между лексической и грамматической составляющей специфических конструкций на стыке грамматики и фразеологии.

Глагол DAR. Лексическая грамматика и номинализация

Как отмечает Х. Л. Эрреро Инхельмо, философской базой для трудов, выполненных в русле лексической грамматики З. Харриса и М. Гросса, послужили труды Г. Фреге [10; 11], где постулируется принцип *контекстности* или *контекстуальной сочетаемости*. Согласно Г. Фреге слова не имеют смысла вне контекста конкретного высказывания, в котором они употребляются [10; 11]. И с этой точки зрения минимальной единицей языка является не знак в трактовке Ф. де Соссюра, а фраза или предложение [1].

Как отмечает далее Х. Л. Эрреро Инхельмо, *модель элементарного предложения*, разработанная З. Харрисом, соответствует схеме *предикат* (*оператор*)/ *аргументы*. «Мы можем теперь утверждать, что всякая последовательность слов, состоящая из оператора, логически связанного с одним или несколькими упорядоченными аргументами, является речью» [16, с. 1; 13, с. 26]. По мнению Х. Л. Эрреро Инхельмо ««Синтаксическая функция *оператора* важнее его «*морфологического статуса*». Различие между глаголом и существительным в этом случае несущественно. Самое главное для анализа предложения это – количество *аргументов* и их расположение»« [16, с. 3]. В качестве примера приводится пара квазиэквивалентных фраз: *Pedro admira a María* (*Педро восхищается Марией*) и *Pedro tiene* (*mucha*) *admiración por María* (*букв.* «*Педро имеет* (*большое*) *восхищение по Марии*»).

Данное положение представляет, на наш взгляд, несомненный интерес и позволяет по новому взглянуть на проблему по сравнению с более традиционным вербоцентрическим подходом к структуре языка. Тем не менее, в рамках означенного тезиса не все аспекты ситуации принимаются во внимание. Во-первых, даже на формальном уровне в вышеприведённом примере в первом и во втором варианте высказывания меняется предлог, что отчасти меняет и синтаксическое управление. Во-вторых, АФС обладает рядом преимуществ по отношению к соответствующему глаголу, связанных с возможностью синтаксического варьирования [3]. В частности, речь идёт о возможности подстановки определения к существительному-именному компоненту сочетания. В данном случае местоименного прилагательного mucho в ж. р. Согласно норме лексической сочетаемости в испанском языке употребление наречия mucho с глаголом *admirar – восхищаться*: * Pedro admira mucho a María (*букв. Педро* «*очень*» *восхищается Марией*), было бы некорректным, так как данный глагол уже несёт в своей основе сему, связанную с интенсивностью ощущения. Однако, является вполне корректным употребление местоименного прилагательного mucho/mucha вместе с существительным, являющимся именным компонентом АФС, где присутствуют в том числе глаголы *hacer – делать*, *dar – давать*, *tener – иметь*. В частности, это проявляется в тех случаях, когда именными компонентами АФС являются *lástima* (*жалость*), *compasión* (*сочувствие*), *gana* (*желание, охота ч-.л.*) и ряд других существительных, выражающих *каузацию эмоционального состояния*.

В некоторых подобных случаях в испанском языке образуются пары сочетаний с глаголами *tener – иметь* и *dar – давать*, эквивалентные или квази-эквивалентные друг другу с точки зрения общего смысла высказывания, но с принципиально разным, противоположным синтаксиче-

ским управлением. Например, *tener lástima* (*испытывать, букв.* «иметь» *жалость*) и *dar lástima* (*вызывать, букв.* «давать» *жалость*), *tener compasión* (*испытывать, букв.* «иметь» *сочувствие*) и *dar compasión* (*вызывать, букв.* «давать» *сочувствие*), *tener ganas de…* (*иметь желание что-то сделать*) и *dar la gana* (по-русски это – безличное *хотеться, букв.* «давать» *желание*).

Pedro ***tiene*** (*mucha*) *compasión por* (*de*) *María* (*букв. Педро имеет* (*большое*) *сочувствие по Марии*) – *María le* ***da*** *mucha compasión a Pedro* (*букв. Мария* «*даёт*», (*большое*) *сочувствие Педро, то есть вызывает у него* (*большое*) *сочувствие*).

Мне не хочется рисовать – No me ***da*** *la gana pintar* (*букв.* «Мне не даёт охоты рисовать») – *No* ***tengo*** *ganas de pintar* (*букв* «Не имею охоты рисовать»).

Утверждение Х. Л. Эрреро Инхельмо по поводу того, что «Синтаксическая функция *оператора* важнее его «морфологического статуса» [16, с. 3] было призвано, по всей видимости, подчеркнуть приоритет контекста над формально- грамматическими корреляциями.

Кроме того, данную мысль следует с нашей точки зрения трактовать таким образом, что синтаксис является не просто формальным индикатором семантических связей, но и в известном смысле их *модулятором* [18, с. 159-164]. Сравнивая фразу *Pedro tiene* (*mucha*) *admiración por María* (*букв.* «*Педро имеет* (*большое*) *восхищение по Марии*») и, например, предложение, *Pedro tiene* (*mucha*) *compasión por* (*de*) *María* (*букв.* «*Педро имеет* (*большое*) *сочувствие по Марии*»), нельзя не заметить как их структурную общность, так и существенное смысловое различие. Замена предикативно-именной части структуры не изменила саму структуру, но изменила смысл высказывания.

При этом если ко второй фразе можно подобрать условный эквивалент *María le* ***da*** *mucha compasión a Pedro* (*букв. Мария «даёт», то есть вызывает* (*большое*) *сочувствие Педро*), то к первой уже невозможно подобрать даже условный эквивалент в виде структуры **María le* ***da*** *mucha admiración a Pedro* (*букв. Мария «даёт», то есть вызывает* (*большое*) *восхищение Педро*), так как нормы лексической и фразеологической сочетаемости испанского языка не позволяют это сделать. Тем не менее, подобного рода фраза была бы вполне понятна как любому носителю испанского языка, так и иностранцу, хорошо им владеющему.

Будучи далекими от слепой приверженности положениям лингвистического структурализма и идеям трансформационной грамматики Н. Хомского, мы, тем не менее, склонны признавать за синтаксисом активную роль в языке. С нашей точки зрения он обладает особого рода *автономией*. Однако, её границы едва ли возможно чётко определить. Поэтому, мы вслед за Г. Фреге и Х. Л. Эрреро Инхельмо также считаем не менее важным фактор *контекстуальной сочетаемости*.

Говоря об АФС, в частности, с глаголом *dar*, мы неизбежно сталкиваемся и с явлением номинализации. Согласно наблюдению исследователя, ещё З. Харрис в своё время высказал мысль о том, что *номинализация* не является превращением предложения в именную синтагму вопреки тому, что утверждает порождающая грамматика, но является трансформацией одного предложения в другое, эквивалентное исходному [15].

В этой связи Х. Л. Эрреро Инхельмо приводит следующие примеры.

1) *Pedro me da dinero* (Педро даёт мне денег).

2) *Pedro me da las gracias* (Педро меня благодарит, букв. «*даёт мне благодарности*»). В первой фразе глагол *dar* используется в своём основном, «полном», буквальном значении. Педро является здесь как «семантическим» (“sujeto semantico”), так и морфологическим субъектом (“sujeto morfológico”) глагола. Во второй фразе Педро является морфологическим субъектом *глагола поддержки/глагола с облегчённой семантикой* и семантическим субъектом существительного *gracias*. *Pedro me agradece ≈/= Pedro me da las gracias* (Пётр меня благодарит ≈/= Пётр букв.»*даёт мне благодарности*») [16, с. 4].

При этом если рассмотреть АФС с глаголом *dar*, являющиеся очевидным *референтом события*, прежде всего, в случаях, подобных сочетаниям *dar un paseo* (*прогуляться, букв.* «*дать прогулку*»), *dar un salto* (*прыгнуть, букв.* «*дать прыжок*»), *dar un paso* (*сделать шаг, букв.*»*дать шаг*»), и др., относящихся к фразеосемантическому полю *движения*, где отсутствует *адресат действия*, тогда можно говорить о наличии в них *онтологической метафоры* особого плана. Как справедливо отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, “*Ontological metaphors* specify different kinds of objects. They give us different metaphorical models for what the mind is and thereby allow us to focus on different aspects of mental experience” [17, с. 28].

В этой связи явление *номинализации* предстаёт более комплексным. В частности, Р. Лангакер очень удачно, на наш взгляд, отождествляет *процесс* как *абстрактную категорию* с *конкретной вещественной единицей* [19, с. 105-109]. Данное

отождествление выглядит особенно показательным, если иметь в виду прежде всего два фразеосемантических поля, частично представленные выше и отражающие яркую специфику АФС/SVC с исследуемым глаголом: *каузация эмоционального состояния* и *поле движения*. Например, в выражении *dar un paseo* (*прогуляться, букв.* «*дать прогулку*») существительное *paseo,* которое обозначает процесс, как бы *овеществляется*. То же самое по сути происходит, например в АФС *dar risa* (*вызвать, букв.* «*дать*» смех). То, что теоретически нельзя *дать* или *передать*, в рамках соответствующих структур становится объектом *передачи.*

В соответствии с *прагматикой* высказывания *номинализация* предстаёт в качестве особого средства выражения говорящим своего отношения к его содержанию [12, с. 30-32]. В этой связи представляется особенно интересным сопоставление упомянутых выше фраз: 1) *Pedro tiene* (*mucha*) *admiración por María* (*букв.* «*Педро имеет* (*большое*) *восхищение по Марии*») и *Pedro admira a María* (Педро восхищается Марией) (где в первом случае присутствует ярко выраженный посессивный оттенок, отсутствующий во втором) и 2) *Pedro me da las gracias.*(Педро меня благодарит, букв. «*даёт благодарности*») и *Pedro me agradece* (Педро меня благодарит), где в первом случае присутствует дополнительный эмоциональный оттенок, отсутствующий во втором. Всё эти примеры очередной раз демонстрируют принципиальную значимость контекста. Поскольку в ряде случаев контекст может проявляться тем или иным образом в том числе благодаря синтаксическим трансформациям, полагаем уместным снова вернуться к описанию «синтаксической природы» части АФС (SVC), образующихся с участием глагола *dar.*

«Синтаксическая природа» коллокаций, образующихся с участием глагола DAR

С точки зрения синтаксиса АФС (SVC), которые можно однозначно причислить к коллокациям, то есть прозрачных в смысловом отношении, М. Гросс выделяет 3 их характерных особенности [14] :

1. Наличие *референтной соотнесённости* особого рода между грамматическим субъектом и предикативным именем, играющим роль формального прямого дополнения, формального *аргумента.*

Таким образом, во фразе *Pedro da consejos a Pablo –Пётр даёт советы Павлу* грамматическим субъектом глагола *dar – давать* будет подлежащее *Pedro,* и оно же будет *агентивным субъектом* существительного *consejos – советы*.

2. Возможность так-называемого *двойного анализа* номинативной синтагмы (формального прямого дополнения глагола), ядром которой является предикативное имя существительное. Так, если к существительному *consejos* в предыдущей фразе добавить определение, можно получить, например, следующее предложение *Pedro da consejos* ***estupendos*** *a Pablo – Пётр даёт* ***прекрасные*** *советы Павлу*. С одной стороны, в терминах С. Д. Кацнельсона речь идёт о так-называемой факультативной (а в некоторых случаях обязательной) внешней валентности [4]. С другой, учитывая специфику АФС, оказывается возможным отчасти расширить рамки данного термина на материале сочетаний с глаголом *dar* в испанском языке. *Двойной анализ* анализ осуществляется путём *релятивизации*.

(a) *Los consejos* ***que da Pedro a Pablo*** *son estupendos.*

– Советы, ***которые даёт Пётр Павлу****, прекрасны.*

(b) ***Los consejos a Pablo*** *que da Pedro son estupendos.*

*– *Советы* ***Павлу, которые даёт Пётр****, прекрасны.*

С одной стороны, данная релятивизация позволяет полностью изменить синтаксическую структуру предложения так, чтобы десемантизированный глагол оказался частью определения к изначальному предикативному имени *consejos* (советы) **(a)**. С другой, помимо *consejos estupendos – великолепные советы*, можно образовать ещё одну номинативную синтагму: *Los consejos a Pablo – Советы Павлу*, где *a Pablo – Павлу* является косвенным дополнением как по отношению к ядру данной номинативной синтагмы, так и в рамках фразы *Pedro da consejos estupendos a Pablo – Пётр даёт* ***прекрасные*** *советы Павлу* **(b)**. Возможность *полуавтономного в смысловом отношении* существования синтагмы *Los consejos a Pablo – Советы Павлу* обусловлена природой глагола *dar* как глагола *поддержки*, который имплицитно содержится в рамках *субъекта Los consejos a Pablo – Советы Павлу*, даже если эксплицитно он присутствует в другой части фразы ***Los consejos a Pablo*** *que da Pedro son estupendos – *Советы* ***Павлу, которые даёт Пётр****, прекрасны* **(b)**.

3. Возможность редукции типа *Los consejos de Pedro a Pablo – Советы Петра Павлу*. Хотя данная синтагма не является в полном смысле автономной и употребительной ни с точки зрения семантики, ни с позиций функционального син-

таксиса, тем не менее, она является в соответствии с нормой и узусом испанского языка своего рода «направляющей», так как позволяет понять общий смысл и соответствует принципам формального управления в данном языке. Данный тип номинализации, с нашей точки зрения, может быть в полной мере эквивалентным изначальной фразе *Pedro da consejos a Pablo – Пётр даёт советы Павлу* только в рамках машинного перевода. Тем не менее, такое уравнение как *Pedro da consejos a Pablo* (*Пётр даёт советы Павлу*) = *Los consejos de Pedro a Pablo* (*Советы Петра Павлу*), как и в целом синтаксические редукции подобного рода, представляется весьма полезным, так как позволяет осуществить попытку понять глубинную природу АФС (SVC) и получить дополнительное представление о возможностях синтаксиса.

С другой стороны, именно благодаря подобного рода редукциям становится более очевидной одна из основных сем, присущих глаголу *dar* в испанском языке. А именно, сема «трансференция» (transferencia), то есть *передача*, *перемещение* или, как более частный случай, «*траектория направленного движения*» [9].

Выводы

Данные описанного выше исследования позволяют сделать следующие выводы.

Подход к АФС в русле лексической грамматики, как и его критический анализ, позволяет выявить релевантные признаки структур данного плана. Данный подход позволяет внести вклад в теорию языка, а также в практическое изучение языков, в частности, испанского. Благодаря данному подходу становится более очевидной активная роль синтаксиса. Как справедливо отмечает А. Санчес Руфат, именно в синтаксисе, прежде всего, обнаруживается лексическая структура [9, с. 40] [20, с. 206]. Синтаксические трансформации различного плана в отношении исследуемых конструкций позволяют глубже понять принцип функционирования последних. Хотя «внутренняя» семантико-синтаксическая природа глагола *dar* до конца не изучена, с известной долей условности можно говорить о семе «трансференции» и *траектории направленного движения* как об одной из главных присущих ему сем.

Тот факт, что АФС, в частности с глаголом *dar*, находятся на стыке теоретической грамматики и фразеологии, позволяет взглянуть на структуры данного типа под разными углами зрения. Возможность их изучения с точки зрения феномена номинализации, когнитивной метафоры и с точки зрения прагматики высказывания, в свою очередь, демонстрирует взаимодополняемость различных, подчас противоположных друг другу подходов. В связи с этим мы намерены продолжить начатое исследование, что, как мы надеемся, позволит внести вклад в теорию языка, а также в преподавание испанского языка как практической дисциплины.

Библиографический список

1. Бурак, М. С. Аналитические конструкции с глаголом «делать» в современных испанском и итальянском языках [Текст] / М. С. Бурак // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 185-190.

2. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка [Текст] : учебник для университетов / В. С. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1994. – 192 с.

3. Вольф, Е. М. Устойчивые сочетания глагола с существительным без предлога в современном испанском языке [Текст] / Е. М. Вольф // Теория и методы лексикологических исследований: сб. науч. тр./ Ленинградский Государственный Педагогический Институт им. А. И. Герцена. – Л., 1954. – С. 1-15.

4. Кацнельсон, С. Д. К понятию типов валентности [Текст] / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 20-32.

5. Кириллова, Н. Н. Сопоставительная фразеология романских языков [Текст]: монография / Н. Н. Кириллова. – Л. : Изд-во Ленинградского Государственного Педагогического Института им. А. И. Герцена, 1986. – 81 с.

6. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость и идиоматичность» [Текст] / И. А. Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 18-24.

7. Мельчук, И. А. Язык: от смысла к тексту [Текст] : монография / И. А. Мельчук. – М. : Языки славянской культуры, 2012. –176 с.

8. Ройзензон, Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии [Текст]: учебное пособие / Л. И. Ройзензон. – Самарканд : Изд-во Самаркандского гос. ун-та, 1973. – 223 с.

9. De Miguel, E. Construcciones con verbos de apoyo en español: de cómo entran los nombres en la órbita de los verbos/ E. De Miguel // Actas del XXXVII Simposio de la SEL. – Pamplona: SEL, 2008. – P. 567-578.

10. Frege, G. Ensayos de semántica y filosofía de la lógica. – Madrid: Tecnos, 1998. – 128 p.

11. Frege, G. Estudios sobre Semántica. – Barcelona: Ariel, 1971. – 179 p.

12. Gaeta, L. Quando i verbi compaiono come nomi. – Milano: Franco Angeli Editore, 2002. – 256 p.

13. Gross, M. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique /M. Gross // Langages. – 1981. – № 63. – P. 7-52.

14. Gross, M. Méthodes en syntaxe. Régime des constructions complétives. – Paris: Hermann, 1975. – 414 p.

15. Harris, Z. S. Methods in structural linguistics. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – 384 p.

16. Herrero Ingelmo, J. L. Los verbos soportes: el verbo dar en español/ J. L. Herrero Ingelmo// Salamanca:

Universidad de Salamanca, 2013. – P. 1-11.

17. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London: The University of Chicago press, 2003. – 193 p.

18. Lakoff, G., Ross, J. R. Criteria for verb phrase constituency / G. Lakoff, J. R. Ross // Mathematical linguistics and automatic translation, report No.17 to NSF. – Harvard: Harvard University, 1966. – P. 1-17.

19. Langacker, R. Cognitive grammar: a basic introduction. – New York: Oxford University Press, 2008. – 562 p.

20. Sánchez Rufat, A. La naturaleza léxico-semántica del verbo Dar en la construcción verbo+nombre /A. Sánchez Rufat // Anuario de Estudios Filológicos. – 2015. – vol. xxxviii. – P. 205-223.

Reference List

1. Burak, M. S. Analiticheskie konstrukcii s glagolom «delat'« v sovremennyh ispanskom i ital'janskom jazykah = Analytical constructs with the verb «make» in modern Spanish and Italian [Tekst] / M. S. Burak // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 2. – S. 185-190.

2. Vinogradov, V. S. Leksikologija ispanskogo jazyka = Spanish lexicology [Tekst] : uchebnik dlja universitetov / V. S. Vinogradov. – M. : Vysshaja shkola, 1994. – 192 s.

3. Vol'f, E. M. Ustojchivye sochetanija glagola s sushhestvitel'nym bez predloga v sovremennom ispanskom jazyke = Steady combinations of a verb with a noun without a preposition in modern Spanish [Tekst] / E. M. Vol'f // Teorija i metody leksikologicheskih issledovanij: sb. nauch. tr./ Leningradskij Gosudarstvennyj Pedagogicheskij Institut im. A. I. Gercena. – L., 1954. – S. 1-15.

4. 4. Kacnel'son, S. D. K ponjatiju tipov valentnosti = To the concept of valency types [Tekst] / S. D. Kacnel'son // Voprosy jazykoznanija. – 1987. – № 3. – S. 20-32.

5. Kirillova, N. N. Sopostavitel'naja frazeologija romanskih jazykov = Comparative phraseology of Romance languages [Tekst]: monografija / N. N. Kirillova. – L. : Izd-vo Leningradskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta im. A. I. Gercena, 1986. – 81 s.

6. Mel'chuk, I. A. O terminah «ustojchivost' i idiomatichnost'« = On the terms «resilience and idiomatism» [Tekst] / I. A. Mel'chuk // Voprosy jazykoznanija. – 1960. – № 4. – S. 18-24.

7. Mel'chuk, I. A. Jazyk: ot smysla k tekstu = Language: from sense to the text [Tekst] : monografija / I. A. Mel'chuk. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2012. – 176 s.

8. Rojzenzon, L. I. Lekcii po obshhej i russkoj frazeologii = Lectures on general and Russian phraseology [Tekst]: uchebnoe posobie / L. I. Rojzenzon. – Samarkand : Izd-vo Samarkandskogo gos. un-ta, 1973. – 223 s.

9. De Miguel, E. Construcciones con verbos de apoyo en español: de cómo entran los nombres en la órbita de los verbos/ E. De Miguel // Actas del XXXVII Simposio de la SEL. – Pamplona: SEL, 2008. – P. 567-578.

10. Frege, G. Ensayos de semántica y filosofía de la lógica. – Madrid: Tecnos, 1998. – 128 p.

11. Frege, G. Estudios sobre Semántica. – Barcelona: Ariel, 1971. – 179 p.

12. Gaeta, L. Quando i verbi compaiono come nomi. – Milano: Franco Angeli Editore, 2002. – 256 p.

13. Gross, M. Les bases empiriques de la notion de prédicat sémantique /M. Gross // Langages. – 1981. – № 63. – P. 7-52.

14. Gross, M. Méthodes en syntaxe. Régime des constructions complétives. – Paris: Hermann, 1975. – 414 p.

15. Harris, Z. S. Methods in structural linguistics. – Chicago: University of Chicago Press, 1960. – 384 p.

16. Herrero Ingelmo, J. L. Los verbos soportes: el verbo dar en español/ J. L. Herrero Ingelmo// Salamanca: Universidad de Salamanca, 2013. – P. 1-11.

17. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – London: The University of Chicago press, 2003. – 193 p.

18. Lakoff, G., Ross, J. R. Criteria for verb phrase constituency / G. Lakoff, J. R. Ross // Mathematical linguistics and automatic translation, report No.17 to NSF. – Harvard: Harvard University, 1966. – P. 1-17.

19. Langacker, R. Cognitive grammar: a basic introduction. – New York: Oxford University Press, 2008. – 562 p.

20. Sánchez Rufat, A. La naturaleza léxico-semántica del verbo Dar en la construcción verbo+nombre /A. Sánchez Rufat // Anuario de Estudios Filológicos. – 2015. – vol. xxxviii. – P. 205-223.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.03.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10490
УДК 811.133.1

Ю. В. Бутько https://orcid.org/0000-0001-7108-0878

Трансформированные исторические аллюзии во французском языке как отражение демократизации языковых процессов

Статья посвящена вопросам изменения устойчивых единиц французского языка в ходе интертекстуальной деривации с помощью структурно-семантических трансформаций. В последние десятилетия лингвисты много пишут о вторичности текстов, о вплетении старых текстов во вновь создаваемые и о формируемом таким образом вертикальном текстовом универсуме. Это одно из проявлений интертекстуальности, или использования компонента содержательной структуры одного текста в процессе текстопорождения и создания нового текста. Пользователи языка трансформируют цитаты, паремии и другие прецедентные тексты в рамках прагматической установки высказывания, вызывая приращение смыслов, заставляя собеседника мыслить объемно. Устойчивые единицы языка подвергаются интертекстуальной деривации, в результате образуются трансформированные паремии. Данное явление получило теоретическое осмысление на материале русского и английского языков, в то время как в области французского языка масштабного исследования еще не проводилось. Данный факт определил **цель исследования**: проанализировать происходящие в ходе интертекстуальной деривации структурно-семантические трансформации паремий французского языка, приводящие к образованию трансформированных паремий.

Анализ материала в количестве 200 единиц, собранных писателем Б. Вербером, показал, что трансформации осуществляются в рамках описанных структурно-семантических трансформаций фразеологизмов, однако в случае с паремиями следует говорить также о структурно-семантических трансформациях игрового характера, где основным текстопорождающим фактором является каламбур или игра слов. Основными выявленными механизмами трансформации паремий французского языка являются замены, добавления, перестановки элементов и создание вторичных трансформированных паремий на основе первичного текста со смысловым развитием, ироничным переосмыслением и разрушением исходного парадокса. Меняются и семантические поля дериватов: провозглашаются ценности свободы, равенства, индивидуализма и деятельностного подхода в современном обществе научно-технического прогресса. Смысл прототипа накладывается на смысл деривата, смыслы множатся, отвечая потребностям современного лингвокультурного сообщества, отражая его карнавальную раскованность и демократизацию языковых процессов.

Ключевые слова: лингвокультурология, паремия, интертекст, интертекстуальная деривация, трансформированная паремия, структурно-семантические трансформации, языковая игра.

Yu. V. Butko

Transformed historical allusions in French as reflection in democratization of linguistic processes

The article is devoted to the issues of changing proverbial and aphoristic units of the French language in the process of intertextual derivation with the help of structural-semantic transformations. In recent decades, linguists have been writing a lot about the secondary nature of texts, about interweaving old texts into newly created ones, and about a vertical text universe thus formed. Quotes, paremias and other well-known ready-made texts are widely used. This is one of the manifestations of intertextuality, or the use of a component of the content structure of one text in the process of text-generation and the creation of a new text. Users of the language transform texts within the framework of the pragmatic attitude, causing an increment of meanings. Ready-made language units undergo intertextual derivation, resulting in transformed paremias. This phenomenon has received theoretical understanding on the material of the Russian and English languages, while in the field of French large-scale research has not yet been conducted. This fact determined the purpose of the study: to analyze the structural-semantic transformations of the French language paremias occurring during intertextual derivation, leading to the formation of transformed paremias.

The analysis of 200 units of proverbs and sayings collected by the writer B. Werber showed that transformations are carried out within the framework of the described structural-semantic transformations of phraseological units, however, in the case of paremias one of the main text-generating factors is pun. Transformations are replacements, additions,

© Бутько Ю. В., 2019

permutations of elements and the creation of secondary transformed paremias based on the primary text with semantic development, ironic rethinking and destruction of the original paradox. The semantic fields of derivatives are also changing: the values of freedom, equality, individualism and a proactive activity approach in modern society of the scientific and technological progress are proclaimed. The meaning of the prototype is superimposed on the meaning of the new proverb, meanings multiply, responding to the needs of the modern linguocultural community, reflecting its carnival freedom and democratization of language processes.

Keywords: linguoculturology, paremia, intertext, intertextual derivation, transformed paremia, structural-semantic transformations, play on words, pun.

Введение

В последние десятилетия лингвисты особенно много пишут о вторичности текстов, о вплетении старых текстов во вновь создаваемые и о формируемом таким образом «вертикальном текстовом универсуме» [1; 12; 22]. Великий ученый М. М. Бахтин говорил, что после прародителя Адама вряд ли кто может надеяться на оригинальность, первичность своих слов. Обо всем уже помыслили, обо всем сказали [2]. Современный человек, по мнению многих лингвистов, не склонен к текстопорождению [3; 22]. Широко используются цитаты, текстовые реминисценции и другие прецедентные тексты. Это одно из проявлений интертекстуальности, под которым понимается «использование сегмента (компонента содержательной структуры) одного текста в процессе текстопорождения и создания нового текста (в широком понимании)» [15, с. 21]. Интерес вызывает тот факт, что говорящие и пишущие уже не довольствуются готовыми текстами. Они трансформируют их в рамках прагматической установки высказывания, вызывая приращение смыслов, заставляя собеседника мыслить объемно и разгадывать загадки [3; 24]. Цитаты, крылатые выражения, афоризмы и, наконец, пословицы подвергаются интертекстуальной деривации (ИД). В результате образуются трансформированные паремии (ТП). Таким образом, **цель исследования** – проанализировать происходящие в ходе интертекстуальной деривации структурно-семантические трансформации паремий французского языка, приводящие к образованию трансформированных паремий. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач:

− провести анализ литературы по проблеме трансформированых паремий;

− отобрать из собрания писателя Бернара Вербера на его персональном сайте [39] паремии, подвергнувшиеся структурно-семантическим трансформациям (методом сплошной выборки);

− проанализировать и описать семантику трансформированных паремий по сравнению с их прототипами;

− рассмотреть трансформированные паремии в контексте постмодернистских явлений интертекстуальности и интертекстуальной деривации;

− проанализировать структурно-семантические трансформации паремий игрового и неигрового характера.

Степень разработанности проблемы и материал исследования

Что касается степени разработанности данного вопроса, в отдельных работах представлены те или иные грани феномена ИД на материале фразеологии, афористики и паремий [9; 14; 24; 26] в русском языке [4; 5; 6; 7; 8; 24], на материале английского и немецкого языка [30; 32; 33; 34], французского языка [19; 28; 35; 37; 40], но комплексного исследования ТП в этой плоскости пока не проводилось, хотя явление трансформации паремий для французской лингвокультуры не является новым. Поэт Франсуа Вийон (1431-?) в «Балладе истин наизнанку», как красноречиво свидетельствует название стихотворения, делает попытку переосмысления и карнавализации вековых культурно-бытовых ценностей, заложенных в пословицах и поговорках:

Il n'est soin que quand on a faim Ne service que d'ennemi, Ne mâcher qu'un botel de fain, Ne fort guet que d'homme endormi, Ne clémence que félonie, N'assurance que de peureux, Ne foi que d'homme qui renie, Ne bien conseillé qu'amoureux… [38].	Враг помогает, друг вредит; Вкус мы находим только в сене; Бесстыдник тот, кто терпит стыд; Без равнодушья нет влеченья; Порука силы – ослабленье; Бывает мышь страшней, чем слон; Примета памяти – забвенье; Не глуп лишь дурень, что влюблен… (перевод Ю. Корнеева) [38].

Современный французский писатель Бернар Вербер (род. в 1961) отдал дань вековой мудрости, разместив на своем сайте [39] более 200 ва-

риантов паремий и их трансформированных вариантов, собранных с помощью неравнодушных пользователей сети, рядовых носителей французской лингвокультуры, что свидетельствует о «живом» и актуальном характере данного материала, который и проанализирован в настоящей статье, где мы хотели бы представить на единой платформе интертекстуальность и интертекстуальную деривацию устойчивых выражений французского языка, приводящую к образованию трансформированных паремий.

Анализ семантических полей трансформированных паремий

Афоризмы, крылатые выражения, пословицы, фразеологические единицы являются интеллектуальным и культурным достоянием нации и человечества. Они широко используются носителями той или иной лингвокультуры и выполняют различные функции: моделирующую, орнаментальную, развлекательную [17, с. 87-91], парольную, персуазивную, людическую [21, с. 87-88] и др. С точки зрения лингвокультурологии вышеупомянутые пласты языкового богатства являются наиболее «культуроносными», отражая скрытые в наивной картине мира следы взаимодействия языка и культуры [17, 26, с. 17-18]. В плоскости лингвокультурологии лежит и изучение семантических полей ТП. К примеру, анализ практического материала показал, что для среднего француза актуальны следующие ценности:

− свобода: *Les plus jolis oiseaux sont en cage. => Les plus jolis oiseaux sont en liberté* [39]. Здесь и далее сначала приведена исходная паремия, затем ее трансформированный вариант; примеры взяты с сайта http://www.bernardwerber.com/interactif/antiproverbes.php.

− равенство: *Baisse la tête devant plus grand que toi. => Lève la tête devant plus grand que toi*;

− индивидуализм: *Un pour tous. Tous pour un. => Personne pour rien. Rien pour personne; Un grand homme ne s'abandonne pas à lui même. => Un grand homme est souvent livré a lui même*. Здесь индивидуализм граничит с одиночеством, одной из насущных проблем современного европейского общества;

− гуманистические идеалы и постмодернистский взгляд человека внутрь себя: *Si tu veux la paix, prépare la guerre. => Si tu veux la paix, prépare la paix. Ne fais pas aux autres ce que tu ne veux pas qu'on te fasse. => Ne te fais pas à toi-même ce que tu ne veux pas qu'un autre te fasse.*

− изменения в подходах к школьному образованию: *Ce qu'on apprend péniblement, se retient plus longtemps. => Ce qu'on apprend avec plaisir, se retient plus longtemps.* Замена компонента. Отражение кардинальных изменений в педагогических и дидактических методиках, впервые ясно сформулированных в трудах М. Монтессори;

− протестные настроения молодежи: *Les murs ont des oreilles. => Vos oreilles ont des murs (grafiti contestataire);*

− проблемы безработицы: *Bon ouvrier ne reste jamais sans rien faire. => Bon ouvrier reste souvent sans rien faire;*

− ценности европейской демократии: *Bon silence vaut mieux que mauvaise dispute. => Bonne dispute vaut mieux que mauvais silence;*

− проактивный деятельностный подход к событиям окружающей действительности: *Tout vient à point à qui sait attendre. =>Tout vient à point à qui sait s'y prendre. Dans le doute, abstiens-toi. => Dans le doute, essaie. Supporte et attends. => Essaie de changer ce que tu ne peux plus supporter.* В эпоху технического прорыва для появления новых важна не столько воля, сколько интеллектуальные способности: *Entre le possible et l'impossible se mesure la volonté des hommes. => Entre le possible et l'impossible se mesure l'intelligence des hommes.* Однако следующая ТП вступает в диалог с предыдущей, иронизирует и снижает пафос: *Sans maîtrise, la puissance n'est rien. => Sans puissance, nul besoin de maîtrise.*

Деньги и власть в современных условиях глобализации не уступают пальму первенства другим ценностям: *Amour fait beaucoup, mais argent fait tout. => L'argent fait beaucoup mais l'amour brouille tout. L'argent ne fait pas le bonheur. => La pauvreté ne fait pas le bonheur.*

В эпоху информационного взрыва и главенства масс-медиа меняется подход к информации: *La curiosité est un vilain défaut. =>La curiosité est une sublime compétence (relatif à la théorie de l'information). Trois sortes de gens disent la vérité: les sots, les enfants et les ivrognes=> Trois sortes de gens disent des bêtises: les sots, les enfants et les ivrognes. La paresse est la mère de tous les vices. => La presse est la mère de tous les vices.* Меняется взгляд на религию и науку: *L'homme sans la science craint Dieu. => L'homme avec la science se prend pour Dieu.*

Трансформированные паремии в контексте интертекстуальности

Говорящий и пишущий носитель языка стремится сделать речь более оригинальной и выразительной с помощью готовых форм – клише, цитат, паремий. Они хорошо известны и эмоционально емки для представителей данной лингвокультуры, поэтому на них распространяется закон карнавализации ценностей (по М. М. Бахтину): наиболее важное подвергается осмеянию. Это и ведет к тому, что готовые образцы используются не только в исходном, но и в трансформированном виде. Единица встраивается в новый текст, порождая конструкцию «текст в тексте». Трансформируемый текст Т1 служит материалом для образования текста Т2: *Il n'est jamais trop tard pour bien faire. => Quand il est trop tard, on ne peux plus rien faire.* Пословица получает продолжение и смысловое развитие, образуется новое текстовое единство с приращением смысла: *Il faut souffrir pour être belle. =>Il faut se faire plaisir pour être belle.* Выполнена антонимическая замена, ведущая к переосмыслению стандартного подхода к уходу за собой в рамках гедонистической философии современного человека.

Таким образом, можно говорить о том, что на базе структурно-семантических трансформаций и в результате языковой игры в живой речи, в художественной прозе и т. п. происходит интертекстуальная деривация устойчивых оборотов: с помощью различных лингвистических способов из исходных выражений (паремий-прототипов) или на основе прецедентных текстов (ПТ) иного рода образуются авторские паремии. Компонент содержательной структуры одного текста используется в процессе текстопорождения и создания нового текста. Деривация при таком подходе понимается как образование текста Т2 от текста Т1. Ю. Н. Караулов, который впервые заговорил о ПТ, называет таковыми тексты «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [10, с. 105].

Для более объемного представления феномена ИД, ведущей к образованию трансформированных паремий, следует остановиться на понятиях интертекста и интертекстуальности. Текстовое пространство, в котором мы живем, можно назвать интертекстуальным пространством (см. подробнее [16; 23]). В основе этого понятия лежит идея о всеобщем многомерном пространстве Текста, в котором любое произведение возникает как отклик и реплика на другое высказывание. Это значит, что любой текст обретает свою смысловую полноту не только благодаря своей референциальности, но и в силу своей взаимной соотнесенности, поскольку все тексты находятся в общем интертекстовом пространстве. К подобному по своей сути выводу пришел еще М. М. Бахтин: «Не существует ни одного высказывания вне его взаимодействия с другими высказываниями. Слова языка – ничьи, но в тоже время мы слышим их только в определенных индивидуальных произведениях, и здесь слова имеют не только типическую, но и более или менее выраженную (в зависимости от жанра) индивидуальную экспрессию, определяемую неповторимо-индивидуальным контекстом высказывания» [2, с. 284]. Наша речь, то есть все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полны чужих слов, разной степени «чужести» или разной степени освоенности. Эти чужие слова приносят с собой экспрессию, свою оценку, которая осваивается, переакцентируется нами [2, с. 285]. Таким образом, единственное, что может автор, – это выбирать те или иные элементы и варьировать их в контексте общепринятых шаблонов, а также переносить эти элементы из одной системы в другую. Это и есть принцип калейдоскопа, провозглашенный постмодернистами: «Через призму интертекстуальности мир предстает как огромный текст, в котором все когда-то уже было сказано: смешение определенных элементов дает все новые комбинации» [18, с. 334].

Термин *интертекстуальность* был введен Ю. Кристевой в 1967 на основе анализа концепции «полифонического романа» М. М. Бахтина, зафиксировавшего феномен диалога текста с текстами и жанрами, предшествующими и параллельными ему во времени. В целом, концепция интертекстуальности восходит к фундаментальной идее неклассической философии об активной роли социокультурной среды в процессе смыслопонимания и смыслопорождения [11, с. 333]. Основной заслугой русского мыслителя Ю. Кристева считает то, что он впервые предложил взамен статического членения текстов модель, в которой литературная структура не существует как данность, но вырабатывается по от-

ношению к другой структуре. Любой текст, по М. М. Бахтину, строится как мозаика цитат, «любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум двойному прочтению» [11, с. 428-429]. В. П. Руднев, исследователь постмодернизма, определяет интертекст как основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма, состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам. Цитата в поэтике интертекста перестает играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, она становится залогом самовозрастания смысла текста [20].

Авторы «Словаря крылатых выражений Пушкина» В. М. Мокиенко и К. П. Сидоренко [15] говорят в этой связи об интертекстуальной динамике: текст-источник (паремия-прототип или иной ПТ) включается в новый текст и развивается в нем. Авторы считают целесообразным введение термина **интертекстема,** под которым понимается межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи [15, с. 22]. Выделяются 1) интертекстемы первого (исходного) ранга: исходное выражение в этом случае берется таким, каким оно представлено в тексте-источнике; 2) интертекстемы второго (трансформационного) ранга – варианты, приобретающие в новом тексте функциональную автономность или самостоятельность, являющиеся в структурно-количественном или лексико-семантическом отношениях производными от собственно «канонического слова» [15, с. 23]. Нас более интересуют интертекстемы второго ранга, так как мы рассматриваем единицы, испытавшие те или иные трансформации с образованием ТП: *La vérité sort de la bouche des enfants. => De la bouche des enfants sortent les paroles des parents.* Выполнено смысловое развитие через комплексное преобразование и создание ТП на основе известной структуры. *Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se casse. => Tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle est pleine.* Замена и окказиональная антонимия ведут к ироническому переосмыслению паремии, благодаря полисемии *plein – полон*: в положительном значении – наполненный, не пустой, в отрицательном значении – пресыщенный, потерявший смысл дальнейших действий.

Семантические и структурно-семантические трансформации паремий французского языка

Лингвистически ИД может осуществляться в рамках описанных структурно-семантических трансформаций ФЕ по А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [14], но мы считаем необходимым уточнить данную классификацию по наличию игрового момента, выделив, таким образом: I. Семантические и структурно-семантические трансформации неигрового характера; II. Структурно-семантические трансформации игрового характера.

I. Семантические и структурно-семантические трансформации неигрового характера:

1. Семантические преобразования. К преобразованиям этого типа относятся процессы, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру паремии. Паремия приобретает дополнительный семантический оттенок.

- Изменение коннотативного содержания. Коннотация (экспрессивный и функционально-стилистический компоненты значения) неразрывно связана с предметно-логическим содержанием языкового знака: *L'argent mène le monde. => L'argent mène le monde à sa perte.*
- Двойная актуализация и буквализация значения. Прямое значение паремии, представляющее собой образную основу, не только актуализируется, но выступает на первый план: *Si vous voulez récolter de l'argent, il faut en semer. => L'argent ne pousse pas sur les arbres.* Диалог с исходной паремией и буквализация *semer* через столкновение с *pousser*.
- Переосмысление и экспликация внутренней формы. При введении в соответствующий «раскрывающий» контекст устанавливаются семантические ассоциации, определяющие новую внутреннюю форму: *L'argent fait la loi. => L'argent fait la loi parce que certains homme l'ont voulu et les autres ont laissé faire.* Выполнено смысловое развитие через добавление придаточного предложения.

2. Структурно-семантические преобразования представляют собой смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и / или грамматической формы паремии. Отметим, в силу специфики самого материала не всегда удается привести пример, где имеет место

лишь одно преобразование. Нередко они сочетаются. Среди них выделяют два основных типа (вслед за авторами [14]): 1) преобразования, не приводящие к нарушению тождества паремий; 2) преобразования, в результате которых возникают *окказиональные* пословицы и поговорки. В результате структурно-семантических преобразований первого типа создаются различные индивидуально-авторские антипословицы, конкретизирующие и развивающие смысловое содержание, усиливающее экспрессивность в пределах тождества паремии. Преобразования второго типа характеризуются признаками, свидетельствующими о нарушении тождества паремии: изменением предметно-понятийного содержания, категориальной семантики, нетождественностью образной основы [14, с. 28]. Однако при ближайшем рассмотрении сам антипословичный материал оказывает сопротивление такому жесткому разделению, вызывая в сознании исследователя сомнение, в какой степени нарушается тождество паремии и порождая вопрос: где заканчивается тождество паремии и начинается окказиональность? В рамках настоящей работы мы оставляем этот вопрос дискуссионным. Итак, среди преобразований первой подгруппы следует отметить:

1. Изменение компонентного состава пословицы.

• Замена компонента пословицы словом или словосочетанием: *Les contraires s'attirent. => Les contraires s'annihilent. Ce qui ne tue pas rend plus fort. => Ce qui ne tue pas rend plus méfiant* (антонимическая замена). *Qui a bu, boira. => Qui a bu n'a plus soif.* Буквализация и снижение пафоса предсказания.

• Добавление и расширение компонентного состава пословицы: *Le monde appartient à ceux qui se lèvent tot. => Le monde appartient à ceux qui ont des employés qui se lèvent tot. Faute avouée est à moitié pardonnée. => Faute non avouée n'a pas besoin d'être pardonnée*. Смысловое развитие.

• Сокращение компонентного состава (эллипсис). При этом смысловое содержание может сохраняться, а может приобретать новые черты. Экспрессивность, образность может усилиться, так как на первый план выходит комический эффект: *Quand le soleil s'éclipse, on en voit la grandeur. => Quand le soleil s'eclipse, on ne le voit plus.* Опущение компонента, отрицание. *Mieux vaut vivre enchaîné près de celui que l'on aime, que libre au milieu des jardins près de celui que l'on hait. => Mieux vaut vivre libre près de celui que l'on aime, au milieu des jardins!*

2. Изменения в расположении компонентов.

• Синтаксическая инверсия как средство усиления экспрессивности, смыслового выделения компонентов: *Chaque solution amène de nouveaux problèmes. => Chaque nouveau problème amène de nouvelles solutions. Les succès produisent les succès, comme l'argent produit l'argent. => Les succès produisent l'argent, comme l'argent produit le succès.* Хиазм – стилистическая фигура, которая предполагает обратный параллелизм в симметричных частях фразы, часто с двойным лексическим повтором [29], зеркальная перестановка компонентов. Хиазм – один из самых распространенных механизмов трансформации собранных Б. Вербером паремий французского языка, так как данная стилистическая фигура представляет собой «выворачивание на изнанку» в чистом виде, ту самую «twisted wisdom» в терминах англоязычных исследователей [34].

• Переход утвердительных форм в отрицательные, и наоборот: *Qui cherche, trouve! => Qui ne cherche pas, trouve. Aide-toi et le ciel t'aidera. => Aide-toi car le ciel ne t'aidera pas.* Замена положительной формы глагола на отрицательную и характера связи между простыми предложениями (сочинение на подчинение) приводит к переосмыслению пословицы в контексте деятельностного подхода.

• Полная деформация. При этом отдельные компоненты могут употребляться обособленно, не вступая в синтаксические связи, или употребляются в качестве смысловых центров сочетаний, коренным образом отличающихся структурой и лексическим составом от исходного:. *Tous les hommes d'action sont des rêveurs. => Les hommes d'action n'ont pas le temps de rêver.*

• Использование отдельных компонентов, выражающих элементы значения паремии: *L'amour rend aveugle. => L'attachement rend aveugle, la séparation rend la vue. Supporte et attends. =>Essaie de changer ce que tu ne peux plus supporter.* Смысловое развитие. Деятельностный проактивный подход европейского сознания.

В результате преобразований второй подгруппы возникают окказиональные (индивидуально-авторские) паремии. Сюда примыкает образование авторских афоризмов, основанных на уже существующих паремиях-прототипах и фразеологических единицах. Могут иметь место:

• Структурно-семантическая (ролевая) инверсия: *On n'offense personne en l'aimant. => En*

offensant, personne ne nous aime. Un âne peut donner un coup de pied à un lion mort. => Un lion mort fera trébucher les ânes.

• Конверсия ситуации. Происходит замена ситуации, отражающей действие, производимое определенным субъектом, ситуацией, в которой тот же субъект оказывается в роли объекта, на который распространяется действие, производимое другим субъектом: *Qui ne tente rien n'a rien. => Qui n'a plus rien tente tout. Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait ... => Si vieillesse savait ce que jeunesse pouvait!* Хиазм, синтаксическая трансформация условного придаточного в дополнительное придаточное, изменение цели высказывания.

• Контаминация: объединение пословиц, фразеологизмов и др., в результате чего может возникнуть антипословица. Контаминация частей двух или трех пословиц, фразеологизмов или полных пословиц: *L'argent n'a pas d'odeur. => L'argent mène le monde par le bout du nez même s'il n'a pas d'odeur (Jean Dion). A beau mentir qui vient de loin. => Nul n'est prophète en son pays.* Диалог двух паремий.

• Коренное переосмысление паремий. При этом может наблюдаться утрата смысловых связей, нарушение семантического тождества с производящей паремией. Лексический состав и грамматическая структура прототипа могут быть частично сохранены: *La tartine tombe toujours du côté qui est complètement beurré. => Comme la tartine, l'ivrogne tombe toujours du côté qui est complètement beurré.*

• Образование окказиональных ТП: а) по моделям на базе образа при частичном изменении значения и образной основы: *La vérité sort de la bouche des enfants. => De la bouche des enfants sortent les paroles des parents.* Смысловое развитие через комплексное преобразование. Создание новой паремии на основе известной структуры. *Ne pas voir. Ne pas entendre. Ne pas parler. (Secret du Bonheur). => Apprendre à regarder. Etre à l'écoute. Transmettre.* б) на основе авторских афоризмов: *Médiocre est l'élève qui ne dépasse pas le maître. (Léonard De Vinci). =>Médiocre est le maître dont l'élève le surpasse. Un ami, c'est quelqu'un qui sait tout de toi, et qui t'aime quand même (F. W. Hubbard). => Un ex ami, c'est quelqu'un qui ne t'aime plus parce qu'il sait tout de toi.* Примеры данного пункта представляют собой диалог с исходной паремией.

• В дополнение к используемой классификации структурно-семантических трансформаций [14] в исследуемом материале наблюдаются трансформации, ведущие к смысловому развитию

– с разрушением парадокса: *Le mieux est l'ennemi du bien. => Le pire est l'ennemi du bien.* Антонимическая замена, разрушение парадокса. *Qui paie ses dettes s'enrichit. =>Qui paie ses dettes s'appauvrit. Apprends la sagesse dans la sottise des autres. => Apprends la sagesse dans l'intelligence des autres. L'exception confirme la règle. => L'exception détruit la règle.* – с образованием парадокса: *Qui cherche, trouve! => Qui ne cherche pas, trouve.*

II. Структурно-семантические трансформации игрового характера. Их отличие от первой группы в том, что замена, добавление компонентов и другие операции проходят с образованием каламбура или другого вида языковой игры. Оговоримся, что иногда трансформации происходят на стыке первого и второго типа. В этом случае не всегда возможно причислить результат такой ИД бесспорно к тому или иному типу. Более подробно о игровых трансформациях при образовании ТП см. [4], о каламбуре и парономазе во французском языке см. [31]. Итак, среди игровых трансформаций представлены: **а**) двойная актуализация и буквализация значения: *On se heurte toujours où l'on a mal. => On a toujours mal où l'on se heurte.* Mal – a) плохо b) больно (семический каламбур), se heurter – a) сталкиваться с препятствием b) ударяться, причинять себе боль; **б**) замена компонента на иной, вступающий с исходным в отношения паронимической аттракции (парономаза): *Plus on est de fous, plus on rit. => Plus on est de fous, plus on périt. Tous les goûts sont dans la nature. => Tous les égouts vont dans la Nature. Si tu ne peux le combattre, embrasse ton ennemi. => Si tu ne peux le combattre, embarrasse ton ennemi.* Фонический каламбур на основе паронимии; **в**) замена компонента омофоном: *Plus on est de fous plus on rit. => Plus on est de fous et moins il y a de riz;* **г**) замена компонентов, приводящая к раскрытию полисемии компонентов: *Heureux est l'élève qui comme la rivière arrive à suivre son cours sans sortir de son lit. => Heureux est l'élève qui ne suis pas ses cours en sortant du lit.* Lit – 1) кровать; 2) русло реки.

Результаты исследования

В статье представлены преобразования, порождающие ТП на основе существующих в языке пословиц и поговорок, размещенных на сайте писателя Б. Вербера и собранных с помощью рядовых носителей французской лингвокультуры.

Систематизация преобразований может послужить полем для психолингвистического экспериментирования, выявляющего определенные механизмы ассоциативно-образного мышления. Этот способ ментального освоения действительности отражается в узуальных и окказиональных употреблениях паремий, в их конфигурациях, фиксация которых служит воссозданию языковых моделей мира в динамике. Текст превращается в интертекст, встраиваясь в общий вертикальный контекст текстового универсума. Готовые образцы – прецедентные тексты и другие устойчивые формы – зачастую используются не в исходном, а в трансформированном виде, то есть подвергаются интертекстуальной деривации. ИД осуществляется путем различных структурно-семантических трансформаций: **семантические преобразования**, среди которых изменение коннотативного содержания, двойная актуализация и буквализация значения, переосмысление и экспликация внутренней формы; **структурно-семантические преобразования**, в числе которых замена компонента, добавление и расширение компонентного состава, эллипсис, изменения в расположении компонентов, синтаксическая инверсия, хиазм, переход утвердительных форм в отрицательные и наоборот, полная деформация, использование отдельных компонентов, выражающих элементы значения паремии, конверсия ситуации, контаминация, коренное переосмысление паремий, образование окказиональных ТП с разрушением или образованием парадокса. **Структурно-семантические трансформации игрового характера** происходят в результате замены компонентов на иные, вступающие в отношения паронимии, омофонии и полисемии с исходными элементами**.** Не всегда представляется возможным провести четкую границу между трансформированной и окказиональной паремией. Иногда трансформированная паремия создается на основе прототипа по образцу и структурному подобию, не сохраняя исходную семантику. Смысл прототипа накладывается на смысл деривата, смыслы множатся, отвечая потребностям современного лингвокультурного сообщества, отражая его карнавальную раскованность и демократизацию языковых процессов.

Библиографический список

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность [Текст] : сборник статей / И. В. Арнольд; науч. редактор П. Е. Бухаркин. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 444 с.

2. Бахтин, М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук [Текст] / М. М. Бахтин / сост. и автор вступ. ст. С. Г. Бочаров. – СПб. : Азбука, 2000. – 333 с.

3. Бурвикова, Н. Д., Костомаров, В. Г. Жизнь в мимолетных мелочах. [Текст] / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2006. – 69 с.

4. Бутько, Ю. В. Каламбур как способ реализации «антипословицы» [Текст] / Ю. В. Бутько // Язык и общество: Диалог культур и традиций. Сборник материалов международной научной конференции «Чтения Ушинского». – 2007. – С. 34-41.

5. Бутько, Ю. В. Структурно-семантические трансформации в паремиях Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) [Текст] / Ю. В. Бутько // Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф.н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – М. : ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. – С. 197-201.

6. Бутько, Ю. В. Новые паремии как результат интертекстуальной деривации [Текст] / Ю. В. Бутько // Фразеология в прошлом и настоящем Материалы XXXVII Международной филологической конференции. Факультет филологии и искусств СПбГУ. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2009. – С. 37-45.

7. Бутько, Ю. В. Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов (на материале лингвокультурологического анализа паремий) [Текст] / Ю. В. Бутько. – Ярославль, 2009. – 232 с.

8. Бутько, Ю. В. Трансформированные паремии как вторичный текст [Текст] / Ю. В. Бутько // Проблемы теории и практики межкультурной коммуникации: сб. науч. тр. / под ред. Т. В. Шульдешовой. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – С. 113-117.

9. Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. Антипословицы в современной живой русской речи [Текст] / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Х. Вальтер, В. М. Мокиенко Антипословицы русского народа. – СПб. : Издательский Дом «Нева», 2005. – С. 3-17.

10. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности [Текст] / Ю. Н. Караулов // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М. : Русский язык, 1986. – С. 105-126.

11. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М. : ИГ «Прогресс», 2000. – С. 427-457.

12. Майданова, Л. М. Речевая интенция и типология вторичных текстов [Текст] / Л. М. Майданова // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994.

13. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

14. Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – 863 с.

15. Мокиенко, В. М., Сидоренко, К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина [Текст] / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – СПб. : Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. – 752с.

16. Нестерова, Н. М. Текст и перевод в зеркале философских парадигм [Текст] / Н. М. Нестерова. – Пермь, 2005. – 203 с.

17. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии [Текст] / Г. Л. Пермяков. – М. : «Наука», 1988. – 240 с.

18. Постмодернизм. Энциклопедия [Текст]. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.

19. Раадранириана А. М. Представление феномена антипаремии в русском, французском и малагасийском языках [Текст] / А. М. Раадранириана // Вестник РУДН. – Серия: Теория Языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – С. 975-984.

20. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века [Текст] / В. П. Руднев. – М. : «Аграф», 2001. – 608 с.

21. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 128 с.

22. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление [Текст] / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-28.

23. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов [Текст] / Н. А. Фатеева. – М. : Агар, 2000. – 280 с.

24. Федорова, Н. Н. Современные трансформации русских пословиц [Текст] : монография / Н. Н. Федорова. – Псков : изд во ООО «Гименей», 2007. – 226 с.

25. Фокина, М. А. Интертекстуальная деривация крылатых выражений в литературно-художественном дискурсе [Текст] / М. А. Фокина // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 315-322.

26. Фразеология в контексте культуры [Текст]. – М. : «Языки русской культуры», 1999. – 336 с.

27. Шумакова, А. П. Французский афоризм как текст [Текст] / А. П. Шумакова. – М. : МПГУ, 2006. – 23 с.

28. Anscombre, J. C. Proverbes et formes proverbiales: valeur evidentielle et argumentative / J. C. Anscombre. – 2000. – Vol. 102. – № 1. – P. 95-107.

29. Bacry, P. Les figures de style : et autres procédés stylistiques / P. Bacry. – Paris : Belin, coll. «Collection Sujets», 1992. – 335 p.

30. Gutknech, C. Lauter spitze Zungen / C. Gutknech. – München, 1997. – 296 S.

31. Héber, A. Calembour et paronomase. Une plus ou moins grande charge sémantique? / A. Heber // Verbum. – № 1-2–3. – 1993. – Nancy : Presses universitaires de Nancy. – P. 111-118.

32. Litovkina, Anna T. Old proverbs Never Die: Anti Proverbs in the Language Classroom / A. T. Litovkina // Foldes, Csaba (ed.) Res humanae proverbium et sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder. – Tubingen : Gunter Narr Verlag, 2004. – P. 295-326.

33. Litovkina, Anna T. “На net и суда нет”: Punning in Anglo-american and Russian Anti-Proverbs / Anna T. Litovkina // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Издательство «Элпис», 2006. – С. 556-570.

34. Mieder, W., Litovkina, A. T. Twisted Wisdom, Modern Anti-proverbs / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Vermont, 1999. – 254 p.

35. Miliča, I. Proverbs et antiproverbs / I. Miliča // Proverbs and proverbials forms: evidential and argumentative volume 102, no 1. – Paris. Anscombre, J. C. 2000-2011. – 117 p.

36. Montessori, M. Impariamo dai bambini ad essere grandi / M. Montessori. – Garzanti Libri s.r.l., Milano, Gruppo editoriale Mauri Spagnol, 2014. – 197 p.

37. Shapira, C. Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation / C. Shapira // Languages. – 2000. – Vol. 34. – № 139. – P. 81-97.

38. Villon, F. Ballade des contre-vérités // F. Villon. – URL: http://villon-poetry.ru/ballades/28

39. Werber, B. Faites vous aussi vos anti-proverbes // B. Werber. – URL: http://www.bernardwerber.com/interactif/antiproverbes.php

40. Zouogbo, J. P. Le proverbe entre langue et culture / J. P. Zouogbo. – Bern : Peter Lang SA, 2006. – 361 p.

Reference List

1. Arnol'd, I. V. Semantika. Stilistika = Intertekstual'nost# Semantics. Stylistics. Intertextuality [Tekst] : sbornik statej / I. V. Arnol'd; nauch. redaktor P. E. Buharkin. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. – 444 s.

2. Bahtin, M. M. Avtor i geroj: K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk = The author and hero: To philosophical foundations of the Humanities [Tekst] / M. M. Bahtin / sost. i avtor vstup. st. S. G. Bocharov. – SPb. : Azbuka, 2000. – 333 s.

3. Burvikova, N. D., Kostomarov, V. G. Zhizn' v mimoletnyh melochah = Life in fleeting trifles [Tekst] / N. D. Burvikova, V. G. Kostomarov. – SPb. : Zlatoust, 2006. – 69 s.

4. But'ko, Ju. V. Kalambur kak sposob realizacii «antiposlovicy» = Pun as a way to implement «antiproverbs» [Tekst] / Ju. V. But'ko // Jazyk i obshhestvo: Dialog kul'tur i tradicij. Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chtenija Ushinskogo». – 2007. – S. 34-41.

5. But'ko, Ju. V. Strukturno-semanticheskie transformacii v paremijah Frazeologizm i slovo v nacional'no-kul'turnom diskurse (lingvisticheskij i lingvo-

metodicheskij aspekty) = Structural-semantic transformations in paroemias. Phraseologism and word in national-cultural discourse (linguistic and linguomethodic aspects) [Tekst] / Ju. V. But'ko // Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, posvjashhennaja jubileju d.f.n., prof. A. M. Melerovich (Kostroma, 20-22 marta 2008 g.). – M. : OOO «Izdatel'stvo JeLPIS», 2008. – S. 197-201.

6. But'ko, Ju. V. Novye paremii kak rezul'tat intertekstual'noj derivacii = New paremias as a result of intertextual derivation [Tekst] / Ju. V. But'ko // Frazeologija v proshlom i nastojashhem Materialy XXXVII Mezhdunarodnoj filologicheskoj konferencii. Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU. – Sankt-Peterburg – Grajfsval'd, 2009. – S. 37-45.

7. But'ko, Ju. V. Lingvokul'turologicheskaja harakteristika mezhtekstovyh svjazej v uslovijah demokratizacii jazykovyh processov (na materiale lingvokul'turologicheskogo analiza paremij) = Linguoculturological characteristic of inter-text connections in the conditions of democratization of language processes (on the material of linguoculturological analysis of paremias) [Tekst] / Ju. V. But'ko. – Jaroslavl', 2009. – 232 s.

8. But'ko, Ju. V. Transformirovannye paremii kak vtorichnyj tekst = Transformed paremias as a secondary text [Tekst] / Ju. V. But'ko // Problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauch. tr. / pod red. T. V. Shul'deshovoj. – Jaroslavl' : JarGU, 2010. – S. 113-117.

9. Val'ter, H., Mokienko, V. M. Antiposlovicy v sovremennoj zhivoj russkoj rechi = Antiproverbs in modern living Russian speech [Tekst] / H. Val'ter, V. M. Mokienko // H. Val'ter, V. M. Mokienko Antiposlovicy russkogo naroda. – SPb. : Izdatel'skij Dom «Neva», 2005. – S. 3-17.

10. Karaulov, Ju. N. Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti = Role of precedent texts in the structure and functioning of the language personality [Tekst] / Ju. N. Karaulov // Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury. Doklady sovetskoj delegacii na VI kongresse MAPRJaL. – M. : Russkij jazyk, 1986. – S. 105-126.

11. Kristeva, Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman = Bakhtin, word, dialogue and novel [Tekst] / Ju. Kristeva // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu. – M. : IG «Progress», 2000. – S. 427-457.

12. Majdanova, L. M. Rechevaja intencija i tipologija vtorichnyh tekstov = Speech intention and typology of secondary texts [Tekst] / L. M. Majdanova // Chelovek – tekst – kul'tura. – Ekaterinburg, 1994.

13. 13. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija = Linguoculturology [Tekst] : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / V. A. Maslova. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. – 208 s.

14. Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. Frazeologizmy v russkoj rechi. Slovar' = Phraseological units in Russian speech. Dictionary [Tekst] / A. M. Melerovich, V. M. Mokienko. – M. : Russkie slovari, 1997. – 863 s.

15. Mokienko, V. M., Sidorenko, K. P. Slovar' krylatyh vyrazhenij Pushkina = Dictionary of Pushkin 's winged phrases [Tekst] / V. M. Mokienko, K. P. Sidorenko. – SPb. : Izd-vo SPbGU; Folio-Press, 1999. – 752s.

16. Nesterova, N. M. Tekst i perevod v zerkale filosofskih paradigm = Text and interpretation in the mirror of philosophical paradigm [Tekst] / N. M. Nesterova. – Perm', 2005. – 203 s.

17. Permjakov, G. L. Osnovy strukturnoj paremiologii = Foundations of structural paremiology [Tekst] / G. L. Permjakov. – M. : «Nauka», 1988. – 240 s.

18. Postmodernizm. Jenciklopedija = Postmodernism. Encyclopedia [Tekst]. – Minsk : Interpresservis; Knizhnyj Dom, 2001. – 1040 s.

19. Raadraniriana A. M. Predstavlenie fenomena antiparemii v russkom, francuzskom i malagasijskom jazykah = Presentation of the phenomenon of antiparemia in Russian, French and Malagasy [Tekst] / A. M. Raadraniriana // Vestnik RUDN. – Serija: Teorija Jazyka. Semiotika. Semantika. – 2017. – S. 975-984.

20. Rudnev, V. P. Jenciklopedicheskij clovar' kul'tury HH veka = Encyclopedia of the XX century culture [Tekst] / V. P. Rudnev. – M. : «Agraf», 2001. – 608 s.

21. Slyshkin, G. G. Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse [Tekst] / G. G. Slyshkin. – M. : Academia, 2000. – 128 c.

22. Suprun, A. E. Tekstovye reminiscencii kak jazykovoe javlenie = Textual reminiscences as a language phenomenon [Tekst] / A. E. Suprun // Voprosy jazykoznanija. – 1995. – № 6. – S. 17-28.

23. Fateeva, N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili intertekst v mire tekstov = Counterpoint intertextuality, or intertext in the world of texts [Tekst] / N. A. Fateeva. – M. : Agar, 2000. – 280 s.

24. Fedorova, N. N. Sovremennye transformacii russkih poslovic = Modern transformations of Russian proverbs [Tekst] : monografija / N. N. Fedorova. – Pskov : izd vo OOO «Gimenej», 2007. – 226 s.

25. Fokina, M. A. Intertekstual'naja derivacija krylatyh vyrazhenij v literaturno-hudozhestvennom diskurse = Intertextual derivation of winged phrases in literary discourse [Tekst] / M. A. Fokina // Kul'turnye sloi vo frazeologizmah i diskursivnyh praktikah / otv. red. V. N. Telija. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – S. 315-322.

26. Frazeologija v kontekste kul'tury = Phraseology in the context of culture [Tekst]. – M. : «Jazyki russkoj kul'tury», 1999. – 336 s.

27. Shumakova, A. P. Francuzskij aforizm kak tekst = French aphorism as text [Tekst] / A. P. Shumakova. – M. : MPGU, 2006. – 23 s.

28. Anscombre, J. C. Proverbes et formes proverbiales: valeur evidentielle et argumentative / J. C. Anscombre. – 2000. – Vol. 102. – № 1. – P. 95-107.

29. Bacry, P. Les figures de style : et autres procédés stylistiques / P. Bacry. – Paris : Belin, coll. «Collection Sujets», 1992. – 335 p.

30. Gutknech, C. Lauter spitze Zungen / C. Gutknech. – München, 1997. – 296 S.

31. Héber, A. Calembour et paronomase. Une plus ou moins grande charge sémantique? / A. Heber // Verbum. – № 1-2–3. – 1993. – Nancy : Presses universitaires de Nancy. – P. 111-118.

32. Litovkina, Anna T. Old proverbs Never Die: Anti Proverbs in the Language Classroom / A. T. Litovkina // Foldes, Csaba (ed.) Res humanae proverbium et sententiarum: Ad honorem Wolfgangi Mieder. – Tubingen : Gunter Narr Verlag, 2004. – P. 295-326.

33. Litovkina, Anna T. “На net и суда нет”: Punning in Anglo-american and Russian Anti-Proverbs / Anna T. Litovkina // Слово в словаре и дискурсе: Сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. М.: ООО «Издательство «Элпис», 2006. – С. 556-570.

34. Mieder, W., Litovkina, A. T. Twisted Wisdom, Modern Anti-proverbs / W. Mieder, A. T. Litovkina. – Vermont, 1999. – 254 p.

35. Miliča, I. Proverbs et antiproverbs / I. Miliča // Proverbs and proverbials forms: evidential and argumentative volume 102, no 1. – Paris. Anscombre, J. C. 2000-2011. – 117 p.

36. Montessori, M. Impariamo dai bambini ad essere grandi / M. Montessori. – Garzanti Libri s.r.l., Milano, Gruppo editoriale Mauri Spagnol, 2014. – 197 p.

37. Shapira, C. Proverbe, proverbialisation et déproverbialisation / C. Shapira // Languages. – 2000. – Vol. 34. – № 139. – P. 81-97.

38. Villon, F. Ballade des contre-vérités // F. Villon. – URL: http://villon-poetry.ru/ballades/28

39. Werber, B. Faites vous aussi vos anti-proverbes // B. Werber. – URL: http://www.bernardwerber.com/interactif/antiproverbes.php

40. Zouogbo, J. P. Le proverbe entre langue et culture / J. P. Zouogbo. – Bern : Peter Lang SA, 2006. – 361 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.03.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10491
УДК 81'366.573

Н. М. Васильева https://orcid.org/0000-0001-7411-528X

Способы выражения пассивного значения в научном стиле речи (соотношение местоименной формы глагола и конструкции être+причастие)

В статье представлены результаты исследования средств выражения пассивного значения в научном стиле речи французского языка. Основными средствами выражения этого значения служат конструкция “être+причастие” и местоименная форма глагола. Для выявления факторов, которые накладывают ограничения в употреблении данных средств в научном тексте, автор исследует оба средства на разных уровнях. Во-первых, устанавливаются различия между морфологическим и синтаксическим пассивом, с этой целью предпринята попытка установить зависимость значения перифрастического пассива от неперфективности / перфективности, временной формы глаголов. Во-вторых, принимая во внимание неоднозначность толкования лингвистами термина «агентное дополнение», наличие / отсутствие в предложении данного вида дополнения может также являться фактором, влияющим на выбор средства передачи пассивного значения. В-третьих, подвергается анализу лексико-грамматическая природа глагола, обнаруживающая способность / неспособность глагола к перифрастическому пассиву. Выявлен ряд глаголов, которым присуще употребление в местоименной форме именно в научном дискурсе. Проведенный анализ научных (лингвистических) текстов показывает, что в зависимости от условий контекста оппозиция между средствами передачи пассива, может сближаться или нейтрализоваться. Полученные в ходе исследования результаты дают возможность, с одной стороны, уточнить морфосинтаксические и семантические признаки перифрастического пассива и местоименной формы глагола; с другой стороны, показать наиболее типичные черты научного стиля как особого функционального стиля речи французского языка. Сделанные автором выводы могут также пролить свет на некоторые проблемы межуровневой связи.

Ключевые слова: французский язык, научный стиль, пассивное значение, конструкция “etre+причастие”, местоименная форма глагола, пассивный перифраз, агентное дополнение, лексико-грамматическая природа глагола.

N. M. Vasilieva

Means to express the passive in the scientific language (correlation of the pronominal verbal form and the construction être+participle)

In the article the results of studying the means to express the passive in the scientific language of French are presented. The main mean to express the passive are the construction “être+participle” and a pronominal form of the verb. To determine the factors limiting the use of these means in a scientific text the author studies the both means at different levels. Firstly, the difference is determined between the morphological and syntactic passives. For that purpose, there has been made an attempt to trace the meaning of the periphrastic passive to the imperfect / perfect category of the verb, to the tense of the verb. Secondly, paying attention to the varying interpretation of the term “agent complement” by the linguists the presence / the absence of the complement of this type in the phrase can be one of the factors influencing the choice of the means to express the passive. Thirdly, the author analyses the lexical grammatical nature of the verb that serves to discover the verb capacity / incapacity for the periphrastic passive. There have been detected a number of the verbs used in the pronominal form just in the scientific discourse. The conducted analysis of the scientific (linguistic) texts shows the dependence of the opposition between the two means to express the passive on the context. Sometimes, this opposition can be minimal or neutralized. The obtained results give the possibility to precise the morphosyntactic and semantic marks of the periphrastic passive and to show the most typical features of the scientific language as a particular rhetorical mode of French. The drawn conclusions can throw light on some problems of the level-to-level relationships.

Keywords: French language, scientific language, passive, construction “être+participle”, pronominal verbal form, periphrastic passive, agent complement, lexical grammatical nature of the verb.

© Васильева Н. М., 2019

Основным средством выражения пассивного значения во французском языке является сочетание “être+причастие”. С грамматическим статусом данного сочетания связано немало спорных проблем. Большинство грамматистов рассматривает конструкцию глагола être с причастием как единицу морфологического уровня, а именно как аналитическую глагольную форму, где “être” является вспомогательным глаголом. Однако больше оснований считать данное сочетание атрибутивной конструкцией не с аналитическим, а связочным глаголом. Пассивное значение с этой точки зрения выступает как одно из значений многозначной (или полифункциональной) синтаксической конструкции. Такая трактовка сочетания “être+причастие” отражена в некоторых французских грамматиках. Так, например, Л. Теньер говорит о частом смешении понятий пассива и состояния [14, p. 245], а П. Лё Гоффик определяет пассив как самостоятельную атрибутивную структуру, а не как результат трансформации активной структуры [7, p. 202-203]. Мы полностью разделяем мнение О. Соважо, который определяет так называемую «пассивную конструкцию» как один из случаев более общей конструкции: глагол “être” в сочетании с атрибутивным прилагательным [12, p. 130]. Таким образом пассивное значение не является внутренне присущим конструкции “être+причастие”, а реализуется в определенных условиях.

По поводу сферы распространения перифрастического пассива также существуют различные точки зрения: некоторые говорят о его мало типичном и редком употреблении во французском языке [14, p. 245; 17, p. 196], другие, напротив, подчеркивают его широкое распространение, сравните, например, Вагнер, Пэншон: “Contrairement à un préjugé tenace, l’emploi du passif est très vivant en français, aussi bien dans la langue parlée que dans la langue écrite” [16, p. 302].

Как отмечают грамматисты, конструкция “être+причастие”, обозначающая пассивное действие, имеет ряд особенностей, в частности: неупотребление одушевленного подлежащего (имеются исключения), не-употребление глагола в 1 и во 2 лице и др. Данные особенности, со своей стороны, подтверждают тезис о том, что сочетание “être+причастие” образует не аналитическую залоговую форму, а синтаксическую структуру с несколькими значениями, одним из которых является пассивное значение. Определение того или иного значения может быть иногда затруднительным, отсюда возможность неоднозначной интерпретации конструкции “être+причастие”. Об этом говорят некоторые синтаксисты, например, Альварес: “Mars est-elle habitée?” – est-ce une construction attributive ou une construction passive? [2, p. 122].

Другим средством выражения пассивного значения является местоименная форма глагола. Многие грамматисты, как известно, говорят о местоименных глаголах как особом классе глаголов, внутри которого выделяются глаголы собственно-возвратные, взаимовозвратные, средневозвратные, пассивные и т. д. Однако больше оснований выделять не сами глаголы, а различные значения одного и того же глагола. Иными словами, оппозиция местоименность / неместоименность реализуется не в лексическом, а в грамматическом плане (см. об этом подробнее в работах Н. М. Васильевой, Л. П. Пицковой [1, с. 116-126; 15]. Необходимо отметить, что некоторые авторы считают целесообразным различать местоименные <u>глаголы</u> и местоименную <u>конструкцию</u> [11, p. 456]. Употребление местоименной формы в пассивном значении отличается по ряду признаков от ее употребления в других значениях, в первую очередь в значении возвратном. Это относится, в частности, к природе подлежащего: одушевленного в возвратном значении и неодушевленного – в пассивном (Marie se lave / le tissu se lave). Интересен в этом плане переход пассивного значения в возвратное в результате замены конструкции “être+причастие” местоименной формой: Dans ce pays les criminels sont pendus → dans ce pays les criminels se pendent (пример Де Бура [4, p. 59]. Типичное для некоторых глаголов значение возвратности и не типичное пассивности наглядно проявляется в тех предложениях, где возвратное значение выражено местоименной формой, а пассивное с теми же глаголами заменено сочетанием “être+причастие”: Or quel est le premier devoir de l’élite? Savoir <u>se maîtriser</u>. Et quelle est la première chose nécessaire pour apprendre à se maîtriser? C’est être maîtrisé soi-même” (P. Daninos).

В научном стиле речи основные признаки местоименной формы глагола и сочетания “être+причастие” в принципе сохраняются. Различия в их употреблении в качестве средств выражения пассивности связаны с тремя основными факторами: 1) значением перфективности / неперфективности; 2) наличием / отсутствием агентного дополнения; 3) лексико-грамматическим типом глаголов. Остановимся подробно на каждом из этих факторов.

1. Согласно большинству французских лингвистов, основным различием между морфологическим и синтаксическим пассивом является обозначение процесса действия (cela se fait) и

результата действия (cela est fait), сравните, Вагнер, Пэншон: “Cela est fait” signifie “cela n’est plus à faire, car on l’a déjà fait. “Cela se fait” signifie “on est en train de le faire” [16, p. 302]. В этом же плане высказывается и Стефанини: “Les phrases ”une robe de coton est facilement lavée” et “une robe de coton se lave facilement” ne sont pas éqivalentes. Dans le premier cas il s’agit du lavage achevé, et le participe passé lavée marque la qualité attribuée au sujet. Se lave signifie non seulement du lavage fait, mais aussi du lavage à faire et du lavage qu’on est en train de faire” [13, p. 107].

Однако положение осложняется тем, что конструкция “être+причастие” имеет, в свою очередь, двойственное значение: процесса и результата. То и другое значение реализуются в зависимости от значения перфектности и неперфектности глагола. Перфективные глаголы (verbes perfectifs) обозначают результат действия: trouver, atteindre, terminer, tomber, arriver и т. п.; неперфективные глаголы (verbes imperfectifs) – действие в развитии: marcher, pleurer, murmurer, respecter, méditer и т. п. Те и другие глаголы придают, соответственно, пассивному обороту значение результативности действия: les copies sont corrigées; либо действия в процессе его совершения: le coupable est activement recherché (см. подробнее “Grammaire méthodique” [11, p. 736]). В значении перифрастического пассива возможны сдвиги. Так, например, перфективное значение в предложении “Le travail est fait” смещается в сторону неперфективного в предложении: “Elle [Sonia] n’est simplement faite à l’image de M. Cyrus Lippcott…” (P. Daninos) с тем же глаголом. Такое изменение связано с влиянием контекстуального окружения, а именно наличия второстепенных членов, способствующих к тому же сближению пассивного значения с атрибутивным.

В научной литературе, в связи с ее преимущественным описательным стилем изложения, преобладают предложения со значением процессности: ce procédé est nettement moins répandu [5, p. 13]; l’inversion est limitée aux auxiliaires [5, p. 15]. Данное значение усиливается наречиями типа toujours, souvent и т. п.: “… une question négative est pratiquement toujours orientée vers une réponse affirmative” [5, p. 19]. Значение перифрастического пассива связано в определенной мере с временной формой глагола: сложные времена способствуют перфектному характеру сочетания “être+причастие”, тогда как простые времена – неперфектному. (Подробный анализ различия в значениях конструкции “être+причастие” в зависимости от видо-временной формы глагола содержится в статье Йенсена [6]).

Местоименная форма глагола в пассивном значении употребляется в научных текстах наиболее часто в настоящем времени, придающем действию неперфективное значение: La “Grammaire méthodique du français” est une grammaire globale du français contemporain, tel qu’il s’écrit, se parle et se manifeste dans la variété de ses usages” (отзыв на «Методическую грамматику», обложка книги). Естественно, что местоименная форма широко используется в различного рода дефинициях, не обозначающих временной локализации, то есть в так называемом вневременном значении (présent intemporel). Такое употребление местоименной формы не ограничивается, естественно, научным стилем речи: Cela se dit, mais cela ne se fait pas.

2. Вторым фактором, определяющим выбор конструкции “être+причастие” и местоименной формы, является наличие / отсутствие в составе предложения так называемого агентного дополнения (complément d’agent), которое употребляется или предполагается в первом случае и исключается во втором. «Агент действия» понимается иногда очень широко, а именно как любое существительное с предлогами “par” или “de” (одушевленное, неодушевленное, конкретное, абстрактное и т. д.): la ville a été prise par mes troupes; il fut blessé à la tête par une balle ennemie. Другие рассматривают в качестве агентного дополнения только одушевленные существительные, а все остальные существительные относят к другим типам дополнений или обстоятельств (compléments de moyen, de cause, d’origine и т. д.). (Дистрибуция предлогов “par” и “de” – отдельный и спорный вопрос (см. [16, p. 304; 11, p. 733-735; 3, p. 26-27; 3, p. 201-203; 8] и др.) Согласно многим авторам, предложения без агентного дополнения встречаются значительно чаще, чем предложения с агентным дополнением, которое во многих случаях не считается необходимым для смысла фразы [3, p. 26]. П. Лё Гоффик, на основе статистических данных (=соотношение предложений с агентным дополнением и без него как один к четырем в газете “Monde”), считает его наличие во многих случаях бесполезным, неудачным или вообще невозможным [7, p. 203]. В научном стиле конструкции с агентным дополнением, естественно, не исключаются: mais sa réalisation [= du procès] est envisagée négativement par le locateur [11, p. 709]. Однако более распространены такие предложения, в которых агентное дополнение формально не выражено, но подразумевается контекстуально (действие совершается кем-то). Пассивные конструкции, содержащие «скрытый» агент действия (“agent fantôme” [11,

p. 460]), типичны для глаголов étudier, examiner, envisager, proposer, représenter и т. п. Предложения с данными глаголами широко распространены во французской научной литературе: Ces questions ont été examinées de façon systématique; De nouvelles définitions sont proposées…; Les traits particuliers de ces formes seront étudiés dans la section suivante, и т. п. В конструкциях со «скрытым» (латентным) дополнением действующего лица перифрастический пассив также не может, как правило, быть заменен местоименной формой глагола: *les explications se proposent, *ces traits s'examinent.

3. Важным фактором в употреблении одного из двух средств выражения пассива является лексико-грамматическая природа глагола, которая может совмещаться с перфективностью / неперфективностью и агентным дополнением, но может быть от них независимой. Известно, что в пассивной конструкции "être+причастие" употребляются не все (даже переходные) глаголы. Соответственно, грамматисты выделяют определенные типы глаголов, для которых такое употребление возможно: "verbes passivables" [11, p. 732-733]. Для других глаголов, напротив, исключена местоименная форма: она либо отсутствует вообще, либо не употребляется в пассивном значении. Так, например, вследствие отсутствия глагола "se privilégier" сочетание "être privilégié" оказывается единственно возможным: Le négatif est privilégié par rapport au positif [11, p. 681]. Глагол "amener" используется исключительно в конструкции "être+причастие" (on est amené à constater…), поскольку форма "s'amener" не употребляется в пассивном значении (в современном французском языке за ней закреплено значение "venir", "arriver" в народном или арготическом регистре). Для глагола "se soumettre" типично не пассивное, а возвратное значение, отсюда его обычная замена сочетанием "être+причастие": Comme noyaux, ils peuvent être soumis [= les pronoms interrogatifs] à des déterminations spécifiantes [9, p. 67]. То же самое относится к глаголу "s'introduire", которому свойственно активное значение (pénétrer, entrer dans), – а потому в пассивном значении используется "être+причастие": La question globale est introduite par la particule… [5, p. 28]. Аналогичное положение вещей (то есть отсутствие пассивного значения) наблюдается и у глаголов: se relever, se fixer, se suivre, s'utiliser, для которых типично употребление в конструкции "être+причастие" в любых контекстах: L'usage de cette particule n'est guère fixé… [3, p. 246]; Le verbe est suivi d'un complément [11, p. 676; 11, p. 678] и т. п. Явное предпочтение к перифрастическому пассиву обнаруживает очень частотный глагол marquer: Elle est marquée [=l'intonation totale] par une intonation suivant une courbe mélodique [11, p. 670]; … où l'interrogation est marquée par… [5, p. 12]. Одним из наиболее типичных для научного стиля является сочетание "être postposé (antéposé)", не имеющее аналога в виде местоименной формы: "Le pronom personnel sujet est obligatoirement postposé au verbe" [11, p. 676].

С другой стороны, существует немало глаголов, явно предрасположенных к функционированию в местоименной форме. Это, например, глаголы s'expliquer, se rencontrer, s'imposer, se manifester и др.: Elle s'explique par l'absence de savoir du locuteur [5, p. 30]; … ne se manifeste pas une distinction entre défini et non défini [9, p. 67]. Некоторые из таких глаголов характеризуются очень широкой сферой употребления именно в научном стиле речи, как например, глагол "se poser", образующий стереотипные структуры в личной и безличной конструкции: la question se pose, il se pose le problème и т. п. Для отдельных глаголов местоименная форма является вообще единственной. К ним относится, в частности, глагол "se comporter", для которого конструкция "être+причастие", как отмечают грамматисты, исключена [10, p. 207].

Таким образом, материал французской научной литературы (в основном лингвистической) позволяет установить различия в значении и употреблении местоименной формы и сочетания "être+причастие" как основных средств выражения пассивного значения. Данные различия обусловлены принадлежностью обоих средств к разным языковым уровням (морфологическому и синтаксическому).

Несмотря на различительные признаки способов обозначения пассивного значения их оппозиция может иногда стираться и в определенной мере нейтрализоваться. В результате возможно употребление местоименной формы глагола и сочетания "être+причастие" в близких или даже одинаковых семантико-синтаксических контекстах. Так, например, в научных (лингвистических) текстах имеет место чередование глагола s'employer и конструкции "être+employé": Ces adverbes s'emploient dans les mêmes structures [11, p. 677]; Cette expression est autant employée à l'écrit qu'à l'oral [11, p. 676]. Типично для научных текстов также чередование se placer / être placé: Le sujet se place directement après le verbe [3, p. 111]; Dans le parler quotidien le pronom interrogatif simple se place très souvent après le prédicat verbal [9, p. 69]; Le pronom personnel sujet est

placé après le verbe [11, p. 677]; Le sujet est placé en tête de phrase [11, p. 673; 11, p. 675].

Факторы, обусловливающие употребление одного из двух способов выражения пассива, могут быть взаимоисключающими, либо сочетаться друг с другом. Сопоставительное изучение средств выражения пассивного значения дало возможность, с одной стороны, уточнить морфосинтаксические и семантические признаки перифрастического пассива и местоименной формы глагола; с другой стороны, показать наиболее типичные черты научного стиля как особого функционального стиля речи французского языка. Результаты исследования могут также пролить свет на некоторые проблемы межуровневой связи.

Отметим в заключение, что средства выражения пассивного значения во французском языке, как и в других языках, могут изучаться в аспекте темарематической организации предложения. Это относится в первую очередь к структуре глагола être в сочетании с причастием, поскольку в данном случае встает вопрос о статусе подлежащего в функции темы и ремы в активной и пассивной конструкциях (отдельная тема исследования).

Библиографический список

1. Васильева, Н. М. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для академического бакалавриата [Текст] / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 473 с.

2. Alvarez, G. H. Transitivité et économie de l'objet dans l'énoncé français. Thèse pour le doctorat. Faculté des lettres et sciences humaines Paris-Nanterre, 1968.

3. Béchade, H-D. Syntaxe du français moderne et contemporain. – Paris : PUF, 1986. – 333 p.

4. Boer, C. De. Syntaxe du français moderne. – Leiden, Universitaire Pers, 1954.

5. Feuillet, J. Adjectifs et adverbes: essai de classification. Travaux linguistiques du Cerlico 3, 1991. – P. 35-58.

6. Jensen, J. S. 'Vorgang' et 'Zustand' des formes passives et leurs rapports avec l'aspect du verbe en français moderne. Etudes romanes dédiées à A. Blinkenberg. – Copenhague : Munksgaard, 1963. – P. 59-83.

7. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. – Paris, 2008. – 538 p.

8. Le Querler N. La position du sujet dans l'interrogation directe en français. Travaux linguistiques du Cerlico 7. – 1994. – P. 143-164.

9. Martinet, A. Grammaire fonctionnelle du français. – Paris : Didier-Credif, 1984. – 276 p.

10. Pinchon, J. Morphosyntaxe du français. Etude de cas. – Paris : Hachette, 1986. – 301 p.

11. Riegel, M., Pellat, J.-C., Rioul, R. Grammaire méthodique du français. – Paris : P. U. F., 2016. – 1168 p.

12. Sauvageot, Aur. Français écrit, français parlé. – Paris : Larousse, 1962. – 236 p.

13. Stefanini, J. La voix pronominale en ancien et en moyen français. – Aix-en-Provence, 1962. – 753 p.

14. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale. – Paris : Klincksieck, 1988. – 674 p.

15. Vassilieva, N. M., Pitskova, L. P. Les catégories grammaticales du verbe français. – Moscou : «Vyssaja skola», 1979. – 152 p.

16. Wagner, R. L., Pinchon, J. Grammaire du français classique et moderne. – Paris : Hachette, 2007. 640 p.

17. Wartburg, W., Zumthor, P. Précis de syntaxe du français contemporain. – Bern : Francke, 1973. – 400 p.

Reference List

1. Васильева, Н. М. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис: учебник для академического бакалавриата = French. Theoretical grammar, morphology, syntax: textbook for academic baccalaureate [Текст] / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 473 с.

2. Alvarez, G. H. Transitivité et économie de l'objet dans l'énoncé français. Thèse pour le doctorat. Faculté des lettres et sciences humaines Paris-Nanterre, 1968.

3. Béchade, H-D. Syntaxe du français moderne et contemporain. – Paris : PUF, 1986. – 333 p.

4. Boer, C. De. Syntaxe du français moderne. – Leiden, Universitaire Pers, 1954.

5. Feuillet, J. Adjectifs et adverbes: essai de classification. Travaux linguistiques du Cerlico 3, 1991. – P. 35-58.

6. Jensen, J. S. 'Vorgang' et 'Zustand' des formes passives et leurs rapports avec l'aspect du verbe en français moderne. Etudes romanes dédiées à A. Blinkenberg. – Copenhague : Munksgaard, 1963. – P. 59-83.

7. Le Goffic P. Grammaire de la phrase française. – Paris, 2008. – 538 p.

8. Le Querler N. La position du sujet dans l'interrogation directe en français. Travaux linguistiques du Cerlico 7. – 1994. – P. 143-164.

9. Martinet, A. Grammaire fonctionnelle du français. – Paris : Didier-Credif, 1984. – 276 p.

10. Pinchon, J. Morphosyntaxe du français. Etude de cas. – Paris : Hachette, 1986. – 301 p.

11. Riegel, M., Pellat, J.-C., Rioul, R. Grammaire méthodique du français. – Paris : P. U. F., 2016. – 1168 p.

12. Sauvageot, Aur. Français écrit, français parlé. – Paris : Larousse, 1962. – 236 p.

13. Stefanini, J. La voix pronominale en ancien et en moyen français. – Aix-en-Provence, 1962. – 753 p.

14. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale. – Paris : Klincksieck, 1988. – 674 p.

15. Vassilieva, N. M., Pitskova, L. P. Les catégories grammaticales du verbe français. – Moscou : «Vyssaja skola», 1979. – 152 p.

16. Wagner, R. L., Pinchon, J. Grammaire du français classique et moderne. – Paris : Hachette, 2007. 640 p.

17. Wartburg, W., Zumthor, P. Précis de syntaxe du français contemporain. – Bern : Francke, 1973. – 400 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10492
УДК 8; 811.133.1

С. И. Соловьева https://orcid.org/0000-0001-8467-152x

Разговорная сниженная лексика и ее функции во французском языке (на материале произведений Д. Пеннака)

В данной статье речь идет об особенностях функционирования разговорной сниженной лексики в художественных произведениях франкоязычной литературы на материале произведения Д. Пеннака «Фея Карабина».

Основной **целью** данного исследования является определение специфики употребления разговорной и стилистически сниженной лексики в художественных произведениях франкоязычной литературы на примере произведения Д. Пеннака «Фея Карабина».

В статье дается определение разговорной сниженной лексики на русском и французском языках, анализируются различия в данных определениях, а также приводятся основные отличия разговорной сниженной лексики от языковой нормы. Кроме того, проводится анализ особенностей функционирования отдельных единиц сниженной разговорной лексики французского языка в выбранном произведении, употреблённых самостоятельно и в составе предложений. В статье отражены особенности перевода единиц разговорной сниженной лексики с французского языка на русский, с учётом основных переводческих трансформаций, которые были использованы в процессе перевода.

Автором делается вывод о том, что широкое использование разговорной сниженной лексики в произведениях французской художественной литературы в целом и в произведении Д. Пеннака «Фея Карабина» в частности обусловлено рядом причин, а именно: желанием автора дать более яркую и детальную характеристику изображаемым персонажам; стремлением донести до читателя характерные особенности того места и времени, о котором идет речь в произведении; использованием разговорной сниженной лексики, которая наиболее полно отражает взгляд на мир автора произведения.

Ключевые слова: сниженная лексика, французский язык, языковая норма, словосочетание, лексическая единица, функционирование, характеристика, разговорная лексика, сленг, переводческая трансформация.

S. I. Solovieva

Spoken reduced vocabulary and its functions in French (on the material of D. Pennac’s works)

In this article we are talking about the features of the functioning of the spoken reduced vocabulary in the works of French literature on the material of the work of D. Pennac «Fairy carbine». The author gives the definition of spoken reduced vocabulary in Russian, English and French, analyzing the differences in these definitions, as well as the main differences between spoken reduced vocabulary from the language norm. Also, the author analyzes the features of the functioning of individual units of reduced spoken vocabulary of the French language in the selected work, both as part of the proposals and in the form of individual words and phrases. The author also analyzes the peculiarities of the translation of units of spoken reduced vocabulary from French into Russian, analyzing the main translation transformations that were used in the translation process.

The main purpose of this study is to determine the features of the functioning of colloquial and stylistically reduced vocabulary in works of art of French-language literature on the example of D. Pennac’s work «La fée carabine».

Research objectives are to define the colloquial and reduced vocabulary; analyze the differences of this vocabulary from the language norm; to analyze the features of the functioning of individual units of reduced conversational vocabulary of the French language.

The author concludes that the widespread use of colloquial reduced vocabulary in the works of French literature in General and in the work of D. Pennac «La fée carabine» in particular is due to a number of reasons, namely: the author's desire to give a more vivid and detailed description of the depicted characters; to convey to the reader the characteristics of the place and time under question in the work; the fact that such use of colloquial reduced vocabulary most fully reflects the inner world of the author of the work, his view of the world, as well as not the events that he depicts.

© Соловьева С. И., 2019

Keywords: reduced vocabulary, French language, language norm, word combination, lexical unit, functioning, characteristic, colloquial vocabulary, slang, translation transformation.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является проведение исследований в области разговорной лексики и фразеологии. Интерес к этой теме проявляют как отечественные, так и зарубежные лингвисты и филологи.

Обзор литературы: В. Н. Аристова [2], Н. Д. Арутюнова [3], И. З. Борисова[5], Д. Э. Воротникова [6], Н. В. Захарова [9], А. В. Зыкова [11], Т. Б. Кузёма, К. А. Сиднеева [14], Н. Н. Лопатников, Н. А. Мошович [15], И. Л. Перестонина, А. Д. Урмилова [18], Л. П. Полянская [19], Н. К. Рузибоева[21], A. Lehmann [25] и др.

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что в современной французской прозе используются многочисленные слова и выражения, относящиеся к разговорной лексике, а среди них, в свою очередь, значительное место занимает сниженная лексика, которая придает произведениям художественной французской литературы особый колорит. Однако, необходимо отметить тот факт, что современная французская проза нечасто становится объектом исследования лингвистов и других специалистов по языкознанию с точки зрения особенностей употребления в ней сниженной разговорной лексики. Соответственно, представляется целесообразным восполнить этот пробел на примере произведений современного французского писателя Д. Пеннака, чей роман «Фея Карабина» был переведен на множество языков.

Разговорная лексика (в том числе и ее сниженные разновидности) обладает ярко выраженным этнокультурным характером и колоритом, а также особой социально-языковой спецификой, в силу чего она широко используется в произведениях французской художественной литературы для того, чтобы придать больший колорит описываемым явлениям, а также более полно охарактеризовать тот или иной персонаж произведения.

В качестве цели исследования в рамках заявленной темы выступает анализ особенностей функционирования разговорной сниженной лексики во французском языке на материале романа Д. Пеннака «La fée carabine» («Фея карабина»).

Методология исследования: основными методами исследования являются: метод сравнительного анализа, метод определения семантических соответствий, метод переводческих трансформаций, а также метод обобщения.

Перед тем, как переходить к непосредственному анализу особенностей функционирования разговорной сниженной лексики в выбранном произведении, представляется целесообразным дать определение сниженной лексики и охарактеризовать ее основные особенности.

Стилистически сниженная лексика представляет собой лексику, которая имеет характерные отличия от литературного языка или же от языкового стандарта. Под языковым стандартом в данном случае целесообразно понимать образцовый, нормализованный язык, нормы которого воспринимаются в качестве «правильных» и общеобязательных [1, с. 12]. Большинство исследователей выделятся три разновидности нестандартной лексики, а именно:

1. Сниженные коллоквиализмы, в качестве примера которых в русском языке можно привести следующий: «быть в зюзю» – напиться, быть пьяным.

2. Сленгизмы, которые в соответствии со сферой их употребления можно подразделить на следующие разновидности:

− общий сленг, например: уйти – умереть, телка – девушка, свалить – уйти и т. д.;

− специальный сленг, в состав которого включаются корпоративные (групповые) и профессиональные жаргонизмы. В качестве примеров в данном случае можно привести следующие: писка – заточенная монета (из жаргона карманников), крыло – компенсатор плавучести особой формы (из профессионального сленга дайверов) и т. д.

3. Вульгаризмы, например: задница, свинья и т. д. [12, с. 39].

М. М. Маковским вся стилистически сниженная лексика делится на две большие разновидности, а именно: территориальные и социальные диалекты. Под диалектом данный исследователь понимает территориальную, временную или социальную разновидность языка, которая употребляется более или менее ограниченным количеством людей и имеет отличия в фонетике, грамматике, лексемном составе и семантике от языкового стандарта, в качестве которого, в свою очередь, выступает диалект, обладающий наибольшей социальной престижностью [16, с. 44].

Разговорная лексика, в том числе и ее сниженный вариант, широко используется для того, чтобы передать эмоции, и в данном случае представляется целесообразным обратить внимание на такие процессы, как мелиорация и пейорация, поскольку они, наряду с широко распространенными метонимией, метафоризацией, эвфемизацией и иными языковыми процессами, также хорошо справляются с данной задачей. Соответственно, необходимо более подробно остановиться на особенностях пейоративной лексики, так как именно она, по большей части, относится к сниженной. В большинстве толковых словарей термин «пейоративный» толкуется в качестве «негативного» или «отрицательного». Так, например, в словаре иностранных слов Н. Г. Комлева «пейорация» (от латинского термина pejorarus – pejorare – ухудшаться) и его однокоренных слов (пейоратив, пейоративный) определяется следующим образом: «ухудшение или «сужение» значения слова в процессе его функционирования в языке, снижение стилистических характеристик лексической единицы» [13, с. 806].

В качестве примера можно рассмотреть французское слово «garce», которое переводится как «девка» и которым раньше обозначалась любая девушка, однако, в пейоративном значении данный термин обозначает девушку, которая ведет себя неподобающим образом. Интересно отметить, что подобное явление имеется также и в русском языке.

В английском источнике «The Art and Popular Culture Encyclopedia» предлагается следующее значение слова «pejorative»: «A word or phrase is pejorative if it implies contempt or disapproval», что можно перевести следующим образом: «слово или фраза являются пейоративными в том случае, если они подразумевают презрение или неодобрение» [27]. Похожее определение имеется и во французском языке, а именно: «Qui a une dénotation ou une connotation défavorable», что можно перевести как «слово, обладающее неблагоприятным оттенком» [Цит. по: 4, с. 229].

Таким образом, можно говорить о том, что в разных источниках предлагается различная интерпретация данного термина – от изменения значения слова в рамках диахронического контекста, до присвоения слову оценочного значения, причем у такого значения имеется оттенок неодобрения или негатива. Тем не менее, необходимо отметить, что в качестве общего для всех толкований данного термина выступает осуждение и критика.

По настоящий момент времени не было сформировано словаря пейоративов, и более того, отсутствуют выделенные критерии, в соответствии с которыми определенные слова могли бы быть отнесены к данной группе. Отдельными исследователями, например, Л. В. Сафоновой, предлагается ряд критериев, в соответствии с которыми можно произвести отбор пейоративной лексики, а именно:

− присутствие определенных словарных помет;

− отсутствие показателя общеупотребительности;

− наличие у данного слова синонима в рамках литературного языка [22, с. 56].

Можно выделить несколько наиболее широко распространенных способов образования и дальнейшего развития пейоративов во французском и русском языках, а именно:

1. Семантическое развитие слова, которое основывается на сходстве и ассоциациях, которые могут быть названы этим словом, например: bois d'ébène (черное дерево) (жарг.) – негр, африканец, «шоколадка» в значении «африканец».

2. Посредством заимствований, что наблюдается в том случае, когда слово заимствуется из другого языка и закрепляется в языке-реципиенте. Так, например, в современном французском языке в настоящий период времени наблюдается закрепление и стремительное развитие пейоративной лексики в связи с непрекращающейся иммиграцией во Францию представителей множества национальностей, что приводит к отражению в языке всех этих социальных потрясений и рождению новых названий, в качестве характерных примеров которых можно привести следующие: «moukère» – смуглая женщина или «crépu» (курчавый) – араб.

3. Образование пейоративов-существительных осуществляется при помощи множества способов словообразования, в качестве наиболее продуктивного из которых можно назвать аффиксацию. Так, например, в русском языке среди наиболее продуктивных суффиксов распространены такие, как: –ан, -ен, -уг(а), -иг(а): политикан, прихвостень, жадюга и др. Что касается французских пейоративов, то они образуются, главным образом, посредством присоединения таких суффиксов, как: –é, -ive, -if, что можно продемонстрировать на примере слова «noirsif», «fumé» и т. д.

Пейоративность в языке может быть выражена не только посредством одиночных слов. Огромный стилистический пласт языка представлен фразеологизмами, имеющими эмоциональную окраску. В качестве эмоциональной полярности мелиоративных (положительно окрашенных) фразеологизмов выступают пейоративные (имеющие отрицательную окраску). Посредством использования пейоративных фразеологизмов человек описывается с пренебрежительной или неодобрительной точки зрения. Необходимо отметить, что в большинстве случаев пейоративность фразеологизмов выражается посредством использования грамматической категории отрицания [10, с. 485].

Как во французском, так и в русском языке добавление отрицания в синтаксическую конструкцию высказывания означает, что значение всего высказывания меняется на противоположное, что представляется целесообразным продемонстрировать на примерах. Так, например, в качестве французского эквивалента русского выражения «ни шатко, ни валко» выступает французское «comme ci comme ça», а выражение «ne pas voir plus loin que le bout de son nez» имеет русский эквивалент «не видеть дальше своего носа». Можно заметить, что в приведенных выше примерах отрицательные частицы «ne pas» и «не» обладают негативной коннотацией. Тем не менее, факт наличия отрицания далеко не всегда говорит о том, что выражение имеет негативную окраску. Так, например, русское выражение «он и мухи не обидит» обозначает положительное качество, а именно – «добрый». Пример из французского языка «N'avoir pas peur de mots» переводится как «называть вещи своими именами», также демонстрирует отсутствие уничижительного значения выражения при наличии отрицания.

Необходимо отметить, что в отдельных случаях в разных языках образные модели могут совпадать даже в случае дословного перевода, что, безусловно, значительно облегчает понимание иностранным читателем художественных текстов, содержащих идиоматические выражения. Так, например, русское выражение «метать громы и молнии» в значении «очень сильно гневаться» соответствует французскому «jeter feu et flamme», что представляет его буквальный перевод. Вышеприведенный пример, будучи одним из многих, свидетельствует о том, что пейоративно-оценочное мышление может обладать сходством у разных наций.

Примеры, которые были проанализированы выше, дают возможность сделать вывод о том, что отрицательные эмоции и отрицательные оценки людей и их поведения, выраженные посредством разговорной сниженной лексики, приводят к появлению пейоративной лексики. В качестве источника пейоративов могут выступать такие, как: сам человек, его внешность, поступки или поведение. Пейоративность может быть выражена посредством отдельных слов, словосочетаний, а также фразеологических единиц. Соответственно, в качестве процесса пейоративности можно назвать такой процесс, который является отклонением от социальной нормы, а также норм морали и этики.

Результаты исследования

Для того, чтобы проиллюстрировать вышесказанное, представляется целесообразным привести примеры использования разговорной сниженной лексики французского языка на материале одного из произведений Д. Пеннака, а именно – «Фея Карабина».

Данное произведение представляет собой современный детектив, в котором широко представлена профессиональная лексика таких представителей социума, как полицейские, преступники, деклассированные элементы, иммигранты и т. д. В разговорной сниженной лексике данного произведения нашли свое отражение этносоциальные особенности существования и повседневной жизни жителей окраин Парижа, где в настоящий период времени сконцентрированы представители низших социальных слоев французского общества [8, с. 419]. Язык обитателей современных французских трущоб, наиболее яркими представителями которых можно назвать безработных, стариков, выходцев из Северной Африки и т. д., отличается повышенной частотностью употребления стилистически сниженной лексики, перевод которой на русский язык, с одной стороны, отличается сложностью, а с другой, – дает возможность читателю, не владеющему французским языком, понять характер этнокультурных особенностей языка автора данного произведения. Все вышесказанное можно проиллюстрировать на примерах из произведения.

- Putain, Cercaire, ça ripe sur la glace! [26, p. 3]. – – Черт, Серкер, по льду не рисуется!

В данном предложении слово «putain» обладает ярко выраженной сниженной стилистикой, причем интересно, что на русский язык оно было переведено как «черт». В соответствии с толко-

ванием, которое дано в словаре Larousse (dictionnaire de l'argot), у слова «putain» имеются следующие значения: проститутка, развратная женщина [24, с. 187]. Если же говорить о русском значении слова «черт», то, в соответствии с Толковым словарем русского языка С. И. Ожегова, у данного слова имеются следующие толкования: злой дух, сверхъестественное существо, олицетворяющее злое начало; теперь употребляется как бранное слово [17, с. 511].

В соответствии с определениями данного слова в различных словарях [7, 23, 24] , можно сделать вывод о том, что значение данного слова в русском и французском языке толкуется поразному, однако, переводчиком оно было переведено весьма удачно, поскольку посредством использования слова «черт» в русском переводе удалось достичь эмоциональности высказывания, а также функционального значения данного слова, а именно: восклицания. В данном случае в процессе перевода был использован метод функционального аналога. В процессе перевода переводчик мог бы воспользоваться также и такими современными молодежными сленговыми вариантами разговорной сниженной лексики, как: «пипец», «капец», «блин», «е-мое» и т. д., однако, в литературном отношении слово «черт» явилось наиболее подходящим. Соответственно, можно говорить о том, что переводчиком был найден наиболее подходящий и адекватный эквивалент.

- Je veux le salaud qui a fait ça [26, p. 3]. – Я найду сволочь, которая это сделала.

В вышеприведенном примере слово «salaud» было переведено как «сволочь». Если обратиться к словарю Larousse (dictionnaire de l'argot), то можно видеть, что словом «salaud» определяется человек нечестный, лицемерный, презренный, в то время как Толковый словарь Ожегова под словом «сволочь» понимает негодяя, мерзавца, подлого человека. Проанализировав значение данного слова в словарях, можно прийти к выводу о том, что русское и французское значения слова совпадают, поскольку в данном предложении речь идет о негодяе и мерзавце. Соответственно, использование дословного перевода в этом случае оправдано, поскольку он максимально точно передает значение данного слова.

Putain de vieille salope: sortir la mort violente sous les lunettes roses de mon Petit… [26, p. 6]. – Чертова старая карга, устроила смертоубийство прямо перед розовыми очками Малыша…

В данном случае интерес вызывает слово «salope», которое было переведено как «карга». В словаре Larousse (dictionnaire de l'argot) слово «salope» толкуется как «женщина, имеющая сомнительную репутацию, обладающая плохими манерами, действиями и поступками» [24, с. 191], в то время как в Толковом словаре Ожегова слово «карга» имеет значение «злая и безобразная старуха» [17, с. 309]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что в данном случае переводчиком был использован прием конкретизации, что говорит о том, что переводчику удалась целостная передача идеи автора, поскольку в слове «карга» уже заложена возрастная характеристика, в то время как во французском языке она может быть передана только посредством прилагательного ««vieille» (старая), причем необходимо отметить, что это прилагательное имеется и в русском переводе, однако, при его опущении смысл предложения не изменится.

- Tu lis pas les journaux ? Tu sais pas ce qu'on leur fait, nous aut' les junkies à vous aut' les vieilles peaux? [26, p. 3]. – Газет, что ли, не читаешь? Не слыхала, что мы, наркоманы, делаем с такими вот старыми перечницами?

В данном случае необходимо обратить внимание на слово «junkies», которое в словаре Larousse (dictionnaire de l'argot) рассматривается как «человек, который зависит от наркотиков» [24, с. 55]. В Толковом словаре Ожегова данное слово имеет толкование «человек, который страдает наркоманией» [17, с. 400]. Анализ обоих приведенных определений дает возможность сделать вывод об их одинаковых значениях, чем и воспользовался переводчик, применив дословный перевод. Однако, данное слово, хотя и звучит достаточно лаконично и точно, не в полной мере отражает эмоциональную окрашенность замысла автора произведения. В данном случае было бы более оправданным перевести его как «торчки», поскольку именно этот вариант разговорной сниженной лексики более ожидаем от наркомана из трущоб.

– Non, cette fois, c'est une vieille qui a farci un flic [26, p. 6]. – Нет, на этот раз старушка сама шлепнула мента.

Слово «flic», которое встречается в данном примере было переведено как «мент». В словаре Larousse (dictionnaire de l'argot) «flic» толкуется как «агент полиции» [24, с. 38], в то время как в словаре Ожегова говорится о том, что «мент – это то же самое, что и милиционер». В данном случае переводчиком был использован прием модуляции несмотря на то, что им могло бы быть выбрана иностранная замена, например, «коп».

Выбор слова «мент», скорее всего, был обусловлен тем, чтобы избежать разграничения национальных различий, а также потому, что слово «мент» является более привычным для уха российского читателя.

Также представляется интересным проанализировать еще один пример употребления разговорной сниженной лексики, часто встречающийся в анализируемом произведении, а именно – выражение «le bouc émissaire», которое дословно переводится как «козел отпущения». Данное понятие хорошо знакомо множеству современных народов, причем его корни находятся в ветхозаветных временах. Так, в Книге Левит имеется описание иудейского обычая, который состоит в символической передаче всех грехов народа избранному животному: «и возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню» (Левит 16:21-22)» [Цит. по: 20, с. 1145].

В настоящее время данный фразеологизм обозначает человека, которого неоправданно превратили в виновника проблем и неудач других людей. Объяснение данного феномена лежит в рамках социологической гипотезы, которая основывается на том, что в процессе столкновения с препятствиями во время достижения цели, что принято обозначать термином «фрустрация», у человека растет уровень агрессии. Если причина фрустрации является слишком значительной, неизвестной или же сложной для преодоления, то агрессия направляется на более доступную или уязвимую мишень – «козла отпущения» [20, с. 1146].

Фразеологизм «le bouc émissaire» проник во французский язык в XVII веке, причем первая его фиксация в языке имела место в словаре Фьюретьера, в котором под данным выражением понимался «человек, на которого перекладывают ошибки других. Необходимо также отметить тот факт, что данный фразеологизм является одним из наиболее часто употребляемых фразеологизмов французского языка, имеющих сниженную окраску.

Автором романа «Фея Карабина» феномен «козла отпущения» был взят за основу серии детективных романов о семье Малоссен, причем роман «Фея карабина» представляет собой часть «саги о профессиональных козлах отпущения». Если очень кратко излагать сюжет романа, то он представляет собой повествование о Бенжамене Малоссене, которому пришлось устроиться работать в литературное издательство на должность «козла отпущения» для того, чтобы прокормить свою семью. Именно данного героя можно охарактеризовать как «козла отпущения», причем не только с точки зрения его профессии, но и в силу характера. Данную характеристику представляется целесообразным рассмотреть на примере цитат из произведения.

Malaussène, je vous ai engagé comme bouc émissaire. Vous êtes payé pour vous faire engueuler à ma place [26, p. 2]. – Малоссен, я наняла вас работать козлом отпущения. Вам платят за то, чтоб вас ругали вместо меня.

В один из моментов Малоссен просит Королеву Забо уточнить, что такое в ее понимании «козел отпущения», на что она отвечает следующими словами:

Vous attirez sur vous tous les emmerdements du monde, comme l'aimant, ça veut dire que dans cette ville, des tas de personnes que vous ne connaissez même pas doivent en ce moment vous tenir pour responsable de tas de choses que vous n'avez pas faites, et, d'une certaine façon vous en êtes bel et bien le responsable, pour la seule raison que ces personnes ont besoin d'un responsable! [26, p. 29].

В данном примере она отмечает то, что у Малоссена имеется необычайная способность как магнитом притягивать к себе неприятности, причем именно его кандидатура выступает в качестве ответственного за них. Говоря о том, что он всегда будет выглядеть виноватым в глазах окружающих, она добавляет следующее:

Vous serez, aux yeux de tous, coupable de tout, toujours! [26, p. 29].

Подтверждение данным словам можно найти и далее. Так, Малоссен и его семья проживают в районе Белльвиль, который на тот момент являлся наиболее криминальным районом Парижа. Сюжет романа закручен таким образом, что полицейские инспекторы подозревают Малоссена во всех тех преступлениях, которые произошли там за последнее время, и, более того, ему хотят предъявить обвинение без какого-либо детального расследования. Так, например, один из инспекторов говорит комиссару по поводу Малоссена следующие слова:

Je vous apporte Malaussène, mouillable jusqu'au cou dans tous les domaines: le bouc émissaire rêvé. En plus, on fera un heureux, il paraît que ce role est dans sa nature profonde» [26, p. 30]. – Я сдаю вам Малоссена, на которого можно запросто пове-

сить все: можно только мечтать о таком козле отпущения. К тому же, он будет счастлив: кажется, эта роль отведена ему самой природой.

Однако, необходимо отметить, что в конце романа настоящих виновников преступлений находят и наказывают по всей строгости закона.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Таким образом, проведя анализ особенностей функционирования в романе «Фея Карабина» слов и выражений, относящихся к разговорной сниженной лексике, можно сделать вывод о том, что данный прием дает возможность писателю подчеркнуть характер героев, познакомить читателя с нравами жителей криминальных районов Парижа, а также акцентировать внимание на особенностях характера «профессионального козла отпущения», чье имя стало нарицательным и принесло автору мировую известность. Если же говорить об особенностях перевода данного романа на русский язык, то необходимо отметить, что в подавляющем большинстве случаев переводчику посредством использования функциональных аналогов и лексико-семантических замен (конкретизации, генерализации, модуляции и компенсации) удалось весьма точно передать как значение слов, так и идею произведения, которую автор стремился донести до своих читателей. Широкое использование разговорной сниженной лексики в романе дает возможность читателю погрузиться в атмосферу бедного и опасного, но вместе с тем веселого и, в некотором роде «семейного» парижского гетто конца XX века. Проведенное исследование ставит вопрос о специфике употребления разговорной сниженной лексики в рамках произведений других французских авторов. Является ли использование данной лексики особенностью французской прозы вообще или только отдельно взятого произведения? Ответ на данный вопрос может дать только дальнейшее исследование произведений французских авторов.

Библиографический список

1. Аминова, А. А., Хафизова, А. А. Проблемы адаптации стилистически сниженной лексики в языке переводов [Текст] / А. А. Аминова, А. А. Хафизова // Филология и культура. – 2016. – № 2 (44). – С. 11-17.

2. Аристова, В. Н. Французская инвективная лексика и проблема её классификации [Текст] / В. Н. Аристова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – Т. 14. – № 1. – С. 86-94.

3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

4. Афлитонова, Ю. Р., Давлетшина, С. М. Изучение особенностей пейоративной лексики на примере русского, английского и французского языков [Текст] / Ю. Р. Афлитонова, С. М. Давлетшина // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2018. – С. 228-231.

5. Борисова, И. З. Экспрессивные этнонимы в современном французском языке [Текст] / И. З. Борисова // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2014. – Вы п. 10. – С. 19-23.

6. Воротникова, Д. Э. Особенности социолекта современной французской молодёжи [Электронный ресурс] // научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки: сб. ст. по мат. XIII междунар. студ. науч.-практ. конф. (Россия, г. Новосибирск, 17 мая 2016 г.). – № 5 (42). – URL: https://sibac.info/archive/guman/5(42).pdf.

7. Гринёва, Е. Ф., Громова, Т. Н. Французско-русский словарь арго, просторечий и фамильяризмов [Текст] / Е. Ф. Гринёва, Т. Н. Громова. – М. : Нестор Академик, 2012. – 1168 с.

8. Давыдова, А. Д. Особенности перевода стилистически сниженной лексики на русский язык в романе Д. Пеннака «Фея карабина» [Текст] / А. Д. Давыдова // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5-3. – С. 419-420.

9. Захарова, Н. В., Ермошина, А. Г. Особенности перевода французской разговорной лексики на русский язык [Текст] / Н. В. Захарова, А. Г. Ермошина // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2016. – Выпуск 12. – С. 63-66.

10. Зияева, Ш. Н. Современные проблемы французского словообразования и словосложения [Текст] / Ш. Н. Зияева // Молодой ученый. – 2018. – № 50. – С. 484-488.

11. Зыкова, А. В. Разговорная лексика французского языка. Современные тенденции: в кн. «Формирование иноязычной лексической компетенции на различных этапах иноязычного образования» [Текст] / А. В. Зыкова / под науч. редакцией: Г. В. Сороковых, Т. И. Жаркова. – М. : Перспектива, 2015. – С. 134-148.

12. Каргина, Т. Д. Лексический потенциал разговорной речи и его использование на уроках французского языка [Текст] / Т. Д. Каргина // Краеведение Приамурья. – 2012. – № 4 (21). – С. 38-42.

13. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов [Текст] / Н. Г. Комлев. – М. : Эксмо, 2006. – 669 с.

14. Кузёма, Т. Б., Синдеева, К. А. Жаргон как социальная разновидность французской лексики [Текст] / Т. Б. Кузёма, К. А. Синдеева // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 2 (5). – С. 72-78.

15. Лопатников, Н. Н., Мошович, Н. А. Лексикологии современного французского языка [Текст] / Н. Н. Лопатников, Н. А. Мошович. – М. : Высш. шк., 2001. – 247 с.

16. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтологии слова в индоевропейских языках [Текст] / М. М. Маковский. – М. : Наука, 1992. – 189 с.

17. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Мир и Образование, Оникс, 2011. – 736 с.

18. Пересторонина, И. Л., Умрилова, А. Д. Разговорная и просторечная лексика в языке молодежи (на примере французских художественных фильмов) [Текст] / И. Л. Пересторонина, А. Д. Урмилова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2017. – № 13. – С. 103-111.

19. Полянская, Л. П. Семантическое развитие французской лексики [Текст] / Л. П. Полянская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 31. – С. 1481-1485.

20. Пчельникова, А. А. Анализ концепта «le bouc émissaire» во французском языке (на материале романа Даниэля Пеннака «Фея Карабина») [Текст] / А. А. Пчельникова // Молодой ученый. – 2015. – № 24. – С. 1145-1148.

21. Рузибоева, Н. К. Энантиосемия в современном французском языке: основные проблемы [Текст] / Н. К. Рузибоева // Молодой ученый. – 2018. – № 51. – С. 203-209.

22. Сафонова, Л. В. О лингвистической сущности пейоративности в лексике [Текст] / Л. В. Сафонова // Теория и методы лексикологических исследований: сб. науч. тр. – Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1985. – С. 52-58.

23. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le Petit Robert 2014. – Paris : Le Robert, 2013. – 2880 p.

24. Larousse. Dictionnaire du français argotique et Populaire. Editions France Loisirs. – Paris, 2005. – 234 p.

25. Lehmann, A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. – Paris : Nathan, 2002. – 201 p.

26. Pennac, D. La fée carabine. – Paris : Gallimard, 1997. – 306 p.

27. The Art and Popular Culture Encyclopedia. – URL: http://www.artandpopularculture.com/Main_Page

Reference List

1. Aminova, A. A., Hafizova, A. A. Problemy adaptacii stilisticheski snizhennoj leksiki v jazyke perevodov = Problems of adapting stylistically reduced vocabulary in translation language [Tekst] / A. A. Aminova, A. A. Hafizova // Filologija i kul'tura. – 2016. – № 2 (44). – S. 11-17.

2. Aristova, V. N. Francuzskaja invektivnaja leksika i problema ejo klassifikacii = French invective vocabulary and its classification problem [Tekst] / V. N. Aristova // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – 2016. – T. 14. – № 1. – S. 86-94.

3. Arutjunova, N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and world of the person. [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. – 896 s.

4. Aflitonova, Ju. R., Davletshina, S. M. Izuchenie osobennostej pejorativnoj leksiki na primere russkogo, anglijskogo i francuzskogo jazykov = Studying the features of pejorative vocabulary using the example of Russian, English and French [Tekst] / Ju. R. Aflitonova, S. M. Davletshina // Gumanisticheskoe nasledie prosvetitelej v kul'ture i obrazovanii: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Ufa, 2018. – S. 228-231.

5. Borisova, I. Z. Jekspressivnye jetnonimy v sovremennom francuzskom jazyke = Expressive ethnonyms in modern French [Tekst] / I. Z. Borisova // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – Cheljabinsk, 2014. – Vyp. 10. – S. 19-23.

6. Vorotnikova, D. Je. Osobennosti sociolekta sovremennoj francuzskoj molodjozhi = Features of the modern French youth's sociolect [Jelektronnyj resurs] // nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletija. Gumanitarnye nauki: sb. st. po mat. XIII mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. (Rossija, g. Novosibirsk, 17 maja 2016 g.). – № 5 (42). – URL: https://sibac.info/archive/guman/5(42).pdf.

7. Grinjova, E. F., Gromova, T. N. Francuzsko-russkij slovar' argo, prostorechij i famil'jarizmov = French-Russian dictionary of argo, country speech and familarisms [Tekst] / E. F. Grinjova, T. N. Gromova. – M. : Nestor Akademik, 2012. – 1168 s.

8. Davydova, A. D. Osobennosti perevoda stilisticheski snizhennoj leksiki na russkij jazyk v romane D. Pennaka «Feja karabina» = Features of translation of stylistically reduced vocabulary into Russian in D. Pennak 's novel «The Fairy Gunmother» [Tekst] / A. D. Davydova // Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. – 2016. – № 5-3. – S. 419-420.

9. Zaharova, N. V., Ermoshina, A. G. Osobennosti perevoda francuzskoj razgovornoj leksiki na russkij jazyk = Features of interpretation of French spoken language into Russian [Tekst] / N. V. Zaharova, A. G. Ermoshina // Perevod i sopostavitel'naja lingvistika. – 2016. – Vypusk 12. – S. 63-66.

10. Zijaeva, Sh. N. Sovremennye problemy francuzskogo slovoobrazovanija i slovoslozhenija = Contemporary problems of French word formation and vocabulary [Tekst] / Sh. N. Zijaeva // Molodoj uchenyj. – 2018. – № 50. – S. 484-488.

11. Zykova, A. V. Razgovornaja leksika francuzskogo jazyka. Sovremennye tendencii: v kn. «Formirovanie inojazychnoj leksicheskoj kompetencii na razlichnyh jetapah inojazychnogo obrazovanija» = French conversation vocabulary. Modern trends: in a book «Formation of foreign language lexical competence at different stages of foreign language education» [Tekst] / A. V. Zykova / pod

nauch. redakciej: G. V. Sorokovyh, T. I. Zharkova. – M. : Perspektiva, 2015. – S. 134-148.

12. Kargina, T. D. Leksicheskij potencial razgovornoj rechi i ego ispol'zovanie na urokah francuzskogo jazyka = Lexical potential of conversation speech and its use at French lessons [Tekst] / T. D. Kargina // Kraevedenie Priamur'ja. – 2012. – № 4 (21). – S. 38-42.

13. Komlev, N. G. Slovar' inostrannyh slov = The dictionary of foreign words [Tekst] / N. G. Komlev. – M. : Jeksmo, 2006. – 669 s.

14. Kuzjoma, T. B., Sindeeva, K. A. Zhargon kak social'naja raznovidnost' francuzskoj leksiki = Jargon as a social variety of French vocabulary [Tekst] / T. B. Kuzjoma, K. A. Sindeeva // Gumanitarnaja paradigma. – 2018. – № 2 (5). – S. 72-78.

15. Lopatnikov, N. N., Moshovich, N. A. Leksikologii sovremennogo francuzskogo jazyka = Modern French lexicology [Tekst] / N. N. Lopatnikov, N. A. Moshovich. – M. : Vyssh. shk., 2001. – 247 s.

16. Makovskij, M. M. Lingvisticheskaja genetika: Problemy ontologii slova v indoevropejskih jazykah = Linguistic genetics: Problems of word ontology in Indo-European languages [Tekst] / M. M. Makovskij. – M. : Nauka, 1992. – 189 s.

17. Ozhegov, S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Russian defining dictionary [Tekst] / S. I. Ozhegov. – M. : Mir i Obrazovanie, Oniks, 2011. – 736 s.

18. Perestoronina, I. L., Umrilova, A. D. Razgovornaja i prostorechnaja leksika v jazyke molodezhi (na primere francuzskih hudozhestvennyh fil'mov) = Conversation and colloquial vocabulary in the young people’s language (on the example of French feature films) [Tekst] / I. L. Perestoronina, A. D. Urmilova // Problemy romano-germanskoj filologii, pedagogiki i metodiki prepodavanija inostrannyh jazykov. – 2017. – № 13. – S. 103-111.

19. Poljanskaja, L. P. Semanticheskoe razvitie francuzskoj leksiki = Semantic development of the French vocabulary [Tekst] / L. P. Poljanskaja // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». – 2017. – T. 31. – S. 1481-1485.

20. Pchel'nikova, A. A. Analiz koncepta «le bouc émissaire» vo francuzskom jazyke (na materiale romana Danijelja Pennaka «Feja Karabina») = Analysis of the concept «le bouc émissaire» in French (on the material of Daniel Pennac 's novel «The Fairy Gunmother») [Tekst] / A. A. Pchel'nikova // Molodoj uchenyj. – 2015. – № 24. – S. 1145-1148.

21. Ruziboeva, N. K. Jenantiosemija v sovremennom francuzskom jazyke: osnovnye problemy = Enantiosemy in modern French: major challenges [Tekst] / N. K. Ruziboeva // Molodoj uchenyj. – 2018. – № 51. – S. 203-209.

22. Safonova, L. V. O lingvisticheskoj sushhnosti pejorativnosti v leksike = About the linguistic essence of pejorativity in vocabulary [Tekst] / L. V. Safonova // Teorija i metody leksikologicheskih issledovanij: sb. nauch. tr. – Leningrad : Izd-vo LGPI im. A. I. Gercena, 1985. – S. 52-58.

23. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française Le Petit Robert 2014. – Paris : Le Robert, 2013. – 2880 p.

24. Larousse. Dictionnaire du français argotique et Populaire. Editions France Loisirs. – Paris, 2005. – 234 p.

25. Lehmann, A., Martin-Berthet F. Introduction à la lexicologie. Sémantique et morphologie. – Paris : Nathan, 2002. – 201 p.

26. Pennac, D. La fée carabine. – Paris : Gallimard, 1997. – 306 p.

27. The Art and Popular Culture Encyclopedia. – URL: http://www.artandpopularculture.com/Main_Page

Дата поступления статьи в редакцию: 17.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

.

Германские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10493
УДК 811.11-112

Е. И. Петрова https://orcid.org/0000-0003-2421-1729

Тенденции феминизации современного немецкого языка

Тенденции развития современного общества выявляют неослабевающий интерес к гендерному вопросу, феминизму и «женским исследованиям» и необходимость дальнейшего исследования взаимовлияния языка и общественных отношений. Феминистская лингвистика стремится преодолеть негативный образ женщины и связанную с ним гендерную асимметрии, сложившиеся в современном языке, посредством изменения существующей языковой нормы. Цель настоящей статьи – рассмотрение изменения немецкого языка в гендерном аспекте.

Значительную роль в процессе реформирования немецкого языка и в активном продвижении и распространении идей феминизма сыграли разработки лингвистов-гендерологов и общественных деятелей, содержащие вполне ясные и достаточно подробные правила по гендерно-корректному употреблению немецкого языка.

Для достижения гендерной корректности языка особую роль играют процессы феминизации лексических единиц, как отражающие происходящие в обществе изменения. В статье представлен обзор средств достижения гендерной симметрии в языке. К основным относятся лексические неологизмы, указывающие на род, лицо и род выполняемой деятельности, производные с суффиксом -in, «сплиттинговые» формы, метафорические переносы, а также замена гендерно-маркированных форм на гендерно-нейтральные, позволяющие называть отдельное лицо без указания пола: гендерно-нейтральные слова и компоненты, множественное число субстантивированных прилагательных и причастий, использование нейтральных лексем и местоимений. Все модификации немецкого языка, инициированные феминистками и принятые на государственном уровне, вызывают неоднозначное отношение лингвистов и широкой общественности.

Ключевые слова: феминизм, феминистская лингвистика, феминизация лексики, гендерная асимметрия, гендерная корректность, гендерно-нейтральные формы, языковая политика.

Germanic languages

E. I. Petrova

Trends of feminization in modern German

Trends of development of modern society reveal indefatigable interest in a gender issue, feminism and «women's researches» and need of a further research of interference of language and the public relations. The feministic linguistics seeks to overcome a negative image of the woman and related gender the asymmetries, which developed in the modern language, by means of change of the existing language norm. The purpose of the present article is to consider change of German in a gender aspect.

The significant role in the course of reforming of German and in active advance and distribution of the ideas of feminism was played by the developments of gender studies by linguists and public figures containing quite clear and rather detailed rules on gender correctly use of German.

For achievement of gender correctness of language a special role is played by processes of feminization of lexical units as the reflecting changes happening in society. The review of means for achieving gender symmetry in language is presented in the article. The lexical neologisms indicating a gender, a person and a sort of the carried-out activity, derivatives with a suffix – in, „splitting" forms, metaphorical transfers and also replacement of the gender marked forms on gender neutral, allowing to call the individual without indication of his gender: gender neutral words and components, a plural form of nominalized adjectives and participles, use of neutral lexemes and pronouns. All modifications of German, initiated by feminists and accepted at the national level, cause the ambiguous relation of linguists and the general public.

© Петрова Е. И., 2019

Keywords: feminism, feministic linguistics, feminization of lexicon, gender asymmetry, gender correctness, gender neutral forms, language policy.

Язык – это динамично развивающаяся система, которая подвержена влиянию процессов и изменений, происходящих в обществе. Социальные факторы и связанные с ними существенные преобразования в жизни общества, прежде всего вовлечение женщин во все сферы социальной активности, перемены в профессиональном положении женщин, оказывают влияние на все уровни языка и приводят к его изменениям. Одной из основных тенденций, характеризующих современный язык, является его феминизация.

Феминизация языка – это естественный современный процесс, характерный для многих европейских стран, развивающийся под влиянием феминисткой критики языка, или феминистской лингвистики. Феминистская лингвистика – это социально-языковое направление, появившееся в 1960-х годах благодаря Новому женскому движению в США и Германии, стремившемуся к равноправию женщин с мужчинами во всех сферах жизни. Среди ярких представительниц феминистской лингвистики в Германии можно назвать З. Трёмель-Плётц, И. Гюнтеродт, М. Хеллингер, Л. Ф. Пуш.

Представительницы феминисткой лингвистики выявили преобладание в языке мужских форм по сравнению с женскими, а в некоторых случаях полное отсутствие вторых в качестве эквивалента первым. Основная идея феминистской критики языка заключалась в том, что в силу андроцентричности языка, ориентированного на мужчину, сформировался негативный стереотипный образ женщины в картине мира, что приводит к дискриминации женщин по половому признаку, игнорированию женщин и их достижений, описанию женщин как подчиненных и зависимых от мужчин [13, с. 15].

В качестве задач феминистской критики языка можно выделить:

1. изучение языкового поведение мужчин и женщин, языковая номинация лиц мужского и женского пола. Лица женского пола не должны подразумеваться при использовании мужских форм, а должны быть выражены эксплицитно.

2. преодоление гендерной асимметрией в языке, получившей название языкового «сексизма» [17]. Сексизмы – это средства языка, используемые патриархатом для поддержания и конструирования маргинального статуса женщины в обществе. Сексизмы представляют собой патриархальные стереотипы, зафиксированные в языке и навязывающие его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества [4].

3. устранение дискриминации женщин через язык. Представители обоих полов равноправны и не должны именоваться дискриминационным образом, как это часто происходит при обозначении титулов, имён, фамилий, профессий, должностей и функций. Наименования лиц должны быть равнозначными и отличаться только по половому признаку. Это относится и к обращениям в общей форме, при которой женщины и мужчины должны ощущать обращённость к себе в одинаковой степени и не подвергаться дискриминации.

4. Леди первые: при назывании лиц обоих полов, женская форма должна стоять перед мужской [1, с. 52].

5. влияние на языковую политику.

6. изучение особенности языка женской литературы [2, с. 14].

Своей целью феминистки видят преодоление языкового неравенства мужчин и женщин посредством внесения соответствующих изменений в существующие языковые нормы [9, с. 162].

По мнению представительниц феминистской лингвистики, язык фиксирует стремительно устаревающее в современном обществе гендерное распределение ролей, когда мужчина предпринимает нечто творческое, новаторское, а удел женщины – это домашний очаг, воспитание детей и сплетни с соседками [3, с. 45], иными словами, язык, по мнению феминисток, нуждается в гендерной реформе.

Языковая реформа в немецкоязычном пространстве проходила довольно активно и продуктивно в связи с вовлеченностью в нее не только общественности и ученых, занимающихся вопросами гендерологии, но и правительства.

В 1985 году Бундестаг ратифицировал «Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин», принятую Генеральной Ассамблей ООН 18 декабря 1979 год. Далее в 1980 году были обнародованы первые «Директивы по предотвращению сексисткого употребления языка» (нем. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs) [13]. В Австрии в 1985 году законом были запрещены гендерно-специфические обозначения в объявлениях о за-

мещении вакантных должностей, а спустя три года введены параллельные женские наименования существующих профессий и должностей [1, с. 50]. А затем в 1993 году немецким отделением ЮНЕСКО были опубликованы рекомендации «Язык для обоих полов: директивы для несексистского употребления языка» (нем. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch), сформулированные М. Хеллингер и К. Бирбах [14]. Директивы по гендерно-корректному использованию немецкого языка появились не только в Германии, но и в Австрии, Швейцарии и Лихтенштейне.

Правила по гендерно-корректному употреблению немецкого языка разработаны и введены в большинстве высших учебных заведений немецкоязычных стран. Хотя эти правила предназначены для внутреннего использования, их можно найти на официальных сайтах вузов.

Для политически корректного употребления языка и преодоления гендерной асимметрии в нем представительницами феминистской лингвистики были разработаны некоторые рекомендации. Многие критические замечания и рекомендации были признаны правомерными и реализованы на практике. Остановимся на основных из них:

1. Для устной и письменной речи типичными стали громоздкие обращения, указывающие на пол лиц и род выполняемой ими деятельности: *Mitarbeiter und Mitarbeiterinnen, Professoren und Professorinnen.*

2. Появились новые наименования женщин по профессии.

Большинство новых наименований являются мотивированными образованиями имен женского рода от соответствующих форм мужского рода при помощи суффикса *–in* или компонента *–frau*: *Assistent > Assistentin, Stellvertreter > Stellvertreterin, Kranführer > Kranführerin, Busfahrer > Busfahrerin, Polizist > Polizistin, Bankkaufmann > Bankkauffrau, Geschäftsmann > Geschäftsfrau*. Появившиеся наименования выполняют в языке важную социальную функцию: они разрушаю устоявшиеся и устаревшие стереотипы, связанные с профессиональной деятельностью женщин, и формируют общественное мнение на равенство профессиональных шансов представителей обоих полов [8, с. 65; 14].

Однако, процесс наименования женских профессий не был быстрым и проходил в три этапа: 1. Первые женщины, имеющие традиционно мужские профессии, именовались существительными мужского рода, соответствующими той ли иной профессии: *(der) General, Pilot, Mechaniker* и т. д. 2. Когда число таких женщин значительно увеличилось, тогда обозначение женских профессий стало происходить при помощи прилагательного „*weiblich*“: *weiblicher General, weiblicher Pilot, weiblicher Mechaniker, weibliche Soldaten*. 3. И только, когда это явление становится массовым, от соответствующих наименований мужского рода образуются производные женского рода, ср.: *Generalin, Pilotin, Mechanikerin* и т. д. [17]

Гендерно-корректные формы наименования профессий нашли свое отражение в Классификаторе профессий 2010.

В тоже время все наименования с компонентами *-mädchen, -jungfer, -mamsell, -fräulein, -tochter* были рекомендованы к замене, как содержащие дополнительную информацию о возрасте и семейном положении женщины, что признается сегодня некорректным и допускается только на уровне обиходно-бытового общения.

3. Использование сплиттинга (das Splitting), то есть эксплицитного (подробного или сокращенного) обозначения имени мужского и женского рода раздельно [18, с. 393]. Эта форма, выражающая симметрию в языке наименований мужского и женского рода, встречается сегодня в текстах официальных документов, перечне профессий, объявлений о найме на работу: *Facharzt/-ärztin für Allgemeinmedizin, Klinische/r Neurologe/-in, Leiter/in der Schweißerei, IT-Spezialist/IT-Spezialistin mit Schwerpunkt Identity Management.* Сплиттинг применяется и для заимствованных наименований лиц, например, *User/innen*. Сплиттинг используется только в письменной коммуникации, однако большое скопление «сплиттинговых» форм в предложении значительно затрудняет его понимание. Необходимо отметить, что существуют наименования профессий, форма которых в женском роде приобретает умлаут, например, *der Arzt – die Ärztin*. В этом случае использование сплиттинга не представляется возможным.

4. В форме множественного числа у существительных, обозначающих одновременно лиц обоего пола, появилось заглавное *I* в суффиксе *–in* (das Binnen-I): *StudentInnen, LeserInnen, SchüleInnen*. Такая орфография четко показывает, что речь идет как о мужчинах, так и о женщинах. По сравнению со «сплиттинговыми» формами существительные с использованием заглавного *I* яв-

ляются более короткими, но представляют определенные трудности при произнесении.

Существительные с заглавным *I* впервые появилось на страницах газет в Швейцарии в 1981 году, сейчас же такое написание распространено практически во всех немецкоязычных странах [17], хотя эта форма не была официально принята толковым словарём Дуден.

5. Появились многочисленные метафорические переносы, в которых прослеживается феминизации лексики. Сюда относятся флоральные метафоры *Blume, Tulpe, Lilie*; перенос вкусовых ощущений во внешнюю среду *Torte, Praline, Sahneschnitte,* доминирующим компонентов приведенных примеров является „*süß*“; метафорический перенос признаков животного/насекомого на девушек или женщин с целью их положительного обозначения *Mieze, Katze, Biene, Hase, Maus, Zierfisch* [16, с. 85-86].

6. Для соблюдения гендерной симметрии стали использоваться модели, заменяющие гендерно-маркированные формы на гендерно-нейтральные:

- гендерно-нейтральное обозначение лиц: *der Mensch, die Person, das Mitglied;*
- гендерно-нейтральные слова и компоненты: а) в единственном числе: *-mitglied, -person, -kraft*, например, *Ratsmitglied, Versuchsperson, Nachwuchsführungskraft*; б) во множественном числе: *-leute, -personen, -kräfte, -personal*, например, *Staatsleute, Wahlleute, Fachkräfte, Lehrpersonen, Pflegepersonal*;
- субстантивированные прилагательные и причастия в форме множественного числа: *Reisende, Angestellte, Studierende, Auszubildende, Arbeitssuchende* [10];
- замена однословных коллективных обозначений нейтральной лексемой с суффиксом – *ung*, например, *stellvertretende Filialleitung, Assistenz der Geschäftsleitung*;
- использование для наименования группы людей метонимических переносов значения на функции, учреждения *das Institut* или принадлежность к какому-либо коллективу *das Personal*. Предпочтительными являются, однако, обозначения лиц, а не метонимия [1, с. 52];
- предметные обозначения для наименования лиц мужского и женского пола: *Professor / Professorin = Professur* [1, с. 52]
- использование безличных, отрицательных, неопределенных, указательных местоимений, неопределенно личного местоимение *man*, позволяющих называть лицо, не указывая пол: *wer, jemand, niemand, man, alle, einige, manche, diejenigen.* Использование местоимений для создания гендерно-нейтрального высказывания сопряжено с рядом трудностей. Некоторые местоимения имеют грамматический род и высказывания с их использованием становятся гендерно-маркированными: *Wird jemand durch die öffentliche Gewalt in seinen Rechten verletzt, so steht ihm der Rechtsweg offen* [5, с. 45]. Замена же единственного числа на множественное не всегда является уместной или возможной. Также использование таких местоимений, как *man* и *jedermann* феминистками не приветствуется, так как их состав содержит, по их мнению, указание на мужской пол. В свою очередь, придуманные феминистками местоимения *frau* и *jedefrau* не прижились в языке.

Феминистки допускают сохранение родовых мужских наименований в составе производных и сложных слов, если отсутствуют их гендерно-нейтральные эквиваленты. В составе прилагательных их не следует воспринимать как нарушение нормы.

Гендерная реформа коснулась также написания аббревиатур титулов и обозначений лиц по их функциям при наименовании обоих полов: *Mag.a, Dr.in, DIin, GFin*. Однако заимствованные из английского языка академические степени Bachelor и Master не подвергаются гендерной модификации [1, с. 54].

Вместе с тем, некоторые предложение феминистской лингвистики, нарушающие грамматические законы языка были восприняты весьма критически и получили отрицательную оценку. Сюда можно отнести предложение Л. Ф. Пуш опустить суффикс *-in* при обозначении женских видов деятельности, производных от мужских: *Sie ist Student* [17, с. 95]. Принадлежность к женскому полу в этом случае передается через личное местоимение. Другим отрицательным примером является стремление тотальной феминизации даже тех случаев, когда образование формы женского рода по каким-либо причинам невозможно или нежелательно, например, *der Star des Abends* представительницы феминистской лингвистики предлагают заменить на *Starin des Abends* и т. д. Также не нашло поддержки предложение феминисток заменить неопределённо-личное местоимение *man* на местоимение *frau* в контекстах, связанных с женщиной [6].

Представители традиционной лингвистики указывают на неприемлемость подобных вариантов и довольно критически относятся к боль-

шинству предложений феминисток. Они указывают на наличие трех грамматических родов в немецком языке, выражаемых определенным артиклем der, die, das, и необходимость разграничения понятий род грамматический (Genus) и род биологический (Sexus). Интересным является также тот факт, что от некоторых существительных, например, *der Henker, der Lustmörder, der Teufel* феминистки не спешат образовывать существительные женского рода [11, с. 6].

Отношение к предпринятым феминистками модификациям немецкого языка далеко не однозначно.

По мнению некоторых ученых, языковая реформа способствует оживлению культуры языка [15], но влечет за собой ряд спорных вопросов. Двойное обозначение лиц мужского и женского пола в соответствии с их родом деятельности постепенно приводит к тому, что мужской род теряет свою маркированность и перестает нести функцию обобщения. Вместе с тем все то, что содержит в себе какие-либо признаки мужского рода, отныне будет рассматриваться как исключительно присущее мужскому полу, всё женское – исключительно женскому полу. Поэтому сексизм, борьба с которым является главной целью феминисток, не исчезнет из языка, как считает А. Брюльмеер, а усиленно внедряется в него [12]. Реформа языка затронет и существительные среднего рода, в результате чего ряд понятий таких, как *das Kind, das Madchen, das Weib и das Individuum*, а также слова, имеющие уменьшительноласкательную форму, *das Knablein, das tapfere Schneiderlein*, перейдут в разряд обозначения биологически бесполых существ.

С точки зрения Л. Синельниковой, более серьезная опасность дискриминации кроется в «языковом унисексе», представляющем собой употребление представителями обоих полов одних и тех же жаргонных слов, обесцененной лексики, одинаковой интонации. [7, с. 28].

Таким образом, несмотря на критику со стороны представителей традиционной лингвистики, феминистская лингвистика добилась значительных результатов в реформировании языка и влиянии на языковую политику государства. Гендерно-корректные языковые формы сегодня стали все шире употребляться в различных сферах общественной жизни, в первую очередь в административно-правовой сфере, в СМИ, в системе образования. В результате действий феминисток в языке появились новые слова, лицо обозначается согласно его полу. Успешной феминизации немецкого языка способствовало наличие в его системе грамматической категории рода, универсального суффикса *-in*, а также гендерно-нейтральных словоформ, не вызывающих ассоциаций с полом лица.

Библиографический список

1. Антропова, Н. А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка [Текст] / Н. А. Антропова // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 49-55.

2. Горбунова, М. Ю. Феминизм и проблемы гендерной лингвистики [Текст] / М. Ю. Горбунова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2008. – № 3. – С. 14-16.

3. Зиновьева, Е. С. Феминистская лингвистика в контексте постмодернистской философии [Текст] / Е. С. Зиновьева // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 43-47

4. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты [Текст] : монография / А. В. Кирилина. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 155 с.

5. Мацкевич, Е. Э. Языковые средства немецкого языка для достижения гендерной нейтральности (на материале немецкоязычных юридических текстов) [Текст] / Е. Э. Мацкевич, А. А. Флаксман // Научный диалог. – 2016. – № 3 (51). – С. 42-51.

6. Романов, А. А., Quo vadis, Deutsch? Разговор с изучающим современный немецкий язык [Текст] : монография / А. А. Романов, О. Н. Морозова, С. Э. Носкова. – Тверь : Изд-во «Агросфера», 2007. – 222 с.

7. Синельникова, Л. Н. Введение в лингвистическую гендерологию: материалы к спецкурсу [Текст] / Л. Н. Синельская, Г. Ю. Богданович. – Луганск; Симферополь : Молодая гвардия, 2001. – 40 с.

8. Федотова, М. Е. Наименования женщин по профессии в современном немецком языке как объект феминистской языковой критики [Текст] / М. Е. Федотова // Материалы научной конференции «Пути и перспективы интеграции гендерных методов в преподавание социально-гуманитарных дисциплин». – Тверь, 2000. – С. 60-67.

9. Хеллингер, М. Контрастивная феминистская лингвистика [Текст] / М. Хеллингер // Феминизм и гендерные исследования. – Тверь, 1999. – С. 159-168.

10. Шемчук, Ю. М. Феминизация лексических изменений современного немецкого языка [Текст] / Ю. М. Шевчук // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – 2010. – № 2. – С. 82-87.

11. Behland, M. ElefantInnen im Porzelanladen / M. Behland // Sprachnachrichten. – 2017. – № 75(III).

12. Bruhlmeier, A. Alibi-Feminismus – kein Gewinn fur die Frauen / A. Bruhlmeier. – URL: www. quick-times.ch/bruehlm_alibi.html.

13. Guentherodt, I. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs / I. Guentherodt, M. Hellinger,

L. Puscli, S. Trömmel-Plötz // Linguistische Berichte. – 1980. – № 69. – S. 15-21.

14. Hellinger, M. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch / M. Hellinger, Ch. Bierbach. – Bonn : Dt. UNESCO-Komm, 1993. – S. 13.

15. Helwig, G. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung // Informationen zur politischen Ausbildung. – Nr. 254. – 1997. – S. 1-42.

16. Pusch, L. F. Das Deutsche als Männersprache / L. F. Pusch. – Frankfurt-a.-Main : Suhrkamp, 1984. – S. 201.

17. Pusch, L. F. Alle Menschen werden Schwestern: Feministische Sprachkritik / L. F. Pusch. – Frankfurt/Main, 1990. – S. 256.

18. Richtiges und gutes Deutsch. Duden. Bd. 9. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich : Dudenverlag, 2007.

Reference List

1. Antropova, N. A. K voprosu genderno-korrektnogo upotreblenija nemeckogo jazyka = To the question of gender-accurate use of German [Tekst] / N. A. Antropova // Gumanitarnyj vektor. – 2016. – T. 11. – № 3. – S. 49-55.

2. Gorbunova, M. Ju. Feminizm i problemy gendernoj lingvistiki = Feminism and gender linguistics problems [Tekst] / M. Ju. Gorbunova // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 3. – S. 14-16.

3. 3.Zinov'eva, E. S. Feministskaja lingvistika v kontekste postmodernistskoj filosofii = Feminist linguistics in the postmodern philosophy context [Tekst] / E. S. Zinov'eva // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 43-47

4. Kirilina, A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty = Gender: linguistic aspects [Tekst] : monografija / A. V. Kirilina. – M. : Institut sociologii RAN, 1999. – 155 s.

5. Mackevich, E. Je. Jazykovye sredstva nemeckogo jazyka dlja dostizhenija gendernoj nejtral'nosti (na materiale nemeckojazychnyh juridicheskih tekstov) = German language means to achieve gender neutrality (on material of German-language legal texts) [Tekst] / E. Je. Mackevich, A. A. Flaksman // Nauchnyj dialog. – 2016. – № 3 (51). – S. 42-51.

6. Romanov, A. A., Quo vadis, Deutsch? Razgovor s izuchajushhim sovremennyj nemeckij jazyk = Quo vadis, Deutsch? Talking to a student learning modern German [Tekst] : monografija / A. A. Romanov, O. N. Morozova, S. Je. Noskova. – Tver' : Izd-vo «Agrosfera», 2007. – 222 s.

7. Sinel'nikova, L. H. Vvedenie v lingvisticheskuju genderologiju: materialy k speckursu = Introduction to linguistic genderology: materials for the special course [Tekst] / L. N. Sinel'skaja, G. Ju. Bogdanovich. – Lugansk; Simferopol' : Molodaja gvardija, 2001. – 40 s.

8. Fedotova, M. E. Naimenovanija zhenshhin po professii v sovremennom nemeckom jazyke kak ob#ekt feministskoj jazykovoj kritiki = Names of women by profession in modern German as a subject of feminist language criticism [Tekst] / M. E. Fedotova // Materialy nauchnoj konferencii «Puti i perspektivy integracii gendernyh metodov v prepodavanie social'no-gumanitarnyh disciplin». – Tver', 2000. – C. 60-67.

9. Hellinger, M. Kontrastivnaja feministskaja lingvistika = Contrasting feminist linguistics [Tekst] / M. Hellinger // Feminizm i gendernye issledovanija. – Tver', 1999. – S. 159-168.

10. Shemchuk, Ju. M. Feminizacija leksicheskih izmenenij sovremennogo nemeckogo jazyka = Feminization of lexical changes in modern German [Tekst] / Ju. M. Shevchuk // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholohova. – 2010. – № 2. – S. 82-87.

11. Behland, M. ElefantInnen im Porzelanladen / M. Behland // Sprachnachrichten. – 2017. – № 75(III).

12. Bruhlmeier, A. Alibi-Feminismus – kein Gewinn fur die Frauen / A. Bruhlmeier. – URL: www. quicktimes.ch/bruehlm_alibi.html.

13. Guentherodt, I. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs / I. Guentherodt, M. Hellinger, L. Puscli, S. Trömmel-Plötz // Linguistische Berichte. – 1980. – № 69. – S. 15-21.

14. Hellinger, M. Eine Sprache für beide Geschlechter: Richtlinien für einen nicht-sexistischen Sprachgebrauch / M. Hellinger, Ch. Bierbach. – Bonn : Dt. UNESCO-Komm, 1993. – S. 13.

15. Helwig, G. Frauen in Deutschland. Auf dem Weg zur Gleichstellung // Informationen zur politischen Ausbildung. – Nr. 254. – 1997. – S. 1-42.

16. Pusch, L. F. Das Deutsche als Männersprache / L. F. Pusch. – Frankfurt-a.-Main : Suhrkamp, 1984. – S. 201.

17. Pusch, L. F. Alle Menschen werden Schwestern: Feministische Sprachkritik / L. F. Pusch. – Frankfurt/Main, 1990. – S. 256.

18. Richtiges und gutes Deutsch. Duden. Bd. 9. – Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich : Dudenverlag, 2007.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10494
УДК 811.111'373.21

Е. М. Григорьева https://orcid.org/0000-0001-9682-9021

Особенности топонимической системы новозеландского варианта английского языка (на материале словарей различных типов)

Статья посвящена изучению топонимических наименований Новой Зеландии. Материалом исследования послужили словари Т. Деверсона «The Oxford Dictionary of New Zealandisms», а также Л. Урданга «A Dictionary of Names and Nicknames». Целью работы является выявить характерные черты системы географических наименований страны. Цель исследования определяет поставленный круг задач: методом сплошной выборки отобрать топонимы из указанных словарей, классифицировать топонимы по группам, выявить характерные особенности каждой группы. Актуальность исследования определяется культурологическими тенденциями, характерными для развития современной лингвистики. Анализ теоретической литературы показал, что появление английского языка на территории Новой Зеландии и впоследствии становление собственной системы топонимов начинается в конце XVIII в. Европейское влияние отразилось на топонимической системе Новой Зеландии, что проявляется в наличии топонимов-омонимов и синонимов, переносов из Великобритании и др. Исследование показало, что определяющим фактором, оказывающим влияние на номинацию того или иного топонима Новой Зеландии, становится его географическая характеристика и климатические условия. Следующим фактором является история, то или иное историческое событие, в связи с которым определенное место получает такое наименование. Чтобы сделать место привлекательным для аудитории, создаются наименования топонимов, по внешней и внутренней форме сразу привлекающие публику. Кроме того, в Новой Зеландии существует большое количество географических объектов, имеющих наименования, заимствованные из языка маори.

Ключевые слова: топоним, новозеландский вариант английского языка, новозеландизм, язык маори, стилистическая помета, словарь, микроструктура.

E. M. Grigorieva

Features of the toponymic system of the New Zealand version of the English language (on the material of dictionaries of various types)

The article is devoted to the toponyms of New Zealand. The research is based on the material of «The Oxford Dictionary of New Zealandisms» by T. Deverson and «A Dictionary of Names and Nicknames» by L. Urdang. The aim of the work is to study peculiarities of the country place names. The aim defines the research objectives: to choose toponyms from the dictionaries using a continuous sampling method, classify all these names into groups and study each toponym group peculiarities. The importance of the work is defined by cultural tendencies typical of modern linguistics. Theoretic literature analysis shows that the English language appearance on the territory of New Zealand and the formation of the New Zealand toponym system started at the end of the 18th century. The European influence on the place names system of New Zealand can be viewed on the example of toponyms-homonyms and synonyms, transfers from Britain, etc. The research shows that the key factor influencing the process of naming this or that toponym of New Zealand is its geographical position and climate conditions. The next factor is history, a certain historic event that has some impact on the toponym. To make a place desirable for a person there are special toponyms with the attractive inner and outer forms of the word. Besides, there are many place names in New Zealand from the language of Maori.

Keywords: toponym, New Zealand English, New Zealandism, the Maori language, stylistic label, dictionary, microstructure.

Топонимика представляет собой науку, объектом исследования которой являются географические наименования (топонимы), их происхождение, развитие, текущее состояние, значение и другие характеристики.

По словам С. Н. Басика, топонимы представляют собой хронологическое свидетельство определенных исторических событий. Каждый временной отрезок характеризуется появлением тех или иных топонимов [2, с. 6-7].

© Григорьева Е. М., 2019

Именно топонимы служат бесценным материалом для истории языка, донося до современного поколения огромное количество форм, слов и звуков, которые могут отсутствовать в современной живой речи [6, с. 13].

Все топонимы подразделяются на ряд подгрупп:

1) ойконимы – названия населенных мест;

2) гидронимы – наименования рек;

3) хоронимы – названия гор;

4) урбанонимы – наименования внутригородских объектов;

5) годонимы – названия улиц;

6) агоронимы – наименования площадей;

7) дромонимы – названия путей сообщения;

8) микротопонимы – наименования небольших населенных объектов [8, с. 6].

Важной характеристикой топонимов является тот факт, что они представляют собой одну из форм отражения географической действительности в сознании человека, возникающей с целью ориентирования в мире [1, с. 5].

В центре данного исследования – топонимическая система новозеландского варианта английского языка. Считается, что английский язык впервые появляется на территории Новой Зеландии в 1769 г., когда в страну прибывает корабль «Индевор» мореплавателя Дж. Кука. Однако после того как Дж. Кук покидает страну, английский язык также теряет свое значение в стране. Английский язык начинает активно использоваться лишь в конце XVIII в., когда в Новой Зеландии появляются первые европейские поселенцы. Этот язык начинает сосуществовать с языком коренного населения страны народа маори. Подписание в 1840 г. договора Вайтанги между верхушкой маори и представителями элиты европейских поселенцев ознаменовала становление англоновозеландской национальности [11, p.11-12].

А. Р. Бекеева констатирует, что особая роль в наименовании топонимов Новой Зеландии принадлежит голландскому мореплавателю А. Тасману: Murderers Bay (в 1857 г. был переименован в Golden Bay – Золотой залив), Cape Maria van Diemen – Мыс Марии ванн Димен (назван в честь жены губернатора голландского поселения в Батавии) и др. Именем А. Тасмана названы сегодня Тасманово море – *the Tasman sea*, высокая гора Тасмана – *Mount Tasman*, залив Тасмана – *Tasman glacier* [3, с. 12].

По словам Т. Деверсона, традиционно многие страны, в частности, англоговорящие страны (например, Великобритания или Австралия), имеют несколько наименований: Великобританию называют *the British Isles, Albion, Blighty*, Австралию – *New Holland, Aussieland, Oz* и другие. Для обозначения Новой Зеландии также существуют различные лексемы, что вполне закономерно: *Antipodes, New Holland, New Zild, Shaky Isles, Kiwiland* и многие другие [14, p. 2].

В. В. Ощепкова выделяет несколько особенностей новозеландской топонимической системы, таких как:

а) прозрачность внутренней формы географических наименований: *Bay of Plenty* – Залив изобилия, *White Island* – Белый остров;

б) наличие большого количества переносов из Великобритании: *Dunedin* (Данидин – старинное название столицы Шотландии Эдинбург), *Hamilton* – Гамильтон, *Invercargill* – Инверкаргилл;

в) префикс New (*новый*) у отдельных названий-переносов: *New Plymouth*;

г) заимствования из других языков, например, из французского: *Fabeaux* (пролив), греческого: *Pegasus* (залив);

д) разветвленная система топонимов-омонимов и топонимов-синонимов (*Cambridge* – в Великобритании; *Cambridge* –в Новой Зеландии) [7, с. 242].

Кроме того, в отдельных случаях географические названия становятся компонентом той или иной коллокации: например, географическое название *Taranaki* входит в состав устойчивых выражений: *Taranaki bedside light, Taranaki salute, Taranaki sunshine, Taranaki wind* и др. [17, p. 4].

Как было отмечено ранее, исследование посвящено изучению топонимической системы новозеландского варианта английского языка. Материалом послужили два справочника: первый специальный словарь новозеландизмов Т. Деверсона “The Oxford Dictionary of New Zealandisms” [15], а также словарь Л. Урданга “A Dictionary of Names and Nicknames” [20], в котором представлены лексемы, относящиеся к различным вариантам английского языка. Следует сказать, что новозеландизм представляет собой единицу любого уровня системы New Zealand English, отсутствующую в системе или отличающуюся от соответствующей единицы в British English по ряду аспектов [9, с. 143].

Проанализированные топонимы новозеландского варианта английского языка можно разделить на несколько групп:

1) наименования Новой Зеландии;

2) новозеландские ойконимы;

3) названия регионов и провинций;

4) наименования топонимов, привлекающие по своей внутренней и внешней форме публику;

5) имена собственные, используемые для обозначения территории Великобритании, в частности, Англии;

6) маорийские географические наименования новозеландских топонимов.

Далее отдельно рассмотрим каждую группу географических наименований.

I. Первая группа включает наименования Новой Зеландии (*Aotearoa, Antipodes, Australasia, Maoriland, Moaland, Pig Islands, New Zild* и др.).

Словарь Т. Деверсона включает шутливые, юмористические названия страны, о чем свидетельствует введение в микроструктуру пометы *jocular* («комический, шутливый»):

Moaland *noun jocular* New Zealand [15, p. 162].

New Zild *jocular* New Zealand [15, p. 178].

Т. Деверсон также включает в словарь наименование Новой Зеландии, использующееся иронически: **God's own country** New Zealand (used ironically) [15, p. 91]. Автор добавляет в словарную статью к лексеме пояснение, что цель подобного наименования – дать характеристику Новой Зеландии как земного рая: regarded as an early paradise.

Кроме того, Т. Деверсон включает в словарь наименование Новой Зеландии по имени реального человека, которому принадлежала часть земель, на которой располагались театры и кинотеатры:

Fuller's Earth noun historical (first half of the 20th century) New Zealand (or some part of it) as the territory of Fuller's Brothers numerous theatres and cinemas.

1966 ENCYCLOPEDIA OF NZ At one stage Dowling Street, Dunedin, where the [Fuller] ‘firm’ had two theaters running simultaneously, was jestingly known as ‘**Fuller's earth’** [15, p. 87].

Включение в микроструктуру иллюстративного примера свидетельствует о том, что подобная территория действительно существовала.

Словари Т. Деверсона и Л. Урданга включают словарные статьи к лексеме *Aotearoa*:

Aotearoa noun the usual Māori name for New Zealand (in older use for the North Island only) [15, p. 6].

Aotearoa A poetic name for New Zealand, often quoted in an English version as ‘The Land of the Long White Cloud’. If the Maori name consists of three words, *ao* could mean ‘white’, ‘clear’, or ‘bright’; while *roa* means ‘long’ or ‘tall’. The usual explanation is that when the first Maoris arrived by canoe, they saw a long cloud over the land. An alternative possibility is that the name is connected with *Aotea,* one of the first Maori canoes to reach New Zealand. The name originally applied to the north Island only [20, p. 9].

Первая статья из справочника новозеландизмов характеризуется лаконичностью и содержит краткую справку о происхождения лексемы. Данная дефиниция не имеет подробного определения входной единицы, что несколько ограничивает пользователя и не дает ему полного представления о том, почему, например, Новая Зеландия получила столь необычное наименование.

Вторая словарная статья напротив включает подробную информационную справку о входной единице, из которой пользователь узнает не только о происхождении лексемы, но и получает детальную характеристику того, почему страна именовалась таким образом.

Специальный словарь Т. Деверсона также включает лексему **Long White Cloud** [15, p. 144], представляющую собой перевод с языка маори слова *Aotearoa* (the usual Māori name for New Zealand).

Еще одним способом наименования Новой Зеландии становится называние ее по имени представителя фауны страны, птицы киви:

Kiwiland *noun informal* New Zealand [15, p. 131].

Не менее интересным становится использование авторских неологизмов: **Middle Earth** *noun* a recent nickname for New Zealand [15, p. 159].

Такое имя Новой Зеландии дал английский писатель и поэт Дж. Р. Р. Толкин в своей книге «Властелин колец» [19].

Интерес представляет наименование территории страны как **Pig Islands:**

noun informal New Zealand [an allusion to the domestic pigs, later wild, introduced by James Cook] [15, p. 200].

Как следует из дефиниции, в названии присутствует отсылка к историческому факту: Джеймс Кук завез на территорию континента диких свиней.

Эта лексема также получает регистрацию в словаре Л. Урданга:

Pig Island A nickname for New Zealand, referring to the pigs left by Captain Cook, which went wild. The term is jocular and seems to have become current about the time of World War I [20, p. 200].

Дефиниция из словаря Л. Урданга помимо ссылки на имевшийся исторический факт также включает стилистическую характеристику (*jocular*) и предоставляет пользователю информацию о том, когда лексема вошла в употребление.

Плюсом данных словарей является тот факт, что оба справочника помогают читателю понять, почему страна имеет подобное прозвище. Однако имеются словари, из которых читатель не получает подробной информации, которая была бы полезна пользователю, в частности, неносителю языка:

Pig Islands *n.* New Zealand (Foreman J. The New Zealand Contemporary Dictionary) [5, с. 431].

Следующим наименованием страны становится **Shaky Isles** *plural noun informal* New Zealand. [alluding to earthquakes] [15, p. 242].

В данной дефиниции присутствует отсылка к тому факту, что на территории Новой Зеландии случаются землетрясения. Таким образом, пользователь получает из дефиниции информацию о географических особенностях страны и ее климате.

Wowserland *noun informal* a former derogatory nickname for New Zealand as a puritanical society [15, p. 319].

Рассмотрим дефиницию к одному из компонентов лексемы *wowserland,* слову *wowser*:

wowser noun

Australian, New Zealand *informal*

A puritanical or censorious person, in particular a teetotaller or person opposed to alcohol [18].

Данная дефиниция помогает понять национальный характер жителей Новой Зеландии в самый начальный период становления страны.

II. Вторую группу топонимов Новой Зеландии, наименования ойконимов, можно разделить на несколько групп:

1) города, названия которых связаны с определенными историческими событиями:

Edinburgh of the South *noun* a former descriptive name for Dunedin [15, p.73].

Этот новозеландский город Данидин получил подобное наименование в 1848 г., когда пресвитериане-выходцы из Шотландии под руководством Фредерика Такета основали колонию в честь названия Эдинбурга.

Empire City *noun* either of Auckland or Wellington [15, p. 74].

К сожалению, словарь не дает объяснения, почему Окленд и Веллингтон города получили подобное образное наименования. По всей вероятности, поскольку оба города являются одними из важнейших экономических, политических и культурных центров страны, им было дано такое образное наименования как «имперские» города.

2) обобщенные наименования для группы городов, которые объединены по определенным схожим признакам (в частности, география), а также отдельные названия городов. Такие лексемы зарегистрированы в обоих словарях Т. Деверсона и Л. Урданга:

Four Main Centers, the A name given to Auckland, Wellington, Christchurch and Dunedin in New Zealand. They are the largest centers of population and the chief business and administration centers in the country [20, p. 98].

Bay Cities *plural noun* Napier and Hastings (in Hawke's Bay) [15, p.15].

В данном случае общим признаком, которое позволило дать городам подобное наименование, стало общее географическое местоположение.

City of the Plains Christchurch [15, p. 47].

Такое метафорическое наименование носит город Крайстчерч в связи с расположением на Кентерберийской равнине (plain – равнина) [12].

Новозеландский город Крайстчерч имеет несколько обозначений: его называют не только “City of the Plains”, но и “Garden City” (данное название связано с проведенной в городе в 1906-1907 гг. Международной выставкой). Кроме того, как рекламный ход, в 1990 г. этот город местное правительство решило называть City of Trees.Сокращенное название города – ChCh [13, p. 7].

Sulphur City noun a nickname for Rotorua [from its geothermal activity] [15, p. 268].

Таким образом, город получил подобное наименование из-за своей геотермальной активности (sulphur – сера).

Windy City *noun* (**the Windy City**, also **windy Wellington**, **Windy** *elliptical*) *informal* Wellington [15, p. 315].

Город расположен рядом с устьем пролива Кука, поэтому здесь часто дуют сильные ветра. Подобное географическое положение и климатическая ситуация привели к тому, что город Веллингтон получил второе наименование, прозвище Ветреный город.

III.Третью группа новозеландских топонимов составляют названия регионов, провинций:

Taranaki *adjective* of or relating to Taranaki (often with ironic or jocular reference, to the region's dairy farming or reputed makeshift methods, etc.) [15, p. 278].

В словари Л. Урданга также зарегистрирована данная входная единица:

Taranaki A province of New Zealand popularly associated with rather primitive dairy farming. It gives its name to the Taranaki gate, a detachable piece of a wire fence tied with a wire loop. In Australia the same device might be called a *Mallee gate* [20, p. 241].

Особенностью первой словарной статьи является тот факт, что она включает стилистическую характеристику лексемы (ironic or jocular reference). Из второй словарной статьи читатель получает информацию о специальном устройстве, таранакских воротах, представляющих собой временные ворота из проволоки, прикрепленные к стойкам, принадлежность молочных ферм провинции Таранаки.

King Country, the A large tract of land in the western central North Island of New Zealand, named after the Maori "king" Tawhiao. Its Maori name is Rohe Potae, meaning "brim of the hat"; it is said that Tawhiao threw his hat on a map to indicate the country he claimed [20, p. 138].

Характерной особенностью микроструктуры является введение информации об обозначении лексемы на языке маори и ее значении на этом языке.

IV. В ***отдельную четвертую группу географических наименований*** мы относим топонимы, внешняя и внутренняя форма которых служит для привлечения аудитории (туристов) к тому или иному месту. Это становится своего рода маркетинговым ходом:

Geyserland *noun* a marketing name for the central North Island thermal region, centred on Rotorua [15, p. 90].

В данном случае из словарной статьи пользователь узнает о том, что это место имеет термальные источники, в связи с чем может привлечь большое количество туристов.

City of Sails *noun* Auckland. [alluding to the city's yacht-filled harbours] [15, p. 46].

Подобное место, Окленд может также стать местом притяжения для отдыхающих, предпочитающих непринужденный яхтенный отдых.

Snowy Mountains *plural noun* an early European name for the Southern Alps

1861 OTAGO WITNESS The terror of a journey over the Snowy Mountains is fast passing away [15, p. 254].

Данная словарная статья включает метафорическое наименование гор Южные Альпы как «Снежные Альпы». Подобное наименование может заинтересовать туристов, увлекающихся зимними видами спорта, в частности, тем, кто увлекается горнолыжным спортом.

Топонимическая метафоризация выражает устойчивое подобие, постоянный признак географического объекта и, кроме номинативной функции, также выполняет функцию характеризации, которая проходит субъективное осмысление человеком какого-то географического объекта в момент номинации [10, с. 49].

V. Отдельную группу составляют ***имена собственные, используемые для обозначения территории Великобритании, и, в частности, Англии*** (подобные лексемы представлены в словаре Т. Деверсона):

Pomerania *noun jocular* Britain [15, p. 207].

Pommieland *noun informal* Britain, especially England [15, p. 207].

Pongolia *noun jocular* Britain [15, p. 207].

Как следует из словарных статей, подобные наименования имеют неформальный, шуточный характер.

VI. Отдельно следует выделить ***маорийские географические наименования*** новозеландских географических объектов.

Следует отметить, что топонимическая система Новой Зеландии значительно обогатилась за счет включения в словарный состав географических названий из языка маори. По словам авторов книги "Dialects of English. New Zealand English", язык маори стал одним из источников для пополнения топонимического состава новозеландского варианта английского языка начиная от северной части страны (*Cape Reinga*) до южной (*Tiwai Point*) [16, p. 69].

Hauturu *noun* the Māori name for Little Barrier Island [15, p. 104].

Te Waipounamu (also **Te Wai Pounamu**) the traditional Māori name for the South Island, literally 'the greenstone waters', alluding to the discovery of greenstone in its rivers [15, p. 283].

Te Whanganui-a-Tara *noun* a Māori name for Wellington Harbour [15, p. 284].

Hawaiki *noun* the legendary (or identified historical) homeland of the Māori in the Pacific, the source of migration to Aotearoa by ancestors in seagoing waka, and the place to which the spirits of Māoi are believed to return after death [15, p. 104].

Ōtākou *noun* the Māori name for Otago [15, p. 188].

Наличие значительного количества географических наименований из языка маори приводит к тому, что в настоящее время особой популярно-

стью пользуются также словари языка маори. К ним относятся словарь П. Райна “Reed Dictionary of modern Maori” (1995), “Maori Dictionary”, энциклопедия С.-А. Ламберта “New Zealand Māori Word Encyclopedia” [4, с. 217.].

Таким образом, проведенный анализ топонимической системы Новой Зеландии на материале справочника Т. Деверсона “The Oxford Dictionary of New Zealandisms” и Л. Урданга “A Dictionary of Names and Nicknames” показал, что эта система представляет немалый интерес для исследования и характеризуется рядом особенностей. Как и многие другие англоговорящие страны (например, Великобритания, Австралия), Новая Зеландия имеет несколько наименований (*Aotearoa, Maoriland, New Zild* и др.). В отдельных случаях наименования страны носят шуточный, юмористический характер (*Pig Islands*). Другие название связаны с географическими особенностями страны (*Shaky Isles* – непосредственная связь с землетрясениями). Особое место принадлежит лексемам из языка маори (*Aotearoa*). Кроме того, существуют авторские неологизмы, служащие в качестве наименования Новой Зеландии (*Middle Earth* из романа «Властелин колец»). Ряд новозеландских ойконимов служит отражением исторических событий, происходивших в стране (*Edinburgh of the South*) и намекает на непосредственную связь истории страны с историей Великобритании. Особенности климата и географического положения остаются одними из определяющих факторов при наименовании городов Новой Зеландии. Такие наименования являются «говорящими» и сразу создают в сознании пользователя тот или иной образ (*Windy City, Sulphur City, City of the Plains*). Достаточно часто словарные статьи к названиям регионов и провинций включают стилистическую характеристику (ироническое или шутливое).

Топонимическая система Новой Зеландии также характеризуется наличием топонимов, внешняя и внутренняя форма которых служит для привлечения внимания аудитории (название *Geyserland* может привлечь туристов, любящих термальные источники, а наименование *Snowy Mountains* представляет собой отличный пиар-ход и становится притягательным для тех, кто предпочитает активный зимний отдых, например, горнолыжный спорт). В системе топонимов Новой Зеландии также присутствует значительное количество названий из языка маори, что подчеркивает уважительное отношение к культуре и традициям коренного населения страны. Помимо этого, в настоящее время появляется все большее количество энциклопедий и словарей языка маори.

Библиографический список

1. Бакшеева, М. Г. Топонимизированные географические апеллятивы, обозначающие топографические особенности ландшафта (на материале топонимов-конверсивов г. Тобольска и его окрестностей) [Текст] / М. Г. Бакшеева // Вестник угроведения. – 2011. – № 2 (5). – С. 5-13.

2. Басик, С. Н. Общая топонимика [Текст] : учебное пособие / С. Н. Басик. – Минск : БГУ, 2006. – 200 с.

3. Бекеева, А. Р. Национально-культурная специфика топонимов в английском языке Новой Зеландии [Текст] /А. Р. Бекеева // Вестник РУДН, серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2014. – № 2. – С. 10-17.

4. Григорьева, Е. М. Основные направления развития современной новозеландской лексикографии [Текст] / Е. М. Григорьева // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 215-219.

5. Григорьева, Е. М. Отражение культурного наследия в словарях (на материале справочников новозеландского варианта английского языка) [Текст] / Е. М. Григорьева // Актуальные проблемы современной лингвистики и гуманитарных наук: сборник статей X Международной научно-методической конференции. Москва, 16 марта 2018 г. – М. : РУДН, 2018. – С. 424-433.

6. Никонов, В. А. Введение в топонимику [Текст] / В. А. Никонов. – М. : издательство ЛКИ, 2011. – 184 с.

7. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии [Текст] / В. В. Ощепкова. – М. : Глосса/Каро, 2004. – 336 с.

8. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? Из истории географических названий [Текст] / А. В. Суперанская. – М. : Либроком, 2014. – 178 с.

9. Тютюник, М. А. Национально-культурная специфика языковой картины мира новозеландского варианта современного английского языка [Текст] / М. А. Тютюник // Научная мысль Кавказа. – 2008. – № 4. – С. 140-144.

10. Федотова, Т. В. Специфика метафорических топонимов в аспекте восприятия мира человеком [Текст] / Т. В. Федотова // Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2008. – № 2. – С. 48-51.

11. Bell A., Kuiper K. New Zealand and New Zealand English / A. Bell, K. Kuiper // New Zealand English. – Wellington : Victoria University Press, 2000. – 369 p.

12. Christchurch // Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/place/Christchurch-New-Zealand

13. Deverson T. Canterbury Words: Language under the Nor’west Arch / T. Deverson // NZWords. – 2001. – № 5. – P. 5-7.

14. Deverson T. From Staten Landt to Aotearoa New Zealand: the Naming of 'Pacific's Triple Star' / T. Deverson // NZWords. –2000. – № 4. – P. 2-3.

15. Deverson T. The Oxford Dictionary of New Zealandisms / T. Deverson. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 322 p.

16. Hay J., Maclagan M., Gordon E. Dialects of English. New Zealand English / J. Hay, M. Maclagan, E. Gordon. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 164 p.

17. Macalister J. Maori Loanwords and New Zealand Humour / J. Macalister // NZWords. – 2002. – № 6. – P. 3-5.

18. Oxford Dictionary Online. – URL: https://www.lexico.com/en/definition/wowser

19. Tolkien J. The Lord of the Rings. – URL: https://royallib.com/read/Tolkien_J/The_Lord_of_the_Rings.html#0

20. Urdang L. A Dictionary of Names and Nicknames / L. Urdang. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 215 p.

Reference List

1. Baksheeva, M. G. Toponimizirovannye geograficheskie apelljativy, oboznachajushhie topograficheskie osobennosti landshafta (na materiale toponimov-konversivov g. Tobol'ska i ego okrestnostej) = Toponymized geographical appellatives denoting topographic features of the landscape (on toponym-conversions material of Tobolsk and its surroundings) [Tekst] / M. G. Baksheeva // Vestnik ugrovedenija. – 2011. – № 2 (5). – S. 5-13.

2. Basik, S. N. Obshhaja toponimika = General toponymics [Tekst] : uchebnoe posobie / S. N. Basik. – Minsk : BGU, 2006. – 200 s.

3. 3. Bekeeva, A. R. Nacional'no-kul'turnaja specifika toponimov v anglijskom jazyke Novoj Zelandii = National cultural specificity in New Zealand English toponyms [Tekst] /A. R. Bekeeva // Vestnik RUDN, serija «Voprosy obrazovanija: jazyki i special'nost'«. – 2014. – № 2. – S. 10-17.

4. 4. Grigor'eva, E. M. Osnovnye napravlenija razvitija sovremennoj novozelandskoj leksikografii = National cultural specificity in New Zealand English toponyms [Tekst] / E. M. Grigor'eva // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2018. – № 2. – S. 215-219.

5. Grigor'eva, E. M. Otrazhenie kul'turnogo nasledija v slovarjah (na materiale spravochnikov novozelandskogo varianta anglijskogo jazyka) = Reflection of cultural heritage in dictionaries (in New Zealand English handbooks) [Tekst] / E. M. Grigor'eva // Aktual'nye problemy sovremennoj lingvistiki i gumanitarnyh nauk: sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Moskva, 16 marta 2018 g. – M. : RUDN, 2018. – S. 424-433.

6. Nikonov, V. A. Vvedenie v toponimiku = Introduction to toponymics [Tekst] / V. A. Nikonov. – M. : izdatel'stvo LKI, 2011. – 184 s.

7. Oshhepkova, V. V. Jazyk i kul'tura Velikobritanii, SShA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii = Language and culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zealand [Tekst] / V. V. Oshhepkova. – M. : Glossa/Karo, 2004. – 336 s.

8. Superanskaja, A. V. Chto takoe toponimika? Iz istorii geograficheskih nazvanij = What is toponymy? From the history of geographical names [Tekst] / A. V. Superanskaja. – M. : Librokom, 2014. – 178 s.

9. Tjutjunik, M. A. Nacional'no-kul'turnaja specifika jazykovoj kartiny mira novozelandskogo varianta sovremennogo anglijskogo jazyka = National-cultural specifics of the language picture of the world in the New Zealand version of modern English [Tekst] / M. A. Tjutjunik // Nauchnaja mysl' Kavkaza. – 2008. – № 4. – S. 140-144.

10. Fedotova, T. V. Specifika metaforicheskih toponimov v aspekte vosprijatija mira chelovekom = Specificity of metaphorical toponyms in the aspect of human perception of the world [Tekst] / T. V. Fedotova // Vestnik VGU, serija «Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija». – 2008. – № 2. – S. 48-51.

11. Bell A., Kuiper K. New Zealand and New Zealand English / A. Bell, K. Kuiper // New Zealand English. – Wellington : Victoria University Press, 2000. – 369 p.

12. Christchurch // Encyclopedia Britannica. – URL: https://www.britannica.com/place/Christchurch-New-Zealand

13. Deverson T. Canterbury Words: Language under the Nor'west Arch / T. Deverson // NZWords. – 2001. – № 5. – P. 5-7.

14. Deverson T. From Staten Landt to Aotearoa New Zealand: the Naming of 'Pacific's Triple Star' / T. Deverson // NZWords. –2000. – № 4. – P. 2-3.

15. Deverson T. The Oxford Dictionary of New Zealandisms / T. Deverson. – Oxford : Oxford University Press, 2010. – 322 p.

16. Hay J., Maclagan M., Gordon E. Dialects of English. New Zealand English / J. Hay, M. Maclagan, E. Gordon. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2008. – 164 p.

17. Macalister J. Maori Loanwords and New Zealand Humour / J. Macalister // NZWords. – 2002. – № 6. – P. 3-5.

18. Oxford Dictionary Online. – URL: https://www.lexico.com/en/definition/wowser

19. Tolkien J. The Lord of the Rings. – URL: https://royallib.com/read/Tolkien_J/The_Lord_of_the_Rings.html#0

20. Urdang L. A Dictionary of Names and Nicknames / L. Urdang. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 215 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10495
УДК 81’373.23+42

А. В. Цепкова http://orcid.org/0000-0001-7360-302X

Особенности ономастикона художественного текста в цикле романов С. Таунсенд об Адриане Моуле

В данной статье представлен анализ стилистических, мотивационных и функциональных особенностей антропонимических номинаций второстепенных действующих лиц восьми романов-дневников Адриана Моула, созданных современной британской писательницей Сью Таунсенд (1946-2014). В статье рассмотрены немотивированные антропонимы и кратилические имена (характонимы), характеризующий потенциал которых раскрывается через прозрачную внутреннюю форму, отсылку к первичному носителю, или через мотивирующий контекст. При этом установлено, что функцию «говорящих» имен в романах выполняют, главным образом, прозвища, в то время как личные имена и фамилии представляют группу поэтонимов с непрозрачной внутренней формой, интерпретация которых обнаруживает в основе их мотивации ономастическую игру автора с читателем на основе ряда стилистических приемов, создающих юмористический эффект (каламбур через этимологизацию имен, иронию, гиперо-гипонимических отношений, коммеморативную номинацию, аллюзию и сочетание этих приемов). Далее нами были рассмотрены немотивированные поэтонимы и их функциональный потенциал как маркеров социальной, этнической принадлежности, межличностных отношений, социальных норм.

В результате анализа установлено, что в серии романов С. Таунсенд об Адриане Моуле важную роль в определении типа поэтонима играет юмористическая функция, благодаря которой не только характонимы, но и немотивированные номинации наделяются потенциалом сообщать некую информацию о носителе имени, а также включаться в контекст, раскрывающий и критикующий различные явления современной британской культуры.

Ключевые слова: литературный антропоним, поэтоним, характоним, «говорящее» имя, мотивация, ономастическая игра, Сью Таунсенд, дневники Адриана Моула, второстепенные персонажи, юмористический эффект.

A. V. Tsepkova

Peculiarities of artistic text onomasticon in the cycle of novels by S. Townsend about Adrian Mole

The present research aims at analyzing stylistic, motivational and functional peculiarities of secondary characters’ anthroponymic nominations, retrieved from eight *Adrian Mole Diary* novels by a contemporary British author Sue Townsend (1946-2014). In this paper we consider non-motivated anthroponyms and cratylic names (charactonyms), which characterizing potential is revealed by means of their transparent inner form, commemorative or allusive nomination or motivational context. As a result, in the novels under analysis the function of «speaking» names is mainly performed by nicknames, while personal names and surnames are characterized by non-transparent inner form; however, interpretation of their motivation reveals the onomastic game between the author and the reader which is based on certain stylistic devices creating a humorous effect (pun on etymology, irony, hyper-hyponymic relations, commemorative nomination, allusion and convergence of these devices). Further on we dwelt upon non-motivated poetonyms and their functional potential as social and ethnic markers as well as markers of interpersonal relationships and social norms.

As a result, we came to the conclusion that the humorous function plays a crucial part in determining the types of poetonyms in S. Townsend’s *Adrian Mole Diary* series. Due to this function charactonyms, as well as non-motivated nominations, acquire the ability to transmit certain information about the name-bearer and attract contexts, disclosing and criticizing different aspects of contemporary British culture.

Keywords: literary anthroponym, poetonym, charactonym, «speaking» name, motivation, onomastic game, Sue Townsend, Adrian Mole Diaries, secondary characters, humorous effect.

© Цепкова А. В., 2019

В данной статье представлен анализ стилистических, мотивационных и функциональных антропонимических номинаций второстепенных действующих лиц серии романов-дневников Адриана Моула ([41-48]), создававшихся британской писательницей Сью Таунсенд с 1982 по 2009 г.

Методологической основой исследования послужили работы по разным аспектам литературной ономастики, касающиеся вопросов терминологии ([4, 6, 8, 21, 22, 36]), классификации [18], методологии исследования литературной ономастики ([5, 20, 21, 22, 29, 35]), функционирования ономастикона в художественных текстах с учетом их жанровой специфики (лирический и лироэпический жанры [12], фэнтези ([23, 25, 26]), поэтические произведения мифо-эпического жанра ([14, 17, 28]), сказочный дискурс ([9, 10, 39]), жанр басни [1], жанр шпионского романа [15]), семантических и мотивационных особенностей говорящих имен ([2, 6, 16]), семиотического аспекта литературных имен ([10, 35, 36, 37]) и их фоностилистических особенностей ([7, 10]); особенностей ономастикона в зависимости от литературного периода и исторической эпохи [20]. Кроме того, в работе учитывались исследования и обзоры творчества С. Таунсенд [3, 8, 13, 30, 34, 38].

Исследование проведено с применением методов сплошной выборки, сематического, контекстуального, этимологического, интерпретационного анализа антропонимических номинаций второстепенных персонажей и контекстов их употребления в анализируемых романах и с учетом их художественного потенциала. В результате в данной статье представлен анализ литературных антропонимических номинаций 45 второстепенных персонажей. При этом важными критериями выделения второстепенных персонажей, помимо участия в развитии сюжета, стали [11, с. 43]: степень близости их главному герою (Адриану Моулу) и степень авторской заинтересованности в них (Адриана Моула как фикционального автора дневников и Сью Таунсенд как реального автора).

Мотивированность литературных имен

Для обозначения ономастических единиц в художественном тексте в литературной ономастике используются следующие термины: литературный оним (антропоним, топоним и т. п.), поэтоним (поэтическое имя), художественный оним, характоним, кратилическое имя, «говорящее» имя.

Мотивационные особенности литературных имен определяются их функциями в художественном тексте. В связи с этим принципиальным является деление литературных имен на мотивированные и немотивированные.

Немотивированные наименования характеризуются как неэтимологизированные, неимпликативные поэтонимы, выполняющие в тексте идентификационно-дифференцирующую функцию номинации [9, с. 108]. Этой группе принадлежат естественные и искусственные онимы, не нацеленные на характеризацию персонажа-носителя имени.

Группе немотивированных литературных имен противопоставлены *характонимы (кратилические имена)*. Одним из видов характонимов являются так называемые «говорящие» имена. В рамках лингвостилистики данные наименования рассматриваются как частный случай антономасии. Согласно [22, с. 338], главное свойство говорящих имен – определение носителя имени вне зависимости от контекста, то есть это имена с прозрачной внутренней формой.

Кроме того, R. Coates к *кратилическим именам (кратилическим характонимам*) относит коммеморативные имена (имена, намеренно копирующие имена реального или вымышленного миров, или отсылающие к известным носителям имени), а также имена, которые могут быть придуманы автором и наделены смыслом, значимость которого вскрывается в контексте [21, с. 192-193].

Таким образом, помимо характонимов, прямо характеризующих персонажей, существуют наименования, требующие от читателя интерпретационных усилий для декодирования посредством этимологического, контекстуального, интертекстуального анализа. При этом исследователи призывают не ограничиваться и не злоупотреблять этимологическим анализом как поверхностным методом применительно к литературному ономастикону [29, с. 141]. В связи с этим, G. Smith указывает на важный критерий тематического или художественного единства («thematic or artistic unity»), учет которого способен предотвратить ложные интерпретации [36, с. 306].

В связи с этимологическим аспектом литературного имени R. Coates рассматривает явление ресемантизации этимологии («the resemanticization of an etymology»), связанное с раскрытием потенциального мотива номинации [21]. В этом отношении интерес представляют случае авторской игры с читателем, когда номинация носит неявный, косвенный характер, основываясь на метафоре, метонимии, иронии, парадоксе [21, с. 198-199]. В таком случае для раскрытия авторского замысла может потребоваться

широкий контекст, что уподобляет процесс интерпретации увлекательному квесту, особенно если мы имеем дело с серией романов, например, романов С. Таунсенд, в которых в ряде случаев антропонимической номинации свойственно отсроченное раскрытие мотивации имен, а также многозначность / неоднозначность их интерпретации. Сложность (многослойность) интерпретации усиливается тем, что с семиотической точки зрения литературные онимы могут быть проинтерпретированы одновременно как иконы, индексы и символы [35, с.12].

Функции литературных имен

При рассмотрении функций литературного антропонима интерес представляют исследования М. Гибка ([23, 24, 25, 26]), в которых обосновывается необходимость рассмотрения функций имен в зависимости от участников номинативного акта и их принадлежности вымышленному миру или внетекстовой действительности (писатель, читатель), а также в зависимости от характера номинативного акта: первичный (акт номинации), вторичные (акты использования имени).

Все литературные имена в первую очередь выполняют идентификационно-дифференцирующую функцию. Другие функции вторичны, а значит, факультативны и могут выполняться только некоторыми именами [24]. Ряд функций реализуется на уровне взаимоотношений персонажей в пространстве художественного текста, когда автор имитирует функционирование реальных онимов. Данный уровень анализа функционального потенциала литературных имен заслуживает особого внимания и осуществляется, в частности, в исследованиях М. Гибка. В данной статье мы будем главным образом комментировать функции литературных антропонимов с позиции читателя / интерпретатора художественного текста, то есть «случаи, в которых номинативно-идентификационно-дифференцирующая функция имени собственного накладывается на художественную (эстетическую)», что создает основу участия собственных имен в создании образов [9, с. 108].

В качестве составных компонентов художественной функции исследователями рассматриваются: характеризующая, жанрообразующая, сюжетообразующая, текстообразующая, интертекстуальная, стилистическая, символическая, социальная (социологическая), этническая, культурно-историческая, локализующая (моделирующая пространственно-временные отношения), дидактико-образовательная, коммеморативная, юмористическая, игровая, камуфлирующая, декодирующая ([9, с. 108; 12, с. 36-37; 14, с. 140-141; 23, 24, 25, 26]).

Характеризующая функция, на наш взгляд, может иметь узкое и широкое понимание. Характеризующую функцию в узком смысле выполняют характонимы, указывая на черту персонажа. Вместе с тем, характеризующая функция в широком смысле присуща не только характонимам, но и остальным типам литературных имен, когда они несут информацию социального (статус, возраст, пол), психологического (темперамент, межличностные отношения), этнического, локационного, культурно-исторического характера, выполняя соответствующие частные функции. Таким образом, с семиотической точки зрения на индексальную функцию онимов художественного текста наслаиваются иконическая и символическая функции [35, с. 12].

Антропонимические номинации второстепенных персонажей в дневниках Адриана Моула С. Таунсенд

Особенности авторской номинации С. Таунсенд определяются жанровой спецификой романа, сочетающего в себе черты социального романа, сатирического романа, романа-дневника, романа-эпопеи. Исходя из этого, главными функциями антропонимов второстепенных персонажей являются: характеризующая, юмористическая, стилистическая, текстообразующая.

Рассмотрим особенности антропонимической номинации анализируемых романов более подробно.

1. Характонимы:

1) контекстуально независимые (с живой внутренней формой):

а) личное имя. *Pandora* – имя одного из центральных персонажей романов, выполняющее характеризующую и сюжетообразующую функции, сочетая в себе свойства иконического и символического знаков. Этимологическое значение имени – «всем одаренная» [31] – в полной мере соответствует материальному положению, внешним и интеллектуальным данным героини. Сюжетообразующая функция реализуется в данном имени через отсылку к прецедентному тексту, греческому мифу о Пандоре, первой смертной женщине, созданной олимпийскими богами для того, чтобы отомстить Прометею. Из-за любопытства она открыла ящик с грехами, пороками и болезнями и принесла в мир несчастья [19]. Таким образом, данное имя выполняет в начале первого романа прогностическую функцию, иллюстрируя явление именного детерминизма («nominal determinism» [27, с. 24]). В процессе

развития сюжета Пандора приносит переживания и проблемы влюбленному в нее главному герою, Адриану Моулу, а также другим персонажам, с которыми она сталкивается в силу своей политической деятельности. Адриан Моул по-своему этимологизирует ее имя (пример 1), не понимая заключенного в нем рокового смысла (пример 2):

(1) Pandora! I adore ya. I implore ye. Don't ignore me [47, с. 33].

(2) There is a new girl in our class. She sits next to me in Geography. She is all right. Her name is Pandora, but she likes being called 'Box'. Don't ask me why. I might fall in love with her [47, с. 12].

В отличие от Адриана, Пандора осознает символизм своего имени. В одном из последних романов серии она публикует автобиографию под названием «Out of the Box», в котором, в частности, критикует новых лейбористов:

(3) 'A searing indictment of the moral vacuity of the Blair government and an unusually frank account of Dr Braithwaite's political and sexual credo' Spectator [41, p. 417].

Более того, известно, что перед смертью С. Таунсенд работала над очередным романом об Адриане Моуле под символичным рабочим названием «Pandora's Box», который остался незавершенным [34].

Еще один пример «говорящего» личного имени – *Reginald Scruton* (деспотичный директор, < Reginald "ruling with power" [31]);

б) фамилия:

(4) *Mrs Bull* (строгая и властная директриса [42]);

(5) *Peter Savage* – грубый, скандальный аристократ, владелец популярных ресторанов в Лондоне: «the owner of Savages is certainly aptly named. I have never known a man with such a bad temper. He is rude to everybody, staff and customers. The customers think he is amusingly eccentric. The staff hate him and spend their meal breaks fantasizing about killing him [43, с. 199];

в) прозвища, используемые как приложения к собственному имени или самостоятельно для характеристики именуемого, чаще всего, поведения (*Barmy Braithwaite* [48, с. 51], *Bluebeard* Cavendish [43, с. 20], *Stalag* Cassandra [43, с. 134], *Ivan the Terrible* [44, с. 185-186], *Mr 20-per-cent-for-life* [44, с. 220], Glenn *'The Teachers Are Against Him'* Bott [44, с. 255], *Baron Bott* [41, с. 18]); внешности (*Popeye/Pop-eyed* Scruton*; Stick Insect*), умственных способностей (*Brainbox Henderson*), гастрономических пристрастий (*Beetroot Bertie* [44, с. 39]).

Приведенные примеры основаны на различных стилистических средствах: аллитерации (*Barmy Braithwaite, Baron Bott, Beetroot Bertie*), иронии (*Baron Bott*), аллюзии, антономасии (*Ivan the Terrible, Starlag, Bluebeard*), метонимии (*Beetroot Bertie, Pop-eye Scruton*), лексиколизованной фразе (*Mr 20-per-cent-for-life, the Sexually Harassed One, Glenn 'The Teachers Are Against Him' Bott*), метафоре (*Stick Insect*) и выражают отрицательную оценку.

Прозвищные номинации с положительной коннотацией используются в функции бренда, и направлены на создание запоминающегося имиджа: *The People's Pan, 'the brightest star in Blair's firmament*' [44, с. 173-174], *Baz the Skinhead Poet* [48, с. 54];

2) контекстуально зависимые (с завуалированной внутренней формой):

а) на основе источника имен. На примере имен родителей Пандоры, *Тани и Ивана*, автор создает цепочку характеризующих тематически связанных ассоциаций: русские имена – революция – красный цвет – пролетариат – лейбористская партия:

(6) Pandora introduced me to her parents. They said they admired the stand that I was taking. They <u>were both members of the Labour Party</u> and they went on about the Tolpuddle Martyrs. <u>They asked me if the fact that I had chosen to protest in red socks had any significance</u>. I lied and said I had chosen red <u>because it was a symbol of revolution, then I blushed revolutionary red</u>. I am turning into quite a liar recently.

Pandora's mother said I could call her <u>Tania</u>. Surely that is <u>a Russian name</u>? Her father said I could call him <u>Ivan</u>. He is very nice, he gave me a book to read; it is called <u>*The Ragged Trousered Philanthropists*</u>. I haven't looked through it yet but I'm quite interested in stamp collecting so I will read it tonight [47, с. 109-110];

б) на основе иронии. В качестве примера может служить имя отца Адриана Моула: *George Alfred Mole*. В данной именной формуле ирония сочетается с антитезой: первое и второе имена отсылают к двум славным личностям: Святому Георгию Победоносцу и английскому королю Альфреду Великому. Сочетание звучных имен, не сочетающихся с заурядностью персонажа, с говорящей фамилией *Mole* (см. подробный анализ в статье [40]) создает комический эффект. Другие случаи иронии находим в именах *Roger Patience* (нервный директор школы [44]), *Ms Flood* (учительница Гленна Моула, помешанная на образе Феникса и совершившая поджег дома Адриана Моула из-за того, что он ее отверг [44]).

Случай каламбура на основе иронии раскрывается через фамилию и отфамильное прозвище

отца Памелы Пигг (подруги Адриана Моула), контрастирующие с его гастрономическими пристрастиями:

(7) Pamela warned me tonight not to tell her father that I am an unpublished poet and novelist. I pointed out that I have published two cookery books: *Offaly Good and Offaly Good Again*. She told me that her father was a militant vegetarian and a former RAF kayak instructor. I dread meeting Mr Pigg. <…> He is even worse than I feared. «Call me Porky!» he boomed. [46, c. 53-54];

в) на основе сочетания стилистических приемов. В этом отношении интерес представляет кластер имен членов семьи по фамилии *Flowers*, в которой дочери носили имена цветов: *Daisy, Poppy, Marigold*. Таким образом, на лингвистическом уровне имена мотивированы этимологией фамилии. Авторская характеристика данных персонажей проявляется, во-первых, в метонимической связи фамилии и образа жизни родителей, навязываемого детям (одежда с растительными узорами, вегетарианство, здоровое питание по семейным рецептам, бизнес, связанный с выращиванием и продажей органически чистых продуктов и удобрений). Имя *Marigold* дано девушке, в описании которой постоянно подчеркивается хрупкость, тем не менее метафорическая номинация оказывается в определенный момент развития сюжета ловушкой как для читателя, так и для главного героя, Адриана Моула, когда девушка проявляется себя как искусный и хитрый манипулятор:

(8) Marigold has the indomitable will and steely determination of the housekeeper, the mesmeric Mrs Danvers [41, c. 255].

Имя *Daisy*, символически связанное с чистотой и невинностью, основано на иронии, так как контрастирует с богемным образом жизни и эпатажным поведением его носительницы, будущей жены Адриана Моула;

3) коммеморативные имена. Случай использования коммеморативных имен на основе метонимии описывается в связи с принципами, которыми руководствуется Шарон Ботт, бывшая подружка Адриана Моула, при выборе имен для своих детей. В приводимых ниже контекстах последовательно реализуется юмористический эффект, основанный на догадках о бурной личной жизни героини, интимные нюансы которой она эксплицировала через имена детей (примеры 9, 10):

(9) Sharon Bott has given birth to a girl. She has called the poor child Caister, after the place where conception took place [44, c. 341].

(10) Caister was crying in a distant room and Bradford and Kent were quarrelling somewhere very near to the telephone [44, c. 349].

В примере 11 юмористический эффект создается через возможность двойственной интерпретации имени первичного носителя, что приводит к неверному угадыванию имени и пола ребенка:

(11) Sharon met me at her front door with the moon-faced, hairless baby on her substantial hip. She told me that the child is ‘called after Donna Karan’. I forced a sickly smile on my face and said, ‘So it’s a girl. Hello, Donna.’

‘No, ‘e’s a boy. ‘E’s called Karan [41, c. 232].

Кроме того, символичным можно считать выбор Полин Моул (матерью Адриана Моула) имени для своей дочери (пример 11), отражающий феминистические взгляды первой:

(12) My sister’s name is Rosie Germaine Mole.

Everybody likes ‘Rosie’ but only my mother likes ‘Germaine’. The registrar raised his eyebrows, and said, ‘Germaine’? As in *Female Eunuch*?’

My mother said, ‘Yes, have you read it?’ ‘No, but my wife can’t put it down,’ he said, smoothing his unironed shirt.’ [45, c. 157].

Среднее имя младшей сестры Адриана Моула несет функции прецедентного имени, восстанавливая важную связь между отдельными романами серии на основе насущной темы феминизма, символом которой является книга, упомянутая в примере 11. В дальнейшем Адриан называет свою дочь *Grace Pauline Mole* [42], наделяя ее тем самым своенравным характером бабушки.

2. Немотивированые номинации:

1) указывающие на принадлежность к определенному социальному классу:

а) рабочий класс: *Barry (Baz) Kent, Sharon Bott, Bert Baxter, Doreen Slater, the Sagdens, Nigel Hetherington*. С точки зрения фоностилистики данным именам свойственна резкость звучания. Кроме того, в случае с именем *Bert Baxter*, основанном на аллитерации взрывных согласных, резкость звучания имени соответствует характеру персонажа.

Baz – диминутивная форма имени *Barry*, образованная по модели, типичной для английской лингвокультуры, используется в контексте романов в интегрирующей функции, маркирующей признание Адриана Моула членом шайки Барри Кента:

(13) Hung around the deserted shopping centre with Barry Kent and the lads. I feel a curious affinity with the criminal classes. I am beginning to understand why Lord Longford (another noted intellectual) spends his time hanging around prisons.

Barry graciously gave me permission to call him ‘Baz’ [45, с. 216].

б) аристократия: *Hugh Carlton-Hayes, Julian Twyselton-Fife, Hugo Fairfax-Lycett, Jack Cavendish*. Первые три фамилии представляют собой случаи авторской пародии изысканно-витиеватых моделей аристократических фамилий на графическом, фонетическом и морфологическом уровнях. Фамилия *Cavendish* заимствована автором из арсенала известных английских аристократических фамилий. В тексте романов носители трех последних фамилий представляют собой типичные образы эксцентричных снобов-аристократов;

2) указывающие на этническую принадлежность: *O’Leary, Singh, Mohammed Parvez, Jo Jo* и др. Присутствие в романах С. Таунсенд этнических имен отражает современную обстановку в Великобритании. Таким образом, данные имена выступают в качестве маркеров реалистичности произведений. В то же время, часто данные имена вписаны в контексты, создавая парадоксальную ситуацию (пример 14), высмеивая национальные стереотипы (пример 15):

(14) Mrs O’Leary is trying to organize a street party for the Royal Wedding. The only people to put their names down so far are the Singh family [47, с. 127].

(15) Mr O’Leary who lives across the road from us was drunk at ten o’clock in the morning! He got thrown out of the butcher’s for singing [47, с. 58].

3) используемые в функции языковой игры:

а) искажение фамилии на основе тематической близости внутренней формы, вписанное в социально-значимую ситуацию, описывающую насущную проблему. В приводимом ниже примере искажение фамилии становится в ряд других ошибок, допускаемых прессой для создания сенсации:

(16) Attractive mother-to-be Pauline Vole (58) took the desperate action of abandoning her only child Adrian (5) in the Carey Street Social Security office yesterday [45, с. 130];

б) «неизбежные» фонетические ассоциации с именем ([32, с. 1388-1389; [33, с. 21-27]), в том числе, аллюзия:

(17) *Maxwell House* < Maxwell [47, с. 146];

(18) I phoned home this morning. One of the engineering lodgers answered. ‘Hello, Martin Muffet speaking.’

‘Martin Muffet!’ I said.

‘Yes,’ he said, ‘and spare jokes about tuffets and spiders will you?’ [48, с. 82];

в) интимные парные прозвища на основе гиперо-гипонимических отношений и аллюзии к реалии культуры, используемые в ситуации флирта (*Mr Kipling* – бренд печенья в Великобритании):

(19) Dear French Fancy, I would like to batten your berg. Kipling [41, p. 213];

г) интимные парные прозвища на основе ассоциаций, тематически связанных с этимологией фамилии одного из партнеров (Памелы Пигг):

(20) Pamela asked me if I’d like to go to Stockport next weekend to meet her parents. I lied and said, “Yes, Wiggly.” She asked me to call her Wiggly. She calls me Snuffly [46, p. 52].

д) интимные парные прозвища, на основе обоюдной рифмы:

(21) Pandora calls him ‘Hunky’ and Cavendish calls her ‘Monkey’ [43, p. 8];

5) символизирующие новый период в жизни героя и его желание соответствовать традициям:

(22) William rang me on my mobile from Nigeria. <…> ‘The reason I am ringing you, Dad, is because I want to swap my Christian name.’

I asked him what he wanted to be called. He said, ‘Wole. It’s more African.’

I said, ‘That’s your stepfather’s name. Won’t it be confusing?’

He said, ‘No. We don’t look the same. He’s taller than me.’

I said it was OK by me and put the phone down. William will soon tire of his new name, Wole Mole [41, p. 396].

Кроме того, для стиля С. Таунсенд характерно введение в повествование металингвистических контекстов, комментирующих коннотации имен персонажей (пример 23), высмеивающих нелепые имена (пример 24), а также указывающих на социо-культурные явления, заслуживающие осмеяния, в частности, дискриминация женщин (пример 25), чувствительность относительно конфессиональной принадлежности (пример 26) и помешанность на политической корректности (пример 27):

(23) [Rosie] barges into my room and gabbles some childish gibberish to what I respond curtly, ‘Go and wake Mummy and Daddy up, Rosemary.’ I refuse to bastardize her name and call her ‘Rosie’. [48, с. 50].

(24) I made an appointment to meet my designated housing advisor, a Ms Pigg. Why, oh why, don’t these people with ludicrous names take advantage of our accessible Deed Poll law? [46, с. 27].

(25) I’m always forgetting that Bianca is a qualified engineer. She doesn’t look like one and since I’ve known her, she's only ever worked as a shop assistant and a waitress. She applies for at least two engineering jobs a week, but has yet to be called for

an interview. She is considering calling herself 'Brian Dartington' on her cv. [43, c. 221].

(26) As Mrs Pigg was showing me to my single bed, she asked me to call her Snouty. When I enquired what her real Christian name was, she glared and said, "Why are you presuming that my parents were Christians?" [46, c. 54].

(27) Dear Boston,

First may I say how much I admire your decision to change your surname from Goldman to Goldperson. In these times when so many women are renouncing their feminist principles, it is heartening to know that you still carry the flame [44, c. 232].

Таким образом, в антропонимиконе произведений С. Таунсенд об Адриане Моуле представлены практически все типы литературных антропонимов, что является составной частью идиостиля автора и определяется жанровыми особенностями произведения как реалистической социальной сатиры на современность в жанре дневниковой эпопеи, охватывающей более 20 лет.

В качестве основного типа «говорящих» имен в романах выступают прозвища, при этом характеризующий потенциал имен и фамилий персонажей обнаруживается главным образом косвенно в процессе развития сюжета и раскрытия характера персонажей. При этом именно последняя группа имен предоставляет возможности для ономастической игры через этимологизацию, иронию, каламбур на основе гиперо-гипонимических отношений. Кроме того, в качестве юмористического приема для С. Таунсенд характерно использование кластерных имен (например, для родственников), объединенных между собой на основе семантики. Коммеморативная номинация также становится основой для создания юмористического эффекта и реализует интертекстуальные связи разных романов серии.

Понятие «немотивированная номинация» применительно к художественному тексту, на наш взгляд, относительно, так как проанализированные официальные и неофициальные антропонимы выступаю как маркеры социальной стратификации, этнической принадлежности, межличностных отношений, а также как источник информации о стереотипах и других социокультурных явлениях, осмеиваемых автором. В связи с этим важной составляющей идиостиля С. Таунсенд является наличие ономастических мета-контекстов, содержащих комментарии персонажей относительно норм антропонимической номинации в лингвокультуре.

Таким образом важной функцией литературных антропонимов в романах С. Таунсенд становится юмористическая функция, определяющая «окраску» характеризующей, жанрообразующей, сюжетообразующей и других функций.

Библиографический список

1. Алексеева, О. М. Особенности употребления имён в эзоповом языке басни (референциальный анализ) [Текст] / О. М. Алексеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2018. – № 5. – С. 16-21.

2. Боровская, Е. Р. К истории одной фамилии в повести Н. В. Гоголя «Портрет» [Текст] / Е. Р. Боровская // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Гуманитарные науки. – 2017. – № 4 (772). – С. 143-150.

3. Дзюбенко, А. И. Идиостилистические приемы создания комического эффекта в дискурсе С. Таунсенд [Текст] / А. И. Дзюбенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 10 (64). – С. 61-64.

4. Зинин, С. И. Классификация поэтонимов [Электронный ресурс] / С. И. Зинин // Введение в поэтическую ономастику. – URL: http://imja.name/poehtonimy/klassifikatsiya-poehtonimov.shtml.

5. Косиченко, Е. Ф. Ономастическая плотность как структурообразующий элемент художественного текста [Текст] / Е. Ф. Косиченко // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2017. – Вы п. 6 (777). – С. 258-265.

6. Крылова, А. В. Семантические особенности «говорящих» имён в художественном тексте [Текст] / А. В. Крылова // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. – 2017. – № 1. – С. 28-35.

7. Леденев, А. В. Эффект фонетической иррадиации личного имени в рассказе В. Набокова «Первая любовь» [Текст] / А. В. Леденев // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 4 (15). – С. 28-33.

8. Матвеева, Ю. А. Особенности дневниковой прозы Сью Таунсенд [Текст] / Ю. А. Матвеева // Вестник ТГУ. – Выпуск 9 (101). – 2011. – С. 202-205.

9. Мищерикова, М. А. Номинации человека как лингвокультурологическая доминанта британских сказок [Текст] / М. А. Мищерикова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 7 (61). – С. 107-109.

10. Орлова, О. Ю. Фоностилистическая игра в текстах литературной сказки: семиотический аспект [Текст] / О. Ю. Орлова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 3. – С. 694-702.

11. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий [Текст] / гл. науч. редактор Н. Д. Тамарченко. – М. : Издательство Кулагиной; Inrada, 2008. – 358 с.

12. Пронченко, С. М. Имена собственные в поэтической системе графа А. К. Толстого: парадигматический и синтагматический аспекты [Текст] / С. М. Пронченко // Rhema. Рема. – 2018. – № 2. – С. 16-38.

13. Ремаева, Ю. Г. «Английскость» в творчестве Сью Таунсенд (на примере «Дневников Адриана Моула») [Текст] / Ю. Г. Ремаева // Вестник Нижегород-

ского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 2 (2). – С. 193-197.

14. Топорова, Т. В. «Говорящие имена» в эддической «Поездке Скирнира» [Текст] / Т. В. Топорова // Вопросы ономастики. – 2018. – № 3. – С. 139-153.

15. Чулкова, Е. Д. Ономастические средства создания оппозиции «свой – чужой» в художественном тексте (на материале романа Дж. Ле Карре «Шпион, пришедший с холода») [Текст] / Е. Д. Чулкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вы п. 2 (791). – С. 193-201.

16. Чыонг Тхи Фыонг Тхань. Семантические особенности имен персонажей в повести А. Платонова «Котлован» [Текст] / Чыонг Тхи Фыонг Тхань // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2017. – № 2. – С. 77-80.

17. Ююкина, Л. В. Формирование метонимического имени собственного в эпическом дискурсе [Текст] / Л. В. Ююкина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. – № 2. – С. 123-128.

18. Alvares-Altman, G. Literary Onomastics Typology: Analytic Guidelines to Literary Onomastics Studies / G. Alvares-Altman // Literary Onomastics Studies. – 1981. – Vol. 8. – P. 220-230.

19. Behind the name. The etymology and history of first names. – URL: https://www.behindthename.com.

20. Cavill, P. Language-based Approaches to Names in Literature / P. Cavill // The Oxford Handbook of Names and Naming. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 356-367.

21. Coates, R. Meaningfulness in literary naming within the framework of The Pragmatic Theory of Properhood (TPTP) / R. Coates // Onomastica Uralica. – 2018. – Vol. 14. – P. 191-201.

22. Falck-Kjällquist, B. Genre-based Approaches to Names in Literature / B. Falck-Kjällquist // The Oxford Handbook of Names and Naming. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 330-343.

23. Gibka, M. Two Types of the Expressive Function Served by Characters' Proper Names in Harry Potter / M. Gibka // Acta Philologica. – Warsawa, 2016. – P. 373-381.

24. Gibka, M. R. The Humorous Function of the Characters' Names in Terry Pratchett's «Men at Arms» / M. Gibka // All about Pratchett czyli wszystko o sir Terrym Pratchetcie. – Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. – P. 45-55.

25. Gibka, M. Permanent Functions of Characters' Proper Names in Harry Potter / M. Gibka // Journal of Literary Onomastics. – 2019. – Vol. 7 (1). – P. 45-52.

26. Gibka, M. K. The Functions of Characters' Proper Names in *Guards! Guards!* by Terry Pratchett / M. Gibka // Onomastica Uralica. – 2018. – Vol. 14. – P. 203-214.

27. Nelson, M. An Onomastic Approach to 'The Story of Edgar Sawtelle': David Wroblewski's Transformation of Shakespeare's 'Hamlet' / M. Nelson // Journal of Literary Onomastics. – 2014. – Vol. 3 (1). – P. 24-31.

28. Nelson, M. Hrothgar and Wealhtheow: An Onomastic Approach to a Story of Good Governance / M. Nelson // Journal of Literary Onomastics. – 2019. – Vol. 7 (1). – P. 1-11.

29. Nicolaisen, W. F. H. Structure and function of names in English literature / W. F. H. Nicolaisen // Studia Anglica Posnaniensia. – 1986. – № 18. – P. 139-152.

30. O'Reilly, E. Sue Townsend / E. O'Reilly. – URL: https://literature.britishcouncil.org/writer/sue-townsend.

31. Online Etymology Dictionary. – URL: https://www.etymonline.com/.

32. Partridge, E. A. Dictionary of Slang and Unconventional English. Colloquialisms and Catch-phrases. Solecisms and Catachreses. Nicknames and Vulgarisms / E. A. Partridge. – New York : Macmillan Publishing Company, 1984. – 1400 p.

33. Partridge, E. Here, There and Everywhere: Essays upon Language / E. Partridge. – London, Hamish Hamilton, 1950. – 188 p.

34. Singh, A. Sue Townsend writing new Adrian Mole book when she died / A. Singh, P. Flanagan // The Telegraph. – 2014. – URL: https://www.telegraph.co.uk/culture/books/booknews/10759927/Sue-Townsend-writing-new-Adrian-Mole-book-when-she-died.html.

35. Smith, G. W. The symbolic meanings of names / G. W. Smith // Onomastica Uralica. – 2018. – Vol. 11. – P. 5-15.

36. Smith, G. W. Theoretical Foundations of Literary Onomastics / G. W. Smith // The Oxford Handbook of Names and Naming. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 295-309.

37. Smith, G. W. Names and reference in Shakespeare's *Merry Wives of Windsor* / G. W. Smith // In Honorem: сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 243-252.

38. Sousa, A. Adrian Strikes Back with Style and Humour / A. Sousa // The Journal of Linguistic and Intercultural Education. 2009. – Vol. 2 (2). – P. 277-292.

39. Strandberg, J. A. E. Multilingual Moomins: Examining the Translation of Tove Jansson's Nonsense Character Names from Swedish to English and Finnish / J. F. T. Strandberg // Journal of Literary Onomastics. – 2019. – Vol. 7 (1). – P. 28-44.

40. Tsepkova, A. V. Profane in Literary Anthroponomastics (Based on S. Townsend's Adrian Mole Diary Series) / A. V. Tsepkova // Onomastics between Sacred and Profane. – Vernon Press, 2018. – P. 385-398.

41. Townsend, S. Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2005. – 460 p.

42. Townsend, S. Adrian Mole. The Prostrate Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2010. – 405 p.

43. Townsend, S. Adrian Mole. The Wilderness Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2003. – 275 p.

44. Townsend, S. Adrian Mole. The Cappuccino Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2000. – 390 p.

45. Townsend, S. The Growing Pains of Adrian Mole / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2002. – 274 p.

46. Townsend, S. The Lost Diaries of Adrian Mole 1999-2001 / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2008. – 283 p.

47. Townsend, S. The Secret Diary of Adrian Mole Aged 13 ¾ / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2002.– 259 p.

48. Townsend, S. True Confessions of Adrian Albert Mole / S. Townsend. – London : Penguin Books. 2003. – 163 p.

Reference List

1. Alekseeva, O. M. Osobennosti upotreblenija imjon v jezopovom jazyke basni (referencial'nyj analiz) = Features of use of names in the fable Aesopic language (referential analysis) [Tekst] / O. M. Alekseeva // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. – 2018. – № 5. – S. 16-21.

2. Borovskaja, E. R. K istorii odnoj familii v povesti N. V. Gogolja «Portret» = To the history of one surname in N. V. Gogol's story «The Portrait» [Tekst] / E. R. Borovskaja // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija Gumanitarnye nauki. – 2017. – № 4 (772). – S. 143-150.

3. Dzjubenko, A. I. Idiostilisticheskie priemy sozdanija komicheskogo jeffekta v diskurse S. Taunsend = Idiostylistic means of creating a comic effect in S. Townsend 's discourse [Tekst] / A. I. Dzjubenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – № 10 (64). – C. 61-64.

4. Zinin, S. I. Klassifikacija pojetonimov = Classification of poetonyms [Jelektronnyj resurs] / C. I. Zinin // Vvedenie v pojeticheskuju onomastiku. – URL: http://imja.name/poehtonimy/klassifikatsiya-poehtonimov.shtml.

5. Kosichenko, E. F. Onomasticheskaja plotnost' kak strukturoobrazujushhij jelement hudozhestvennogo teksta = Onomastic density as a structure-forming element in the literary text [Tekst] / E. F. Kosichenko // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki. – 2017. – Vyp. 6 (777). – S. 258-265.

6. Krylova, A. V. Semanticheskie osobennosti «govorjashhih» imjon v hudozhestvennom tekste = Semantic features of «speaking» names in the literary text [Tekst] / A. V. Krylova // Vestnik MGOU. Serija: Russkaja filologija. – 2017. – № 1. – S. 28-35.

7. Ledenev, A. V. Jeffekt foneticheskoj irradiacii lichnogo imeni v rasskaze V. Nabokova «Pervaja ljubov'« = Effect of phonetic irration of a personal name in V. Nabokov 's story «The First Love» [Tekst] / A. V. Ledenev // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 4 (15). – S. 28-33.

8. Matveeva, Ju. A. Osobennosti dnevnikovoj prozy S'ju Taunsend = Features of Sue Townsend 's diary prose [Tekst] / Ju. A. Matveeva // Vestnik TGU. – Vypusk 9 (101). – 2011. – S. 202-205.

9. Mishherikova, M. A. Nominacii cheloveka kak lingvokul'turologicheskaja dominanta britanskih skazok = Nominations of man as linguoculturological dominant in British fairy tales [Tekst] / M. A. Mishherikova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 7 (61). – C. 107-109.

10. 10. Orlova, O. Ju. Fonostilisticheskaja igra v tekstah literaturnoj skazki: semioticheskij aspekt = Phonostylistic game in literary fairy tale texts: semiotic aspect [Tekst] / O. Ju. Orlova // Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. – 2017. – № 3. – S. 694-702.

11. Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij = Poetry: a dictionary of relevant terms and concepts [Tekst] / gl. nauch. redaktor N. D. Tamarchenko. – M. : Izdatel'stvo Kulaginoj; Inrada, 2008. – 358 s.

12. 12. Pronchenko, S. M. Imena sobstvennye v pojeticheskoj sisteme grafa A. K. Tolstogo: paradigmaticheskij i sintagmaticheskij aspekty = The proper names in the poetic system of Count A. K. Tolstoy: paradigm and syntagmatic aspects [Tekst] / S. M. Pronchenko // Rhema. Rema. – 2018. – № 2. – S. 16-38.

13. Remaeva, Ju. G. «Anglijskost'« v tvorchestve S'ju Taunsend (na primere «Dnevnikov Adriana Moula») = «Englishness» in Sue Townsend 's work (on the example of «Adrian Moole 's Diaries») [Tekst] / Ju. G. Remaeva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2015. – № 2 (2). – S. 193-197.

14. Toporova, T. V. «Govorjashhie imena» v jeddicheskoj «Poezdke Skirnira» = «Charactonyms» in the eddic «Skirnir Trip» [Tekst] / T. V. Toporova // Voprosy onomastiki. – 2018. – № 3. – S. 139-153.

15. Chulkova, E. D. Onomasticheskie sredstva sozdanija oppozicii «svoj – chuzhoj» v hudozhestvennom tekste (na materiale romana Dzh. Le Karre «Shpion, prishedshij s holoda») = Onomastic means of creating opposition «own – strange» in the literary text (on the material of J. Le Carré 's novel «The spy who came in from the cold») [Tekst] / E. D. Chulkova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – 2018. – Vyp. 2 (791). – S. 193-201.

16. Chyong Thi Fyong Than'. Semanticheskie osobennosti imen personazhej v povesti A. Platonova «Kotlovan» = Semantic features of characters' names in A. Platonov's story «The Foundation Pit» [Tekst] / Chyong Thi Fyong Than' // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. – 2017. – № 2. – S. 77-80.

17. Jujukina, L. V. Formirovanie metonimicheskogo imeni sobstvennogo v jepicheskom diskurse = Forming a metonymic proper name in epic discourse [Tekst] / L. V. Jujukina // Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija. – 2018. – № 2. – S. 123-128.

18. Alvares-Altman, G. Literary Onomastics Typology: Analytic Guidelines to Literary Onomastics Studies / G. Alvares-Altman // Literary Onomastics Studies. – 1981. – Vol. 8. – P. 220-230.

19. Behind the name. The etymology and history of first names. – URL: https://www.behindthename.com.

20. Cavill, P. Language-based Approaches to Names in Literature / P. Cavill // The Oxford Handbook of Names and Naming. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 356-367.

21. Coates, R. Meaningfulness in literary naming within the framework of The Pragmatic Theory of

Properhood (TPTP) / R. Coates // Onomastica Uralica. – 2018. – Vol. 14. – P. 191-201.

22. Falck-Kjällquist, B. Genre-based Approaches to Names in Literature / B. Falck-Kjällquist // The Oxford Handbook of Names and Naming. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 330-343.

23. Gibka, M. Two Types of the Expressive Function Served by Characters' Proper Names in Harry Potter / M. Gibka // Acta Philologica. – Warsawa, 2016. – P. 373-381.

24. Gibka, M. R. The Humorous Function of the Characters' Names in Terry Pratchett's «Men at Arms» / M. Gibka // All about Pratchett czyli wszystko o sir Terrym Pratchetcie. – Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2018. – P. 45-55.

25. Gibka, M. Permanent Functions of Characters' Proper Names in Harry Potter / M. Gibka // Journal of Literary Onomastics. – 2019. – Vol. 7 (1). – P. 45-52.

26. Gibka, M. K. The Functions of Characters' Proper Names in Guards! Guards! by Terry Pratchett / M. Gibka // Onomastica Uralica. – 2018. – Vol. 14. – P. 203-214.

27. Nelson, M. An Onomastic Approach to 'The Story of Edgar Sawtelle': David Wroblewski's Transformation of Shakespeare's 'Hamlet' / M. Nelson // Journal of Literary Onomastics. – 2014. – Vol. 3 (1). – P. 24-31.

28. Nelson, M. Hrothgar and Wealhtheow: An Onomastic Approach to a Story of Good Governance / M. Nelson // Journal of Literary Onomastics. – 2019. – Vol. 7 (1). – P. 1-11.

29. Nicolaisen, W. F. H. Structure and function of names in English literature / W. F. H. Nicolaisen // Studia Anglica Posnaniensia. – 1986. – № 18. – P. 139-152.

30. O'Reilly, E. Sue Townsend / E. O'Reilly. – URL: https://literature.britishcouncil.org/writer/sue-townsend.

31. Online Etymology Dictionary. – URL: https://www.etymonline.com/.

32. Partridge, E. A. Dictionary of Slang and Unconventional English. Colloquialisms and Catch-phrases. Solecisms and Catachreses. Nicknames and Vulgarisms / E. A. Partridge. – New York : Macmillan Publishing Company, 1984. – 1400 p.

33. Partridge, E. Here, There and Everywhere: Essays upon Language / E. Partridge. – London, Hamish Hamilton, 1950. – 188 p.

34. Singh, A. Sue Townsend writing new Adrian Mole book when she died / A. Singh, P. Flanagan // The Telegraph. – 2014. – URL: https://www.telegraph.co.uk/culture/books/booknews/10759927/Sue-Townsend-writing-new-Adrian-Mole-book-when-she-died.html.

35. Smith, G. W. The symbolic meanings of names / G. W. Smith // Onomastica Uralica. – 2018. – Vol. 11. – P. 5-15.

36. Smith, G. W. Theoretical Foundations of Literary Onomastics / G. W. Smith // The Oxford Handbook of Names and Naming. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 295-309.

37. Smith, G. W. Names and reference in Shakespeare's Merry Wives of Windsor / G. W. Smith // In Honorem: сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна. – Минск : РИВШ, 2018. – С. 243-252.

38. Sousa, A. Adrian Strikes Back with Style and Humour / A. Sousa // The Journal of Linguistic and Intercultural Education. 2009. – Vol. 2 (2). – P. 277-292.

39. Strandberg, J. A. E. Multilingual Moomins: Examining the Translation of Tove Jansson's Nonsense Character Names from Swedish to English and Finnish / J. F. T. Strandberg // Journal of Literary Onomastics. – 2019. – Vol. 7 (1). – P. 28-44.

40. Tsepkova, A. V. Profane in Literary Anthroponomastics (Based on S. Townsend's Adrian Mole Diary Series) / A. V. Tsepkova // Onomastics between Sacred and Profane. – Vernon Press, 2018. – P. 385-398.

41. Townsend, S. Adrian Mole and the Weapons of Mass Destruction / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2005. – 460 p.

42. Townsend, S. Adrian Mole. The Prostrate Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2010. – 405 p.

43. Townsend, S. Adrian Mole. The Wilderness Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2003. – 275 p.

44. Townsend, S. Adrian Mole. The Cappuccino Years / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2000. – 390 p.

45. Townsend, S. The Growing Pains of Adrian Mole / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2002. – 274 p.

46. Townsend, S. The Lost Diaries of Adrian Mole 1999-2001 / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2008. – 283 p.

47. Townsend, S. The Secret Diary of Adrian Mole Aged 13 ¾ / S. Townsend. – London : Penguin Books, 2002.– 259 p.

48. Townsend, S. True Confessions of Adrian Albert Mole / S. Townsend. – London : Penguin Books. 2003. – 163 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

Теория языка

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10496
УДК 80

А. В. Лоза https://orcid.org/0000-0001-6351-6109

Истоки формирования аналитической философии языка в Германии XIX века: О. Группе, К. Германн и М. Мюллер

Данная статья посвящена анализу деятельности трех лингвофилософов Германии XIX века. О. Группе, К. Германн и М. Мюллер в своих трудах рассматривали проблемы методологии философии и теории познания, настаивали на необходимости включить в исследования вопросы языка. В рамках статьи анализируются общие для лингвофилософов научные установки и убеждения, приводятся данные биографий ученых, которые также обнаруживают множество сходных моментов. В фокусе внимания статьи находятся вопросы взаимосвязи языка и мышления, важности явлений языка для процесса познания. Автор статьи анализирует следующие теоретические положения в работах указанных философов: критика метафизики и спекулятивной философии языка, классических философских систем (философия идеализма Г. Гегеля). В статье рассматриваются общие для лингвофилософов мнения о соотношении категорий логики и синтаксиса в процессе изучения человеческого мышления (представляется абстрактность спекулятивной логики и «реальность» языкового мышления); изменение значений понятий в ходе истории, а также их зависимость от контекста. Автор отдельно останавливает свое внимание на убеждениях лингвофилософов в рамках анализа явлений общего и единичного в языке; сочетании в их исследованиях данных языкознания и установок естественных наук. Отмечается, что О. Группе, К. Германн и М. Мюллер были сторонниками междисциплинарного подхода, выступали также за применение исторического подхода в работе (этимологические исследования). Лингвофилософы опирались в своих сочинениях на идеи философии позитивизма и предлагали определить специальные дисциплины и выделить методы для изучения содержания языка (внутренняя сторона или логос) и его внешней оболочки (глосса).

Ключевые слова: языкознание, философия языка, аналитическая философия, философия идеализма, логос, язык и мышление, язык и познание, критика языка, аналитическая философия, логика, синтаксис.

Language theory

A. V. Loza

Origins in formation of analytical philosophy of language in XIX century Germany: O. Gruppe, C. Hermann and M. Müller

The paper is dedicated to the analysis of the works of three German philosophers of language of the XIX century. O. Gruppe, C. Hermann and M. Müller considered the issues of the philosophy methodology and the theory of cognition. They insisted on the inclusion of the questions of language in the scope of research works. The article analyses their similar scientific opinions and biographical data, which also have very much in common. The article focuses its attention on the problems of the interaction of thought and language and its importance for the process of cognition. The author analyses the following theoretical matters of the mentioned philosophers: criticism of metaphysics, speculative philosophy, and classical philosophical systems (Hegel's philosophy of idealism); the relationship between logic and syntax in the study of human thinking; changeable meanings of concepts and the study of concrete and common phenomena in the language. The paper considers the correlation between the data given by the science of language and the methods of the science of nature (interdisciplinary approach, the use of historical approach and the ideas of positivism); the intention and use of specific disciplines and methods for studying the contents of language (inner side of language, logos) and the outer side (glossa).

Keywords: linguistics, philosophy of language, analytical philosophy, philosophy of idealism, logos, language and thought, language and cognition, language criticism, analytical philosophy, logic, syntax.

XIX век в истории развития лингвистической и лингвофилософской мысли в Германии знаменателен во многих отношениях. Именно в это время языкознание выделяется в отдельную дисциплину, ученые включают язык в рамки своих изысканий, при этом не только исследуют строе-

© Лоза А. В., 2019

ние и языковые формы как таковые, а переходят к критике языка в изучении таких важных вопросов, как условия и границы нашего мышления и познания.

Отказываясь признавать только лишь инструментальную роль языка в процессе мышления, лингвофилософы заявляют его трансцендентальный характер. Важными тезисами лингвофилософии XIX века становятся положения о взаимосвязи языка и мышления, определяющая роль языка в процессе познания, многообразие языков, обуславливающее многообразие форм мышления. В истории языкознания за новой исследовательской тенденцией закрепилось обозначение «поворот к языку», предполагающее переориентацию исследователя с концепта «чистого сознания», предложенного И. Кантом в рамках философии трансцендентального идеализма, на концепт связанного с языком («нечистого») сознания. Большое значение для развития идей лингвофилософии имела феноменология духа Г. Гегеля. Несмотря на то, что в самой теории не уделялось достаточно места изучению вопросов языка, (за что, в частности, К. Германн и О. Группе подвергали его концепцию критике), лингвофилософы находили в ней стимул для проведения собственных исследований и ту опору, позволявшую им строить свои предположения, подтверждая или опровергая теории философов-классиков.

Таким образом, критика основных теоретических положений классической философии (в особенности философии Г. Гегеля) фактически возводится в ранг обязательного условия лингвофилософских изысканий исследователей XIX века, своеобразным conditio sine qua non [17, S. 122].

В целом науку о языке XIX века характеризует наличие множества исследовательских вопросов: исторически и этноцентрически ориентированное изучение языка (типологические учения), остаточное влияние философии романтизма, синхронический и диахронический подходы к изучению языка, позитивистские и натуралистические установки.

Исследование данных языковедческих проблем продолжилось в трудах лингвофилософов XX века, вследствие чего кажется совершенно справедливым утверждение о том, что корни проблематики таких направлений научного знания, как аналитическая философия, логический позитивизм, психолингвистика, лингвокультурология, структурная лингвистика и др. нужно искать в философии языка XIX века.

В связи с этим, особенно актуальным становится вопрос заполнения существующих пробелов в рамках данной дисциплины, так как, помимо известных нам имен выдающихся философов (В. фон Гумбольдта, Ф. Шлегеля, И. Гердера), есть целый ряд ученых, имена и труды которых незаслуженно забыты, ср:. «es gibt einen vergessenen Strang theoretischer Überlieferung» [16, S. 107]. «Das Bild, das sich die Philosophiegeschichtsschreibung bislang vom XIX Jahrhundert machte, bedarf heute der Korrektur und Ergänzung» [6, S. 17].

Конрад Германн, Отто Фридрих Группе, Фридрих Макс Мюллер – представители философии языка XIX века, теоретические воззрения которых позволяют сделать вывод о наличии общности взглядов ученых на основополагающие вопросы научного знания данного периода.

Сюда относятся: проблема определения сущности языка в процессе мышления и познания, их взаимосвязь и взаимовлияние, критика метафизики и спекулятивной философии, применение в ходе научного исследования общетеоретических основ философии, практических (эмпирических) сведений из области истории (этимологии), сочетание исследовательских методов естественных и точных наук (междисциплинарный подход) и др.

Общность воззрений лингвофилософов, несомненно, объясняется принадлежностью к единой (общей) научно-исследовательской парадигме данной эпохи, в которой уже на протяжении определенного времени росло недовольство существующим научным порядком в области спекулятивной философии. Но также небезынтересным представляется тот факт, что как К. Германн, так и О. Группе и М. Мюллер проходили обучение в стенах Университета Фридриха Вильгельма у одних и тех же преподавателей, проживали в Берлине и принадлежали к общему для города исследовательскому кругу. К. Германн и М. Мюллер являлись также студентами философского факультета университета Лейпцига, где позднее оба защитили диссертации. М. Мюллер учился у отца К. Германна известного филолога-классика Готтфрида Германна, о чем он упоминает в своей речи «О результатах языкознания», представленной в университете Страсбурга в 1872 году [18, S. 15].

О. Группе родился в 1804 году в Гданьске (Danzig, Королевство Пруссия, ныне Республика Польша). В матрикуле философского факультета университета Берлина имеется запись о том, что О. Группе из Гданьска приступил к изучению филологии осенью 1825 года (Michaelis 25) и

проживает на улице Брюдерштрассе 9 [24]. О. Группе заканчивает обучение в 1830 году; 22 июня 1844 он начинает преподавать в своем alma mater в должности экстраординарного профессора и занимает это место вплоть до своей кончины в 1876 году [8].

К. Германн родился в 1819 году в местечке Ангер под Лейпцигом. После окончания школы (школа Святого Фомы, Thomasschule zu Leipzig) он поступает на философский факультет университета Лейпцига в 1837 году и учится до 1841 года [4, с. 155]. Согласно архивным сведениям университета Берлина К. Германн продолжает обучение в Университете Фридриха Вильгельма сначала на теологическом факультете (один семестр в 1841 году), затем на философском факультете (с осени 1841 по 1844 год) [25].

По возвращении в Лейпциг К. Германн в 1846 году защищает диссертацию на философском факультете университета Лейпцига [4, с. 155].

М. Мюллер родился в 1823 году в городе Дессау (ныне федеральная земля Саксония Ангальт). Окончив школу Святого Николая в Лейпциге (школы Святого Фомы и Святого Николая находились очень близко друг от друга), М. Мюллер поступает в 1841 году на факультет философии университета Лейпцига, где в 1843 году он защищает диссертацию.

Как уже упоминалось, М. Мюллер учился у отца К. Германна, известного классического филолога Готтфрида Германна. Он также посещал занятия Моритца Хаупта, зятя Готтфрида Германна (был женат на его дочери, сестре К. Германна Луизе). М. Мюллер был членом созданного Г. Германном в 1797 году и возглавляемого им почти пятьдесят лет греческого общества «Leipziger Societas Graeca», участником которого был и сын Г. Германна К. Германн.

Членами общества могли стать только лучшие студенты, на собраниях под руководством Г. Германна они вели научные дискуссии о различных проблемах науки. М. Мюллер также входил в общество «Leipziger Societa Latina», возглавляемое М. Хауптом. В 1844 году он отправляется в Берлин и продолжает обучение в университете Фридриха Вильгельма [21, p. 115].

Примечателен тот факт, что трое философов в разное время посещают занятия одних и тех же преподавателей, среди которых можно выделить известных ученых (философов, языковедов и историков) Августа Бёка (August Böckh), Фридриха фон Раумера (Friedrich von Raumer), Леопольда фон Ранке (Leopold von Ranke), Франца Боппа (Franz Bopp), Карла Гейзе (Karl Wilhelm Ludwig Heyse).

Начиная с 1833 года в должности экстраординарного, а с 1837 года ординарного профессора на факультете преподает Ф. А. Тренделенбург (во время обучения К. Германна и М. Мюллера). А с 1844 года, в то время, когда на факультете учился М. Мюллер, место экстраординарного профессора занимал О. Группе [8].

Основные воззрения О. Группе, затрагивающие вопросы взаимосвязи языка и мышления, а также представляющие заключения автора о современном состоянии философии, изложены в ряде трудов: «Антей. Переписка по поводу спекулятивной философии в ее конфликте с наукой и языком» («Antäus. Ein Briefwechsel über spekulative Philosophie in ihrem Konflikt mit Wissenschaft und Sprache», Berlin 1831), «Поворот философии в XIX веке» («Wendepunkt der Philosophie im neunzehnten Jahrhundert» Berlin 1834), «Настоящее и будущее философии в Германии» («Gegenwart und Zukunft der Philosophie in Deutschland», Berlin 1855).

К. Германн рассматривает вопросы философии языка в трудах «Философская грамматика» («Philosophische Grammatik», Leipzig 1858), «Проблема языка и ее разработка на протяжении истории» («Das Problem der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte», Dresden 1865), «Языкознание в его связи с логикой, становлением человеческого духа и философией» («Die Sprachwissenschaft nach ihrem Zusammenhange mit Logik, menschlicher Geistesbildung und Philosophie», Leipzig 1875), «Гегель и логический вопрос философии современности» («Hegel und die logische Frage der Philosophie in der Gegenwart», Leipzig 1878).

М. Мюллер излагает свои мысли относительно вопросов языка (философия языка, сравнительно-историческое языкознание) в произведениях: «Лекции по науке о языке» («Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache», Leipzig 1866), «О результатах языкознания» («Über die Resultate der Sprachwissenschaft», Straßburg 1872), «О происхождении и развитии языка» («Über den Ursprung und die Entwicklung der Sprache», Basel 1876), «Наука о мысли» («The science of thought», New York 1887, немецкое издание «Das Denken im Lichte der Sprache», Leipzig 1888), «Наука о языке» («Die Wissenschaft der Sprache», Leipzig 1892).

Одной из самых важных мыслей, которая красной нитью проходит через произведения лингвофилософов, является критика метафизики и неприятие установок спекулятивной философии.

Большой заслугой ученых было стремление, несмотря на общепринятые постулаты философии и теории познания, разъяснить фундаментальное значение языка для процессов мышления и познания (О. Группе, К. Германн и М. Мюллер «шли против течения» в определении важных мотивов и исследовательских установок философии языка, ср.: «gegen die philosophischen Moden und Strömungen ihrer Zeit, die Bedeutung der Sprache für das Philosophieren gesehen … und als den zentralen Forschungsbereich anempfohlen haben») [6, S. 10-11].

Как уже упоминалось ранее, для философов языка данного периода было характерно в качестве критической основы для своих научных изысканий использовать теоретическую систему воззрений Г. Гегеля (фактически представлять Г. Гегеля своим оппонентом).

В рамках проводимого анализа можно отметить, что наиболее жесткой критике философию идеализма подвергает О. Группе, учившийся у Г. Гегеля на философском факультете университета Фридриха Вильгельма в Берлине [22, p. 8].

Он пишет о том, что «спекулятивная философия не достигла ничего, она не содержит в себе ничего стоящего, ничего из того, что могло бы породить даже поверхностное знание» («speculative Philosophie…wirklich durchaus nicht geleistet hat, dass es vielmehr überall nichtssagendes enthält, was nur kaum den oberflächlichsten Anschein von Erkenntnis trägt…») [10, S. 15].

Также О. Группе отмечает, что познание, основанное лишь на мыслительных операциях чистой логики, нельзя ни в коей мере считать объективным, а философскую систему Г. Гегеля, вследствие этого, достойной внимания кумулятивной гносеологической системой.

О. Группе пишет: «Und wirklich denke ich … nachzuweisen, wie eben diese absolute Konstruktion der Natur nach dem logischen Schluss und Urteil, wodurch der welthistorische Wert Hegels feststehen soll, nur auf Willkürlichkeit, Täuschung und Irrtum beruht») [9, S. 259].

Как пишет М. Мюллер в своей «Автобиографии» («My Autobiography» New York 1901), он познакомился с основами философии идеализма на занятиях профессора Х. Вайсе (Christian Hermann Weiße) в университете Лейпцига.

М. Мюллер отмечает наблюдавшуюся в это время невероятную популярность данной философской системы, пишет о невозможности противопоставить ей что-либо или усомнится в ее тезисах («The Hegelian fever…to be Hegelian was considered a sine qua non, not only among philosophers, but quite as much among theologians, men of science…») [21, p. 130-131].

Вместе с этим, он указывает на сложность ее понятийного аппарата и в целом на трудности в восприятии ее всеобъемлющей, многомерной структуры. М. Мюллер иронично отмечает, что в это время каждый, кто приезжал из Берлина и мог строить фразы о сущности «идеи» Г. Гегеля достаточно запутанным языком, получал абсолютное и благоговейное внимание аудитории [21, p. 130].

Но с течением времени отношение к философии Г. Гегеля резко изменилось. Сам М. Мюллер, отмечая большое значение таких важных компонентов философии идеализма, как «процессуальность», «движение», «развитие» (ключевые понятия в его философии религии), в большей степени относился к данной теории критически. М. Мюллер указывал на принципиальную невозможность использования спекулятивных конструкций в философии истории, так как история не может развиваться лишь по законам логики [1, с. 278].

Для работ, созданных в традициях философии идеализма Г. Гегеля и раннего историзма, типично обращение к понятию духа (Geisteshaltung) и убеждение, что все политические, общественные, нравственные и научные идеи на протяжении истории развиваются процессуально [23, S. 31].

Важным мотивом для философов XIX века была идея постепенного движения духа к истине (абсолютная идея). Как М. Мюллер, так и К. Германн, находившиеся под значительным влиянием романтического течения и исторического подхода, перенесли данную концепцию в сферы языка и религии.

Одно из сочинений К. Германна «Гегель и логический вопрос философии современности» посвящено анализу и критическому освещению научной деятельности Г. Гегеля. К. Германн в общем и целом отмечает важность и исследовательскую состоятельность классической науки, использует основные постулаты философии идеализма, но непрестанно указывает на недостаточность подобного знания. Современную ему философию языка он считает более совершенной дисциплиной, шагнувшей на новую ступень своего развития (соразмерно с идеей «поступенного развития» Г. Гегеля).

Следует отметить, что идея движения (развития) в концепции К. Германна трактуется им только с точки зрения лишь положительной динамики; так он интерпретирует процесс становления (исторический процесс, жизнь языка). Подобное видение проблемы также обнаруживает влияние концепции Г. Гегеля, которую впослед-

ствии подвергали критике за одностороннее понимание развития и изменения как прогресса.

Взаимосвязь между взглядами Г. Гегеля и К. Германна, выражающаяся в сходстве представляемых ими систем знания, является примером, иллюстрирующим отношения учитель-ученик, проявляющимся в виде многочисленных ссылок и упоминаний Г. Гегеля в основных трудах К. Германна.

Несмотря на то, что К. Германн считал себя последователем и учеником Г. Гегеля, он подвергал жесткой критике его философию за отсутствие должного внимания к языку, видел в ней «устрашающий пример философии, забывшей о языке» («das abschreckendste Beispiel für eine sprachvergessene Philosophie») [6, S. 19].

В соответствии с этим, представленные лингвофилософы провозгласили отход от постулатов метафизики и спекулятивной философии и заявили о необходимости «поворота к языку» в теории познания и изучении законов мышления.

Невозможно рассматривать закономерности мышления, опираясь лишь на данные логики, так как она представляет собой абстрактную дисциплину и способна исследовать лишь закономерности мышления «самого по себе» («den nackten und nüchternen Knochenbau des menschlichen Denkens an sich»).

Действительное же мышление получает свое выражение лишь в реальном языке, поэтому К. Германн называл большой ошибкой искусственное разграничение учения о мышлении «самом по себе» от мышления, получающего выражение в конкретной форме языка [15, S. 89].

О. Группе также отмечал, что спекулятивные предложения пусты и бессодержательны («leer und tautologisch, inhalts- und sinnlos»), и критиковал философию за пренебрежение языком («Das Denken ist nicht ohne Sprache, wie die Sprache nicht ohne Denken; beide stehen in einer Wechselbeziehung») [10, S. 28].

Метафизика как спекулятивная система ни в коей мере не подходит для изучения законов мышления. Главное ее заблуждение, по мнению О. Группе, заключалось в том, что она не признавала относительность понятий и их зависимость от контекста, а указывала на то, что понятия имеют вечный и неизменный характер [5, S. 83].

Резко отрицательное отношение О. Группе к метафизике можно проследить также на примере заголовков его произведений (ср.: Antäus – die spekulative Philosophie in ihrem Konflikt mit Wissenschaft uns Sprache»).

Одна из основных задач философии языка видится О. Группе в преодолении ошибок метафизики, ср.: «Die Metaphysik hat ihren sehr guten Grund in der misskannten Natur der Sprache; hiemit erst versteht man sie, hiedurch erst vermeidet man ihre Irrtümer» [10, S. 427].

М. Мюллер, рассматривая данный вопрос в своих произведениях, выражает недоумение по поводу того, что взаимосвязь языка и мышления, (существование которой не вызывает сомнений), не получает должного внимания в работах исследователей. Лингвофилософ придает ей значение «революции в философии» («vollständige Revolution in der Philosophie») [20, S. 45].

Для анализа мыслительной деятельности человека понятия имеют большое значение, но в то же время лингвофилософы делают важный шаг, смещая вектор исследований в сторону синтаксиса языков. К. Германн утверждал, что синтаксис отражает взаимодействие между грамматикой и логикой. В нем проявляется «истинная природа способности к мышлению» или «дух языка» («das Syntaktische ist der Geist in der Sprache») [12, S. 174].

Логика, как всеобъемлющая, всеобщая дисциплина, простирается на мышление всего человеческого рода. Грамматика представляет собой более частную науку, которая исследует закономерности мышления в одном, конкретно взятом языке [2, с. 157]. «Другой язык – другая грамматика». Есть только одна логика, но множество грамматик [12, S. 44].

Аналогичную мысль высказывает М. Мюллер, отмечая универсальное устройство логики и связанный границами реального языка характер грамматики («…dass Logik für alle Sprachen dieselbe, die Grammatik aber für jede Sprache eine besondere sei…Die Logik ist als eine Art allgemeine Grammatik aus den Grammatiken der Welt abstrahiert…») [7, S. 128].

О. Группе подвергает критике логические системы Аристотеля и Г. Гегеля («absolute Logik») из-за пренебрежения языком, оспаривает их применимость в качестве основы теории познания. Лингвофилософ заявляет «нечистый», связанный с языком характер логики, из чего следует, что анализ языка исследователем сделает возможным анализ человеческого мышления («jede Sprache eine eigene Logik sei») [5, S. 133].

К. Германн и М. Мюллер представляли язык в качестве ключа к познанию человека, его истории, культуры, мышления. Находясь под значительным влиянием философии романтизма (Ф. Шлегель, В. фон Гумбольдт), они утверждали, что история человеческого духа – это история его языка.

К. Германн отмечал, что язык обладает двумя сторонами (внешней и внутренней, глоссой и логосом), изучить которые должны две дисциплины (история и философия языка), вместе обеспечивающие единство знания [2, ст р. 155].

Под логосом К. Германн понимал содержательную сторону языка, мысль («geistige Gedankenbewegung der Seele») [3, с. 93], душевное или мысленное («geistige oder gedenkmässige»), духовное мышление языка [14, S. 2-4]. Вторая составляющая языка, глосса (язык как система знаков), трактовалась им как характер его строения («die sinnliche Form der Sprache … das artikulierende Lautelement») [14, S. 54].

Для лингвофилософской парадигмы исследований М. Мюллера понятие логос также имеет ключевое значение. Фактически логос – это сам язык, который он трактует в соответствии с традицией Древней Греции, как совокупность слова и значения («We mean by language what the Greeks called Logos») [19, p. 28].

Таким образом, М. Мюллер, как и К. Германн, обозначает логос в качестве речемыслительного единства, выделяет две стороны языка, внутреннюю и внешнюю. Для более наглядного представления своей идеи, он сравнивает данные стороны с апельсином и его кожурой, подчеркивая при этом, что одно не может существовать без другого.

М. Мюллер пишет: «Wir können zwischen einer Orange und der Schale unterscheiden. Aber es gibt keine Orange ohne Schale und keine Orangenschale ohne Orange…Dasselbe gilt für die Sprache…Ein Wort…hört auf zu sein, was es ist, sobald sein Endzweck fehlt oder die Seele es verlassen hat» [7, S. 72].

О. Группе представлял язык в качестве продукта и органа мышления, «сосуда, являющегося вместилищем мышления» («die Sprachen…Mittel und Gefäß des Denkens») [10, S. 30].

Для объективного исследования закономерностей «языкового мышления» лингвофилософ заявляет о необходимости произвести изменения в философии (в методологии исследований), «вылечить философию благодаря применению нового метода». «Die Krankheit der Philosophie beruht auf einer falschen Methode, die Heilung kann nur erfolgen durch die wahre Methode, nur diese kann die Philosophie für die Dauer in ein sicheres Geleis führen, ihre Bemühungen fruchtbar machen» [11, S. 179].

Новый исследовательский метод, согласно мнению О. Группе, должен быть основан на индукции. («обобщение метода Бэкона», «Verallgemeinerung der Baconischen Methode») [10, S. 19].

Основная сфера применения данного метода распространяется на понятия, которыми апеллирует наше мышление. Для осуществления процесса познания окружающего мира человек, путем присвоения им имени, выделяет общее и единичное в великом множестве моментов действительности, разграничивая, отделяя их друг от друга. Данные мыслительные операции позволяют выделять классы слов (понятий).

Исследовательский метод, предложенный О. Группе, как нельзя лучше подходит для изучения всего многообразия явлений общего и единичного, притом что, единичное рассматривается не как отдельное, не связанное ни с чем явление, а включается в некий порядок вещей. Примечательно, что К. Германн также писал об индукции как об исследовательском методе в рамках сравнительного подхода для изучения многообразия явлений единичного [12, S. 419].

Он также отмечал, что только вместе, в качестве «целого» (das Ganze oder Volle), явления «единичного» и «общего» становятся объектом исследования философии языка [12, S. 419].

Примечательным является тот факт, что как О. Группе, так и К. Германн и М. Мюллер выступали за сочетание данных языкознания и эмпирических наук в рамках проводимых исследований и отмечали, что именно такое сочетание способствует получению истинного знания. В большей степени естественнонаучный характер носит концепция О. Группе.

К. Германн писал о том, что познание языка может проходить как по философскому (gedankmäßig philosophische), так и по эмпирически-историческому (empirisch-historische) пути. За эмпирически-историческое познание отвечает история языка; логос, или форма мышления, является предметом изучения философии языка, но только их взаимосвязь даст исследователю ключ к всецелому изучению и познанию его сущности как важной составляющей духовной жизни человека. Форму мышления языка (λόγος) можно изучить путем размышлений, эмпирически-исторические знания получают только опытным путем [13, S. 56].

Следует отметить, что историческая составляющая имеет большое значение в исследовательских системах трех философов. Проследив историю языка, можно изучить историю человеческого духа (в терминологии К. Германна и М. Мюллера) и мышления (в терминологии О. Группе).

Согласно мнению О. Группе, применив исторический подход, можно проследить изменения в значениях отдельных понятий («das historisch-pragmatische Sprachstudium») [10, S. 262].

В свою очередь суждения (в логике, в синтаксисе им соответствуют высказывания) выступают в качестве мыслительных единиц и выполняют онтологическую функцию только тогда, когда они связаны с реальным миром («Wir wurzeln mit allem Sein und Denken in dieser Welt, unsere Begriffe stehen auf dieser Basis, gelten nur innerhalb dieser Bedingung») [11, S. 274].

В связи с этим они должны быть всегда подкреплены фактами из реальной действительности (в том числе естественнонаучного характера). О. Группе писал: «Philosophie und Wissenschaft sind nicht mehr zwei streitende Instanzen, sie können nicht mehr miteinander in Konflikt kommen, eine hilft der anderen, arbeitet der anderen in die Hände… « [11, S. 275].

К. Германн, описывая две стороны языка, логос и глоссу, пишет о том, что глоссология, изучающая внешнюю сторону языка, являет собой чистую естественную науку о языке (Naturwissenschaft von der Sprache); язык представляется ей как богатство природы, как научно познаваемая цельность, регламентированная и определенная во всех своих проявлениях (in allen ihren Erscheinungen gesetzlich bestimmte und daher wissenschaftlich erkennbare Totalität) [14, S. 2-3].

М. Мюллер пишет о естественнонаучном характере языкознания, о чем свидетельствуют также названия глав его сочинений (ср.: «Die Sprachwissenschaft gehört zu den physischen Wissenschaften»).

В целом он делит науки на исторические и естественнонаучные. М. Мюллер утверждает взаимосвязь человеческого познания с такими естественными процессами, как наблюдение и восприятие, а также отмечает его историческую обусловленность.

Следует отметить, что К. Германн и М. Мюллер, указывая на сложный, комплексный характера языка, разработали и предложили специальные дисциплины для нужд философии языка. Философская грамматика К. Германна и номинизм М. Мюллера характеризуются сложной структурой и поэтому должны стать предметом отдельного исследования.

В настоящее время невозможно с уверенностью сказать, были ли лингвофилософы знакомы с творчеством друг друга, их произведения не содержат ссылок на работы или личных упоминаний коллег. Но нельзя не отметить общих для их сочинений воззрений, касающихся не просто отдельных положений представляемых теорий, но основополагающих, определяющих направление исследований установок и убеждений.

Библиографический список

1. Золотухин, В. В. Немецкий идеализм как теоретическое основание науки о религии Фридриха Макса Мюллера [Текст] / В. В. Золотухин // Религиоведческие исследования. – 2017. – № 16. – С. 22-47.
2. Лоза, А. В. Этимология и синтаксис как выразители «духа языка» в рамках лингвофилософских исследований Конрада Германна [Текст] / А. В. Лоза // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – С. 155-159.
3. Лоза, А. В. Разделы философской грамматики как науки о языке, разработанной К. Германном [Текст] / А. В. Лоза // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2014. – № 4(35). – С. 89-96.
4. Лоза, А. В. О жизни и творческом пути лингвофилософа К. Германна [Текст] / А. В. Лоза // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 2. – С. 153-157.
5 Cloeren, H. J. O. F. Gruppe und die sprachanalytische Philosophie / H. J. Cloeren. – Aachen, 1967. – 256 S.
6. Cloeren, H. J. Philosophie als Sprachkritik im 19. Jahrhundert Textauswahl I / H. J. Cloeren. – Friedrich Frommann Verlag, 1971. – 244 S.
7. Cloeren, H. J. Philosophie als Sprachkritik im 19. Jahrhundert Textauswahl II / H. J. Cloeren. – Friedrich Frommann Verlag, 1971. – 251 S.
8. Die Königliche Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin in ihrem Personalbestande seit ihrer Einrichtung Michaelis 1810 bis Michaelis 1885. – URL: https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/406.
9. Gruppe, O. F. Antäus. Ein Briefwechsel über spekulative Philosophie in ihrem Konflikt mit Wissenschaft und Sprache / O. F. Gruppe. – In der Naukschen Buchhandlung, 1831. – 467 S.
10. Gruppe, O. F. Wendepunkt der Philosophie im neunzehnten Jahrhundert / O. F. Gruppe. – G. Reimer, 1834. – 472 S.
11. Gruppe, O. F. Gegenwart und Zukunft der Philosophie in Deutschland / O. F. Gruppe. – G. Reimer, 1855. – 278 S.
12. Hermann, C. Philosophische Grammatik / C. Hermann. – Leipzig : Friedrich Fleischer, 1858. – 428 S.
13. Hermann, C. Das Problem der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte / C. Hermann. – Dresden: Verlagsbuchhandlung von Rudolf Kuntze, 1865. – 115 S.
14. Hermann, C. Die Sprachwissenschaft nach ihrem Zusammenhange mit Logik, menschlicher Geistesbildung und Philosophie / C. Hermann. – Leipzig : Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1875. – 242 S.
15. Hermann, C. Hegel und die logische Frage der Philosophie in der Gegenwart / C. Hermann. – Verlag von Moritz Schäfer, 1878. – 630 S.
16. Markewitz, S. Sprache und Bedeutung im 19. Jahrhundert: Überlegungen mit Otto Friedrich Gruppe und Conrad Hermann / S. Markewitz // Archiv für Begriffsgeschichte. – 2014. – № 56. – S. 107-130.
17. Markewitz, S. Philosophie der Sprache im Vormärz / S. Markewitz. – Aisthesis Verlag, 2015. – 171 S.

18. Müller, F. M. Über die Resultate der Sprachwissenschaft. Vorlesung gehalten in der Kaiserlichen Universität zu Strassburg am 23. Mai 1872 / F. M. Müller. – Trübner Verlag, 1872. – 32 S.

19. Müller, F. M. The science of thought / F. M. Müller. – Charles Scribner's Sons, 1887. – 325 p.

20. Müller, F. M. Das Denken im Lichte der Sprache / F. M. Müller. – Leipzig, 1888. – 607 S.

21. Müller, F. M. My Autobiogrphy / F. M. Müller. – Charles Scribner's Sons, 1901. – 327 S.

22. Peckhaus, V. Language and logic in German post-Hegelian philosophy / V. Peckhaus // 200 Years of Analytical Philosophy. – 2009. – № 4. – p. 1-17.

23. Schmitter, P. Historiographie und Narration: metahistorische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik / P. Schmitter. – Gunter Narr Verlag, 2003. – 187 S.

24. Verzeichnis der Studierenden auf der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Universität zu Berlin WS 1821-1830. – URL: https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/423.

25. Verzeichnis der Studierenden auf der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Universität zu Berlin von Michaelis 1843 bis Ostern 1844. – URL: https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/1321.

Reference List

1. Zolotuhin, V. V. Nemeckij idealizm kak teoreticheskoe osnovanie nauki o religii Fridriha Maksa Mjullera = German idealism as the theoretical foundation of the religion science by Friedrich Max Muller [Tekst] / V. V. Zolotuhin // Religiovedcheskie issledovanija. – 2017. – № 16. – S. 22-47.

2. Loza, A. V. Jetimologija i sintaksis kak vyraziteli «duha jazyka» v ramkah lingvofilosofskih issledovanij Konrada Germana = Etymology and syntax as expressions of « the language spirit» within Konrad Hermann's linguophylosophical studies [Tekst] / A. V. Loza // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 4. – S. 155-159.

3. Loza, A. V. Razdely filosofskoj grammatiki kak nauki o jazyke, razrabotannoj K. Germanom = Sections of philosophical grammar as a language science developed by K. Hermann [Tekst] / A. V. Loza // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii. – 2014. – № 4(35). – S. 89-96.

4. Loza, A. V. O zhizni i tvorcheskom puti lingvofilosofa K. Germana = About linguophilosopher K. Hermann's life and creative way [Tekst] / A. V. Loza // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 2. – S. 153-157.

5. Cloeren, H. J. O. F. Gruppe und die sprachanalytische Philosophie / H. J. Cloeren. – Aachen, 1967. – 256 S.

6. Cloeren, H. J. Philosophie als Sprachkritik im 19. Jahrhundert Textauswahl I / H. J. Cloeren. – Friedrich Frommann Verlag, 1971. – 244 S.

7. Cloeren, H. J. Philosophie als Sprachkritik im 19. Jahrhundert Textauswahl II / H. J. Cloeren. – Friedrich Frommann Verlag, 1971. – 251 S.

8. Die Königliche Friedrich-Wilhelms-Universität Berlin in ihrem Personalbestande seit ihrer Einrichtung Michaelis 1810 bis Michaelis 1885. – URL: https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/406.

9. Gruppe, O. F. Antäus. Ein Briefwechsel über spekulative Philosophie in ihrem Konflikt mit Wissenschaft und Sprache / O. F. Gruppe. – In der Naukschen Buchhandlung, 1831. – 467 S.

10. Gruppe, O. F. Wendepunkt der Philosophie im neunzehnten Jahrhundert / O. F. Gruppe. – G. Reimer, 1834. – 472 S.

11. Gruppe, O. F. Gegenwart und Zukunft der Philosophie in Deutschland / O. F. Gruppe. – G. Reimer, 1855. – 278 S.

12. Hermann, C. Philosophische Grammatik / C. Hermann. – Leipzig : Friedrich Fleischer, 1858. – 428 S.

13. Hermann, C. Das Problem der Sprache und seine Entwicklung in der Geschichte / C. Hermann. – Dresden: Verlagsbuchhandlung von Rudolf Kuntze, 1865. – 115 S.

14. Hermann, C. Die Sprachwissenschaft nach ihrem Zusammenhange mit Logik, menschlicher Geistesbildung und Philosophie / C. Hermann. – Leipzig : Druck und Verlag von B. G. Teubner, 1875. – 242 S.

15. Hermann, C. Hegel und die logische Frage der Philosophie in der Gegenwart / C. Hermann. – Verlag von Moritz Schäfer, 1878. – 630 S.

16. Markewitz, S. Sprache und Bedeutung im 19. Jahrhundert: Überlegungen mit Otto Friedrich Gruppe und Conrad Hermann / S. Markewitz // Archiv für Begriffsgeschichte. – 2014. – № 56. – S. 107-130.

17. Markewitz, S. Philosophie der Sprache im Vormärz / S. Markewitz. – Aisthesis Verlag, 2015. – 171 S.

18. Müller, F. M. Über die Resultate der Sprachwissenschaft. Vorlesung gehalten in der Kaiserlichen Universität zu Strassburg am 23. Mai 1872 / F. M. Müller. – Trübner Verlag, 1872. – 32 S.

19. Müller, F. M. The science of thought / F. M. Müller. – Charles Scribner's Sons, 1887. – 325 p.

20. Müller, F. M. Das Denken im Lichte der Sprache / F. M. Müller. – Leipzig, 1888. – 607 S.

21. Müller, F. M. My Autobiogrphy / F. M. Müller. – Charles Scribner's Sons, 1901. – 327 S.

22. Peckhaus, V. Language and logic in German post-Hegelian philosophy / V. Peckhaus // 200 Years of Analytical Philosophy. – 2009. – № 4. – p. 1-17.

23. Schmitter, P. Historiographie und Narration: metahistorische Aspekte der Wissenschaftsgeschichtsschreibung der Linguistik / P. Schmitter. – Gunter Narr Verlag, 2003. – 187 S.

24. Verzeichnis der Studierenden auf der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Universität zu Berlin WS 1821-1830. – URL: https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/423.

25. Verzeichnis der Studierenden auf der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Universität zu Berlin von Michaelis 1843 bis Ostern 1844. – URL: https://edoc.hu-berlin.de/handle/18452/1321.

Дата поступления статьи в редакцию: 28.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10497
УДК 81-11

П. А. Сумарокова https://orcid.org/0000-0003-4559-1986

Значение лингвистической концепции происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара в романской филологии

Целью статьи является показать своеобразие лингвистической концепции происхождения романских языков французского филолога Ф. Ж. М. Ренуара и выяснить, какую роль она сыграла в развитии романистики. Для её реализации мы изложим самые известные концепции происхождения романских языков и сравним их с концепцией происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара. Истоки романской филологии уходят в далёкое Средневековье. Но как наука она сформировалась только в XIX веке благодаря научным исследованиям немецкого учёного К. Ф. Дица. Он первый применил сравнительно-исторический метод в изучении романских языков, в итоге сделав следующий вывод: источником происхождения романских языков является народная латынь. Позиции немецкого филолога придерживается и современная романистика. Но в её истории можно найти целое множество концепций происхождения романских языков. Французский филолог Ф. Ж. М. Ренуар является единственным учёным в истории романской филологии, по мнению которого источником происхождения романских языков стал провансальский. Концепция Ф. Ж. М. Ренуара была ошибочной, однако К. Ф. Диц, а также другой ведущий представитель компаративистики А. В. Шлегель использовали результаты его исследований романских языков в своей научной деятельности. К. Ф. Диц утверждал, что французский учёный открыл новый путь изучения романских языков. Таким образом, лингвистическая концепция происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара сыграла существую роль в развитии романской филологии, послужив переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков.

Ключевые слова: Ф. Ж. М. Ренуар, романистика, лингвистическая концепция, провансальский, народная латынь, К. Ф. Диц, компаративистика, романские языки.

P. A. Sumarokova

The significance of the linguistic conception of the origin of the Romance languages of F. J. M. Raynouard in the Romance studies

The aim of this article is to show the singularity of the linguistic conception of the origin of the Romance languages of the French philologist F. J. M. Raynouard and to descry what role it had in the development of the Romance studies. For realizing it we will present the most popular conceptions of the origin of the Romance languages and we will compare them with the conception of the Romance languages of F. J. M. Raynouard. The origins of the Romance studies date back to the Middle Ages. But it only formed as a science in the XIX century due to the scientific activity of the German linguist C. F. Diez. He was the first scientist who used the comparative method in the research of the Romance languages and made the following conclusion: the origin of the Romance languages is Vulgar Latin. Modern Romance studies follow his view. But in its history there are lots of different conceptions of the origin of the Romance languages. The French philologist F. J. M. Raynouard is a single scientist in the history of the Romance languages who named the Provençal as the origin of the Romance languages. Raynouard's conception contained many mistakes but K. F. Diez and other leading representatives of the comparative method and of Romance studies like A. W. Schlegel used the results of his researches of the Romance languages in their work. K. F. Diez affirmed that French scientist opened a new method of studying the Romance languages. Thus, the linguistic conception of the origin of the Romance languages of F. J. M. Raynouard had an essential role in the development of Romance studies because it served as an intermediate step to get reliable knowledge of the origin of the Romance languages.

Keywords: F. J. M. Raynouard, Romance studies, linguistic conception, Provençal, Vulgar Latin, K. F. Diez, comparative method, Romance languages.

Романистикой или романской филологией, как известно, называется наука, объектом исследования которой являются романские языки. Как наука она сформировалась только в XIX веке. Однако её истоки прослеживаются ещё в Средневековье. Центром творчества французского исследователя романских языков Ф. Ж. М. Ренуара (François Just Marie Raynouard, 1761-1836) стала лингвистическая концепция

© Сумарокова П. А., 2019

происхождения романских языков, весьма своеобразная по своему содержанию.

В истории романской филологии существует целое множество концепций происхождения романских языков, поскольку вопрос о происхождении романских языков всегда был одним из наиболее важных для этой науки.

Примерно в 1305 году, известный итальянский поэт Д. Алигьери (Dante Alighierie, 1265-1321) написал трактат «О народном красноречии». В этом труде он первый в истории романистики назвал латынь основой формирования известных ему романских языков. Об их общности говорило сходство таких понятий, как «небо», «земля», «любовь», а также таких глаголов, как «быть», «жить», «умирать» и т. д.

Итальянский мыслитель отмечал, что при утвердительном ответе жители Южной Европы, которые говорили *oc*, находятся в западной части от Женевского озера (имеются в виду провансальцы), те, кто употребляют *sic* – в восточной и южной части (итальянцы), а те, которые использует *ille*, являются северными по отношению к первым (французы). Таким образом, Д. Алигьери различал три романских языка, сформированных на базе народной латыни: итальянский, французский и провансальский.

А. В. Десницкая (1912-1992) в своей книге «История лингвистических учений. Средневековая Европа» (1985) трактует рассуждения Д. Алигьери о происхождении языков как «… одну из необычайных для того времени» или «… одну из значительно определивших своё время» гениальных догадок, которые возникают как бы в пустоте, нисколько не определяются предшествующими теориями языка и господствующим мировоззрением» [3, с с. 157-158]. Несмотря на то, что работа итальянского мыслителя написана более шести с половиной веком тому назад, для исследователей романских языков она не только всегда имела большое значение, но и была дополнена.

Молдавский литературовед Н. Г. Корлэтяну (1915-1974) в своём труде «Исследования народной латыни и её отношений с романскими языками» (1974 г.) отмечал: «Вплоть до XVIII века число признанных романских языков так и оставалось три, только вместо провансальского (в связи с упадком провансальской литературы) стали включать испанский. Учитывая политические причины, португальский также включается в это время в группу романских языков. В XVIII веке романских языков насчитывалось уже пять (французский, итальянский, испанский, провансальский и гасконский, то есть каталонский» [4, с. 93].

По мнению немецкого филолога И. К. Аделунга (Johann Christoph Adelung, 1732-1806) романские языки образовались примерно в XI – XII вв. на базе смешения латинского с туземными языками бывших римских провинций (*lingua romana rustica)*. Романскими он назвал следующие пять языков: французский, итальянский, испанский, португальский и ретороманский [4, с. 94].

Главной мыслью творчества Ф. Ж. М. Ренуара является утверждение о том, что источником происхождения романских языков стал провансальский (старопровансальский) язык. Советский и русский романист Т. Б. Алисова (1924 г.) в своей работе «Старопровансальский язык и поэзия трубадуров» (2011 г.) так пишет о французском исследователе романских языков: «Исследуя манускрипты средневековых авторов, он обнаружил, что наряду со старофранцузским на территории Франции существовал еще другой, более древний романский язык, на котором была создана богатая, но почти никому не известная литература» [2, с. 7].

Ф. Ж. М. Ренуар считал, что языки Латинской Европы (общее название европейских стран, в которых язык, относящийся к романской группе, является официальным) вышли из примитивного романского языка, под которым подразумевал язык, возникший из испорченной латыни [14, p. 8]. Его памятником являются, например, «Страсбургские клятвы» 842 года [15, p. 3].

В 1816 году Ф. Ж. М. Ренуар издал грамматику этого языка, включив в неё многочисленные извлечения из текстов «Страсбургских клятв» и других памятников. Он предположил, что открытый им язык стал прямым продолжением того, который, с его точки зрения, был единым народным романским языком (*lingua romana rustica*), получившим своё распространение в южных областях империи Карла Великого (Charlemagne (Charles Ier), 742-814) (Прованс, Италия, часть Испании и Португалии). Эту работу учёный назвал «Основы грамматики романский языков» [14].

Таким образом, Ф. Ж. М. Ренуар считал, что все романские языки имели одно происхождение, но провансальский сформировался раньше всех, а, следовательно, другие романские языки наполнены его лексикой. По нему, можно с лёгкостью увидеть черты, которые отличают языки Латинской Европы от примитивного романского языка. И если бы они исчезли, то каждый язык стал бы идентичным провансальскому. Вывод о

том, что провансальский является первым сформированным романским языком, французский филолог сделал на основании обнаружения в нём самого большого количества античных значимых форм. В своей книге «Грамматика языков Латинской Европы в её сравнении с языком трубадуров» он пишет: «Более десяти веков назад язык, источником происхождения которого стала испорченная латынь, послужил основой формирования этих языков. Своеобразие испорченной латыни в наибольшей степени сохранилось в языке поэтов, которые были названы трубадурами» [15, p. 2]. Многие труды Ф. Ж. М. Ренуара посвящены лексике и грамматике их языка [8].

Отметим, что в отличие от Д. Алигьери и И. К. Аделунга романским французский филолог относил уже семь языков: французский, итальянский, испанский, провансальский, португальский и валашский [17].

Огромную роль в развитии языкознания сыграли немецкие филологи. Германия является родиной основоположников сравнительно-исторического метода Ф. Боппа (Franz Bopp, 1791-1867), Я. Л. К. Гримма (Jacob Ludwig Karl Grimm, 1785-1863), создателя философии языка Ф. В. К. К. Ф. фон Гумбольдта (Friedrich Wilhelm Christian Karl Ferdinand von Humboldt, 1767-1835), крупнейшего представителя натуралистического направления в языкознании А. Шлейхера (August Schleicher, 1821-1868) и многих других известных учёных [6]. Романская филология сформировалась как наука благодаря научной деятельности такого немецкого учёного, как К. Ф. Диц (Christian Freidrich Diez, 1794-1876): в истории романистики он впервые применил сравнительно-исторический метод в изучении происхождения романских языков [10, с. 72; 7, с. 9]. Как уже отмечалось выше, вопрос о происхождении романских языков всегда был одним из наиболее важных для романской филологии. К. Ф. Диц утверждал, что источником происхождения романских языков является народная латынь. Главными трудами немецкого филолога стали: «Введение в грамматику романских языков» [13], «Грамматика романских языков» [12].

Во все временами исследователи романских языков старались определить количество романских языков. В первом издании своей «Грамматики романских языков» К. Ф. Диц различал шесть романских языков. Каталонский не занимал самостоятельного места. Однако во втором издании этого же труда немецкий романист счёл нужным назвать романским и каталонский, увидев в нём самостоятельный язык (*Idiom*), ближайшим образом родственный провансальскому, но не являющийся его диалектом [4, с. 94]. Определение самостоятельности языка было основано на принципе наличия письменных языковых памятников. Авторитет К. Ф. Дица содействовал тому, что вплоть до 1870 года количество признанных им романских языков (7) так и не изменилось. В восточную группу романских языков он включал итальянский и румынский; в юго-западную – испанский и португальский; в северо-западную – французский, провансальский и каталонский.

Некоторые, хорошо известные филологи, как, например, итальянский учёный Г. И. Асколи (Graziadio Isaia, 1829-1907) или швейцарский романист В. Мейер-Любке (Wilhelm Meyer-Lübke, 1861-1936) утверждали, что романские языки не вышли прямо из народной латыни, а, скорее, образовались на её основе [4, с с. 88-91]. Речь идёт о той ситуации, которая складывалась на протяжении существования Древнего Рима и вообще Римского государства (приблизительно 754 г. до н. э. – 476 г. н. э.).

Большое распространение получила этнологическая теория или теория субстрата, разработанная Г. И. Асколи [1, с. 149]. В качестве основной причины возникновения особенностей латыни отдельных провинций итальянский филолог выдвигал этнический фактор. Он объяснял различия в нынешних романских языках тем, что местные языки покорённых римлянами народов по-разному воздействовали на латинский язык и тем самым содействовали его постепенной дифференциации [5, с. 96].

Сначала теория субстрата получила поддержку, однако позднее большинство учёных её критиковали. Например, российский филолог М. В. Сергиевский (1892-1946) указал на её односторонность из-за того, что в ней совсем не учитывается социальный фактор. Тем самым теория субстрата носит абстрактный характер и не может быть признанной единственным объяснением формирования романских языков [4, с. 89].

Полностью отрицал теорию субстрата немецкий филолог Г. Грёбер (Hermann Groeber, 1844-1911). Его концепция тоже, безусловно, заслуживает внимания. Он обосновал хронологическую или историческую теорию образования романских языков. Согласно его концепции, началом формирования романских языков следует считать романизацию первой провинции за пределами Италии [4, с. 89].

Учёный установил такую хронологическую схему романизации провинций: 1) Сардиния,

2) Испания, 3) Португалия, 4) Каталония, 5) Южная Франция, 6) Северная Франция, 7) Реция, 8) Дакия, 9) Италия.

По мнению некоторых филологов, концепция Г. Грёбера указывает на главнейший фактор развития романских языков. Она была поддержана, например, итальянским учёным Дж. Бонфарте (Giuliano Bonfante, 1904-2005) [4, с. 89].

Довольно известна теория происхождения романских языков В. Мейер-Любке. По нему, при изучении проблемы формирования романских языков должны учитываться общественные отношения. Он считал, что главным фактором образования романских языков стало падение Рима (410 г. н. э.) и распад Римского государства (476 г. н. э.). Из-за этих событий нарушились связи между провинциями и, соответственно, установились новые социальные, политические, экономические, а также, разумеется, языковые контакты. Каждая бывшая римская провинция стала жить своей обособленной, самостоятельной жизнью. Так, например, Сицилия, которая имела более тесные связи с Южной Италией, обнаруживает больше общих лингвистических черт именно с этой частью Италии, чем с Сардинией, хотя Сицилия и Сардиния были завоёваны Римской империей почти одновременно [4, с. 91].

Все перечисленные концепции происхождения романских языков, безусловно, заслуживают внимания. Однако, по мнению, Н. Г. Корлэтяну ни одна из них не в состоянии полностью объяснить процесс формирования романских языков. Он пишет: «Большинство романистов считают, что латинский язык отмирал как живой, разговорный язык определённого населения: в V – VI – в Галии, в VII в. – в Италии, в VI в. – на Балканах. Что касается памятников уже вновь сформировавшихся романских языков, то они появились лишь в IX в. Вот этот разрыв в 3 – 4 вв. не даёт возможности романистам установить все детали перехода от латинского к романским» [4, с. 87].

Но всё же в современной романской филологии источником происхождения романских языков считается народная латынь, как утверждал основатель романской филологии К. Ф. Диц. Его последователями были такие выдающиеся французские филологи, как Е. М. П. Литтре (Émile Maximilien Paul Littré, 1801-1881), Г. Парис (Gaston Paris, 1839 – 1903), П. А. Мейэр (Paul André Meyer, 1840-1917), вследствие чего романистика достигла настоящего расцвета, несмотря на сравнительно недолгое существование. Добавим, что для общего языкознания она по сей день представляет исключительный интерес и не перестаёт оказывать на него сильное влияние [9, с с. 76-77].

Итак, как показало исследование, Ф. Ж. М. Ренуар стал единственным филологом в истории романской филологии, по мнению которого источником происхождения романских языков является провансальский. Его концепция была ошибочной. Французского учёного критиковали многие исследователи романских языков.

Г. Парис так оценивает позицию Ф. Ж. М. Ренуара «…впрочем, немного ослепленный патриотизмом, Ренуар не постеснялся объявить о том, что провансальский язык в какой-то момент был общим языком Латинской Европы и о том, что этот язык был «матерью» французского, итальянского, испанского» [13, с. 8].

Бельгийский филолог и писатель Ф. О. Ф. Т. де Райфенберг (Рейфенберг) (Fréderic Auguste Ferdinand Thomas de Reiffenberg, 1795-1850) в своей работе «Очерк о Ренуаре» выражает сомнение относительно того, что когда-то люди использовали один романский язык, на котором теперь говорят провансальцы [18, с. 11].

Аргументы Ф. Ж. М. Ренуара по поводу того, что романский язык был посредником между латынью и вышедшими из него романскими языками, не убедили немецкого писателя и критика А. В. Шлегеля (August Wilhelm von Schlegel, 1767-1845), который считал, что «… теории французского филолога противоречит уже тот факт, что португальский не имеет ничего общего с провансальским языком» [19, с. 49].

Однако вклад французского учёного в развитие романской филологии значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Несмотря на многочисленную критику, его лингвистическая концепция происхождения романских языков была признана важным научным достижением [9].

Дело в том, что известного романиста К. Ф. Дица, а также другого ведущего представителя компаративистики А. В. Шлегеля можно считать последователями Ф. Ж. М. Ренуара, поскольку они использовали результаты его исследований романских языков в своей научной деятельности [11, p. 76]. Таким образом, лингвистическая концепция происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара послужила переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков.

В первом томе «Грамматики романских языка» К. Ф. Диц пишет, что французский филолог «стал автором идеи проведения сравнительного анализа грамматического строя и лексического состава романских языков, тем самым открыв

новый путь их изучения» [12, p. 1]. Хотя его грамматика со временем и потеряла своё значение, лексика до сих пор служит базой сравнительной филологии [13, с. 12]. К. Ф. Диц говорил, что «… ошибки Ф. Ж. М. Ренуара были полезными, поскольку мотивировали к углублённому изучению вопросов при дальнейшем исследовании» [13, с. 11].

Как уже было сказано выше, Ф. Ж. М. Ренуара критиковал А. В. Шлегель, однако наследие французского филолога оказало немалое влияние и на его творчество. В научно-литературном журнале Европы «Журналь дэ саван» 1818 (*фр. «Journal des savants»*) года находим следующее высказывание немецкого учёного: «Я с давних пор собирал материал для труда «Исторический очерк о формировании французского языка». Исследования Ренуара на многое пролили свет. Они лишают мои заметки новизны, но всё же не делают их бесполезными…» [20, p. 586]. Добавим, что А. В. Шлегель вообще высоко оценивал роль научных трудов Ф. Ж. М. Ренуара: «…он завоевал уважение не только своих соотечественников, но и всей научной Европы» [19, p. 81].

Наиболее известными трудами Ф. Ж. М. Ренуара стали: «Основы грамматики романского языка» (1816), «Избранная оригинальная поэзия трубадуров» (1816-1821), «Грамматика языков Латинской Европы в сравнении с языком трубадуров» (1821), «Словарь языка трубадуров, или Романская лексика в ее сравнении с лексикой других языков Латинской Европы» (1838-1844).

Ф. Ж. М. Ренуар был одним из тех немногих филологов, кто занялся изучением провансальского языка. Его работы также заполняют лакуну в истории литературы Средневековья [19, p. 16]. Благодаря нему поэзия трубадуров изучена даже лучше, чем та, что была создана на старофранцузском языке. Точнее, до него были учёные, которые занимались изучением провансальской литературы, но результаты проведённых ими исследований остались неизвестны в языкознании [11, p. 1].

Итак, в истории романистики существует множество концепций происхождения романских языков. Французский филолог Ф. Ж. М. Ренуар является единственным учёным, по мнению которого источником происхождения романских языков стал провансальский. Его концепция происхождения романских языков была ошибочной. Однако такого известного романиста как К. Ф. Диц, а также другого ведущего представителя компаративистики А. В. Шлегеля можно назвать последователями французского филолога, поскольку они использовали результаты его исследований романских языков в своей научной деятельности. К. Ф. Диц утверждал, что французский филолог открыл новый путь изучения романских языков. Таким образом, лингвистическая концепция происхождения романских языков Ф. Ж. М. Ренуара сыграла существую роль в развитии романистики, послужив переходной ступенью к получению достоверных знаний о происхождении романских языков.

Библиографический список

1. Алисова, Т. Б. Введение в романскую филологию [Текст] : учебник / Т. Б. Алисова, Т. А. Репина, М. А. Таривердиева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 2007. – 453 с.

2. Алисова, Т. Б. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров [Текст] : учебное пособие / Т. Б. Алисова, К. Н. Плужникова. – М. : МАКС Пресс, 2011. – 176 с.

3. Десницкая, А. В. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Средневековая Европа [Текст] / А. В. Десницкая, С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1985. – 287 с.

4. Корлэтяну, Н. Г. Исследования народной латыни и её отношение с романскими языками [Текст] / Н. Г. Корлэтяну. – М. : Издательство «Наука», 1974. – 302 с.

5. Лоя Я. В. История лингвистических учений [Текст] : материалы к курсу лекций / Я. В. Лоя. – М. : Высшая школа, 1968. – 156 с.

6. Лукин, О. В., Лукина, Н. Ю. Профессор гимназии М. В. Гетцингер в парадигме немецкого языкознания XIX в. / О. В. Лукин, Н. Ю. Лукина // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 4. – С. 82-86.

7. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков [Текст] / А. Мейе / под ред. и с прим. Р. Шор. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 510 с.

8. Сумарокова, П. А. Творчество Ф. Ж. М. Ренуара в контексте развития компаративистики / П. А. Сумарокова // Верхневолжский филологический вестник. – 2016. – № 1. – С. 54-57.

9. Томсен, В. История языковедения до конца XIX века [Текст] : (краткий обзор основных моментов) / В. Томсен. – М. : Учпедгиз, 1938. – 160 с.

10. Черняк, А. Б. От Юка Файдита до Косериу [Текст] : очерки истории романской филологии / А. Б. Черняк. – СПб. : Российская академия наук, 2018. – 260 с.

11. Guiraud, A. F. M. J. Raynouard 1761-1836. – Bonn : Carl Georgi, 1913. – 76 p.

12. Diez, F. Grammaire des langues romanes: en 3 vol. T. 1 / F. Diez. – P. : F. Vieweg, 1874. – 476 p.

13. Diez, F. Introduction à la grammaire des langues romanes / F. Diez; trad. de l'allemand par Gaston Paris. – P. : Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.

14. Raynouard, F. J. M. Éléments de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches

sur origine et la formation de cette langue. – P. : Firmin Didot, 1816. – 105 p.

15. Raynouard, F. J. M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours / par M. Raynouard. – P. : De l'imprimerie de Firmin Didot, 1821 – 412 c.

16. Raynouard, F. J. M. Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine. – P. : Imprimerie de Crapelet, 1836. – 92 p.

17. Raynouard F. J. M. Observations sur la Langue et la Littérature provençales, par A. W. de Schlegel // Journal de savans. – 1818. – № 14. – p. 586-593.

18. Reiffenberg F. A. F. T. de. Notice sur François-Juste-Marie Raynouard / le baron De Reiffenberg. – Bruxelles : M. Hayez, 1839. – 15 p.

19. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. – P. : Garnier Frêres, 1852. – 319 p.

20. Schlegel, A. W. von. Observations sur la langue et littérature provençales. – P. : Librairie grecque-latine-allemande, 1818. – 136 p.

Reference List

1. Alisova, T. B. Vvedenie v romanskuju filologiju = Introduction to Romance philology [Tekst] : uchebnik / T. B. Alisova, T. A. Repina, M. A. Tariverdieva. – 3-e izd., ispr. i dop. – M. : Vysshaja shkola, 2007. – 453 s.

2. Alisova, T. B. Ctaroprovansal'skij jazyk i pojezija trubadurov = The old Provencal language and poetry of trumpets [Tekst] : uchebnoe posobie / T. B. Alisova, K. N. Pluzhnikova. – M. : MAKS Press, 2011. – 176 s.

3. Desnickaja, A. V. Istorija lingvisticheskih uchenij. Srednevekovaja Evropa. Srednevekovaja Evropa = History of Linguistic Doctrines. Medieval Europe. [Tekst] / A. V. Desnickaja, S. D. Kacnel'son. – Leningrad : Nauka, 1985. – 287 s.

4. Korljetjanu, N. G. Issledovanija narodnoj latyni i ejo otnoshenie s romanskimi jazykami = Studies of folk Latin and its relationship with Romance languages [Tekst] / N. G. Korljetjanu. – M. : Izdatel'stvo «Nauka», 1974. – 302 s.

5. Loja Ja. V. Istorija lingvisticheskih uchenij = History of Linguistic Doctrines [Tekst] : materialy k kursu lekcij / Ja. V. Loja. – M. : Vysshaja shkola, 1968. – 156 s.

6. Lukin, O. V., Lukina, N. Ju. Professor gimnazii M. V. Getcinger v paradigme nemeckogo jazykoznanija HIH v. = Gymnasium Professor M. V. Götzinger in the paradigm of German linguistics of the XIX century. [Tekst] / O. V. Lukin, N. Ju. Lukina // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – № 4. – S. 82-86.

7. 7. Meje, A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropejskih jazykov = Introduction to Indo-European languages comparative study [Tekst] / A. Meje / pod red. i s prim. R. Shor. – M. : Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1938. – 510 s.

8. Sumarokova, P. A. Tvorchestvo F. Zh. M. Renuara v kontekste razvitija komparativistiki = F. J. M. Renoir's works in the context of comparativistics development [Tekst] / P. A. Sumarokova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2016. – № 1. – S. 54-57.

9. Tomsen, V. Istorija jazykovedenija do konca XIX veka = History of language science up to the end of the XIX century [Tekst] : (kratkij obzor osnovnyh momentov) / V. Tomsen. – M. : Uchpedgiz, 1938. – 160 s.

10. Chernjak, A. B. Ot Juka Fajdita do Koseriu = From Uc Faidit to Coseriu [Tekst] : ocherki istorii romanskoj filologii / A. B. Chernjak. – SPb. : Rossijskaja akademija nauk, 2018. – 260 s.

11. Guiraud, A. F. M. J. Raynouard 1761-1836. – Bonn : Carl Georgi, 1913. – 76 p.

12. Diez, F. Grammaire des langues romanes: en 3 vol. T. 1 / F. Diez. – P. : F. Vieweg, 1874. – 476 p.

13. Diez, F. Introduction à la grammaire des langues romanes / F. Diez; trad. de l'allemand par Gaston Paris. – P. : Albert L. Hérold, 1863. – 163 p.

14. Raynouard, F. J. M. Éléments de la grammaire de la langue romane avant l'an 1000, précédés de recherches sur origine et la formation de cette langue. – P. : Firmin Didot, 1816. – 105 p.

15. Raynouard, F. J. M. Grammaire comparée des langues de l'Europe latine dans leurs rapports avec la langue des troubadours / par M. Raynouard. – P. : De l'imprimerie de Firmin Didot, 1821 – 412 c.

16. Raynouard, F. J. M. Influence de la langue romane rustique sur les langues de l'Europe latine. – P. : Imprimerie de Crapelet, 1836. – 92 p.

17. Raynouard F. J. M. Observations sur la Langue et la Littérature provençales, par A. W. de Schlegel // Journal de savans. – 1818. – № 14. – p. 586-593.

18. Reiffenberg F. A. F. T. de. Notice sur François-Juste-Marie Raynouard / le baron De Reiffenberg. – Bruxelles : M. Hayez, 1839. – 15 p.

19. Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi: en 15 vol. T. 5. – P. : Garnier Frêres, 1852. – 319 p.

20. Schlegel, A. W. von. Observations sur la langue et littérature provençales. – P. : Librairie grecque-latine-allemande, 1818. – 136 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10498
УДК 81'373.49

Н. Е. Реброва https://orcid.org/0000-0002-6114-1435
В. Н. Бабаян https://orcid.org/0000-0002-7044-3419

Эвфемизмы как средство репрезентации лингвокультурологической информации (на материале английского и немецкого языков)

Настоящая работа посвящена исследованию эвфемизмов с точки зрения содержащейся в них лингвокультурологической информации. Материалом для исследования послужила авторская картотека эвфемизмов (более 900 единиц), полученных методом сплошной выборки из наиболее репрезентативных толковых словарей английского и немецкого языков. В ходе исследования установлено, что эвфемизмы аккумулируют различные типы лингвокультурологической информации. Прежде всего, это информация о системе моральных ценностей и менталитете конкретной страны, а также информация о конкретных исторических фактах, традициях и суевериях. Все эвфемизмы категоризированы в соответствии с номинативными областями, к которым они относятся. В результате исследования установлено, что полученные группы отличаются с точки зрения количества входящих в них эвфемизмов и их семантической организации. Полагаем, что эти различия обусловлены рядом факторов, наиболее важным из которых является лингвокультурологический. Такие культурно-специфические номинативные области возникают и функционируют под влиянием черт национального характера, ключевых культурных концептов и социально-политических условий развития общества. Кроме того, обнаружены культурологические эвфемизмы-метонимии и эвфемизмы-метафоры, появившиеся на основе конкретных исторических фактов, обычаев и традиций, а также представлений о предметах и процессах окружающего мира. Таким образом, данное исследование позволяет рассматривать эвфемизмы как объект лингвокультурологического анализа в силу их важных семантических свойств, обусловленных национальным менталитетом.

Ключевые слова: лингвокультурологические факторы, номинативная область эвфемизации, эвфемизм, культурно-специфический, национальный менталитет, ключевой культурный концепт, эвфемизмы-метафоры, эвфемизмы-метонимии.

N. E. Rebrova, V. N. Babayan

Euphemisms as a means of representation of linguoculturological information (based on English and German languages)

The article studies euphemisms in terms of linguoculturological information they accumulate. The material consists of more than 900 examples of euphemisms fixed in general English and German monolingual dictionaries. As a result, we differentiate between different types of linguoculturological information that euphemisms accumulate. This is knowledge about moral values and the set of mind of a particular nation as well as historical facts, customs, rituals and superstitions. All euphemisms are categorized according to the taboo subject they refer to. These taboo subjects in the languages under study differ from each other as far as quantity of euphemisms and their semantic organization are taken into consideration. We assume these discrepancies to depend on a number of factors, the linguoculturological one is the most important one. Such culturally specific taboo subjects are determined by particular traits of national character, key cultural concepts and conditions of society development. Moreover, some culturally specific taboo subjects exist in one language and lack in the other one. Besides, culturological euphemisms-metaphors and euphemisms-metonymies have been discovered representing historical facts, rituals, customs as well as ideas about tangible items and phenomena of the real world. Thus, the study allows us to consider euphemisms as a subject of the linguoculturological analysis since they possess relevant properties determined by the national set of mind.

Keywords: linguoculturological factors, taboo subject, euphemism, culturally specific, national set of mind, key cultural concept, euphemisms-metaphors, euphemisms-metonymies.

Последние несколько десятилетий ознаменованы сдвигом научных парадигм в гуманитарных областях исследования, в частности в лингвистике. Традиционная системоцентрическая парадигма, предполагающая «исследование языка в самом себе и для себя» [11, с. 233], сменилась антропоцентрическим подходом, при котором «человек ставится в центр мира, он познает мир че-

© Реброва Н. Е., Бабаян В. Н., 2019

рез осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем» [7, с. 11].

Признание человека в качестве субъекта познания лингвистики предполагает «глубинное, имплицитное взаимодействие лингвистики, психологии и культурологии на уровне общей методологии и частных методик» [1, с. 6]. В подтверждение данного факта мы наблюдаем появление ряда междисциплинарных наук, одной из которых явилась лингвокультурология.

Будучи направленной на изучение законов взаимопроникновения таких феноменов как человек, язык и культура, лингвокультурология позволила значительно расширить области исследования социально и культурно обусловленных лингвистических явлений. Среди таких явлений особого внимания заслуживает процесс эвфемизации речи.

Традиционный подход к дефиниции эвфемизма осуществляется именно в рамках системоцентрической парадигмы, согласно которой под эвфемизмом понимается субститут запрещенной табуированной единицы. М. И. Зверева, проанализировав определения эвфемизма из нескольких авторитетных лингвистических терминологических словарей, приходит к выводу, что «эвфемизм – это перифрастическое средство, то есть выражение одного понятия с помощью другого, своеобразное иносказание», при этом «функция эвфемизма – замена прямой номинации предмета, субъекта или явления» [4, с. 76]. Однако, подобный подход целесообразен лишь при исследовании отдельных номинативных областей эвфемизации, в которых эвфемизмы являются синонимами замещаемого слова (например, наименования сверхъестественных сил).

Факт наличия эвфемизмов в той или иной степени в большинстве языков, а также схожесть их формальных признаков (номинативные и коммуникативные функции, механизмы лингвистической реализации эвфемистического значения, стилистическая окраска) позволили лингвистам рассматривать данное явление как языковую универсалию в пространственном и временном аспектах [5, с. 30, 40].

Подобное утверждение справедливо, если речь идет об исследовании эвфемизмов как средств косвенной номинации в рамках системоцентрической парадигмы. Однако с точки зрения антропоцентрического подхода данное утверждение представляется не вполне корректным. Перемещение фокуса исследования с элементов языковой системы на человека, их использующего, значительно расширило перспективы изучения процесса эвфемизации. Сегодня эвфемизмы рассматриваются как особые средства выражения, аккумулирующие культурно-специфическую информацию.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике представлено значительное количество работ, посвященных процессу эвфемизации и выполненных в русле лингвокультурологических исследований. Прежде всего, это исследования, касающиеся культурологических предпосылок возникновения эвфемизмов [13, 2], анализа семантических и социокультурных аспектов эвфемизации в различных лингвокультурах [15, 3, 8], а также проблем перевода эвфемизмов с учетом культурологических особенностей [16, 19].

В. А. Маслова, анализируя единицы лингвокультурологии, выделяет восемь типов таких единиц (метафоры, символы, паремии, мифологемы и пр.) и отмечает, что в качестве предмета лингвокультурологических исследований должны выступать уникальные языковые единицы [6, с. 36-37].

Причисление эвфемизма к лингвокультурологическим единицам представляется отчасти парадоксальным, поскольку «с одной стороны, табуированные понятия и, соответственно, эвфемизированные единицы языка являются культурными универсалиями, а с другой – уникалиями, так как сравнение тематических групп в разных языках приводит к обнаружению лакунарности в описываемой сфере» [3, с. 271]. Полагаем, что, несмотря на очевидную общность исторических, культурных и психологических предпосылок возникновения эвфемизмов, сегодняшний состав этих средств выражения сформирован спецификой развития и особенностями менталитета каждой конкретной нации.

Для доказательства данной гипотезы проведен количественный и качественный анализ эвфемистических единиц, полученных методом сплошной выборки из Оксфордского словаря английского языка [20], Словаря английского языка издательства Коллинз [17], Универсального словаря немецкого языка издательства Дуден [18] и Словаря современного немецкого языка под ред. Р. Клаппенбах и В. Штайница [21].

Выводы, сделанные в ходе исследования более 900 единиц, свидетельствуют о том, что значительное количество эвфемизмов аккумулируют культурно-специфическую информацию о ключевых культурных концептах нации, а также об исторических этапах развития общества.

А. Т. Хроленко, рассуждая об аккумулирующих свойствах слова, о механизмах накопления и сохранения культурной информации в слове, выделяет два уровня проявления культурного уровня в лексике. Во-первых, это «отражение в лексическом и фразеологическом составе языка и в отдельном слове специфики материальной культуры» [14, с. 79]. Во-вторых, это «воздействие на язык и лексику, в частности, собственно мировоззренческого фактора» [14, с. 80].

Полагаем, подобная модель описания механизмов аккумулирования лингвокультурологической информации в лексике в целом с успехом может быть применена и в случае исследования эвфемистических единиц.

Рассмотрим случаи проявления каждого из упомянутых выше уровней.

Влияние мировоззренческого фактора обнаруживает себя при анализе количественного и качественного (семантического) аспектов эвфемистической лексики в различных лингвокультурах.

Будучи средством общения, направленным на предотвращение возникновения коммуникативных неудач, эвфемизмы априори содержат информацию о моральных ценностях и этических прескрипциях социума.

При этом, с одной стороны, большая часть эвфемистических наименований в различных языках служит для экспликации денотатов, обозначающих витальные (жизнь, здоровье), моральные (личная жизнь) и социальные (наличие работы, благосостояние) ценности, общие для всех лингвокультур (подробнее о семантических особенностях эвфемизмов в английском и немецком языках см. в [8]).

С другой стороны, проведенный анализ обнаруживает и уникальные номинативные области, свойственные отдельным лингвокультурам. В настоящей работе такие уникальные области эвфемизации обозначены термином культурно-специфические. Критериями для их выделения послужил их лакунарный характер (репрезентация только в одном из исследуемых языков) и неоднородность состава некоторых номинативных областей в исследуемых языках (неодинаковое количественное соотношение, различные семантические оттенки).

К факторам, определяющим формирование таких уникальных, культурно-специфических областей мы относим: 1) ключевые концепты культуры и черты национального характера; 2) культурно-исторические условия развития нации.

Рассмотрим некоторые культурно-специфические области эвфемизации, появившиеся под влиянием указанных выше факторов.

Наиболее репрезентативным примером номинативной области эвфемизации, в которой нашли отражение ключевые концепты культуры и черты национального менталитета, является область, обозначенная нами «Бытовые проблемы». Она представлена только в немецком языке.

Эвфемистические единицы данной сферы противоречат традиционному определению эвфемизма и не имеют в своем семантическом составе каких-либо стигматичных сем. В большей своей части они используются для обозначения мелких неприятностей – ссор, недоразумений, проявлений нечистоплотности, небольших физических дефектов. Неслучайна, тем не менее, их репрезентация именно в немецкой лингвокультуре, где одним из ключевых концептов является понятие Ordnung (порядок). При этом порядок предполагает «пунктуальность, точность, аккуратность, доскональность, рационализм, основательность, уважительное отношение к приказам, иерархичность, целеустремленность» [12, с. 43]. Как следствие, эвфемизмы данной группы аккумулируют такие черты немецкого менталитета, как любовь к дисциплине, чистоплотность, подчинение правилам. Любое отклонение от нормы, нарушение порядка, дисциплины, чистоты расценивается как неприемлемое и нуждается в эвфемизации.

Так, неприязнь ко всему, что нарушает чистоту и порядок проявляется в эвфемистических наименованиях ***seine Visitenkarte hinterlassen*** (*оставить грязь, намусорить*) и ***der Schlaf*** (*грязь в глазах, появившаяся после сна*).

Эвфемистическое словосочетание ***der Arbeit aus dem Wege gehen*** (*бездельничать*) репрезентирует любовь немцев к труду, дисциплине, а также неприятие любых проявлений лени.

Как нарушение порядка немцы расценивают и конфликты в отношениях, ссоры. Это подтверждает эвфемизм ***die Meinungsverschiedenheit*** (*конфликт, выяснение отношений*).

Под культурно-специфическими мы также понимаем такие номинативные сферы, которые неравномерно представлены в рассматриваемых лингвокультурах. Примером может служить номинативная область «Преступления и их последствия».

Традиционно, данная область рассматривается лингвистами как одна из наиболее продуктивных для использования средств эвфемизации. Однако

результаты проведенного анализа демонстрируют, во-первых, несоответствие количественного состава эвфемизмов данной сферы в исследуемых языках (47 эвфемизмов немецкого языка против 4 эвфемизмов английского языка), во-вторых, эвфемизмы немецкого языка отличаются большим разнообразием семантических оттенков.

Зафиксированные в словарях эвфемизмы английского языка служат для номинации тяжких преступлений – убийств и изнасилований (***to terminate, to interfere***), в то время как эвфемизмы немецкого языка охватывают достаточно широкий диапазон значений, начиная тяжкими преступлениями (***beseitigen***, ***ausblasen***) и заканчивая мелкими правонарушениями, кражами, драками и пр. (***ausrutschen, ausführen***).

Полагаем, причинами, обуславливающими подобную дифференциацию также являются лингвокультурологические факторы. Как и в случае с номинативной областью «Бытовые проблемы», маркировка пометой *verhüllend* единиц данной области связана с концептом Ordnung. Поскольку совершение даже мелких проступков и провинностей может быть воспринято в немецком социуме как нарушение установленного порядка, в этой сфере активно используются эвфемизмы, в том числе для номинации преступлений не сопоставимых по своей тяжести с убийством.

Как уже отмечалось ранее, появление ряда культурно-специфических областей эвфемизации связано с историческими условиями развития нации. Таковой, в частности, является номинативная область «Политические проблемы и военные действия». Ее ядро составляют наименования военных операций, вооруженных конфликтов, случаев расовой дискриминации и пр. Однако зафиксированные в исследуемых словарях эвфемизмы данной сферы неоднородны с точки зрения семантики.

Эвфемизмы английского языка в определенной степени универсальны и могут быть использованы для номинации соответствующих событий вне зависимости от страны и эпохи, например, ***to neutralize*** (*уничтожить в ходе военных действий*), ***collateral damage*** (*жертвы среди мирного населения, возникшие в результате военных действий*), ***ethnic*** (*о представителях национальных меньшинств*).

В немецком языке, напротив, фиксируются эвфемизмы, относящиеся к конкретной исторической эпохе – времени правления А. Гитлера, что подтверждают соответствующие лексикографические комментария и помета *nationalsoz.*, например: ***das Konzertlager*** (*концентрационный лагерь*), ***die Endlösung*** (*уничтожение евреев*), ***die Sonderbehandlung*** (*уничтожение противников фашистской власти*).

Очевидно, что мотивационной основой для появления подобных эвфемизмов в обеих лингвокультурах явилось «табу на смерть, поскольку эвфемизации, прежде всего, подвергаются наименования оружия, военных операций и гибели людей в результате этих действий [9, с. 179]. Исходя из этого, эвфемизмы данной номинативной области можно рассматривать как языковую универсалию, однако очевидно, что помета *verhüllend* сопровождает лексику, обозначающую реалии исключительно немецкой истории. Можно предположить, что наполнение данной номинативной области зависит от конкретных исторических этапов развития нации, следовательно, эвфемизмы данной группы необходимо рассматривать как культурно-специфические.

Таким образом, номинативные области эвфемизации в различных языках не могут считаться абсолютно идентичными. На их формирование оказывает влияние комплекс лингвокультурологических факторов, что эксплицитно выражено как в количественном соотношении исследуемых областей, так и в семантике зафиксированных единиц.

Второй уровень, на котором проявляется культурный фон, представляет собой отражение мира материальной культуры в лексике. Эвфемизмы нередко аккумулируют информацию о традициях, ритуалах, исторических фактах, предметах быта и пр. Однако извлечение данной информации требует тщательного этимологического анализа, вследствие чего мы полагаем, что лингвокультурологические сведения такого типа выражены имплицитно.

Известно, что эвфемизмы представлены на всех уровнях языковой системы [10], однако наибольшее значение для анализа лингвокультурологической информации имеют эвфемизмы, образованные посредством метафорического и метонимического переноса.

Несмотря на то, что ряд исследователей процесса эвфемизации отмечает целесообразность выделения «общих концептуальных структур в концептосферах культур рассматриваемых языков, обуславливающих порождение аналогичных сочетаний по единой концептуальной модели» [8, с. 117], анализ собранного материала демонстрирует наличие культурно-специфических метафо-

рических и метонимических моделей в корпусе эвфемистической лексики.

В результате нами выделены особые типы культурологических метафор и метонимий, в основе которых лежит информация о древних обрядах и поверьях, архетипических представлениях, прецедентных литературных текстах, исторических и социальных реалиях.

Рассмотрим примеры таких эвфемизмов.

Основой для образования некоторых метафорических эвфемизмов послужили прецедентные культурные тексты, например, Библия. В структуру таких наименований входят общеизвестные имена собственные, упоминания о религиозных ритуалах, напоминающих о Священном Писании, в результате чего такие единицы мы обозначили термином **эвфемизмы-аллюзии**.

Например, немецкий эвфемизм ***bei Petrus anklopfen*** (*умереть*, досл. *стучаться к Петру*) содержит упоминание о святом апостоле Петре, который, как известно, традиционно изображается с ключами от ворот рая, стражником которых он является. Эвфемистическое выражение ***über den Jordan gehen*** (*умереть*, досл. *перейти Иордан*) реализует свое значение благодаря тому, что в его состав входит наименование реки Иордан, многократно упоминаемой в Библии. Согласно Священному Писанию именно после перехода через Иордан закончились сорокалетние скитания еврейского народа. Именно эта параллель и легла в основу метафорического переноса, при котором смерть сравнивается с неким избавлением от мирских тягот и забот.

Также в качестве религиозного эвфемизма-аллюзии может рассматриваться английское выражение ***to raise Caine*** (*устроить скандал*, досл. *вызвать Каина*). Имя Каина, который согласно Ветхому Завету, стал первым убийцей, используется как синоним к словам ад, дьявол.

Культурно-специфический компонент заключен также в **эвфемизмах-символах**, связанных с древними архетипическими представлениями о предметах и процессах материального мира. Помимо реализации своей основной функции эвфемистические единицы в этом случае отражают языковую картину мира, в которой присутствуют специфические национальные представления об общеизвестных денотатах. К такой культурно коннотированной лексике относятся зоонимы, соматизмы, наименования природных явлений и объектов, цветов и пр. При этом определенные натурфакты, имеющие в одной лингвокультуре определенные коннотации, будут иначе восприниматься в другой лингвокультуре.

Так, в рамках немецкой лингвокультуры кукушка аккумулирует древние архетипические представления о нечистой силе. Это отразилось в эвфемистическом использовании лексемы ***der Kuckuck*** в значении ***der Teufel*** (*черт, дьявол*), а также в идиоматическом выражении ***weiß der Kuckuck*** (*черт знает*, досл. *кукушка знает*), которое в словарях промаркировано соответствующей пометой. Такой архетип стоит считать национально-специфическим, поскольку, например, в славянской культуре эта птица не является символом чего-либо дьявольского или злого.

Наконец, в ходе исследования обнаружены эвфемизмы, происхождение которых становится понятным лишь благодаря лингвокультурологическим комментариям, входящим в структуру словарной статьи. Чаще всего это единицы, образованные в результате метонимического переноса. Мотивационной основой их появления служат различные аспекты исторических или социальных реалий конкретной страны.

Например, слово ***rosa*** (*относящийся к гомосексуалистам*, досл. *розовый*) является немецким эвфемизмом, в основе которого лежит метонимический перенос по цветовому аспекту. Соответствующее эвфемистическое значение появилось во времена нацистской власти, при которой гомосексуалисты помещались в концлагеря и на их одежду нашивался розовый треугольник, демонстрирующий к какой категории заключенных они относятся.

Происхождение английского эвфемистического выражения ***to spend a penny*** (*сходить в туалет*, досл. *истратить пенни*) восходит к 50-ым годам 18-ого века, когда в Лондоне появились первые общественные туалеты, двери которых открывались только после брошенной монетки.

Количество таких культурологических эвфемизмов невелико, однако они доказывают возможность реализации культурно-специфических механизмов метафорического и метонимического переносов при образовании эвфемизмов.

Таким образом, проведенный анализ доказывает возможность изучения эвфемизмов как лингвокультурологических единиц. Будучи языковыми универсалиями с точки зрения мотивационной основы своего появления, в процессе развития общества эвфемизмы приобрели уникальные характеристики, определяемые ключевыми концептами конкретной лингвокультуры, менталитетом, а также историческими, экономи-

ческими и культурными факторами. В результате, лингвокультурологическая информация представлена в эвфемизмах на двух уровнях – эксплицитном и имплицитном. Эксплицитный уровень предполагает аккумулирование сведений о конкретной лингвокультуре через семантику культурно-специфических номинативных областей эвфемизации. На имплицитном уровне требуется этимологический анализ механизмов лингвистической реализации эвфемистического значения, прежде всего метафор и метонимий, несущих информацию об обычаях, поверьях, суевериях, быте и истории конкретной нации.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка [Текст] : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

2. Гу, Ш. Эвфемизм как феномен языка и культуры [Текст] / Ш. Гу // Научный поиск. – 2015. – № 3.4. – С. 54-55.

3. Денисова, Э. С. Эвфемизм как уникальный языковой феномен в русской и китайской лингвокультурах (на материале тематической группы «Профессии») [Текст] / Э. С. Денисова, М. Б. Халиман // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 270-280.

4. Зверева, М. И. Территория терминологического распутья вокруг понятия «эвфемизм» [Текст] / М. И. Зверева // Филология и культура. – 2017. – № 2 (48). – С. 75-81.

5. Кацев, А. М. Языковое табу и эвфемия [Текст] : учеб. пособие и спецкурс / А. М. Кацев. – Л., 1988. – 80 с.

6. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

7. Маслова, В. А. Лингвокультурология. Введение [Текст] : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. А. Маслова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 208 с

8. Порохницкая, Л. В. Концептуальная метафора в эвфемии [Текст] : монография / Л. В. Порохницкая. – М. : Спутник+ , 2013. – 369 с.

9. Реброва, Н. Е. Функционально-семантическая характеристика эвфемизмов в аспекте лексикографического описания (на материале Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) [Текст] / Н. Е. Реброва // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. – 2014. – № 2 (27). – С. 175-181.

10. Реброва, Н. Е. Механизмы лингвистической реализации эвфемистического значения в аспекте лексикографической фиксации [Текст] / Н. Е. Реброва // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 6. – С. 147-155.

11. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / под ред. Ш. Балли и А. Сеше; пер. с франц. А. Сухотина / под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

12. Судиловская, В. Г. Концепт «Ordnung» в немецкой языковой картине мира (на материале лексикографических источников и СМИ) [Текст] / В. Г. Судиловская, К. К. Черненкова // Лексикографическая копилка. – 2017. – С. 42-58.

13. Торопцева, Е. Н. Использование эвфемизмов в шутках [Текст] / Е. Н. Торопцева // Гуманитарный вестник. – 2014. – № 1 (28). – С. 70-75.

14. Хроленко, А. Т. Основы лингвокультурологии [Текст] : учебное пособие / А. Т. Хроленко. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 184 с.

15. Al-Azzam, B. Social and Cultural Euphemism in Saudi Arabic: a Semantic, a Pragmatic and a Sociolinguistic Analysis / Bakri Al-Azzam [et al.] // Advances in Language and Literary Studies. – 2017. – Vol. 8. – No. 2. – P. 64-69.

16. Beizaeea, M. A Semantic Study of English Euphemistic Expressions and Their Persian Translations in Jane Austen's Novel «Emma» / Mehran Beizaeea, Samad Mirza Suzani // International Academic Journal of Humanities. – 2016. – Vol. 3. – No. 11. – P. 41-53.

17. Collins English Dictionary. – URL: https://www.collinsdictionary.com

18. Deutsches Universalwörterbuch. – 7., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Dudenverlag. – Mannheim, Zürich. – 2011. – S. 2112.

19. Olimat, S. N. Developing a Model for Translating Euphemism in the Qur'an: An Intratextual- and Contextual-based Approach / Sameer Naser Olimat // Advances in Language and Literary Studies. – 2018. – Vol. 9. – Iss. 6. – P. 101-111.

20. Oxford Dictionary of English / Edited by Angus Stevenson, third edition. Oxford University Press. – 2010. – 2069 p.

21. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – In 6. Bänden / Herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag. – URL: https://www.dwds.de/d/wdg

Reference List

1. Alefirenko, N. F. Lingvokul'turologija: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka = Linguoculturology: value-sense space of language [Tekst] : ucheb. posobie / N. F. Alefirenko. – M. : Flinta: Nauka, 2010. – 288 s.

2. Gu, Sh. Jevfemizm kak fenomen jazyka i kul'tury = Euphemism as a phenomenon of language and culture [Tekst] / Sh. Gu // Nauchnyj poisk. – 2015. – № 3.4. – S. 54-55.

3. Denisova, Je. S. Jevfemizm kak unikal'nyj jazykovoj fenomen v russkoj i kitajskoj lingvokul'turah (na materiale tematicheskoj gruppy «Professii») = Euphemism as a unique language phenomenon in Russian and

Chinese linguocultures (on the material of the thematic group «Professions») [Tekst] / Je. S. Denisova, M. B. Haliman // Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika. – 2016. – № 2. – S. 270-280.

4. Zvereva, M. I. Territorija terminologicheskogo rasput'ja vokrug ponjatija «jevfemizm» = The territory of the terminological crossroad around the concept «euphemism» [Tekst] / M. I. Zvereva // Filologija i kul'tura. – 2017. – № 2 (48). – S. 75-81.

5. Kacev, A. M. Jazykovoe tabu i jevfemija = Language taboo and euphemia [Tekst] : ucheb. posobie i speckurs / A. M. Kacev. – L., 1988. – 80 s.

6. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija = Linguoculturology [Tekst] : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij / V. A. Maslova. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2001. – 208 s.

7. Maslova, V. A. Lingvokul'turologija. Vvedenie = Linguoculturology. Introduction [Tekst] : ucheb. posobie dlja bakalavriata i magistratury / V. A. Maslova. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. : Izdatel'stvo Jurajt, 2018. – 208 s

8. Porohnickaja, L. V. Konceptual'naja metafora v jevfemii = Conceptual metaphor in euphemia [Tekst] : monografija / L. V. Porohnickaja. – M. : Sputnik+ , 2013. – 369 s.

9. Rebrova, N. E. Funkcional'no-semanticheskaja harakteristika jevfemizmov v aspekte leksikograficheskogo opisanija (na materiale Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) = Functional semantic characteristic of euphemisms in the aspect of lexicographic description (on the material Duden Das grosse Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache) [Tekst] / N. E. Rebrova // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Serija Filologija. – 2014. – № 2 (27). – S. 175-181.

10. Rebrova, N. E. Mehanizmy lingvisticheskoj realizacii jevfemisticheskogo znachenija v aspekte leksikograficheskoj fiksacii = Mechanisms of linguistic realization of euphemistic value in the aspect of lexicographic fixation [Tekst] / N. E. Rebrova // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki». – 2015. – № 6. – S. 147-155.

11. Sossjur, F. Kurs obshhej lingvistiki = Course of the general linguistics [Tekst] / pod red. Sh. Balli i A. Seshe; per. s franc. A. Suhotina / pod obshh. red. M. Je. Rut. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 1999. – 432 s.

12. Sudilovskaja, V. G. Koncept «Ordnung» v nemeckoj jazykovoj kartine mira (na materiale leksikograficheskih istochnikov i SMI) = The concept «Ordnung» in the German language picture of the world (on the material of lexicographic sources and mass media) [Tekst] / V. G. Sudilovskaja, K. K. Chernenkova // Leksikograficheskaja kopilka. – 2017. – S. 42-58.

13. Toropceva, E. N. Ispol'zovanie jevfemizmov v shutkah = Use of euphemisms in jokes [Tekst] / E. N. Toropceva // Gumanitarnyj vestnik. – 2014. – № 1 (28). – S. 70-75.

14. Hrolenko, A. T. Osnovy lingvokul'turologii = Bases of linguoculturology [Tekst] : uchebnoe posobie / A. T. Hrolenko. – M. : Flinta : Nauka, 2009. – 184 s.

15. Al-Azzam, B. Social and Cultural Euphemism in Saudi Arabic: a Semantic, a Pragmatic and a Sociolinguistic Analysis / Bakri Al-Azzam [et al.] // Advances in Language and Literary Studies. – 2017. – Vol. 8. – No. 2. – P. 64-69.

16. Beizaeea, M. A Semantic Study of English Euphemistic Expressions and Their Persian Translations in Jane Austen's Novel «Emma» / Mehran Beizaeea, Samad Mirza Suzani // International Academic Journal of Humanities. – 2016. – Vol. 3. – No. 11. – P. 41-53.

17. Collins English Dictionary. – URL: https://www.collinsdictionary.com

18. Deutsches Universalwörterbuch. – 7., überarbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von der Dudenredaktion. Dudenverlag. – Mannheim, Zürich. – 2011. – S. 2112.

19. Olimat, S. N. Developing a Model for Translating Euphemism in the Qur'an: An Intratextual- and Contextual-based Approach / Sameer Naser Olimat // Advances in Language and Literary Studies. – 2018. – Vol. 9. – Iss. 6. – P. 101-111.

20. Oxford Dictionary of English / Edited by Angus Stevenson, third edition. Oxford University Press. – 2010. – 2069 p.

21. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. – In 6. Bänden / Herausgegeben von R. Klappenbach und W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag. – URL: https://www.dwds.de/d/wdg

Дата поступления статьи в редакцию: 18.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10499
УДК 81'27

Л. Р. Зурабова https://orcid.org/0000-0001-5053-0745

Проявление социального и индивидуального двуязычия в речевых практиках

Данное исследование имеет своей целью провести обзор случаев проявления в речи последствий языковых контактов в рамках индивидуального и социального двуязычия. В статье представлены исследования отечественных и зарубежных лингвистов в области языковых контактов и двуязычия, а также теоретические положения, разработанные в русле социолингвистического, прагматического, генеративного направлений, что определяет междисциплинарный характер работы. Автор фокусируется на таких явлениях, как интерференция во взаимодействующих языках, формирование смешанного языка, переключение языковых кодов в речи билингвов. В статье представлены несколько видов переключения: внутрифразовое и межфразовое, а также альтернационное и инсерционное. Автор приводит характеристику речевого поведения пяти двуязычных сообществ, а именно билингвов центральной Украины и Республики Марий Эл, членов русской диаспоры в Нью-Йорке, коренных народов Алеутских островов и акадийцев г. Монктон. Речевые привычки данных групп различаются по степени проявления конвергентных процессов в системах двух языков, сфокусированности и диффузности, распространенности переключения и смешения языковых кодов. В статье приводится характеристика морфо-синтактических и лексических аспектов взаимодействия двух языков в речи рассматриваемых групп, а также экстралингвистических факторов, играющих роль в становлении их речевого поведения. В работе также поднимается вопрос о спорном статусе языковых формаций и роли языковой игры в речевых практиках билингвов. Результаты проведенного исследования углубляют представления о языковой вариативности и взаимодействии языков в условиях языкового контакта, а также могут быть использованы в качестве теоретической базы для исследований по смежной проблематике.

Ключевые слова: двуязычие, переключение кодов, смешанные языки, диглоссия, коренные языки, шиак.

L. R. Zurabova

The effects of societal and individual bilingualism in speech

This study aims to showcase the consequences of language contact manifesting in speech in situation of individual and societal bilingualism. The research is based on modern studies of Russian and foreign linguists. The author focuses heavily on the phenomenon of code-switching, highlighting several types of switching and relies on the ideas developed in sociolinguistic, pragmatic, generative studies of CS. The article gives a detailed description of the speech in five bilingual communities: bilinguals in Central Ukraine and in the Mari El Republic, Russian diaspora in New York, indigenous peoples of the Aleutian Islands and Acadians of Moncton. Speech habits of these groups differ in the way two language systems converge, the degree of focusing and diffusing in the community, the frequency of code-switching and code mixing. The article gives a description of morpho-syntactic and lexical aspects of their speech as well as extralinguistic factors that influence the development of their verbal behavior. Moreover, it raises the question of the status of spoken variants and the role of language play in bilingual speech practices. In addition, the author focuses heavily on the phenomenon of code-switching, highlighting several types of switching. The results of the study contribute to the field of language variation, code-switching and language contact.

Keywords: bilingualism, code-switching, mixed languages, diglossia, indigenous languages, chiac.

Представления о составе языков, имеющих хождение на определенной территории, их статусе и функционировании в обществе трансформировались за последнее столетие на фоне развития контактной лингвистики. Языковые контакты, как правило, обусловлены историческими, политическими и географическими факторами, при которых языки претерпевают изменения, связанные либо с их обоюдным влиянием друг на друга, либо с доминирующей позицией одного из них.

Традиционно в качестве точки отсчета при анализе многокомпонентной языковой ситуации принимается моноязычие, и, как следствие, случаи использования двух языков в рамках одного коммуникативного акта предстают как отклоне-

© Зурабова Л. Р., 2019

ние от нормы. Однако, отталкиваясь от ситуации моноязычия, затруднительно адекватно оценить речевые практики в регионах, для которых характерна продолжительная история языкового контакта, где, как отмечает Е. В. Головко, ситуация двуязычия является скорее нормой, чем исключением [4, с. 298].

Вместе с тем анализ специфики использования индивидом нескольких языков вне зависимости от региона проживания также требует рассмотрения, учитывая современные глобализационные процессы, в рамках которых в связи с экономической и политической миграцией языки этнических групп/национальные языки проникают в нехарактерный для них ареал распространения и используются представителями различных диаспор наравне с языком страны иммиграции.

Важно подчеркнуть, что понятие *билингв* углубило и расширило свой терминологический потенциал в связи с увеличением возможностей в сфере образования и туризма. Традиционное понимание термина, как его определял американский лингвист Л. Блумфилд, подразумевает «индивидов, которые владеют двумя языками, как носители» [2, с. 5]. В настоящее время к билингвам относят индивидов как с естественно приобретенным двуязычием без доминирующего языка, так и с искусственно приобретенным двуязычием с одним доминирующим языком [2, с. 6]. Таким образом, коммуникативная компетенция билингва гибка и может включать широкий спектр коммуникативных навыков, в том числе владение двумя и более языками и/или диалектами в равной или различной степени, способность использовать доступные языковые коды с учетом как морфосинтаксических норм построения речи, так и экстралингвистических особенностей, характерных для языкового сообщества и с применением различных коммуникативных стратегий [15, с. 115].

Определим круг проблем, которым посвящены исследования в области контактной лингвистики. В него входят последствия взаимодействия двух и более языков, в том числе такие аспекты изучения языковых контактов, как изменения в контактирующих языках на лексико-семантическом и морфосинтаксическом уровне; новые языковые образования, вызванные процессом пиджнизации и креолизациии; особенности речевого поведения носителей контактирующих языков, в частности, переключение языковых кодов и появление смешанных языков [1, с. 11]. В настоящей работе предпринята попытка описания нескольких случаев реализации в речи последствий языкового контакта в рамках социального и индивидуального двуязычия.

В качестве **первого случая** выделим речевые практики билингвов-носителей близкородственных языков. При описании данной языковой ситуации часто отмечается высокая степень интерференции в речи билингвов. В исследованиях украинско-русского двуязычия такое интенсивное языковое взаимодействие определяется как суржик или суперинтерференция. Автор указывает на две точки зрения в понимании суржика. Согласно первой любое проявление интенсивного интерферентного процесса в речи с использованием русского и украинского языков является суржиком, вне зависимости от социального статуса и уровня образования говорящего. С другой стороны, отмечается, что доминирующим является мнение о низком уровне культуры и образования говорящих на суржике, а также неспособности варьировать речь в соответствии с нормами двух языков [10, с. 93-94]. Автор подчеркивает неоднозначность классифицирования суржика в лингвистических исследованиях. Так, помимо прочего, суржик относят к самостоятельному языку, полуязычию, молодежному сленгу, жаргону, пиджину и просторечию [10, с. 99-100]. Таким образом, наблюдается терминологическая вариативность и плюрализм взглядов на классификацию языковых кодов в исследованиях языковых контактов.

Регионами распространения суржика являются центр Украины, в частности, центрально-восточный подрегион (Левобережье) [10, с. 97]. Среди причин интерферентных процессов уместно выделить исторически сложившуюся социоэкономическую ситуацию, способствовавшую распространению смешанных украинско-русских форм речи, так и языковую политику, направленную на распространение национально-русского двуязычия.

На уровне морфологии выявляются потенциальные зоны интерференции для каждой части речи. Так, в сфере существительного отмечается преобладание русских флексий в именительном падеже мн. ч., например: *вчителя,* вместо укр. *вчителі*; утрата характерных для украинского языка флексий в дательном и звательном падеже, но их сохранение в родительном. Среди прилагательных наблюдается употребление русских флексий в формах предложного падежа в ед. и мн. ч., а также преобладание моделей образования степеней сравнения русского языка: *у пер-*

шом *класі* вместо укр. *у перш**ому** класі;* ***самі вищі*** вместо укр. ***найвищі***. В использовании глаголов зафиксировано параллельное употребление русских и украинских инфинитивных окончаний ***-ти*** / ***-ть***, а также окончаний ***-имо / -емо*** и ***-им*** / ***-ем*** в форме 1 л. мн. ч., например, *заїд**емо**, поїд**ем**, думає**м***. Кроме того, наблюдается использование русского словообразующего суффикса ***-л-*** при формировании форм прошедшего времени вместо украинского ***-в-*** [10, с. 208-209].

В целом, в связи с близостью языковых систем, грамматическая интерференция в суржике довольно обширна несмотря на то, что традиционно грамматическая система, являясь «жесткой системой значений и форм с присущей ей иерархией классов, подклассов, определенных уровней», значительно более устойчива к интерференции [9, с. 86].

На лексическом уровне интерес вызывают случаи нарушения структуры устойчивых словосочетаний под влиянием русских эквивалентов; попеременное использование украинских и русских тождественных лексем; использование межъязыковых омонимов в значении, характерном для русского языка: ***другий*** – *инший* (укр. другий – второй); ***в єжових рукавицях*** *тримала* (укр. *тримати у лещатах/лабетах* – держать в ежовых рукавицах) [11, с. 208-209].

На наш взгляд, как и в других случаях контактных языковых явлений, интерес вызывает вопрос соотношения сознательного употребления, спровоцированного, среди прочего, экономией речевых усилий, и неосознанного употребления, продиктованного принятым в коллективе языковым поведением.

Второй случай включает в себя особенности употребления языка среди представителей малых народов. В исследовании В. Г. Гавриловой о марийско-русском билингвизме в Республике Марий Эл автор рассматривает грамматические особенности переключения с марийского языка на русский язык и наоборот на материале транскрибированной спонтанной устной речи [3]. Основное внимание в работе уделяется лингвистическому подходу к анализу переключений. Переключение кодов (ПК) определяется как «смена двух языков в пределах одного речевого акта, предложения или его части» [19, с. 224].

Отмечается, что в связи с интенсивным языковым контактом в регионе и по экстралингвистическим причинам, способствующим овладению двумя языками, наблюдается конвергентное развитие марийского и русского языков и употребление в речи двух кодов [3, с. 17]. Среди функций переключения выделяется смена адресата и темы разговора, в частности, в связи с диглоссной языковой ситуацией; тематическое регулирование языкового выбора особенно свойственно марийско-русскому ПК [3, с. 29].

Матричным языком является марийский, и два кода в своем процентном соотношении активируются в разной степени. Термин *матричный язык* (matrix language) широко применяется в исследованиях переключения кодов для обозначения доминирующего языка коммуникации, в то время как *языком иноязычных вкраплений* (embedded language) называется язык-донор иноязычных вставок [4, с. 300].

Были выявлены случаи как интерсентенционального (межфразового), так и интрасентенционального (внутрифразового) переключения. Заметим, что в понятие межфразового переключения автор включает случаи переключения в сложных предложениях, а под внутрифразовым переключением В. Г. Гаврилова понимает смешение кодов в рамках простого предложения. Термин «фраза», таким образом, используется в работе «для обозначения минимальной единицы речи, завершенной интонационально и по смыслу» [3, с. 17].

Результаты исследования показывают, что в спонтанной речи мари межфразовое переключение представлено значительно реже, чем внутрифразовое. Тем не менее, было выявлено три типа межфразовых марийско-русских переключений, а именно попеременное использование простых предложений; поочередное употребление предикативных частей сложного предложения на марийском и русском языке; использование вводных слов и сочетаний в значении «как говорится/как говорят/говорит» на марийском языке [3, с. 27], выступающих триггерами переключения. Слова-триггеры (trigger words) представляют собой слова в речи двуязычных носителей, которые провоцируют переход на другой язык либо в преддверии их употребления, либо после [13, с. 125].

Данные триггеры в марийско-русской коммуникации используются для передачи прямой речи на русском языке, а также для плавного перехода на марийский после фразы на русском:

Наглость, все, я не скажу за всю Одессу ***манме гай****, ом паре вет чыластым* (Наглость, все, я не скажу за всю Одессу, **как говорится**, я ведь не знаю всех) [3, с. 22].

Были выявлены случаи переключения как в сложноподчиненных, так и в сложносочиненных предложениях, однако частотность первых оказалась выше. Среди сложносочиненных предложений отмечено чередование независимых предикативных частей на обоих языках, соединенных противительными союзами *а, но* [3, с. 23-27]. С нашей точки зрения, важно отметить, что данные союзы присущи обоим языкам, что упрощает переход с одного языка на другой. Таким образом, их также можно отнести к словам-триггерам; вместе с тем, для амбивалентных слов, которые не могут быть четко отнесены к одному из языков двуязычной коммуникации, в исследования ПК используется термин *слова-мосты* (bridge-words), так как их неоднозначный статус может провоцировать переключение [12, с. 321].

При анализе внутрифразового переключения обнаруживается несколько тенденций. В. Г. Гаврилова указывает на связь между типом синтаксической связи и возможностью переключения, которая заключается в том, что слабая связь между компонентами предоставляет больше возможностей для переключения [3, с. 23-27]. Данное наблюдение соотносится со структурными ограничениями переключения кодов, описанными Ш. Поплак. Так, согласно ограничению эквивалентности (equivalence constraint) существует тенденция к переключению на границах совпадения поверхностных структур языков. Граница ПК проходит между фрагментами двух языков, которые не накладывают структурные ограничения на свое окружение [19, с. 228].

Таким образом, включения могут быть представлены как отдельной словоформой, так и словосочетанием. Употребление словоформы русского языка может распространяться на ее окружение, провоцируя употребление зависимого слова также на русском языке: *Мый* ***не обращаю внимания****, просто воштылам да каем* (Я не обращаю внимания, просто смеюсь и ухожу) [3, с. 38].

Словосочетания на русском языке в билингвальных предложениях с марийским языком в качестве матричного разделяются на три типа, а именно: неадаптированные (интегрированные по смыслу, но построенные по правилам русского языка); полуадаптированные (сохраняющие порядок слов русского языка, но претерпевающие прибавление морфологических показателей марийского языка); адаптированные (измененные полностью в соответствии с правилами марийского языка) [3, с. 41]. Степень адаптированности словосочетания и стратегия его включения в предложение зависит от связи компонентов словосочетания: тесная связь компонентов жестко определяет порядок слов и препятствует морфологической адаптации. Таким образом, смешение грамматических структур представляется возможным из-за частичного или полного совпадения грамматических значений и отсутствия конфликта между сочетаемыми единицами.

Третий случай иллюстрирует специфику речевых практик представителей диаспор. В исследовании коммуникативных привычек представителей русской диаспоры в Нью-Йорке Э. Грегор анализу подвергается спонтанная устная речь трех групп иммигрантов первого поколения разных возрастных групп в рамках теории переключения кодов [16].

Автор использует классификацию П. Ауэра, выделяя случаи альтернационного (alternational) и инсерционного (insertional) переключения кодов. Под *альтернационным переключением* понимается поочередное использование двух и более языков таким образом, что на каждом отрезке речи говорящие используют только один из доступных им языков. Данный тип переключения происходит на синтаксических границах и используется в качестве стилистического инструмента и риторического приема. *Инсерционное переключение* характеризуется внутрифразовым переключением, наличием иноязычных вставок, как правило, выраженных существительными, реже глаголами, прилагательными и наречиями. Оба типа переключения могут использоваться как для демонстрации ориентации на двуязычное общение, так и вследствие нехватки словарного запаса говорящего в языке коммуникации в конкретный момент времени. В обоих случаях ПК может быть маркировано просодически и дискурсивно, например, через интонационное ударение, паузы хезитации и металингвистические комментарии. Элемент инсерционного переключения может быть морфосинтаксически интегрирован в язык коммуникации или же сохранять исходную грамматическую структуру [14, с. 314].

Важно отметить, что матричным языком коммуникации выступает русский, в то время как английский функционирует как язык иноязычных вставок. Большинство случаев переключения в работе носят характер инсерционного ПК и состоят из отдельных лексем-существительных и прилагательных. Также выделяются дискурсивные маркеры-теги, наречия и глаголы; последние

составляют наименее частотную группу [16, с. 134].

Среди лексем, входящих в группу существительных, выделяются простые, сложные и составные, среди них имена нарицательные и собственные. Отметим, что лексемы могут быть частично фонологически и/или морфологически адаптированы. Тем же изменениям подвержены и глаголы, однако интересен тот факт, что адаптация глаголов вызвана языковой игрой и, таким образом, является сознательной со стороны респондентов, которые указывают на ее смешанный характер. Вместе с тем, прилагательные и наречия не имеют тенденцию к адаптации ни на морфологическом, ни на фонологическом уровнях [Ibid., с. 138-140].

Сделаешь ***art history*** *и у тебя будет* ***degree*** *в* ***psychology*** *и будешь* ***art psychologist*** [16, с. 101].

Надо пойти в ***Columbia University*** [16, с. 135].

I mean you can't end, you know, and you, you gonna be done // ***Засейвай,*** *пожалуйста!* (Сохрани файл, пожалуйста!) [16, с. 143]. В данном примере наблюдается использование адаптированного глагола анг. яз. *to save* (сохранять).

Э. Грегор уделяет большое внимание функциям и причинам переключения, придерживаясь социолингвистического и коммуникативно-прагматического направлений изучения ПК. Для описания переключений, состоящих из более чем одной лексемы, ученый использует модель П. Ауэра, выделяя четыре типа переключений, а именно: инсерционное ПК, ориентированное на участников; дискурсно-ориентированное инсерционное ПК; альтернационное ПК, ориентированное на участников; дискурсно-ориентированное альтернационное ПК [16, с. 130]. Отмечается, что именно данная классификация имеет значение при анализе эмпирического материала на предмет мотиваций и функций переключения в речи. Также автор опирается на модель рационального выбора К. Майерс-Скоттон, согласно которой переключение кодов может рассматриваться как результат рационального выбора говорящего для достижения определенной цели в процессе коммуникации [16, с. 131].

Для иллюстрации случаев альтернационного переключения кодов Э. Грегор выделяет семь типовых вариантов развития коммуникативного акта в соответствии с тем, каким образом языки участвуют в коммуникации. Автор делает вывод о том, что различия в речевом поведении представителей диаспоры во многом зависят от их языковой компетенции в двух языках и предпочтений к использованию одного из них [16, с. 146-147].

Таким образом, респонденты со сбалансированным билингвизмом имеют тенденцию к альтернационному переключению, ориентированному на адресата, т. е. переключаются для аккомодации собеседника-билингва с доминирующим языком. Они также демонстрируют большее разнообразие стратегий в выборе языка коммуникации, что проявляется, в том числе, через переключение кодов [16, с. 157].

Четвертый случай можно отнести к смешанным языкам (СЯ). Впервые данный класс контактных языков был представлен в работах лингвистов в конце XX века. Исследовав особенности беринговского диалекта алеутского языка и языка коренного населения острова Медный, Е. В. Головко приводит следующее определение СЯ: «язык, который образовался как результат негенетического развития двух языков, причем возник не в качестве языка-посредника, необходимого для обеспечения коммуникации, а как средство групповой самоидентификации для внутригруппового общения» [6]. Исходными параметрами формирования такого языка является билингвальный статус членов группы. СМ состоит из различных частей языков-источников, однако значительная часть грамматики принадлежит одному языку, а лексики – другому [6].

Как отмечает автор, смешанные языки не являются результатом конвергенции, а также не могут относиться к пиджинам и креольским языками, поскольку последние формируются в условиях «коммуникативного вакуума» на базе примитивных грамматических структур и лексических единиц языка-лексификатора. Напротив, для смешанных языков не характерно наличие коммуникативного вакуума и отсутствие средства коммуникации, поскольку его будущие носители изначально двуязчны. Они обладают языковым выбором использовать Я1 или Я2, или сочетание Я1Я2. Важно, что использование Я1Я2 приводит к формированию Я3, который начинает выступать в качестве родного для второго поколения говорящих и становится инструментом конструирования идентичности группы [6]. Связь языка и идентичности проявляется в формировании последней в процессе коммуникации и взаимодействия, в связи с чем она «признается явлением динамичным, меняющимся во времени и в зависимости от переживаемого опыта и социальных условий» [8, с. 318].

В условиях двуязычия носители получают возможность интуитивно сравнивать и противопоставлять языковые системы. Способность сознательно провоцировать языковые изменения подразумевает осознание носителями грамматических категорий как отдельных смысловых элементов. Грамматическая система языка носит социально-статусный характер, поскольку способность к выстраиванию грамматически верной и прагматически содержательной речи выступает идентификатором социального статуса носителя. Сознательное управление элементами языка позволяет по-разному передавать определенные смыслы в зависимости от целей, ситуации общения и социального статуса в силу вариабельности языка [12, с. 67-68].

С другой стороны, в ситуации, близкой к полному двуязычию, речевые привычки носителей характеризуются постоянным использованием двух языковых кодов и переключением между ними, в результате чего может снизиться и даже исчезнуть способность их различать. В связи с этим ученый приводит теорию сфокусированности и диффузности Р. Ле Пажа и А. Табуре-Келлера, в соответствии с которой при изучении таких явлений, как переключение, смешение кодов, двуязычие и многоязычие недостаточно учитывать только структурные элементы языка, необходимо рассмотрение отношения языковых коллективов к используемым ими языкам. Так, некоторые языковые коллективы имеют четкие представления о границах языков, которыми они пользуются. Таким образом, элементы, выходящие за пределы одного языка, для них легко различимы. Такие языковые коллективы также не имеют сомнений по поводу статуса и названия языков, носителями которых они являются. В данном случае речь идет о б*о*льшей сфокусированости. Вместе с тем некоторые коллективы не имеют четкого представления о языковой норме, элементах, входящих в употребляемые ими языки, а также границах, за пределами которых начинается другой язык. Для них характерно использование двух языковых кодов одновременно и высокая степень диффузности [4, с. 310-311]. Тем не менее, переключение происходит по определенным структурным и социолингвистическим правилам, что предполагает некоторую степень осознания отдельных элементов как самостоятельных сущностей со стороны носителей.

Отметим несколько особенностей проанализированных ученым языковых образований. Е. В. Головко выделяет проявления языковой игры и сознательного осмысления грамматики, выраженные русскими вставками без оформления алеутскими поссесивными показателями для передачи родительного падежа; заимствованием морфологических показателей русского языка; эквивалентом русской частицы ***бы*** сослагательного наклонения; заимствованием связанных морфем, например, появление формы 1 л. мн. ч. императива на ***-м***; заимствованием уменьшительно-ласкательного суффикса ***-ушк/юшк-*** в форме ***-уск***; дублированием тождественных морфем русского и коренного языка, например ***-уска-*** и ***-куза-*** (выражают значение “маленький”); появлением неопределенных местоимений, состоящих из вопросительных слов коренного языка *кто* и *что* и модифицированной русской частицы ***-то***.

*талиг'иич**им*** (давайте станцуем) [6];

*агитаад-**уска-куза**-н* (милый мой дружочек) [6];

*киин**та*** (кто-то) / *алк'ух'**та*** (что-то) / *кана(а)н**та*** (какой-то) [5, с. 227, 239].

Пятый случай характеризуется неоднозначным статусом языковых формаций, возникших впоследствии контакта. Рассмотрим вариант французского языка в Канаде, интерпретация которого в научной литературе вызывает споры. Данная языковая формация носит название шиак (*chiac*) и распространена на территории исторически активного языкового контакта английского и французского языков в регионе Акадия. Регион охватывает прибрежные провинции: Нью-Брансуик, Новая Шотландия и Остров Принца Эдуарда, а также некоторые территории, на настоящий момент относящиеся к провинции Квебек (Гаспези – Острова Мадлен, Кот-Нор). Наше внимание обращено на провинцию Нью-Брансуик, где франкофоны составляют 33 % населения и проживают в большинстве своем на юго-востоке в г. Монктон. Среди билингвов данного региона наблюдается речевое поведение, для которого характерно использование, по терминологии А. Тибо, гибридного кода [20, с. 39, 42-43].

Анализ спонтанной устной речи в исследовании М-Э. Перро позволил выявить динамику изменения лексического состава шиака, в которой наблюдаются две противоположенные тенденции, охватывающие жизненный цикл и функционирование английских элементов. С одной стороны, отмечается включение все новых английских лексем, например, наречия *again*; повыше-

ние частотности употребления уже вошедших в шиак лексем, в частности, союза *because* и его сокращенной формы *'cause*; диверсификация лексем в рамках одной категории, как в случае с союзами *although, even though,* появление гибридных англо-французских союзных конструкций, в частности, *either…ou,* расширение группы наречий меры и степени *so much, (pas)…that much, (pas)…as much, pretty much* [17, с. 203-204].

je suis allé à l'école ***even though*** *je* ***feel-ais*** *mal* (Я пошел в школу, хоть я и чувствовал себя плохо) [17, с. 204].

С другой стороны, наблюдается обратный процесс – сокращение употребления английских элементов, среди прочего, предлога *about* в предложных конструкциях *penser about / parler about / être about / entendre about / dire about / savoir about* в пользу французских эквивалентов [17, с. 208, 213-215]:

ça que moi je ***get*** *pas c'est* ***how come que*** *la seule solution que le monde peut* ***penser à*** *c'est la guerre* (что до меня, то я не возьму в толк, как так получается, что единственное решение, о котором мир может думать, это война) [17, с. 208]. Отметим постпозицию предлога, что не характерно для французского языка.

При анализе шиака в рамках теории переключения кодов отмечается, что матричным языком выступает французский: французские грамматические структуры доминируют; тем не менее, на уровне лексики наблюдается высокая частотность употребления английских лексем. Для внутрифразового переключения характерно использование английских словоформ и словосочетаний, включающих простые и составные существительные, имена собственные; прилагательные; наречия; ономатопеи; дискурсивные частицы и междометия; обсценную лексику [20, с. 58-59].

right now *j'ai pas de* ***job*** */ la plupart de mon argent* ***well / pretty much*** *tout mon argent vient de mes parents* (Сейчас у меня нет работы / большую часть моих денег, вообще-то / почти все деньги я получаю от родителей) [18, с. 149].

Английские глаголы в речи на шиаке часто подвергаются морфологической адаптации путем аффиксальной деривации, т. е. посредством прибавления к английскому глаголу в форме *bare infinitive* окончания ***-er*** инфинитива фр. глаголов 1-ой группы [7, с. 34-35], однако необходимо заметить, что это происходит не всегда; наблюдается использование также неадаптированных глаголов или глаголов с частичной адаптацией в зависимости от формы времени, лица и числа.

Важной особенностью английских элементов в шиаке является то, они произносятся в соответствии с нормами английского языка, что во многом дает основания отказаться от их рассмотрения в качестве заимствований, однако почти никогда не произносятся морфологические маркеры множественного числа и 3-его лица единственного числа. Также отсутствуют маркеры категории времени, такие как окончания прошедшего времени ***-ed*** и герундия ***-ing.*** Структура предложений в подавляющем большинстве случаев строится согласно синтаксическим правилам французского языка [20, с. 59]. Тем не менее, характер взаимодействия англо-французских элементов шиака оставляет открытым вопрос о его природе и статусе и требует дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, в работе описаны пять случаев проявления в речи последствий языковых контактов в рамках индивидуального и социального двуязычия. Каждый из них характеризуется различной степенью проявления конвергентных процессов в системах двух языков, сфокусированностью и диффузностью, частотностью таких явлений контактного характера, как переключение и смешение кодов. Так, для суржика при украинско-русском двуязычии показатель конвергенции высок, как и для марийско-русского двуязычия, однако в последнем наблюдается явление переключения кодов в речи носителей с преобладанием внутрифразового переключения в различных типах предложений и с варьируемой степенью адаптированности элементов переключения. Речь представителей диаспор, в частности, при рассмотренном русско-английском двуязычии, также отличается частотным внутрифразовым переключением, однако в нем выявлены семь типов межфразового переключения, находящихся в зависимости от языковой компетенции билингвов. Отмечена роль языковой игры и сознательного использования лексических и грамматических элементов языка. Она же является ключевой для смешанного характера беринговского диалекта алеутского языка и языка коренного населения острова Медный, в которых языковой выбор в пользу переключения между кодами привел к формированию смешанного кода, выступающего для членов языковой группы элементом самоидентификации. В статье также приводится пример языковой формации шиак, чей статус требует уточнения, что свидетельствует о вариативности последствий языкового контакта. Обнаруженная

дихотомия в тенденции развития шиака проявляется в двунаправленном процессе англицизации и офранцуживания. Интерес вызывают фонологические особенности использования шиака, а также изменения в функционировании элементов английского языка. Важным для дальнейшего исследования является рассмотрение спорного характера шиака, в частности, вопроса о его гибридной природе, а также проявлении языковой игры в речевом поведении носителей.

Библиографический список

1. Багана, Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм [Текст] / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 128 с.

2. Балакина, Ю. В., Соснин, А. В. Теоретические основы переключения кодов и функционирования заимствований с позиций контактной лингвистики [Текст] / Ю. В. Балакина, А. В. Соснин // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2015. – № 2. – С. 5-11.

3. Гаврилова, В. Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов [Текст] / В. Г. Гаврилова. – Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2014. – 211 с.

4. Головко, Е. В. Переключение кодов или новый код? [Текст] / Е. В. Головко // Труды факультета этнологии: сб. ст. – СПб., 2001. – Вы п. 1. – С. 298-316.

5. Головко, Е. В. Язык командорских алеутов: диалект острова Беринга [Текст] / Е. В. Головко, Н. Б. Вахтин, А. С. Асиновский. – СПб. : Наука, 2009. – 355 с.

6. Головко, Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности [Электронный ресурс] / Е. В. Головко // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки, 2001. – № 1. – С. 3-10. – URL: http://www.philology.ru/linguistics1/golovko-01.htm

7. Зурабова, Л. Р. Проявление интерференции в условиях языкового контакта на примере англицизмов в канадском варианте французского языка [Текст] / Л. Р. Зурабова // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика: межкаф. сб. науч. ст.: посвящено 70-летию О. В. Афанасьевой / сост. и отв. ред. О. Я. Федоренко; науч. ред. К. М. Баранова, О. Г. Чупрына. – М., 2018. – С. 33-37.

8. Зурабова, Л. Р. Языковая политика и трансформация идентичности в контексте современных глобализационных процессов [Текст] / Л. Р. Зурабова // Вопросы гуманитарных наук и управления в сфере образования: сб. Науч. ст. по материалам науч.-практ. конф., посвящ. юбилею В. В. Рябова (г. Москва, 10 ок т. 2017 г.) / редкол. В. В. Кириллов (отв. ред.), С. А. Джанумов и др. – М. : Книгодел: МГПУ, 2018. – С. 312-319.

9. Ионина, А. А. Синтаксические особенности современного английского языка, используемого в России [Текст] / А. А. Ионина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 11 (65). – С. 86-89.

10. Курохтина, Т. Н. К вопросу об определении понятия «суржик» [Текст] / Т. Н. Курохтина // Славяноведение. – 2012. – № 3. – С. 93-101.

11. Курохтина, Т. Н. Языковые тенденции интерференционных процессов в условиях контактирования украинского и русского языков [Текст] / Т. Н. Курохтина // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы межд. науч. конф / редкол. М. Л. Ремнёва и др. – М. : Макс Пресс, 2013. – С. 207-210.

12. Трунова, О. В. Язык как показатель социального статуса и фактор национальной идентичности [Текст] / О. В. Трунова, И. А Бубнова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2017. – № 2 (26). – С. 62-71.

13. Appel, R. Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. – Amsterdam : Oxford University Press, 2005. – 228 p.

14. Auer, P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech / P. Auer // International Journal of Bilingualism, 1999. – № 4. – P. 309-332.

15. Butler, Y. G. Bilingualism and Second Language Acquisition / ed. by T. K. Bhatia, W. C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism. – Estes : Blackwell Publishers, 2005. – P. 114-136.

16. Gregor, E. Russian-English Code-switching in New York City / E. Gregor. – Bern : Peter Lang, 2003. – 195 p.

17. Perrot, M.-E. Le trajet linguistique des emprunts dans le chiac de Moncton : quelques observations / M.-E. Perrot // Minorités linguistiques et société / Linguistic Minorities and Society, 2014. – № 4. – P. 200-218.

18. Perrot, M.-E. Statut et fonction du chiac: analyse de discours épilinguistiques / M.-E. Perrot // Francophonies d'Amérique, 2006. – № 22. – P. 141-152.

19. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching / S. Poplack // The Bilingualism Reader. – London and New York : Routledge, 2000. – P. 221-256.

20. Thibault, A. Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio / A. Thibault // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. – Stuggart, 2011. – № 1. – P. 39-65.

Reference List

1. Bagana, Zh. Kontaktnaja lingvistika. Vzaimodejstvie jazykov i bilingvizm = Contact linguistics. Language interaction and bilingualism [Tekst] / Zh. Bagana, E. V. Hapilina. – M. : Flinta: Nauka, 2010. – 128 s.

2. Balakina, Ju. V., Sosnin, A. V. Teoreticheskie osnovy perekljuchenija kodov i funkcionirovanija zaimstvovanij s pozicij kontaktnoj lingvistiki = Theoretical basis of code switching and function of borrowings from the point of view of contact linguistics [Tekst] / Ju. V. Balakina,

A. V. Sosnin // Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija, 2015. – № 2. – C. 5-11.

3. Gavrilova, V. G. Marijsko-russkij bilingvizm: perekljuchenie i smeshenie kodov = Mari-Russian bilingualism: switching and mixing codes [Tekst] / V. G. Gavrilova. – Joshkar-Ola : Marijskij gos. un-t, 2014. – 211 s.

4. Golovko, E. V. Perekljuchenie kodov ili novyj kod? = Switching of codes or new code? [Tekst] / E. V. Golovko // Trudy fakul'teta jetnologii: sb. st. – SPb., 2001. – Vyp. 1. – C. 298-316.

5. Golovko, E. V. Jazyk komandorskih aleutov: dialekt ostrova Beringa = Language of the Commander Aleut: a dialect of Bering Island [Tekst] / E. V. Golovko, N. B. Vahtin, A. S. Asinovskij. – SPb. : Nauka, 2009. – 355 s.

6. Golovko, E. V. Jazykovye izmenenija i konstruirovanie gruppovoj identichnosti = Language changes and group identity constructing [Jelektronnyj resurs] / E. V. Golovko // Vestnik molodyh uchenyh. Serija: Filologicheskie nauki, 2001. – № 1. – S. 3-10. – URL: http://www.philology.ru/linguistics1/golovko-01.htm

7. Zurabova, L. R. Projavlenie interferencii v uslovijah jazykovogo kontakta na primere anglicizmov v kanadskom variante francuzskogo jazyka = The manifestation of interference under language contact conditions on the example of anglicisms in the Canadian variant of French [Tekst] / L. R. Zurabova // Tri «L» v paradigme sovremennogo gumanitarnogo znanija: lingvistika, literaturovedenie, lingvodidaktika: mezhkaf. sb. nauch. st.: posvjashheno 70-letiju O. V. Afanas'evoj / sost. i otv. red. O. Ja. Fedorenko; nauch. red. K. M. Baranova, O. G. Chupryna. – M., 2018. – S. 33-37.

8. Zurabova, L. R. Jazykovaja politika i transformacija identichnosti v kontekste sovremennyh globalizacionnyh processov = Language politics and identity transformation in the context of modern globalization processes [Tekst] / L. R. Zurabova // Voprosy gumanitarnyh nauk i upravlenija v sfere obrazovanija: sb. Nauch. st. po materialam nauch.-prakt. konf., posvjashh. jubileju V. V. Rjabova (g. Moskva, 10 okt. 2017 g.) / redkol. V. V. Kirillov (otv. red.), S. A. Dzhanumov i dr. – M. : Knigodel: MGPU, 2018. – S. 312-319.

9. Ionina, A. A. Sintaksicheskie osobennosti sovremennogo anglijskogo jazyka, ispol'zuemogo v Rossii = Syntax features of modern English used in Russia [Tekst] / A. A. Ionina // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 11 (65). – C. 86-89.

10. Kurohtina, T. N. K voprosu ob opredelenii ponjatija «surzhik» = To the question of the definition of the term « Surzhik» [Tekst] / T. N. Kurohtina // Slavjanovedenie. – 2012. – № 3. – S. 93-101.

11. Kurohtina, T. N. Jazykovye tendencii interferencionnyh processov v uslovijah kontaktirovanija ukrainskogo i russkogo jazykov = Language trends of interference processes in the context of contact between Ukrainian and Russian languages [Tekst] / T. N. Kurohtina // Slavjanskie jazyki i literatury v sinhronii i diahronii: Materialy mezhd. nauch. konf / redkol. M. L. Remnjova i dr. – M. : Maks Press, 2013. – S. 207-210.

12. Trunova, O. V. Jazyk kak pokazatel' social'nogo statusa i faktor nacional'noj identichnosti = Language as an indicator of a social status and a factor of national identity [Tekst] / O. V. Trunova, I. A Bubnova // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie». – 2017. – № 2 (26). – S. 62-71.

13. Appel, R. Language contact and bilingualism / R. Appel, P. Muysken. – Amsterdam : Oxford University Press, 2005. – 228 p.

14. Auer, P. From Code-switching via Language Mixing to Fused Lects: Toward a Dynamic Typology of Bilingual Speech / P. Auer // International Journal of Bilingualism, 1999. – № 4. – P. 309-332.

15. Butler, Y. G. Bilingualism and Second Language Acquisition / ed. by T. K. Bhatia, W. C. Ritchie // The Handbook of Bilingualism. – Estes : Blackwell Publishers, 2005. – P. 114-136.

16. Gregor, E. Russian-English Code-switching in New York City / E. Gregor. – Bern : Peter Lang, 2003. – 195 p.

17. Perrot, M.-E. Le trajet linguistique des emprunts dans le chiac de Moncton : quelques observations / M.-E. Perrot // Minorités linguistiques et société / Linguistic Minorities and Society, 2014. – № 4. – P. 200-218.

18. Perrot, M.-E. Statut et fonction du chiac: analyse de discours épilinguistiques / M.-E. Perrot // Francophonies d'Amérique, 2006. – № 22. – P. 141-152.

19. Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching / S. Poplack // The Bilingualism Reader. – London and New York : Routledge, 2000. – P. 221-256.

20. Thibault, A. Un code hybride français/anglais? Le chiac acadien dans une chanson du groupe Radio Radio / A. Thibault // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. – Stuggart, 2011. – № 1. – P. 39-65.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10500
УДК 81'34

М. В. Новиков https://orcid.org/0000-0002-2013-1919
Т. Б. Перфилова https://orcid.org/0000-0002-2498-8688

Первоначальная форма духовной культуры человечества: точка зрения Ф. И. Буслаева

Работа выполнена по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ, проект 33.7591.2017/8.9

В статье рассматриваются концептуальные подходы Ф. И. Буслаева к определению сущности мифа и мифологического сознания. Подчеркивается несовпадение понятий «миф» и «мифологическое сознание» в трактовке Буслаева: последнее манифестировало себя и в мифе, и в народной поэзии, и в религиозно-ритуальной практике, культуре повседневности, политико-правовых, нравственно-семейных реалиях. Отмечается противопоставление ученым двух типов мышления: мифологического и абстрактно-логического. Излагается мнение Буслаева об универсальности мифологического сознания: оно было свойственно всем без исключения народам Земли, причем в самые разные исторические эпохи, хотя он относил время его появления к первобытной эпохе и считал экспликацией бессознательного процесса мифотворчества народа. Источниками зарождения мифа, по мнению Буслаева, были языковое мировидение, потребность народа в веровании и неиссякаемость творческой фантазии. Рассматриваются подходы Буслаева к определению соотношения мифологии и религии. Акцентируются многофункциональность мифа и его полисемантизм, выявленные ученым.

Ключевые слова: человек архаических и древних обществ, язык, культура, мифологическое сознание, миф, языковое мировидение, народность.

CULTURAL SCIENCE

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

Original form of mankind’s spiritual culture: F. I. Buslaev’s point of view

The article considers the conceptual approaches of F. I. Buslaev to the definition of the essence of myth and mythological consciousness. It is stressed that the concepts «myth» and «mythological consciousness» differ in Buslaev's interpretation: the latter demonstrated itself in myth, folk poetry, religious and ritual practice, everyday life culture, political and legal, moral and family realities. It is noted that scientists oppose these two types of thinking: mythological and abstract-logical. Buslaev’s opinion on the universality of mythological consciousness is stated: it was characteristic of all peoples of the Earth without exception, and in various historical epochs, although he referred the time of its appearance to the primitive epoch and considered the expression of the unconscious process of mythogenesis of the people. The sources of the myth origin, according to Buslaev, were linguistic worldview, the need of the people for belief and the inexhaustibility of creative fantasy. Buslaev's approaches to determining the ratio of mythology to religion are considered. The multifunctional nature of the myth and its polysemy, identified by scientists, are emphasized.

Keywords: man of archaic and ancient societies, language, culture, mythological consciousness, myth, linguistic worldview, nation.

Проблема изучения свойственных архаическим и древним обществам систем представлений о мире, активно начала осваиваться представителями гуманитарного знания в XIX в. На язы-

© Новиков М. В., Перфилова Т. Б., 2019

ке науки того времени она озвучивалась как постижение неповторимого народного духа [34, с. 149] ради объяснения национальной уникальности, ценностно-смыслового характера традиционной национальной культуры, незыблемым фундаментом которой выступали эманации духовного бытия человека: язык, мифология, устная народная словесность.

Разбуженный немецким романтизмом интерес к исходным рубежам формирования самобытных начал этнокультурной общности, наидревнейшим памятникам национальной старины, содержавшим следы архаических способов мышления и восприятия, первозданные матрицы нравов, традиций, свидетельства первоначального исторического быта, консолидировал исследовательский потенциал представителей всех «гуманных» наук [15, с. 202], кто в лоне междисциплинарного синтеза искал способы постижения народного духа.

К их числу принадлежал и наш выдающийся соотечественник Фёдор Иванович Буслаев – филолог по образованию, которому удалось, преодолев границы узконаучной дисциплинарности, стать первым в России историком культуры. «Пытливая любознательность» учёного была сосредоточена на выявлении духовного склада русского народа – генетической ветви индоевропейской целостности, постижении мифологического по своей природе «народного миросозерцания», погруженного в культурно-исторический контекст. Его привлекали также алгоритмы сознания «грубого» человека, стереотипные ментальные установки архаических и древних народов, которые через образы – язык подсознания и систему взаимосвязанных символов участвовали в создании культурных универсалий и формировании национального образа мира.

Возникнув внутри сложно фиксируемого проблемного поля народности [1, с. 190-193], эти направления научных рефлексий Ф. И. Буслаева служили структурно-содержательному оформлению лексемы «народность». Помимо решения этой актуальной в годы жизни учёного задачи, его исследования были обращены в будущее – обоснование востребованности тех векторов движения научной мысли, которые сейчас ассоциируются с перспективами реализации междисциплинарной фундаментальной проблемы «Человек в обществе, истории и культуре». При помощи концепта «картина мира», который вычитывается в ткани многочисленных публикаций Ф. И. Буслаева, мы имеем возможность систематизировать результаты изучения учёным уникального способа культурного освоения мира первобытными и древними народами, коллективных социально-психологических реакций, обусловленных «привычками сознания», «продуктов народного духа», пропитанных представлениями о мире, человеке и социуме в их сопряжённости. Совокупность этих направлений творчества Ф. И. Буслаева сегодня вкладывается в содержание концепта «картина мира» [33].

А. Я. Гуревич, руководствуясь достижениями французской школы «Анналов» в изучении ментальных комплексов средневекового общества, стал первым отечественным историком, детально исследовавшим содержание понятия «картина мира» и обосновавшим культурно-исторический подход к изучению системы представлений о природном и социальном Универсуме «традиционных» обществ. Не делая различий между категориями «картина мира», «образ мира», «модель мира», «мировидение» и соединяя процесс изучения «виденья мира человеком» с исторически обусловленными и исторически изменчивыми структурами сознания, А. Я. Гуревич следующим образом охарактеризовал «картину мира». Это «представления о социальном и природном универсуме, присущие данной цивилизации на определённом этапе развития… Эти представления охватывают самые различные стороны действительности и выражают ту интерпретацию её, которая складывается в процессе многосторонней социальной практики людей – носителей данного типа культуры… Все… аспекты „мировиденья” людей определённого общества в ту или иную эпоху соотнесены между собой, координированы, образуют систему. Эта система одновременно и изменчива и стабильна: она изменяется во времени и варьируется в разных слоях, классах, группах общества и вместе с тем обнаруживает постоянство, в силу которого историк может говорить об определённом типе культуры… В контекст „образа мира” погружены все способы его восприятия, переживания и воспроизведения, включая язык и вообще все знаковые системы, которые используются в данном обществе… Историк культуры стремится постичь специфику мировосприятия людей изучаемой эпохи, способы мыслить и чувствовать [с тем, чтобы. – М. Н., Т. П.] вскрыть „духовное вооружение”, „умственную оснастку” людей» [28, с. 154-156].

Как и французские историки (Ф. Ариес, Ж. Ле Гофф, Л. Февр и другие), А. Я. Гуревич подчёр-

кивает значимость в картине мира «не сформулированных чётко и не вполне осознаваемых (или вовсе неосознаваемых) манер мыслить… которые присущи данной эпохе». Бессознательно-интуитивные «автоматизмы мысли», которые незаметно для человека навязываются ему языком, религией, культурными традициями, воспитанием и так же неосознанно воспринимаются, истолковываются учёным как «способы ориентации в социальном и природном мире», и называются ментальностью.

Историк обращает внимание на ценностный характер картины мира, которая может «властно определять поступки индивида, его поведение», мотивировать социальные и идейные коллизии, а следовательно, и влиять на исторический процесс [29, с. 34, 55, 65, 71, 95].

Основными категориями человеческого сознания, составляющими «сетку координат», при посредстве которых «люди воспринимают действительность и строят образ мира», А. Я. Гуревич называет «время, пространство, изменение, причину, судьбу, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому». Это универсальные, по его убеждению, обязательные для всего общества понятия и представления «космического» характера образуют основной семантический «инвентарь» культуры. Большей «социальной окраской» обладают такие категории, как «индивид, социум, труд, богатство, собственность, свобода, право, справедливость».

Исследователь подчёркивает, что для обществ с «традиционным мировосприятием» граница между «природным космосом и космосом социальным» является условной. [30, с. 30, 31, 35, 36].

В последние десятилетия появилось немало трудов, в которых концепт «картина мира» был подвергнут тщательному анализу. Рецепции выводов А. Я. Гуревича мы находим в статье О. В. Первушиной, которая, обобщив имеющийся в культурологии опыт интерпретации категории «картина мира», определяет её как способ восприятия и осмысления человеком мира, в котором – в зависимости от культурно-исторического контекста и доминирующих духовных практик – может преобладать то «план интуитивно- бессознательного, выраженный в мифологических, магических представлениях, образах и архетипах», то план рационально-логических и субъективных рефлексий, утверждающийся в эпоху Нового времени. Представляя собой фиксацию социокультурного опыта в виде «культурных текстов», картина мира не просто отражает систему воззрений человека на мир – она основана на ценностных, наиболее значимых для носителей культуры суждениях о мире «природных и искусственных порядков», их взаимодействии с человеком и социумом. В этих суждениях заключены смыслы и значения культурных феноменов, процессов и явлений, которые выполняют психолого-адаптационную функцию и выступают ориентирами в социальных практиках человека [34, с. 149, 152].

Приступив ещё в студенческие годы к прочтению древнейших рукописных памятников, Ф. И. Буслаев убедился в непосредственности чувств, наивности воззрений, причудливости мыслей своих пращуров. Исследования его научного кумира, Я. Гримма, подтверждали эти наблюдения: древние индоевропейцы, которые являлись предметом изучения немецкого мифолога-языковеда, обладали другим «языком» мировосприятия, мыслили и чувствовали иначе, чем европейцы XIX в. Незрелый разум «младенствующего» человечества, особым способом воспринимавшего и осмысливавшего мир, Ф. И. Буслаев стал называть «первобытным мышлением» [13, с. 185], «простосердечным мышлением» [6, с. 550], «мифологическим сознанием», «первоначальным воззрением человека на себя и на природу» [4, с. 512, 513, 515]. У него не возникало сомнений в том, что в изначальный – «мифический период» жизни народов господствующим приёмом «уразумения» многообразных проявлений Универсума был миф [25, № 10, с. 654, 671; 25, № 1, с. 293, 323]. Поэтому специфику мифологического сознания учёный пытался уяснить, исследуя прежде всего природу мифа, одной из дефиниций которого, по его представлениям, был отличный от современного «способ понимать вещи… способ мыслить и выражаться» [25, № 10, с. 680].

Вместе с тем и сущность мифа в концепции Ф. И. Буслаева не ограничивалась только этим определением [25, № 10, с. 679, 680], и внутреннее содержание мифологического сознания не всегда манифестировало себя исключительно в мифе, так как присутствовало во всех формах конкретно-образного эмоционально-интуитивного постижения-переживания мира: в разнообразных жанрах народной поэзии, религиозно-ритуальных практиках, опиравшейся на предания и обычаи повседневной культуре поведения, политико-правовых и нравственно-семейных реалиях.

«Мифология в его [Буслаева. – *М. Н., Т. П.*] понимании обнимает собой практически всю сферу деятельности первобытного человека. Эта мифология вполне мыслима без мифологических персонажей, просто как специфический склад мышления или особый взгляд на мир» [36, с. 635].

Являясь самым глубоким пластом представлений и совпадая с бессознательными компонентами психики человека архаических и древних обществ [16, с. 441], мифологическое мышление обладало уникальностью, ставившей его в оппозицию к абстрактно-логическим когнитивным процессам.

Главное отличие мифологического мышления от абстрактно-логического состояло в том, что первое всегда стремилось всё реальное, сущее облекать в оболочку невероятного (по сегодняшним меркам) – «чудесного», фантастического [23, с. 309, 310] и вместе с тем всем образно-символическим продуктам народной фантазии присваивать статусы обыденности, очевидности, правдивости, истинности, материальности, бытийности [4, с. 512].

Мифологическое мышление особым образом: совмещая быль и небыль, правду и вымысел, направляло процесс познания «пробуждённого ума» к достижению «заветных воззрений народа на жизнь и природу» [22, с. 414, 415] и в то же время табуировало «любознательную пытливость» как генерировавшейся им же «верой в чудесное», так и кодированием древнего «разумения» презумпцией святости архаики, её ценностным доминированием над современностью [2, с. 252; 4, с. 512; 21, с. 129].

Представляя собой сплав непреднамеренно и одновременно возникавших чувства, мысли и слова, мифологическое мышление находило материальное воплощение в таких эманациях народного духа, как онтологически и генетически близкие язык, миф, народная словесность [12, с. 210; 22, с. 412; 26, с. 1].

Мифологическое мышление в первую очередь, а не динамично развивавшийся материальный, военный и юридический быт, управляло духовной жизнью народа, поведенческими реакциями людей, осмыслением социальных явлений на протяжении тысячелетий. Оно было внеисторичным, выступающим «из пределов исторического течения времени», придавая «стоячие» свойства архетипическим основаниям национальной культуры [16, с. 439, 440].

Изменявшиеся условия исторического быта могли вытеснять из народного сознания утратившие актуальность темы и сюжеты, образы и мифологические персонажи [2, с. 283; 22, с. 415]. Однако эти коррективы не затрагивали главного: способа осмысления подновлявшейся реальности, коренных свойств мифологического мышления, которое по-прежнему переплавляло в своей магме действительность, сообщая ей изобразительность и художественность, затейливость и таинственность [13, с. 189-191].

Человек с мифологическим мышлением осуществлял понимание мира «без участия воли и сознания». В этом понимании были «заключены те зародыши религиозных и мифологических верований и убеждений, которыми растворяется… предание уже при самом его зарождении». Приняв мир через призму мифологического мышления, человек и дальше будет «разуметь» его и выражать свои мысли и эмоции тоже исключительно в категориях «мифологических убеждений и воззрений». Они насквозь пронизывали процесс мировидения, сопровождали описание любых проявлений жизни и быта, глубоко входили в сам «национальный склад», так как являлись «языком», единственно понятным носителям культуры [2, с. 283; 4, с. 500, 514, 515].

Мифологическое мышление свойственно всем без исключения народам, создающим образ реальности через эмоциональные реакции, бессознательное восприятие мира. Оно является тотальным признаком состояния духовной жизни всего человечества, причём не только на первобытной ступени существования, но и значительно позже: пережитки религиозно-мифологического мировоззрения глубокой древности сохранились в Европе до эпохи Реформации, а в крестьянской среде России они проявляют живучесть и сейчас, утверждал Ф. И. Буслаев [3, с. 202, 204; 7, с. 200-206; 14, с. 3, 41-44; 20, с. 133].

Знание «общих законов развития человеческого духа, который в своём младенчестве везде и всегда выражается одинаковыми явлениями» [11, с. 252; 23, с. 309, 310], давало Ф. И. Буслаеву основание использовать для описания скрытых механизмов мирочувствования человека древности смысловое пространство слова или текста, отождествляя, в духе умозаключений В. Гумбольдта, процессы мысле- и словообразования. Полагая, что слово является полным тождеством мысли, а мысль – аналогом психических регуляторов человеческого духа, Ф. И. Буслаев экстраполировал проблемы психологии коллективной личности и надындивидуального творче-

ства в плоскость языковых явлений. Неслучайно поэтому специфика архаического сознания, не различавшего предмет и его символическую форму, существо и наименование, действие и причину, произведение и производителя, трактовалась им в привычном ключе теоретической лингвистики: разнообразные функции мозга и сложные психические реакции человека отождествлялись с творческими потенциями языка и интерпретировались в плоскости языкового мировидения [9, с. 481; 13, с. 159, 161-169].

Пусковым механизмом для приведения в действие «творческой фантазии» языка с его неудержимой потребностью к «игре звуков и представлений» было «живое воззрение» древнейших представителей человеческого рода на мир. «Бесконечно разнообразное сцепление впечатлений» пробуждало «наивную мысль», которая зарождалась «за один раз с членораздельными звуками». Затем начинали проявлять себя «слагающие и разлагающие силы рассудка» – «простейшие и первоначальные приёмы мышления»: сравнение, «противоположение», врождённая потребность в художественных тропах.

В ходе срастания языка и мысли осуществлялся акт номинации предмета или явления, оказавших на «духовную природу» человека неизгладимое впечатление. Следовательно, утверждал Ф. И. Буслаев, «целый мир своих собственных ощущений и представлений» – не что иное как непосредственную реакцию органов чувств человек выдавал за качества и признаки окружавшего его мира. Это свойство первобытного сознания, руководимого «разумом слова», воплощать в новую образно-символическую реальность эмоциональные реакции и превращало процесс постижения Универсума в мировидение, мирочувствование, миросозерцание. «Картинное, наглядное» впечатление от предмета познания удерживалось и при производстве отвлечённых понятий (душа, божество), так как «мифологическая логика» не умела оперировать умозрительными категориями [9, с. 481; 13, с. 159, 160, 166, 168, 169, 172, 177, 179], дистанцированными от «вещной» природы бытия.

Для Ф. И. Буслаева был очевиден тот факт, что миф как «первоначальное проявление сознания народного» [8, с. 138; 10, с. 65, 66] невозможно отделить от языка его создателей, который был истинной «сокровищницей первоначальных воззрений человека на себя и на природу» [2, с. 261; 4, с. 515]. И миф, и язык подчинялись одному и тому же закону – непреодолимости и неисчерпаемости «творческой фантазии» «духа народного» [13, с. 159, 161; 17, с. 597]. И тот, и другой изображали мир таким, каким его ощущал человек, являясь частью конкретной этнокультурной группы с её исторической судьбой и «условиями народного быта»; вбирали «все умственные и нравственные интересы народа» [13, с. 186, 187; 26, с. 18, 19]. И язык, и миф были детерминированы безличным духом народа, создавались «всей массой народа», являлись его «общим достоянием», не допускавшим произвола индивидуального, субъективного, пристрастного [10, с. 65, 66; 26, с. 3, 6]. Поэтому отделить язык от «мифического предания» или не заметить неразличимость «языкового и мифологического мышления» невозможно: и в способе восприятия мира, и в мыслительных традициях его понимания, и в приёмах сохранения информации о художественно преобразованной действительности всегда присутствовал рождённый мифом образ мыслей людей, сохранённый языковым фондом создателей культуры [4, с. 515; 8, с. 138].

Закон релевантности языковых процессов и «народных верований», открытый немецкой наукой и подтверждённый Ф. И. Буслаевым, позволил ему вплотную подойти к осмыслению глубинных пластов человеческого сознания, в частности, к выявлению причин появления мифологического мышления и такой его эманации, как миф.

Констатируя «доисторическое, тёмное» происхождение мифа, Ф. И. Буслаев относил время его появления к «бессознательной, первобытной жизни народа» [8, с. 137] и видел истоками его зарождения «мифические формы языка» [25, № 10, с. 679] (языковое мировидение), потребность народа в веровании и неиссякаемую деятельность творческой фантазии, преобразующей в миф непосредственное «живое воззрение» человека на мир [25, № 10, с. 684; 26, с. 18].

Не всегда противопоставляя религиозную и мифологическую формы сознания [4, с. 513], в которых и по сей день наблюдается немало общего [27, с. 363, 376; 31, с. 50; 32, с. 13; 35, с. 281] учёный в ходе многолетних исследований всё же смог обнаружить в главных мировоззренческих компонентах культуры древности – религиозной и мифологической системах – не только сближающую их разновидность «догмата исповедания», основанного на идеях божественного начала и бессмертия. В мифологии не следует видеть, как в религии, исключительно «округлённую систему учения о богах и полубогах» [25, № 10, с. 679], – заявлял он, потому что миф,

находясь в тесной связи с религией, всё же к ней не сводим: миф был «первой умственной попыткой [человека. – *М. Н., Т. П.*] дать себе отчёт об окружающем мире… первым шагом к познанию природы и себя самого в отношении к ней» [2, с. 252].

Следовательно, в мифологии как наидревнейшей системе мировосприятия содержались донаучные представления о мире, социуме, человеке, которые стали исходным материалом для последующих подлинно научных рефлексий.

Ф. И. Буслаев считал мифологию, как и язык, «главнейшей нравственной основой» национальности, подчёркивал наличие «мифической основы» во всех видах национального «эпического предания», наблюдал «органическую живую связь» всех видов «эпического целого», создававшегося мифологическим сознанием [2, с. 283; 26, с. 1, 19, 23, 43]. Однако, тесно срастаясь с анонимной «родной стариной» и превратившись в фундамент национальной культуры и истории, миф не утонул в «общем национальном предании», не лишился своей особости. Он оказался не просто повествованием, причудливо-фантазийно изображающим действительность, и не стал одним из жанров словесности. Миф всегда содержал определённое представление о мире, которое в силу бессознательно-художественного характера мифотворчества, метафоричности языка и нерасчленённости мифологического мышления просачивалось в разнообразные формы словесного и визуального искусства, придавая им мифологизированное содержание [3, с. 201; 5, с. 234; 19, с. 456-475; 22, с. 404, 405; 23, с. 352; 25, № 4, с. 592-602].

Миф предлагал всем видам духовного творчества народа своё истолкование природных и социальных установлений, то есть он форматировал религиозно-мифологические воззрения на мир, убеждения и нормы поведения; через посредничество художественных образов и сюжетов воспитывал нравственные ориентиры и эстетический вкус создавшего его народа. Это происходило потому, что для человека архаических и даже древних обществ миф «соединялся с началом знания, чародейства и заклинания, а также права и языческих обрядов» [26, с. 18, 19].

Как «вещее слово», свято хранимое коллективной памятью, миф не воспринимался отдельно от «мысли и поэзии, вымысла и истории, обряда и поэтической речи» [7, с. 180, 244, 245]. Тот факт, что миф сопровождал религиозно-магические ритуалы – «языческие обряды», служил гарантией бережного отношения народа к национальному мифологическому достоянию, придавая ему статус священной реликвии.

Многофункциональность мифа и его полисемантизм – способность из слова-образа «метастазировать» в основание национальной культуры и превращаться в универсальный способ выражения народного духа – выдавали в нём сложный психолингвистический и социокультурный феномен. Все грани его ещё не были подвластны изучению «гуманных» наук XIX в., но Ф. И. Буслаеву, совмещавшему в своих исследованиях гносеологические возможности многих отраслей знаний (лингвистики, литературоведения, истории, этнографии, «народной психологии»), удалось раньше других соотечественников подойти к осмыслению сущности мифа. Добытые в эпоху господства позитивизма неоспоримые свидетельства «первобытности доисторической картины всего рода человеческого» [25, № 10, с. 699] предоставили ему возможность на широкой этнографической платформе обосновать ранее выдвинутые положения о мифе как «живом отголоске ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений» [24, с. 517] любого народа на изначальной ступени его культурно-исторического развития. Доказав, что мифотворчество является общей и всеобъемлющей формой духовной культуры человечества, Ф. И. Буслаев связал миф с особым способом мировидения – парадигмой первобытного взгляда на мир, который только и мог возникнуть при безотчётно-чувственной, безусловной, непредсказуемой реакции «первобытного мышления» на исходящие извне вызовы сначала природной, а затем и социальной среды. Став единственным приёмом «уразумения» мира, миф детерминировал «картину жизни» и поведенческие привычки людей архаических и древних обществ.

Убеждение в том, что миф был важнейшим явлением истории культуры человечества, господствовавшим над его психоэмоциональной и духовной жизнью, с одной стороны, и признание неоспоримости факта «участия языка в духовном развитии народа» – с другой, составляет суть мифологической концепции Ф. И. Буслаева. Очевидно, что в его трактовке мифа, мифотворчества, мифологического типа мышления содержались прообразы многих последующих теорий и направлений изучения первоначальной формы духовной культуры человечества, всеобщих древнейших мировоззренческих систем.

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики: в 2 т. : Т. 1 [Текст] / М. К. Азадовский. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 479 с.

2. Буслаев, Ф. И. Бытовые слои русского эпоса [Текст] // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 245-284.

3. Буслаев, Ф. И. Византийская и древнерусская символика по рукописям от XV до конца XVI в. [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. : Т. 2. Древнерусская народная литература и искусство. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 199-215.

4. Буслаев, Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве [Текст] // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства: в 3 т. : Т. 1. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1908. – С. 459-522.

5. Буслаев, Ф. И. Древнерусская борода [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 2. – С. 216-237.

6. Буслаев, Ф. И. «Индо-германы, или сайване» А. Ф. Вельтмана [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья и коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 546-559.

7. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859-1860 г.) [Текст] // Старина и Новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М. : Синодальная типография, 1904. – Кн. 8. – С. 97-375.

8. Буслаев, Ф. И. Мифические предания о человеке и природе, сохранившиеся в языке и поэзии // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 137-150.

9. Буслаев, Ф. И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 470-493.

10. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М. : В университетской типографии, 1848. – 211 с.

11. Буслаев, Ф. И. О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 1. – С. 250-256.

12. Буслаев, Ф. И. Об эпических выражениях украинской поэзии [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 1. – С. 210-230.

13. Буслаев, Ф. И. Областные видоизменения русской народности [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 1. – С. 151-209.

14. Буслаев, Ф. И. Общие понятия о русской иконописи [Текст] // Буслаев Ф. И. Сочинения по археологии и истории искусства. Т. 1. – С. 1-193.

15. Буслаев, Ф. И. Памятник тысячелетию России [Текст] // Буслаев Ф. И. Мои досуги: собранные из периодических изданий мелкие сочинения: в 2 ч. : Ч. 2. – М. : В Синодальной типографии, 1886. – С. 187-208.

16. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 439-469.

17. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 1. – С. 548-643.

18. Буслаев, Ф. И. Русская поэзия XI и начала XII века [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 1. – С. 377-400.

19. Буслаев, Ф. И. Русские духовные стихи [Текст] // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. – С. 434-501.

20. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. – С. 1-215.

21. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки… Т. 1. – С. 78-136.

22. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. – С. 401-454.

23. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. – С. 308-354.

24. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – С. 516-537.

25. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. – М., 1872. – № 10. – С. 645-727; 1873. – № 1. – С. 293-329; 1873. – № 4. – С. 568-649.

26. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки ... Т. 1. – С. 1-77.

27. Губман, Б. Л. Современная философия культуры [Текст] / Б. Л. Губман. – М. : РОССПЭН, 2005. – 536 с.

28. Гуревич, А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики [Текст] // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – С. 153-167.

29. Гуревич, А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов» [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Индрик, 1993. – 328 с.

30. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.

31. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу. Становление греческой философии [Текст] / Ф. Х. Кессиди. – СПб. : Алетейя, 2003. – 360 с.

32. Мифы народов мира [Текст] : энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998.

33. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Методологические подходы Ф. И. Буслаева к изучению мифологического сознания [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 6. – С. 291-302.

34. Первушина, О. В. Концепт «картины мира» в системе культурологии и социально-гуманитарных наук [Текст] // Мир науки, культуры и образования. – Горно-Алтайск, 2008. – № 5(12). – С. 148-153.

35. Токарев, С. А. Ранние формы религии [Текст] / С. А. Токарев. – М. : Политиздат, 1990. – 622 с.

36. Топорков, А. Л. Ф. И. Буслаев: филолог и мыслитель [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья и комментарии А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 634-642.

Reference List

1. Azadovskij, M. K. Istorija russkoj fol'kloristiki: v 2 t. : T. 1 = History of Russian folklore: in 2 vol.: Vol. 1 [Tekst] / M. K. Azadovskij. – M. : Gos. uch.-ped. izd-vo Ministerstva prosveshhenija RSFSR, 1958. – 479 s.

2. Buslaev, F. I. Bytovye sloi russkogo jeposa = Household layers of the Russian epos [Tekst] // Buslaev F. I. Narodnaja pojezija. Istoricheskie ocherki. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 245-284.

3. Buslaev, F. I. Vizantijskaja i drevnerusskaja simvolika po rukopisjam ot XV do konca XVI v. = Byzantine and ancient Russian symbols on manuscripts from the XV to the end of the XVI century. [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. : T. 2. Drevnerusskaja narodnaja literatura i iskusstvo. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 199-215.

4. Buslaev, F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve = Guesses and dreams of primitive humanity [Tekst] // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva: v 3 t. : T. 1. – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1908. – S. 459-522.

5. Buslaev, F. I. Drevnerusskaja boroda = Old Russian beard [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 2. – S. 216-237.

6. Buslaev, F. I. «Indo-germany, ili sajvane» A. F. Vel'tmana = «Indo-Germans, or saivans» by A. F. Veltman [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja i komment. A. L. Toporkova. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 546-559.

7. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. nasledniku Cesarevichu Nikolaju Aleksandrovichu (1859-1860 g.) = Lectures of F. I. Buslaev to His Imperial Highness heir Czarevitch Nikolai Aleksandrovich (1859-1860) [Tekst] // Starina i Novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra III. – M. : Sinodal'naja tipografija, 1904. – Kn. 8. – S. 97-375.

8. Buslaev, F. I. Mificheskie predanija o cheloveke i prirode, sohranivshiesja v jazyke i pojezii = Mythical stories about man and nature preserved in language and poetry // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. T. 1. Russkaja narodnaja pojezija. – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 137-150.

9. Buslaev, F. I. «Mysli ob istorii russkogo jazyka» I. Sreznevskogo = Thoughts on the Russian language history [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – S. 470-493.

10. Buslaev, F. I. O vlijanii hristianstva na slavjanskij jazyk. Opyt istorii jazyka po Ostromirovu evangeliju = On the influence of Christianity on Slavic. Experience of language history according to the Ostromir gospel [Tekst] / F. I. Buslaev. – M. : V universitetskoj tipografii, 1848. – 211 s.

11. Buslaev, F. I. O srodstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, otnosjashhimsja k jepohe jazycheskoj = About the affinity of one Russian spell with German, referring to the era of pagan [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 1. – S. 250-256.

12. Buslaev, F. I. Ob jepicheskih vyrazhenijah ukrainskoj pojezii = About epic expressions of Ukrainian poetry [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 1. – S. 210-230.

13. Buslaev, F. I. Oblastnye vidoizmenenija russkoj narodnosti = Regional modifications of the Russian people [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 1. – S. 151-209.

14. Buslaev, F. I. Obshhie ponjatija o russkoj ikonopisi = General concepts of Russian iconography [Tekst] // Buslaev F. I. Sochinenija po arheologii i istorii iskusstva. T. 1. – S. 1-193.

15. Buslaev, F. I. Pamjatnik tysjacheletiju Rossii = Monument to the millennium of Russia [Tekst] // Buslaev F. I. Moi dosugi: sobrannye iz periodicheskih izdanij melkie sochinenija: v 2 ch. : Ch. 2. – M. : V Sinodal'noj tipografii, 1886. – S. 187-208.

16. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» = Letter to the author of «History of Russia» [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 439-469.

17. Buslaev F. I. Povest' o Gore i Zlochastii, kak Gore-Zlochastie dovelo molodca vo inocheskij chin = The Tale of Grief and Zlochastie (Evil), How Grief-Zlochastie brought the young man to the monastic rank [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 1. – S. 548-643.

18. Buslaev, F. I. Russkaja pojezija XI i nachala XII veka = Russian poetry of the XI and early XII century [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 1. – S. 377-400.

19. Buslaev, F. I. Russkie duhovnye stihi = Russian spiritual verses [Tekst] // Buslaev F. I. Narodnaja pojezija. – S. 434-501.

20. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos = Russian heroic epos [Tekst] // Buslaev F. I. Narodnaja pojezija. – S. 1-215.

21. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovicy = Russian life and proverbs [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki… T. 1. – S. 78-136.

22. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos = Russian national epos [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... T. 1. – S. 401-454.

23. Buslaev, F. I. Slavjanskie skazki = Slavic fairy tales [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki... T. 1. – S. 308-354.

24. Buslaev, F. I. «Sravnenie russkih slov s sanskritskimi» A. S. Homjakova = «Comparison of Russian words with Sanskrit» by A. S. Khomyakov [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – S. 516-537.

25. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i pojezii = Comparative study of folk life and poetry [Tekst] // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – M., 1872. – № 10. – S. 645-727; 1873. – № 1. – S. 293-329; 1873. – № 4. – S. 568-649.

26. Buslaev, F. I. Jepicheskaja pojezija = Epic poetry [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki ... T. 1. – S. 1-77.

27. Gubman, B. L. Sovremennaja filosofija kul'tury = Modern philosophy of culture [Tekst] / B. L. Gubman. – M. : ROSSPJeN, 2005. – 536 s.

28. Gurevich, A. Ja. Voprosy kul'tury v izuchenii istoricheskoj pojetiki = Cultural issues in the study of historical poetry [Tekst] // Istoricheskaja pojetika. Itogi i perspektivy izuchenija. – M. : Nauka, 1986. – S. 153-167.

29. Gurevich, A. Ja. Istoricheskij sintez i shkola «Annalov» = Historical synthesis and school «Annalles» [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – M. : Indrik, 1993. – 328 s.

30. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury = Categories of medieval culture [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – M. : Iskusstvo, 1984. – 350 s.

31. Kessidi, F. H. Ot mifa k logosu. Stanovlenie grecheskoj filosofii = From myth to logos. Development of Greek philosophy [Tekst] / F. H. Kessidi. – SPb. : Aletejja, 2003. – 360 s.

32. Mify narodov mira = Myths of the world peoples [Tekst] : jenciklopedija v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. – M. : NI «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1998.

33. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Metodologicheskie podhody F. I. Buslaeva k izucheniju mifologicheskogo soznanija = F. I. Buslaev's methodological approaches to study mythological consciousness [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 291-302.

34. Pervushina, O. V. Koncept «kartiny mira» v sisteme kul'turologii i social'no-gumanitarnyh nauk = Concept «picture of the world « in the system of culturology and social-human sciences [Tekst] // Mir nauki, kul'tury i obrazovanija. – Gorno-Altajsk, 2008. – № 5(12). – S. 148-153.

35. Tokarev, S. A. Rannie formy religii = Early forms of religion [Tekst] / S. A. Tokarev. – M. : Politizdat, 1990. – 622 s.

36. Toporkov, A. L. F. I. Buslaev: filolog i myslitel' = F. I. Buslaev: phylologist and thinker [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja i kommentarii A. L. Toporkova. – M. : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 634-642.

Дата поступления статьи в редакцию: 20.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10501
УДК 41.336:28(560)»12/21»

О. В. Розина https://orcid.org/0000-0002-7664-0640

Ордена и обители суфиев в Турции: историко-культурологическое исследование

В условиях современного цивилизационного противостояния возрастает научный и общественный интерес к религиозным традициям, способствующим формированию конфессиональной и культурно-национальной идентичности и противостоянию вызовам глобализации и либерализма. Особенного внимания заслуживают мистические течения традиционных религий, так как любая из них предполагает личное общение с Богом, способствующее постижению глубинных жизненных ценностей и смыслов, искаженных в постмодернистском обществе конце XX–начала XXI вв. Не является исключением и суфизм, оказавший сильное влияние на развитие не только восточной, но и западноевропейской культуры – этики, эстетики, музыки, литературы. Вместе с тем следует отметить антиномичность любой религиозной традиции и невозможность ее глубинного познания лишь рациональными методами, без внутреннего приобщения к ней и религиозной практики. Традиционно считается, что к XII–XIV вв. в исламском мире сложилось 12 суфийских орденов (братств), два из которых – на территории современной Турции (остальные, в основном, – в Ираке, Иране, Афганистане, Средней Азии, Северной Африке). Обители Хаджи Бекташа в Каппадокии и Джалаладдина Руми в Конье, несмотря на их музейный статус, до сих пор являются местом традиционного паломничества и поклонения их основателям. Религиозная практика этих орденов, а также взгляды их эпонимов и последователей были различны, однако, их объединяло стремление к поиску и познанию Божественной истины, воспитание «совершенного человека», сумевшего возвыситься над негативными чертами своей природы, а также призывы быть свободным от духовных болезней «мира сего». В периоды создания и расцвета ордена Бекташия и Мевлеви оказали большое влияние на становление турецкой государственности и национальной общности, во время запретов они существовали нелегально, а в условиях нынешнего духовного возрождения продолжают влиять на политическую и религиозную жизнь мусульманского общества.

Ключевые слова: ислам, суфий, дервиш, суфийские ордена, Хаджи Бекташ, Каппадокия, Джалаладдин Руми, Конья, Сельджукский (Румский) султанат.

O. V. Rozina

The Sufi orders and monasteries in Turkey: the historical and cultural study

In the conditions of modern civilizational confrontation, scientific and public interest in religious traditions increases. Those traditions contribute to the formation of religious, cultural and national identity and confront the challenges of globalization and liberalism. Special attention should be paid to the traditional religion mystical movements, as any of them involves personal contact with God, contributing to the understanding of the deep life values and meanings distorted in postmodern society in late XX–early XXI. The Sufi movement is of no exception. It had a strong influence on the development of not only Eastern but also Western European culture – ethics, aesthetics, music, literature. However, it should be noted the antinomy of any religious tradition and the impossibility of its deep knowledge by only rational methods, without internal involvement and religious practice. Traditionally, to the XII–XIV centuries in the Islamic world has developed 12 of the Sufi orders (brotherhoods), two of them – on the territory of modern Turkey (the rest are mostly in Iraq, Iran, Afghanistan, Central Asia, North Africa). The abodes of Haji Bektash in Cappadocia and Jalaladdin Rumi in Konya, despite their Museum status, are still the place of traditional pilgrimage and worship of their founders. The religious practice of these orders, as well as the views of their eponyms and followers were different, however, they were united by the desire to search for and knowledge of the divine truth, the education of the «perfect man», who managed to rise above the negative features of his nature, as well as calls to be free from spiritual diseases of «this world». During the creation and the heyday of the Bektashiya and Mevlevi orders had a great influence on the formation of the Turkish state and the national community, during the prohibitions they existed illegally, and in the conditions of the current spiritual revival continue to influence the political and religious life of the Muslim society.

Keywords: Islam, Sufi, dervish, Sufi orders, Haji Bektash, Cappadocia, Jalaladdin Rumi, Konya, Seljuk (Rum) Sultanate.

© Розина О. В., 2019

Суфизм – одно из самых загадочных мистических религиозных течений. Как и любая иная мистика, он предполагает личное общее с Божественным началом, благодаря которому постигается истинный смысл религиозной практики, жизненных ценностей и целей. Однако отношение к суфизму различно, как в научных исследованиях, так и в историко-культурологических источниках.

В мусульманских обществах Средневековья суфизм не противопоставлялся исламу, являясь частью религиозной жизни и практики. Суфийские наставники почитались мусульманами за проповедование аскетизма и духовности. В противоположность такого подхода исламский фундаментализм, воспринимаемый, порой, как единственно верный вариант ислама, а на самом деле это всего лишь антимодернистское его направление, полагает, что суфизм – это пережиток средневековых суеверий и идолопоклонство. Действительно, в суфизме принято поклонение могилам основателей и возвеличивание наставников (Учителей), что не прийто в традиционном исламе. Ученые-востоковеды, с «легкой руки» который в европейские языки вошло само понятие суфизма, рассматривают его как описательный термин для обозначения совокупности верований и религиозной практики, считая его мистической стороной ислама. Но подобное определение не учитывает общественно-социальную и политическую жизнь суфиев, которая весьма активна и в наши дни во многих исламских государствах и на Балканах. Ненаучные источники, в том числе и сами произведения суфиев, обращают внимание на универсализм мистицизма, как сердцевину любой религиозной традиции, поэтому находят своих сторонников в разных религиях – и в христианстве, и в иудаизме и в буддизме и т. д. [подробнее: 12, с. 5-14].

Действительно, «Легенды о Ходже Насреддине» удивляют мудростью и прозорливостью странствующего муллы – классического фольклорного персонажа, придуманного дервишами еще в XIII веке. В турецком городе Акшехир (в 140 км от Коньи), стоящем рядом с одноименным пресноводным озером и на пути из Багдада в Константинополь, даже существует его тюрбе (гробница), а местные жители утверждают, что именно здесь он и родился, хотя до сих пор нет достоверных данных о реальности этого персонажа. Следы суфийских влияний находят в литературных произведениях любой западноевропейской страны. Так, в легенде о Вильгельме Телле (Швейцария) иногда видят видоизменную эпическую поэму суфийского мыслителя из Персии Фарададдина Аттара «Беседа птиц» («Язык птиц» или «Парламент птиц»), созданную еще в XII веке. Дон Кихот кажется самым типичным из всех испанцев, однако повествование Сервантеса часто напоминает случаи из жизни легендарного суфийского учителя Сиди Кишара (кстати, их имена не случайно так созвучны). Мудрость суфиев находят и в сказках «Тысячи и одной ночи», и в баснях Эзопа.

Столь многообразные оценки суфизма проистекают, на наш взгляд, из-за того, что рациональная научная методология в полной мере не применима к познанию религии, как целостной системы, в которой господствует религиозный метод познания в условиях антиномичности познавательного объекта (религии). Любая религиозная традиция антиномична, то есть в ее базовых понятиях (догматах) зачастую одновременно признаются истинными противоположные утверждения. Для рационального мышление логика религиозного метода кажется противоречивой или парадоксальной, хотя на самом деле она лишь отражает сущность принципиально иного мировоззрения, иного видения мира. По мысли русского философа Н. А. Бердяева, «религиозная жизнь по существу антиномична, она заключает в себе для разума несовместимые и противоречивые тезисы и таинственно снимает эти противоречия. Антиномичность трансцендентного и имманентного разумно неразрешима и непреодолима; она изживается в религиозном опыте и тем снимается. В высшем озарении снимаются противоположности» [2, с. 276]. Таким образом, познание любой религиозной традиции в полной мере невозможно лишь рациональными методами, но требует внутреннего «погружения», то есть причастности к ней (религиозной практики). По мысли П. А. Флоренского, необходимо «реальное единение познающего и познаваемого. Это основное и характерное положение всей русской и вообще восточной философии» [9, с. 73].

Поэтому в данном исследовании обратим внимание не столько на догматические или религиозно-философские аспекты суфизма, познание которых затруднено без духовного

проникновения в их сущность, сколько на историко-культурное состояние обителей суфийских орденов (братств) Бекташийа и Мевлевия, возникших и расположенных в современной Турции. Они являются двумя из 12 орденов суфиев, сложившихся к XII–XIV вв. в исламском мире и имевших различные «разветвления». Остальные суфийские братства возникли в Ираке: на юге – рифаия, в центральной части (Багдад) – сухравардия, на северо-западе – халватия, пограничье с Ираном – кадирия, а также в Северной Африке (шазилия), Афганистане и Индии (чиштия), Средней Азии (Ургенч в Узбекистане) – кубравия и Бухара – накшбандия, Египет (бадавия), Центральная Азия (ясавия). На их возникновение оказали влияние хорасанская, месопотамская, мавераннахрская и магрибинская мистические традиции.

Хаджи Бекташ Вели – эпоним ордена Бекташийа – считается выходцем из города Нишапур, расположенного в Хорасане – исторической области современного Туркменистана и восточного Ирана – родины Али ибн Муса Аль-Реза («имама Резы») (766-818) – восьмого шиитского имама и прямого потомка пророка Мухаммада; поэта Фирдоуси (935-1020); поэта, философа, математика и астронома Омара Хайяма (1048-1131), чьи философские четверостишья (рубаи) используют суфии в процессе обучения, пытаясь постичь внутренние смыслы вещей и явлений.

Дата рождения Бекташа неизвестна, как и точная дата смерти (называются 1270-1271 и 1291-1292 гг.). Основной источник биографических сведений о нем – сочинение Узуна Фирдоуси «Вилайат-наме», написанное на турецком языке в период между 1481 и 1501 годами, лишь фрагментарно переведенное на русский язык. Но его содержание во многом легендарно и проверить достоверность сведений не представляется возможным.

Согласно этому сочинению, Хаджи Бекташ был потомком седьмого из двенадцати имамов, считающихся в шиизме прямыми преемниками пророка Мухаммада. Хорасан, как место рождения основателя ордена, выбран не случайно: житийная турецкая литература XV века часто называет персонажей «святыми из Хорасана», так как здесь было развито мистико-аскетическое движение маламатия, направленное против внешней обрядовости и оказавшее влияние на создание суфийского ордена (тариката) Каландария – бродячих дервишей. В отличии от христианства у них отсутствовала центральная духовная власть, а дервиши не давали обетов безбрачия, послушания и нестяжательства, как монахи, но они вели аскетический образ жизни и могли после странствий возвращаться в обитель (ханаку), вход и выход из которой был максимально облегчен (в отличии от монастыря).

Считается, что Хаджи Бекташ был последователем поэта и одного из первых тюркоязычных суфийских мистиков Ходжи Ахмеда Ясави – основателя тариката (ордена) Ясавия, распространенного среди кочевников Центральной Азии. Однако это преемство скорее духовное, нежели реальное: Ахмед Ясави умер в 1166 году, то есть еще до рождения Бекташа.

Хаджи Бекташ был весьма образованным человеком своего времени и прекрасно знал математику, физику, философию и литературу. Но главным для него стало изучение и познание суфизма, как пути бесконечной любви и служения людям. Со временем Хаджи Бекташ покидает родной Хорасан и отправляется в паломническую поездку. Он посещает Мекку, ряд сирийский городов, путешествует по Персии, Ираку и Аравии.

Суровые испытания жителям Анатолии принес XIII век: здесь разворачивались драматические процессы рождения Османского турецкого государства. Жители страдали от поборов завоевателей, междоусобной борьбы местных правителей за трон, экономической и политической нестабильности. Достоверно известно, что Бекташ, появившись в центральной Турции, возможно, из Мекки, участвовал в восстании против власти Сельджукского (Конийского или Румского) султаната вместе с братом Менташем. После поражения выступления и казни брата он остался Кыршехире, в деревне Сулуджакарахёюк («деревня семи домов», ныне Хаджибекташ), где основал свой тарикат, и где после кончины был похоронен.

Учение Бекташа реконструируется на основе его изречений, переведенных с турецкого на арабский язык – книга «Малакат». Вся жизнь человека, как считал Хаджи Бекташ, есть бесконечный поиск гармонического единства тела и души, нескончаемого движения в своей любви к Богу, Вселенной и человечеству: «Жар в огне, а не на сковороде, счастье в кафтане, а не в короне, все, чего бы ты ни искал, ищи в себе,

потому что это не в Мекке, Иерусалиме и не в паломничестве». Во взглядах Хаджи Бекташа религиоведы находят много заимствований из шиизма (почитание пророка Али), христианства (крещение), отступления от традиционного ислама (например, употребление в ритуальной практике вина), считая это учение в целом синкретическим. Вместе с тем в эпоху рождения нового турецкого государства Хаджи Бекташ выступал за сохранение культурных традиций турецкого народа, его языка, обычаев и верований. Его учение не было фанатичным, оно основывалось на общечеловеческих идеалах и ценностях и по сей день находит своих приверженцев не только на Востоке, но и на Западе. Хаджи Бекташ был сторонником распространения просвещения и современных времени знаний, поэтому его обитель была одним из культурных центров Каппадокии.

Как утверждается в некоторых исследованиях, Бекташ являлся покровителем янычар, но на самом деле он не участвовала в образования янычарского войска ни при султане Мураде I (1362-1389), ни даже при его отце Орхане Гази (1324-1362), так как скончался задолго до этих событий. Вместе с тем, действительно, янычары связывали свое происхождение с традиций почитания Хаджи Бекташа, а с XV веке и до роспуска янычарского корпуса 1826 году все они приписывались к ордену, настоятель которого считался командиром их 99-й роты. После роспуска корпуса янычар был распущен и орден, но он просуществовал в Турции фактически до 1925 года (государственного запрета на любые религиозные ордена после победы кемалистской революции) и действовал подпольно до 80-х гг. XX века.

Исторические вехи создания ордена при Хаджи Бекташе и его наиболее характерные черты в ранний период становления, а также влияние на духовную культуру Османской империи рассматриваются Ю. А. Аверьяновым. [1]. Здесь же обратим внимание на современное состояние обители Хаджи Бекташа.

Она расположена в маленьком турецком городке Хаджибекташ в центре Каппадокии в почти в 40 км от административного центра Невшихира. Дорога туда от Невшихира или Гереме идет по достаточно ровной местности, вдали виднелись силуэты отдаленных гор, и вдруг перед путником неожиданно вырастает, как будто появившись из сказки, небольшой уютный городок с аккуратными маленькими домиками, покрытыми черепицей. Иностранных гостей здесь не было видно совсем, хотя в турецкой духовной культуре это место – одна из значимых святынь. По обе стороны от дороги, ведущей к обители дервишей, как обычно, стоят продавцы сувениров и нехитрых поделок, в том числе из оникса, центр добычи и обработки которого находится недалеко от этих мест. Несмотря на большое желание продать свой товар редкому иностранцу, продавцы ведут себя спокойно и несуетливо, неспешно доставая с полок и протягивая покупателю свои изделия. Эта манера торговли не характерна для турок, но, видимо, среди жителей до сих пор немало потомков тех, чьи деды, а может быть и отцы, придерживались суфийских воззрений.

На видном месте на воротах, ведущих во внутренний двор обители, прикреплена мемориальная табличка. Она свидетельствует, что первый президент турецкой республики Мустафа Кемаль паша Ататюрк относился с большим почтением к памяти Хаджи Бекташа и 22 декабря 1919 года посетил это святое для турок место. Каждый год с 16 по 18 августа в Хаджибекташ собираются многочисленные последователи суфизма, чтобы почтить память Учителя.

Первый мемориальный комплекс на месте захоронения Бекташа был построен еще во времена султана Орхана Гази (XIV в.), но затем не раз реконструировался. Ныне обитель состоит из трех дворов, последовательно соединенных друг с другом проходом через ворота, что весьма распространено в турецкой архитектуре (например, по такому же принципу построен Топкапы – султанский дворец в Стамбуле). В ханаке Бекташа есть различные помещения – кухня-трапезная с большим черным котлом – символом общности, комнаты для ночлега, общий зал для ритуалов, хозяйственные помещения, мечеть, фонтан, небольшой сад-розарий с захоронениями известных дервишей. Через беломраморную лестничную площадку, украшенную типичными сельджукскими мотивами и двуглавыми орлами, можно пройти к мавзолею-усыпальнице Хаджи Бекташа являющейся местом мусульманского паломничества. Потолок и стены гробницы, точно ковром, расписаны тонким каллиграфическим геометрическим узором, в котором преобладают яркие красные и зеленые краски. Подобными красивыми и изящными росписями обычно украшены лишь мавзолеи

османских султанов. Сама гробница покрыта зеленой тканью, на которой золотыми буквами арабской вязью вышиты тексты из Корана.

Философские воззрения и практическая деятельность Хаджи Бекташа имели огромное значение для формирования единства турецкой нации. Его труды по философии и суфийскому учению до сих пор являются общепризнанными и почитаемыми в турецко-исламском мире. В Европе также есть сторонники ордена Хаджи Бекташа, особенно в Хорватии, Боснии и Албании. Здесь целые районы обращались в бекташизм, близкий к шиизму, как своеобразный протест против официальной религии завоевателей (суннитского ислама) [3]. В 1913 году, с провозглашением независимости Албании, ее столица Тирана стала мировым центром ордена Бекташийя, где он существовал до его закрытия коммунистическим правительством в 1967 году. Впрочем, с 1990 года началось возрождение этого суфийского братства..

Другой центр суфизма в Турции связан с именем Мавлана Джалал ад-Дин Мухаммаада Руми (1207-1273). Его часто называют Мевляном или Руми, а также основателем суфийского ордена Мевляви, хотя сам орден возник лишь при его старшем сыне – султане Валаде (1226-1312) [4]. Долгое время Мевлян жил в Конье и здесь же находится его гробница.

Руми родился в Бактрии – исторической области Средней Азии в районе верхнего и среднего течения Амударьи – в городе Вахш (ныне Туркменистан) в провинции Балха (ныне Афганистан). Его род происходил от Абу Бакхра, сподвижника Мухаммада, а отец, придворный богослов и юрист, был связан родством с Хорезмшахами и разделял суфийские воззрения. В 1219 году семья была вынуждена покинуть этот край, которому угрожали монголы, и перебраться Нишапур в Хорасане, где, возможно, в это же время проживал и Хаджи Бекташ. Здесь маленький Руми, по преданию, познакомился с поэтом-суфием Фаридуддином Аттаром, который подарил мальчику копию своей «Асрар-наме» («Книги тайн»), написанную в стихах. Вскоре монголы подошли к Нишапуру, и 110-летний Аттар был взят в плен и погиб. Семье Руми удалось бежать в Багдад, а затем, совершив паломничество в Мекку, отправиться на север – в Сирию и Малую Азию, посещая по дороге суфийские центры.

Центральная Азия содрогалась под безжалостными ударами монголов. Казалось, что мусульманская цивилизация доживает последние дни своей почти шестисотлетней истории. В конце концов. отец Руми остановился первоначально в Карамане, а затем по приглашению сельджукского султана Ала ад-Дина Кей Кубада I семья переехала в Конью.

Несмотря на вынужденные скитания, Руми получил хорошее образование, и в неполные 30 лет знал арабский и персидский языки, теологию, юриспруденцию, логику, философию, математику, историю ислама и комментарии к Корану. В 1244 году его жизнь резко изменилась: он встретил бродячего дервиша Шамсуддина Табризи («Солнце веры из Табриза»), последовательного суфия, взгляды которого клерикальное духовенство считало пантеистическими. Вскоре при невыясненных обстоятельствах погибают сын Руми и Шамсуддин. Но общение с Табризи оказало сильное эмоциональное влияние на Мевляна. Он явился вдохновителем множества его стихов, а также методов и форм распространения суфийского учения.

Под влиянием общения с Шамсуддином родились бессмертные произведения Джелаладдина Руми, написанные на персидском языке: поэмы «Маснави и Манави», «Фахи ма фихи» и «Диван Шамса Табризи». Поэма «Маснави и Манави» («Духовные двустишия»), будучи лирическим произведением, содержащим до 30 тыс. стихов, написанных в одном размере, одновременно толкует основные положения суфизма. «Фахи ма фихи» («В нем то, что в нем») – сборник высказываний и мыслей Учителя – является своеобразным суфийским учебником. Поэма «Диван Шамса Табризи» – сборник суфийских стихов, расположенных строго по жанрам и в алфавитном порядке рифм (по последним буквам рифмуемых слов). Произведения Руми оказали значительное идейное и духовное влияние на развитие западноевропейской философии и литературы. Достаточно сказать, что менее чем за 100 лет после смерти его произведения пробрели такую известность, что английский поэт Джефри Чосер уже в конце XIV века ссылался на них в своих произведениях.

Для изложения суфийского миропонимания Руми, как и другие суфии, широко использовал притчи и короткие философские изречения. При этом он подчеркивал, что раскрытие и познание

Истины должно быть постепенным: «Огонь печи может оказаться слишком сильным, чтобы воспользоваться его теплом, а более слабое пламя лампы может дать вам именно столько тепла, сколько вам необходимо в данное время». Но человек может оказаться неподготовленным к восприятию новых идей, если на него продолжают воздействовать его собственные предрассудки. Поэтому, прежде всего, Искателю нужно отказаться от убеждения в том, что он уже понимает что-либо, и пытаться приблизиться к Истине не только при помощи привычного для него логического мышления: «если больной хочет научиться ходить самостоятельно, то он должен отбросить костыли».

Составляющим элементом суфийского мировоззрения является любовь к миру вообще и людям в частности: именно она ведет человека и человечество к совершенству. Но любовь находится в тесной взаимосвязи с озарением, которое суфий может достичь путем духовных упражнений. При этом он не должен отказываться от жизни и работы среди других людей, так как «сокровище, которое вы ищите, может дать вам только она». Поэтому, учил Руми, все суфии должны владеть каким-либо творческим ремеслом и при этом постоянно работать над своим духовным совершенствованием. Здесь, конечно, важен мудрый наставник, но суфизм – это то, что происходит с человеком, а не то, что ему преподносят. При этом каждый человек может добиться определенных успехов в деле осуществления своего предназначения, но не нужно основывать свои суждения только на внешних вещах: «нужно помнить о разнице между цветом вина и цветом стакана».

Суфий не должен забывать все составные части саморазвития, иначе простое сосредоточение на чем-либо одном приведет к нарушению равновесия, а, следовательно, к потере. Руми утверждал, что способность к пониманию развивается параллельно духовному прогрессу человека. При этом то, что мы видим, чувствуем и переживаем в обычной жизни, является всего лишь частью великого целого – лишь меньшая часть айсберга, остальную – подводную часть – можно постичь лишь в результате определенных усилий.

Достижение гармонии с целым, продолжал Руми, является чрезвычайно важным на пути к озарению, но озарение «должно приходить постепенно, иначе оно все может разрушить». С помощью различных упражнений ученик развивает в себе способность по-новому видеть вещи, он постигает более глубокий смысл советов Учителя, изложенных в притчах, таких как: «Береги жемчуг, а не раковину. Не в каждой раковине можно найти жемчужину. Гора во много раз больше рубина». То, что может показаться обычному человеку камнем, говорил Руми, для познавшего Истину может оказаться жемчужиной. И если он подходит к работе творчески, то сможет достичь стадии, на которой его иногда будет посещать вдохновение. Тогда подход ко всей жизни и всему творению станет всеобъемлющим.

Хотя Мевляна считают одним из величайших персидских поэтов, поэзия для него самого была лишь средством, с помощью которого он мог связать то, что «реально чувствовал», с тем, что мог сделать для других. Он всегда подчеркивал, что любит людей, и поэтому создает для них стихи, чтобы, читая их, люди могли понять и осмыслить свою жизнь. Его поэзия предназначена для других, а не для него самого: «это единственное угощение, которое могут попробовать мои гости, поэтому я, как добрый хозяин, запасаюсь им». То, что он хотел передать, было выше и тоньше самой изящной поэзии.

Джелаладдин начал полуоткрыто проповедовать свое мистическое учение, когда ему было уже около 40 лет. Он избрал псевдоним «Руми», который, согласно суфийской традиции, означает «свет». В своей системе обучения он использовал объяснения и интеллектуальные упражнения, размышления и медитации, которые проводились при помощи ритуальных танцев, стихов и музыки. Так появился особый метод духовной практики, призванный помочь Искателю достичь гармонии с мистической реальностью и преобразиться с ее помощью. Вскоре вокруг Руми сложился круг учеников и последователей этого метода, получивший название ордена «кружащихся в танце дервишей», так последователи Мевляна большое значение придавали музыке и танцу, как методам познания Божественной истины.

Суфии ордена считали, что основой человеческого существования является вращение. Все в мире (от атомов до звезд) находится в постоянном вращении, которое идет по спирали, поэтому любая частичка постоянно возвращается в первоначальную точку, но уже в новом качестве. Однако в отличие от других существ, человек обладает умом и знаниями, и

они позволяют ему во время кружения в ритуальном танце постичь скрытый смысл других созданий. Во время вращения правая рука дервиша указывает на небо: он готов получить Божественное озарение. Левая рука указывает на землю: он хочет отдать Божественные дары живущим на земле людям. Он движется справа налево, поворачиваясь вокруг сердца, как центральной оси вращения. Церемония кружения – мистическое путешествие человеческой души через сознание и любовь к совершенству, а затем, достигнув зрелости, возвращение к людям, для того, чтобы любить их и отдать им свои знания, независимо от их общественного положения, веры или национальности. Головной убор дервиша – это надгробный камень его «эго», белая одежда – саван его «эго». Надевая этот наряд, дервиш отрекается от личных желаний и личного существования, посвящая себя поиску духовной правды. Снимая свой черный плащ, он начинает путешествие к духовному совершенствованию, пройдя семь частей (молитв) ритуала «Зема». Перед каждой из них дервиш держит руки, сложенными на груди в виде креста, что символизирует признание единства Бога. Первая часть – «хвала пророку» – благодарственная молитва Создателю. Вторая часть сопровождается барабанным боем, который символизирует Божественный порядок Творца. Третья часть – инструментальное сопровождение с чтением, как символ Божественного дыхания, давшего жизнь всему. Четвертая часть – троекратное прохождение дервишей по кругу под звуки специальной музыки: это приветствие душ, спрятанных за формами и телами. Далее начинается самая продолжительная пятая часть – вращение, которое в свою очередь также состоит из четырех «салютов» («приветствий»). Это стадия экстаза, но не бессознательной «нирваны», как в буддизме, а осознание своей принадлежности к Создателю. В конце последнего «салюта» душа дервиша завершает духовное путешествие и возвращается к земным занятиям и служению Богу через них. Шестая стадия ритуала сопровождается чтением отдельных сур Корана, а седьмая заканчивается молитвами о ниспослании мира в душах всех живущих. После этого дервиши молча уходят в свои кельи для медитации.

В 1273 году Руми умер: «птица души освободилась из клетки тела». Во главе круга учеников Мевлеви стал его друг Хисамуддин Чалабисын, а затем сын султан Валад, который и создал терикат Мевлеви (орден «кружащихся в танце дервишей»). Орден продолжает существовать во многих странах не только Востока, но и Запада, о чем свидетельствует подробная карта, висящая на стене в одном из залов музея, расположенного в стенах обидели Мевляна. На ней отмечены страны, в которых и сейчас существуют отделения этого ордена.

На русских язык переведены многие произведения Руми. [см., например: 6; 7; 8; 10]. Исследуется его влияние на русскую литературу [5]. К 800-летию рождения поэта вышла и была переведена на русский язык книга Шефик Джана, долгое время бывшего главой братства Мевлеви. В ней автор рассматривает основные темы и проблемы духовных поисков Руми [11].

В данном исследовании обратим внимание на то, как выглядела Конья в период становления ордена Мевлеви и современное состояние обители Руми.

Конья (Икония) расположена в центральной Анатолии, и известна своей историей и духовными традициями. Дорога из центра Каппадокии до Коньи уныло тянется по бесконечному степному плоскогорью. Это один из самых плодородный районов современной Турции, настоящий цветущий оазис. Здесь выращиваются зерновые культуры, мак, овощи. До самого горизонта – ровные поля и степь, лишь изредка стоят одинокие деревья, как случайные путники, неожиданно настигнутые в пути приближающимися сумерками. Если долго смотреть из окна автобуса на этот однообразный пейзаж, то начинает казаться, что где-то вдалеке горят огни костров и сельджукские кочевники варят в огромных котлах свой нехитрый ужин, готовясь с рассветом к новому далекому походу: вот уж действительно бескрайние степные просторы!

Некоторые путеводители называют Конью «оплотом исламского фундаментализма». Это утверждение оправдано лишь отчасти. Жители, действительно, кажутся более консервативными, чем в других городах. На улицах почти не встречается женщин или девушек в европейской одежде, мужчины ведут себя сдержанно, и даже продавцы в лавочках никогда не останавливают прохожего криками о достоинствах своего товара. Но вместе с тем, как и в других местах Турции, жители Коньи проявляли гостеприимство и желание помочь путнику.

Конье суждено было сыграть центральную роль в истории Румского (Конийского) султаната (1077-1307) (Рум – так называли на Востоке Византийскую империю). Этот султанат стал частью империи «Великих сельджуков», основанной кочевыми тюркскими племенами, принадлежащими к огузской (туркменской) ветви во второй половине X века. В короткий срок сельджуки из Средней Азии завоевали весь Иран, Азербайджан, часть Армении и Ирака. В начале XI века одна часть огузских племён вторглась в армянские земли и разрушила столицу Армянского царства Ани, который ещё в X в. насчитывал 10 тыс жителей, а затем двинулась на запад. Другая часть вошла в Малую Азию с юга через Киликию в районы городов Себастис, Кесария и центральную Анатолию. Таким образом, постепенно на рубеже XII–XIII вв. сложилось крупное турецкое государство во главе с династией Сельджукидов, господствовавшее на большей части Армянского нагорья и почти на всей Малой Азии. Массовая миграция огузско-туркменских племён привела к изменению этнической и демографической ситуации в этом регионе. Начался процесс складывания турецкой этнической общности, которую объединяла единая религия – ислам суннитского толка.

Уже второй половине XI века Сельджукская империя, подчинив огромные территории различных государств, представляла собой крупнейшую политическую силу в Передней Азии. Она вела успешные войны с Византией. В это время Византийская империя, раздираемая внутренними противоречиями, переживала период феодальной анархии и междоусобный войн: почти за 30 лет – с 1057-1081 год – сменилось 5 императоров. Находясь в таком положении, она не смогла организовать отпор врагу. Поворотным пунктом явилась битва при Маназкерте (около озера Ван) в 1071 году: византийский император Роман IV был разгромлен сельджуками, взят в плен, правда, вскоре отпущен. Затем сельджуки дошли до берегов Мраморного и Чёрного морей. В 1080 году пала Никея (Изник), они сделали ее столицей государства. В 1085 году был захвачен Измир и другие города Эгейского побережья. Часть рабов и христиан приняли ислам.

Продвижение сельджуков на запад было остановлено Первым крестовым походом. В 1097 году византийцам с помощью крестоносцев удалось отвоевать прибрежные части Малой Азии и освободить Никею. Сельджуки были отброшены с запада на восток вглубь Анатолии и отрезаны от моря. Под их властью оказалась лишь внутренняя область – Малоазиатское нагорье. С 1116 года Конья становится столицей их государства и остается ей вплоть до конца существования султаната в начале XIV века.

Все эти события отложили сильный отпечаток на внешний облик города, в котором жил и творил Джалаладдин Руми: наверное, это единственный город в Турции, где сохранилось большое количество памятников сельджукской эпохи. Наибольшего расцвета и политического могущества Румский султанат достиг при султане Ала ад-Дине Кей Кубаде I (1219-1236), пригласившем семью отца Руми в столицу своего султаната. Именно этот султан организовал поход сельджуков за Черное море. В результате успешных боев были разгромлены половцы, и сельджукам удалось захватить город Судак в Крыму. При дворе султана были собраны известные артисты, религиозные деятели, математики, философы. Этим временем датированы и многие архитектурные памятники города. В то же время развивается резьба по дереву, каллиграфия, ткацкое производство.

На высоком крепостном холме в центре старой части города в красивом городском парке среди деревьев стоит мечеть Ала ад-Дина, окруженная остатками крепостной стены. Она сооружена в 1221 году в классическом арабском стиле. Своды мечети покоятся на 42 древних колоннах, «позаимствованных» сельджуками в захваченном греческом храме. Запомнились отделанная голубым фаянсом резная каменная молитвенная ниша (михраб) и высокий деревянный минбер – ниша, с которой читаются молитвы. Здание увенчано конусообразным куполом, устремленным в небо. В правой части здания находится мавзолей (тюрбе) с могилами сельджукских султанов и их родственников. Самой раннее захоронение датировано 1156 годом, самой позднее – 1283 годом. С крепостного холма открывается прекрасный вид на город: сквозь кроны деревьев виднеются крыши современных зданий, а вдалеке – степь и невысокие горы, окружающие Конью.

Во времена строительства этой мечети Конья, наряду с Кесарией и Сивасом, представляла собой весьма крупный город: здесь проживало до 200 тыс. чел. Росло экономическое значение нового города, построенного в это время, – Аксарая. Этнический состав населения Коньи,

как и всего султаната, был весьма пестрым. Значительное число жителей составляли перешедшие на оседлый образ жизни турки-огузы. Здесь проживало немало персов – ремесленников, купцов, чиновников. В городе, где когда-то проповедовали апостолы Павел и Варнава и жили будущие святые великомученица Параскева Пятница и равноапостольная Фекла, оставалось много греков и армян, которые продолжали исповедовать христианство. Мусульманские султаны относились веротерпимо к своим христианским подданным. Из сельджукских турок-огузов и тюркизировавшихся малоазиатских греков, персов и армян начала складываться турецкая народность и одновременно формировался турецкий язык, в котором использовался арабский алфавит.

С самого начала существования культура Сельджукской империи испытывала сильное персидское влияние, особенно на поэзию. На базе переработанных традиций Персии, Армении и отчасти Византии сложился так называемый «сельджукский архитектурный стиль». Особенностью его, прежде всего, является высокий портал, богато орнаментированный резьбой по камню и конический купол, заимствованный, вероятно, у армян. Ни в каком ином турецком городе нет такого количества памятников, сооруженных в этом стиле. Мечети с высокими резными порталами и необыкновенно изящными минаретами встречались, чуть ли не на каждой улочке в старой части города. При этом рисунок каменной резьбы нигде не повторялся, и каждый портал был по-своему уникален и красив.

Однако богаче всего украшен тонкой каменной резьбой портал медресе Каратая. Это здание находится недалеко от крепостного холма в тихом переулке старого города. Когда-то это была теологическая школа, основанная эмиром Каратаем в 1251 году. Мраморный портал украшен витыми колоннами, правая часть здания, стены и купол покрыты фаянсом. Эмир был похоронен в специально сооруженном мавзолее. Сейчас в медресе размещается экспозиция музея фаянса.

Недалеко от медресе Катарая, буквально на соседней улочке, расположена еще одна мечеть с богато украшенным порталом – Индже Минаре («тонкий минарет»). Она считается классическим образцом «сельджукского стиля» и ее описание есть во многих путеводителях и справочниках. Действительно, портал мечети имеет столь тонкую резьбу по камню, что, глядя на него, не перестаешь удивляться мастерству и вкусу его создателей. Своим названием мечеть обязана стройному, украшенному голубым фаянсом минарету. Однако в конце XIX века он был частично разрушен молнией, поэтому сейчас не является ни тонким, ни высоким.

В середине XIII века Сельджукский султанат подвергся тяжелым испытаниям – нашествию кочевых монгольских племен. Еще в 20-х гг. XIII века большое войско, выступившее из Монголии, через Среднюю Азию вторглось в Иран, а в 1242 году – в северо-восточные провинции Сельджукского султаната. Одержав успешную битву под Сивасом, монголы стали завоевывать земли сельджуков. В 1243 году в бою у Кесэ-дага сельджукская конница была разбита. Сын и возможный отравитель султана Кей Кубада I султан Кей-Хосров II (1236/1237-1246) был вынужден признать себя вассалом-данником монгольского «великого хана». Румский султанат был поделен на две части, и султану были оставлены только земли, находящиеся к западу от реки Кызылырмак (Халис), области к востоку от нее управлялись монгольским наместником. Но даже в своих владениях султан оказался безвольной игрушкой в руках визиря, который являлся ставленником монгольского хана.

Монголы нанесли большой урок хозяйству страны, особенно в восточной и центральной Анатолии, началась миграция населения в Сирию и Египе т. 60 лет длилось монгольское господство в Малой Азии. Так начался упадок некогда обширной Сельджукской империи. Монгольский гнёт над султанатом привёл к окончательному распаду этого государства. В конце XIII века оно было поделено на 12 бейликов (эмиров, княжеств), зависимых от монгольского наместника, находившегося в Аксарае. В 1307 году монголы задушили последнего султана. Эта дата считается концом Сельджукского султаната.

В XIII веке Конья, как и другие города, была завоевана монголами. После распада султаната она оказалась в руках сельджукской династии Караманоглу, резиденция которых в 1275-1466 годах располагалась в городе Карамане в 147 км от Коньи. В результате затяжных политических и военных конфликтов в 1499 году городом завладели турки-османы.

Перефразируя знаменитую фразу, можно сказать, что все улочки древней части

современной Коньи ведут на площадь с большим и зеленым сквером, где находится обитель Мевляна. Уже издалека между кронами деревьев за каменным забором видна высокая башня с конусообразным куполом необыкновенно яркого бирюзового цвета. Это и есть святилище Мевляна – место, где до начала XX века проводились ритуалы дервишей ордена Мевлеви и где находится могила Руми.

Сейчас территория обители ордена является музеем, на территории которого находится мавзолей Мевляна. К входу тянется, кажется, нескончаемый поток мусульманских паломников. При этом, как ни странно, преобладают женщины и девушки, отпущенные из дома для выполнения религиозной миссии. Все они одеты в традиционные длинные мусульманские одежды, волосы на голове прикрыты платком. Откуда-то тихо доносятся протяжные звуки ная (флейты). Теперь они будут все время сопровождать путника, осматривающего двор и внешнее убранство обители. Согласно представлению суфиев, это страдающая душа тоскует о потери прародины (Бога), как тоскует по тростнику флейта: она рассталась с ним, превратясь в музыкальный инструмент. В центре дворика находится фонтан, с трех сторон от него – жилые помещения дервишей. Само здание ритуального зала с минаретом, ярко бирюзовым цилиндрическим куполом и крышей в форме конуса похоже на мечеть. Сняв обувь, через «Серебряные ворота» можно пройти в коридор, где стоят многочисленные саркофаги учеников и последователей Руми. На некоторых из них нет шапок дервишей ордена: это женские захоронения.

Коридор ведет в зал, расположенный под бирюзовым куполом. Здесь находится могила Мевляна. Около ее ограждения плотной толпой стоят паломники, пришедшие поклониться Учителю. Некоторые из них тихо читают Коран, другие молча стоят на коленях. Помещение богато украшено: стены и внутренние своды купола расписаны золотой арабской вязью – текстами из Корана – и изящным орнаментом (арабесками). Саркофаг покрыт ковром, расписанным золотыми нитями. Слева находится захоронение сына Руми – султана Валада, но его убранство значительно скромнее.

В центре помещения в сундуках и на витринах размещены рукописные Кораны, подсвечники, ковры, музыкальные инструменты, а также тюрбан и мантия Джалаладдина.

Напротив могилы Мевляна находится «Земахане» – место для проведения ритуалов. По периметру большого зала в различных позах группами застыли восковые фигуры дервишей в темных плащах и высоких коричневых шапках. Одни из них готовят нехитрую еду, другие обедают, сидя на ковре вокруг круглого стола, третьи неспешно беседуют у окна. Чуть поодаль в белых длинных юбках застыли в ритуальном танце двое мужчин. И кажется, что вот-вот протяжно зазвучит флейта, фигуры оживут, и путник окажется в самом центре неразгаданной тайны «кружащихся дервишей». Еще не так давно (менее 100 лет назад) в этом зале проводилась «Зема» (ритуал «Божественного озарения»).

Несомненно, что суфизм, как религиозное течение, познается только суфийскими (религиозными) методами, а не эмпирическими опытами или логическими доказательствами. Однако очевидно, что это мистическое течение оказало сильное влияние не только на исламскую, но и на европейскую культуру – этику, эстетику, литературу и искусство. До сих пор места духовных подвигов и упокоения основателей и духовных вдохновителей суфийских орденов (тарикатов) является центрами паломничества мусульман, несмотря на расхождения взглядов суфиев с традиционным исламом. Не являются исключением и обители орденов Бекташийа и Мевлеви, возникшие в период становления суфизма, как важного элемента религиозной жизни мусульманского общества. Взгляды и религиозная практика их эпонимов Хаджи Бекташа Вели и Джелаладдина Руми, а также их учеников и последователей были различны. Но аскетизм, мистицизм, поиск Божественной истины, воспитание «совершенного человека», сумевшего возвыситься над негативными чертами своей природы, а также призывы быть свободным от честолюбия, алчности, высокомерия, надменности, слепого повиновения обычаю или благоговейного страха перед вышестоящими лицами, помощь ближнему были их объединяющими началами. Почитание суфийских «святых» было и остается важным элементом веры, религиозной практики и традиций «народного ислама». Суфийские ордена оказали большое влияние на становление турецкой государственности и национальной общности, политическую и религиозную жизнь социума. Их история знала как периоды

расцвета, так и запретов, несмотря на которые, они продолжали существовать неофициально. В наше время возрастает интерес, как к истории, так и суфийскому духовному наследию, как ответ на вызовы глобализации и либерализма.

Библиографический список

1. Аверьянов, Ю. А. Хаджи Бекташ Вели и суфийское братство бекташийа [Текст] / Ю. А. Аверьянов. – М. : Марджани, 2011. – 664 с.

2. Бердяев, Н. А. Стилизованное православие (о. Павел Флоренский) [Текст] // П. А. Флоренский: pro et contra / сост. К. Г. Исупов. – СПб. : Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института (РХГИ), 1996. – 752 с.

3. Желязкова, А. Некоторые аспекты распространения ислама на Балканском полуострове в XV–XVIII вв. [Текст] // Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы / отв. ред. С. Ф. Орешкова. – М. : Наука, 1986. – С. 64-72.

4. Зиёев, Х. М. Суфийский орден мавлавия [Текст] / Х. М. Зиёев. – Душанбе : Хумо, 2007. – 276 с.

5. Нафисе Насири. Мотивы «Маснави Манави» Мовлана Джалаледдина Руми в русских книгах для чтения Л. Н. Толстого [Текст] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2016. – № 1. – С. 79-83.

6. Руми [Текст] // Классическая восточная поэзия: Антология / сост., предисл., введение, глоссарий, коммент. Х. Г. Короглы. – М. : Высш. шк., 1991. – С. 293-319.

7. Руми Джалаладдин. Дорога превращений: суфийские притчи [Текст] / пер. Д. В. Щедровицкого. – М. : Оклик, 2009. – 380 с.

8. Руми Джалаладдин. Поэма о скрытом смысле: Избранные притчи. Перевод Наума Гребнева [Текст]. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. – 272 с.

9. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины [Текст] / П. А. Флоренский. – М. : Правда, 1990. – 496 с.

10. Читтик, У. К. Поиск скрытого смысла [Текст] / У. К. Читтик. – М. : Ладомир 1995. – 542 с.

11. Шефик Джан. Мевляна Джалалледин Руми – жизнь, личность, мысли [Текст]. – М. : Диля, 2008. – 432

12. Эрнст, К. Суфизм [Текст] / пер. с анг. А. Горькавого. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 320 с.

Reference List

1. Aver'janov, Ju. A. Hadzhi Bektash Veli i sufijskoe bratstvo bektashija = Haji Bektash Veli and Sufi brotherhood Bektashiya [Tekst] / Ju. A. Aver'janov. – M. : Marrdzhani, 2011. – 664 s.

2. Berdjaev, N. A. Stilizovannoe pravoslavie (o. Pavel Florenskij) = Stylized Orthodoxy (Fr. Pavel Florensky) [Tekst] // P. A. Florenskij: pro et contra / sost. K. G. Isupov. – SPb. : Izdatel'stvo Russkogo Hristianskogo Gumanitarnogo Instituta (RHGI), 1996. – 752 s.

3. Zheljazkova, A. Nekotorye aspekty rasprostranenija islama na Balkanskom poluostrove v XV–XVIII vv. = Some aspects of the spread of Islam in the Balkan Peninsula in the XV-XVIII centuries. [Tekst] // Osmanskaja imperija: sistema gosudarstvennogo upravlenija, social'nye i jetnoreligioznye problemy / otv. red. S. F. Oreshkova. – M. : Nauka, 1986. – S. 64-72.

4. Zijoev, H. M. Sufijskij orden mavlavija = Sufi order of Mevlevi [Tekst] / H. M. Zijoev. – Dushanbe : Humo, 2007. – 276 s.

5. Nafise Nasiri. Motivy «Masnavi Manavi» Movlana Dzhalaleddina Rumi v russkih knigah dlja chtenija L. N. Tolstogo = Nafis Nasiri. Motives of «Masnavi Manavi» by Movlan Jalaleddin Rumi in Russian books for reading by L. N. Tolstoy [Tekst] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Literaturovedenie, zhurnalistika. – 2016. – № 1. – S. 79-83.

6. Rumi = Rumi [Tekst] // Klassicheskaja vostochnaja pojezija: Antologija / sost., predisl., vvedenie, glossarij, komment. H. G. Korogly. – M. : Vyssh. shk., 1991. – S. 293-319.

7. Rumi Dzhalaladdin. Doroga prevrashhenij: sufijskie pritchi = Rumi Jalāl ad-Dīn. The Road of Transformations: Sufi parables [Tekst] / per. D. V. Shhedrovickogo. – M. : Oklik, 2009. – 380 s.

8. Rumi Dzhalaladdin. Pojema o skrytom smysle: Izbrannye pritchi. Perevod Nauma Grebneva = Rumi Jalāl ad-Dīn. A poem about the hidden sense: Chosen parables. Translation by Naum Grebnev [Tekst]. – M. : Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva «Nauka», 1986. – 272 s.

9. Florenskij, P. A. Stolp i utverzhdenie istiny = Pillar and statement of the truth [Tekst] / P. A. Florenskij. – M. : Pravda, 1990. – 496 s.

10. Chittik, U. K. Poisk skrytogo smysla = Search of the hidden sense [Tekst] / U. K. Chittik. – M. : Ladomir 1995. – 542 s.

11. Shefik Dzhan. Mevljana Dzhalalledin Rumi – zhizn', lichnost', mysli = Shefik Jan. Mevlyana Jalāl ad-Dīn Rumi – life, personality, thoughts [Tekst]. – M. : Dilja, 2008. – 432

12. Jernst, K. Sufizm = Sufism [Tekst] / per. s ang. A. Gor'kavogo. – M. : FAIR-PRESS, 2002. – 320 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10502
УДК 792.2

В. С. Трофимова https://orcid.org/0000-0002-1080-7073

Образы выдающихся женщин XVII века в современной английской драматургии

В статье впервые в российской науке рассматриваются образы главных героинь в пьесах британских драматургов «Ересь любви» Хелен Эдмундсон и «Нелл Гвин» Джессики Суэйл. Героини этих пьес – реальные исторические личности – мексиканская поэтесса Сор Хуана Инес де ла Крус и английская актриса Нелл Гвин; обе жили в семнадцатом веке. В статье проводится сравнительный анализ двух пьес, а также анализируются образы главных героинь в связи с усилением феминистской риторики на Западе. Обострение проблемы равенства полов в западной культуре достигло пика в 2018 году, когда после многочисленных скандалов, связанных с домогательствами и гендерной дискриминацией, возникло движение Time's Up, которое поддержали видные американские и британские актрисы и деятели культуры. Пьесы «Ересь любви» и «Нелл Гвин», хотя и были написаны до этих событий, оказались им созвучны. Героини пьес ведут борьбу с двойными стандартами по отношению к мужчинам и женщинам и с неадекватным изображением женщин в театре. Кроме того, автор пьесы «Нелл Гвин» Джессика Суэйл является активной участницей движения Time's Up и позиционирует свою комедию в рамках его идеологии. Мы пришли к выводу, что популярность этих двух пьес в англоязычном мире в настоящее время определяется их феминистской направленностью, а героинь можно назвать феминистками вне зависимости от того, были ли ими их исторические прототипы.

Ключевые слова: художественная культура, театр, Великобритания, Хелен Эдмундсон, Джессика Суэйл, Хуана Инес де ла Крус, Нелл Гвин, феминизм, гендер.

V. S. Trofimova

Images of outstanding women of the seventeenth century in modern English drama

In the article, for the first time in the Russian humanities, images of the heroines in the plays of British playwrights *The Heresy of Love* by Helen Edmundson and *Nell Gwynn* by Jessica Swale are considered. The heroines of these plays are real historical figures – Mexican poet Sor Juana Inés de la Cruz and English actress Nell Gwyn; both lived in the seventeenth century. The article provides a comparative analysis of the two plays, and also analyzes the images of the main characters in connection with the rise of feminist rhetoric in the West. Aggravation of the problem of gender equality in Western culture peaked in 2018, when, after numerous scandals involving harassment and gender discrimination, the Time's Up movement emerged, which was supported by prominent American and British actresses and cultural figures. The plays *Heresy of Love* and *Nell Gwynn*, although they had been written before these events, were consonant with them. The heroines of the plays struggle with double standards for men and women and with an inadequate representation of women in the theater. In addition, the author of the play *Nell Gwynn* Jessica Swale is an active participant in the Time's Up movement and is positioning his comedy as part of its ideology. We have come to the conclusion that the popularity of these two plays in the English-speaking world is currently determined by their feminist orientation, and the heroines can be called feminists regardless of whether their historical prototypes were them or not.

Keywords: culture, theatre, Great Britain, Helen Edmundson, Jessica Swale, Juana Inés de la Cruz, Nell Gwyn, feminism, gender.

Проблема участия женщин, их места и роли в социальной, политической жизни, а также в жизни культуры в последнее время вновь обострилась. И поныне бытует мнение, что «склонностью к новациям в любой сфере от техники до философии и искусства генетически более одарены мужчины», «мужчины обладают превосходством над женщинами в качестве авторов чего-либо… а женщины оказываются более качественными исполнителями и лучшими организаторами бытовой стороны жизни» [2, с. 18, 20]. Мы отталкиваемся от противоположного суждения: «По большинству своих функциональных возможностей и способностей женщина как субъект культуротворческой деятельности практически не отличается от мужчины» [2, с. 29].

© Трофимова В. С., 2019

Современное положение дел в художественной культуре как России, так и западных стран, и даже стран Востока, доказывает справедливость этого утверждения.

В последние десятилетия произошла феминизация художественной культуры. Женщины-авторы – писательницы, драматурги, художницы – нередко доминируют в современном культурном пространстве. Зачастую они обращаются к опыту своих предшественниц, в том числе, из отдаленных исторических периодов. Так, в европейской литературе и европейском кинематографе конца двадцатого – начала двадцать первого веков наблюдается живой интерес к веку семнадцатому, и на первый план нередко выходит переосмысление роли женщины в обществе и культуре того времени. Из двадцати семи новых пьес, поставленных на сцене театра «Глобус» в Лондоне в период с 1999 по 2015 г., пять происходили в семнадцатом веке [9, с. 97-98]. Две из них – трагикомедия Хелен Эдмундсон «Ересь любви» (The Heresy of Love, 2012) и музыкальная комедия Джессики Суэйл «Нелл Гвин» (Nell Gwynn, 2015) – обращались к образам реальных женщин, живших в семнадцатом веке. В этой статье мы ставим целью проанализировать образы главных героинь этих двух пьес в контексте изменений, происходящих в западной культуре за последние несколько лет, и в связи с усилением феминистской риторики. Мы обратимся, прежде всего, к феминистскому аспекту этих двух пьес, а не к эстетической составляющей. Мы произведем сравнительный анализ этих двух пьес и раскроем их актуальность в настоящее время. Пьесы Эдмундсон и Суйэл пока не переведены на русский язык; литературоведческий и театроведческий анализ этих произведений практически отсутствует. В этой статье мы будем использовать при анализе материалы англоязычных рецензий на постановки этих пьес в странах англоязычного мира, интервью с авторами, постановщиками и актерами, а также отдельные англоязычные исследования, в которых эти произведения упомянуты. В российской науке пьесы Хелен Эдмундсон и Джессики Суйэл рассматриваются впервые.

Английская историческая драма нередко использовала буквальный прием аналогии для актуализации тех или иных конфликтов. Подобную тенденцию можно увидеть еще в пьесах У. Шекспира, а если говорить о двадцатом веке, то она видна в произведениях Б. Шоу, Р. Болта и Т. С. Элиота. Так, по мнению М. Е. Швыдкого, в знаменитой трагедии «Убийство в соборе» (1935) Т. С. Элиот «не просто использует исторический материал – из прошлого он извлекает один из важнейших конфликтов английской общественной жизни, много веков обусловливающий развитие страны» [4]. Речь идет о конфликте Государства и Церкви, корнями уходящем в XII век. Еще до Элиота Б. Шоу в трагедии «Святая Иоанна» (1923) проводит параллель между жестоким процессом над Жанной д'Арк и угнетением личности в современном мире. С пьесой Шоу сопоставима пьеса Р. Болта «Человек на все времена» (или «Человек для любой поры», 1960), в которой идет речь о «праве личности на духовную свободу и об отстаивании этого права перед лицом деспотической власти» [6, с. 69]. Во второй половине XX века в пьесе «Лютер» (1961) Дж. Осборна в фигуре главного персонажа «ощутимо проглядывают характерные черты «рассерженного» поколения»« [6, с. 321]. В «Околдованных» Питера Барнса (1974) двор испанского короля Карла II становится гротескной метафорой «всякой деспотической власти» [6, с. 40]. Для некоторых драматургов второй половины XX века исторический антураж и вовсе не играет значительной роли при обращении к биографиям знаменитых исторических личностей: так, Т. Рэттингена в пьесах об Александре Македонском, Лоуренсе Аравийском, адмирале Нельсоне и леди Гамильтон интересуют, прежде всего, люди и их страсти («Приключенческая история» (1949), «Росс» (1960), «Завещается нации» (1970). Трилогия Т. Стоппарда «Берег утопии» (2002) – это документальная драма-дискуссия, посвященная подлинной, а не вымышленной истории, в которой раскрывается движение русской общественной мысли XIX века [6, с. 397]. Жестокость и несправедливость по отношению к женщине показывает в исторической пьесе «Дьявол» (1976) Кэрил Черчилль; она же обращается к истории английской революции середины XVII века в известной пьесе «Свет, сияющий в Бакингемпшире» (1976).

Последние два года отмечены многочисленными скандалами, связанными со случаями домогательств в театральной сфере, индустрии кино и телевидения США и Западной Европы. В начале 2018 года триста женщин, работающих в этих областях в США, основали движение Time's Up (Время вышло), призванное оказать поддержку жертвам сексуальных домогательств и гендерной дискриминации; для оказания правовой поддержки пострадавшим был создан специальный фонд [1]. Участницами движения стали такие знаменитые актрисы, как Натали Портман, Эмма

Стоун и Риз Уизерспун. Поддержку движению оказали и мужчины, например режиссер и продюсер Стивен Спилберг. Британские звезды кинематографа также выразили солидарность с коллегами из США. В других странах, к примеру, во Франции, реакция кинематографического и театрального сообщества была не столь единодушной, а в России это движение практически не получило распространения.

Примечательно, что переосмысление роли женщин в художественной культуре, в частности, в литературе и театральной жизни, предшествовало возникновению движения Time's Up. Две пьесы, о которых идет речь в этой статье, поднимают ту же проблему, и обе они были написаны и поставлены на сцене до создания движения в защиту гендерного равенства в театре и кинематографе. Трагикомедия «Ересь любви» Хелен Эдмундсон была впервые поставлена на сцене театра Свон в Стратфорде-апон-Эйвон в феврале 2012 года. Главной героиней пьесы является знаменитая мексиканская поэтесса и драматург второй половины XVII века Сор Хуана Инес де ла Крус (1651-1695). Музыкальная комедия «Нелл Гвин» Джессики Суэйл была впервые исполнена профессиональными актерами на сцене лондонского театра «Глобус» в сентябре 2015 года (до того ее уже играли непрофессиональные актеры). Главная героиня этой пьесы – английская актриса и фаворитка короля Карла II Нелл Гвин (1650-1687). Примечательно, что прототипы обеих героинь жили в одно и то же время, хотя едва ли что-нибудь слышали друг о друге.

Авторы обеих рассматриваемых нами пьес – женщины. Хелен Эдмундсон родилась в 1964 году в Ливерпуле. Она изучала драму в Манчестерском университете и долгое время работала в качестве актрисы и режиссера. Ее первая пьеса, которая принесла ей признание, носила название «Леди в лифте» (1988). В 1993 году в театре Буш поставили ее пьесу «Чистка» (Clearing) о жестокостях Кромвеля и его сторонников в Ирландии середины XVII века. Эдмундсон также прославилась сценическими версиями классических романов XIX века: «Анны Карениной» и «Войны и мира» Л. Н. Толстого (1992, 1996) и «Мельницы на Флоссе» Джордж Элиот (1994) [24, с. 36]. Инсценировки классических произведений, созданные Эдмундсон, противополагают внутренние страхи и желания главных героев и внешнее давление, которое на них оказывает общество [23, с. 47]. Некоторые произведения Эдмундсон получили высокую оценку театральной критики. Пьеса «Мальчик из приюта Корама» (2005) была номинирована на премию Лоуренса Оливье и впоследствии на премию Тони. Хелен Эдмундсон также пишет для кино и телевидения: в 2018 году вышел художественный фильм «Мария Магдалина», снятый по ее сценарию, с Руни Мара и Хоакином Фениксом в главных ролях. С 2015 года Хелен Эдмундсон является членом Королевского литературного общества.

Джессика Суэйл относится к молодому поколению современных британских драматургов. Она родилась в Ридинге в 1982 году, изучала драму в Эксетерском университете и завершила обучение в Центральной школе сценической речи и драматического искусства в Лондоне, где получила режиссерское образование. В 2012 году она поставила комедию британского драматурга XVIII века Ханны Каули «Хитрость красавицы» в театре «Саутуарк Плейхаус»; постановка была высоко отмечена критикой. Дебют Суэйл как драматурга пришелся на 2013 год, когда на сцене лондонского «Глобуса» была поставлена пьеса «Синие чулки». Как и Хелен Эдмундсон, Джессика Суэйл создает сценические версии произведений классической литературы, например, романа Джейн Остин «Разум и чувства» (2014). Она также пишет сценарии для кинофильмов: в настоящее время она работает над сценарием фильма по рассматриваемой нами пьесе «Нелл Гвин» [33]. Кстати, за эту пьесу она получила премию Лоуренса Оливье в номинации «Лучшая новая комедия» в 2016 году, что обеспечило пьесе дальнейший успех на сцене. Джессика Суэйл принимает активное участие в движении Time's Up. Летом 2018 года она выступила режиссером короткометражного фильма «Главные женские роли» (Leading Lady Parts), в котором высмеивается сексизм в киноиндустрии. В фильме снимались Джемма Артертон, Кэтрин Тейт, Джемма Чан, Эмилия Кларк, Лена Хиди и Фелисити Джонс, а продюсерами стали Джемма Артертон, Джессика Малик и Джессика Паркер. Фильм выложен на канале Ютуб и имеет более четырехсот пятидесяти тысяч просмотров [10].

Образы Сор Хуаны и Нелл Гвинн уже были созданы и в драматургии, и в кинематографе ко времени постановки пьес Эдмундсон и Суэйл. В 1990 году вышел художественный фильм «Я, худшая из всех» аргентинского режиссера Марии

Луисы Бемберг, посвященный Сор Хуане Инес де ла Крус. Фильм был отмечен критикой и был номинирован на несколько кинематографических премий. На канале Ютуб он имеет более двух с половиной миллионов просмотров [35]. Бытование образа Сор Хуаны в современной мексиканской культуре рассмотрено в специальном сборнике, выпущенном в 2017 году издательством Раутледж [7, с. 107-118]. Образ Нелл Гвин еще чаще эксплуатировался как драматургами, так и кинематографистами. Одна из первых пьес, посвященных жизни актрисы, была создана еще в конце XVIII века; всего же романов и пьес, в которых фигурирует Гвин, более двадцати [18]. Кроме того, она появляется в более чем десятке фильмов, начиная с 1911 года. В России она известна благодаря минисериалу «Карл Второй. Власть и страсть» (2003) и кинофильму «Красота по-английски» (2004), а кроме того, благодаря пьесе «Кинастон» Джеффри Хэтчера, которая в настоящее время с успехом идет в Московском театре Олега Табакова. Что касается Сор Хуаны, то она больше известна в России знатокам литературы XVII века и любителям испаноязычной поэзии. Сборник ее стихов «Десятая муза» был впервые опубликован в русском переводе еще в шестидесятые годы и переиздан в семидесятые. Кроме того, ее стихотворения включены в антологии испанской и латиноамериканской поэзии.

Переходя от ипостаси Сор Хуаны и Нелл Гвинн как литературных персонажей к их ипостаси реальных женщин XVII века, отметим, что в их происхождении есть нечто общее. Урожденная Асбахе-и-Рамирес, будущая Сор Хуана, скорее всего, была незаконнорожденной. Будучи ребенком-вундеркиндом, к восьми годам она не только научилась писать, шить и вышивать, но также прочла все книги из библиотеки своего деда. В возрасте девяти лет ее отправили в Мехико, где она продолжила образование и завоевала любовь вице-королевы Мексики, которая назначила ее фрейлиной. В течение тех пяти лет, которые она провела при дворе, она сочиняла стихи по разным поводам и прославилась своими литературными талантами и познаниями в самых разных областях науки и искусства. В возрасте шестнадцати лет Хуана решила уйти в монастырь и в начале 1669 года приняла постриг в монастыре св. Иеронима, который отличался сравнительно мягким уставом. Сюда вступали в основном представительницы богатых и знатных семей. Кроме монахинь, здесь проживало много послушниц (индианок, метисок и мулаток), находившихся у монахинь в услужении. Устав разрешал каждой монахине держать служанок. Монастырское общество включало также учениц монастырской школы и их наставниц. Монашеская келья Хуаны Инес де ла Крус напоминала, скорее, кабинет ученого. Здесь хранилось множество книг и географических карт – к концу ее жизни библиотека насчитывала четыре тысячи томов [3, с. 10]. В келье находились музыкальные инструменты и приборы для опытов. Таким образом, в монастыре были созданы условия для занятий самыми разными предметами, далекими от религиозного послушания. Хуана Инес де ла Крус обладала неиссякаемой жаждой познания: ее интересовали философия, риторика, литература, физика, математика, история и музыка.

В начале 1690-х годов Сор Хуана Инес де ла Крус вступила в религиозную полемику, написав опровержение на проповедь, составленную монахом-иезуитом Антонио Виэйрой. Епископ Пуэблы Мануэль Фернандес де Сантакрус-и-Саагуна призывал ее отказаться от мирских вещей, прежде всего, от сочинения светских стихов, и полностью посвятить себя религии. Она посвятила ему последнее свое произведение «Ответ сестре Филотее», в котором оправдывала право женщины на научные и литературные занятия. В результате ее вынудили принять обет бедности и обет не заниматься литературным творчеством. В 1695 году Сор Хуана Инес де ла Крус умерла во время эпидемии чумы. Современники называли ее «Десятой музой» и «Мексиканским фениксом».

Происхождение Нелл Гвин неясно. До сих пор ведутся споры о личности ее отца. Известно, что ее мать содержала публичный дом, где Нелл провела детство, из чего, однако, не следует, что она сама занималась проституцией. В начале 1660-х годов она начала работать в театре на Бриджес-стрит разносчицей апельсинов. Ее рыжие волосы и отменное чувство юмора привлекли к ней внимание не только посетителей, но и владельца театра господина Харта. Он предложил «апельсиновой девушке» обучиться театральной игре. В марте 1665 года Нелл Гвин впервые появилась на сцене в роли дочери Монтесумы в пьесе Джона Драйдена «Индейский император». Однако серьезные роли ей не подходили; она прославилась как комическая актриса. Около 1668 года она

познакомилась с королем Карлом II, но вплоть до 1671 года не оставляла сцену. Нелл Гвин родила королю двоих сыновей, младший из которых умер в возрасте десяти лет. Старший, Чарльз, получил впоследствии титул герцога Сент-Олбанса, и его род продолжается до сих пор. Карл II скончался в 1685 году, а Нелл Гвин пережила его всего на два с небольшим года и умерла в ноябре 1687 года. Большая часть ее состояния перешла сыну Чарльзу, однако значительную сумму она оставила на благотворительность, для бедных прихода Сент-Мартин-ин-зе-Филдс и для вызволения заключенных из долговых тюрем. Англичане очень любили ее. Нелл Гвин остается одной из самых знаменитых королевских фавориток в истории Великобритании [5].

В пьесах Эдмундсон и Суэйл широко используются исторические сведения о героинях. Между тем, пьесы имеют различную структуру и композицию. Трагикомедия «Ересь любви» Эдмундсон – классическая пятиактная пьеса, какую могла бы написать сама Сор Хуана Инес де ла Крус. Автор использует прием стилизации не столько в отношении языка пьесы, хотя стиль в ней возвышенный, сколько в отношении ее структуры. По ходу действия трагедийный элемент усиливается, а комический уходит на второй план. Комедия «Нелл Гвин» Суэйл состоит из двадцати трех хронологически последовательных эпизодов с короткими, отрывистыми репликами персонажей. Пародируя пьесы периода Реставрации в Англии, «Нелл Гвин» имеет пролог и эпилог. Язык пьесы нарочито современный, элемент стилизации отсутствует.

Пьесы Эдмундсон и Суэйл рассказывают о сильных женщинах в мире мужчин. В случае Сор Хуаны героиня оказывается жертвой жестокого мира, в то время как Нелл Гвин одерживает победу, завоевывает любовь короля и добивается в финале права голоса. Одна из зрительниц прямо назвала трагикомедию «Ересь любви» «пьесой для дам» и «феминистской пьесой» [26]. Критик Майкл Биллингтон считает «Нелл Гвин» пьесой с «феминистским посылом» [8]. Джессика Суэйл, активная участница движения Time's Up, и вовсе увязывает свою пьесу с текущим моментом: ее пьеса «о женщине, которая может постоять за себя и о том, как ее судит публика, принимают ли ее всерьез или нет»; эти темы, «никогда еще не были более значимыми» [34]. Однако не все рецензенты согласны с автором в этом вопросе. Американские рецензенты из Чикаго и Вашингтона подчеркивают неоригинальность комедии «Нелл Гвин», обвиняют Суэйл в том, что она транслирует в пьесе традиционные гендерные роли [14; 32]. По всей видимости, это связано с романтической линией – отношениями Нелл Гвин с королем Карлом II. Суэйл изображает их роман в идеалистическом ключе, подхватывая тенденцию, начатую еще в фильме о Нелл Гвин 1934 года [31, с. 66]. Ставится под вопрос и историчность комедии – Э. МакГирр называет «Нелл Гвин» пьесой «псевдобиографической» [15, с. 16]. Однако и сама Джессика Суйэл признает, что не собиралась создавать документальную пьесу, а, скорее, приношение, дар уважения исторической Нелл Гвин [29]. Музыкальная комедия должна, прежде всего, развлекать публику. При этом Суэйл широко использует материалы об английском театре второй половины XVII века. Режиссер Кристофер Ласкомб считает, что в «Нелл Гвин» есть и исторический, и политический элементы, и она не только забавная, но и серьезная, и это делает ее уникальной [11].

Обосновывая выбор трагикомедии «Ересь любви» для постановки на сцене театра Свон, режиссер Нэнси Меклер отметила в интервью, что еще в 2004 году, когда она выбирала пьесы для фестиваля испанской драмы Золотого века, на нее сильное впечатление произвела комедия самой Сор Хуаны «Дом желаний»; пьеса была «очень смешная», и ей захотелось узнать больше об авторе [27]. По мнению автора Хелен Эдмундсон история Сор Хуаны уже имеет «все составляющие хорошей пьесы» [27]. «Ересь любви» достаточно близко следует историческим сведениям о жизни Сор Хуаны. Однако это не биография и не историческое исследование, а нечто большее – это пьеса о взаимоотношениях творчества и веры [27]. «Ересь любви» вписывается в длинный ряд английских пьес последних десятилетий, затрагивающих проблему религии и церкви; это пьеса о религиозной женщине [13, с. 86-87]. Поднимая проблему места и роли женщины в христианской церкви, трагикомедия Эдмундсон вписывается в современную дискуссию о женщинах-епископах в англиканской церкви и других протестантских церквях. Таким образом, «Ересь любви» имеет «значительную связь с нашим миром сегодняшнего дня» [19, с. 5]. Актриса Дана Крол,

исполнительница роли Хуаниты, раскрывает эту связь не в религиозном, а в политическом аспекте. Она сравнивает Сор Хуану с английским политиком Барбарой Касл, «лучшим премьер-министром, которого у нас никогда не было» [28]. Она отвергает более очевидное сравнение Сор Хуаны с Маргарет Тэтчер, и ее поддерживает актер Стивен Боксер, исполнитель роли архиепископа Агияра. По его мнению, Сор Хуана намного выше Тэтчер в силу своего интеллекта и врожденной гуманности [28]. Таким образом, оба актера политизируют пьесу Эдмундсон, сравнивая Сор Хуану с английским премьер-министром Маргарет Тэтчер.

Сор Хуана-героиня пьесы Эдмундсон – женщина поразительных способностей и сильного характера. Уже в первом акте она защищает свое право на творчество вне зависимости от принадлежности к женскому полу, и разоблачает двойные стандарты по отношению к мужчинам и женщинам внутри католической церкви. В разговоре с епископом Санта Крус она спрашивает, почему на ее произведения ополчился архиепископ: «Потому что я женщина? Или потому что я монахиня?» [12, 1.2]. Между тем, ее литературное творчество – это не только возможность самовыражения, но и источник дохода. Когда отец Антонио, ее исповедник, требует от нее прекратить писать стихи, она заявляет, что он «приговаривает» ее «к бедности»: «Вы знаете лучше, чем кто-либо другой, что, в отличие от многих моих сестер, у меня нет собственного состояния. Вы бы хотели, чтобы я распустила своих слуг, отпустила свою рабыню? Чтобы я сама убирала келью? Готовила себе еду?» [12, 1.3]. Сор Хуана в пьесе осознает свою исключительность и не забывает о том, что однажды была фрейлиной при дворе. Однако она сочетает приземленную практичность и глубокую обеспокоенность несправедливостью по отношению к женщинам: «У меня есть талант, за который я должна быть наказана. В Испании были братья, священники, чьи пьесы широко расхваливали… Требовали ли от них быть столь сверхъестественно совершенными в послушании?» [12, 1.3]. Действительно, величайшие драматурги испанского Золотого века – Лопе де Вега, Кальдерон де ла Барка, Тирсо де Молина – были служителями церкви. Но для монахини литературное творчество считается неприемлемым. В ответ на резкое замечание отца Антонио насчет ее отречения от мира Сор Хуана не менее резко отвечает: «Но я не отреклась от своего разума» [12, 1.3]. Сор Хуана – женщина рационально мыслящая, она лишена мистических откровений и видений.

Конфликт талантливой и свободомыслящей Сор Хуаны с церковниками по ходу действия обостряется. Ее покровительница – вице-королева Мексики – вынуждена вернуться в Испанию. Ее исповедник занимает сторону ее гонителей, а епископ Санта Крус, влюбленный в нее и притворяющийся ее другом, предает ее. В третьем действии ей рассказывают о сожжении в Мехико книг светского содержания, и она опасается, что такая же судьба постигнет и ее личную библиотеку. В конце четвертого акта внешним обстоятельствам удается сломить Сор Хуану. Ее любимая племянница Анжелика пытается покончить с собой, рожает ребенка-бастарда и сходит с ума. Личное горе и чувство вины за невнимательность к родному человеку лишает Сор Хуану сил бороться с противниками, и она соглашается на все их условия. Однако религиозное рвение не убивает в ней человеколюбия. Перед смертью она, «птица со сломанными крыльями», как ее называет епископ Санта Крус, дает свободу своей рабыне Хуаните [12, 5.3]. Ее гуманность одерживает победу над интригами и лицемерием епископа Санта Крус и ему подобных, хотя последнее слово остается за епископом, который обещает сам себе увековечить ее имя.

В то время, как Сор Хуана Инес де ла Крус в пьесе Эдмундсон является признанным драматургом и ее воспринимают всерьез как друзья, так и враги, Нелл Гвин в пьесе Суэйл борется за право иметь собственный голос. Автор показывает несоответствие между видимостью женщин в истории как актрис и их невидимостью как писателей [31, с. 66]. По мнению самой Суэйл, историю Нелл Гвин, несмотря на ее известность как «куртизанки с добрым сердцем», никто еще не рассказывал [22]. Нелл Гвин выживает в пьесе благодаря чувству юмора и острому языку, а ее смелость и обаяние производят неизгладимое впечатление на хозяина театра господина Харта, который предлагает ей стать актрисой, хотя в то время актрис еще не было, а все женские роли, как и во времена Шекспира, исполняли актеры-мужчины. В сцене «Актер-ка» выдающийся исполнитель женских ролей Кинастон возмущается нововведениями: «Они опозорили наше ремесло. Погубили наше искусство…» [25]. Женщина на

сцене может быть только шлюхой. Актриса, «актер-ка» для Кинастона – нечто невообразимое. В ответ на замечание Харта о том, что в Нелл есть «нечто особенное», Кинастон говорит с издевкой: «Сифилис?» [25]. Для Кинастона пол не является определяющим при выборе ролей: мужчина может сыграть женщину более достоверно, чем женщина, а само понятие пола изменчиво и подвижно [31, с. 65-66]. В этом аспекте пьеса Суэйл перекликается с фильмом «Красота по-английски», в котором пол также является категорией неопределенной и расплывчатой.

В сцене «Маска Флоримеля» Нелл Гвин восстает против стереотипных изображений женских образов в современной ей драматургии. Она призывает Джона Драйдена, ведущего драматурга того времени, создавать реальных женщин для реальных зрительниц: «Напишите мне характер! С кожей и сердцем и здравым смыслом в голове» [25]. Для Нелл не существует авторитетов: в силу отсутствия образования она понятия не имеет, кто такой Шекспир, и советует покойному драматургу переработать женские образы. Героиня спокойно и здраво относится к своей репутации куртизанки: «Вы не можете оскорбить меня, сэр. Я простолюдинка. Я была шлюхой. Чего Вы так боитесь? Что я разрушу английский двор, если станцую там жигу?» [25]. Единственный эпизод, когда ее задевает пренебрежительное к ней отношение окружающих, – это сцена смерти Карла II, которого она любила и который любил ее. Нелл жалуется сестре: «Они позволили войти французскому герцогу, которого он никогда не видел. Всем придворным. Моему собственному сыну. Но не мне» [25]. Однако обида Нелл на английский двор компенсируется последними словами короля: «Не дайте бедной Нелли голодать» [25]. После смерти любимого Нелл Гвин возвращается на сцену и просит дать ей возможность хотя бы раз произнести собственный текст: «Я потратила годы на то, чтобы говорить чужие слова, и никогда не говорила свои собственные. Я бы хотела сказать свои слова. Хотя бы раз» [25]. Драйден и актеры соглашаются, и в эпилоге Нелл Гвин читает собственный монолог – текст, который, по всей видимости, сочинила реальная Нелл. В комедии Суэйл героиня обретает собственный голос.

Обе пьесы – и «Ересь любви» Эдмундсон, и «Нелл Гвин» Джессики Суэйл – имеют счастливую сценическую судьбу. Комедии Суэйл помогло то, что она сразу вошла в репертуар любительских театров [21, с. 9]. Вероятно, тот же фактор сыграл свою роль и в случае трагикомедии Эдмундсон. В 2017 году «Ересь любви» поставили в Нормале, штат Иллинойс, на сцене театра Вестхофф [17]. Постановщики подчеркивали актуальность пьесы, так как до сих пор часть людей, в том числе женщин, заставляют молчать [30]. «Нелл Гвин» в том же году объехала всю Великобританию, а в мае 2017 года вернулась на сцену театра «Глобус» [20]. В августе 2018 года премьера комедии состоялась на сцене Нового театра в Сиднее [19]. В том же году состоялась премьера в Чикагском Шекспировском театре, а в 2019 году «Нелл Гвин» идет на сцене театра Фолгер в Вашингтоне. Однако за пределы англоязычного мира пьесы Эдмундсон и Суэйл пока не вышли.

Хелен Эдмундсон и Джессика Суэйл в своих пьесах, посвященных жизни Сор Хуаны Инес де ла Крус и Нелл Гвин, продолжают традицию английской исторической драматургии XX века. Подобно предшественникам, они проводят прямую аналогию между конфликтами прошлого и проблемами настоящего. Продолжая линию, начатую в 1970-е годы еще Кэрол Черчилль, они поднимают такие острые вопросы, как отношение к женскому творчеству, роль женщины в церкви, место женщины в театре, право женщины иметь собственное мнение и свой голос. Пьесы Хелен Эдмундсон и Джессики Суэйл рассказывают, кажется, о двух совершенно разных героинях – монахине-поэтессе из Мексики и актрисе-куртизанке из Англии. Однако обе героини сталкиваются с трудностями, связанными с реализацией своих талантов и возможностей, именно в силу своего пола. Исторических Сор Хуану Инес де ла Крус и Нелл Гвин едва ли можно назвать феминистками; если реальная Сор Хуана в конце жизни еще выступала с протофеминистскими заявлениями, то Нелл Гвин никаких подобных сочинений не оставила. Однако Сор Хуана и Нелл – героини пьес Эдмундсон и Суэйл – напрямую высказывают феминистские идеи о двойных стандартах по отношению к мужчинам и женщинам и однобокому представлению женщин в театре. Таким образом, эти героини становятся близкими зрителю двадцать первого века, что и служит залогом успеха пьес «Ересь любви» и «Нелл Гвин» на сценах англоязычного мира.

Библиографический список

1. В США женщины из шоу-бизнеса основали

движение против домогательств [Электронный ресурс] // РИА новости. – 2 января 2018. – URL: https://ria.ru/20180102/1512073549.html

2. Киселева, Т. Г. Женский образ в социокультурной рефлексии [Текст] / Т. Г. Киселева. – М. : МГУКИ, 2002. – 230 с.

3. Чежегова, И. Мексиканский феникс [Текст] / И. Чежегова // Крус Х. И. де ла. Десятая муза. – М. : Художественная литература, 1973. – С. 5-22.

4. Швыдкой, М. Элиот [Электронный ресурс] // Театр и его история. – 22 мая 2019. – URL: http://istoriya-teatra.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st029.shtml

5. Эббот, Э. История куртизанок [Текст] / Э. Эббот. Электронная книга. – М. : Litres, 2017. – 1435 с.

6. Энциклопедический словарь английской литературы XX века [Текст] / отв. ред. А. П. Саруханян. – М. : Наука, 2005. – 541 с.

7. Bergmann, E. L., Schlau S. The Routledge research companion to the works of Sor Juana Inés de la Cruz / Emily L. Bergmann, Stacy Schlau. – London : Routledge, 2017. – 320 p.

8. Billington, M. Nell Gwynn review – Gemma Arterton sparkles in chaotic comedy / Michael Billington // The Guardian. – Fr 12 Feb 2016. – URL: https://www.theguardian.com/stage/2016/feb/12/nell-gwynn-review-gemma-arterton-apollo-london

9. Cantoni, V. New Playwriting at Shakespeare's Globe / Vera Cantoni. – London : Bloomsbury, 2018. – 256 p.

10. Comedy Short: Leading Lady Parts: BBC [Электронный ресурс] / реж. Дж. Суэйл // Youtube. – 3 августа 2018. – URL: https://youtu.be/fpDHNbjGivo

11. Director Spotlight: Christopher Luscombe // Youtube. – 7 Sept. 2018. – URL: https://youtu.be/lQ1T4yhc-bU

12. Edmundson, H. The Heresy of Love / Helen Edmundson // Drama Online. – URL: https://www.dramaonlinelibrary.com/plays/the-heresy-of-love-iid-141251

13. Gluhovic, M., Menon, J. Performing the Secular: Religion, Representation, and Politics / Milija Gluhovic, Jisha Menon. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 258 p.

14. Jones, C. Review: 'Nell Gwynn' at Chicago Shakes has its laughs, but when and where are we? / Chris Jones // Chicago Tribune. – Sept 30, 2018. – URL: https://www.chicagotribune.com/entertainment/theater/reviews/ct-ent-nell-gwynn-shakes-review-1001-story.html

15. McGirr, E. Nell Gwyn's Breasts and Colley Cibber's Shirts: Celebrity Actors and Their Famous «Parts» / Elaine McGirr // Jones, E., Joule, V. Intimacy and Celebrity in Eighteenth-Century Literary Culture. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 13-34.

16. Mujica, B. Shakespeare and the Spanish Comedia: Translation, Interpretation, Performance. Essays in Honor of Susan L. Fisher / Barbara Mujica. – Lewisburg, Bucknell University Press, 2013. – 308 p.

17. Nalubowa, A. School of Theatre and Dance presents The Heresy of Love / Aidah Nalubowa. – 22 March 2017. – URL: https://news.illinoisstate.edu/2017/03/school-theatre-dance-presents-heresy-love

18. Nell Gwyn // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nell_Gwyn

19. Nell Gwynn by Jessica Swale Makes Its Sydney Premiere. – Jul. 17, 2018. – URL: https://www.broadwayworld.com/sydney/article/NELL-GWYNN-By-Jessica-Swale-Makes-Its-Sydney-Premiere-20180717

20. Nell Gwynn Trailer: Blackpool Grand Theatre // Youtube. – 23 Mar. 2017. – URL: https://youtu.be/j8Yi760_aS0

21. Nicolson, H., Holdsworth N., Milling, J. The Ecologies of Amateur Theatre / Helen Nicolson, Nadine Holdsworth, Jane Milling. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 343 p.

22. Olivier Awards 2016 winners – Jessica Swale, writer of Nell Gwynn // Youtube. – 5 Apr. 2016. – URL: https://youtu.be/IWYPwIi2_4s

23. Sigal, S. Writing in Collaborative Theatre-Making / Sarah Sigal. – London : Palgrave, 2017. – 240 p.

24. Stephenson, H. Rage and Reason: Women Playwrights on Playwriting / Heidi Stephenson. – London : Bloomsbury, 2014. – 192 p.

25. Swale, J. Nell Gwynn / Jessica Swale // Drama Online. – URL: https://www.dramaonlinelibrary.com/plays/nell-gwynn-iid-160599

26. The Heresy of Love: Audience reactions // Youtube. – 7 Aug. 2015. – URL: https://youtu.be/UzMmRESFMxc

27. The Heresy of Love. Royal Shakespeare Company. An interview with The Heresy of Love writer Helen Edmundson and Director Nancy Meckler // Youtube. – 23 Dec. 2011. – URL: https://youtu.be/gvOHinpAGTE

28. The Heresy of Love. Royal Shakespeare Company. Sor Juana and The Iron Lady // Youtube. – 31 Jan. 2012. – URL: https://youtu.be/l6TVgiU7XsQ

29. 'The people loved her because she was one of them': Jessica Swale on her play Nell Gwynn // Nickhernbooks. – Jan 15 2016. – URL: https://nickhernbooksblog.com/2016/01/15/the-people-loved-her-because-she-was-one-of-them-jessica-swale-on-her-play-nell-gwynn

30. Valente, J. Life Of 17th Century Poet, Playwright, Nun Reflects Stresses On Women Today / Judith Valente // WGLT. – Apr 4 2017. – URL: http://www.wglt.org/post/life-17th-century-poet-playwright-nun-reflects-stresses-women-today#stream/0

31. Ward, J. Memory and Enlightenment. Cultural Afterlives of the Long Eighteenth Century / James Ward. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – 251 p.

32. Wingfield, K. Theater Review: Jessica Swale's «Nell Gwynn» shows a woeful lack of imagination / Kate Wingfield // Metroweekly. – Feb 14, 2019. – URL:

https://www.metroweekly.com/2019/02/theater-review-jessica-swales-nell-gwynn-shows-a-woeful-lack-of-imagination

33. Working Title Acquires Film Rights to Jessica Swale's Hit Play 'Nell Gwynn' // IndieWire. – Mar 14, 2016. – URL: https://www.indiewire.com/2016/03/working-title-acquires-film-rights-to-jessica-swales-hit-play-nell-gwynn-240568

34. Wren, C. Jessica Swale's historical comedy aims to restore Nell Gwynn's luster / Celia Wren // The Washington Post. – Jan 24 2019. – URL: https://www.washingtonpost.com/goingoutguide/theater-dance/jessica-swales-historical-comedy-aims-to-restore-nell-gwynns-luster/2019/01/23/0a934558-1d9e-11e9-8e21-59a09ff1e2a1_story.html?noredirect=on&utm_term=.16a0e94f09bc

35. Yo, la peor de todas / реж. М. Л. Бемберг // Youtube. – 24 ок т. 2011. – URL: URL: https://youtu.be/PTI7H1ohD2M

Reference List

1. V SShA zhenshhiny iz shou-biznesa osnovali dvizhenie protiv domogatel'stv = In the United States, women from show business founded an anti-harassment movement [Jelektronnyj resurs] // RIA novosti. – 2 janvarja 2018. – URL: https://ria.ru/20180102/1512073549.html

2. Kiseleva, T. G. Zhenskij obraz v sociokul'turnoj refleksii = Female image in sociocultural reflection [Tekst] / T. G. Kiseleva. – M. : MGUKI, 2002. – 230 s.

3. Chezhegova, I. Meksikanskij feniks = Mexican phoenix [Tekst] / I. Chezhegova // Krus H. I. de la. Desjataja muza. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1973. – S. 5-22.

4. Shvydkoj, M. Jeliot = Eliot [Jelektronnyj resurs] // Teatr i ego istorija. – 22 maja 2019. – URL: http://istoriya-teatra.ru/books/item/f00/s00/z0000012/st029.shtml

5. Jebbot, Je. Istorija kurtizanok = History of courtesans [Tekst] / Je. Jebbot. Jelektronnaja kniga. – M. : Litres, 2017. – 1435 s.

6. Jenciklopedicheskij slovar' anglijskoj literatury XX veka = Encyclopedia Dictionary of XX Century English Literature [Tekst] / otv. red. A. P. Saruhanjan. – M. : Nauka, 2005. – 541 s.

7. Bergmann, E. L., Schlau S. The Routledge research companion to the works of Sor Juana Inés de la Cruz / Emily L. Bergmann, Stacy Schlau. – London : Routledge, 2017. – 320 p.

8. Billington, M. Nell Gwynn review – Gemma Arterton sparkles in chaotic comedy / Michael Billington // The Guardian. – Fr 12 Feb 2016. – URL: https://www.theguardian.com/stage/2016/feb/12/nell-gwynn-review-gemma-arterton-apollo-london

9. Cantoni, V. New Playwriting at Shakespeare's Globe / Vera Cantoni. – London : Bloomsbury, 2018. – 256 p.

10. Comedy Short: Leading Lady Parts: BBC [Электронный ресурс] / реж. Дж. Суэйл // Youtube. – 3 августа 2018. – URL: https://youtu.be/fpDHNbjGivo

11. Director Spotlight: Christopher Luscombe // Youtube. – 7 Sept. 2018. – URL: https://youtu.be/lQ1T4yhc-bU

12. Edmundson, H. The Heresy of Love / Helen Edmundson // Drama Online. – URL: https://www.dramaonlinelibrary.com/plays/the-heresy-of-love-iid-141251

13. Gluhovic, M., Menon, J. Performing the Secular: Religion, Representation, and Politics / Milija Gluhovic, Jisha Menon. – London : Palgrave Macmillan, 2017. – 258 p.

14. Jones, C. Review: 'Nell Gwynn' at Chicago Shakes has its laughs, but when and where are we? / Chris Jones // Chicago Tribune. – Sept 30, 2018. – URL: https://www.chicagotribune.com/entertainment/theater/reviews/ct-ent-nell-gwynn-shakes-review-1001-story.html

15. McGirr, E. Nell Gwyn's Breasts and Colley Cibber's Shirts: Celebrity Actors and Their Famous «Parts» / Elaine McGirr // Jones, E., Joule, V. Intimacy and Celebrity in Eighteenth-Century Literary Culture. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 13-34.

16. Mujica, B. Shakespeare and the Spanish Comedia: Translation, Interpretation, Performance. Essays in Honor of Susan L. Fisher / Barbara Mujica. – Lewisburg, Bucknell University Press, 2013. – 308 p.

17. Nalubowa, A. School of Theatre and Dance presents The Heresy of Love / Aidah Nalubowa. – 22 March 2017. – URL: https://news.illinoisstate.edu/2017/03/school-theatre-dance-presents-heresy-love

18. Nell Gwyn // Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Nell_Gwyn

19. Nell Gwynn by Jessica Swale Makes Its Sydney Premiere. – Jul. 17, 2018. – URL: https://www.broadwayworld.com/sydney/article/NELL-GWYNN-By-Jessica-Swale-Makes-Its-Sydney-Premiere-20180717

20. Nell Gwynn Trailer: Blackpool Grand Theatre // Youtube. – 23 Mar. 2017. – URL: https://youtu.be/j8Yi760_aS0

21. Nicolson, H., Holdsworth N., Milling, J. The Ecologies of Amateur Theatre / Helen Nicolson, Nadine Holdsworth, Jane Milling. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 343 p.

22. Olivier Awards 2016 winners – Jessica Swale, writer of Nell Gwynn // Youtube. – 5 Apr. 2016. – URL: https://youtu.be/IWYPwIi2_4s

23. Sigal, S. Writing in Collaborative Theatre-Making / Sarah Sigal. – London : Palgrave, 2017. – 240 p.

24. Stephenson, H. Rage and Reason: Women Playwrights on Playwriting / Heidi Stephenson. – London : Bloomsbury, 2014. – 192 p.

25. Swale, J. Nell Gwynn / Jessica Swale // Drama Online. – URL: https://www.dramaonlinelibrary.com/plays/nell-gwynn-

iid-160599

26. The Heresy of Love: Audience reactions // Youtube. – 7 Aug. 2015. – URL: https://youtu.be/UzMmRESFMxc

27. The Heresy of Love. Royal Shakespeare Company. An interview with The Heresy of Love writer Helen Edmundson and Director Nancy Meckler // Youtube. – 23 Dec. 2011. – URL: https://youtu.be/gvOHinpAGTE

28. The Heresy of Love. Royal Shakespeare Company. Sor Juana and The Iron Lady // Youtube. – 31 Jan. 2012. – URL: https://youtu.be/l6TVgiU7XsQ

29. ‘The people loved her because she was one of them’: Jessica Swale on her play Nell Gwynn // Nickhernbooks. – Jan 15 2016. – URL: https://nickhernbooksblog.com/2016/01/15/the-people-loved-her-because-she-was-one-of-them-jessica-swale-on-her-play-nell-gwynn

30. Valente, J. Life Of 17th Century Poet, Playwright, Nun Reflects Stresses On Women Today / Judith Valente // WGLT. – Apr 4 2017. – URL: http://www.wglt.org/post/life-17th-century-poet-playwright-nun-reflects-stresses-women-today#stream/0

31. Ward, J. Memory and Enlightenment. Cultural Afterlives of the Long Eighteenth Century / James Ward. – Cham : Palgrave Macmillan, 2018. – 251 p.

32. Wingfield, K. Theater Review: Jessica Swale’s «Nell Gwynn» shows a woeful lack of imagination / Kate Wingfield // Metroweekly. – Feb 14, 2019. – URL: https://www.metroweekly.com/2019/02/theater-review-jessica-swales-nell-gwynn-shows-a-woeful-lack-of-imagination

33. Working Title Acquires Film Rights to Jessica Swale's Hit Play 'Nell Gwynn' // IndieWire. – Mar 14, 2016. – URL: https://www.indiewire.com/2016/03/working-title-acquires-film-rights-to-jessica-swales-hit-play-nell-gwynn-240568

34. Wren, C. Jessica Swale’s historical comedy aims to restore Nell Gwynn’s luster / Celia Wren // The Washington Post. – Jan 24 2019. – URL: https://www.washingtonpost.com/goingoutguide/theater-dance/jessica-swales-historical-comedy-aims-to-restore-nell-gwynns-luster/2019/01/23/0a934558-1d9e-11e9-8e21-59a09ff1e2a1_story.html?noredirect=on&utm_term=.16a0e94f09bc

35. Yo, la peor de todas / реж. М. Л. Бемберг // Youtube. – 24 ок т. 2011. – URL: URL: https://youtu.be/PTI7H1ohD2M

Дата поступления статьи в редакцию: 14.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10503
УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов https://orcid.org/0000-0002-6890-7894

Вторая мировая война в контексте отечественной ментальности

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. В данной статье, продолжающей предыдущие публикации, рассматривается тот «творческий ответ» находящегося у власти Сталина, который ему приходится давать в ситуации кризиса революции 1917 года, что начал ощущаться в последующие десятилетия, и в ситуации возникшей в мире милитаристской атмосферы как предвосхищения второй мировой войны. Вторая мировая война – это одно из самых значительных событий в мировой и, естественно, в отечественной истории. Именно в этом событии, потребовавшем крайнего напряжения народа и свидетельствующем об опасности исчезновения всей российской цивилизации, сплелись многие психологические комплексы русского народа, в том числе, и те, что формировались в глубокой истории и успели превратиться в архетипические формулы. К такому архетипу относится и идея России как «третьего Рима», а эта римская традиция была передана Руси от Византии. Естественно, что стоящий в это время во главе государства Сталин должен был разгадать все эти архетипические смыслы. Ведь грядущая катастрофа требовала максимальной концентрации духа, средоточия всех духовных и физических сил. Ведь из этих смыслов и состояло то, что обычно называют ментальностью. Надвигающиеся события будили в сознании русского человека усвоенную от Византии мессианскую идею ответственности за судьбу всего мира. Эта идея во время второй мировой войны не только актуализируется в сознании, но и реализуется в жизни. Русский человек ощущал эту великую ответственность за судьбы мира, а самое главное, смог убедиться, что она и в самом деле им может быть реализованной в жизни. Собственно, именно это и делает вторую мировую войну не только самым великим событием с большой буквы в истории XX века, но и исключительным сакральным событием. В этой войне проявились лучшие стороны духа русского человека. В этой ситуации Сталин, жертвуя идеалами революции, насаждает в стране тоталитарный режим, который, как он предполагает, становится неизбежным в силу необходимости противостоять Вызову со стороны Запада и, в частности, со стороны Германии. Реализуя свой «творческий ответ», как бы его не оценивать с точки зрения сегодняшнего дня, в новых условиях, Сталин с помощью пропаганды из не самых известных деятелей революции 1917 года становится самым известным, по сути, спасителем российской цивилизации. Ирония истории, правда, заключается в том, что в XX веке в историю входит новая цивилизация, долгое время таковой не воспринимающаяся. Это Америка. Ее претензии на статус цивилизации – лидера усложняет послевоенную ситуацию во взаимоотношениях между цивилизациями. Подвиги в новое время вождя начинают осмысляться в соответствии с теми ценностями, что несет с собой эта новая цивилизация.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, модерн, вторая мировая война, первая мировая война, революция 1917 года, распад империи, лидерство в истории, ментальность, имперский комплекс, Сталин, третий Рим, византийская традиция, русская идея, мессианизм, базовый тип личности, архетип, Тойнби, тоталитаризм.

N. A. Khrenov

World War II in the context of domestic mentality

The article continues a series of publications in the field of cultural-philosophical research of the Russian Revolution and post-revolutionary era in the history of Russia as a civilization. This article, which continues previous publications, considers the «creative response» of Stalin in power, which he has to give in the situation of the crisis of the revolution of 1917, which began to be felt in the following decades, and in the situation of the world 's militaristic atmosphere as anticipation of the Second World War. The World War II is one of the most significant events in the world and, naturally, in domestic history. It was in this event, which required extreme tension of the people and testifies to the danger of the disappearance of the entire Russian civilization, that many psychological complexes of the Russian people were combined, including those which formed in deep history and managed to turn into archetypal formulas. Such an archetype includes the idea of Russia as the «third Rome,» and this Roman tradition was transferred to Russia from Byzantium. Naturally, Stalin being the head of the state at that time had to solve all these archetypal meanings. After all, the coming disaster required maximum concentration of spirit, the focus of all spiritual and physical forces. After all,

© Хренов Н. А., 2019

these meanings make what is usually called mentality. The impending events awoke in the consciousness of the Russian man learned from Byzantium the messianic idea of responsibility for the fate of the whole world. This idea during the Second World War is not only updated in consciousness, but also realized in life. The Russian man felt this great responsibility for the fate of the world, and most importantly, was able to make sure that it could really be realized in life. In fact, that is what makes the Second World War not only the greatest capital-letter event in the history of the twentieth century, but also an exceptional sacral event. In this war the best sides of the spirit of the Russian man presented. In this situation, Stalin, sacrificing the ideals of the revolution, establishes a totalitarian regime in the country, which in his opinion becomes inevitable because of the need to confront the Challenge from the West and, in particular, from Germany. By implementing his «creative response,» no matter how it is assessed from the point of view of today, in the new conditions, Stalin, through propaganda from not the most famous figures of the 1917 revolution, becomes the most famous, in fact, savior of the Russian civilization. The irony of history, however, is that in the XX century history includes a new civilization, for a long time it is not perceived. This is America. Its claims to the status of a civilization-leader complicate the post-war situation in relations between civilizations. They begin to understand feats in the new time of the leader in accordance with the values that this new civilization brings with it.

Keywords: clash of civilizations, modern, World War II, World War I, 1917 revolution, the collapse of the empire, leadership in history, mentality, imperial complex, Stalin, the third Rome, the Byzantine tradition, the Russian idea, messianism, the basic type of personality, archetype, Toynbee, totalitarianism.

Вторая мировая война-событие исключительной важности как для нас, русских, не случайно мы ее называем Отечественной войной, так и для остальных народов. Это событие мирового значения. Можно попытаться это показать, соотнося ее с тем мировосприятием, что возникло в XVIII веке, получив обозначение как модерн. На протяжении всех последующих столетий оно имело колоссальное воздействие и на умы отдельных людей, и на исторические процессы. Но для того, чтобы к этой, пока еще не обсуждаемой в литературе теме подойти, мы попробуем предварительно обсудить тему значимости этой войны для России. Эту тему мы мыслим как ступеньку, позволяющую затем обсудить вопрос об отношениях этой войны и мировосприятия модерна, которое хотя и признано уходящим в прошлое, но, судя по амбициозным установкам некоторых лидирующих сегодня в мире государств, все еще продолжает быть активным.

Г. Федотов утверждал, что вторая мировая война является вторым актом первой мировой войны [17]. Как известно, первая мировая война для России стала исходной точкой революции 1917 года. Первая мировая война ускорила крах старой империи. Но этот распад империи развертывался постепенно. Его можно было прогнозировать уже в XIX веке. Если бы не было первой мировой войны, российская империя существовала бы дольше. Как тут не вспомнить Гегеля, увидевшего в войне не только негативные, но и позитивные процессы, ускоряющие ход истории. «Высокое значение войны состоит в том, что благодаря ей – пишет Гегель – как я это выразил в другом месте, … сохраняется нравственное здоровье народов, его безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которые непременно явились бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира» [6].

Следствием первой мировой войны явился не только распад старой российской империи и возникновение революции 1917 года, но и того, что она, в свою очередь, ускорила распад других мировых империй. «Мировая война 1914-1918 годов – пишет А. Тойнби – вынесла на поверхность тенденцию, подспудно зревшую уже не менее века. К 1918 году одна из тех восьми великих держав, которые существовали в 1914 году, совершенно исчезла с политической карты, две другие, искалеченные, находились в состоянии прострации, а одна из более или менее благополучно выживших стала энергично перестраиваться в поисках „самоуправления доминионов"« [15]. Первая мировая война ускорила утрату лидерства Запада в мировой истории, продолжающегося несколько столетий, что, конечно, обеспечивало в мире некоторое единство и стабильность, но в то же время и сдерживало развитие духовного потенциала разных народов. В течение длительного времени они находились под воздействием существующих империй, но уже успели созреть для более активного вмешательства в историю.

Конечно, с Гегелем невозможно не согласиться. Но, с другой стороны, Гегель все же не учитывает и другие последствия войны, не обязательно позитивные и совсем непозитивные. Мы попробуем этот момент выявить во второй миро-

вой войне, фиксируя внимание на том, как ментальный комплекс народа, соединившись с имперским комплексом, оказался благоприятным для планетарных амбиций диктатора Сталина, который, реабилитируя византийский фундамент российской цивилизации, попытался все-таки реализовать идею большевиков и, прежде всего, Ленина и Троцкого, всем известную как мировая революция. Но, в отличие от Ленина и Троцкого, веривших в то, что мировую революцию будут совершать сами пролетарии всех стран, а русская революция послужит лишь запальником для такой революции, сталинский план мировой революции, возможно, предусматривал организацию такой революции с помощью армии и оружия.

В связи с этим нельзя не принять во внимание и те апокрифы о второй мировой войне, которые хотя официальными историками и отвергаются, но, тем не менее, имеют хождение, в том числе, и в печатных формах. В частности, можно допустить, как это и утверждается в такого рода апокрифах, что если иметь в виду, что сталинский замысел развертывания второй мировой войны как раз и предусматривал реализацию большевистской идеи мировой революции, то следует согласиться и с тем, что эта идея, несмотря на победу русских в этой войне, второй раз потерпела крах. Конечно, трудно отвергать официальную точку зрения, связанную с началом войны, которая заключалась в том, что Гитлер напал на Советский Союз неожиданно, в силу чего советская армия оказалась в трудной ситуации, начав отступать. Так оно и было, несмотря на то, что Сталин об этом нападении имел информацию от разных источников. Неожиданным для Сталина, возможно, было то, что такое внезапное нападение Гитлера его замыслу не соответствовало.

Если исходить из диктаторских амбиций Сталина, то это следует признать вероятным. Как утверждают апокрифы, замысел Сталина заключался в том, что Гитлер должен был сначала овладеть западными странами, а Сталин должен был явиться с армией в эти страны, представ их освободителем от Гитлера, а самого Гитлера низвергнуть. Но этот освободительный акт Сталина на самом деле оказывался оккупацией, овладением Западом, который упаковывался в приемлемые образы. Именно об этом свидетельствует то обстоятельство, что до самого начала войны Россия снабжала Гитлера всем необходимым для вооружения Германии. Если с этим согласиться, то нападение Гитлера, действительно, явилось внезапным и неожиданным. Но это только объясняет то, что Гитлер мог разгадать план коварного Сталина и поспешил его разрушить, неожиданно напав на Советский Союз.

Ирония заключается в том, что в ходе второй мировой войны, как утверждают апокрифы, существовал или, может быть, точнее, возник и еще один план – уже геополитического масштаба, хотя это и маловероятно. Столкновение в войне двух империй – большевистской и немецкой могло еще не определять расклад сил. План Сталина и план Гитлера могли быть частными моментами гораздо более перспективного сценария, осуществляемого американцами и, в частности, как утверждают некоторые апокрифы, Рузвельтом. Столкновение в этой войне двух империй способствовало их закату, одной – сразу же, другой, спустя десятилетия. Война подорвала и материальный, и духовный фундамент вступивших в войну народов. Американцы же, длительное время не вступавшие в войну и сохранявшие свой потенциал, воспользовались создавшейся ситуацией и, как показало время, оказались хотя и не воевавшими, но единственными реальными победителями в ходе второй мировой войны, о чем и свидетельствовало их последующее процветание.

Но сейчас мы сосредоточим внимание не на амбициях и замыслах диктаторов, запустивших машину уничтожения, а на ментальном комплексе народа, оказавшегося в этой ситуации жертвой, но в то же время и продемонстрировавшего сталь значимые ментальные комплексы, которые способны оздоровить мир в последующей послевоенной ситуации, то есть уже в XXI веке, когда кажущийся оптимистическим и созидательным модерн продемонстрирует свою оборотную сторону и не только в русском, но и в американском варианте. Это время заката модерна уже приближается. Но оно станет реальным, когда американский вариант модерна окажется изжитым. Подведенный под него американцами военный, а, по сути, имперский фундамент этому закату, естественно, будет способствовать.

Почему вторая мировая война – исключительное событие для русских? Потому что она затронула самые проблемные, узловые моменты нашей ментальной и нашей коллективной идентичности, вызванной к жизни еще в эпоху Средневековья. В данном случае, пытаясь это осознать, мы продолжаем тему функционирования цивилизаций в больших исторических длительностях. Не случайно на торжественном обеде для командования в Кремле в 1945 году по случаю победы Сталин произнесет дифирамб русскому

народу за его здравый смысл и терпение. По сути, речь идет о ментальности русских. «У нашего правительства, – говорил Сталин – было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 гг… Какой-нибудь другой народ мог сказать: вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой… Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступать, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением. Однако русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все-таки с событиями справимся. Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое» [11].

Именно потому, что вторая мировая война затронула ментальность народа, она должна быть рассмотрена в истории культуры, осмыслена в контексте русской культуры. Очень многие проблемные комплексы, которые сформировались в удаленные эпохи и, казалось, уже не существуют, активизируются в ходе войны и входят в сознание. В этом смысле Н. Бердяев прав, утверждая, что война имеет отношение к каждому из нас [4]. Но как понимать это утверждение? Происхождение некоторых комплексов, характерных для исторической психологии русских, связано еще с идеей инока Филофея, ставшей государственной идеей, а она, в свою очередь, стала выражением той самой «русской идеи», о которой в последние двадцать-тридцать лет много говорят. В либеральную эпоху, в которой мы сегодня пребываем, кажется, признано, что это плод воображения. Но ведь в ментальности многое не только от реальности, но и от воображения.

Проявив к «русской идее» интерес в ельцинскую эпоху, исследователи, находясь под влиянием либеральных идей, тут же ее отвергли. Это совершенно понятно. Но от этого отмахнуться невозможно, поскольку идея Филофея затрагивает одну из тех культурных и духовных традиций, которые были русскими ассимилированы и определили нашу ментальность как в ее позитивных, так, возможно, и в негативных моментах. Что касается позитивных моментов, то здесь, конечно, имеется в виду христианская основа русской ментальности, а что касается негативных моментов, то тут речь должна идти о том, как эта христианская закваска трансформируется под воздействием имперской идеи как по своему духу языческой и исходящей из культа силы. Нельзя утверждать, что во второй мировой войне эти две традиции оказывались в гармонии.

Мы отдаем отчет в том, что далеко не все могут согласиться с тем видением войны, которое мы ставим в зависимость от ментальности русских. Но если этого не делать, то невозможно понять установки, что сработали в прошлом, и мы не поймем даже то, что происходит сегодня, в первые десятилетия XXI века. Наш актуальный политический опыт свидетельствует, что мы продолжаем быть верными тому, что было решающим в прошлые столетия. Русские когда-то, подхватив эстафету в Византии, назвали себя Римом, третьим Римом. Этот факт всем известен, но едва ли до конца осмыслен. Осмысление в современной ситуации этого обстоятельства оказывается неудобным, не соответствующим либеральным императивам. Оно может привести к изменению тех особых взаимоотношений России с Западом, которые в период ассимиляции и утверждения в России западного либерализма весьма удобны.

Между тем, именно А. Тойнби, а не кто-либо из современных русских консерваторов придавал определяющее значение воздействию на Россию именно Византии, что определяло отношение России к Западу не только на протяжении нескольких столетий, но даже и в XX веке, когда Россия развивалась в соответствии с установками марксизма [16]. Заимствованная на Западе марксистская теория, как оказывается, не исключала следование византийской традиции. А иначе, как понять то, что большевики стремились реализовать свои идеи на фундаменте жесткой государственности. Ведь Рим, как и Византия, подобно сегодняшней Америке, в свое время претендовал на лидерство в мировой истории, да отчасти эту идею в реальности и осуществлял. То же самое стремилась делать и Византия. В свое время византийский денарий был тем же, чем сегодня является американский доллар. Потому Византия и называлась вторым Римом. Но, подхватывая эту эстафету у Византии, русские добровольно, в соответствии с логикой эстафеты принимали ответственность за судьбу всех остальных народов, не важно, нуждались ли эти народы в этом или нет. Но этот универсализм мышления потребовал от них колоссального напряжения и воли. Чтобы иметь возможность воздействовать на других, необходимо, прежде всего, укреплять себя, свою страну, свое государ-

ство, предъявлять к себе самые жесткие требования и их выполнять.

Собственно, формирующееся представление русского народа о себе как о способном занять исключительное место в истории как раз и называется мессианизмом, который в истории случался у других народов и раньше, например, у евреев. Между тем, интересно, что некоторые народы таких амбиций были лишены. Так, В. Розанов в этом отказывал древним грекам («Греки не знали мессианизма, не звали его. В эпоху, однако, от нашествия персов до смерти Александра Македонского, приблизительно века в два, они натворили таких и столько дел, что „мессианизм" в светской и образовательной форме у них как-то сам собою вышел» [14]). Не было мессианизма и у французов ни в эпоху королей и маркизов, ни в эпоху санкюлотов и Бонапарта. («У них сиял „каждый день", а не „завтра", и „мессии", можно сказать, рождались ежедневно, то в дворцах, то под лавкой, то, как король солнца, то, как бездомный Руссо» [14]).

Что же касается русских, то, по мнению В. Розанова, под влиянием этого комплекса оказывались, в том числе, славянофилы и даже Достоевский. Однако когда возникает мессианская вера в собственное избранничество, то имеет место и ответственность, требующая колоссального напряжения и, разумеется, собранности, дисциплины и, что печально, ограничения свободы. Может быть, именно этим ограничением свободы можно объяснить то обстоятельство, что русские вызвали к жизни сильное государство, а, точнее, одну из могущественных империй, хотя, казалось бы, такое бремя психологии русских и не соответствовало. Вот почему Н. Бердяев формулирует жестокую правду о России, утверждая, что она является самой государственной и самой бюрократической страной в мире. «Силы народа, – пишет он – о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства» [4].

Раз Рим второй был империей, то такова судьба русских – Россия тоже должна стать империей. Такая твердыня стала гарантией осуществления принятого на себя бремени ответственности за судьбы мира. Это и есть мессианизм. Империя – залог прочности и стабильности не только российского универсума, но всего мироздания. Когда эта тема затрагивается в литературе, то она часто осмысляется лишь под тем углом зрения, когда критикуется извечная предрасположенность российской государственности к тоталитаризму. По мнению многих, вина за этот уклон лежит исключительно на правящей элите. Но в том-то все и дело, что упавшая на плечи русских ответственность – это не только внедряемая в них властной элитой ответственность, но и добровольно принимаемая всеобщая, а, следовательно, и идущая снизу ответственность, что и позволяет утверждать, что эта ответственность становится для ментальности русских определяющей.

Собственно, именно такая ментальная установка и лежит в основе того, что обычно называют русской национальной идеей, которую, как кажется, уже признали, определить невозможно. Но она все же существует и ментальность русских определяет. Проблема, правда, заключается в том, что со времен И. Фихте подобный мессианизм существует не только в России. Но и в Германии. Так, в своей повести, написанной в форме дневниковых записей и изданных в Мюнхене в 1929 году, Иозеф Геббельс пишет: «Существует немецкая идея, как, впрочем, и русская. В будущем они должны будут учитывать друг друга…» [9]. Что же свидетельствует о существовании немецкой национальной идеи? Что является ее содержанием? Как ее понимают сами немцы? По мнению Йозефа Геббельса, в призвании немцев освободить себя и другие народы («И миссия эта имеет международное значение. Если Германия рухнет, свет во всем мире погаснет» [9]).

Речь ведь идет не о ментальности только правящей элиты. Ментальность подразумевает всеобщность. Но всегда ли в исторической реальности русские оказывались способными, несмотря на приносимые на алтарь не чужого, а собственного государства добровольные жертвы, эту ответственность в истории осуществлять? Хотя на счету российского государства множество ярких героических страниц, тем не менее, такая исключительная ответственность осуществлялась не всегда. Вот это обстоятельство стало основой трагедии, без которой, видимо, русской ментальности не существует. Ведь каждый раз трагедия возникает в истории лишь у тех народов, которые ставят перед собой великие цели и пытаются их реализовать. Но удается это далеко не всегда. Приходится удивляться тому, что в нашем искус-

стве не получает развития трагедия как жанр. Мы все пытаемся развлекаться. Особенно сегодня. Такое ощущение, что с помощью развлечения хочется о чем-то забыть, от чего-то тяжелого отвлечься. А отвлекаться есть от чего. Причины имеются. В ситуации распада империи, возведенной Сталиным, русские вновь вернулись к той ситуации, что складывалась в России в связи с распадом царской империи, а именно, с тяжелыми раздумьями уже о судьбе российской цивилизации в целом.

Лишь обращение к военной теме пробуждает не чуждое нам чувство трагического, вызывает к жизни тот катарсис, что возникает от соприкосновения с сакральным. Но война и есть незримо обеспечивающий единство грандиозный сакральный акт. Вот об этом единении целого народа – русских хорошо сказал В. Розанов в разгар первой мировой войны. «Вся Русь слилась в одного человека, – пишет он, – Уже велик этот момент, велик и редок. Все поднялось, все поднялись. И нужда, и радость, и труд, и надежда, – все, как одна стрела, пронизавшая сто пятьдесят миллионов сердец» [14]. Не случайно у Достоевского есть такая мысль: «Если бы не было войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой. Пойдите в трагедию, смотрите на статуи. Вот Гораций Корнеля, вот Аполлон Бельведерский, поражающий чудовище» [7]. Поэтому искусство, демонстрирующее перманентный кризис, постоянно черпает в войне веру в то, что в мире существует что-то, перед чем следует склонить голову. Если еще и есть сегодня у нас что-то, что нас объединяет, то это память о тех, кто пожертвовал своими жизнями и чист от той вакханалии потребительства, которая как раковая опухоль в последние десятилетия в России распространялась. Именно память о войне, а не театрализованное, поверхностное православие позволяет культивировать нечто религиозное и сакральное. Религия вообще начинается с обожествления умерших героических предков.

Может быть, этот ментальный комплекс объясняет, почему Россия пытается, в том числе, и в XX веке не только сохранить и государственность в форме империи, но и заново ее возродить, хотя, кажется, она уже ушла в прошлое. Причем, государственность в самой жесткой ее форме, требующей ограничения свободы личности. Дело доходит до того, что, как отмечал Н. Бердяев, невозможность избавиться от культа государственности, которое русский народ постоянно воспроизводит в своей истории, приводит к амбивалентному отношению к государству. Мы уже успели сказать о мысли Н. Бердяева о русских как самом государственном народе. Но в том же самом сочинении философ утверждает и нечто противоположное, а именно то, что русский народ является самым безгосударственным («Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире» [4]). Именно поэтому анархизм является выражением русского духа. «Никто не хотел власти, – пишет Н. Бердяев – все боялись власти как нечистоты… Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство – это «они», а не «мы» [4]. Русский народ не очень любит свою государственность, но, с другой стороны, и не может без нее обойтись. Может быть, именно это обстоятельство объясняет, почему в России эпохи оттепели, а значит, либерализации, а их несколько (например, в эпоху Александра I, Александра II, в эпоху Серебряного века и т. д.), постоянно сменялись возвращением к жесткой государственности. Эта историческая закономерность, кстати, прослеживается в книге А. Ахиезера [1].

Говоря о мессианизме русских, мы пока не расшифровали его с содержательной стороны. Ведь ответственность русских за судьбу других народов вовсе не связана с их воинственностью и стремлением захватить другие народы и их подавить. Речь идет о восстановлении на всей земле братства и справедливости. Именно это содержание и вкладывается и в мессианизм, и в русскую идею. Русский человек, оказывается, готов даже к ограничению личной свободы. Готов ради всеобщего мира, братства и единения. Об этом убедительно писал Г. Федотов. Философ показал, что в психологии народов продолжают сохраняться способные в ситуации политических катастроф демонстрировать свою активность древнейшие структуры сознания. Причем, такие культурно-исторические слои способны получать выражение в существующих базовых психологических типах.

Так, применительно к России Г. Федотов утверждает, что в ее культуре существуют два таких базовых типа личности. Первый тип он

называет вечным искателем, максималистом и беспочвенником. Такой тип получил обозначение как странник. Второй тип является жестковолевым типом, оказавшимся в средневековой Руси строителем третьего Рима. Г. Федотов называет его фаталистом, не доверяющим разуму. В нем реальными остаются восточные архетипы. Буйство стихийных сил в нем укрощено вековой дисциплиной. Характеризуя этот тип, философ пишет: «Спокойная, уверенная в себе сила. За молчанием чувствуется глубокий, отстоявшийся в крови опыт Востока» [17].

Любопытно, что вечный искатель и максималист проявил себя в революции, а вот тип средневекового москвитянина стал психологической основой возведения «третьего» Рима в сталинской редакции. «Это московский человек, – пишет Г. Федотов – каким его выковала тяжелая историческая судьба. Два или три века мяли суровые руки славянское тесто, били, ломали, обламывали непокорную стихию и выковали форму необычайно стойкую. Петровская империя прикрыла сверху европейской культурой Московское царство, но держаться она могла все-таки лишь на московском человеке. К этому типу принадлежат все классы, мало затронутые петербургской культурой» [17]. Измученный революциями и гражданской войной беспочвенник и скиталец – русский европеец уходит на периферию. На смену ему приходит и проявляет активность восточный тип – москвитянин, благополучно отсидевший в русской деревне два столетия императорской России. «Вековая привычка к повиновению, – пишет Г. Федотов – слабое развитие личного сознания, потребности в свободе и легкость жизни в коллективе, «в службе и в тягле» – вот что роднит советского человека со старой Москвой» [17]. Похоже, что именно этот психологический тип приходит каждый раз после очередных революций и радикальных реформ. В истории России он всегда приходил и приходит сейчас.

Г. Федотов позволяет понять психологические основания чередующихся в России периодов оттепели и заморозков, что и показано в книге А. Ахиезера, хотя его и не интересовали психологические аспекты русской истории. Тем не менее, несмотря на несходство базовых психологических типов, основные особенности русской ментальности, связанной со стремлением к всеобщему братству, ради которого можно приносить в жертву многое, в том числе, свободу, в любом случае сохраняются. Так случилось, и этому способствовал разгул анархизма в ситуации революции, что на рубеже 20-30-х годов в русском народе активизировалась ментальность москвитянина с присущим ему стремлением навести в связи с распространяющейся смутой порядок. Ментальная почва была готова, оставалось лишь найти лидера, способного этот ментальный комплекс оформить в идеологию.

Следует сказать, что ментальные качества русских, о которых мы говорим, подмечены не только отечественными, но и зарубежными философами. Такие качества, то есть стремление к всеобщему братству, ради которого можно пожертвовать свободой, немецкий философ В. Шубарт провозгласил особенно значимыми для XX века, а народ – обладатель этих ментальных свойств, согласно его теории, должен занять в новой истории после распада европоцентризма место лидера. Почему же в истории возникла новая ситуация? И почему требуется именно такой тип личности? Выясняется, что история уже давно развивается под знаком единства, что сегодня называют глобализацией. Между тем, не все народы, в том числе, и те, что претендуют на роль лидера в истории, этому новому процессу в истории соответствуют. Такое расхождение между ментальностью конкретных народов, с одной стороны, и новыми историческими процессами, с другой, порождают напряжение. Раз Запад утрачивает лидерство в мировой истории, то возникает альтернатива. Это ставит Россию в новое положение.

По поводу радикальных «геологических» сдвигов в истории XX века Н. Бердяев пишет так: «И если близится конец провинциально замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально-замкнутой жизни России. Россия должна выйти в мировую ширь. Конец Европы будет выступлением России и славянской расы на арену всемирной истории, как определяющей духовной силы» [4]. Эту мысль русского философа как раз и подхватывает В. Шубарт. В своей книге о России он напишет следующее: «В иоаннической эпоху центр тяжести культуры снова сместится. Потому что эон мессианского человека с его религиозной душой не может смириться с духовным лидерством северных народов, привязанных к земному. Он передаст лидерство в руки тех, кто обладает склонностью к сверхмирному в виде постоянного национального свойства, а таковыми являются славяне, и в особенности – русские. Грандиозное событие, которое сейчас готовится, – это восхождение славянства как ведущей культурной силы. Возможно, это кому-то режет слух, но

такова судьба истории, которую никому не дано остановить: грядущее столетие принадлежит славянам» [18].

В первой половине XX века вопрос, кто будет лидером в семье народов, обсуждался. Его, например, не обходит Х. Ортега-и-Гассет. Подхватывая идею Шпенглера о «закате» Европы, философ пишет: «Три века Европа правила миром, а сегодня она уже не уверена, что правит и, тем более, – что будет править» [12]. Ослабление Запада стало следствием активизации других народов, спешащих объявить устарелой систему европейских ценностей. Среди новых претендентов на роль лидера в мировой истории философ называет Америку и Россию. Правда, к ним у философа доверия все же нет, поскольку проявить себя они еще не успели. Так, например, Россия у него представлена весьма юной («Народ еще не перебродивший, молодой, едва ли не юношеский» [12]). Этот народ, правда, подает себя носителем марксизма. Но, рассуждает испанский философ, во-первых, марксизм есть система, созданная Западом применительно к своим проблемам и, следовательно, победа марксизма в России, где нет промышленности, была бы величайшим противоречием, а, во-вторых, в России не больше марксистского, чем было римского в германцах Священной Римской империи. В результате Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что для России марксизм – искусственное и не укорененное в культуре порождение. А вот в этом-то испанский философ как раз и ошибается. Н. Бердяев объяснил, что «большевизм воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божия на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной форме, русской верой в особые пути России» [2].

Тем не менее, проницательно звучит суждение Х. Ортеги-и-Гассета о том, что наступит момент, когда сталинский марксизм будет изложен на языке русской истории. Ведь под этим марксизмом нет ничего, кроме возродившихся в XX веке традиций русской истории. Это совсем небанальная мысль. Мы как раз в этом направлении и рассуждаем. Не отрицая того, что по мере возмужалости Россия окажется способной играть значимую роль в истории, философ переходит к другому молодому народу – Америке. Но и американцы, по мнению философа, пока не могут справиться с лидерством. «Америка – пишет он – сильна своей молодостью, которая служит современному культу «техники», как служила бы культу Будды, будь на повестке дня буддизм. Но при этом Америка только начинает свою историю. Ее тревоги и распри еще впереди. Ей предстоит еще много перевоплощений, в том числе, – полярных практицизму и культу техники. Ведь Америке куда меньше лет, чем России… Америка еще не испытана жизнью; наивно думать, что она способна править» [12].

Но в XX веке история развивается стремительно. Когда Шпенглер после первой мировой войны перечислял число существующих на планете культур, Америки он еще не заметил. Но такой Америка становится во второй половине XX века. В этом смысле сознание американской правящей элиты в ходе мировой войны заслуживает особого внимания. Не случайно апокрифы доказывают, что победителем во второй мировой войне оказался не только не Гитлер, но даже и не Сталин, если, конечно, оценивать исход второй мировой войны с точки зрения большевистского проекта мировой революции в редакции Сталина. Последующая история показала, что вторая мировая война оказалась исходной точкой для успешного развития Америки, не принесшей в первой мировой войне в жертву ни своих материальных, ни духовных, ни витальных сил.

Когда развернулась первая мировая война, о ментальности народов никто не размышлял. Идеи французской школы историков, сосредоточившейся на проблеме ментальности, будут ассимилироваться позднее. Поэтому ментальность и ее влияние никто в расчет не принимал. Но она, тем не менее, многое в истории, в том числе, в возникновении и прекращении войн определяла. Когда в годы первой мировой войны в Украине в очередной раз активизировались настроения, связанные с отделением от России, В. Розанов пытался убедить украинцев в том, что они ставят этот вопрос в трудное для России время, когда плоды долгого исторического собирания Руси в единое целое, кажется, исчезают («Не торопите нас, хохлы, – не торопите в эти страшные дни, месяцы, годы: и вам все будет дано, будет дано больше и лучше, чем вы сами желаете» [14].

В. Розанов пытается опровергнуть обвинение, которое предъявляется России как носителю духа империализма. Именно потому он затрагивает существенные моменты ментальности русских,

утверждая, что русские обладают «величайшей объединительной властью для тех, грядущих времен, когда мягкость и ласка, доброта и деликатность сделаются единственной властью для народов и человека» [14]. В качестве аргумента присутствия в русских связующей, объединительной силы, не связанной с жесткой властью, философ напоминает, что свою историю этот народ начал с призвания над собой чужой, инородной власти, что в истории является редкостью («Ни одна история не начиналась этим поступком кротости и безвластия» [14]). К этому проницательному суждению В. Розанова, коснувшегося именно ментального комплекса русских, следовало бы добавить то, что принес с собой XX век, а именно, то, что место лидера, к необходимости появления которого история на рубеже XIX–XX веков подвела, должен был занять не национальный герой, не этнически русский.

Об этом комплексе ментальности русских, связанной с идеей братства, всегда знали поэты, в том числе, современные. Не случайно поэты, например. Е. Евтушенко, в поэзии которого снова возродился планетарный пафос и чувство ответственности за все, что происходит в мире, что было характерно, например, для поэзии В. Маяковского, проговариваются, и этот ментальный комплекс братства выходит в сознание. Об этом свидетельствует, например, поэма Е. Евтушенко «Под кожей статуи свободы», в которой есть такие строчки: «Морально наг, морально бос // Родителей проклятье, // Я все же верую, как Бернс: // Все люди станут братья!» [8]. Вот этот столь характерный для русских ментальный комплекс у поэта трансформируется в планетарный комплекс. Это один из ярких примеров выражения ментальности в поэтической форме.

Осознавая особую ответственность за судьбу других народов, сделав ее своей, русский народ на длительное время оказался во власти этого ментального комплекса. Он нуждался в том, чтобы осознание этой ответственности подтверждалось в реальности. В русской истории, в народном сознании значительными оказывались лишь те события, которые эту идею подтверждали. История ведь воспринимается в соответствии с ментальностью. Нам, русским, свойственно особое отношение к истории, которое может и не совпадать с ментальными установками других народов. Мы по-своему прочитываем и свою собственную историю, и историю других народов. В соответствии с ментальными установками, но они и есть установки культуры.

Получается, что нужно отличать войну как реальное, объективно существующее событие истории от того ментального образа, который присваивается войне массовым сознанием. Этот образ формируется в глубокой истории. Наконец, мы подходим к ответу на вопрос, почему вторая мировая война оказалась для нас, русских, исключительным событием. Да, вторая мировая война оказалась очередным, но и весьма редким в нашей истории событием, событием с большой буквы, подтверждающим присущее нам мессианское отношение к миру. Это не просто событие, а символическое для нашей истории событие. Свойственное русским отношение к другим народам, к миру вообще подтвердилось именно во второй мировой войне.

Мы говорим – очередным, поскольку предшествующим событием такого рода для русских должна была стать революция 1917 года, которая мыслилась русскими вопреки марксистской упаковке тоже в мессианском средневековом духе, но, к сожалению, в реальности таковой не стала. Слишком трагичными оказались результаты, разочаровавшие не только самих русских людей, но в еще большей степени другие народы, первоначально и в самом деле готовые были связывать с русской революцией большие надежды. В какой-то степени русская революция имела серьезные последствия для всей мировой истории. В литературе это, естественно, отмечалось. Она продемонстрировала, что вестернизация, определявшая в предшествующие столетия ход мировой истории, недолговечна. Этой революцией был продемонстрирован прецедент – если и не выход за пределы европоцентризма, то во всяком случае утверждение самостоятельности отдельных регионов по отношению к Западу. Она свидетельствовала, что существование вне пределов вестернизации возможно.

Но, конечно, что касается братства народов, то провозглашенный в ходе революции лозунг о братстве не только не был реализован в собственной стране, о чем свидетельствует террор и гражданская война, но и в мире, что подтверждает последующая мировая война. Русские не только не смогли освободить другие народы, а именно идея мировой революции как раз и преследовала эту цель, но им не удалось освободить даже себя. Революция выпустила не только светлые, но и разрушительные силы. Революция и в самом деле стала исходной точкой второй мировой вой-

ны. Так что, несмотря на некоторые позитивные стороны революции, трагические последствия ее налицо.

Когда-то Э. Берк, подводя итоги Французской революции конца XVIII века, писал, что вместо свободы, достижение которой она ставила своей целью, она привела к рабству. Наверное, регресс происходит во всех революциях, не исключая и русскую. Этой революцией было только доказано, что цель не оправдывает средства. И цель оказалась утопической, и средства использовались слишком бесчеловечными. По мере осознания трагедии мы стали терять доверие других народов. Даже тех, которые еще недавно входили в состав Советского Союза. Этот процесс продолжается вплоть до сегодняшнего дня.

Таким образом, можно считать, что цели, поставленные революцией и соответствующие ментальности русских, в реальности не осуществились. Что делать, в истории редко что осуществляется. Приходится это пережить. Кстати, на этот факт обращал внимание Н. Бердяев. Он писал: «Если смотреть на исторический процесс с точки зрения имманентного разрешения задач, которые в нем ставятся, разрешения их внутри потока времени, то нельзя не прийти к самым пессимистическим, безнадежным результатам, потому что, с этой точки зрения, все попытки разрешения всех исторических задач во все периоды должны быть признаны сплошной неудачей. В исторической судьбе человека, в сущности, все не удалось, и есть основание думать, что никогда и не будет удаваться» [3]. Конечно, это суждение философа было навеяно настроениями, посетившими его после русской революции. Ведь с точки зрения философа, русская революция тоже оказалась неудачей, да и все революции в принципе кончались реакцией, отбрасывающей общества в прошлое. Русская революция вернула Россию снова к жесткой государственности, то есть к византийской традиции. Хотели как лучше… Движение к прогрессу, ради которого принесено в жертву столько жизней, обернулось регрессом.

А вот исход второй мировой войны имел другой эффект. Она явилась тем редко имеющим место историческим моментом – моментом истины, который подтверждал ментальный комплекс русских. В этой войне от подвига русского народа оказалась зависимой и свобода других народов. Не случайно в британской прессе после Сталинградской битвы утверждалось, что советские войска спасли европейскую цивилизацию [13]. Ведь по утверждению других западных печатных изданий, Сталинградская битва была одной из самых значительных битв за всю историю длительных войн. Это было охватившее всю землю роковое противостояние, и оно разрешилось благодаря тем жертвам, которые принес русский народ. Ради этой свободы русские люди принесли многочисленные жертвы. Именно поэтому вторая мировая война, а не революция 1917 года стала для русских исключительным событием, что подтверждает русское искусство всей второй половины XX века, которое постоянно обращалось к этой теме.

Однако реализация этого ментального комплекса братства, в жертву которому были принесены миллионы русских, еще не исчерпывает всех смыслов второй мировой войны. Та точка зрения, что связана с ментальностью, в реальности вписывалась в задуманный Сталиным фантастический проект. Выясняется, что одной трагедии народа, что произошла в 1917 году, недостаточно. Смыслы второй мировой войны раздваивались. Втянутый в войну народ должен был защитить себя и свою землю. Начало войны – неожиданность не только для Сталина, но и для народа. Но эта неожиданность была неодинаковой. Ведь народ не был посвящен в планы Сталина. А в этот план, возможно, входила гальванизация мировой революции, только на этот раз с помощью оружия и под маской освобождения народов от Гитлера. Поэтому смысл войны раздваивался. С одной стороны, это смысл, исходящий от народа, вынужденного защищать свою землю, с другой, смысл, связанный с амбициозным планом Сталина, уверовавшим в то, что, наконец-то, во второй мировой войне можно реализовать большевистский проект мировой революции. Имея в виду эту двойственность, можно утверждать, что вторая мировая война – это трагедия вдвойне. Ведь именно имперский комплекс, во власти которого оказался Сталин, привел к вырождению ментальной мессианской идеи братства, что идет от христианства. Перерождение мессианской идеи происходило по мере языческой редактуры ментальности, формировавшейся под воздействием христианства.

Раз в годы второй мировой войны, когда игра начала (впрочем, точнее было бы сказать, продолжалась) развертываться уже в международном масштабе, интересами внутренних оппозиционеров можно было пренебречь. Еще лучше – их устранить, что Сталин и начал проделывать. Он должен был, как, собственно, и советовал Н. Макиавелли князю Лоренцо Медичи, уничто-

жить многое, что, по его расчетам, могло помешать будущей власти над Западом. Он в своих жестоких действиях даже опережал поступки лиц, которые еще не были, а только могли быть совершены. Поступки, как он полагал, могли нанести ущерб возводимому им государству. И. Ильин прогнозировал, что после войны мир окажется под влиянием или Америки или России. Но Америка в годы второй мировой войны, поставлявшая России продовольствие и вооружение, противником России совсем не воспринималась, как не воспринималась таковой в конце 30-х годов Германия, которой Россия поставляла то же самое, чтобы, вооружившись, Гитлер смог подчинить себе западные страны. Америка как именно та держава, что в результате войны получила геополитические преференции, так не осознавалась.

Когда Г. Федотов попытался прогнозировать после второй мировой войны расклад сил на мировой арене, он говорил, что должно появиться новое мировое государство в виде империи, которое встанет во главе всех остальных народов. Он доказывал, что такая империя возможна в двух вариантах: российском и американском. Обеспечив победу прогрессивных сил во всем мире, Россия и в самом деле заслуженно претендовала на роль ведущей державы мира. Казалось, что сделанный в пользу России прогноз В. Шубарта реализовался. Конечно, субъективно Сталин тоже рассчитывал на то, что после второй мировой войны Советский союз может доминировать в Европе и в Азии. Так, оправившись от поражения в первые дни войны, уже после Сталинградской битвы Сталин продолжал размышлять над тем, каким будет расклад сил на международной арене и какое место созданное им государство займет в мире («Баланс сил сместился к Москве, а Лондон и Вашингтон сделались младшими партнерами по альянсу» [13]).

Но Сталин также знал и то, что это может произойти не стихийно. За это следует еще драться. Он дрался на всех встречах с лидерами ведущих стран мира – в Тегеране, Ялте, Потсдаме. Уже в ходе войны он прогнозировал возможный будущий расклад сил в мировой политике. Он предсказывал быстрое возрождение Германии после войны и, соответственно, новую агрессию с ее стороны и прежде всего по отношению к славянам. В сознание лидеров мировых держав он постоянно пытался внедрить мысль об опасности, которая будет в будущем исходить из Германии. Он знал, что возрождение Германии эти лидеры будут использовать в своей игре, в том числе, и направленной против СССР. Та же самая установка у Сталина была и по отношению к Японии, которая, как он считал, после войны быстро возродится. Сталин был заинтересован в том, чтобы это возрождение и восстановление этих стран происходило медленнее. По мысли Сталина, это замедление должно было обеспечить Советскому Союзу доминирующее положение в Европе и Азии [13].

Аргументируя свой прогноз, Г. Федотов рассуждал так. Если возобладает российский или советский вариант, то произойдет ограничение по всему миру свободы, ибо такова в России традиция, то есть византийская традиция («Истребление высших классов и всех носителей культуры, дышавших воздухом свободы и не желающих от нее отказаться. Массовые казни в первые годы, каторжные лагеря на целое поколение» [17]). Иначе говоря, то, что произошло в ходе русской революции и после нее, может осуществиться уже во всем мире.

Если же утвердится второй вариант – на основе Америки, то, конечно, в этом случае со свободой все будет обстоять благополучно, и не будет основания опасаться порабощения народов. Собственно, уже в 1947 году американский президент Трумэн в обращении к конгрессу противопоставил эти два варианта образа жизни: образ жизни, как он утверждал, навязываемый тоталитарным режимом народам против их желания – в этом случае применяется террор и подавление личных свобод – и образ жизни, основанный на воле большинства, свободных выборах, гарантии свободы личности, свободы слова и религии и свободы от политического притеснения [13]. Как утверждает Д. Робертс, в речи Трумэна Советский Союз не упоминался, но подразумевался. Собственно, с тех пор прошло более полувека, но едва ли что-то в этих установках Запада изменилось.

Правда, когда Г. Федотов, который, как мы убеждаемся, тоже делил ориентации послевоенного мира на две программы, утверждал, что у второй программы, предполагающей максимум свободы, имеются весьма уязвимые стороны, которые чем ближе к нашему времени, тем становятся все более острыми. В связи с этим невольно снова вспоминается ответ Чжоу Эньлая, который мы уже приводили «У свободных народов нет вкуса к насилию, и это прекрасно – пишет Г. Федотов – Но в настоящее время у них нет и вкуса к власти, и это опасно» [17]. Об этой опас-

ности, которая угрожает либерализму, напишет позднее, как бы продолжая мысль Г. Федотова, А. Солженицын. Эта опасность связана с тем, что констатировали еще античные философы, а именно, утверждение либеральных тенденций может закончиться диктатурой. О том, что это такое, свидетельствует русская февральская революция, когда либеральные вожди оказались неспособными удержать власть в своих руках, уступив ее более радикальной партии и диктатуре. Такой откат от либерализма, что имел место в истории, может повториться. Он все еще представляет опасность. Вот почему данный Сталиным творческий ответ может быть осмыслен одним из возможных вариантов, к которому может прибегнуть в будущей истории не только Россия, но и Запад. Вот почему нельзя считать, что история закончена. И снова вспоминается ответ Чжоу Эньлая: еще не пришло время.

Хотя в послевоенной реальности все, казалось, развивалось в сторону российского варианта, тем не менее, война с участием армии имела своим продолжением то, что Черчиль в своем фултоновском докладе 1946 года назвал «холодной войной». В этом докладе он проницательно улавливал ту несвободу, что могла прийти с Востока. Образ свободы, ассоциирующийся с Америкой, оказался на многие десятилетия более привлекательным. Место лидера начал заметно занимать Америка. В. Кожинов точно писал о том, что уже трагедия Хиросимы была своеобразным высказыванием на тему, кто отныне в мире хозяин. «Американское правительство совершенно точно знало, – писал он – что через две-три недели Япония капитулирует, никаких сил уже нет. Это было сделано для того, чтобы показать, кто отныне хозяин мира. Ради этого десятки тысяч людей были превращены в радиоактивную пыль. И решение приняли ничем не рисковавшие люди» [5].

Вот только парадокс заключается в том, что для того, чтобы утвердить себя именно в роли мирового лидера, Америка как транслятор передовых либеральных идей и свободы должна была трансформироваться в империю, и она таковой стала. Да, мы – империя – пишет американский историк Т. Мэдден [10]. Но какая? Т. Мэдден рассуждает так. Бывают империи подчинения. Практически в истории все империи такими и были. И бывают империи доверия. Такие империи – исключение. Но такой была римская и такой империей доверия сегодня преподносит себя миру Америка. Она не имеет стремления ввязываться во все мировые конфликты. Но, утверждает Т. Мэдден, если ей приходится это делать, то только потому, что она вынуждена реагировать на просьбу других народов о помощи. Едва ли это так.

Вторая мировая война для Сталина должна была быть следующим актом в революционной драме. Но на этот раз Запад мог быть взят не с помощью романтических и утопических идей, не с помощью пламенных речей революционных трибунов, зажигающих массы, а с опорой на бюрократический аппарат и на милитаризацию общества, к чему Сталин и был всегда предрасположен. В данном случае в этом с Л. Троцким следует согласиться. Так, мы постепенно приближаемся к идее тоталитарного государства, что является составляющим элементом того «творческого ответа», который был дан Сталиным на вызов истории.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему [Текст] / А. Ахиезер. – Новосибирск, 1997.

2. Бердяев, Н. Истоки и смысл русского коммунизма [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990. – С. 115.

3. Бердяев, Н. Смысл истории [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990. – С. 154.

4. Бердяев, Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности [Текст] / Н. Бердяев. – М., 1990. – С. 4, 6. 126, 181.

5. Вадим Кожинов в интервью, беседах, диалогах и воспоминаниях современников [Текст]. – М., 2005. – С. 221.

6. Гегель, Г. Сочинения. Т. VII. Философия права [Текст] / Г. Гегель. – М-Л., 1934. – С. 344.

7. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 22 [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Л., 1981. – С. 124.

8. Евтушенко, Е. Собрание сочинений в 3-х т. : Т. 2. Стихотворения и поэм ы. 1965-1972 [Текст] / Е. Евтушенко. – М., 1984. – С. 235.

9. Моссе, Д. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма [Текст] / Д. Моссе. – М., 2010. – С. 138, 141.

10. Мэдден, Т. Империя доверия. Как Рим строит новый мир. Как Америка строит новый мир [Текст] / Т. Мэдден. – М., 2010. – С. 21.

11. Невежин, В. Застольные речи Сталина [Текст] / В. Невежин. – М-СПб., 2003. – С. 107.

12. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1997. – С. 121, 125, 126.

13. Робертс, Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны» [Текст] / Д. Робертс. – М., 2014. – С. 216, 234, 435.

14. Розанов, В. В чаду войны. Статьи и очерки. 1916-1918 гг. [Текст] / В. Розанов. – М., СПб., 2008. – С. 15, 245, 515, 516.

15. Тойнби, А. Постижение истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 1991. – С. 19.

16. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби. – СПб. : Культура, 1996. – С. 374.

17. Федотов, Г. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. 2 [Текст] / Г. Федотов. – СПб., 1991. – С. 175, 177, 186, 308, 312, 313.

18. Шубарт, В. Европа и душа Востока [Текст] / В. Шубарт. – М., 1997. – С. 22.

Reference List

1. Ahiezer, A. Rossija: kritika istoricheskogo opyta. T. 1. Ot proshlogo k budushhemu = Russia: criticism of historical experience. Vol. 1. From the past to the future [Tekst] / A. Ahiezer. – Novosibirsk, 1997.

2. Berdjaev, N. Istoki i smysl russkogo kommunizma = Origins and sense of Russian communism [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1990. – S. 115.

3. Berdjaev, N. Smysl istorii = Sense of history [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1990. – S. 154.

4. Berdjaev, N. Sud'ba Rossii. Opyty po psihologii vojny i nacional'nosti = Fate of Russia. Experiments in psychology of war and nationality [Tekst] / N. Berdjaev. – M., 1990. – S. 4, 6. 126, 181.

5. Vadim Kozhinov v interv'ju, besedah, dialogah i vospominanijah sovremennikov = Vadim Kozhinov in interviews, talks, dialogues and memories of contemporaries [Tekst]. – M., 2005. – S. 221.

6. Gegel', G. Sochinenija. T. VII. Filosofija prava = Compositions. V. VII. Philosophy of Law [Tekst] / G. Gegel'. – M-L., 1934. – S. 344.

7. Dostoevskij, F. M. Polnoe sobranie sochinenij. T. 22 = Complete set of works. V. 22. [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – L., 1981. – S. 124.

8. Evtushenko, E. Sobranie sochinenij v 3-h t. : T. 2. Stihotvorenija i pojemy. 1965-1972 = Collection of works in 3 vol.: Vol. 2. Poems and poems. 1965-1972 [Tekst] / E. Evtushenko. – M., 1984. – S. 235.

9. Mosse, D. Nacizm i kul'tura. Ideologija i kul'tura nacional-socializma = Nazism and culture. Ideology and culture of national socialism [Tekst] / D. Mosse. – M., 2010. – S. 138, 141.

10. Mjedden, T. Imperija doverija. Kak Rim stroit novyj mir. Kak Amerika stroit novyj mir = Empire of trust. How Rome is building a new world. How America is building a new world [Tekst] / T. Mjedden. – M., 2010. – S. 21.

11. Nevezhin, V. Zastol'nye rechi Stalina = Stalin's after-dinner speeches [Tekst] / V. Nevezhin. – M-SPb., 2003. – S. 107.

12. Ortega-i-Gasset, H. Izbrannye trudy = Selected works [Tekst] / H. Ortega-i-Gasset. – M., 1997. – S. 121, 125, 126.

13. Roberts, D. Iosif Stalin. Ot Vtoroj mirovoj do «holodnoj vojny» = Joseph Stalin. From the World War II to the Cold War [Tekst] / D. Roberts. – M., 2014. – S. 216, 234, 435.

14. Rozanov, V. V chadu vojny. Stat'i i ocherki. 1916-1918 gg. = In smoke of war. Articles and essays. 1916-1918. [Tekst] / V. Rozanov. – M., SPb., 2008. – S. 15, 245, 515, 516.

15. Tojnbi, A. Postizhenie istorii = Comprehension of history [Tekst] / A. Tojnbi. – M., 1991. – S. 19.

16. Tojnbi, A. Civilizacija pered sudom istorii = Civilization before the Court of History [Tekst] / A. Tojnbi. – SPb. : Kul'tura, 1996. – S. 374.

17. Fedotov, G. Sud'ba i grehi Rossii. Izbrannye stat'i po filosofii russkoj istorii i kul'tury. T. 2 = Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture. V. 2 [Tekst] / G. Fedotov. – SPb., 1991. – S. 175, 177, 186, 308, 312, 313.

18. Shubart, V. Evropa i dusha Vostoka = Europe and soul of the East [Tekst] / V. Shubart. – M., 1997. – S. 22.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10504
УДК 008:14

С. Г. Осьмачко https://orcid.org/0000-0001-9304-0754

Советский коллаборационизм (1941-1945 гг.): актуальность дефиниции и социокультурный дискурс

В статье рассмотрены современные проблемы определения и историко-культурного соотнесения такого сложного явления, каким выступил коллаборационизм советских граждан на оккупированных территориях в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Происхождение термина обычно связывают с оккупацией гитлеровскими войсками Франции в процессе Второй мировой войны и сотрудничеством французов с оккупационным режимом. В советской практике термин практически не использовался (только в отношении событий на западе); но в 1990-е годы он занял своё место во множестве исследований, потеснив традиционные для нас понятия – «изменник Родины», «пособник оккупантам», «предатель», «соучастник злодеяний» и т. п. В нашем понимании последние определения можно отнести к тем лицам, кто добровольно, с оружием в руках воевал на стороне нацистов против СССР и РККА, кто участвовал в карательных акциях, уничтожении людей и культурных ценностей. Долгое время оставался как бы непроясненным вопрос вынужденного сотрудничества с оккупационными властями, например, в экономической области (сдача налогов и сборов, работа на организованных оккупантами предприятиях, в том числе, в Германии, торговля на рынке и т. п.); в административной сфере (участие в деятельности местных администраций, не связанное с вооружённой борьбой и т. п.). Очень важной остаётся тема военного коллаборационизма. В поле зрения исследователей – численность коллаборационистов (называют показатели от 150 тыс. чел. до 1, 5 млн. чел.); направления и формы военного коллаборационизма; причины перехода советских военнослужащих на сторону немцев; юридическое оформление антиколлаборационных санкций; власовщина и РОА (мы категорически против выставления такого рода предателей в качестве идейных борцов против большевизма). Есть много проблем, которые ещё ждут своего исследователя – идеологический и культурный коллаборационизм, его национальные аспекты и мн. др.

Ключевые слова: коллаборационизм, советский коллаборационизм, пленные, интернированные, оккупация, «новый порядок», власовцы, «зелёная папка Геринга», предательство.

S. G. Osmachko

Soviet collaboration (1941-1945): urgency of the definition and sociocultural discourse

The article considers the current problems of defining and historical-cultural correlation of such a complex phenomenon as the collaboration of Soviet citizens in the occupied territories during the Great Patriotic War (1941-1945). The origin of the term is usually attributed to the occupation of France by Hitler forces during the World War II and the cooperation of the French with the occupation regime. In Soviet practice, the term was hardly used (only in reference to events in the west); but in the 1990s it took its place in many studies, changed traditional concepts for us – «traitor of the Motherland», «accomplice to the occupiers», «traitor», «copartner to atrocities» etc. In our understanding, the latter definitions can be attributed to those persons, who voluntarily with weapons in hands fought on the side of the Nazis against the USSR and the Red Army, who participated in punitive actions, destruction of people and cultural property. For a long time, the issue of forced cooperation with the occupying authorities, for example, in the economic field (delivery of taxes and fees, work in enterprises organized by the occupiers, including in Germany, trade in the market and etc.; in the administrative sphere (participation in the activities of local administrations, unrelated to armed struggle, etc.). The topic of military collaborationism remains very important. In the field of researchers' view – the number of collaborators (they name figures from 150 thousand people up to 1, 5 million people); directions and forms of military collaborationism; reasons for the transition of Soviet soldiers to the German side; the legal formalization of anticollaboration sanctions; Vlassovshchina (supporters of General Vlasov) and Russian Liberation Army (we strongly oppose the exposure of such traitors as ideological fighters against Bolshevism). There are many problems, which are still waiting for their researcher – ideological and cultural collaboration, its national aspects, etc.

© Осьмачко С. Г., 2019

Keywords: collaboration, Soviet collaboration, prisoners, internees, occupation, «new order», supporters of Vlasov, «Göring's green folder», betrayal.

В современных исторических, юридических и пр. научных изданиях термин «коллаборационизм» трактуется довольно однозначно. Это «сотрудничество жителей оккупированной страны с оккупантами»; соответственно, коллаборационист – это «изменник, предатель, сотрудничающий с оккупантами» [18, с. 332]. Рождение термина (от французского «сотрудничество») связывают с событиями во Франции в годы Второй мировой войны, где особенно остро относились к «лицам, сотрудничавшим с оккупационными властями в странах, захваченных Германией» [3, с. 706].

Сущность коллаборационизма, по мнению М. И. Семиряги, составляет некий «комплекс взаимоотношений между армией оккупантов и населением» данной страны [27, с. 5]. Ниже мы рассмотрим, каким образом исследуются сегодня разнообразные формы и условия осуществления коллаборационистских действий. Но прежде следует обратиться к ряду принципиальных методологических проблем вышеназванного комплекса.

Прежде всего, термин «коллаборационизм» был внедрён в отечественную научную и публицистическую практику в 1990-е годы. Новизна предполагает определённую неустойчивость границ этимологических обоснований. Для отечественных нарративов более свойственно использование терминов «предатель», «изменник», «пособник» и т. п. Но тут же возникает ряд вопросов: например, в какой мере следует считать изменником священника, который – по разрешению гитлеровцев – окормляет паству (и поминает добрым словом Гитлера); врача, который лечит в районной больнице и своих, и чужих; чиновника, который в рамках немецкой оккупационной администрации решает обычные для муниципальной власти проблемы городского хозяйства и управления? Присутстсвует ли в их деятельности на оккупированной территории элемент военной измены?

На наш взгляд следует определённым образом отказываться от расширительного толкования понятия коллаборационизм, что означает (для правоприменительной практики, в первую очередь) отказ от причисления всех сотрудничавших с оккупационным режимом к числу предателей Родины. Нельзя же, в конце концов, записать в их число чуть ли не всех, кто жил на оккупированной территории (а таковых к лету 1942 г. оказалоь более 80 млн. чел.) [16, с. 8].

Таким образом, очевидно, исследователям проблемы коллаборационизма следует разделять собственно *предательство* (осознанное участие в установлении нового порядка) и просто *сотрудничество* (часто – вынужденное участие, связанное со строгостью карательных мер, угрозой физического уничтожения, необходимостью выживания себя или семьи и т. д.).

На наш взгляд не стоит рассматривать коллаборационизм в расширительном смысле, так как это делает, например Б. Н. Ковалёв. Данный автор выделяет и половой, и детский, и художественный коллаборационизм [16]. Прежде всего следует понимать обоснованность таких классификаций и соотнесений. Тем более, что коллаборационизм – как юридический термин –

не используется в современной России.

Существует ещё ряд исторических обстоятельств, затрудняющих для нас осмысление понятия коллаборационизм. Советская военная доктрина не предусматривала в случае любой войны потерю нашей территории. То есть речь о возможности появления «советских коллаборационистов» никак не шла. Напротив, предполагалось, что РККА – после нападения врага – перенесёт боевые действия на его территорию, где вскоре военная кампания закончится при поддержке тыла, перешедшего на сторону «более справедливого общественного строя» (это называлось – «подъём революционного движения» и «свержение капиталистических порядков»).

В нашем понимании в 1930-е гг. пренебрежительное отношение к боеспособности армий вероятных противников, убеждение в политической неустойчивости их тыла выступали в качестве *негативного военно-идеологического стереотипа сталинской пропаганды и агитации.* На XVII съезде ВКП (б) И. В. Сталин высказывался вполне определённо: «Предстоящая война с буржуазией будет происходить не только на фронтах, но и в тылу противника. Многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям. Едва ли можно сомневаться, что вторая война против СССР приведёт к революции в ряде стран» [28, с. 12].

Данный тезис постоянно присутствовал в пропагандистских кампаниях 1930-х годов. Так, 17 апреля 1941 г. в Военно-политической академии им. В. И. Ленина с установочным докладом выступил видный советский учёный академик Е. С. Варга. Он, в частности, утверждал, что «в результате будущей войны в некоторых буржуаз-

ных странах власть будет ослаблена, её захватит пролетариат, и обязанность СССР – прийти к нему на помощь» [6, с. 128].

Те же подходы мы находим в тексте доклада «Современное международное положение и внешняя политика СССР», который в середине мая 1941 г. был разослан лекторской группой Главного управления политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) для прочтения в закрытых военных аудиториях [12, с. 87].

Массовая пропаганда и агитация осуществлялась на тех же основаниях, о чём свидетельствует, например, содержание военно-фантастической повести Н. Н. Шпанова «Первый удар» (выпущена в серии «Библиотека командира»), кинофильмов «Если завтра война», «Глубокий рейд» и мн.др. [21, с. 106-107]. Конечно, эти (и другие) негативные военно-идеологические стереотипы сыграли исключительно отрицательную роль в отношении военно-патриортической мобилизации страны и армии. Вот, поучительный факт: когда в ходе неудачной для СССР советско-финляндской войны 1939-1940 гг. военный корреспондент задал одному из командиров батальонов вопрос, кто виноват в том, что его подразделение не выполнило боевую задачу, тот ответил честно и весьма показательно: «Во-первых, я – как командир подразделения, а во-вторых, наши фильмы о войне» [21, с. 108].

Таким образом, политическая слабость тыла военных противников СССР признавалась априори. Утрата же своих территорий в ходе военных действий в любом случае нашими планами не предусматривалась. Соответственно, не была выработана осмысленная политико-юридическая оценка оккупационного режима, «нового порядка», пленения наших военнослужащих, значения и последствий коллаборационизма и пр. Эти проблемы решались , что называется, «с колёс», демонстрируя свойственные для того политического режима перехлёсты обвинительности, репрессивности, подозрительности (в ущерб и человечности, и юридической целесообразности).

Таким образом, в ретроспективном смысле мы здесь наблюдаем двойной стандарт советского понимания коллаборационизма. Советское военное присутствие на западных территориях рассматривалось как закономерный этап революционного процесса, открытая форма классового содружества западного пролетариата и советского рабочего класса. Напротив, оккупация советских земель не признавалась, замалчивалась, а затем те, кто сотрудничал с оккупационными власями, были причисленны к предателям (ещё совсем недавно во многих анкетах можно было встретить пункт «Были ли вы, или ваши родственники на оккупированной территории?»).

В соответствии с вышесказанным, *цель настоящей статьи* – на основании анализа общих исторических и социо-культурных материалов попытаться определить сущность и особенности советского коллаборационизма в процессе Второй мировой войны.

Объективной социальной базой коллаборационизма являлась *оккупация* гитлеровскими войсками части территории нашей страны. В ходе начального периода войны на оккупированной территории оказались огромные массивы населения: к декабрю 1941 г. – 39,1 % населения СССР, к марту 1942 г. – 36,5 %, к ноябрю 1942 г. – 41,9 % [29, с. 47].

Оккупационный режим распространялся достаточно быстро:

− к 1942 г. под пятой вермахта уже находились западные и юго-западные области РСФСР (около 80 млн. чел.);

− на северо-западе страны оккупация длилась более трёх лет (Псков был захвачен 9 июля 1941 г., а освобождён 23 июля 1944 г.), а в центре России – более двух лет (Орёл был взят немцами 3 октября 1941 г., а освобождён 5 августа 1944 г.; Брянск – соответственно 6 октября 1941 г. и 17 сентября 1943 г., Курск – 2 ноября 1941 г. и 8 февраля 1943 г.);

− Калинин был в оккупации с 14 октября по 11 декабря 1941 г., Крым – с ноября 1941 г. по май 1944 г., 24 июля 1942 г. был захвачен Ростов-на-Дону, 3 августа – Ворошиловск (Ставрополь), 12 августа – Краснодар; все вышеперечисленные территории были освобождены от вражеского присутствия в январе – фееврале 1943 г.

На оккупированной территории гитлеровцы создали две административные единицы (рейхскомиссариаты) – «Украина» (в неё вошла основная часть Украинской ССР) и «Остланд» (вошли Прибалтика и центральная часть Белорусской ССР), которые возглавили Э. Кох и Г. Лозе. Оставшаяся часть оккупированной территории находилась под военным управлением. Северо-западная часть Белорусской ССР и Галиция вошли в состав рейха; Молдавия и юго-западная часть Украинской ССР находились под оккупацией Румынии, северо-западная часть Ленинградской области, западная часть Карелии и Мурманская область были отданы под оккупацию Финляндии [29, с. 48].

Как мы видим, территориальные и временные характеристики оккупационного режима и, соответственно, «нового порядка», который нацисты устанавливали на захваченных землях, были огромны. Соответственно контакты населения и оккупантов носили перманентный и многообразный (по формам и методам) характер. Подневольное население неизбежно вступало в отношения с оккупантами.

С точки зрения *мотивации* возможно выделить следующие разновидности коллаборационизма:

Добровольный	*Вынужденный*
сознательное сотрудничество;	вынужденное сотрудничество;
ненависть к Советской власти; национальный сепаратизм; гитлеровская пропаганда и агитация;	физическое выживание; принуждение; насильственное внедрение «нового порядка»;
вооружённая борьба против СССР; карательные акции; разрушение культурных объектов и пр.	экономическое и административно-политическое участие в акциях «нового порядка».

Трудно согласиться с господствовавшей ранее точкой зрения, будто на оккупированной территории сотрудничество с оккупантами носило случайный, незначительный характер. Сегодня мы должны понять (и принять), что «те случаи, когда люди руководствовались в своих поступках мотивами элементарного выживания или подвергались экономическому принуждению, с современной точки зрения можно признать не предательством, а сотрудничеством вынужденного характера» [7, с. 162]. Следовательно, вышеприведённый табличный материал представляет нам своего рода *признаки* «коллаборационизм – преступления» и «коллаборационизма – сотрудничества». Речь идёт о степени сознательности в мотивации сотрудничества с оккупантами. Собственно организационные формы в данном случае уже не так важны, поскольку они далеко не в полной мере отражают принципиальные основания для классификации.

Мотивационная классификация важна не сама по себе, а в применении для определения юридической сущности проблемы: изменники и предатели, власовцы и каратели, преступники, с оружием в руках боровшиеся против Советской власти, подлежат уголовному преследования (без сроков давности). В остальных же случаях следует разбираться с мерой и значением участия наших сограждан в коллаборационистских отношениях и помнить, что «далеко не любое сотрудничество с врагом можно квалифицировать как измену или предательство» [16, с. 11].

Наша принципиальная позиция остаётся следующей: конечно, сталинистский общественно-политический и экономический строй – как разновидность тоталитаризма – был ужасен. Но рассматривать гитлеровскую оккупацию как нечто более совершенное у здравомыслящего человека и гражданина нет никаких значимых оснований. «Генералы Власовы» всех мастей были и остаются предателями, в какую бы «освободительную» личину они не рядились; они заслуживают самых строгих наказаний.

Выше мы отмечали, что термин «коллаборационизм» в отечественном законодательстве не используется. Тем не менее, данный вид преступной деятельности де-факто получал следующую юридическую квалификацию:

приказ Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом»	указывалось, что советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, выполнявшие указания немецкой адмиитсрации по сбору продовольствия, фуража, вещей для германской армии; провокаторы, доносчики, уличённые в выдаче партизан, подпольщиков, коммунистов, комсомольцев, совработников и членов их семей; участники карательных экспедиций подлежат ответственности по статье 58-1/а УК РСФСР [13, с. 39];
указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г.	в с т. 1 указа говорилось, как вышеописанные лица юридически определялись относительно военных преступлений: за убийства и истязания мирного населения они подлежали уголовному преследованию наравне с гитлеровцами; с т. 2 содержала следующее положение: для пособников из представителей местного населения, уличённых в оккупации в содействии фашистским злодеям в совершении расправ и насилия над гражданским населением и пленными красноармейцами вводилась такая мера наказания, как каторга на срок от 15 до 20 лет [16, с. 10];

указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» от 2 ноября 1942 г.	названы преступления, за совершение которых предусматривалась вся полнота ответственности для гитлеровцев и их пособников: пытки, истязания, убийства местных жителей; насильственный увод в иноземное рабство; всеобщее ограбление городского и сельского населения; вывоз в Германию личного имущества советских граждан и государственного имущества; разрушение памятников культуры и искусства; расхищение художественных и исторических ценностей; разрушение и разграбление объектов религиозного культа [16, с. 10-11];
инструкция для ЧГК «О порядке установления и расследования злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 31 марта 1943 г.	предусматривалась ответственность отдельных лиц (гитлеровцев и их пособников) за организацию и осуществление вышеперечисленных злодеяний [16, с. 11];
указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» от 17 сентября 1955 г.	амнистия применялась к «карателям , осуждённым за убийства и истязания советских граждан « [15, с. 89].

Структуру коллаборационизма можно рассматривать не только в мотивационном аспекте, но и с точки зрения его отраслевых разновидностей, *направлений.* В этом отношении можно выделить расширительный и оптимальный подходы. Так, представитель первого – Б. Н. Ковалёв – выделил 9 следующих разновидностей коллаборационизма: военный, экономический, административный, идеологический, интеллектуальный, духовный, национальный, детский и половой [16]. Сторонники оптимального подхода обычно выделяют военный, политический, административный и экономический виды коллаборационизма [7, с. 160].

На наш взгляд, классификация Б. Н. Ковалёва «действительно не бесспорна» [7, с. 160]. Так, думается, не стоит выделять специально национальный коллаборационизм, поскольку те или иные действия тех или иных национальных групп (возможно, в большей степени поражённых коллаборационизмом, чем прочие) вполне возможно соотнести с военным, экономическим, политическим и пр. его разновидностями. Данное утверждение вовсе не исключает возможности исследования процессов коллаборационизма как части национальной истории.

Непонятно выделение детского коллаборационизма, возможно, из-за того, что данная проблема ещё мало исследована. В любом случае, мы полагаем, что тема привлечения детей с оккупированной территории к диверсионно-подрывной деятельности против Красной Армии является разновидностью военного коллаборационизма. Далее, у этой темы вряд ли найдётся необходимое фактологическое обеспечение.

Выделяемый Б. Н. Ковалёвым половой коллаборационизм (сожительство советских женщин с немецкими военнослужащими) – это проблема не историко-юридическая, а скорее психологическая, медицинская, анализируемая с точки зрения истории повседневности, сексологии и пр. Сводить её к патриотическому поведению неудобно и бессмысленно.

Наконец, выделяемые Б. Н. Ковалёвым интеллектуальный, духовный и идеологический виды коллаборационизма содержательно так же легко укладываются в содержание политической разновидности этого феномена.

Прежде чем обратиться к направлениям коллаборационизма,заметим, что его основой выступил пресловутый *«новый порядок»,* который нацисты устанавливали на оккупированных территориях.

9 января 1941 г. Гитлер сделал следующее заявление: «Война против СССР будет полной противоположностью нормальной войне на Западе и Севере Европы; она предусматривает тотальное разрушение и уничтожение России как государства» [5, с. 41]. 13 мая 1941 г. начальник Верховного командования Вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель подписал указ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях», в соответствии с которым с личного состава армии снималась ответственность за будущие преступления на территории СССР. В указе предписывалось «быть безжалостными и расстреливать на месте без суда и следствия всякого, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам» [20, с. 122-123].

Жестокость карательных акций была лишь средством достижения главных *целей «нового порядка»,* и к которым можно отнести:

− разобщить население СССР по национальному и социально-экономическому признакам;

− прогермански сориентировать население оккупированных территорий;

− мотивировать население на оказание помощи германским властям.

Главным вектором нацистской политики в отношении советских народов был «подрыв их жизненной силы», для чего предусматривалось:

− физическое истребление значительной части населения;

− преднамеренная организация в этих целях массового голода;

− организованное снижение рождаемости путём ликвидации медико-санитарного обслуживания населения;

− упрощение образования до начального уровня, культурная деградация народа, прежде всего, путём уничтожения интеллигенции;

− этническое разобщение;

− переселение рабочих масс славян в отдалённые, необжитые местности;

− насильственная аграризация славянских народов [10, с. 15].

Осуществление вышеперечисленных задач предполагало участие в процессе силовых структу р. 28 апреля 1941 г. увидел свет приказ о «Порядке использования полиции безопасности и СД в соединениях Сухопутных войск», в котором военному командованию предписывалось в отношении карательных акций сотрудничать со спецотрядами СД (4 эйнзатцгруппы СД по 800-1200 чел. каждая).

Силами этих групп только до середины ноября 1941 г. в полосе наступления вермахта было уничтожено более 300 тыс. чел. (в основном евреев). В конце 1942 г. группы СД были расформированы; их силы и средства вошли в тыловые структуры действующей армии [4, с. 408-410]. В оккупированных районах нацистами формировалась гражданская администрация (о чём уже говорилось выше).

В современных исследованиях особое внимание уделяется военной разновидности коллаборационизма. Эта тема находится в фокусе общественного интереса в связи с той особой значимостью, которая Великая Победа (и всё, что с ней связано) занимает в истории Отечества. Однако экономический коллаборационизм с точки зрения количества участников, объёма и значения привлекаемых сил и средств представляет собой неизмеримо более крупное явление.

Экономический коллаборационизм. Гитлеровцы сформировали развёрнутую систему экономического угнетения оккупированных территорий. Был создан Восточный штаб экономического развития, который возглавил Г. Геринг. Штаб порождал общие директивы относительно хозяйственной эксплуатации, которые уже после войны получили назавание –»Зелёная папка Геринга» (официальное название – «Директивы по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях»). В ходе войны папка достаточно быстро пополнялась актами высшего нацистского руководства. Их практическое воплощение составило важнейшую составную часть оккупационного режима [4, с. 286]. Реализацией нацистской экономической политики занимался соответствующий *аппарат:*

Управление военной экономики и снаряжения главного штаба Вооружённых Сил	высший орган военно-экономического управления на оккупированных территориях;
экономический отдел (группа) – создавался в каждой армии, имел в подчинении технический батальон	решал следующие задачи: выявление и оценка промышленных и сельскохозяйственных предприятий; их восстановление в целях германской армии; организация сезонных сельхозработ;
хозяйственная инспекция – действовали при каждой группе армий; по мере продвижения фронта на восток принимали власть над оккупированными территориями;	их функции: продовольственное, фуражное и вещевое снабжение действующей германской армии за счёт местных запасов; сбор, хранение и отправка ценного сырья, промышленной и пр. продукции; планирование военного производства; мобилизация местной рабочей силы; снабжение населения предметами первой необходимости;
хозяйственные управления – рабочий орган хозяйственной инспекции;	управляли либо экономической территорией, либо какими-то направлениями экономического развития;
военные комендатуры;	управляли региональной экономикой там, где не создавались хозяйственные инспекции;
биржи труда – органы реализации всеобщей трудовой повинности (граждане от 14 лет до преклонного возраста, имеющие возможность передвигаться, обязанные трудиться на благо Германии);	незанятое население было обязано еженедельно проходить регистрацию на бирже; набор рабочей силы проходил по заявкам германских властей или местной администрации; отбирали людей для отправки в Германию; вербовка русских женщин в немецкие дома терпимости (для армии); при устройстве на работу обязательность регистрации отменялась; документ об устройстве на работу и паспорт (удостоверение) были обязательны для постоянного ношения;
местная администрация (бургомитстры, старосты, писари и пр.);	выполнение заданий немецкого командования, организация местного экономического управления.

Уже с первых дней войны в Германии началась ощущаться нехватка рабочей силы: с 1939 г. до середины 1941 г. количество рабочих и служащих в рейхе сократилось на 2,7 млн. чел. [23, с. 50]. 28 июля 1941 г. увидел свет приказ рйхсминистра вооружения и боеприпасов Ф. Тодта об использовании труда советских граждан на самых тяжёлых физических работах. В соответствии с этим приказом 4 декабря того же года появился циркуляр хозяйственного штаба германского командования, в котором утверждалось: «Немецкие квалифицированные рабочие должны трудиться в военной промышленности; они не должны копать землю и разбивать камни; для этого существуют русские» [16, с. 91].

7 ноября 1942 г. было принято решение «об использовании советско-русской рабочей силы» [29, с. 49] для нужд экономики Германии. Предполагалось, что лица, угоняемые в Германию, будут использоваться на объектах железнодорожного строительства, уборочных работах, обустройстве аэродромов, разминировании. *Всего за годы войны насильственной трудовой депортации в Германию были подвергнуты 4 мл н. 978 тыс.чел.* [16, с. 95].

Весной 1942 г. недостаток рабочей силы поставил под угрозу срыва сельскохозяйственные работы в Германии. Уже в марте гитлеровское руководство приняло решение «срочно увеличить масштабы использования в сельским хозяйстве советских военнопленных и рабочих из оккупированных восточных областей» [16, с. 98].

Комиссар по рабочей силе рейха Ф. Заукель приказал следующим образом удовлетворять заявки на рабочую силу из Восточной Европы и из оккупированных районов СССР:

1. Германская промышленность и сельское хозяйство.

2. Все строительные работы на оккупированной территории.

3. Работы по обслуживанию армии.

4. Работы, организуемые германскими гражданскими войсками на оккупированной территории.

5. Сельское хозяйство в оккупированной зоне [16, с. 97-98].

Промышленность и сельское хозяйство. Гитлеровское руководство ставило задачу о восстановлении части народнохозяйственного комплекса СССР, оставшейся на оккупированной территории. Требовалось в первую очередь восстанавливать предприятия энергетического комплекса, угольно-рудного хозяйства, литейного производства, транспортного машиностроения и пр.

В начале на восстановление народнохозяйственных объектов направлялись силы местных специалистов, а так же гитлеровских отрядов технической помощи; но общее руководство оставалось за немецкими управляющими.

Но этих мер оказалось недостаточно; поэтому параллельно в Германии ряд промышленных гигантов стал наделяться статусом «восточных кампаний» (они создавали так называемые «восточные филиалы» – своего рода промежуточные кампании, поставлявшие на восток средства производства, запчасти, сырьё, квалифицированную рабочую силу и пр.).

Думается, что больших успехов в использовании советской промышленности немцы не добились, но эта проблема (как в количественном, так и в качественном измерениях) ещё ждёт своих исследователей.

В отношении сельского хозяйства ситуация развивалась следующим образом: первоначально (в июле 1941 г.) нацисты заявляли о намерении в скором времени распустить колхозы и передать их земельный фонд в руки индивидуальных аграриев. Однако военные затруднения заставили оккупантов отказаться от этих планов. Де-факто были восстановлены старые колхозы под немецким руководством, задачей которых было обеспечивать германскую армию, население Германии, а так же – в значительно меньшей степени – местное население сельхозпродукцией. Немцы, как и коммунисты, не смогли отказаться от ситстемы централизованного (максимального) изъятия. Плата в «новых колхозах» была мизерной, поэтому львиная доля доходов поступала крестьянам от личного пособного хозяйства [29, с. 48].

В начале 1942 г. гитлеровцы в ряде мест всё-таки начали преобразование бывших колхозов в «общинные хозяйства» («десятидневки», «экономии» и пр.). Собственность и имущество МТС переходили в руки германской армии. Но всё это мало повлияло на схемы изъятия сельхозпродукции; рабочий день «освобождённых» крестьян составлял не менее 12 час.; невыход на работу, сокрытие или хищение зерна и мясопродуктов вели к немедленным репрессиям (лагерь, расстрел). Наконец, на крестьян распространялись налоги (подушный, с построек, на скот, на приусадебный участок, дачу и пр.) [4, с. 411-412].

В итоге, на оккупированной территории в интересах экономики рейха – в сфере промыш-

ленности и сельского хозяйства (по немецким данным) – работали более 22 млн. чел. [4, с. 411].

Оккупационные власти Германии особое внимание оказывали *сбору налогов* на подведомственной территории. В конце октября 1941 г. командование вермахта утвердило «Временное распоряжение о взимании налогов и сборов» [4, с. 411-412]. Список поборов был внушительным (льготы по налогообложению – до 50 % суммы налогов – предоставлялись активистам из местных, а так же лицам, в своё время пострадавшим от Советской власти. Все затраты на взимание налогов и сборов возлагались на местное население. За сбор налогов отвечали специальные отделы, созданные в районных комендатурах (управах) [16, с. 83].

Военный коллаборационизм. Мнения исследователей относительно численности тех советских граждан, кто с оружием в руках выступил против своего народа, расходятся довольно существенно:

Чьи данные:	**Конкретные показатели:**
советские военные историки (официальный показатель)	во всех формах военного коллаборационизма принимали участие более 800 тыс. чел., в т. ч. 150 тыс. чел – в войсках СС [9, с. 385];
западные историки (усреднённый общепринятый показатель)	около 1 млн. чел. [17, с. 158];
Л. Решин	всего в военных формированиях гитлеровцев приняли участие 250 тыс. советских граждан, в том числе в составе Русской освободительной армии (РОА) – 50 тыс. чел.; так же участвовали 35 тыс. казаков, 45 тыс. представителей Кавказа и Средней Азии; 30 тыс. чел. в рабочих ротах и батальонах; 196 тыс. чел. – по гражданской службе [25, с. 179; 26, с. 2];
М. А. Гареев	всего военных коллаборационистов – 200 тыс. чел., в том числе в боевых частях – около 100 тыс. чел. [8, с. 49];
С. В. Кудряшов	общее количество коллаборационистов – около 1 млн. чел., в том числе активно сотрудничавших – 250-300 тыс. чел. [19, с. 90 – 91];
Н. М. Раманичев	общее количество военных коллаборационистов – до 1,5 млн. чел. [24, с. 154];
П. А. Пальчиков	около 40 тыс. активных военных коллаборационистов в РОА и других формированиях [22, с. 144];
С. И. Дробязко	всего коллаборационистов – 1,3 – 1,5 млн. чел., в том числе: в вермахте и в войсках СС – 855 тыс. – 1 035 тыс. чел.; в том числе: в добровольческих вспомогательных службах – 500-675 тыс. чел.; в полиции – 70 тыс. чел.; восстановительных батальонах – 80 тыс. чел.; казачьих формированиях – 55 – 60 тыс. чел.; туркестанские и кавказские части – 150 тыс. чел. [11, с. 128];
К. Александров	на сторону Гитлера перешли 1,2 млн. чел., в том числе 0,5 млн. русских [1, с. 18; 2, с. 13];
С. В. Воробьёв и Т. В. Каширина	общее число военных коллаборационистов – 1,5 млн. чел., в том числе 120 тыс. чел. в РОА [7, с. 163];
А. О. Чубарьян	общее число военных коллаборационистов составило около 1 млн. чел. [30, с. 12].

Гитлеровцы выделяли следующие категории населения оккупированной территории СССР, которые могли принять участие в вооружённой борьбе против коммунистической власти:

1) представители тюркских народов и казаки (рассматривались германским военным командованием как союзники в борьбе против большевизма); туркестанские батальоны и части; крымско-татарские формирования (из 220 тыс. крымских татар около 10 тыс. воевали на стороне СССР в РККА, а более 20 тыс. в различных формах сотрудничали с врагом) [7, с. 161];

2) местные охранные части из добровольцев и освобождённых военнослужащих из числа прибалтов, финнов, этнических немцев, украинцев и белоруссов (использовались для обеспечения оккупационного порядка, борьбы с окружёнными группировками РККА, партизанами, для проведения карательных акций);

3) части из местных добровольцев и бывших военнопленных , привлекаемых для несения полицейской службы;

4) добровольцы из гражданского населения и осовобождённых военнопленных, действовав-

ших при германских частях в качестве вспомогательного персонала;

5) бывшие советские военнопленные, используемые для услуг немецкой местной администрации [16, с. 36-37].

Хронологически процессы формирования сил и средств военных колаборационистов проходили следующим образом:

− уже летом 1941 г. на Восточном фронте в немецких частях появились специальные вспомогательные подразделения «хиви» (HiWi, букв. – hilfswillige – желающие помогать). «Хиви» служили в подразделегиях войскового тыла, они занимали должности возниц, шофёров, помошников поваров и т. п. К осени 1942 г. в штате германской пехотной дивизии (12,7 тыс. военнослужащих) полагалось иметь до 2 тыс. «хиви» [4, с. 294];

− в октябре 1941 г. на фронте появились первые казачьи подразделения [14, с. 515];

− так же осенью 1941 г. гитлеровцы на территории Украины, белоруссии и части областей РСФСР начали формировать несколько десятков подразделений для несения караульной службы в составе боевого охранения своих дивизий [4, с. 294];

− к осени 1943 г. в вермахте (без СС) проходили службу уже около 500 тыс. бывших советских граждан, в том числе, в боевых частях и подразделениях – 180 тыс. чел.; 70 тыс. чел. входили в состав подразделений полиции; 250 тыс. чел. являлись добровольцами обслуживающего персонала вермахта и люфтваффе;

− в 1942-1944 гг. были сформированы 120 русских, украинских и казачьих боевых батальонов (90 – русских), 30 саперно-строительных батальонов и батальонов снабжения, 77 батальонов в составе «национальных легионов» (26 туркестанских, 14 азербайджанских, 12 грузинских, 11 армянских, 7 волго-татарских, 6 северокавказских, 1 финно-угорский) [4, с. 295; 14, с. 515];

− эти подразделения получали различные наименования – Русская национальная народная армия, Казачий стан генерала Т. Доманова, 15-й казачий кавалерийский корпус генерала Г. Паннвица и др.;

− примерно с 1942 г. коллаборационистов начали повсеместно называть «власовцами» (по имени бывшего командующего 2-й ударной армией генерала А. А. Власова, в июле 1942 г. перешедшего на сторону немцев); однако подавляющее большинство формируемых гитлеровцами частей не входили в состав власовского войска (хотя с 1943 г. в форме одежды этих поразделений и частей присутствовал нарукавный шеврон РОА) [4, с. 294-295];

− в конце 1944 г, началось формирование 1-й (командовал бывший полковник РККА, командир стрелковой дивизии С. К. Бунянченко) и 2-й дивизий РОА (в вермахте – 600-я и 650-я пехотные дивизии); первая прибыла на фронт еще в марте 1945 г., вторая так и не закончила до Победы процесс формирования;

− в ноябре 1944 г. оккупанты создали Комитет освобождения народов России, РОА стала основой его военной структуры. По многочисленным данным количество служивших в РОА достигало 200 тыс. чел. [4, с. 294-295];

− комсостав РОА (4,5 тыс. чел.) на 20 % состоял из лиц, пострадавших от сталинских репрессий; в РККА они занимали следующие должности: 2 командира стрелковых корпусов, 5 командиров стрелковых дивизий, командир стрелковой бригады, 4 начальника артиллерии дивизий, 10 командиров стрелковых полков, 2 командира артиллерийских полков и др. [14, с. 18-19].

Так же рассмотрим *национальных состав* советских военных коллаборационистов:

Национальность	Количество
русские	более 400 тыс. чел., в том числе 85 тыс. казаков;
украинцы	около 250 тыс.
белоруссы	около 20 тыс.;
литовцы	37 тыс.;
латыши	90 тыс.;
эстонцы	70 тыс.;
народы Казахстана и Средней Азии	около 180 тыс.;
народы Северного Кавказа	28 тыс.;
грузины	около 20 тыс.;
армяне	около 18 тыс.
азербайджанцы	38 тыс.;
народы Поволжья	40 тыс.;
крымские татары	20 тыс.;
калмыки	5 тыс.;
ингерманландцы	около 5 тыс.;
советские немцы	20 тыс.
Всего:	1,24 млн. чел.

Таких масштабов национального предательство Родина и армия в своей истории ещё не знали.

Административный коллаборационизм. Особенности устройства гитлеровской власти на местах наиболее подробн о рассмотрел Б. Н. Ковалёв [16, с. 84-86; 124-142]. Выделим

основные положения, характеризующие данную часть «нового порядка»:

− в 1941 г. вся оккупированная территория СССР была разделена на 3 части:

а) эвкуационная зона (30-50 км от линии фронта, высылалось до 100 % населения, наиболее жёсткий административный режим);

б) зоны в районе боевых действий партизанских отрядов (ограничения свободы передвижения, запрет на выход из дома в ночное время и пр.);

в) тыловые районы (общий административный режим);

− наиболее крупной территориальной единицей являлся административный округ, возглавлявшийся управой (9 отделов); в крупных городах создавались районные управы (возглавлялись старшинами), в отдельных городах создавались гороодские управы; в волости назначались бургомистры, в сёла – старосты;

− немцы, «играя в демократию», в ряде мест проводили внешне достаточно конкурентные выборы; впрочем эта «ограниченная демократия по-гитлеровски» нкого не убеждала в своей законости;

− стремясь изжить низкую эффектвность всех этих управ, старейшин, писцов и пр., гитлеровцы 20 марта 1943 г. предписали им распоряжение «О новой структуре городской управы»; отныне орган городского управления строился следующим образом:

Должностные лица, отделы	**Функции**
городское управление	бургомистр, его заместители, чиновники для особых поручений, ревизионная группа;
общий отдел	личный стол, канцелярия, отдел связи, хозяйственныей отдел;
финансовый отдел	бюджетно-налоговый отдел, централизованная бюрократия, приходно-расходная касса;
отдел государственной страховки и обеспечения	отделы социаьного обеспечения и социального страхования;
отдел здравоохранения	отделы социального надзора и фармацевтичнский;
отдел полиции	паспортный и пожарный отделы;
транспортный отдел	перевозки.

Оккупационная власть с различной степенью эффективности пыталась упорядочить местныне социальные отношения, практическими мерами бороться с коррупцией, волокитой, низкой деловой активностью. Но этомало что дало.

С 1941 г. на оккупированных территорриях действовали *мировые суды.*

Подвоядя итоги вышесказанному, заметим, что появление в среде историков, юристов и пр. общественных активистов традиционного для Запада термина «коллаборационизм» заставило нас внимательнее относиться к его содержанию и историко-культурному значению. Проще всего заменить его термином «предатель», «двурушник» и т. п. Но как тогда оценивать действия тех миллионов жителей оккупированной территории СССР, которые вынужденно, ради физического выживания пошли на сотрудничество с оккупационными властями, участвовали в мероприятиях «нового порядка» и пр? В нашем понимании соглашательство в чистом виде ещё не есть уголовное преступление.

Мы полагаем, что расширительное толкование разновидностей коллаборационизма вредит делу объективного исторического исследования. Обычная логическая путаница – частное выдавать за общее – может сыграть с нами шутку дурного свойсмтва с точки зрения исторической памяти, духовного наследия и пр. Особенно в те времена, когда историческая истина будет востребована в полном объёме.

Военный, политический (административный) и экономический виды коллаборационизма, понимаемые как реакция подавленного социума на попытки гитлеровцев создавать удобную для себя социальную реальность, отличаются сущностью, содержанием, формами и методами, исследование которых, безусловно, должно быть продолжено.

Библиографический список

1. Александров, К. «За ложь никто умирать не будет» [Текст] / К. Александров // Новая газета. – 2018. – 15 января. – С. 18-19.

2. Александров, К. Неизвестные потери и забытые союзники [Текст] / К. Александров // Новая газета. – 2012. – 4 мая. – С. 12-13.

3. Большой Российский энциклопедический словарь [Текст]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2003. – 1888 с.

4. Великая Отечественная войн а. 1941-1945 [Текст] : энциклопедия. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2015. – 672 с.

5. Великая Победа. В 11 т. Т. 2. Вставай страна огромная [Текст]. – М. : Союз, 2013. – 1010 с.

6. Волкогонов, Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. К н. 2. [Текст] / Д. А. Волкогонов. – М. : АПН, 1990. – 612 с.

7. Воробьёв, С. В., Каширина, Т. В. Историография коллаборационизма на оккупированных советских и европейских территориях в годы Второй мировой войны [Текст] / С. В. Воробьёв, Т. В. Каширина // Вопросы истории. – 2015. – № 6. – С. 157-168.

8. Гареев, М. А. О мифах старых и новых [Текст] / М. А. Гареев // Военно-исторический журнал. – 1991. – № 4. – С. 45-51.

9. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах [Текст]. – М. : Воениздат, 1993. – 484 с.

10. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. Т. 2. Агрессия против СССР. Падение «Третьей империи». 1941-1945 [Текст] / В. И. Дашичев. – М. : Политиздат, 1997. – 694 с.

11. Дробязко, С. И. Советские граждане в рядах вермахта. К вохпросу об их численности [Текст] / С. И. Дробязко // Великая Отечественная война в оценках историков. – М. : Наука, 1997. – 424 с.

12. Другая война : 1939-1945 [Текст]. – М. : РГГА, 1996. – 517 с.

13. Епифанов, А. Е. Ответственность за военные преступления, совершённые на территории СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А. Е. Епифанов. – Волгоград : Университет, 2000. – 233 с.

14. История России XX век. Эпоха сталинизма (1929-1953). Том II. [Текст]. – М. : Издательство «Э», 2016. – 752 с.

15. История законодательство СССР и РСФСР по уголовному процесс у. 1953-1991. Сборник правовых актов [Текст]. – М. : Юрист, 1997. – 674 с.

16. Ковалёв, Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941-1945 гг.: типы и формы [Текст] / Б. Н. Ковалёв. – Новгород : Нов ГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – 372 с.

17. Кринько, Е. Ф. Коллаборационизм в СССР в годы Великой Отечественной войны и его изучение в российской историографии [Текст] / Е. Ф. Кринько // Вопросы истории. – 2004. – № 11. – С. 153-164.

18. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : Русский язык, 2002. – 856 с.

19. Кудряшов, С. В. Предатели, «освободители» или жертвы режима [Текст] / С. В. Кудряшов // Свободная мысль. – 1993. – № 14. – С. 85-93.

20. Нацистская Германия против Советского Союза: планирование войны [Текст]. – М. : Кучуково поле, 2015. – 320 с.

21. Осьмачко, С. Г. Красная Армия в локальных войнах и военных конфликтах (1929-1941 гг.): боевой опыт и военная политика [Текст] / С. Г. Осьмачко. – Ярославль : ЯВЗРКУ ПВО, 1999. – 228 с.

22. Пальчиков, П. А. История генерала Власова [Текст] / П. А. Пальчиков // Новая и новейшая история. – 1993. – № 2. – С. 141-146.

23. Промышленность Германии в период войны 1933-1945 гг. [Текст]. – М. : Наука, 1956. – 386 с.

24. Раманичев, Н. М. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Военно-исторические очерки. К н. 4. Народ и война [Текст] / Н. М. Раманичев. – М. : Республика, 199. – 611 с.

25. Решин, Л. Коллаборационизм и жертвы режима [Текст] / Л. Решин // Знамя. – 1994. – № 8. – С. 175-182.

26. Решин, Л. «Русские пленные добровольно служить не будут» [Текст] / Л. Решин // Известия. – 1990. – 28 мая. – С. 2.

27. Семиряга, М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны [Текст] / М. И. Семиряга. – М. : Издательство ЭКО, 2000. – 676 с.

28. XVII съезд ВКП (б): стенографический отчёт [Текст]. – М. : Политиздат, 1934. – 742 с.

29.Синициын, Ф. Л. Национальная политика Германии на оккупированной территории СССР в начальный период Великой Отечественной войны [Текст] / Ф. Л. Синициын // Вопросы истории. – 2015. – № 6. – С. 47-64.

30. Чубарьян, А. О. Сложное прошедешее время [Текст] / А. О. Чубарьян // Российская газета. – 2005. – 18 февраля. – С. 12.

Reference List

1. Aleksandrov, K. «Za lozh' nikto umirat' ne budet» = «No one will die for lying» [Tekst] / K. Aleksandrov // Novaja gazeta. – 2018. – 15 janvarja. – S. 18-19.

2. Aleksandrov, K. Neizvestnye poteri i zabytye sojuzniki = Unknown losses and forgotten allies [Tekst] / K. Aleksandrov // Novaja gazeta. – 2012. – 4 maja. – S. 12-13.

3. Bol'shoj Rossijskij jenciklopedicheskij slovar' = The Great Russian Encyclopedia Dictionary [Tekst]. – M. : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2003. – 1888 s.

4. Velikaja Otechestvennaja vojna. 1941-1945 = Great Patriotic War. 1941-1945 [Tekst] : jenciklopedija. – M. : OLMA-PRESS, 2015. – 672 s.

5. Velikaja Pobeda. V 11 t. T. 2. Vstavaj strana ogromnaja = Great Victory. In 11 v. V. 2. Get up a huge country [Tekst]. – M. : Sojuz, 2013. – 1010 s.

6. Volkogonov, D. A. Triumf i tragedija. Politicheskij portret I. V. Stalina. Kn. 2 = Triumph and tragedy. Political portrait of I. V. Stalin. Book 2. [Tekst] / D. A. Volkogonov. – M. : APN, 1990. – 612 s.

7. Vorob'jov, S. V., Kashirina, T. V. Istoriografija kollaboracionizma na okkupirovannyh sovetskih i evropejskih territorijah v gody Vtoroj mirovoj vojny = Historiography of collaborationism in the occupied Soviet and European territories during the World War II [Tekst] / S. V. Vorob'jov, T. V. Kashirina // Voprosy istorii. – 2015. – № 6. – S. 157-168.

8. Gareev, M. A. O mifah staryh i novyh = About old and new myths [Tekst] / M. A. Gareev // Voenno-istoricheskij zhurnal. – 1991. – № 4. – S. 45-51.

9. Grif sekretnosti snjat. Poteri Voorruzhjonnyh Sil SSSR v vojnah, boevyh dejstvijah i voennyh konfliktah = The griff of secrecy has been removed. Losses of the

USSR Armed Forces in wars, fighting and military conflicts [Tekst]. – M. : Voenizdat, 1993. – 484 s.

10. Dashichev, V. I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma. V 2 t. T. 2. Agressija protiv SSSR. Padenie «Tret'ej imperii». 1941-1945 = Bankruptcy of German fascism strategy. In 2 vol. V. 2. Aggression against the USSR. Demise of «The Third Empire.» 1941-1945 [Tekst] / V. I. Dashichev. – M. : Politizdat, 1997. – 694 s.

11. Drobjazko, S. I. Sovetskie grazhdane v rjadah vermahta. K vohprosu ob ih chislennosti = Soviet citizens in the Wehrmacht. To the question on their number [Tekst] / S. I. Drobjazko // Velikaja Otechestvennaja vojna v ocenkah istorikov. – M. : Nauka, 1997. – 424 s.

12. Drugaja vojna: 1939-1945 = Another war: 1939-1945 [Tekst]. – M. : RGGA, 1996. – 517 s.

13. Epifanov, A. E. Otvetstvennost' za voennye prestuplenija, sovershjonnye na territorii SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny = Responsibility for war crimes committed in the USSR during the Great Patriotic War [Tekst] / A. E. Epifanov. – Volgograd : Universitet, 2000. – 233 s.

14. Istorija Rossii HH vek. Jepoha stalinizma (1929-1953). Tom II = History of Russia in the XX century. Era of Stalinism (1929-1953). Volume II [Tekst]. – M. : Izdatel'stvo «Je», 2016. – 752 s.

15. Istorija zakonodatel'stvo SSSR i RSFSR po ugolovnomu processu. 1953-1991. Sbornik pravovyh aktov = History of the USSR and RSFSR legislation on criminal process. 1953-1991. Collection of legal acts [Tekst]. – M. : Jurist, 1997. – 674 s.

16. Kovaljov, B. N. Kollaboracionizm v Rossii v 1941-1945 gg.: tipy i formy = Collaboration in Russia in 1941-1945: types and forms [Tekst] / B. N. Kovaljov. – Novgorod : Nov GU im. Jaroslava Mudrogo, 2009. – 372 s.

17. Krin'ko, E. F. Kollaboracionizm v SSSR v gody Velikoj Otechestvennoj vojny i ego izuchenie v rossijskoj istoriografii = Collaboration in the USSR during the Great Patriotic War and its study in Russian historiography [Tekst] / E. F. Krin'ko // Voprosy istorii. – 2004. – № 11. – S. 153-164.

18. Krysin, L. P. Tolkovyj slovar' inojazychnyh slov = Definition dictionary of foreign language words [Tekst] / L. P. Krysin. – M. : Russkij jazyk, 2002. – 856 s.

19. Kudrjashov, S. V. Predateli, «osvoboditeli» ili zhertvy rezhima = Traitors, «liberators» or victims of the regime [Tekst] / S. V. Kudrjashov // Svobodnaja mysl'. – 1993. – № 14. – S. 85-93.

20. Nacistskaja Germanija protiv Sovetskogo Sojuza: planirovanie vojny = Nazi Germany against the Soviet Union: planning of the war [Tekst]. – M. : Kuchukovo pole, 2015. – 320 s.

21. Os'machko, S. G. Krasnaja Armija v lokal'nyh vojnah i voennyh konfliktah (1929-1941 gg.): boevoj opyt i voennaja politika = The Red Army in local wars and military conflicts (1929-1941): combat experience and military policy [Tekst] / S. G. Os'machko. – Jaroslavl' : JaVZRKU PVO, 1999. – 228 s.

22. Pal'chikov, P. A. Istorija generala Vlasova = History of General Vlasov [Tekst] / P. A. Pal'chikov // Novaja i novejshaja istorija. – 1993. – № 2. – S. 141-146.

23. Promyshlennost' Germanii v period vojny 1933-1945 gg. = German industry during the 1933-1945 war. [Tekst]. – M. : Nauka, 1956. – 386 s.

24. Ramanichev, N. M. Velikaja Otechestvennaja vojna 1941-1945 gg. Voenno-istoricheskie ocherki. Kn.4. Narod i vojna = Great Patriotic War in 1941-1945 Military-historical essays. Book .4. People and war [Tekst] / N. M. Ramanichev. – M. : Respublika, 199. – 611 s.

25. Reshin, L. Kollaboracionizm i zhertvy rezhima = Collaboration and victims of the regime [Tekst] / L. Reshin // Znamja. – 1994. – № 8. – S. 175-182.

26. Reshin, L. «Russkie plennye dobrovol'no sluzhit' ne budut» = «Russian prisoners will not serve voluntarily « [Tekst] / L. Reshin // Izvestija. – 1990. – 28 maja. – S. 2.

27. Semirjaga, M. I. Kollaboracionizm. Priroda, tipologija i projavlenija v gody Vtoroj mirovoj vojny Collaborationism. Nature, typology and manifestations during the World War II [Tekst] / M. I. Semirjaga. – M. : Izdatel'stvo JeKO, 2000. – 676 s.

28. XVII s#ezd VKP (b): stenograficheskij otchjot = XVII All-Union Communist Party Congress (b): verbatim report [Tekst]. – M. : Politizdat, 1934. – 742 s.

29.Siniciyn, F. L. Nacional'naja politika Germanii na okkupirovannoj territorii SSSR v nachal'nyj period Velikoj Otechestvennoj vojny = German national policy in the occupied territory of the USSR during the initial period of the Great Patriotic War [Tekst] / F. L. Siniciyn // Voprosy istorii. – 2015. – № 6. – S. 47-64.

30. Chubar'jan, A. O. Slozhnoe proshedshee vremja = Complex passed time [Tekst] / A. O. Chubar'jan // Rossijskaja gazeta. – 2005. – 18 fevralja. – S. 12.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10505
УДК 821.133.1

Е. Г. Баранова https://orcid.org/0000-0002-1818-0260

Рецепция романа М. М. де Лафайет «Принцесса Клевская» во французской культуре XXI века

Целью статьи является исследование основных тенденций рецепции романа М. М. де Лафайет «Принцесса Клевская» в современной французской культуре на материале четырех произведений, вызвавших наибольший общественный резонанс и относящихся к различным видам искусства (литература, театр, кино). Показано, что активная художественная рецепция романа в последнее десятилетие обусловлена как политико-идеологической рецепцией, так и художественным потенциалом произведения (романная форма, благоприятствующая драматургической трансформации текста, его «звучащий» характер, множественность психологических мотивировок). Материал, привлекающийся к анализу, позволеют продемонстрировать широкий диапазон рецепции: от максимально близкого к тексту оригинала воссоздания романа в современном контексте до его травестирования.

Выявляется роль социокультурного контекста и формулируются новые смыслы, которые он позволяет открыть в «Принцессе Клевской». В оценке лежащего в основе сюжета любовного конфликта на первый план выходят не моральные категории долга и верности, а проблема свободы личности в конфликте между обществом и индивидом. Феминистское прочтение романа актуализирует уход Клевской от общества как эмансипацию героини. В дискуссии о национальной идентичности на фоне иммиграционного кризиса «Принцесса Клевская» служит источником вдохновения для художников, протестующих против «варварства» новой политической элиты и размывания французской идентичности и одновременно предстает как инструмент культурной интеграции иммигрантов через диалог с классическим наследием.

Ключевые слова: рецепция, культурный концепт, аналитический роман, М. М. де Лафайет, «Принцесса Клевская», идентичность, М. Дарьессек, феминизм, культурная интеграция.

E. G. Baranova

The reception of the novel «The Princess of Clèves» by M. M. de La Fayette in the French culture of the XXI century

The paper attempts to set up a reception analysis of «The Princess of Clèves» by M. M. de La Fayette in contemporary France on the example of four realizations that got the most response in France in their respective art field (literature, theater, and cinema). It is shown that over the past decade, the noticeable surge of interest in the novel has been determined by both political context and artistic potential of the La Fayette's masterpiece (dramatic elements in narration, the orality of the text, extreme psychological complexity). The interpretations vary from a travesty to a contemporary context reconstruction, which remains very close to the original text.

The main body of the paper contains arguments to prove the importance of the social and cultural context and gives the analysis of the new depths in «The Princess of Clèves» that this context makes it possible to reveal. Ethical consideration of the love conflict creating the plot is no longer based on the concepts of duty and faithfulness, but rather on the idea of personal freedom in a conflict between collective norms and individual feelings. The Princess' decision to leave the high society is also represented through the prism of feminist ideology as the heroine's emancipation. Another important focus of reception is the current discussion of the national identity triggered by the immigration crisis. «The Princess of Clèves» stands out as a source of inspiration for the artists remonstrating against the new «barbarian» political elite and the dissolution of the French identity. At the same time, it is represented as an effective tool of immigrants' cultural integration through a dialogue with the French cultural heritage.

Keywords: reception, cultural concept, novel of analysis, M. M. de La Fayette, The Princess of Clèves, identity, M. Darrieussecq, feminism, cultural integration.

Культура Франции литературоцентрична. Неслучайно высказывание немецкого филолога Э.-Р. Курциуса о том, что во французском национальном самосознании «литература играет определяющую роль […], и нация единодушно рассматривает литературу как символическое выра-

© Баранова Е. Г., 2019

жение своей судьбы […]; во Франции всякая национальная идеология приходит из литературы и насквозь ей пронизана» [Цит. по 11] с завидной регулярностью цитируется в дискуссии о национальной идентичности, которая не утихает во французском обществе с начала XXI в. Одним из наиболее ярких моментов этой дискуссии оказалось общественное движение в поддержку романа М. М. де Лафайет «Принцесса Клевская», рецепция которого в современной культуре Франции является объектом исследования настоящей статьи.

Прежде всего, уточним, что ключевой термин «рецепция» понимается нами в рамках культурологического подхода – как восприятие текста культуры в определенном историческом, социальном и культурном контексте и создание на основе воспринятого собственного текста культуры. Данное понимание основано на утвержденном М. М. Бахтиным понятии диалога и конструктивных принципах рецептивной эстетики, изложенных в трудах Р. Ингардена, В. Изера и Х.-Р. Яусса. В рецептивной эстетике выделяют пассивную рецепцию (чтение литературного произведения, просмотр фильма или спектакля, и т. п.) и активную, два основных взаимосвязанных механизма которой – «пересоздание» («продуктивная» рецепция, предполагающая вхождение текста в творчество другого автора) и «воссоздание» («репродуктивная» рецепция или воспроизведение текста в той или иной форме) определяются дистанцией, отделяющей контекст создания и восприятия, «свое» и «чужое». Помимо художественной, выделяют другие виды рецепции, из которых для нашего исследования значима политико-идеологическая, а именно трансформация и / или инструментализация текста культуры в общественно-политических целях.

В 2007 г. премьер-министр и кандидат на пост президента Н. Саркози, говоря о необходимости реформы конкурса на административные должности, привел «Клевскую» в качестве примера произведения, включить знание которого в программу конкурса мог, по его мнению, только «садист или недоумок» [18] (здесь и далее перевод иноязычных источников наш – Е. Б.). Ремарка спровоцировала мощнейшую общественную реакцию: политика – редкое единодушие во Франции – осудили как правые, так и левые; в течение нескольких лет проводились публичные чтения романа; в 2009 г. посетители ежегодного Книжного салона расхватывали значки «Я читаю „Принцессу Клевскую”«, а в Елисейский дворец были отправлены сотни экземпляров книги.

Политико-идеологическая рецепция повлекла за собой всплеск рецепции литературно-критической и художественной. Представляется интересным выделить и рассмотреть в настоящей статье основные тенденции художественного осмысления романа в современном социокультурном контексте. В качестве материала исследования выбраны примеры рецепции «Клевской», получившие наибольший резонанс во Франции и относящиеся к разным видам искусства: роман М. Даррьесек «Clèves» (2011), художественный фильм «La Belle Personne» (2008) К. Оноре, документальный фильм Р. Содера «Nous, Princesse de Clèves» (2010) и театральная адаптация романа режиссером М. Монтайа (2016).

Чем объяснить, что всего одна реплика Саркози вызывает многолетнюю волну протеста и бурную художественную реакцию? Дело в том, что «Принцессу Клевскую» можно отнести к случаям, когда «художественный концепт становится концептом культуры» [1, с. 16]. Прежде чем характеризовать индивидуально-авторское видение «Клевской» современными авторами, необходимо сказать несколько слов о том, что обусловило особый статус этого произведения в национальном сознании.

С одной стороны, «Принцесса Клевская» является совершенным образцом литературы XVII столетия, который французы считают «золотым веком» своей культуры и истории. С другой стороны, классицистический шедевр де Лафайет обнаруживает необычайную «коммуникативную неопределенность» [2, с. 29], принципиальную открытость для интерпретации, так как в нем нет однозначной этической позиции, характерной для классицистической концепции человека.

Английский переводчик «Принцессы Клевской» Р. Басс в предисловии к роману объясняет его амбивалентность контрастом между «рационалистичностью общей конструкции» (ясность языка, отстраненный тон повествования и классическая простота сюжета) и необычайной сложностью чувств персонажей: «это любовная история о побеге от любви, где главный герой является антигероем, а главная героиня – жертвой обстоятельств, чья жизнь разрушена страстью, но при этом она не перестает уверять нас, что полностью контролирует свою судьбу. Сюжет и язык просты настолько, что смысл затемняется и возникают вопросы – как о природе страсти, так и о природе власти» [6, с. 5].

Неоднозначность поступков героини, разрушающая романтические клише, предопределяет развитие европейской психологической прозы и создает то, что в рецептивной эстетике называется «пустыми местами» или «участками неопределенности» [2, с. 256], обеспечивающими интерпретационную вариативность текста. С момента публикации произведение вызывает бурную, периодически активизирующуюся полемику, многократно подвергается сюжетному и структурному переосмыслению, а каждая эпоха обнаруживает в нем новые смысловые пласты.

После ремарки Н. Саркози «Клевская» приобретает новое измерение, прочно включаясь в идеологическую парадигму. Писатели и режиссеры обращаются к роману, показывая его важность для современного общества и поднимая сквозь призму романа многие актуальные вопросы.

Реакция режиссера и сценариста фильма «La Belle Personne» («Прекрасная женщина», в российском прокате «Прекрасная смоковница») Кристофа Оноре характерна для интеллектуалов и художников, которые, расценивая политику Саркози как угрозу французскому культурному наследию, призвали, цитируя философа А. Финкелькро, к «сопротивлению цивилизации» «новой высокомерной и варварской» политической элите [16]. Чувствуя себя «задетым и подавленным невежеством [Саркози]» и видя в его позиции непонимание сути искусства [12], режиссер решил показать, что роман, написанный три века назад, способен волновать наших современников.

Для К. Оноре, который «может говорить лишь от своего лица» [13], подчеркнуть актуальность классического произведения возможно только личным прочтением. Отталкиваясь от знаменитой фразы де Лафайет «Никогда двор не видел такого количества прекрасных женщин и замечательной наружности мужчин…», он находит современную аналогию замкнутому, аристократическому, полному страстей миру романа, играя на полисемии слова «cour» (двор). Вместо королевского двора эпохи Генриха II, который сегодня является скорее абстракцией, действие перенесено на школьный двор. Герои – ученики лицея Мольера, расположенного в фешенебельном XVI округе Парижа.

Несмотря на то, что Оноре обозначил свое творение как «свободную вариацию» на тему «Клевской», фильм очень близок к оригиналу. Сохраняется система персонажей и сюжетная основа: новая ученица Жюни (прототип – мадмуазель де Шартр) страстно влюбляется в учителя итальянского Немура (прототип – герцог Немурский), но завязывает роман с безразличным ей одноклассником Отто (прототип – Клевский). Распределение ролей учитель – ученица помогает автору создать некое моральное препятствие (учитель не должен вступать в связь с ученицей) любви Жюни и Немура в современном контексте, где неактуальны моральные нормы XVII в., которыми руководствуются герои романа.

Частичная модификация сюжетной структуры заключается в том, что в отличие от романа, где любовные интриги неотделимы от политических, в фильме политика остается за рамками сюжета. Для Оноре в «Принцессе Клевской» важно только то, что совпадает с моделью его собственного художественного мира – чувства героев и эстетическое совершенство текста, которое режиссер стремится передать кинематографическими средствами.

Тема «невозможной любви» – «такой французской, такой литературной, [...] такой близкой нам» [19] – соединяется в «La Belle Personne» с другой главной темой Оноре, который «всегда снимал фильмы и писал о юности и ее порывах» [14] – темой юности. Выбор лицеистов в качестве героев фильма объясняется не только тем, что мадмуазель де Шартр в начале романа тоже шестнадцать лет. По замыслу режиссера, именно современные подростки, «задумчивые и изящные», так непохожие на поколение школьников 80-х, олицетворяют для него новую аристократию и воплощают идеал красоты [24]. Таким образом, тема юности связывается с уже заложенной в названии «La Belle Personne» темой красоты. Совершенная красота текста де Лафайет воссоздается в фильме аудиовизуальными средствами. Утонченную красоту лиц юных актеров и старинных интерьеров лицея Мольера подчеркивает преобладание крупных планов и плавно скользящая, наплывающая камера – манера съемки, которую многие критики отметили как операторскую удачу.

Образность романа прочитывается и в философском плане. Главная этико-психологическая дилемма XVII столетия – «быть или казаться» [см. 4, 20] – театрально развертывается в контексте лицея Мольера, открытые галереи и балконы которого напоминают зал театра. Первые кадры фильма – открывающиеся ворота лицея – аллюзия на раздвигающийся занавес, школьные звонки, как театральные, возвещают начало действия,

а герои соизмеряют все свои поступки с действующим в этом замкнутом пространстве социальным кодом. Как и при королевском дворе, каждый здесь одновременно играет роль и является зрителем.

После самоубийства Отто Жюни отказывает Немуру – как и ее романный прототип, девушка может удовлетвориться лишь беспредельной любовью и предпочитает остаться на пороге этой идеальной любви, чем пережить разочарование, когда чувства Немура к ней угаснут. Покой для нее важнее разрушающей душу страсти, дающей лишь видимость счастья. Таким образом, Жюни, как и Клевская, делает выбор в пользу «быть», а не «казаться», следуя собственной логике чувств, идущей вразрез с общепринятыми представлениями о любви и счастье. У зрителя, не знакомого с текстом-источником подобный финал может вызвать недоумение.

Именно так, судя по отзывам на фильм, он был воспринят российскими зрителями, упрекавшими фильм в отсутствии правдоподобия. Отметим, что рецепцию русскоязычной версии фильма затрудняет и крайне неудачный, как представляется, перевод названия. «Прекрасная смоковница», в отличие от оригинального названия, являющегося прямой аллюзией на «Принцессу Клевскую», создает абсолютно чужеродную произведению Оноре библейскую перспективу прочтения, чем окончательно запутывает зрителя. И, напротив, во Франции и Великобритании (где роман, в отличие от России, хорошо известен широкому читателю) фильм получил очень высокую зрительскую оценку.

Являясь гипертекстом по отношению к «Принцессе Клевской», фильм «La Belle Personne», сам выступает как гипотекст другой реплики в дискуссии вокруг романа – документального фильма «Nous, Princesses de Clèves» («Мы, принцессы Клевские»), отражающего принципиально иную, не менее распространенную реакцию.

Режиссер фильма Режи Содер (Régis Sauder) предлагает нам проследить, как в течение учебного года выпускники лицея из неблагополучного района Марселя читают и комментируют роман. Все подростки из иммигрантской среды, и, таким образом, рецепция осложняется не только дистанцией между современным читателем и произведением XVII в., но и языковым барьером.

Зоной, наиболее открытой для восприятия подростков, становится эмоциональный пласт романа. Постепенно на глазах зрителя школьники открывают для себя роман через общечеловеческие чувства, подробно и тонко описанные де Лафайет – любовь, ревность, сомнение, и т. д. Осмысляя текст в понятных им категориях (скажем, один из школьников проводит аналогию между сентиментальными сложностями героев романа и нюансами статусов Фейсбука), разыгрывая сцены из романа и примеряя затем фразы автора к своим чувствам, обсуждая связанные с «Клевской» произведения искусства (например, «La Belle Personne»), они делают его «своим».

Р. Содер полемизирует, с одной стороны, с Саркози, доказывая, что роман важен и нужен не только интеллектуальной элите и даже может быть эффективным способом культурной интеграции – для героев фильма «Принцесса Клевская» становится первой настоящей точкой соприкосновения с французским классическим наследием. В то же время, режиссер поднимает проблему того, в каких условиях эта интеграция возможна, показывая, что традиционный академический дискурс, принятый в школах и культурных учреждениях, в современном мультикультурном обществе может играть негативную роль, закрывая значительной части населения доступ к культуре.

Эта мысль наиболее явно выражена в эпизоде поездки в Париж, где лицеисты посещают Лувр и Национальную библиотеку. Когда учитель показывает портреты исторических персонажей-прототипов «Принцессы Клевской», многие подростки восхищаются красотой картин, но воспринимают их как ценности «чужой» культуры: как замечает одна ученица, на портретах изображены люди, которые делали рабами их предков. Языковой барьер делает невозможным и диалог с хранителем Национальной библиотеки –речь ученого, изобилующая деталями, относящимися к языку романа, непонятна этим подросткам с весьма ограниченным словарным запасом. В итоге попытка учителя расширить представление героев фильма о романе традиционными академическими методами приводит к созданию культурной дистанции, которую вначале школьникам удалось сократить благодаря непосредственному восприятию художественного текста.

Другой социально-политический аспект рецепции романа связан в фильме с отражающей социальное расслоение общества трактовкой образа матери главной героини родителями некоторых учеников (им читают сцену, где

умирающая мадам де Шартр дает наставления главной героине). Ценности, которые она внушает дочери – целомудрие, добродетельность, признание приоритета мужчин – кажутся сегодня большинству читателей анахронизмом, и в литературной критике последних десятилетий преобладает негативная оценка модели воспитания мадам де Шартр, поскольку следование материнским советам приводит принцессу Клевскую к одиночеству и, в конечном итоге, скорой смерти. Однако родители, в соответствии с нормами характерного для иммигрантов из Северной и экваториальной Африки социокультурного окружения, единодушно оценивают героиню как образцово-показательную мать. Сочувствуя принцессе Клевской, они разделяют ее выбор, объясняя его именно верностью памяти нелюбимого мужа и видят актуальность романа в преподносимых им моральных уроках. Очевиден контраст с уже упоминавшимся фильмом «La Belle Personne», где из хитросплетения мотивировок героини выбрано стремление к идеальной любви, а добродетель полностью оставлена за кадром.

Если закрытые для диалога с Другим родители смотрят на чужую культуру исключительно через призму своей, то их дети, которые неоднократно выражают в фильме желание вырваться из рамок иммигрантской среды, постепенно начинают идентифицировать себя с героиней романа не только в «перебоях сердца», но и в желании освободиться от влияния среды – именно так, вполне в духе современной феминистской критики, речь о которой пойдет ниже, они трактуют уход Клевской от общества.

Так фильм Режи Содера вписывает «Принцессу Клевскую» в контекст одной из главных общественных дискуссий современной Франции – о национальной идентичности, о культурной изоляции иммигрантов и геттоизации образования – и показывает возможность преодоления интеграционных проблем через диалог с французским культурным наследием. Роман де Лафайет представлен режиссером прежде всего как этнолингвистический культурный концепт французского национального мира, который участвует в образовании так называемой «политической нации» [3, с. 65], поскольку способствует формированию сверхэтнических общих ценностей.

Рецепция романа в постановке Магали Монтайа (Magali Montaya) в театре Théâtre de l'Echangeur также отражает социально-политический фон эпохи, но уже в совершенно другом ключе.

С одной стороны, модель актерского существования в спектакле задает феминистский код. Критики феминистского толка, активно интересующиеся романом в последние десятилетия (подробный обзор многочисленных исследований содержится, например, в работах Ф.-Р. Дюбуа [10] и Ж. Янкович [15]), видят значимость романа в эмансипации героини, которой удается «самоопределение в качестве свободной и независимой личности» [5]. Ее уход из высшего света чаще всего интерпретируется как преодоление власти социальных норм маскулинного общества и отрицание уз брака – Клевская отказывается «от мира масок … чтобы ее желания определялись не другими, а только ей самой» [21]. В этом же ключе сегодня часто раскрывается и личность автора – Мари Мадлен де Лафайет, как и другие прециозницы, представляет «женский авангард в эпоху появления женщин в литературе» [7].

В спектакле Théâtre de l'Echangeur все роли исполняют женщины, что М. Монтайа объясняет как политическими причинами (дать женщинам больше возможностей в театре, где они, как правило, находятся на вторых ролях) [25], так и художественными. Она услышала в тексте прежде всего «женскую исповедь» [17], которую актеры-мужчины не смогут прочувствовать. К тому же, по словам Монтайа, «тот факт, что женщины играют мужские роли, позволяет переходить от классического театра перевоплощений, где текст разыгрывается, к моментам чтения с более активным включением публики» [9].

Соединение классического театрального действия с моментами чтения мы можем связать с особым звучанием текста де Лафайет, которое было точно подмечено после читательских марафонов «Клевской» литературоведом М. Руссийон и охарактеризовано ей термином oralité (приблизительный русский эквивалент – «устное звучание»). Исследовательница объясняет неожиданный успех этих мероприятий тем, что роман «легче и приятнее слушать, чем читать» [23, с. 14].

Максимально реализуя «звучащий» потенциал романа, М. Монтайа сохраняет практически весь оригинальный текст «Клевской», за исключением реплик, вводящих прямую и косвенную речь и,

таким образом, создает новый театральный жанр – «спектакль-повествование», который длится восемь часов.

При всей сложности для восприятия, данный формат оказался востребован широким зрителем – уже более трех лет спектакль с большим успехом идет в различных театрах Франции. Анализ нескольких десятков критических отзывов показывает, что одним из главных достоинств спектакля для зрителей (наряду с актуализацией «вечного» любовного треугольника через феминистский код и неординарное пространственно-декорационное решение) стало погружение в язык романа – ясный, лаконичный и музыкальный. Определенная архаичность французского языка XVII в. – «забытое счастье сослагательного наклонения» [26] – также была отмечена как черта, привносящая «удовольствие от текста». На наш взгляд, такое безусловное зрительское одобрение не в последнюю очередь связано с движением в поддержку классического французского языка, заметно активизировавшемся с начала XXI в. на фоне уже упоминавшейся дискуссии о национальной идентичности и миграционного кризиса.

Рецепция «Принцессы Клевской» в творчестве Мари Дарьессек также во многом задана феминистским кодом, однако носит совершенно иной характер. Принимая активное участие в читательских марафонах во время «культурного сопротивления» Саркози, писательница определила в одном из интервью принцессу Клевскую как «героиню отказа» (heroïne du NON) [22] и пообещала, что ее «принцесса будет спать со всеми подряд».

И действительно, если героиня де Лафайет обретает себя, отказываясь от любви, то у школьницы Соланж, от лица которой ведется повествование в романе Дарьессек «Clèves» («Клев»), самоопределение, напротив, происходит через то, как понимали любовь многие французские подростки 1980-х – первое поколение, узнавшее о любви больше из порнофильмов, чем из литературы.

Помимо фабулы (ситуация любовного треугольника, отъезд героини в финале) у романов-антиподов немало общего. К. Ролла [22] в сравнительном исследовании произведений де Лафайет и Дарьессек выделяет такие типологические схождения, как жанр (роман воспитания), закрытый хронотоп (королевский двор и уездный городок) и экзистенциальное одиночество героини.

На наш взгляд, не менее важным является еще одно глубинное сходство, обусловившее актуальность рецептивного образа Дарьессек. В одном из интервью писательница определила суть своего художественного метода в том, чтобы «находить слова для того, что не описано, что еще не описано, что вызывает неловкость […] Открывать в языке пути между тупиками обыденной речи и свободой намерения» [27, с. 159]. Травестируя «Принцессу Клевскую», открывшую для европейской прозы язык сложных душевных переживаний, современный автор впервые во французской литературе детально вербализует такие темы, как женская физиология и подростковая сексуальность.

В начале романа Соланж пытается понять выражения, связанные с новой для нее в тот момент темой секса, но словарь предлагает только медицинские термины, и героиня жалуется, что в книгах «нет слов, чтобы выразить все эти вещи» [8, с. 42]. По мере взросления она, значительно обогатив словарный запас, подробно описывает изменения, происходящие с ее телом, мысли и разговоры с подругами о сексе и первые сексуальные опыты. Повествование выдержано в той же ясной и точной аналитической манере, что и роман М.-М. де Лафайет, но тематика, сниженный разговорный язык, которым «все эти вещи» описываются в обыденной жизни и масса физиологических подробностей в сочетании с прямыми отсылками к роману-источнику спровоцировали активную читательскую полемику и сделали «Клев» полемическим феминистским вызовом многим закрепившимся в литературе гендерным стереотипам.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что начало XXI века как в содержательном, так и в количественном отношении стало новым этапом рецепции «Принцессы Клевской» во Франции. Художественный потенциал произведения (драматическая аранжировка компонентов повествования, «звучащий» характер текста, множественность психологических мотивировок) позволил ему стать объектом рецепции в различных видах искусства. Диапазон рецепции широк и в значительной мере определяется социокультурным контекстом, позволяющим открыть в «Клевской» следующие новые смыслы. В мультикультурном обществе художники обращаются к роману как к концепту французской классической культуры, который может способствовать сохранению национальной идентичности и культурной интеграции иммигрантов. Выбор главной

героини трактуется с точки зрения ценностей современного общества – как реализация права личности на самоопределение, а образ Клевской, привлекая внимание последователей феминистских взглядов, становится символом свободной и независимой женщины.

Библиографический список

1. Володина, Н. В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода [Текст] / Н. В. Володина // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». – 2018. – № 2-1(35). – С. 9-19.

2. Ингарден, Р. Исследования по эстетике. Перевод с польского А. Ермилова и Б. Федорова [Текст] / Р. Ингарден. – М. : Издательство Иностранной литературы, 1962. – 572 с.

3. Зусман, В. Г., Кирнозе, З. И. Национальная концептосфера и политическая нация [Текст] / В. Г. Зусман, З. И. Кирнозе // Слово.ру: Балтийский акцент. – 2016. – № 2. – С. 64-72.

4. Казаков, Е. Ф. Душа человека XVII–XVIII веков (на материале европейского искусства) [Текст] / Е. Ф. Казаков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 35. – С. 34-42.

5. Arab, A. Le repos au détriment de l'amour – Étude de La Princesse de Clèves de Madame de La Fayette à la lumière du «désir triangulaire» de René Girard / A. Arab. – Lund University Publications, 2018. – URL: http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOId=8963669&fileOId=8963670.

6. Buss, R. Introduction / R. Buss // Madame de Lafayette, The Princesse de Clèves, trans. Robin Buss. – London : Penguin Books Limited, 1992 – 182 p.

7. Combis, H. Cinq traits de la secrète Madame de La Fayette / H. Combis. – 22.03.2017. – URL: https://www.franceculture.fr/litterature/cinq-traits-de-la-secrete-madame-de-la-fayette.

8. Darrieussecq, M. Clèves / M. Darrieussecq. – Paris : P. O. L, 2011. – 352 p.

9. Delourme, V. La Princesse de Clèves, par amour du théâtre (Bagnolet, 93) / V. Delourme // Libération. Enlarge your Paris. – 17.03.2016. – URL: http://www.lechangeur.org/wp2/wp-content/uploads/2016/03/enlarge-your-paris.pdf.

10. Dubois, F.-R. Le féminisme de la Princesse de Clèves / F.-R. Dubois. – 15.10.2018. – URL: https://contagions.hypotheses.org/1286.

11. Finkielkraut, A. La charge d'Alain Finkielkraut contre «les fossoyeurs du grand héritage français» / A. Finkielkraut // Le Figaro, 26/01/2017. – URL : http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2017/01/25/31005-20170125ARTFIG00282-la-charge-d-alain-finkielkraut-contre-les-fossoyeurs-du-grand-heritage-francais.php.

12. Gerstner, D. A., Nahmias, J. Christophe Honoré : a critical introduction / D. A. Gerstner, J. Nahmias. – Wayne State University Press, 2015. – 255 p.

13. Golhen, G. Christophe Honoré : «J'ai essayé d'être fidèle à mes émotions et au langage amoureux des années 90» [Электронный ресурс] / G. Golhen // Première, le 10/05/2018. – URL: http://www.premiere.fr/Cinema/Christophe-Honore-J-ai-essaye-d-etre-fidele-a-mes-emotions-et-au-langage-amoureux-des-annees.

14. Guichard, L. Christophe Honoré : «Je revendique mon amateurisme» [Электронный ресурс] / L. Guichard // Télérama, 13/01/2019. – URL: https://www.telerama.fr/festival-de-cannes/2018/christophe-honore-je-revendique-mon-amateurisme,n5638512.php

15. Jankovic, Z. Une femme exceptionnelle peut-elle dire la vérité ? La Princesse de Clèves et le mensonge / Z. Jankovic. – Chameaux. Revue d'Etudes littéraires de l'Université Laval, Québec, 2018. – URL: https://revuechameaux.org/index.php/numeros/mensonge/une-femme-extraordinaire-peut-elle-dire-la-verite-la-princesse-de-cleves-et-le-mensonge/.

16. L'Académie française rempart de la civilisation pour Alain Finkielkraut / L'Express, 25/01/2016. – URL: https://www.lexpress.fr/actualites/1/societe/alain-finkielkraut-l-academie-francaise-rempart-de-la-civilisation_1757007.html.

17. Méreuze, D. Le roman théâtral de la princesse de Clèves / D. Méreuze // La Croix, le 23/03/2016. – URL: https://www.la-croix.com/Culture/Theatre/Le-roman-theatral-princesse-Cleves-2016-03-23-1200748626.

18. Portrait politique #1 : Nicolas Sarkozy «Travailler plus pour gagner plus». – 03.02.2017. – URL : http://annakelsat.com/portrait-politique-1-nicolas-sarkozy-travailler-plus-pour-gagner-plus/.

19. Pour les critiques du «Masque», Christophe Honoré revient à ce qu'il fait de mieux avec «Plaire, aimer et courir vite» // FranceInter, le mardi 29 mai 2018. – URL: https://www.franceinter.fr/cinema/plaire-aimer-et-courir-vite-de-christophe-honore-les-critiques-du-masque-et-la-plume.

20. Riggs, L. W. Paradoxes of Autonomy and Exceptionalism in Molière and Madame de Lafayette / L. W. Riggs // Studi Francesi 183 (LXI / III), 2017. pp. 441-452. – URL: https://journals.openedition.org/studifrancesi/10112.

21. Rigoureau, S. « La Princesse de Clèves «, dossier pédagogique réalisé pour la MC2: Grenoble / S. Rigoureau. – Grenoble : MC2, janvier 2016. – 32 p. – URL: https://www.theatre-contemporain.net/images/upload/pdf/f-aa9-56b47592b1478.pdf.

22. Rolla, C. Clèves de Marie Darrieussecq : parcours de lecture et tentative(s) de définition(s) » / C. Rolla // Cahiers de Narratologie, 23/ 2012. – URL : http://journals.openedition.org/narratologie/6630.

23. Roussillon, M. La langue classique, une langue parlée? Dire La Princesse de Clèves au XXIe siècle / M. Roussillon. – Caen : Elseneur, Centre de recherche LASLAR/Presses Universitaires de Caen, 2018. – URL:

https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01664887v1/document.

24. Stemberger, M. Classical Cinema: Transmediating La Princesse de Clèves / Romance Studies, Vol. 35, 2017 – Issue 4: Adaptation Part 2: Intertextual Transformations across Different Media. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02639904.2017.1413846.

25. Sirach M.-J. Et vive la Princesse de Clèves! / M.-J. Sirach // Humanité, 13/01/2019. – URL: https://www.humanite.fr/et-vive-la-princesse-de-cleves-601153.

26. Thibaudat, J.-P. Huit heures d'amour dans les bras et la langue de «La Princesse de Clèves» / J.-P. Thibaudaut // Médiapart, 10. mars 2016. – URL: https://blogs.mediapart.fr/jean-pierre-thibaudat/blog/080316/huit-heures-d-amour-dans-les-bras-et-la-langue-de-la-princesse-de-cleves

27. Trout, C. Marie Darrieussecq ou voir le monde à neuf / C. Trout. – Boston: Rodopi, 2016. Collection Monographique Rodopi en Littérature Française Contemporaine, Vol.: 56. – 210 p.

Reference List

1. Volodina, N. V. Koncept v sisteme kognitivnogo literaturovedenija: opyt metodologicheskogo podhoda = Concept in cognitive literature: experience of methodological approach [Tekst] / N. V. Volodina // Vestnik RGGU. Serija «Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie». – 2018. – № 2-1(35). – S. 9-19.

2. Ingarden, R. Issledovanija po jestetike. Perevod s pol'skogo A. Ermilova i B. Fedorova = Aesthetics studies. Translation from Polish by A. Ermilov and B. Fedorov [Tekst] / R. Ingarden. – M. : Izdatel'stvo Inostrannoj literatury, 1962. – 572 s.

3. Zusman, V. G., Kirnoze, Z. I. Nacional'naja konceptosfera i politicheskaja nacija = National conceptosphere and political nation [Tekst] / V. G. Zusman, Z. I. Kirnoze // Slovo.ru: Baltijskij akcent. – 2016. – № 2. – S. 64-72.

4. Kazakov, E. F. Dusha cheloveka XVII–XVIII vekov (na materiale evropejskogo iskusstva) = Soul of the man of the XVII-XVIII centuries (on the material of European art) [Tekst] / E. F. Kazakov // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2016. – № 35. – S. 34-42.

5. Arab, A. Le repos au détriment de l'amour – Étude de La Princesse de Clèves de Madame de La Fayette à la lumière du «désir triangulaire» de René Girard / A. Arab. – Lund University Publications, 2018. – URL: http://lup.lub.lu.se/luur/download?func=downloadFile&recordOId=8963669&fileOId=8963670.

6. Buss, R. Introduction / R. Buss // Madame de Lafayette, The Princesse de Clèves, trans. Robin Buss. – London : Penguin Books Limited, 1992 – 182 p.

7. Combis, H. Cinq traits de la secrète Madame de La Fayette / H. Combis. – 22.03.2017. – URL: https://www.franceculture.fr/litterature/cinq-traits-de-la-secrete-madame-de-la-fayette.

8. Darrieussecq, M. Clèves / M. Darrieussecq. – Paris : P. O. L, 2011. – 352 p.

9. Delourme, V. La Princesse de Clèves, par amour du théâtre (Bagnolet, 93) / V. Delourme // Libération. Enlarge your Paris. – 17.03.2016. – URL: http://www.lechangeur.org/wp2/wp-content/uploads/2016/03/enlarge-your-paris.pdf.

10. Dubois, F.-R. Le féminisme de la Princesse de Clèves / F.-R. Dubois. – 15.10.2018. – URL: https://contagions.hypotheses.org/1286.

11. Finkielkraut, A. La charge d'Alain Finkielkraut contre «les fossoyeurs du grand héritage français» / A. Finkielkraut // Le Figaro, 26/01/2017. – URL : http://www.lefigaro.fr/vox/histoire/2017/01/25/31005-20170125ARTFIG00282-la-charge-d-alain-finkielkraut-contre-les-fossoyeurs-du-grand-heritage-francais.php.

12. Gerstner, D. A., Nahmias, J. Christophe Honoré : a critical introduction / D. A. Gerstner, J. Nahmias. – Wayne State University Press, 2015. – 255 p.

13. Golhen, G. Christophe Honoré : «J'ai essayé d'être fidèle à mes émotions et au langage amoureux des années 90» [Электронный ресурс] / G. Golhen // Première, le 10/05/2018. – URL: http://www.premiere.fr/Cinema/Christophe-Honore-J-ai-essaye-d-etre-fidele-a-mes-emotions-et-au-langage-amoureux-des-annees.

14. Guichard, L. Christophe Honoré : «Je revendique mon amateurisme» [Электронный ресурс] / L. Guichard // Télérama, 13/01/2019. – URL: https://www.telerama.fr/festival-de-cannes/2018/christophe-honore-je-revendique-mon-amateurisme,n5638512.php

15. Jankovic, Z. Une femme exceptionnelle peut-elle dire la vérité ? La Princesse de Clèves et le mensonge / Z. Jankovic. – Chameaux. Revue d'Etudes littéraires de l'Université Laval, Québec, 2018. – URL: https://revuechameaux.org/index.php/numeros/mensonge/une-femme-extraordinaire-peut-elle-dire-la-verite-la-princesse-de-cleves-et-le-mensonge/.

16. L'Académie française rempart de la civilisation pour Alain Finkielkraut / L'Express, 25/01/2016. – URL: https://www.lexpress.fr/actualites/1/societe/alain-finkielkraut-l-academie-francaise-rempart-de-la-civilisation_1757007.html.

17. Méreuze, D. Le roman théâtral de la princesse de Clèves / D. Méreuze // La Croix, le 23/03/2016. – URL: https://www.la-croix.com/Culture/Theatre/Le-roman-theatral-princesse-Cleves-2016-03-23-1200748626.

18. Portrait politique #1 : Nicolas Sarkozy «Travailler plus pour gagner plus». – 03.02.2017. – URL : http://annakelsat.com/portrait-politique-1-nicolas-sarkozy-travailler-plus-pour-gagner-plus/.

19. Pour les critiques du «Masque», Christophe Honoré revient à ce qu'il fait de mieux avec «Plaire, aimer et courir vite» // FranceInter, le mardi 29 mai 2018. – URL: https://www.franceinter.fr/cinema/plaire-aimer-et-

courir-vite-de-christophe-honore-les-critiques-du-masque-et-la-plume.

20. Riggs, L. W. Paradoxes of Autonomy and Exceptionalism in Molière and Madame de Lafayette / L. W. Riggs // Studi Francesi 183 (LXI / III), 2017. pp. 441-452. – URL: https://journals.openedition.org/studifrancesi/10112.

21. Rigoureau, S. « La Princesse de Clèves «, dossier pédagogique réalisé pour la MC2: Grenoble / S. Rigoureau. – Grenoble : MC2, janvier 2016. – 32 p. – URL: https://www.theatre-contemporain.net/images/upload/pdf/f-aa9-56b47592b1478.pdf.

22. Rolla, C. Clèves de Marie Darrieussecq : parcours de lecture et tentative(s) de définition(s) » / C. Rolla // Cahiers de Narratologie , 23/ 2012. – URL : http://journals.openedition.org/narratologie/6630.

23. Roussillon, M. La langue classique, une langue parlée? Dire La Princesse de Clèves au XXIe siècle / M. Roussillon. – Caen : Elseneur, Centre de recherche LASLAR/Presses Universitaires de Caen, 2018. – URL: https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-01664887v1/document.

24. Stemberger, M. Classical Cinema: Transmediating La Princesse de Clèves / Romance Studies, Vol. 35, 2017 – Issue 4: Adaptation Part 2: Intertextual Transformations across Different Media. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02639904.2017.1413846.

25. Sirach M.-J. Et vive la Princesse de Clèves! / M.-J. Sirach // Humanité, 13/01/2019. – URL: https://www.humanite.fr/et-vive-la-princesse-de-cleves-601153.

26. Thibaudat, J.-P. Huit heures d'amour dans les bras et la langue de «La Princesse de Clèves» / J.-P. Thibaudaut // Médiapart, 10. mars 2016. – URL: https://blogs.mediapart.fr/jean-pierre-thibaudat/blog/080316/huit-heures-d-amour-dans-les-bras-et-la-langue-de-la-princesse-de-cleves

27. Trout, C. Marie Darrieussecq ou voir le monde à neuf / C. Trout. – Boston: Rodopi, 2016. Collection Monographique Rodopi en Littérature Française Contemporaine, Vol.: 56. – 210 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10506
УДК 008 (1-6)

Т. И. Ерохина https://orcid.org/0000-0002-8328-2546
М. А. Семенова https://orcid.org/0000-0001-7036-2486

Трансформация образа странника в отечественном кинематографе рубежа XX–XXI вв.

В статье рассматривается феномен русского странничества в отечественной культуре. Анализируются историко-культурные и философские аспекты образа странника, его генезис и эволюция. Образ русского странника крайне противоречив: своими корнями он уходит не только в христианство, но и в народные представления. Русский странник – существо пограничное, и интерес к нему актуализируется в «пограничные» моменты истории. Представления о страннике в реальной жизни прошли трансформацию – от персонажа, наделенного негативными коннотациями до праведника и святого. Странник – фигура пограничная и принадлежит разным пластам бытия: реальному и ирреальному. Тема странничества нашла свое воплощение не только в русском искусстве, но и в биографиях великих русских людей, творцов и мыслителей. Среди них было не мало тех, что выбирал странничество как некий морально-психологический метод, с помощью которого человек, ищущий самоусовершенствования, мог бы быстрее достичь цели. Акцентируется внимание на практическом и прогностическом характере образа странника. Анализируя специфику воплощения образа странника в современном кинематографе, авторы обращаются к ряду отечественных кинофильмов, в которых образ странника представлен наиболее репрезентативно. В современном российском кино анализируется тенденция исследования темы взросления при помощи мотива странничества («Коктебель» и «Возвращение»). Эта тема дана через проблему взаимоотношенияи отцов и сыновей. Режиссеры осмысляют тему семейный травм и связи поколений через совместный путь героев, который носит характер инициации, итог таких странствий неутешителен: безотцовщина, патернальная депривация, являют собой одну из важнейших проблем в России и по сей день. Еще одним вариантом интерпретации мотива странничества стала трансгрессия, феномен перехода непроходимой границы, прежде всего – границы между возможным и невозможным. Трансгрессивные персонажи представлены в фильмах «Я тоже хочу» Алексей Балабанова и «Овсянки» Алексея Федорченко. Говоря о схожести функции мотива странничества в кинолентах «Остров» и «Спасение» можно говорить о том, что странничество выступает в них в роли иерофании.

Ключевые слова: странничество, странник, отечественная культура, трансформация, кинематограф, пограничность.

T. I. Erokhina, M. A. Semenova

Transformation of the wanderer’s image in the domestic cinema of the XX–XXI century

The article considers the phenomenon of Russian wandering in domestic culture. Historical-cultural and philosophical aspects of the image of the wanderer, its genesis and evolution are analyzed. The image of the Russian wanderer is extremely contradictory: its roots go not only to Christianity, but also to folk ideas. The Russian wanderer is a border creature, and interest in it is updated in the «frontier» moments of history. Perceptions of a wanderer in real life have gone through a transformation, from a character endowed with negative connotations to a righteous and a saint. The wanderer is a borderline figure and belongs to different patches of being: real and irreal. The theme of wandering was embodied not only in Russian art, but also in the biographies of great Russian people, creators and thinkers. Among them there were those who chose wandering as some moral and psychological method by which a person seeking self-improvement could achieve the goal faster. The emphasis is placed on the practical and predictive character of the image of the wanderer. Analyzing the specifics of the implementation of the image of the wanderer in modern cinema, the authors turn to a number of domestic films, where the image of the wanderer is shown in the most representative way. In modern Russian cinema, the tendency to study the topic of growing up with the help of a motive of wandering («Koktebel» and «Return») is analyzed. This theme is given through the problem of the relationship between fathers and sons. Directors understand the topic of family injuries and connection of generations through the joint path of heroes, which is the character of initiation, the result of such trips is disappointing: recuperation, paternal deprivation, they are one of the most important problems in Russia to this day. Another version of the interpretation of the motive of wandering was transgression, the phenomenon of crossing an impassable border, first of all – the boundary between possible and impossible. Transgressive characters are presented in the films «I also want» by Aleksey Balabanov and «Ovsyanki» by Aleksey Fedorchenko. Speaking of the similarity of the function of the motif of wandering in the films «Island» and «Salvation», it can be said that wandering acts as a character there.

Keywords: wandering, wanderer, domestic culture, transformation, cinema, frontier.

© Ерохина Т. И., Семенова М. А., 2019

Русское странничество является одним из парадоксальных феноменов в мировой культуре, поскольку существует в условиях культуры оседлой и домоцентричной. Русский странник часто выступает как оппонент культуры, его отличает нечто особенное, протестное, выбивающееся из общей картины мира. Отношение к его сущности крайне противоречивое – отвергая культурные установки, странник отвергается обществом, но продолжает являться предметом его интереса и почитания.

В русской культуре феномен странничества является одним из основополагающих, определяющих культурную и религиозную идентичность. Образ странника является ключевым для понимания восточного христианства, русской философии. Черты странника мы можем увидеть в облике великих русских людей, этот образ крайне востребован в русском искусстве. Образ странника, эволюционируя и трансформируясь, становится одним из ведущих мотивов русской культуры. Странничество как форма духовного самосовершенствования тесно связана с религией, поэтому часто странствующим персонажем является представитель религиозной общины, монах. Странник также оказывается «пограничным» персонажем, а интерес к нему усиливается в переходные моменты истории.

Актуальность исследования заключается в том, что мотиву странничества практически не уделялось внимания в рамках культурологических исследований. Работы, посвященные теме странничества, обращены в основном к этнографическому и философскому аспектам этого явления. Странничество анализируется в аспекте светского и религиозного содержания феномена, и учитывая то, что в современной культуре процессы секуляризации идут активно, мотив странничества в искусстве приобретает все большую значимость. Актуальность работы заключается в выборе материала исследования – анализируемые мною кинофильмы не были достаточно изучены в критике.

Обратимся к этимологии понятия «странничество». В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» связывает происхождение слова «странничество», во-первых, со старославянским «странствовати» в значении страдать, болеть, во-вторых, со словом «страница» – сторонний, посторонний, нездешний и, в-третьих, со словом «странничать» в значении чудить, делать все на свой лад [6].

Если мы обратимся к русской мифоритуальной традиции, то обнаружим, что странник, бездомный человек издревле считался персонажем, который принадлежал к сфере инобытия, качественно другому пространству. Не случайно сборы и проводы путника на Руси сопровождались рядом элементов из похоронного обряда, такими как плач и причитания [30].

С принятием христианства на Руси мифологический образ странника трансформируется под влиянием священных текстов и жизнеописаний первых христиан, часто ведущих страннический образ жизни.

Странничество под влиянием формирующейся новой религиозной ментальности начинает представляться как зримый христианский подвиг, аскеза, духовное совершенствование через презрение к материальному миру.

В это время формируется и особая социальная группа, ведущая страннический образ жизни – калики перехожие. Образ калик, а вместе с тем и образ странника, вновь переживает трансформацию – представление о каликах, как физически крепких, красивых людях уступает представлению о них как нищих и увечных [25]. Далее эти внешние проявления странничества актуализируются и в облике юродивых.

Стоит отметить, что с возникновением феномена юродства странничество не только глубже проникнет в религиозную жизнь Руси, но и становится одним из проявлений святости. Между тем, начиная с юродивых, странничество начинает приобретать форму протеста против «благообразной» и «ханжеской» общественности. Странничество как протест против социума и государства актуализируется и в среде старообрядцев, с возникновением секты бегунов [17].

На основе выявленной трансформации образа странника в русской культуре, можно сформулировать также специфику черт и особенностей, присущих образу русского странника.

Этот образ противоречив: своими корнями он уходит не только в христианство, но и в народные представления. Русский странник – персонаж, который несет на себе печать потустороннего, что должно отражаться в его внешнем облике (увечность, безумие).

Также можно выявить следующую закономерность: стремление к странническому образу жизни значительно возрастает в переходные исторические моменты и является своего рода индикатором кризисного времени. Расцвет деятельности калик перехожих приходится на момент

освобождения Руси от монголо-татарского ига, когда Русь выпала почти одновременно сразу из двух главных для нее «симбиозов» – не только с татарами, но и с Византией, а феномен юродства наивысшего своего выражения достигает в XV–первой половине XVII столетия, в то время, когда христианство на Руси достигает зрелых форм, а огонь былой веры тускнеет [23].

Н. А. Хренов в своей работе «Образы великого разрыва», ссылаясь в свою очередь на К. Юнга пишет, что в художественных образах можно усматривать образы коллективного бессознательного и соотносить их с реальной историей: «К. Юнг лишь учит понимать, что если смысл этих радикальных изменений перевести на язык архетипов, то сопровождающий каждую попытку в российской истории построить «Третий Рим» (средневековая Русь, эпоха Петра I, большевистская Россия) культ оседлости, прикрепленности к пространству, прежде всего государственному, в настоящий момент сменяется комплексом «растекания» как противовеса комплексу «отвердения» или, иначе говоря, преодолением пространства, странничеством» [28, с. 328].

Со времен правления Петра I странничество, в связи с политикой государства, которое, по сути, занималось его искоренением (прикрепление странников к монастырям, паспортный контроль и т. п.), как реальная жизненная практика угасает, но перемещается в сферу художественной культуры.

Образ странника широко воплотился в русском искусстве: героями-странниками богата отечественная литература, странники не раз изображались на полотнах русских художников. Феномен странничества перестает трактоваться исключительно в рамках богословия, интерес к нему актуализируется в трудах видных русских философов – Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, «задумчивого странника» В. В. Розанова, П. П. Флоренского. Идея странничества находит свое отражение и в жизнетворчестве великих русских людей, творческая личность становится своеобразным подвижником нового времени. Идея странничества легла в основу жизненной модели Л. Н. Толстого и философии толстовства, нашла отражение в жизнетворчестве поэта Н. С. Гумилева и «русского дервиша» Велимира Хлебникова, культурной деятельности семьи Рерихов и философии Елены Блаватской.

С изобретением кинематографа образ странника находит свое выражение и на киноэкранах. В 1918 году, на заре рождения кинематографа в России образ странника появляется в фильме Якова Протазанова «Отец Сергий». Это немой художественный фильм 1918 г., одно из выдающихся произведений отечественного кинематографа.

Этот российский фильм во многих отношениях уникален. Являясь своеобразным творческим итогом всего развития дореволюционного русского кино, эта лента без сомнения может быть включена в контекст мирового кинематографа как редкий образец раннего прорыва к глубинам постижения психологии человека на экране, и образ странника в исполнении блистательного Ивана Мозжухина является ключевым в этом отношении.

Идея Л. Н. Толстого была интерпретирована в духе революционного времени. Главный герой становится безымянным бродягой, разочаровавшись в жизни и Боге. Странничество становится протестом против несправедливой и бессмысленной жизни. Печален конец истории отца Сергия – он пойман полицией и сослан в Сибирь.

Успех «Отца Сергия» после выхода его на экран в 1918 году был огромным. Правда, шел он не во всех кинотеатрах, его демонстрация в рабочих клубах была запрещена. Советские критики плохо отзывались о картине и ее создателе, учуяв в «Отце Сергии» дух, чуждый пролетарскому искусству. Протазанову вменялось в вину, что он не изобличил церковь в стиле агиток и далее образ странника по понятным идеологическим причинам вовсе вытесняется из кино.

Возвращение на киноэкраны героя-странника начинается в период «оттепели», когда в области духовной жизни происходит относительная реабилитация духовных ценностей, изживается схематизм и догматизм соцреализма и возникает интерес к более углубленному художественному исследованию внутреннего мира человека.

Киновед и культуролог Н. А. Хренов высказывает мысль о том, что странник становится новым героем советского времени: «Мессианский тип личности, определивший кинематограф большевистского «третьего Рима» оттеснялся на задний план, угасал. Революционные фильмы как-то заметно стали демонстрировать очищенную от идеологической интерпретации авантюрную, приключенческую основу. И на этом фоне следовало ожидать активизации альтернативной или лиминальной традиции, а следовательно, и героя нового типа. Таким героем явился странник, человек не связанный с каким-то конкретным пространством» [28, с. 329].

Своеобразный мотив странничества мы можем увидеть даже в военных фильмах того времени, например, в «Балладе о солдате» Г. Чухрая – одного из самых знаковых режиссеров эпохи «оттепели». Действие картины разворачивается в годы Великой Отечественной войны, но, несмотря на это, о войне как таковой – лишь несколько сцен в начале фильма. «Баллада о солдате» – это история нескольких дней пути от передовой до родного дома, история о череде знакомств, встреч, и рождении первой любви. Мотив пути главного героя лежит в основе нового принципа сюжетосложения, нового уровня постижения героики и трагизма войны, помогает раскрыть личность главного героя.

Далее тема странничества будет усложняться и обрастать философскими смыслами в творчестве Андрея Тарковского. В годы «оттепели» он приступает к работе над фильмом «Андрей Рублев», который повествует о странствующем монахе-иконописце. Странничество для главного героя становится своеобразным способом постижения мира, способствует внутреннему, духовному самоуглублению – чем дальше он уходит по дорогам Руси, тем больше постигает и самого себя. Символично, что в конце черно-белой картины возникают цветные кадры рублевской «Троицы»: три беседующих Ангела-странника. После «Андрея Рублева» у режиссера будут не менее известные фильмы «Солярис», «Сталкер» и «Ностальгия», которым также присущ мотив странничества.

В 88-ом году, когда в стране уже обозначился кризис социалистического строя, Александр Сокуров снимет фильм «Дни затмения», который повествует о молодом враче Дмитрии Малявине, волей судьбы оказавшимся в небольшом захолустном городке Средней Азии, который в контексте фильма можно назвать метафорой отживающего свой век Союза. Все, что связано с порядком и идеологией меркнет на фоне вечных гор пустыни – облупившиеся бюсты вождей, истлевшие транспаранты, полузасыпанная песком огромная пятиконечная звезда. Каждый из героев фильма на фоне этого «затмения» ищет свой способ спастись, а главный герой выводит следующую формулу: «Мне все равно где жить, отсутствие дома даже как-то помогает», и направляет свои силы на духовную миссию – спасение жизней и осуществление своего призвания.

В 91-ом году многие вспомнят этот фильм как пророчество, предсказание развала Советского Союза. В связи с этим невозможно не отметить тот факт, что это был не первый случай, где странничество имело прогностический характер. «Сталкер» Андрея Тарковского, например, также во многом оказался предвестником нравственных и техногенных катастроф своего века.

В смутное время «лихих 90-х» архетипический образ странника в кино неожиданным и парадоксальным образом актуализируется в образе легендарного Данилы Багрова в дилогии «Брат» и «Брат-2» Алексея Балабанова. Образ странника в роли Данилы, конечно, специфичен и был рожден соответствующей эпохой. Но в образе главного героя мы угадываем не только киллера, но и странствующего рыцаря: Данила Багров беспощаден с негодяями, благороден с женщинами, защищает справедливость, не дает в обиду слабых и даже брату прощает предательство.

Но еще более интересен в этом отношении образ Немца – бездомного бродяги, нашедшего свое пристанище на Смоленском лютеранском кладбище. Это первый герой, с которым вступает в коммуникацию Данила, приехав в Петербург, диалог с ним же завершает его пребывание в городе. Немец в самом начале фильма предостерегает Данилу: «Хм… город!.. Город – страшная сила. А чем больше город, тем он сильнее. Он засасывает!.. Только сильный может… выкарабкаться. Город забирает силу, сильный приходит и становится слабым». Немец как настоящий странник отрицает цивилизацию, находится в оппозиции к ней. Вместе с тем он является самым человечным персонажем: не отвечает злом на зло и насилием на насилие, бескорыстно и искренне старается помочь главному герою. Это единственный человек, который не принимает деньги из рук Данилы в финале фильма. «Вот ты говорил, город – сила. А тут слабые все», – произносит Данила. Немец отвечает: «Город – это злая сила. Сильный приезжает, становится слабым. Город забирает силу. Вот и ты пропал». Немец выделяется из всей системы персонажей, являясь бесстрастным наблюдателем эпохи.

Мотив странничества в целом присущ многим фильмам А. Балабанова. Стоит отметить, что в системе персонажей данного режиссера особое место отведено иностранцу, чей образ так или иначе родственен образу странника.

Иностранцем является Иоганн из «Уродов», Якут из «Кочегара», и Землемер из «Замка» – все они чужаки, пришельцы, люди без дома и корней. Применительно к мотиву странничества из фильмографии режиссера можно выделить кар-

тину «Замок», снятую по одноименному роману Ф. Кафки.

Землемер – главный герой, все время находится в пути, желание проникнуть в загадочный Замок все время движет им, но никак не находит разрешения, герой становится заложником пограничной ситуации.

Кинокритик Андрей Плахов назвал ключом к пониманию творчества Балабанова трансгрессию, этот термин неклассической философии, означает феномен перехода непроходимой границы, прежде всего – границы между возможным и невозможным. Странник, безусловно, также является трансгрессивным персонажем по своей сути.

Странничество окажется главным сюжетообразующим элементом в последнем фильме режиссера «Я тоже хочу» (2012 г.), который повествует о путешествии пяти человек – Музыканта, Бандита, Проститутки, Алкоголика и Старика. Образы этих героев собирательные, в духе народной сказки. Зрителю почти не открывается ни прошлое героев, ни их настоящие имена. Отправляются герои к мистической Колокольне, которая «забирает» избранных людей куда-то, где есть Счастье.

Героями Балабанова часто являются аутсайдеры и маргиналы, люди, оказывающиеся на грани, находящиеся в поиске своего места, будучи не в состоянии найти гармонию с окружающим миром. Его герои вынуждены взаимодействовать с враждебным к ним миром через насилие, и в фильмах Балабанова оно фигурирует в различных формах: от криминальных разборок до сексуального насилия. В фильме «Я тоже хочу» жестокости практически нет, отрицание враждебного мира не оборачивается попыткой его уничтожения, а выражается в побеге от не него, эскапизмом. К тому же сюжет фильма разворачивается под монотонные лирические напевы Леонида Федорова и группы «АукЫон», которые придают фильму особое медитативное настроение. Но, тем не менее, картина снята в узнаваемом «балабановском» стиле. Эстетика «пограничности», так или иначе характерная для всех фильмов Балабанова, в «Я тоже хочу» достигает наивысшей выразительности.

В 2000-е годы на фоне миллениума, социального стресса, вызванного рядом радикальных политических и социально-экономических реформ, проводимых в стране в течение двух последних десятилетий, отсутствия сформировавшейся системы ценностей взамен разрушенной советской, странничество также приобретает все более пессимистичный характер.

В 2003-ем году Андрей Звягинцев снимает «Возвращение», сюжет которого повествует о путешествии двух мальчиков и их отца, которого они не видели в течение 12 лет. Путешествие напоминает инициацию: по дороге отец преподает мальчикам школу выживания, подвергает их ряду жестоких наказаний и испытаний. Для сыновей же эта поездка становится скорее попыткой «полюбить» отца, вновь обрести доверие. Но постоянные унижения с его стороны и жестокое обращение мешают «возвращению» отца в сердца сыновей.

Кинокритики часто связывают этот фильм с «Ивановым детством» Тарковского, только «это Иваново и Андреево детство без войны, но в мире, полном неформулируемой тревоги и тяжелых предчувствий, мире, безусловно, мужском и, очень похоже, русском» – пишет кинокритик А. Плахов [18].

В этом же году, что и «Возвращение» (2003) выходит картина режиссеров Бориса Хлебникова и Алексея Попогребского – «Коктебель».

Сюжет фильма также повествует о путешествии отца и сына. Конечная цель их путешествия кажется конкретной и вынесена в название. Но Коктебель, который они ищут, не найдешь на карте, потому что Коктебель, о котором рассказывает отец сыну – это мечта о свободе и недосягаемом счастье.

Проводя параллели с «Возвращением» нельзя не отметить похожей идеи воссоединения отцов и детей, которого так и не произойдет.

Также после церковной реабилитации 00-х на российских экранах появляются фильмы, где присутствует мотив религиозного странничества, фильмы, где в роли главного героя-странника выступает представитель религиозной общины, монах. Яркий пример – кинофильм «Остров» Павла Лунгина (2006 г.).

Странничество в этом фильме стоит трактовать символически: отплытие на остров становится путем на встречу с Богом. Если расширить границы – то существование в условиях монастыря, вдали от цивилизации, тоже можно назвать странничеством, а в конечном счете вся земная жизнь отца Анатолия может быть рассмотрена как метафора пути к Богу.

Очень важно подчеркнуть, что мотив странничества в данном фильме оказывается тесно связан с образом природы. Оказавшись на острове, главный герой зарывается лицом в мох, в этой

сцене мы видим сходство, например, с героем Сталкера у Андрея Тарковского. Во время молитвы отец Анатолий прислоняется к камням, перебирает в руках траву, словно дотрагиваясь «до самого Бога».

Остров в сцене изгнания бесов наравне с главным героем становится полноправным действующим лицом. Он становится своего рода «местом силы», намоленным местом, обиталищем Бога.

Главную роль – отца Анатолия – в фильме исполнил российский рок-музыкант, поэт и актер Петр Мамонов, который и в фильме, и на сцене придерживается образа «юродствующего»: изобличает себя и других в карнавальной и смеховой форме.

Тема странничества может быть раскрыта и на примере других персонажей, которые, на первый взгляд, играют второстепенную, но не менее значимую в общем контексте, роль. Я имею ввиду героев, которые приплывают на остров с «большой земли», ведь для них это путешествие становится тоже своего рода странничеством.

Режиссер «Острова» всеми средствами нагнетает православную и экзистенциальную духовность, создавая яркие и четкие образы «добра» и «зла».

Менее назидательным в этом плане получился фильм Ивана Вырыпаева «Спасение» (2015 г.) с Полиной Гришиной в главной роли. Данная кинокартина выделяется из ряда подобных отечественных фильмов тем, что в главной роли, во-первых, женщина, а во-вторых, представитель другой религиозной конфессии. К тому же язык фильма – английский, картина демонстрировалась в России с субтитрами.

Сюжет кинофильма повествует о молодой служительнице католического польского монастыря – сестре Анне, которая отправляется с миссией в край Ладакх, часть индийского Тибета.

По приезду в распоряжении Анны оказывается несколько свободных дней. Для монахини это настоящая катастрофа: остаться один на один с внешним миром, который представляет «некоторую проблему» и по сути является чужой и враждебной средой. Героиня напугана, нарушен привычный порядок ее жизни. Но «разрыв шаблона» побуждает ее взглянуть на мир под другим углом, начать интегрироваться в новую среду: Анна бережно достает из рюкзака ритуальные предметы – потир, Библию – и начинает искать им место в номере. Пригодным для этого оказывается только столик с начертанной на нем Мандалой – взаимодействие начинается, и, как оказывается, противоположности вовсе не обязаны противоречить друг другу.

Стоит отметить, что «Спасение» в этом плане рифмуется с «оскароносной» «Идой» Павла Павликовского, где молодая девушка, прежде чем окончательно уйти в монастырь, тоже была вынуждена окунуться в реальную жизнь.

Главная героиня постоянно находится в движении: вот она идет по Варшаве, садится в автобус, проходит паспортный контроль в аэропорту, летит в самолете, гуляет по рынку, взбирается на гору… Какие мысли ее при этом посещают, зрителю не открывается – никаких монологов, мыслей вслух.

Странствуя, Анна практически не вступает в вербальную коммуникацию с людьми, все ее силы направлены на саморефлексию. За все время пребывания в Ладакхе она вступит в разговор всего пару раз, не считая таких мелких бытовых ситуаций, как, например, регистрация в отеле. На ее пути возникнет две ключевых встречи, вначале с молодой туристкой, которая вовлекает ее в «философский» диспут на тему «человека-пылесоса», а затем с музыкантом из США, который будет ошеломлен тем, что Анна никогда не слышала о популярной рок-группе «U-2». Но, несмотря на духовную пропасть между персонажами, главная героиня пытается ее преодолеть, понять своих собеседников, найти в них то общее, что соединяет всех людей.

Концепция фильма основывается на взаимодействии контрастов, смешении языков и традиций: Анна в строгой рясе на фоне буддийского многоцветия, люди и инопланетяне, католический храм в горах Тибета, изображение Христа по буддийским иконографическим канонам – противоположности не противодействуют, а сходятся в единой точке многообразного и сложного бытия.

Вырыпаев в своей истории о сестре Анне показывает нам путь развития в условиях глобального общества. Известно, что глобализация – неизбежный процесс, которому нет альтернативы. Но есть альтернатива внутри глобализации. И история «Спасения» демонстрирует нам самую оптимальную: уважительно принимать чужую культуру, не отвергая своей, находить точки соприкосновения, обогащать разные подходы к единой истине, создавать условия диалога. «Для меня это фильм о моей стране, – отмечает Иван Вырыпаев в официальном комментарии к «Спасению». – Образ моей страны я представил в виде главной героини. Я

попытался показать, как выглядит наша главная российская проблема – коммуникация с другим миром. И как важно наладить эту коммуникацию, но не потерять себя».

Итогом странствия монахини окажется то, что она примет «внешнего врага», однонаправленность ее поиска сменит открытость перед миром, а живая вера – катехизис. Вырыпаеву удается показать трансформацию монахини из догматизированного адепта в ищущую, переживающую личность, открытую миру.

Резюмируя, можно сказать, что мотив странничества в отечественном кино существует с первых дореволюционных лент и является востребованным вплоть до настоящего момента. Интерес к образу странника, как правило, актуализируется в переходные моменты истории, его появление на киноэкранах часто является своеобразным индикатором кризисного времени. В свою очередь, в каждую эпоху этот архетипичный образ наделяется соответствующими для своего времени коннотациями: в предреволюционной ленте «Отец Сергий» отправиться героя в путь побуждает отчаяние и безуспешный поиск смысла и Бога в церкви, в период «оттепели» мотив странничества помогает раскрыть тонкие и личные психологические качества героев («Баллада о Солдате»), наводит на размышления о духовных корнях и историческом прошлом («Андрей Рублев»), в позднесоветский период странничество предостерегает о ненадежности любой идеологии («Дни затмения») и последствиях разрыва связи человека и природы в новом технократическом обществе («Сталкер», «Солярис»). В 90-е годы странничеством спасаются от опасностей продажного мира («Брат»), после 00-х герои-странники пытаются нащупать утраченную связь поколений («Возвращение», «Коктебель») и утвердиться в новых духовных ценностях («Остров»), найти гармонию в сложном глобализирующемся мире («Спасение»).

Библиографический список

1. Андрей Звягинцев [Электронный ресурс] / А. Звягинцев. – URL: http://az-film.com/ru/

2. Бердяев, Н. А. Душа России [Текст] / Н. А. Бердяев. – Л. : Сказ, 1990. – 255 с.

3. Булгаков, С. Н. Тихие думы [Текст] / С. Н. Булгаков. – М. : Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. – 203 с.

4. Гиляревский, А. С. Древнерусское паломничество / А. С. Гиляревский // Древняя и Новая Россия. – 1878. – № 8. – С. 327-343.

5. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира [Текст] / Г. Д. Гачев. – М. : Ин-т ДИ-ДИК, 1999 г. – 367 с.

6. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Текст] / В. И. Даль. – Спб., 1863-1866.

7. Дорофеев, Д. Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах. [Электронный ресурс] / Д. Дорофеев. – URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/dok16.htm

8. Ерохина, Т. И., Семенова М. А. Грани странничества в современном отечественном кинематографе [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 3. – С. 337-342.

9. Злотникова, Т. С., Ерохина Т. И. Homo extremis русской культуры (семантика «пограничности») [Текст] / Т. С. Злотникова, Т. И. Ерохина // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3.

10. Иоанн Лествичник. Лествица [Текст] / Иоанн Лествичник. – М., 2000. – 53 с.

11. Ильин, С. С. О концепте «странник в истории русской культуры» [Текст] / С. С. Ильин // Научный вестник РГГУ «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – 2012. – № 11(91).

12. Кувшинова, М. Балабанов [Текст] / М. Кувшинова. – Спб. : Сеанс, 2015. – 192 с.

13. Кувшинова, М. Кино как визуальный код [Текст] / М. Кувшинова. – Спб. : Сеанс, 2014. – 320 с.

14. Летина, Н. Н. Теоретико-методологические основания изучения проблемы «рубежности» как культурфилософского концепта [Текст] / Н. Н. Летина // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 3.

15. Модели спасения в общественном сознании Древней Руси XI–XV вв. [Текст] // В поисках исторической психологии. Тезисы докладов и сообщений международной научной конференции. – СПб. : Издательство «Третья Россия», 1997.

16. Островский, А. Б., Чувьюров, А. А. Беловодье староверов Алтая [Текст] // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – № 3.

17. Панченко, А. М. Юродивые на Руси [Текст] / А. М. Панченко // Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. – СПб. : Юна, 1999. – 520 с.

18. Плахов, А. Иваново и Андреево детство [Текст] // Коммерсант. – 2003. – № 150.

19. Плахов, А. Кино на грани нервного срыва [Текст] / А. Плахов. – Спб. : Сеанс, 2014. – 424 с.

20. Разлогов, К. Мировое кино. История искусства экрана [Текст] / К. Разлогов. – М. : Эксмо, 2013. – 688 с.

21. Розанов, В. В. Странствующее христианство [Электронный ресурс] / В. В. Розанов. – URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1906_stranstvuyuchee_christianstvo.shtml

22. Секацкий, А. Отцеприимство [Текст] // Сеанс. – 2005. – № 21/22.

23. Смирнов, И. П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности [Текст] / И. П. Смирнов. – СПб. : Алетейя, 2006.

24. Фаленкова, Е. В. Феномен духовного странничества в творчестве Л. Н. Толстого и культурно-

философском контексте XIX – начала XX в. [Текст] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 1.

25. Федоровская, Н. А. О роли каликов перехожих в отечественной культуре X – начала XX в. [Текст] / Н. А. Федоровская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 16 (197). – С. 61-64.

26. Шкловский, В. Б. Лев Толстой [Текст] / В. Б. Шкловский. – М. : Мол. гвардия, 1963. – 864 с.

27. Хайнади, З. Странник и скиталец в европейской и русской литературах [Текст] // Литература. – 2003. – № 11. – С. 2-3.

28. Хренов, Н. А. Образы Великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов [Текст] / Н. А. Хренов. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – 536 с.

29. Хренов, Н. А. Переходные процессы в русской художественной культуре: Новое и Новейшее время [Текст] : сборник / под ред. Н. А. Хренова. – М. : Наука, 2003. – 495 с.

30. Щепанская, Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. [Текст] / Т. Б. Щепанская. – М. : Индрик, 2003. – 528 с.

31. Энциклопедия отечественного кино [Электронный ресурс]. – URL: http://2011.russiancinema.ru

Reference List

1. Andrej Zvjagincev = Andrey Zvyagintsev [Jelektronnyj resurs] / A. Zvjagincev. – URL: http://az-film.com/ru/

2. Berdjaev, N. A. Dusha Rossii = Soul of Russia [Tekst] / H. A. Berdjaev. – L. : Skaz, 1990. – 255 s.

3. Bulgakov, S. N. Tihie dumy = Silent thoughts [Tekst] / S. N. Bulgakov. – M. : Izd. G. A. Lemana i S. I. Saharova, 1918. – 203 s.

4. Giljarevskij, A. C. Drevnerusskoe palomnichestvo = Old Russian pilgrimage / A. C. Giljarevskij // Drevnjaja i Novaja Rossija. – 1878. – № 8. – S. 327-343.

5. Gachev, G. D. Nacional'nye obrazy mira = National images of the world [Tekst] / G. D. Gachev. – M. : In-t DIDIK, 1999 g. – 367 s.

6. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4 t. = The defining dictionary of the living Great Russian language: In 4 vol. [Tekst] / V. I. Dal'. – Spb., 1863-1866.

7. Dorofeev, D. Vvedenie v istoriju strannichestva v zapadnoevropejskoj i russkoj kul'turah = Introduction to the History of Wandering in Western European and Russian Cultures [Jelektronnyj resurs] / D. Dorofeev. – URL: http://anthropology.rchgi.spb.ru/dok16.htm

8. Erohina, T. I., Semenova M. A. Grani strannichestva v sovremennom otechestvennom kinematografe = The facets of wandering in modern domestic cinema [Tekst] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2015. – № 3. – S. 337-342.

9. Zlotnikova, T. S., Erohina T. I. Homo extremis russkoj kul'tury (semantika «pogranichnosti») = Homo extremis of Russian culture (semantics of «frontier») [Tekst] / T. S. Zlotnikova, T. I. Erohina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 3.

10. Ioann Lestvichnik. Lestvica = Lestvitsa [Tekst] / Ioann Lestvichnik. – M., 2000. – 53 s.

11. Il'in, S. S. O koncepte «strannik v istorii russkoj kul'tury» = About the concept «stranger in the Russian culture history « [Tekst] / S. S. Il'in // Nauchnyj vestnik RGGU «Kul'turologija. Iskusstvovedenie. Muzeologija». – 2012. – № 11(91).

12. Kuvshinova, M. Balabanov = Balabanov [Tekst] / M. Kuvshinova. – Spb. : Seans, 2015. – 192 s.

13. Kuvshinova, M. Kino kak vizual'nyj kod = Cinema as a visual code [Tekst] / M. Kuvshinova. – Spb. : Seans, 2014. – 320 s.

14. Letina, N. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija izuchenija problemy «rubezhnosti» kak kul'turfilosofskogo koncepta = Theoretical and methodological grounds for studying the problem «frontier» as a cultural phylosophical concept [Tekst] / N. N. Letina // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2012. – № 3.

15. Modeli spasenija v obshhestvennom soznanii Drevnej Rusi XI–XV vv. = Models of rescue in the public consciousness of ancient Russia in XI-XV centuries. [Tekst] // V poiskah istoricheskoj psihologii. Tezisy dokladov i soobshhenij mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – SPb. : Izdatel'stvo «Tret'ja Rossija», 1997.

16. Ostrovskij, A. B., Chuv'jurov, A. A. Belovod'e staroverov Altaja = Belovodie of Altai old-belivers [Tekst] // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. – 2011. – № 3.

17. Panchenko, A. M. Jurodivye na Rusi = Holy fools in Russia [Tekst] / A. M. Panchenko // Panchenko A. M. Russkaja istorija i kul'tura: Raboty raznyh let. – SPb. : Juna, 1999. – 520 s.

18. Plahov, A. Ivanovo i Andreevo detstvo = Ivan and Andrey's childhood [Tekst] // Kommersant. – 2003. – № 150.

19. Plahov, A. Kino na grani nervnogo sryva = Cinema on the verge of a nervous breakdown [Tekst] / A. Plahov. – Spb. : Seans, 2014. – 424 s.

20. Razlogov, K. Mirovoe kino. Istorija iskusstva jekrana = World cinema. Screen art history [Tekst] / K. Razlogov. – M. : Jeksmo, 2013. – 688 s.

21. Rozanov, V. V. Stranstvujushhee hristianstvo Wandering Christianity [Jelektronnyj resurs] / V. V. Rozanov. – URL: http://az.lib.ru/r/rozanow_w_w/text_1906_stranstvuyuchee_christianstvo.shtml

22. Sekackij, A. Otcepriimstvo = Perception of a father[Tekst] // Seans. – 2005. – № 21/22.

23. Smirnov, I. P. Genezis. Filosofskie ocherki po sociokul'turnoj nachinatel'nosti = Genesis. Philosophical essays on sociocultural beginnings [Tekst] / I. P. Smirnov. – SPb. : Aletejja, 2006.

24. Falenkova, E. V. Fenomen duhovnogo strannichestva v tvorchestve L. N. Tolstogo i kul'turno-filosofskom kontekste XIX – nachala XX v. = The phenomenon of spiritual wandering in L. N. Tolstoy's works and the cul-

tural and philosophical context of the XIX – early XX century [Tekst] // Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. – 2012. – № 1.

25. Fedorovskaja, N. A. O roli kalikov perehozhih v otechestvennoj kul'ture X – nachala HH v. = About the role of pilgrims in the national culture of the X – early XX century [Tekst] / N. A. Fedorovskaja // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 16 (197). – S. 61-64.

26. Shklovskij, V. B. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy [Tekst] / V. B. Shklovskij. – M. : Mol. gvardija, 1963. – 864 s.

27. Hajnadi, 3. Strannik i skitalec v evropejskoj i russkoj literaturah = A wanderer and a maverick in European and Russian literature [Tekst] // Literatura. – 2003. – № 11. – S. 2-3.

28. Hrenov, N. A. Obrazy Velikogo razryva. Kino v kontekste smeny kul'turnyh ciklov = Images of the Great break. Cinema in the context of changing cultural cycles [Tekst] / N. A. Hrenov. – M. : Progress-Tradicija, 2008. – 536 s.

29. Hrenov, N. A. Perehodnye processy v russkoj hudozhestvennoj kul'ture: Novoe i Novejshee vremja = Transition processes in Russian artistic culture: new and recent times [Tekst] : sbornik / pod red. N. A. Hrenova. – M. : Nauka, 2003. – 495 s.

30. Shhepanskaja, T. B. Kul'tura dorogi v russkoj miforitual'noj tradicii XIX–XX vv. = The culture of the road in the Russian mythoritual tradition of the XIX-XX centuries. [Tekst] / T. B. Shhepanskaja. – M. : Indrik, 2003. – 528 s.

31. Jenciklopedija otechestvennogo kino = Encyclopedia of Russian cinema [Jelektronnyj resurs]. – URL: http://2011.russiancinema.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

УДК 81'22

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ

Хроника международного научного симпозиума «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи» (Ярославль, 17-19 мая 2019 года)

Симпозиум проведен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-012-20054

REVIEWS, REPORTS

Zh. K. Gaponova, E. M. Melnikova, L. V. Ukhova

Review of the International scientific symposium «Russian grammar: active processes in language and speech» (Yaroslav, May 17-19, 2019)

17 мая 2019 г. в стенах ЯГПУ им. К. Д. Ушинского начал свою работу международный научный симпозиум «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи», соучредителями которого выступили Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы «МАПРЯЛ», Российское общество преподавателей русского языка и литературы «РОПРЯЛ», Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. Финансовая поддержка симпозиума осуществлялась Российским фондом фундаментальных исследований (проект № 19-012-20054).

На симпозиум в Ярославль съехались исследователи и преподаватели русского языка из России и ряда зарубежных стран – Германии, Финляндии, Польши, Франции, Сербии, Армении, Эстонии, Литвы, Казахстана. Как отметил сопредседатель организационного комитета симпозиума ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук М. В. Груздев, «симпозиумы по русской грамматике, которые проводятся ежегодно с 2016 г., дают возможность грамматистам двигаться вместе к созданию новой академической грамматики русского языка, учитывая достижения и открытия последнего времени».

И действительно, научный симпозиум имеет свою историю. Проблемы активных процессов в грамматике современного русского языка обсуждались на международном симпозиуме «Русская грамматика 4.0» (Институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, 2016), международной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии» (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 2016), международной конференции «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» (Хельсинский университет, 2017) и международном симпозиуме «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования» (СПбГУ, 2018). В 2019 г. чести проводить научный форум удостоился ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Два пленарных заседания симпозиума были представлены докладами ведущих учёных-грамматистов мирового уровня. Первое заседание открыл доклад доктора филологических наук, профессора, академика РАО, президента Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Виталия Григорьевича Костомарова. Весьма символично, что в своём выступлении академик упомянул грамматики XIX–XX вв. и среди них – классический труд В. В. Виноградова «Русский язык. Грамматическое учение о слове». «В реальной коммуникации, – подчеркнул Виталий Григорьевич, – воз-

© Гапонова Ж. К., Мельникова Е. М., Ухова Л. В., 2019

никает то, что потом может отразиться в системе языка. Почему это происходит? Не всегда возможно ответить за этот вопрос, ибо многое в русском языке не только не познано, но и непознаваемо». Так считает учёный, приходя к парадоксальному на первый взгляд выводу: беспорядок на самом деле – это вид порядка, бессистемность – вид системы.

Как бы в продолжение этого разговора финский исследователь Арто Мустайоки, доктор филологических наук, профессор Хельсинского университета, вице-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, представляет своеобразный чек-лист составителя современной грамматики, рассуждая о содержании самого понятия «грамматика», об особенностях жанра грамматики, о принципах описания языковых единиц в ней. Нужно ли включать в описание формы, не рассматривавшиеся ранее в традиционных грамматиках? Каков объём описания языковой единицы? Необходимо ли включать «промежуточные» формы, варианты форм? Все эти вопросы, базирующиеся на противопоставлении дескриптивного и функционального подхода в представлении языковой единицы в грамматике, стоят перед современным учёным и решаются скорее в пользу подхода «оперативного», позволяющего учесть все оттенки формы в контексте реальной коммуникации.

Доктор филологических наук, профессор, академик РАН Юрий Дереникович Апресян (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) в совместном докладе с доктором филологических наук, профессором Валентиной Юрьевной Апресян обратился к современной лексикографической практике и сделал доклад о грамматическом представлении информации в «Активном словаре русского языка» – большом, коллективном, продолжающемся по сей день труде Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Описание набора необходимых актантов предикатной лексемы и установление отношений между ними – один из ведущих принципов представления языковой единицы в современном словаре, необходимых для её понимания в контексте и употребления в речи.

О необходимости расширения границ новой академической грамматики говорил и доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Кира Анатольевна Рогова, подчёркивая актуальность дискурсивного анализа в грамматических исследованиях.

Доктор филологических наук, профессор Национальной академии наук Армении, Балтийского федерального университета им. Им. Канта Сурен Тигранович Золян в своём докладе рассматривал динамические механизмы смыслообразования в высказывании, в результате которых языковые смыслы должны быть описаны не как нечто готовое, а как возникающее в процессе коммуникации.

Насыщенным идеями стало и второе пленарное заседание симпозиума. Доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Игорь Григорьевич Милославский продолжил тему создания новой грамматики XXI в. Новая русская грамматика 4.0, по мысли учёного, должна быть ориентирована именно на продуктивные «речевые действия» – чтение, аудирование, письмо и говорение. Один из этих процессов был затронут в докладе доктора филологических наук, профессора Московского городского педагогического университета Елены Георгиевны Борисовой: описаны подходы к экспликации имплицитных смыслов в грамматике слушающего, необходимых для понимания замысла говорящего.

Новым принципам описания русского языка был посвящён и доклад доктора филологических наук, профессора Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина Евгения Флорентовича Кирова. Среди них важнейшим, с точки зрения учёного, является принцип декомпозиции семантики языковой единицы, описание её синтагмирования на всех уровнях языковой системы.

Разнообразным аспектам грамматического анализа языковых единиц были посвящены выступления доктора филологических наук, профессора Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина Анатолия Леонидовича Шарандина, сделавшего акцент на особом аспекте грамматики – лексической грамматике, важной для описания грамматического строя современного русского языка; кандидата филологических наук, доцента Санкт-Петербургского государственного университета Ольги Игоревны Глазуновой, рассмотревшей в своём докладе различные подходы к классификации сложноподчинённых предложений в отечественном языкознании и пришедшей к выводу о необходимости пересмотра их традиционной классификации. Проблеме грамматики русского языка диаспоры в

ситуации языкового контакта был посвящён доклад доктора филологических наук, приват-доцента Потсдамского университета Владиславы Вардиц.

Работа секций симпозиума была не менее насыщенной и осуществлялась по 6 направлениям, наметившимся в ходе пленарных заседаний: «Грамматические процессы в русском языке с позиций взаимодействия синхронии и диахронии. Активные процессы в морфологии и синтаксисе современного русского языка», «Новые направления в русской грамматике: фонетическая грамматика, словообразовательная грамматика, позиционная грамматика, лексическая грамматика, морфосинтаксис», «Корпусная и корпусно-ориентированная грамматика русского языка», «Дискурсивные аспекты русской грамматики; грамматика текста», «Роль русской грамматики в процессе формирования первичной и вторичной языковой личности в процессе преподавания русского языка (РКР, РКН и РКИ и их взаимодействие)», «Русистика и актуальные вопросы медиалингвистики». Все участники и слушатели отмечали высокий уровень докладов, разнообразие и актуальность тем, новизну подходов к изучению русской грамматики и многообразие исследовательских векторов.

Участники симпозиума, А. Мустайоки и Е. В. Рахилина, приняли участие в записи программы на радио «Эхо Москвы-Ярославль», где беседовали с ведущим Марком Нуждиным о новых грамматиках. Значимым мероприятием симпозиума стала лекция А. Мустайоки «Причины и последствия коммуникативных неудач», которую известный лингвист прочитал студентам факультета русской филологии и культуры ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

В ходе работы Международного симпозиума были организованы два круглых стола. Один из них был посвящён проблемам и перспективам преподавания грамматики русского языка в школе и вузе. В рамках круглого стола активно обсуждались вопросы, связанные с рассмотрением возможностей обучения русскому языку без грамматики. Высказывались предположения преподавателей вузов о том, какая грамматика нужна в настоящее время, каковы должны быть механизмы описания современных грамматических явлений. Многие вопросы, обсуждение которых началось 17 мая в рамках круглого стола, продолжали находить отклики и ответы среди участников симпозиума в рамках практикоориентированной секции (18 мая), посвященной роли русской грамматики в процессе формирования первичной и вторичной языковой личности, в частности рассматривались различные подходы к мотивации нерусскоговорящих студентов учить русский язык; предлагались примеры интересных практических заданий, обсуждалась их эффективность; говорилось и об интерференции языков, об антропологической дидактике и когнитивной архитектонике языковой личности. Неподдельный интерес у участников симпозиума вызывали доклады о необходимости пересмотра некоторых правил русского языка, представленных в школьных учебниках.

Яркой точкой в работе симпозиума стал второй круглый стол, на котором были подведены итоги трехдневного научного мероприятия. Модераторы секций делились впечатлениями от услышанного и увиденного, выделяли яркие, интересные доклады и фиксировали «болевые точки», но самое главное – намечали перспективы. Симпозиум позволил по-новому осмыслить актуальные грамматические проблемы в связи с переходом от системоцентрического изучения русского языка к антропоцентрическому. В каком направлении двигаться дальше? Как, не попирая традиций, исследовать современный язык и речь? И может, уже самое время говорить не о языковой, а о коммуникативной личности? Или дискурсивной? Или когнитивной? И можно ли говорить о грамматике синтезированных (в терминологии В. Г. Костомарова, дисплейных) текстов? В результате обсуждений и обмена мнениями в рамках круглого стола были намечены направления работы следующего международного симпозиума по русской грамматике, который состоится в сентябре 2020 г. в Потсдаме (Германия), и выработана резолюция.

Прошедший в Ярославле Международный научный симпозиум «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи» – это значимый этап научного осмысления актуальных грамматических проблем в связи с переходом от системоцентрического изучения языка к антропоцентрическому: можно только приветствовать стремление оргкомитета обсудить развитие русской грамматики в контексте новых научных направлений, которые отразили этот переход к антропоцентрическому описанию языка. В результате удалось представить на пленарном заседании доклады, которые нацеливали на решение концептуальных проблем, значимых как в теоретическом, так и практическом отношении, а доклады на секционных заседаниях были наполне-

ны очень интересным исследовательским материалом, который свидетельствовал о необходимости его обобщения и включении в осмысление активных процессов в языке и речи. При этом ценно осознание синтеза знаний, полученных в результате многоаспектного описания русской грамматики.

Следует констатировать, что заявленная программа симпозиума была полностью выполнена, поскольку были обсуждены наиболее существенные и актуальные проблемы, происходящие в грамматике (фонетике, морфологии, синтаксисе, словообразовании) современного русского языка, и главные вопросы, связанные с созданием новой академической русской грамматики, а также намечены значимые перспективы.

Эстафету приняли члены оргкомитета V, юбилейного, международного научного симпозиума Петер Коста и Владислава Вардиц.

Научный дискурс невозможно представить без дискурса экскурсионного! Топ «место» приобретает особую значимость при организации научных мероприятий. Для участников симпозиума были организованы 2 обзорные экскурсии по городу (отдельно для утренней и вечерней сессии), а 19 мая – экскурсия в Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль» г. Ростов Великий, где гости посетили колокольный центр, большую звонницу, интерактивную экспозицию. А кроме того, познакомились с кириллическими книгами, редким фондом книг Ростовского музея и прогулялись по митрополичьему саду, попили чаю с «кремлевскими» пирогами и вареньем.

Уже по окончании работы симпозиума в адрес оргкомитета еще долго поступали благодарственные письма за безупречную организацию всех аспектов конференции. Многие участники проведенного научного мероприятия отмечали особую атмосферу, которая способствовала плодотворной и слаженной работе участников, обмену информацией и профессиональному общению на заседаниях секций и в перерывах между ними.

Ж. К. Гапонова, Е. М. Мельникова, Л. В. Ухова

Дата поступления статьи в редакцию: 26.05.2019
Дата принятия статьи к печати: 27.06.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акимова Анна Сергеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН». 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а. E-mail: imli21@mail.ru

Андреева Валерия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: lanfra87@mail.ru

Бабаян Владимир Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Баранова Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского языка и перевода ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова». 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а. E-mail: letterale@yandex.ru

Баташева Анна Александровна – аспирант факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: anna-pressa@mail.ru

Белов Вадим Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: Belov.vadim.a@gmail.com

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Бурак Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет». 191023, г. Санкт-Петербург, пер. Москательный, д. 4. E-mail: bertran4442000@yandex.ru

Бутько Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский гос педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: mishka2205@yandex.ru

Васильева Наталья Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии института лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: nmvasilieva@mail.ru

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: nataly@lsm.ru

Григорьева Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Дмитриенко Ольга Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры книгоиздания и книжной торговли ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна». 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18. E-mail: da_olga@mail.ru

Егоров Михаил Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Ерохина Татьяна Иосифовна – доктор культурологии, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Ярославский государственный театральный институт». 150000, г. Ярославль, ул. Депутатская, д. 15/43. E-mail: tatyaner@yandex.ru

Зурабова Лана Руслановна – аспирант кафедры германистики и лингводидактики института иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4. E-mail: ZurabovaLR@mgpu.ru

Ильинская Татьяна Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКВОУ ВО «Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулёва». 191123, г. Санкт-Петербург, ул. Захарьевская, д. 22. E-mail: tb-il3@yndex.ru

Карпий Сергей Викторович – старший преподаватель кафедры журналистики Донецкого национального университет а. 283001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24. E-mail: eskalive25@gmail.com

Костючук Лариса Яковлевна – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет». 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2. E-mail: anh57@yandex.ru

Куранова Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Лоза Анжела Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: angela.losa88@gmail.com

Николаева Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1. E-mail: nikolaeva.anastasia@smi.msu.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Осьмачко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГКОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: osmachko57@mail.ru

Перфилова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Петрова Екатерина Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет». 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42. E-mail: eipetrova@sfedu.ru

Реброва Наталия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Рыбинский государственный авиационный технический университет им. П. А. Соловьева». 152934, г. Рыбинск, ул. Пушкина, д. 53. E-mail: natasharebrova@rambler.ru

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Семенова Мария Андреевна – магистрант филологического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: marsemionova@gmail.com

Соловьева Светлана Игоревна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: madam.sv-solovieva@yandex.ru

Степанчиков Михаил Андреевич – старший преподаватель кафедры современного русского языка ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: mishastep.91@mail.ru

Сумарокова Полина Александровна – аспирант кафедры теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Sumarokova_PA@mail.ru

Трофимова Виолетта Стиговна – докторант института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9. E-mail: violet_trofimova@mail.ru

Федотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Цепкова Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, д. 28. E-mail: a_tsepkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akimova Anna Sergeevna – Candidate of Philological Sciences, a senior researcher of FSBIS «The Institute of World Literature named after A. M. Gorky of RAS». 121069, Moscow, Povarskaya Street, 25a. E-mail: imli21@mail.ru

Andreeva Valeriya Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Philology Department of FSBEI HE «Kostroma State University». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. E-mail: lanfra87@mail.ru

Babayan Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign and Russian Languages Department of FSCEI HE «Yaroslavl Higher Military College of Air Defense». 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue, 28. E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Baranova Elena Gennadievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of the French Language and Interpretation of FSBEI HE «Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolubov». 603155, Nizhny Novgorod, Minin Street, 31a. E-mail: letterale@yandex.ru

Batasheva Anna Aleksandrovna – a post-graduate student of the Faculty of Journalism of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: anna-pressa@mail.ru

Belov Vadim Alekseevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the German Philology and Intercultural Communication Department of FSBEI HE «Cherepovets State University». 162600, Chereppovets, Lunacharsky Avenue, 5. E-mail: Belov.vadim.a@gmail.com

Bogdanova Olga Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, a leading researcher of the Research Institute of Educational Regional Science of FSBEI HE «Herzen Russian State Pedagogical University». 191186, Saint-Petersburg, Embankment of the River Moika, 48. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Burak Mikhail Sergeevich – Candidate of Philological Sciences, a senior teacher of FSBEI HE «Saint-Petersburg State Economic University». 191023, Saint-Petersburg, Moskatelny Lane, 4. E-mail: bertran4442000@yandex.ru

Butko Yuliya Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Romance Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: mishka2205@yandex.ru

Vasilieva Nataliya Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Romance Philology Department of the Institute of Linguistics and Cross-Cultural Communication of SEI HE «Moscow State Regional University». 141014, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina Street, 24. E-mail: nmvasilieva@mail.ru

Gerasimenko Natalia Arkadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Modern Russian Language Department of SEI HE «Moscow State Regional University». 141014, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina Street, 24. E-mail: nataly@lsm.ru

Grigorieva Ekaterina Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Philology Department of FSBEI HE «Ivanovo State University». 153025, Ivanovo, Ermak Street, 39. E-mail: grigoryeva.ekaterina@mail.ru

Dmitrienko Olga Aleksandrovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Book Publishing and Book Trade Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design». 191186, Saint-Petersburg, Bolshaya Morskaya Street, 18. E-mail: da_olga@mail.ru

Egorov Milkail Yurievich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Erokhina Tatiyana Iosifovna – Doctor of Culturology, Professor, Vice-rector for education of FSBEI HE «Yaroslavl State Theatrical Institute». 150000, Yaroslavl, Deputatskaya Street, 15/43. E-mail: tatyaner@yandex.ru

Zurabova Lana Ruslanova – a post-graduate student of the Germanistics and Linguodidactics Department of the Institute of Foreign Languages of SAEI HE «Moscow City Pedagogical University.» 129226, Moscow, 2 Selskokhozyaistvenny Lane, 4. E-mail: ZurabovaLR@mgpu.ru

Iliinskaya Tatiyana Borisovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Foreign and Russian Language Department of the Military Institute (technical) of the Military Academy of Material and Technical Support named after Army General A. V. Khrulev». 191123, Saint-Petersburg, Zakharievskaya Street, 22. E-mail: tb-il3@yndex.ru

Karpiy Sergei Viktorovich – a senior teacher of the Journalism Department of Donetsk National University. 283001, Ukraine, Donetsk, Universitetskaya Street, 24. E-mail: eskalive25@gmail.com

Kostyuchuk Larisa Yakovlevna – Doctor of Philological Sciences, Professor of FSBEI HE «Pskov State University». 180000, Pskov, Lenin Square, 2. E-mail: anh57@yandex.ru

Kuranova Tatiyana Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Theory of Communication and Advertizing Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: kuranova.mk-28@mail.ru

Loza Anzhela Valerievna – Candidate of Philological Sciences, a senior teacher of the Theory of Language and German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: angela.losa88@gmail.com

Nikolaeva Anastasia Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Stylistics Department of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991 Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: nikolaeva.anastasia@smi.msu.ru

Novikov Mikhail Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Theory and Methods of Professional Education Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Osmachko Sergei Grigorievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of FSCEI HE «Yaroslavl Higher Military College of Air Defense». 150001, Yaroslavl, Moskovsky Avenue. E-mail: osmachko57@mail.ru

Perfilova Tatiyana Borisovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Petrova Ekaterina Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the German Philology Department of FSAEI HE «The Southern Federal University». 344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya Street, 105/42. E-mail: eipetrova@sfedu.ru

Rebrova Nataliya Evgenievna – a senior teacher of the Foreign Languages Department of FSBEI HE «Rybinsky State Aviation Technical University named after P. A. Soloviev». 152934, Rybinsk, Pushkin Street, 53. E-mail: natasharebrova@rambler.ru

Rozina Olga Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of SEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Moscow, Radio Street, 10-a. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Semenova Mariya Andreevna – a graduate of the Philological Faculty of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: marsemionova@gmail.com

Solovieva Svetlana Igorevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Romance Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: madam.sv-solovieva@yandex.ru

Stepanchikov Mikhail Andreevich – a senior teacher of the Modern Russian Language Department of SEI HE «Moscow State Regional University». 141014, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina Street, 24. E-mail: mishastep.91@mail.ru

Sumarokova Polina Aleksandrovna – a post-graduate student of the Theory of Language and German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: Sumarokova_PA@mail.ru

Trofimova Violetta Stigovna – Candidate for a doctor's degree of the Institute of Philosophy of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University». 199034, Saint-Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9. E-mail: violet_trofimova@mail.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, a leading researcher of Media and Mass Arts of the Sector of Entertaining Culture of FSBRI HE «The State Institute of Art Criticism». 125009, Moscow, Kozitsky Alley, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Tsepkova Anna Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the English Language Department of FSBEI HE «Novosibirsk State Pedagogical University». 630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya Street, 28. E-mail: a_tsepkova@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 33,5 п. л., 29,6 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 202. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.09.2019
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69